

ЛЕНИНИЗМ

и идейно-
политический
разгром
троцкизма

В. М. ИВАНОВ, А. Н. ШМЕЛЕВ

ЛЕНИНИЗМ

и идейно-
политический
разгром
троцкизма

ФБ СПбГУ

0000603725

Л Е Н И З Д А Т · 1 9 7 0

ВВЕДЕНИЕ

В документах, посвященных столетию со дня рождения Владимира Ильича Ленина, КПСС и братские партии еще раз обратили внимание коммунистов всех стран на важную отличительную особенность наших дней — предельное обострение идеологической борьбы между силами старого, капиталистического, и нового, социалистического, миров. «Империалистическая буржуазия, — говорится в Тезисах ЦК КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина», — удерживает власть над народами своих стран не только насилием, но и обманом. Она во все более широких масштабах прибегает к идеологическим средствам порабощения масс, обращается к «тотальной» идейной мобилизации всех реакционных сил под флагом антикоммунизма и антисоветизма»¹.

Потерпев поражение в попытках прямого военного уничтожения социализма и явно проигрывая экономическое соревнование с ним, империалисты в наши дни особые надежды возлагают на средства идеологического воздействия. Но это в подлинном смысле слова последняя ставка империалистической буржуазии, свидетельство того, как под натиском социализма она вынуждена принимать бой в явно невыгодных для нее условиях. Ведь идеология — это сфера, где буржуазия терпит поражение от сил социализма не 50 лет, как в области военной, не 40 лет, как в области экономической, а вот уже более 120 лет, с того момента, когда начал свое победоносное шествие творческий марксизм.

Главному идеологическому оружию марксистов-ленинцев — неколебимой уверенности в правоте своего дела, основанной

---

¹ К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС. Политгиздат, 1970, стр. 53.

на научных выводах о закономерностях исторического процесса — империалисты тщетно пытаются противопоставить финансовую, техническую и организационную силу современного буржуазного пропагандистского аппарата, многолетний опыт лжи, клеветы и других изощренных методов идеологического обманывания масс. В условиях государственного монополистического капитализма, для которого характерна гигантская концентрация финансовых и материально-технических средств в руках ничтожного эксплуататорского меньшинства, у последнего появилось неизмеримо больше возможностей для повседневной, чрезвычайно интенсивной и все более целенаправленной и планомерной идеологической обработки масс в глобальных масштабах.

Сегодня империалистическая пропаганда ищет путей, чтобы дойти буквально до каждого человека в капиталистических странах, усилить свое влияние на трудящихся стран социализма. На службу этому ставятся все современные научно-технические достижения в развитии средств связи и массовой информации. В настоящее время в мире ежедневно выходит 350 миллионов экземпляров газет, самую различную информацию несут почти 500 миллионов радиоприемников и более 400 миллионов телевизоров. Нетрудно представить время, когда ни один человек на земле не будет находиться вне сферы влияния этих мощных потоков идеологического воздействия на массы.

Империалисты тратят огромные средства на содержание и развитие своего пропагандистского аппарата. Расходы на идеологическую борьбу против социализма сегодня можно сравнить лишь с военными расходами империалистических правительств. И они стремительно возрастают с каждым годом.

Западногерманский профессор, специалист в области психологической войны против коммунизма, А. фон Шак, призывая к дальнейшему увеличению этих расходов, с циничной откровенностью писал, что для сегодняшней идеологической борьбы характерно «такое же положение, как на диком Западе... Не обязательно должно победить самое лучшее дело, может победить также более сильное, лучше организованное дело».

Главный удар в идеологической борьбе империалисты направляют против марксистско-ленинского учения, которое они всячески пытаются исказить и дискредитировать любыми средствами. Как писал американский «советолог» Р. Аллен,

«Советы обладают постоянно новым оружием, которое не нужно засекретивать, — коммунистической идеологией, и нам нужно сделать все, чтобы скомпрометировать ее»¹.

Важную роль в осуществлении этой задачи империалистическая пропаганда отводит различным ревизионистским, оппортунистическим концепциям, проповедники которых, хотя и выдают себя на словах за сторонников марксизма и социализма, на деле усердно помогают буржуазии дискредитировать и опознать пролетарскую идеологию. Неразрывную связь между происками прямых пропагандистов буржуазной идеологии и «новейшими» ревизионистскими и оппортунистическими концепциями лишний раз показали события в Чехословакии, которую империалисты и их агентура хотели сделать ареной «тихой» контрреволюции. Именно массивное идеологическое давление на ЧССР, организованное пропагандистскими и разведывательными аппаратами США, ФРГ и других капиталистических стран, создало благоприятную почву для оживления разного рода ревизионистских течений, в том числе и в известной части правящей коммунистической партии. А ревизионисты, поднявшие было голову в КПЧ, облегчили действия явных контрреволюционеров, готовивших возвращение ЧССР в лоно западной, т. е. буржуазной, «демократии».

Активную помощь империалистической пропаганде оказывает сегодня раскольническая деятельность маоистов и других так называемых «левых» ревизионистов, опознанных своей «теорией» и практикой творческий марксизм. Они клеветают на политику КПСС и братских коммунистических и рабочих партий, на словах подвергая их критике «слева», раскалывают единство международного коммунистического движения, своими авантюристическими действиями всячески дискредитируют идеи марксизма-ленинизма, за сторонников которого продолжают себя выдавать. Они усложняют положение защитников подлинного марксизма-ленинизма, вынуждая их вести борьбу на два фронта: не только против откровенных апологетов буржуазного строя, но и против людей, называющих себя противниками этого строя, а на деле способствующих его сохранению.

У советских людей, у последовательных коммунистов всего мира, у всех, кому дорог и близок творческий марксизм-лени-

¹ Марксизм-ленинизм — единое интернациональное учение. Вып. 1. Политиздат, 1968, стр. 337.

низм, нет сомнений в том, что в происходящей сейчас ожесточенной идеологической схватке победителем будет научный социализм. Ведь империалисты и их пособники не раз уже предпринимали бесплодные атаки на идеологию социализма. И всякий раз эти атаки заканчивались полным провалом их организаторов. Уроки истории свидетельствуют, что не было, нет и не может быть такой силы на земле, которая бы оказалась в состоянии лишить международное рабочее движение его главного оружия в борьбе за построение нового мира — теории марксизма-ленинизма.

«В нашу эпоху, когда международная классовая борьба достигла большой остроты, опасность правого и «левого» уклонов, национализма в коммунистическом движении стала более ощутимой, чем когда-либо ранее. Поэтому борьба против правого и «левого» оппортунизма и национализма не может вестись как кампания, рассчитанная лишь на какой-то определенный отрезок времени. Отпор оппортунизму всех видов был и остается неизблемым законом для всех марксистско-ленинских партий»¹.

Наша партия имеет богатейший опыт разоблачения джемарксистских и лжесоциалистических концепций. Этот опыт — достояние всего международного коммунистического движения, которое успешно использует его в борьбе против своего идеологического противника. Одна из драгоценных частей этого опыта — исторические уроки борьбы КПСС против троцкизма.

Более 40 лет прошло с тех пор, как наша партия вместе с другими братскими коммунистическими партиями осуществила идейный и организационный разгром псевдолевого, а по сути дела оппортунистического, антиленинского течения в рядах международного коммунистического движения — троцкистской оппозиции. События, связанные с трудной и длительной борьбой партии против троцкизма, казалось бы, давно стали достоянием прошлого. В нашей стране уже на протяжении десятилетий нет и не может быть социальной базы для возникновения каких-либо антиленинских течений. Успехи, одержанные Коммунистической партией под знаменем ленинизма, настолько очевидны, доверие, которое совет-

¹ Л. И. Брежнев. Дело Ленина живет и побеждает. Доклад на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР 21 апреля 1970 года, посвященном столетию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Политиздат, 1970, стр. 60.

ский народ питает к ленинской политике КПСС, настолько велико, социально-политическое и идейное единство советских людей настолько всеобъемлюще и нерушимо, что любые попытки империалистической буржуазии насадить в нашей стране чуждые творческому марксизму взгляды заранее обречены на провал. Нет реальной почвы для возрождения троцкизма и в других странах, идущих к социализму и коммунизму по ленинскому пути. Для народов, строящих социализм под руководством подлинных революционеров-ленинцев, слово «троцкизм» является синонимом самых резких выражений, которыми клеймят открытую измену делу революции, прямое отступничество от идей марксизма-ленинизма.

В большинстве стран, еще не вставших на путь социализма, троцкизм также не представляет в настоящее время какой-нибудь реальной политической силы. Правда, кое-где существуют и действуют сектантские группочки, и даже «партии», именующие себя троцкистскими. Но, во-первых, многие из них берут на свое идейное вооружение лишь звонкую псевдореволюционную троцкистскую фразеологию, оставаясь на самом деле кучками свободных от всякой теории мелкобуржуазных авантюристов левацкого, полуанархистского толка, каких немало было в революционном движении и до возникновения троцкизма. А во-вторых, те группки, которые в подлинном смысле слова являются троцкистскими (т. е. состоят из последовательных сторонников троцкистских концепций), также не пользуются даже незначительной массовой поддержкой не только со стороны пролетариата, но и со стороны мелкобуржуазных слоев. Там, где современным троцкистам удается добиться хотя бы самого минимального успеха (как это было, например, в 1968 году на президентских выборах во Франции, где троцкистский кандидат Кривин собрал 1% голосов избирателей), это происходит, как правило, не благодаря сохранению верности обветшалым догмам Троцкого, а вопреки им, ценой отказа современных троцкистских последышей от целого ряда теоретических и политических установок, составлявших суть троцкизма в прошлом.

Троцкисты давно уже разорвали связи с марксистско-ленинскими партиями, с массовым рабочим и национально-освободительным движением. В тщетных попытках удержать или завоевать новых сторонников они вынуждены «перманентно» приспосабливать свою идеологию к взглядам и настроениям, характерным для родственников по духу, но сохранивших еще какое-то влияние на массы мелкобуржуаз-

ных течений. В идейной беспринципности и неразборчивости в средствах — одно из наиболее ярких проявлений кризиса современного троцкизма, убедительное свидетельство того тупика, в который завела троцкистские группочки псевдо-марксистская, антиленинская «теория» Троцкого.

Трудящимся капиталистического мира троцкизм так же чужд, как и народам социалистических стран. История давно вынесла ему смертный приговор. И если слово «троцкизм» не исчезло еще из современного политического лексикона, если троцкистские группочки и их «международное» объединение «IV Интернационал» все еще существуют, все еще пытаются повернуть вспять колесо истории, то объясняется это отнюдь не живучестью идей Троцкого, а исключительно лишь тем, что империалистическая буржуазия и ее идеологические прислужники не жалеют сил и средств, чтобы гальванизировать полуразложившийся труп троцкизма, который они пытаются использовать как орудие дискредитации и ополчения творческого марксизма.

В наши дни происходит быстрый процесс революционирования широчайших народных масс, втягивающихся в борьбу против империализма и всевластия монополий. Во всем мире наблюдается рост левых, антикапиталистических настроений. Причем рост таких настроений характерен не только для передовой части рабочего класса, но и для так называемых «средних слоев»: мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно студенчества. Закономерность этого процесса установлена В. И. Лениным. Он неоднократно указывал, что не может быть «чистой» социальной революции пролетариата. «Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней — без такого участия не возможна массовая борьба, не возможна никакая революция...»¹

Логика борьбы против империализма заставляет левые элементы искать ответа на жизненные вопросы в теории научного коммунизма. Для того, чтобы любыми средствами отвлечь новые пополнения революционной армии от подлинного марксизма-ленинизма, буржуазия и пытается подсунуть им суррогат марксизма — троцкизм.

Буржуазные и ревизионистские историки, социологи, публицисты пытаются искусственно приподнять, выпятить личность Троцкого, приписать ему заслуги, которых он никогда не имел, представить его жертвой «антигуманного» комму-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 54.

низма. Они отпускают сомнительные комплименты по поводу теоретических и политических троцкистских установок, стараются выдать их за «подлинный» марксизм-ленинизм, который-де «наивен» и «оторван» от реальной действительности, но зато «свободен от прагматической ревизии», якобы осуществленной нашей партией после смерти В. И. Ленина.

Особые надежды империалистическая пропаганда возлагает на распространение троцкизма в среде молодежи, прежде всего студенчества. Молодое пополнение интеллигенции буржуазных стран плохо знакомо с историей борьбы коммунистических партий против троцкизма. Поэтому студентам с их молодым задором и нетерпением нередко импонирует показной радикализм троцкизма, его словесная «решительность», псевдореволюционная анархистская безудержность.

Идеология мелкобуржуазного революционаризма и такие ее крайние проявления, как троцкизм, давно уже перестали пугать буржуазию. Больше того, целый ряд троцкистских установок взят современной буржуазией на свое собственное идейное вооружение. В частности, буржуазными пропагандистами широко используются такие характерные для троцкизма приемы, как демагогическое заигрывание с молодежью, противопоставление молодых поколений более опытным, зрелым, обвинение рабочего класса развитых стран в буржуазном перерождении, требование ослабления дисциплины и централизма в рядах революционного авангарда, отвлечение трудящихся от повседневной борьбы за осуществление демократических требований и т. д. Интеграция «сверхреволюционного» троцкизма с современным капиталистическим обществом — лишнее свидетельство псевдореволюционности этой мелкобуржуазной концепции, не представляющей какой-либо реальной опасности для буржуазии.

Особенно старательно идейные противники коммунизма распространяют и популяризируют главное, что их привлекает в троцкизме, — злобную клевету на нашу партию, на Советское государство, на все международное коммунистическое движение. Схема, которой вот уже на протяжении нескольких десятков лет руководствуются борзописцы капитала, до примитивности проста: Троцкий, утверждают они, был «революционером» сторонником революции, поэтому всей той хуле, которую он возвел на ленинскую партию и Советский Союз, следует верить на сто процентов, — она якобы объективна.

Можно без преувеличения сказать, что из всех противников ленинизма, против которых нашей партии приходилось

боротся в годы строительства социализма, Троцкий и ныне остается самой популярной фигурой в буржуазной и ревизионистской литературе. Его труды издаются и переиздаются буржуазными издательствами большими тиражами. На них постоянно сбываются все те, кто фальсифицирует прошлое и настоящее нашей партии. Даже вполне уважаемые солидные буржуазные ученые, пытающиеся уверить читателя, что они-то уж стоят на позициях строгой научности и объективности, самым беззастенчивым образом со ссылками и без ссылок на источники заимствуют у Троцкого идеи, фальсифицированные факты, целые концепции.

О Троцком пишутся и публикуются книги, журнальные и газетные статьи. Ему посвящают свои передачи буржуазное радио и телевидение. Есть даже хорошо оплачиваемые и рекламируемые авторы, специализирующиеся на «изучении» и пропаганде троцкизма.

Затрачивая большие средства на пропаганду троцкизма, империалистическая буржуазия стремится использовать растленную троцкистскую идеологию для того, чтобы внести раскол и разложение в ряды революционного движения, посеять среди революционеров и демократов семена недоверия к Советскому Союзу, лагерю социализма и коммунистическим партиям, развенчать марксизм-ленинизм в глазах широких трудящихся масс капиталистических стран. Используя трудности, возникающие в процессе развития мирового революционного движения, империалисты и их идейные прислужники на каждом повороте истории вновь и вновь пытаются оживить троцкизм.

После XX съезда КПСС, на котором наша партия со всей решительностью сама подвергла критике культ личности, враждебная пропаганда развернула кампанию за реабилитацию Троцкого и троцкизма, надеясь таким путем дискредитировать всю ленинскую политику КПСС, которая неуклонно проводилась и под руководством И. В. Сталина. Ожесточенному нажиму империалистической пропаганды в эти годы поддались даже некоторые бывшие друзья СССР. Но международное коммунистическое движение в целом выдержало и отбило все атаки своих идейных противников. Хотя интерес к личности и взглядам Троцкого, искусственно подогреваемый на Западе, несомненно возрос, однако позиции троцкизма от этого прочнее не стали. Когда схлынула волна искусственно раздутых сенсаций, вызванных разоблачением культа личности, троцкисты по-прежнему остались на положении кучки

сектантов, на которых даже люди, стоящие в стороне от политики, привыкли смотреть отнюдь не как на героев, а как на крикунов, далеких от реальных революционных дел.

В 1960-е годы троцкисты, поощряемые империалистической пропагандой, вновь попытались поднять голову, воспользовавшись раскольнической позицией, занятой руководством КПК. Но даже Мао Цзэ-дун и его сторонники, чьи взгляды по существу мало чем отличаются от троцкистских, в тактических целях предпочитают оставлять без ответа призывы троцкистов к сотрудничеству, чтобы окончательно не дискредитировать себя в глазах своего собственного народа.

Так же бесславно закончилась и попытка империалистической пропаганды использовать для оживления троцкистских взглядов празднование 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Беззастенчиво искажая исторические факты, буржуазные историки и публицисты в своих писаниях, посвященных Октябрьской революции, тщетно пытались и пытаются изобразить Троцкого «героем» Октября, поставить его над В. И. Лениным, над Коммунистической партией. Трудящиеся массы не верят уже приехавшей на Западе троцкистской выдумке. В их сознании воедино слиты Октябрь и В. И. Ленин, Октябрь и Коммунистическая партия.

Полным провалом закончилась и попытка буржуазной пропаганды сделать троцкизм картой, на которую буржуазия хотела бы поставить в борьбе против ленинизма в юбилейном ленинском году.

Почему же, несмотря на то что троцкизм давно уже перестал быть серьезной угрозой для революционного движения большинства стран, события, связанные с историей его идейного и политического разгрома, до сих пор вызывают неослабный интерес у всех тех, кто стремится на основе уроков прошлого понять настоящее? Главная причина неослабевающей политической актуальности и научно-теоретической значимости изучения истории борьбы против троцкистской оппозиции заключается в том, что в ней нашли яркое отражение общие закономерности, присущие деятельности партии по организации отпора любым проявлениям чуждой пролетариату идеологии в рядах коммунистического движения, и прежде всего — мелкобуржуазному революционаризму, пытающемуся атаковать марксизм-ленинизм с «ультрареволюционных», «левых» позиций.

Можно без преувеличения сказать, что до середины 1960-х годов троцкизм оставался наиболее типичным выражением

идеологии мелкобуржуазного революционаризма, проникающей в коммунистическое движение. Он складывался и развивался на протяжении нескольких десятилетий, все больше приспособливая свою теорию и тактику к взглядам и настроениям различных непролетарских, полуанархистских, сектантских элементов, колеблющихся между пролетарским авангардом и явными оппортунистами. Троцкизм возвел в ранг теории наиболее характерную черту, присущую «левому» оппортунизму и авантюризму: показной радикализм, безудержную решительность на словах и неспособность к подлинно революционному действию на деле. И не случайно поэтому именно он длительное время был центром притяжения для разного рода отщепенцев, исключенных из компартий за правый и «левый» оппортунизм, которые находили в троцкизме «теоретическое» оправдание своей измены делу рабочего класса и переходу на позиции ярого антикоммунизма и антисоветизма.

Троцким впервые в широком масштабе был применен и новейший, широко используемый в наши дни прием ревизии ленинизма — путь скрытой подмены его худшими разновидностями оппортунизма. Этот лживый фарисейский прием необходим буржуазии потому, что популярность ленинизма во всем мире возрастает с каждым годом. И только паразитируя на росте этой популярности, буржуазия рассчитывает добиться успеха в своей борьбе за раскол и разложение рядов революционеров всех стран.

Имея в виду ревизионистов начала нашего века, также паразитировавших на росте авторитета марксизма, В. И. Ленин писал: «Где популярен среди рабочих марксизм, там это политическое течение... будет клясться и божиться именем Маркса. Запретить им этого нельзя, как нельзя торговой фирме запретить употребление любого ярлыка...»¹

В наши дни руководство КПК в своей раскольнической деятельности превзошло многое из того, что делали или только собирались делать троцкисты. Сегодня именно китайские раскольники выступают в роли крайней «лево»-оппортунистической группировки, ожесточенно атакующей творческий марксизм-ленинизм по всем направлениям. Именно на них, как в свое время на троцкистов, ориентируются теперь различные «ультрареволюционные» элементы, исключенные из компартий. Именно к великодержавным воззрениям Мао

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 176—177.

Цзе-дуна приспособливают свои «программные» установки ренегаты, прикрывающие свой отход от коммунизма всевозможными авантюристическими призывами, в том числе и троцкисты.

Идеология и политика Мао Цзе-дуна — это новая и наиболее опасная разновидность мелкобуржуазного революционаризма. Однако общность мелкобуржуазной природы маоизма и троцкизма приводит к тому, что первый берет на свое идейное вооружение все те же обветшалые антиленинские положения, которых придерживался в свое время и Троцкий. «Когда читаешь о «победе над империализмом путем развертывания гражданской войны в мировом масштабе», о «скачках», о «военизации труда» при переходе к социализму, о «буржуазном перерождении СССР» и т. п., нетрудно узнать троцкизм в самом неприкрытом виде»¹.

Причем раскольники из КПК нередко идут гораздо дальше троцкистов, как бы развивая троцкистские идеи и договаривая то, что не решался открыто провозгласить Троцкий, вынужденный в какой-то мере считаться с марксистскими традициями, характерными для европейского рабочего движения. И многое из того, что происходит сегодня в Китае, может служить наглядной иллюстрацией гибельности пути, на который толкали нашу партию и государство лидеры троцкистской оппозиции. Великая заслуга КПСС перед всем международным коммунистическим движением состоит в том, что она своевременно пресекла подрывную работу троцкистов и помогла братским партиям оградить себя от влияния этой опаснейшей разновидности мелкобуржуазной идеологии.

Идейное родство троцкизма и маоизма, представляющего в настоящее время наибольшую опасность для единства международного коммунистического движения, позволяет КПСС и всем марксистско-ленинским партиям широко использовать, разумеется с учетом изменившихся исторических условий и неизмеримо возросших масштабов борьбы, уроки идейно-политического разгрома троцкизма для разоблачения новоявленных раскольников из КПК.

Опыт идейно-политической борьбы коммунистов против троцкизма и других разновидностей правого и «левого» оппортунизма учит, что есть только одна действительно научная концепция социалистической революции — это ленинская

¹ Ф. М. Бурлацкий. Маоизм — угроза социализму в Китае. Политиздат, 1968, стр. 75.

концепция. Есть только одно учение, которым могут руководствоваться народы в борьбе за социализм, — это творческий марксизм-ленинизм. Есть только одна идеология, отвечающая нуждам и интересам всех трудящихся, — это пролетарская идеология.

И пока партия сохраняет верность марксизму-ленинизму, пока она во всех своих делах и свершениях исходит из высших интересов служения пролетариату, всем трудящимся классам, до тех пор ее позиция в борьбе с раскольниками и отщепенцами остается неуязвимой. К каким бы ухищрениям ни прибегали маоисты и другие проповедники мелкобуржуазного революционаризма, какими бы звонкими фразами ни маскировали они свой отход от марксизма-ленинизма, от идей пролетарского интернационализма, их полный идейно-политический крах неминуем.

Опыт, накопленный нашей и братскими партиями в борьбе против троцкистов, учит их несгибаемой верности и вместе с тем творческому отношению к марксизму-ленинизму, бдительности, политической принципиальности, непримиримости к любым проявлениям чуждой пролетариату идеологии, умению выявлять подлинную, оппортунистическую сущность теорий и течений, выступающих против марксизма-ленинизма под флагом «левизны», выдержке и терпению, способности к упорной и настойчивой борьбе за постепенное высвобождение из-под влияния псевдореволюционной фразеологии «левого» оппортунизма и авантюризма всех искренних и честных революционеров. Этот опыт показывает, что победа над мелкобуржуазным революционаризмом не может быть достигнута путем идейного компромисса под предлогом сохранения единства революционных сил. Такой компромисс способен лишь активизировать действия мелкобуржуазных авантюристов, так как они не только не заинтересованы в сохранении единства революционеров на основе марксизма-ленинизма, а, наоборот, стремятся к разрушению этого единства. Не может быть одержана победа в идейной борьбе без активных, наступательных действий, без применения всех возможных средств идейного воздействия на противника.

Наконец, уроки идейно-политического разгрома троцкизма побуждают неуклонно повышать сознательность и активность великой армии коммунистов, последовательно осуществлять ленинские нормы внутрипартийной жизни и взаимоотношений между отдельными братскими партиями, крепить их единство в национальном и интернациональном масштабах.

История борьбы нашей партии против троцкизма глубоко исследована целым рядом авторов. Только в последние годы появились специально посвященные этой проблеме статьи и брошюры И. И. Маслова, Н. В. Рубана, Ю. В. Воскресенского, Б. А. Абрамова, А. С. Велидова, А. Г. Титова, Л. С. Озерова, С. Л. Титаренко, В. Л. Игнатьева, А. А. Тимофеевского, В. И. Касьяненко, Н. П. Микешина, М. И. Басманова, Е. В. Примерова и других, сборник произведений В. И. Ленина и документов партии «Троцкизм — враг ленинизма» (Политиздат, 1968), монографии К. И. Варламова и Н. А. Сламихина «Разоблачение В. И. Лениным теории и тактики „левых коммунистов“» (изд-во «Мысль», 1964), К. Д. Шалагина «Борьба большевиков с троцкизмом. 1907—1914 гг.» (изд-во «Высшая школа», 1964), Б. И. Макарова «Критика троцкизма по вопросам строительства социализма в СССР» (изд-во «Мысль», 1965), В. М. Иванова «Из истории борьбы партии против «левого» оппортунизма» (Лениздат, 1965), А. Я. Вяткина «Разгром Коммунистической партией троцкизма и других антиленинских групп» (Изд-во ЛГУ, 1966), сборник статей «Из истории борьбы нашей партии против оппортунизма» (изд-во «Мысль», 1966), коллективная монография под редакцией К. И. Варламова и К. В. Гусева «Борьба В. И. Ленина против мелкобуржуазной революционности и авантюризма» (изд-во «Мысль», 1966), коллективная монография В. А. Гринько, Н. А. Митькина, Е. Ф. Сопина, С. С. Шаумяна «Борьба партии большевиков против троцкизма. 1903 — февраль 1917 г.» (изд-во «Мысль», 1968)¹, монография П. Бачинского, А. Бородина «Борьба Коммунистической партии Украины против троцкизма, за единство рядов партии» (Киев, 1968, на укр. языке), коллективные монографии под редакцией В. Л. Игнатьева «Борьба партии против троцкизма в послеоктябрьский период» (изд-во «Мысль», 1969) и под редакцией А. Н. Пономарева «Московские большевики в борьбе с правым и «левым» оппортунизмом» (изд-во «Московский рабочий», 1969). Глубокий анализ истории борьбы против троцкизма сделан также в ряде трудов, посвященных более широким темам, в том числе в многотомной «Истории КПСС», монографиях Ю. А. Красина «Ленин, революция, современность» (изд-во «Наука», 1967), Ю. В. Воскресенского «Переход Ком-

¹ Две последние работы представляют наибольший интерес для авторов настоящего исследования, поскольку в них наиболее последовательно и полно раскрыта роль В. И. Ленина и ленинской теории в борьбе против троцкизма.

мунистической партии к осуществлению политики социалистической индустриализации страны» (Изд-во МГУ, 1969), работе Б. М. Лейбзона «Мелкобуржуазный революционаризм» (Политиздат, 1967), докторской диссертации А. Г. Титова «Разгром оппортунизма в рядах КПСС в переходный период от капитализма к социализму» (защищена в 1966 г.) и других.

Во Франции в 1969 году вышла книга члена ЦК КП Франции Лео Фигера «Троцкизм — это антиленинизм».

Авторы настоящей работы исследовали главным образом идейно-политический аспект указанной темы. Цель книги — раскрыть на примере борьбы партии против троцкизма важную закономерность в развитии ленинизма: его боевой, наступательный дух, непримиримость к любым разновидностям чуждой пролетариату идеологии. Авторы стремятся показать, как партия в ходе борьбы против троцкистской оппозиции обеспечила защиту, творческое развитие и практическое осуществление идей ленинизма, к каким аргументам прибегала она для разоблачения антимарксистской сущности и научно-теоретической несостоятельности троцкизма, как дальнейший ход истории полностью подтвердил историческую правоту ленинизма.

Книга написана с использованием документов и материалов, в своем подавляющем большинстве мало известных современному читателю, так как они находятся в партийных и государственных архивах или опубликованы в газетах, журналах и других изданиях, давно уже ставших библиографической редкостью. Теоретическую основу книги составляют произведения классиков марксизма-ленинизма, и прежде всего В. И. Ленина, постановления и другие официальные документы руководящих органов партии и Коминтерна, статьи, брошюры и выступления многих видных деятелей КПСС и международного коммунистического движения, а также труды ряда крупных советских и зарубежных ученых-марксистов, специалистов в области истории КПСС и международного коммунистического движения, научного коммунизма и других общественных наук. Книга подготовлена Институтом истории партии Ленинградского обкома КПСС — филиалом Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Главы I, II, III, IV (разд. 1—3), V (разд. 1, 3), введение и заключение написаны В. М. Ивановым. Главы IV (разд. 4), V (разд. 2), VII — А. Н. Шмелевым, глава VI — В. М. Ивановым и А. Н. Шмелевым.

ДВЕ НЕПРИМИРИМЫЕ ИДЕОЛОГИИ

1. МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ — НАУЧНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ИДЕОЛОГИИ ПРОЛЕТАРИАТА

Учение Маркса—Энгельса явилось вершиной развития гуманистической общественной мысли за тысячелетия существования человечества. Главное в марксизме — научное обоснование идеи диктатуры пролетариата, руководящей роли рабочего класса, его партии и идеологии в социалистическом преобразовании общества.

Это выдающееся научное открытие стало возможным лишь в результате всемирно-исторических достижений науки, ускорившей свое развитие с началом нового времени в истории человечества. Творчески переосмыслив выводы немецкой классической философии XVIII века, английской буржуазной политической экономии и французского утопического социализма, которые стали теоретическими источниками марксизма, его великие основоположники строго научно, с математической точностью доказали, что в результате развития общественного производства и классовой борьбы пролетариата, неизбежно порождаемого и укрепляемого самим этим развитием, победа социализма наступит так же неотвратимо, как неотвратимо наступает день после ночи в результате вращения Земли вокруг своей оси, лето после зимы в результате движения Земли вокруг Солнца, зрелость после детства и юности в результате роста клеток человеческого организма и т. д.

Маркс и Энгельс, превратившие социализм из утопии в науку, опирались на уже имевшийся опыт классовой борьбы пролетариата. Пролетариат доказал, что его возникновение и рост действительно создали неотвратимую угрозу для последнего в истории эксплуататорского строя. Именно благодаря пролетариату марксизм не стал еще одним утопическим пророчеством о будущем обществе всеобщей справедливости,

а превратился в научную, реальную программу борьбы, призыв к практическим действиям во имя достижения великой цели.

В пролетариате Маркс и Энгельс увидели класс, в силу своего общественного положения не только больше всех заинтересованный в социализме, но и больше всех способный к успешной борьбе за его победу, причем к борьбе не в одиночку, а во главе всех угнетенных, выступающих против любого вида эксплуатации и принуждения. «Весь современный социализм, начиная с «Коммунистического манифеста», — указывал В. И. Ленин, — покоится на той несомненной истине, что единственным действительно революционным классом капиталистического общества является пролетариат. Остальные классы могут быть и бывают революционны лишь отчасти и лишь при известных условиях»¹.

Причем в отличие от остальных трудящихся классов именно пролетариат является самым бурнорастущим, постоянно развивающимся, вечно молодым классом. Чем выше уровень развития современного производства (а не развиваться оно не может хотя бы уже из-за быстрого роста населения Земли, предъявляющего все больший спрос на продукты сельского хозяйства и изделия промышленности), чем дальше продвинулся технический прогресс во всех его сферах, тем больше возрастает численность, сознательность, организованность рабочего класса, возрастает его роль в жизни общества.

В наши дни в связи с автоматизацией производства и другими успехами научно-технической революции, охватившей ведущие отрасли экономики, численный рост рабочего класса в ряде развитых стран относительно замедлился. Это было использовано буржуазными и мелкобуржуазными идеологами для того, чтобы заговорить о якобы начавшейся «депролетаризации» общества, о возрастании удельного веса и роли «среднего» класса, к которому якобы относится научно-техническая интеллигенция. В действительности же быстро растущая под влиянием научно-технической революции интеллигенция как была, так и остается лишь определенной прослойкой между классами, но не самостоятельным классом. Ее высшие слои при капитализме неразрывно связаны с монополистическим капиталом и буржуазным государством, а наиболее многочисленные низшие слои — рядовые ученые, инженеры, педагоги, врачи и т. д. — мало чем отличаются от

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 388.

квалифицированных рабочих и по своим заработкам, и по положению в обществе. Большая часть интеллигенции при капитализме вынуждена жить, продавая свою рабочую силу капиталистам. Она подвержена такой же нещадной эксплуатации, как и рабочие, так же испытывает постоянное чувство страха перед безработицей, изнуряет себя в погоне за куском хлеба, за материальными и духовными благами, необходимыми для жизни современного человека.

«В нашу эпоху, когда наука превращается в непосредственную производительную силу, — говорится в Основном документе, принятом московским международным Совещанием коммунистических и рабочих партий в июне 1969 года, — интеллигенция все более пополняет ряды работников наемного труда. Ее социальные интересы переплетаются с интересами рабочего класса, ее творческие устремления сталкиваются с интересами хозяев-монополистов, для которых прибыль превыше всего. Хотя имеется существенная разница в положении различных групп интеллигенции, все большая ее часть вступает в конфликт с монополиями и империалистической политикой правительств»¹.

Эти и другие реальные факты, характерные для процессов, происходящих в современном капиталистическом обществе, убедительно говорят, что ни о какой депролетаризации населения развитых в экономическом отношении стран не может быть и речи. Наоборот, действие открытого Марксом и Энгельсом закона неуклонного возрастания численности и роли рабочего класса в наши дни проявляется еще более отчетливо и определенно. Даже общественные группы, во времена Маркса очень далекие по своему положению от рабочего класса, в том числе интеллигенция, в век современной научно-технической революции все больше сближаются с ним, теряя остатки своего привилегированного положения в прошлом. Таким образом, социальная база пролетарской революции неуклонно расширяется.

«Сила пролетариата, — писал В. И. Ленин, — в любой капиталистической стране несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения. Это — потому, что пролетариат экономически господствует над центром и нервом всей хозяйственной системы капитализма, а также потому, что пролетариат, экономически и политически, выражает дей-

---

¹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Политиздат, 1969, стр. 308.

ствительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме»¹.

Полный провал терпят и злобные пророчества различных буржуазных, право- и особенно «лево»-оппортунистических противников марксизма, в том числе троцкистов, утверждающих, что рабочий класс развитых стран «обуржуазивается», теряет свою революционность, «интегрируется» в капиталистическом обществе. Ссылаясь на улучшение материального положения рабочих, эти идеологи пытаются доказать, что роль главной революционной силы в развитых капиталистических странах якобы перешла к деклассированным элементам (социальным аутсайдерам) или к интеллигенции, прежде всего к студенчеству, а в странах слаборазвитых — к мелкой буржуазии города и особенно деревни. Первая точка зрения нашла наиболее отчетливое выражение в трудах американского профессора философии и социологии Г. Маркузе, этого новоявленного пророка современного «левого» бунтарства, вторая — в «теориях» Мао Цзэ-дуна и Линь Бяо.

Марксизм-ленинизм давно уже доказал полную несостоятельность подобных же утверждений, с одной стороны, анархистов, а с другой, реформистов, видящих истоки революционности пролетариата исключительно в его тяжелом материальном положении. Марксисты-ленинцы не руководствовались и не руководствуются приписываемым им бунтарским принципом «чем хуже, тем лучше». Наоборот, они всегда стремились к тому, чтобы даже еще до победы пролетарской революции добиться максимально возможного в условиях капитализма улучшения жизни рабочих. Главный источник революционной силы пролетариата они всегда видели в его сознательности и организованности, а не в его нищете. И многочисленные факты действительности показывают, что революционная роль рабочего класса не уменьшается, а, наоборот, возрастает.

«Борьба трудящихся масс в странах капитала приобрела за последние годы такой размах, такую интенсивность, что можно с полным основанием сказать: там складывается новая политическая обстановка... Всюду буржуазия испытывает на себе нарастающие удары рабочего движения. Всюду активизируются и расширяют масштаб своей деятельности профсоюзы. ...Эти боевые выступления десятков миллионов пролетариев — лучший ответ на лживые выдумки противников ленинизма, утверждающих, будто рабочий класс капиталисти-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 23.

ческих стран «утратил» в наше время свой революционный дух»¹.

С особой отчетливостью эта роль проявляется в успехах мировой системы социализма, оказывающей решающее воздействие на развитие всех общественных процессов, происходящих в наши дни.

Мировая система социализма — социализм, реально существующий на одной трети земли, — главное завоевание международного рабочего класса. Принижая революционную активность пролетариата, правые и «левые» оппортунисты полностью порывают с марксизмом-ленинизмом при оценке исторической роли и места мировой системы социализма, отрицают, что именно страны социализма являются центром всего мирового революционного процесса. Троцкий еще в середине 1920-х годов выдвинул тезис о том, что будто бы центр мировой революции при задержке развития революционных процессов в развитых странах неизбежно переместится в слаборазвитые страны Востока. В этом отчетливо проявилось игнорирование Троцким роли и значения СССР — главного завоевания международного рабочего класса тех лет. В наши дни троцкистский тезис подхвачен и взят на вооружение маоистами. Вторя им, современные троцкисты утверждают: «Главный центр мировой революции переместился на время в колониальный мир»². Такое совпадение позиций маоистов и троцкистов не случайно: в основе его — отход от творческого марксизма — учения о решающей революционной роли рабочего класса.

Возникновение марксизма знаменовало собой всемирно-исторический поворот в развитии общественной мысли. В его лице родилась не просто новая научная теория, но и практическое руководство к действию, определившее реальный путь человечества к социализму. Все враги общественного прогресса объединились, чтобы лишить рабочий класс его надежного идеологического оружия. Но, несмотря на гонения и потоки лжи, низвергнутые на марксистов слугами капитала, марксистское учение более века назад начало свое стремительное победное шествие, с каждым годом усиливая преобразующее воздействие на ход мировой истории.

Сегодня, мысленно оглядываясь на путь, пройденный человечеством с момента возникновения марксизма, многие из

¹ Л. И. Брежнев. Дело Ленина живет и побеждает, стр. 53—54.

² За сплоченность международного коммунистического движения. Документы и материалы. М., 1964, стр. 241.

его буржуазных противников в растерянности задают вопрос: где та теория, которая могла бы объединить в борьбе против социализма хотя бы одни эксплуататорские классы? Где тот угодный буржуазии великий ум, влияние которого на судьбы людей с каждым годом становилось бы более неодолимым? Такую теорию, такой великий ум буржуазия ищет, не останавливаясь ни перед какими затратами, и никак не может найти. А тем временем ход истории неумолимо отнимает у существующих буржуазных теорий все новых сторонников, начинающих убеждаться в тщетности попыток остановить крушение капитализма.

И, наоборот, степень влияния марксистской теории, авторитет и величие ее основоположников неуклонно возрастают. 120 лет тому назад число марксистов измерялось единицами. У многих буржуазных или мелкобуржуазных «пророков» было тогда неизмеримо больше убежденных последователей и сторонников, чем у Маркса и Энгельса. А теперь лишь специалисты-историки могут вспомнить имена тех, кто в свое время свысока третировал Маркса и Энгельса. Имена же основоположников научного коммунизма, их учение известны сегодня каждому человеку на земле. Марксизм превратился в самое влиятельное из всех идеологических течений, существовавших в истории человечества! Его изучают, им руководствуются, по нему сверяют свою жизнь сотни миллионов людей на всех континентах. Под его знаменами идут коммунистические и рабочие партии, насчитывающие в своих рядах десятки миллионов членов. Марксизм стал общепризнанной государственной идеологией социалистических стран. Его растущее влияние испытывают на себе все другие народы.

Поразительной жизнеспособности марксизма оказались не в состоянии противостоять ни мощь буржуазного государственного и пропагандистского аппарата, ни баснословные богатства, принадлежащие буржуазии, ни сила инерции, удерживающая ум некоторой части людей в подчинении традиционным взглядам и представлениям. Объясняется это прежде всего тем, что марксизм неразрывно связан с классом, которому принадлежит будущее человечества, — пролетариатом. Научная теория, воплотившая в себе интересы и стремления рабочего класса, неодолима, как неодолим и сам класс, на службу которому она себя поставила.

С особой силой пролетарский характер марксизма раскрылся и раскрывается в наши дни, когда теоретическая деятельность В. И. Ленина, нашей партии, всего международного

коммунистического движения подняла его на высшую ступень — на этап ленинизма.

Ленинизм — это продолжение и развитие марксизма в новых исторических условиях современной эпохи, когда капитализм перерос в стадию империализма и когда начался процесс его революционного ниспровержения, переход человечества к социализму. В ленинизме воплотились блистательные успехи науки XX века. В нем нашли свое научное обобщение колоссальный опыт революционной борьбы пролетариата, всех угнетенных, накопленный после смерти Маркса и Энгельса, опыт победоносных социалистических и национально-освободительных революций в целом ряде стран, опыт успешного строительства социализма и коммунизма, опыт некапиталистического развития народов, все достижения человечества, ускорившего свой прогресс под влиянием идей Маркса и Энгельса. «Главное в ленинском подходе к общественным явлениям и процессам — органическое единство научной объективности и принципиальной оценки их с позиций рабочего класса»¹.

Наша партия выносила ленинизм, как свое любимое детище. Она дала новую жизнь марксизму в изменившихся исторических условиях, спасла его от опошления и искажения оппортунистами. В этом ее историческая заслуга перед международным революционным рабочим движением. «В ленинизме, обобщившем практику всего рабочего движения после Маркса и Энгельса, выработавшем новые формы пролетарской борьбы и организации, международный рабочий класс обрел могучее теоретическое оружие, всесторонне разработанную идеологию, программу революционных действий»².

На пороге XX века, когда происходил процесс складывания нашей партии и когда еще только рождался ленинизм, враги революции и рабочего класса прилагали отчаянные усилия, чтобы выхолостить марксизм, вытравить из него революционный дух, приспособить это смертоносное для всех эксплуататоров учение к интересам современного капиталистического общества, сделать его менее опасным для власть имущих. Те, кто претендовали на то, чтобы их считали столпами марксизма, и объявляли себя душеприказчиками и прямыми идейными наследниками Маркса и Энгельса, такие, как

---

¹ К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС, стр. 6.

² Там же, стр. 8.

К. Каутский и другие, — сдавали одну марксистскую позицию за другой под натиском ревизионизма, буржуазного течения, прикрывающего свою враждебную пролетариату сущность личиной псевдомарксизма и мнимой принадлежности к пролетарскому движению. Под напором ревизионизма постепенно сползала вправо, в объятия буржуазной идеологии, в то время крупнейшая и старейшая марксистская партия — СДПГ (социал-демократическая партия Германии). Волна оппортунизма почти полностью захлестнула европейское рабочее движение.

И лишь благодаря титаническим усилиям русских большевиков во главе с Лениным, поддержанных подлинными революционными марксистами всех стран, от марксизма была отведена смертельная опасность. Это бессмертное учение сохранило свой боевой, наступательный дух, обогатилось на основе нового опыта пролетарской борьбы. В развитии марксизма начался новый этап — этап ленинизма. Два этих слова — марксизм и ленинизм — стали неотделимы. В наши дни органически единое и вечно развивающееся учение марксизма немыслимо без того вклада, который внесли в него В. И. Ленин, наша партия, все коммунистическое движение.

«Сегодня мы с полным основанием говорим об учении Ленина теми же словами, какими он сам охарактеризовал марксизм: это учение всесильно потому, что верно, — заявили в Обращении «О 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина» участники международного Совещания коммунистических и рабочих партий. — Марксистско-ленинская теория, ее творческое применение в конкретных условиях позволяют выработать научные ответы на вопросы, встающие перед всеми отрядами мирового революционного движения, где бы они ни действовали»¹.

Превращенная благодаря действиям коммунистических и рабочих партий в могучую материальную силу, эта теория постоянно находится в самом центре современной идеологической борьбы. Буржуазия и ее агентура пытаются навязать пролетариату любые идеологические учения, лишь бы они отвлекали трудящихся от единственного реального пути к победе социализма, который указывает марксизм-ленинизм. Особую опасность представляют попытки противников творческого марксизма лишить марксистско-ленинскую теорию ее всеобщего, универсального характера, противопоставить ей

¹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий, стр. 332.

другие, якобы также имеющие право на существование «марксистские» концепции. Проповедь «множественности» марксизма (явная или скрытая), порождаемая гегемонистскими или националистическими устремлениями современных представителей правого и «левого» ревизионизма, всячески поощряется и поддерживается империалистической буржуазией, надеющейся таким образом лишить пролетарское движение его оружия — марксистско-ленинского идейного единства.

Излюбленный прием буржуазии и ее идеологических подголосков в борьбе за ослабление единства пролетариата — пространственное и временное расчленение марксизма. Современные правые и «левые» ревизионисты утверждают, что для каждой группы стран (или даже для отдельных стран) должны создаваться специфические интерпретации марксизма, непригодные к употреблению в других странах. Одной из таких интерпретаций, не имеющих всеобщего значения, они и пытаются изобразить ленинизм.

Ревизионисты не признают и исторического единства марксизма-ленинизма, неразрывности и преемственности этапов его развития. Повторяя лживые утверждения сторонников явных буржуазно-апологетических концепций, они противопоставляют, например, взгляды «зрелого Маркса» взглядам «молодого Маркса», мировоззрение Энгельса — мировоззрению Маркса, ленинизм — марксизму, современный этап в развитии марксизма-ленинизма — этапу, когда жил и работал В. И. Ленин, и т. д.

Подобных же воззрений, типичных для всех разновидностей оппортунизма, придерживался и Троцкий. Именно он одним из первых пытался объявить ленинизм национальной, чисто русской формой марксизма, применимой лишь в экономически недостаточно развитых странах. Именно Троцкий искусственно противопоставлял взгляды В. И. Ленина мировоззрению Маркса и Энгельса. Именно он, оказавшись в рядах большевистской партии, выдвинул лживый тезис о существовании «двух» якобы «несовместимых» ленинизмов: периода до начала первой мировой войны и периода первой мировой войны и Октябрьской революции. Троцкий же пытался всячески противопоставить ленинскому этапу в развитии марксизма всю теоретическую деятельность нашей партии после смерти В. И. Ленина, клеветнически обвинял ее в отходе от ленинизма.

Жизнь полностью опровергла лживые утверждения Троцкого так же, как она ежедневно опровергает аналогичные

утверждения современных правых и «левых» ревизионистов. Марксизм-ленинизм как был единым, целостным учением с момента своего возникновения, так и остается таковым в наши дни. Ленинизм — это не интерпретация марксизма, а сам марксизм, вечно живой, растущий, развивающийся. И какими бы новыми открытиями ни обогащалась сокровищница идей марксизма в дальнейшем, все эти открытия неразрывно будут связаны с именем В. И. Ленина.

Всеобщий, интернациональный характер ленинизма определяется следующими главными обстоятельствами.

Во-первых, международным значением революционного движения в России, его гигантским размахом, тем, что наша страна являлась узловым пунктом всех основных противоречий современной империалистической системы, а победоносная Великая Октябрьская социалистическая революция стала исходным рубежом современного всемирного революционного процесса. Во-вторых, многогранностью опыта Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР, применимостью этого опыта как в экономически развитых, так и в отсталых районах мира. В-третьих, неразрывной связью пролетарского движения в нашей стране и деятельности В. И. Ленина с борьбой западного пролетариата и национально-освободительной борьбой народов Востока, тем, что ленинизм стал обобщением опыта не только российского, но и всемирного рабочего, а также национально-освободительного движения. В-четвертых, органическим единством ленинского вклада в развитие марксизма и тех коренных положений теории, которые были разработаны Марксом и Энгельсом¹.

Все подлинные коммунисты всегда с негодованием отвергали и ныне продолжают отвергать клеветнические выдумки ревизионистов и откровенных противников марксизма о мнимой устарелости ленинизма, о его национальной ограниченности, «восточной» специфике, «крестьянской подоплеке» или, наоборот, пригодности лишь в более или менее развитых странах и т. д. На московском международном Советании коммунистических и рабочих партий 1969 года во весь голос было заявлено, что ленинизм является подлинно интернациональным, никогда не стареющим учением, которое развивается благодаря коллективным усилиям всех подлинных маркси-

¹ См.: Ленинизм и мировое революционное рабочее движение. Политиздат, 1969, стр. 36—37.

стов-ленинцев. Почти все участники Совещания решительно осудили и отвергли гегемонистские претензии маоистов, утверждающих, что «идеи» Мао Цзэ-дуна якобы положили начало новому, качественно отличному от всех предыдущих, этапу развития марксизма. Попытка раскольников подменить революционный марксизм-ленинизм мелкобуржуазным маоизмом терпит сокрушительное поражение. «Верность марксизму-ленинизму — великому интернациональному учению, — заявили представители 75 коммунистических и рабочих партий, — залог дальнейших успехов коммунистического движения»¹.

В. И. Ленин развил и дополнил марксизм во всех его составных частях. Но особенно велик его вклад в учение о пролетарской революции и диктатуре пролетариата — самое главное в марксизме. Если Маркс и Энгельс теоретически обосновали идею пролетарской революции, то В. И. Ленин, опираясь на научный анализ исторической обстановки и опыта классовой борьбы пролетариата, сделал вывод о том, что победоносное осуществление пролетарской революции и установление диктатуры пролетариата выдвинулись в качестве первоочередной практической задачи международного рабочего движения. Ленин определил и основные пути осуществления этой задачи.

Оппортунистические лидеры II Интернационала, извращая марксизм, призывали отложить дело свершения пролетарской революции до полного созревания в недрах капитализма всех мыслимых предпосылок социализма, таких, как высокий уровень развития экономики, культуры, высокая степень демократизации общественной жизни, превращение пролетариата в большинство населения, поддержка большинством избирателей программы пролетарской партии на выборах в парламент и т. д.

Отстаивая подлинный марксизм, В. И. Ленин научно доказал, что капитализм в целом уже созрел для замены его социализмом, что он вступил в последнюю, завершающую стадию своего развития — империализм, за которой со всей исторической неизбежностью следует только социализм, что человечество находится накануне коренного поворота в своей истории — победоносной социалистической революции. В. И. Ленин первый из марксистов установил, что в эпоху

---

¹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий, стр. 332.

империализма капитализм, раздираемый обострившимися до предела внутренними противоречиями, находится в состоянии старческой дряхлости, а пролетариат и все силы социализма, наоборот, неуклонно растут в количественном и качественном отношении. В этих условиях любой удар, наносимый по империализму, даже тогда, когда он и не преследует непосредственно социалистической цели, приближает час окончательной гибели капитализма и полного торжества мировой пролетарской революции. Под влиянием усиливающегося экономического и политического гнета, характерного для империализма, на борьбу против него поднимаются все новые и новые общественные группы, страдающие от этого гнета, в том числе нередко и те, которые в эпоху свободного предпринимательства были ревностными сторонниками капиталистического способа производства. Стремительно растет армия потенциальных политических союзников пролетариата. В результате силы рабочего класса увеличиваются настолько, что появляется возможность осуществить победоносную социалистическую революцию первоначально в одной, отдельно взятой стране, без одновременной победы пролетариата в остальных развитых странах.

Ленинская теория социалистической революции с исключительной полнотой отразила стремление пролетариата к быстрейшему, еще при жизни данного поколения, изменению существующего общественного строя, показала возросшую силу международного рабочего класса, его готовность нанести решающий удар по капиталу. Она вооружила международное рабочее движение ясной перспективой борьбы, воодушевила уверенностью в близости победы, развязала революционную энергию и инициативу пролетариата. Ленинизм поднял борьбу рабочего класса на более высокую ступень, поставив осуществление его исторической миссии — установление диктатуры пролетариата и построение социализма — в качестве практической задачи начавшейся уже исторической эпохи.

Всемирно-историческая заслуга В. И. Ленина, один из важных вкладов его в теоретическую сокровищницу марксизма состоит в том, что он выдвинул и научно обосновал идею о возможности установления диктатуры пролетариата в странах не только развитого капитализма, но и среднеразвитых в капиталистическом отношении, где рабочие составляют относительное меньшинство населения. Гарантию сохранения и укрепления пролетарской диктатуры в таких странах

В. И. Ленин видел в установлении прочного союза социалистического пролетариата с крестьянством и другими трудовыми элементами населения, также объективно заинтересованными в торжестве социализма. Ленинское учение о союзе рабочих с крестьянами и другими непролетарскими трудящимися классами и группами явилось новым словом в марксизме, блестящим развитием идеи Маркса и Энгельса о соединении пролетарской революции с крестьянской войной. Это учение носит всеобщий характер. Оно представляет одинаковую ценность для марксистов развитых, среднеразвитых и малоразвитых стран, открывая возможность вовлечения в борьбу за социализм под руководством рабочего класса и его марксистско-ленинских партий не только пролетарских, но и всех народных масс.

Особое значение ленинское учение о союзе пролетариата с непролетарскими трудящимися массами как источнике величайшей силы пролетарской революции приобретает в наши дни. Контрреволюционная буржуазия выработала более чем за столетие революционной борьбы с марксистским авангардом рабочего класса чрезвычайно гибкие и прочные формы своей организации, которые она во многих странах с успехом противопоставляет усилившейся также организованности пролетариата. Главная политическая сила буржуазии — это разветвленный аппарат современного империалистического государства, в изобилии располагающего самыми новейшими средствами руководства экономической, политической и культурной жизнью современного капиталистического общества, а также массового подавления и истребления сторонников революции.

Справиться с этой гигантски возросшей мощью буржуазного государства пролетариат в состоянии лишь в том случае, если он окажется способным объединить и направить удары по нему всех недовольных господством государственно-монополистического капитализма. А число этих недовольных непрерывно растет, так как крупнейшие империалистические монополии, срачивающиеся с государственным аппаратом, безжалостно толчут в погоне за наивысшей прибылью интересы не только пролетариев, но и самых широких средних слоев, включающих в себя сплошь и рядом даже представителей самой буржуазии.

Ленинское учение о союзе пролетариата с широчайшими народными массами отводит достойное место в едином фронте борьбы против всевластия монополий, фашистской реакции и

деспотизма всем социальным слоям, имеющим основание быть недовольными современными капиталистическими порядками. И этого мощного оружия преобразования современного мира хотели лишить революционное рабочее движение Троцкий и другие оппортунисты.

Торжество пролетарской революции в России в октябре 1917 года, всего лишь через 700 дней после того, как В. И. Ленин сформулировал свой теоретический вывод о возможности победы социализма первоначально в одной стране, показало удивительную жизненную силу ленинской теории и правильность основанной на ней практической революционной стратегии и тактики русских большевиков. Никогда еще за всю историю науки теоретическое предвидение не осуществлялось с такой удивительной быстротой и полнотой. Мировая пролетарская революция началась. Человечество вступило в новую историческую эпоху — эпоху гибели капитализма и утверждения социализма, революционного преобразования капиталистического общества в социалистическое. «Имя Ленина, — говорится в Обращении международного Совещания коммунистических и рабочих партий, — стало символом победы Великого Октября, крупнейших революционных изменений, которые в корне изменили социальный облик мира, ознаменовали поворот человечества к социализму и коммунизму»¹.

Великая Октябрьская социалистическая революция привела в действие десятки новых источников пополнения опыта революционной борьбы пролетариата. Это и гигантское распространение идей научного коммунизма на всех континентах, повсеместное возникновение компартий и стремительный рост их влияния. Это и образование мировой социалистической системы, превращение ее в решающий фактор истории. Это и успешное строительство социализма и коммунизма в СССР, а затем и в других социалистических странах, защита завоеваний революции. Это и соединение национально-освободительных и демократических движений с революционной борьбой пролетариата, вступление на некапиталистический путь развития ранее отсталых народов. Это и мирная политика социалистических стран, могучий размах движения сторонников мира, антивоенная, антиимпериалистическая борьба всех народов. Все эти и другие явления общественной жизни, возникшие под влиянием Великого Октября, послужили основой для дальней-

---

¹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий, стр. 331.

шего творческого развития марксизма-ленинизма, освещающего путь к еще более выдающимся победам международного рабочего класса, всех трудящихся и эксплуатируемых.

Благодаря марксизму-ленинизму рабочий класс уверенно идет во главе освободительной борьбы народов мира. Он уже обрел полную свободу на территории с населением, в несколько раз превышающим население всех развитых цивилизованных стран времен возникновения марксизма. Самым сильным, влиятельным классом, держащим в страхе буржуазию, он является и в целом ряде крупнейших государств, где еще сохраняется капиталистическое господство. Его будущее обеспечено также на остальной территории земли, где под влиянием роста современной экономики неуклонно происходит интенсивный процесс увеличения численности рабочего класса и повышения его роли в жизни общества. А ведь всего полвека назад буржуазия устами своего видного представителя Г. Форда пророчествовала о близости того времени, когда идеальный, с ее точки зрения, промышленный рабочий по своему интеллекту и положению в обществе превратится ни больше ни меньше, как в «обученную обезьяну». Даже страшная апокалиптическая утопия Джека Лондона, писавшего о полной деградации в недалеком будущем рабочего человека под «железной пятой» капитала, не казалась тогда лишеной основания фантазией.

Спас рабочий класс от такой перспективы, от полного интеллектуального вырождения и духовного подчинения буржуазии, придал ему новые, поистине неодолимые силы, сохранил и гигантски усилил его всемирно-историческую роль главного двигателя общественного прогресса революционный марксизм-ленинизм, который вооружил рабочих знанием законов общественного развития, указал им прямую дорогу к полному освобождению от власти капитала. И не случайно поэтому буржуазия всю свою классовую ненависть к пролетариату обращала и обращает в первую очередь против марксистско-ленинского учения — самого мощного оружия в руках рабочего класса, всех трудящихся, эксплуатируемых и угнетенных.

2. НЕПРИМИРИМОСТЬ К БУРЖУАЗНОЙ И МЕЛКОБУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ — ЗАКОН ЖИЗНИ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКИХ ПАРТИЙ

Идеи марксизма-ленинизма стали материальной силой благодаря деятельности коммунистических партий — самого

передового, наиболее сознательного, организованного, неразрывно связанного со всей трудящейся массой, сплоченного в национальном и интернациональном масштабах, боееспособного отряда международного рабочего движения. Именно партия рабочего класса разрабатывает научную теорию революционной борьбы пролетариата, развивает, двигает дальше марксистско-ленинское учение, защищает его чистоту и неприкосновенность от посягательств враждебной идеологии. Именно она осуществляет воспитание пролетариата в духе марксизма-ленинизма, помогает рабочим овладеть этой наукой — брать на свое вооружение ее выводы и методологию. Именно партия направляет рабочее движение к единой цели, придает ему сознательный, целенаправленный характер, организует его, соединяет с освободительной борьбой всех угнетенных, руководит пролетарским, а затем и общенародным социалистическим государством, осуществляющим строительство социализма и коммунизма. Стройное учение о пролетарской партии нового типа, основы которого заложили Маркс и Энгельс, разработал В. И. Ленин. Он же создал и первую такую партию — КПСС. Марксистско-ленинское учение о партии рабочего класса — один из важнейших разделов теории научного коммунизма, которым успешно руководствуется коммунистическое движение в борьбе за полную победу мировой пролетарской революции.

Главное в исторической миссии революционной пролетарской партии нового типа — внесение марксистско-ленинского сознания в рабочее движение, творческая разработка коренных положений научного коммунизма, защита марксизма-ленинизма от искажения и ополнения, организация масс трудящихся на борьбу за осуществление его принципов. Эту роль марксистско-ленинского авангарда не в состоянии выполнить ни одна из других пролетарских организаций.

В своей классической работе «Что делать?» В. И. Ленин показал, что «исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тредюнионистское»¹, т. е. понимание необходимости совместной борьбы за улучшение условий своей жизни, но без коренного изменения существующего общественного строя.

Социалистическое же сознание, ориентирующее пролетариат на установление своей диктатуры и построение социализма, является результатом развития науки. Оно опирается

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 30.

на сложные философские, исторические, экономические теории, разрабатываемые учеными, т. е. представителями наиболее образованных слоев населения — интеллигенции. До их уровня в условиях эксплуататорского общества могут подняться лишь единицы из числа самых развитых и способных рабочих.

Только революционная марксистская партия, овладевшая передовой теорией и включающая в себя передовую, наиболее сознательную часть пролетариата, а также интеллигенцию, посвятившую свою жизнь пролетарской революции, способна внести социалистическое сознание в массовое рабочее движение, практически соединить это движение с наукой о коммунизме. До тех же пор, пока сознание пролетариата не станет социалистическим, рабочее движение неизбежно испытывает на себе сильное влияние идеологии, господствующей в капиталистическом обществе, т. е. буржуазной идеологии во всех ее разновидностях. Идеологического вакуума нет и не может быть в современном классовом обществе. «Раз о самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть и речи, — писал В. И. Ленин, — то вопрос стоит только так: буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет (ибо никакой «третьей» идеологии не выработало человечество, да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии)»¹.

Итак, без внесения социалистического сознания извне, без систематической и упорной воспитательной работы марксистов-ленинцев в массах пролетариата рабочий класс неизбежно остается под идеологическим влиянием буржуазии, которая использует его для того, чтобы отвратить рабочих от пролетарской революции.

Причина такого, казалось бы, парадоксального явления (пролетариат, в силу своей классовой природы тяготеющий к социалистической идеологии, но без огромной воспитательной работы марксистской партии оказывающийся в идеологическом плену у буржуазии), разъяснял Ленин, состоит прежде всего в том, что «буржуазная идеология по происхождению своему гораздо старше, чем социалистическая, что она более всесторонне разработана, что она обладает неизмеримо большими средствами распространения»².

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 39—40.

² Там же, стр. 41.

В условиях эксплуататорского общества на ее стороне сила привычек и традиций. Ее питают низменные инстинкты, веками культивировавшиеся в человеке эксплуататорскими классами, весь установившийся уклад материальной и духовной жизни. Ее поддерживают экономическая и политическая мощь господствующего класса, освящение официальной наукой, религией и искусством, накопленный эксплуататорами многовековой опыт обмана масс, приспособления к их отсталым настроениям, лавирования, маскировки. Преобладание среди населения большинства стран непролетарских классов, особенно мелкой буржуазии, идеология которой до установления прочного союза с социалистическим пролетариатом остается в своей основе буржуазной, — все это также способствует живучести буржуазной идеологии. «Рабочий класс стихийно влечется к социализму, но наиболее распространенная (и постоянно воскрешаемая в самых разнообразных формах) буржуазная идеология тем не менее стихийно всего более навязывается рабочему»¹. Причем степень воздействия буржуазной идеологии на массы трудящихся намного превосходит силу экономического и политического влияния буржуазии.

Признание марксизмом-ленинизмом этих исторически сложившихся фактов объясняет ту исключительную непримиримость, с которой марксисты-ленинцы относятся к любым отклонениям от мировоззрения научного коммунизма в рядах революционного рабочего движения, справедливо рассматривая эти отклонения как прямую уступку идеологии буржуазии. «...Всякое умаление социалистической идеологии, всякое отстранение от нее, — писал В. И. Ленин, — означает тем самым усиление идеологии буржуазной»². Твердость в своих убеждениях, идейная стойкость и безграничная вера в правоту марксизма-ленинизма цементируют ряды рабочего класса и его коммунистического авангарда, позволяют успешно защищать высокие принципы марксистско-ленинской идеологии от нападков такого сильного, беспощадного, коварного и опытного врага, как империалистическая буржуазия.

Идейная непримиримость, решительное пресечение любых попыток идеологической капитуляции перед чуждыми проле-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 61.

² Там же, стр. 40.

тариату влияниями — это закон жизни марксистско-ленинских партий, основа их существования, неиссякаемый источник их силы и боеспособности.

Враги коммунизма называют это замечательное свойство марксистско-ленинского авангарда сектантской нетерпимостью ко всякому инакомыслию. Но подобная ложь нужна защитникам старого мира для того, чтобы оправдать свою даже не нетерпимость, а в подлинном смысле слова зоологическую ненависть к новому общественному строю и его идеологии. Стараясь лишить трудящихся сознания собственной силы и значимости, которое дает им марксистско-ленинское учение, они готовы пойти на любое преступление против человечества. Тюрьмы, пытки, массовые расстрелы, душегубки, напалм — все это отнюдь не исчерпывает изуверских способов и средств борьбы против идей марксизма-ленинизма, к которым прибегает империалистическая буржуазия.

Буржуазные газеты, радиостанции, агентства печати месяцами могут лить крокодиловы слезы по поводу предания суду в социалистических странах какого-либо отщепенца, изменившего народу и нарушившего законы социалистического государства. Но кто из представителей этих же буржуазных агентств, радиостанций, органов печати выразил хотя бы одним словом малейший протест, когда три-четыре года тому назад мир ужасали леденящие душу известия о красных от крови реках Индонезии, куда озверелые фанатики бросали в буквальном смысле слова растерзанные на куски тела сотен тысяч коммунистов, уничтоженных только за то, что они называли себя марксистами-ленинцами и верили в неизбежность победы социализма — самого справедливого общественного строя?

Чтобы не допустить новых, еще более страшных, чем индонезийская, трагедий, чтобы не дать империалистам возможности попытаться решить идеологический спор с коммунизмом ценой превращения нашей планеты в залитый кровью Вьетнам или Хиросиму, марксисты-ленинцы должны постоянно находиться во всеоружии, бдительно следить за всеми скрытыми и явными идеологическими диверсиями буржуазии, ни на минуту не оставлять своих боевых позиций на фронте борьбы против буржуазной идеологии, использующей любую слабость в лагере пролетарской революции для его идейного разоружения. «Принципиальность в этом вопросе, — говорил на московском Совещании коммунистических и рабо-

чих партий 1969 года Л. И. Брежнев, — всегда была важнейшим условием укрепления политических позиций партии, мобилизовывала, поднимала активность коммунистов в классовой борьбе»¹.

Идейная непримиримость — это своего рода броня, защищающая марксистско-ленинские партии от всех тех мерзостей, которые совершают империалисты ради сохранения и упрочения своего идеологического и политического господства над капиталистической частью мира. В обстановке непримиримой классовой борьбы, давно уже перешагнувшей национальные рамки и приобретшей интернациональный характер, идейная непримиримость остается надежным и испытанным оружием, благодаря которому подлинные марксисты-ленинцы добиваются неизмеримо больших успехов в борьбе за умы и сердца людей, чем империалистическая буржуазия с помощью самых новейших средств физического и морального подавления человека.

Сектантская же нетерпимость ничего общего не имеет с истинным, творческим марксизмом, сторонники которого всегда готовы вести убежденную и аргументированную полемику с защитниками любых, пользующихся поддержкой масс, политических, социальных, философских и иных концепций, лишь бы такой диалог не превращался в монолог антагонистической стороны, отнюдь не ищущей в споре истины, а исключительно добывающей лишь собственного самоутверждения любой ценой. Марксизм-ленинизм доказывает свою правоту не демагогией, не насилием и принуждением, а терпеливым убеждением, основанным на научном анализе обстановки, на неумолимой логике фактов, причем не только словами, но, прежде всего, делами. Практические же дела, направленные на строительство самого притягательного для всех, коммунистического общества, становятся возможными только в том случае, когда проявляется уважение к каждой разумной точке зрения, основанной на искренней заботе о торжестве идей научного коммунизма. Там же, где господствует сектантство, фанатическая нетерпимость ко всякому инакомыслию, приверженность к букве, а не духу марксизма, там нет места для творческой идеологии коммунизма, там возможны такие трагические для всех подлинных коммунистов события, как в Китае.

---

¹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий, стр. 67.

«Коммунисты, — указывается в Обращении «О 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина», — видят свою задачу в том, чтобы в борьбе против любых противников твердо отстаивать революционные принципы марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма, неуклонно претворять их в жизнь, обогащать их на основе современного опыта классовой борьбы и строительства социалистического общества. Коммунисты всегда будут верны творческому духу ленинизма»¹.

Идеологическая борьба за утверждение, защиту и распространение социалистического мировоззрения представляет собой, наряду с экономической и политической, одну из трех форм классовой борьбы пролетариата. Содержание этой борьбы при всех разнообразных оттенках участвующих в ней течений и направлений сводится в конечном счете к одному — к столкновению двух единственно реально существующих идеологий: буржуазной и пролетарской, отражающих непримиримую противоположность интересов буржуазии и пролетариата. Вследствие этого она отличается исключительной бескомпромиссностью. Какие-либо беспринципные «взаимные» уступки в идеологической области, к которым призывают многие современные буржуазные и ревизионистские идеологи, недопустимы, так как они неизбежно ведут к подмене марксизма-ленинизма буржуазной идеологией.

В ходе политической и экономической борьбы рабочий класс опирается на помощь своих многочисленных союзников из промежуточных непролетарских или полупролетарских слоев. В идеологической же борьбе защитникам творческого марксизма-ленинизма приходится рассчитывать главным образом лишь на собственные силы, потому что всякая половинчатость, непоследовательность в отстаивании подлинно социалистических взглядов, проявляющиеся даже у искренних, но не воспринявших пролетарского мировоззрения противников капитализма, способны привести лишь к усилению влияния буржуазной идеологии. Разумеется, это отнюдь не исключает того, что коммунисты стремятся к единству действий с ними в политической и экономической борьбе, а также в решении идеологических вопросов, по которым эти искренние противники капитализма переходят на позиции, совпадающие с выводами научного коммунизма.

¹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий, стр. 333.

Состоявшийся в 1966 году семинар представителей коммунистических и революционно-демократических партий в Канре, например, убедительно показал, что такие совместные идеологические действия марксистов-ленинцев и революционеров, не разделяющих еще целиком марксистских взглядов, но и не выступающих против них, не ослабляют позиций социализма в идеологии, а, наоборот, помогают идеологически изолировать буржуазию, высвободить из-под влияния буржуазных теорий людей, искренне заинтересованных в служении своему народу.

Для пролетариата характерно единство конечных целей, во имя которых он ведет свою борьбу, и средств достижения этих целей. Рабочие любой квалификации, специальности, национальной принадлежности могут добиться полного освобождения только при социализме. А путь к социализму лежит лишь через диктатуру пролетариата, через пролетарскую революцию. Поэтому и идеология, соответствующая насущным интересам и стремлениям различных отрядов рабочего класса, может выступать только в одной форме — в форме марксизма-ленинизма, научно обосновывающего идею диктатуры пролетариата и пролетарской революции.

Иное дело — буржуазная идеология, которая принадлежит классу, раздираемому непримиримыми внутренними противоречиями. Среди защитников капитализма есть сторонники политики империалистических захватов — и люди, считающие, что только мирная торговля способна упрочить международные позиции капитализма; идеологи фашизма, расизма — и либеральные демократы, выступающие за сохранение хотя бы видимости буржуазных свобод; авторы самых реакционных антирабочих законов — и буржуазные деятели, заигрывающие с рабочим движением; воротилы финансового капитала, владельцы монополий — и дельцы, отстаивающие остатки свободной конкуренции; оголтелые милитаристы, призывающие немедленно сбросить атомную бомбу на социалистические страны, — и трезвые политики, выступающие за расширение торговли с СССР; империалисты, угнетающие целые народы, — и буржуазные националисты, отстаивающие независимость и суверенитет своих стран. Все они выражают интересы тех или иных слоев буржуазии, все они боятся растущей мощи рабочего класса, все они являются апологетами капитализма. Но насколько различны их ближайшие цели, как непохожи друг на друга средства борьбы, к которым они прибегают в данный момент. Естественно, что и идеология

этих защитников капитализма проявляется в самых разнообразных формах.

Промежуточные классы и социальные прослойки также вырабатывают самые различные, иногда диаметрально противоположные взгляды, по существу буржуазные (так как до установления прочного союза с пролетариатом эти классы и прослойки всем своим прошлым и настоящим связаны с буржуазией), но по форме зачастую весьма отличающиеся от откровенных буржуазно-апологетических теорий.

Наконец, в отличие от марксистов-ленинцев, которые в борьбе за влияние на народные массы открыто говорят о своих подлинных взглядах и целях, буржуазия всячески их маскирует. Для того чтобы удержать в духовном подчинении трудящиеся классы, она вынуждена приспособлять свою идеологию, хотя бы на словах, к их нуждам и настроениям. Так появляются новые, специально предназначенные для обмана трудящихся разновидности буржуазной идеологии, возникновение которых еще больше усиливает идейный разбой, свойственный современному капиталистическому обществу.

Наши дни характеризуются не только резким обострением идеологической борьбы между капитализмом и социализмом, но и гигантским расширением ее фронта. С победой Октябрьской революции, рождением первого в мире социалистического государства и созданием мировой системы социализма ареной этой борьбы стали межгосударственные отношения, политика правящих партий, экономическая жизнь общества, наука, литература, искусство. Бойцами идеологического фронта на стороне коммунизма сегодня выступают и советские космонавты, штурмующие заоблачные выси, и рабочие-новаторы, укрепляющие экономическую и оборонную мощь лагеря социализма, и балерины Большого театра, прославляющие советское искусство, и спортсмены, с честью представляющие социалистическую страну на зарубежных стадионах, и воины, с оружием в руках защищающие рубежи социалистического лагеря от империалистических посягательств, и революционеры-подпольщики, рискующие жизнью ради торжества идей марксизма-ленинизма в своих странах, и сотни миллионов других людей, своими самоотверженными делами на всех континентах земли приближающих время полной победы коммунизма над капитализмом.

Наиболее важным и решающим направлением борьбы против буржуазной идеологии является защита теории и прак-

тики мирового коммунистического движения от антимарксистских влияний.

В. И. Ленин, опираясь на научный анализ общественных отношений, сделанный Марксом и Энгельсом, установил, что для развития рабочего движения в современную эпоху характерно наличие двух противоположных тенденций: революционной, создающей объективную основу для распространения марксизма в массах пролетариата, и оппортунистической, питающей различные антимарксистские концепции. В статье «Империализм и раскол социализма» Ленин подчеркивал: «В борьбе между этими двумя тенденциями неизбежно будет развертываться теперь история рабочего движения»¹.

Противоборствующие тенденции отражают в среде пролетариата антагонизм, который существует между рабочими и капиталистами, угнетенными и угнетателями, социалистической и буржуазной идеологиями. Это — самое общее объяснение причин появления внутри рабочего движения и пролетарских партий различных антимарксистских идеологических течений, оказывающих влияние на определенные слои пролетариата.

В. И. Ленин подробно проанализировал и механизм конкретного проявления этих общих причин (см., например, его статью «Разногласия в европейском рабочем движении»²). Он показал, что наряду с прямым проникновением в рабочее движение людей, чуждых пролетариату, находящихся в плену буржуазной идеологии, существует целый ряд факторов, объясняющих ее живучесть в среде пролетариата. Во-первых, это социальная неоднородность рабочего класса, наличие в нем значительного (особенно в развитых капиталистических странах) слоя так называемой «рабочей аристократии», по сути дела буржуазной части рабочего класса, объективно заинтересованной в сохранении капитализма. Во-вторых, это влияние на рабочий класс его естественных союзников — мелкой буржуазии и других промежуточных классов и социальных прослоек, выходцы из которых к тому же постоянно в массовом масштабе пополняют индустриальную армию труда. В-третьих, это изменения в тактике буржуазии, которая применяет самые различные методы подавления рабочего движения. Насилие, устрашение, физическое истребление вождей рабочего класса и его авангарда способны породить отчаяние

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 175.

² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 62—69.

среди недостаточно устойчивых и мало закаленных участников движения. Наоборот, методы «либерализма» — заигрывание с рабочим движением, частичные уступки ему — сплошь и рядом вызывают неоправданные надежды на возможность «договориться» с капиталистами, добиться от них новых уступок соглашательским, а не революционным путем. Наконец, нельзя забывать, что субъективные ошибки и заблуждения участников революционной борьбы при решении конкретных теоретических и практических вопросов, неумение сразу разобраться в сложном переплете явлений общественной жизни, субъективизм при оценке этих явлений, недостаточная теоретическая подготовка, отсутствие необходимого опыта у руководителей, даже отдельные отрицательные черты их характера и т. п. также могут служить причиной отхода от принципиальных позиций марксизма.

Естественно, что все эти вскрытые В. И. Лениным закономерности на разных исторических этапах и в разных странах проявляются по-разному. В российском рабочем движении незначительным было влияние «рабочей аристократии». Зато чрезвычайно сильное давление на пролетариат и его партию оказывали мелкобуржуазные элементы, численно преобладавшие в стране. Прямое воздействие на пролетарское движение буржуазии и ее идеологии также отличалось меньшей интенсивностью, чем в западноевропейских странах. Правящие классы России использовали менее гибкую тактику по отношению к рабочим, чем западноевропейская буржуазия. Наконец, во главе российского пролетариата стояли В. И. Ленин и ленинская партия, чья правильная политика явилась надежной гарантией от целого ряда ошибок и заблуждений, которые могли бы стать неизбежными из-за молодости движения.

Иным (по сравнению с Западной Европой) было и соотношение противоборствующих тенденций в российском рабочем движении. Благодаря руководящей роли ленинской партии в нем все отчетливее преобладала революционная, пролетарская тенденция. Великий Октябрь превратил ее в безраздельно господствующую, а с построением социалистического общества она стала единственной реально существующей тенденцией развития рабочего движения в Советской стране.

В наши дни важной причиной возникновения трудностей в международном коммунистическом движении, связанных с проникновением в него чуждых влияний, является усиление сопротивления буржуазии, вынужденной сдавать одну пози-

цию за другой под натиском социализма, всех революционных сил. «Для защиты своих позиций, — говорил на московском Совещании коммунистических и рабочих партий в 1969 году Л. И. Брежнев, — она стремится использовать все экономические и политические возможности государственно-монополистического капитализма. Антикоммунизм в капиталистических странах поднят на уровень государственной политики. Ставка на разложение коммунистического и всего революционного движения изнутри составляет теперь одно из важных направлений классовой стратегии империализма»¹.

Другая важная причина этих трудностей — ускорившийся процесс втягивания в революционное движение новых миллионов людей, принадлежащих к различным социальным группам.

«Многие из них, — говорил Л. И. Брежнев, — приходят в политику с большим зарядом революционной энергии, но вместе с тем и с довольно неопределенными представлениями о путях решения волнующих их проблем. Отсюда происходят их колебания — от бурных политических взрывов до политической пассивности, от реформистских иллюзий к анархистскому нетерпению»².

Наконец, третья важная причина трудностей, тормозящих укрепление единства революционного движения, — субъективные ошибки некоторых деятелей, в ряде случаев приведшие к явной измене марксизму-ленинизму.

Проникая в рабочее движение, буржуазная и мелкобуржуазная идеология порождает в нем два антимарксистских направления, выдающих себя за подлинно пролетарские, — правый оппортунизм, т. е. соглашательство, прямое капитулянтство перед буржуазией, и «левый» оппортунизм, или «левый» авантюризм, т. е. мелкобуржуазный революционаризм, крайнюю революционность на словах и пассивность, неспособность к подлинным революционным действиям на деле. «Оба эти отступления от господствующей в рабочем движении марксистской теории и марксистской тактики, — указывал В. И. Ленин, — наблюдаются в различных формах и с различными оттенками во всех цивилизованных странах на протяжении более чем полувековой истории массового рабочего движения»³.

¹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий, стр. 66.

² Там же.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 62.

«При всем отличии друг от друга отклонения от марксизма-ленинизма вправо или «влево», — говорится в выступлении Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на международном Советании коммунистических и рабочих партий 1969 года, — ведут в конечном счете к одинаково вредным последствиям: ослабляют боеспособность коммунистических партий, подрывают революционные позиции рабочего класса и единство антиимпериалистических сил»¹.

В «Детской болезни «левизны» в коммунизме», книге, ставшей учебником для всех компартий, В. И. Ленин так характеризует двух основных врагов творческого марксизма в рабочем движении. Это, во-первых, оппортунизм, подчиняющий борьбу пролетариата интересам буржуазии. Он, по выражению Ленина, естественно, главный враг большевизма внутри рабочего движения. «Этот враг и остается главным в международном масштабе»². Представителями правого оппортунизма в рабочем движении являются лидеры правых социал-демократов, вожди «желтых» профсоюзов. В наши дни на позициях правого оппортунизма оказались также некоторые деятели, именовавшие себя коммунистами, а на деле выступающие в роли проповедников буржуазных взглядов и концепций (Р. Гароди во Франции, Э. Фишер и Ф. Марек в Австрии и т. д.). Во-вторых, это революционность «взбесившегося» от ужасов капитализма мелкого буржуа, который, испытывая при капитализме постоянное угнетение и очень часто невероятно резкое и быстрое ухудшение условий жизни, легко переходит к крайней революционности, граничащей с политическим авантюризмом, но не способен проявить выдержки, организованности, дисциплины, стойкости. «Неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже в «бешеное» увлечение тем или иным буржуазным «модным» течением, — все это общеизвестно»³. Типичными представителями мелкобуржуазного революционаризма являются анархисты и им подобные «леваки». В наши дни мелкобуржуазный революционаризм пышным цветом расцвел в компартии Китая, поставив под угрозу завоевания китайской народной революции. В точном соответствии с ленинской характеристикой современный мелкобуржуазный революционаризм сочетает в

¹ Международное Советание коммунистических и рабочих партий, стр. 67.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 14.

³ Там же.

себе призыв к самым «сверхреволюционным» авантюрам на словах и в то же время на деле — покорность, апатию, стремление к беспринципным соглашениям с империалистическими державами.

В области политической стратегии и тактики пролетариата выражениями «левого» и правого оппортунизма являются реформизм, сектантство, «ультрареволюционный» экстремизм и тому подобные антимарксистские извращения. В области теории — «левый» и правый ревизионизм, а также крайние формы догматизма, субъективизма и других противоположных марксистско-ленинской диалектике концепций.

Как показали последние события в КПК и некоторых других коммунистических и рабочих партиях, особую опасность для дела революционной борьбы пролетариата представляет «левый» и правый ревизионизм. «Ревизионизм в теории, — говорится в выступлении Л. И. Брежнева на международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 года в Москве, — прокладывает путь оппортунистической практике, которая наносит прямой вред антиимпериалистической борьбе. Ведь ревизионизм — это отступление от пролетарских классовых позиций, это подмена марксизма-ленинизма разного рода буржуазными и мелкобуржуазными концепциями старого и модернистского типа»¹.

Как отмечалось в выступлении Л. И. Брежнева, признаком «левого» и правого оппортунизма «нередко являются уступки национализму, а иногда и прямой переход на националистические позиции»². На эту связь указывал еще В. И. Ленин. Он писал: «Идейно-политическое родство, связь, даже тождество оппортунизма и социал-национализма не подлежит никакому сомнению»³. Борьба против любых проявлений национализма — важнейшая задача коммунистических партий.

Выражая по сути дела одно и то же — влияние буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, — правый оппортунизм и «левый» авантюризм, выступающие нередко внешне в крайне противоположных формах, в жизни тесно переплетены между собой, дополняют друг друга, являются как бы двумя сторонами одной медали. Решительное разоблачение этих злостных врагов творческого марксизма и составляет реальное содержание непримиримой борьбы на два фронта, кото-

¹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий, стр. 66—67.

² Там же, стр. 67.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 151.

рую ведет марксистско-ленинский авангард рабочего класса, добиваясь полного утверждения пролетарской социалистической идеологии во всем рабочем и революционном движении.

На заре XX века В. И. Ленин в своей работе «Что делать?» указывал на стихийный характер возникновения тред-юнионистского, т. е. буржуазного, сознания в рабочей среде. В наши дни решающее значение приобрел процесс сознательного, целенаправленного внедрения буржуазией своей идеологии в пролетарское движение. Деятели буржуазной науки, искусства, радио, печати, телевидения, религии, лидеры реформистских партий, прочие буржуазные политики, многочисленные чиновники, занятые в государственном аппарате, служащие монополий, профбюрократы и прочие слуги капитала — все они ведут планомерную, хорошо оплачиваемую работу по идеологическому воспитанию миллионов трудящихся в угодном буржуазии духе.

Проникая в среду пролетариата извне или стихийно рождаясь в ней, буржуазная и мелкобуржуазная идеология находит там и определенную питательную среду для своего роста и распространения. Активным проводником буржуазной идеологии в рабочем движении является наиболее высокооплачиваемая, привилегированная часть пролетариата, «рабочая аристократия», которую Маркс, Энгельс и Ленин называли буржуазной прослойкой рабочего класса. Буржуазия потому делится частью своей прибыли с рабочей аристократией, что представители последней сплошь и рядом выступают как верные приказчики капиталистов, помогающие держать в подчинении хозяевам массы пролетариата. Взгляды и настроения, характерные для «рабочей аристократии», питают, как правило, самые откровенные формы правого оппортунизма.

Низшие, наименее оплачиваемые слои рабочего класса, которые рекрутируются из числа разоряющихся мелких собственников и других непролетарских элементов, создают почву для распространения в рабочем движении разного рода мелкобуржуазных концепций, и прежде всего настроений мелкобуржуазного «революционного» нетерпения, «левого» авантюризма. Буржуазия всячески насаждает и поощряет подобные настроения, стараясь во что бы то ни стало ослабить единство рабочего класса и его авангарда.

К пролетарскому движению постоянно присоединяются представители средних слоев, интеллигенции. Некоторые из них, не сумевшие овладеть марксистской идеологией, также становятся проводниками чуждых влияний в рабочем классе.

Буржуазия всячески поощряет участие людей, зараженных антикоммунистическими взглядами, в рабочем движении, предоставляет им хорошо оплачиваемые посты в своем административном и пропагандистском аппарате, помогает внедряться в пролетарские организации.

Целенаправленным идеологическим воздействием буржуазии на пролетарское движение объясняется и сохранение гносеологических корней, питающих различные проявления оппортунизма и мелкобуржуазного авантюризма. Материалистической диалектике — теории познания рабочего класса — буржуазия сознательно противопоставляет релятивизм, лежащий в основе прагматического мировоззрения правого оппортунизма, метафизику и схоластику, рождающие догматизм «левых» авантюристов.

Наконец, буржуазия ловко использует для насаждения своей идеологии в рабочем движении и существующие в ряде стран исторические корни правого оппортунизма или мелкобуржуазного революционаризма. Она всячески поощряет и пропагандирует антикоммунистические, антимарксистские традиции, характерные для отдельных представителей пролетарского движения. И в то же время все делает для того, чтобы вытравить из сознания новых поколений память о славных, действительно революционных традициях пролетарской борьбы, сознательно искажает историю, спекулирует на ошибках, допускаясь революционерами в прошлом, возвеличивает и популяризирует «достижения» современного капитализма.

Неуклонно возрастающее идеологическое давление империалистической буржуазии на рабочий класс, на социалистический лагерь, ее усиливающиеся попытки путем прямого или косвенного воздействия насадить и упрочить в революционном движении разного рода антимарксистские течения и группы заставляют коммунистические партии постоянно усиливать идейную непримиримость в борьбе за чистоту пролетарской идеологии. Коммунисты должны отвечать сокрушительными ударами на любую попытку подорвать целостность марксизма-ленинизма, подменить его отдельные положения теориями и концепциями, взятыми из идеологического арсенала буржуазии. Исторический опыт показывает, что идеологическая борьба за чистоту и целостность марксистско-ленинского учения давно уже приобрела отчетливо выраженный характер прямого столкновения двух противоположных классов: буржуазии и пролетариата. И если в наши дни после

целого ряда сокрушительных поражений оппортунизм и мелкобуржуазный революционаризм вновь и вновь предпринимают ожесточенные, в подлинном смысле слова глобальные атаки на творческий марксизм-ленинизм, то это объясняется исключительно лишь тем, что буржуазия сознательно использует этих злейших противников творческого марксизма в качестве своего важнейшего оружия и не жалеет средств, чтобы продлить их существование. Наносить уничтожающие удары по любым проявлениям правого и «левого» оппортунизма — важнейшая задача всех подлинных марксистов-ленинцев в борьбе за полное торжество идей научного коммунизма.

3. МЕЛКОБУРЖУАЗНАЯ ПРИРОДА ТРОЦКИЗМА

С самого момента своего возникновения троцкизм был типичным проявлением мелкобуржуазной революционности, «левого» авантюризма в рабочем движении. Но в основе его теоретической концепции лежали также и явно оппортунистические взгляды, заимствованные у русских меньшевиков и западноевропейских правых социал-демократов. Теория и практика троцкизма — это оппортунизм, но оппортунизм, рожденный не прямым соглашательством с буржуазией и явным капитулянтством перед ней, а мелкобуржуазной революционностью (то самое увлечение модными буржуазными теориями, о котором писал В. И. Ленин, характеризуя мелкобуржуазный революционаризм в «Детской болезни «левизны» в коммунизме») и потому прикрытый маской псевдореволюционной фразеологии и показной «левизны». Троцкизм — это оппортунизм на деле, революционность на словах, это — «левый» оппортунизм.

Возникновение троцкизма связано с именем Л. Д. Троцкого (Бронштейна), профессионального журналиста, выходца из мелкобуржуазной среды юга России. Вступив в революционное движение в самом конце 90-х годов прошлого века, когда уже начался ленинский этап развития марксизма, он был очень далек от пролетарской идеологии, являлся открытым сторонником либерально-народнических концепций, тех самых, которые были разгромлены В. И. Лениным и другими русскими марксистами.

В районах, где происходило формирование мировоззрения Троцкого, пролетарское движение еще только делало первые шаги. Среди местного населения преобладала разноплемен-

ная торговая и ремесленническая мелкобуржуазная масса, представители которой задавали тон и в революционном движении. Находясь под влиянием последних, Троцкий с самого начала своей политической деятельности выступил против марксизма. По мере своих сил и возможностей он мешал его распространению в революционном движении юга России (Херсон, Николаев, Одесса). «Я считал себя противником Маркса, книг которого, правда, не читал»¹, — писал впоследствии сам Троцкий.

Как член «Южно-русского рабочего союза», созданного в Николаеве, Троцкий примкнул тогда к рабочему движению. Но по своим убеждениям он по-прежнему оставался противником революционного марксизма. По сути дела он находился на позициях экономизма — оппортунистического течения, против которого вел непримиримую борьбу В. И. Ленин. Не был последовательно марксистским и сам «Южно-русский рабочий союз», к которому примыкал Троцкий. Не случайно поэтому социал-демократическая группа в Николаеве, так же как и одесская, с которой были тесно связаны николаевские социал-демократы, не была допущена к участию в I съезде партии, как не вполне устойчивая и недостаточно конспиративная².

Но и в этих полуэкономистских организациях Троцкий оказался на самом правом фланге. На собрании в Одессе он даже выступил против того, чтобы сосредоточить силы местных марксистов на работе среди фабрично-заводских рабочих, настаивая на том, чтобы вести её прежде всего среди ремесленников, т. е. по существу мелкобуржуазных элементов³. Уже тогда отчетливо проявилось пренебрежительное отношение Троцкого к русскому рабочему классу, неверие в его творческие силы.

В январе 1898 года «Южно-русский рабочий союз» — плохо законспирированная кустарническая организация, не обладавшая четко выраженной программой, — был разгромлен полицией. В 1902 году Троцкий, арестованный, а затем сосланный в Сибирь, бежал за границу. Там он примкнул к правому, антиленинскому крылу искровцев и с тех пор вел непрерывную борьбу против В. И. Ленина и ленинской партии.

¹ См.: В. И. Невский. Южно-русский рабочий союз. М., ГИЗ, 1922. стр. 90.

² См.: История КПСС, т. 1. Политиздат, 1967, стр. 260.

³ См.: В. И. Невский. Очерки по истории РКП(б), т. 1. Л., 1925. стр. 520.

Трудно найти в истории российского революционного движения еще одного человека, который, подобно Троцкому, так заботился бы о популяризации собственной биографии. В многочисленных писаниях самого Троцкого подробно освещены самые незначительные эпизоды его жизни. Естественно, что много внимания он уделяет и объяснению своего запоздалого (да и к тому же еще чисто формального) «признания» марксизма.

Нет нужды говорить, что для характеристики человека, искренне воспринявшего марксистскую идеологию, не имеет принципиального значения выяснение той конкретной первопричины, которая побудила его встать на путь марксизма. Но для обнажения корней отхода от марксизма, измены ему, что стало отличительной чертой всей политической деятельности Троцкого, такое выяснение представляет, несомненно, определенный интерес.

По словам самого Троцкого, он, не читая произведений Маркса и Энгельса и будучи, кстати говоря, всего лишь учеником старшего класса реального училища, самостоятельно пришел якобы к тем же выводам, которые до него сделали на основе глубокого изучения науки и обобщения опыта революционной борьбы пролетариата основоположники научного коммунизма. Только оказавшись в тюрьме, он впервые прочитал несколько работ Маркса и Энгельса и самонадеянно решил, что их авторы не сообщают ничего, с его точки зрения, нового. Кроме того, познакомившись с биографиями Маркса и Энгельса, Троцкий вообразил, что его собственные жизнь, характер, темперамент и т. д. также во многом «совпадали» с тем, что он вычитал в книгах об основоположниках научного коммунизма. Считая, что в свои 18—19 лет он уже почти не «уступает» ни Марксу, ни Энгельсу, Троцкий счел возможным признать свои взгляды «марксистскими», чтобы быстрее сделать карьеру на том поприще, на котором, как ему казалось, его ждала наиболее скорая и громкая известность.

Чисто личные мотивы заставили Троцкого стать и на путь революционной борьбы. В двухтомной автобиографии «Моя жизнь», изданной за границей в начале 1930-х годов, он писал, что отец, состоятельный земельный арендатор-колонист из Херсонской губернии, много бил его в детстве и тем самым пробудил в душе молодого человека чувство протеста против насилия. Определенную роль, несомненно, сыграло и то, что в условиях царской России честолюбивый еврейский юноша не мог свободно выбирать сферы приложения своих способно-

стей, и карьера революционера представлялась ему единственно возможной дорогой к известности на политическом поприще, к чему так настойчиво стремился Троцкий.

Стремление использовать участие в революционном движении только для удовлетворения своих личных честолюбивых претензий — яркое проявление мелкобуржуазной, индивидуалистической психологии Троцкого. На эту черту характера Троцкого, для которого интерес представляло не столько революционное движение, сколько его собственная персона в этом движении, неоднократно указывали многие деятели российской социал-демократии, даже те, кто не принадлежал к большевистскому лагерю. Плеханов прямо говорил, что Троцкий заботился не об интересах партии, а о своей «революционной карьере»¹. Мартов отмечал стремление Троцкого «всегда приходить со своим стулом», т. е. во что бы то ни стало выпячивать собственную личность и подчеркивать «оригинальность» своих взглядов. Войтинский — вначале большевик, а в дальнейшем порвавший с большевизмом — писал в конце своей жизни, что Троцкий — талантливый обманщик, для которого революция была сценой для показа своих способностей и для получения власти и славы»².

Вся дальнейшая политическая деятельность Троцкого и весь тот вред, который он причинил революционному движению, подтверждают правильность подобных характеристик даже со стороны тех людей, которые были его единомышленниками.

Характерно, что путь Троцкого в революционное движение был в какой-то мере повторен и «творцом» новой разновидности мелкобуржуазного революционаризма — маоизма. Мао Цзэ-дун присоединился к марксистам, имея за плечами многолетний опыт увлечения монархистскими, реформистскими и особенно анархистскими концепциями. Восприняв некоторые марксистские положения через призму идей мелкобуржуазных и буржуазных теоретиков, он в дальнейшем знакомился с марксизмом главным образом по популярным брошюрам китайских и других авторов, в том числе таких оппортунистов, как Бухарин. Не зная иностранных языков, Мао Цзэ-дун вообще не читал многих главных произведений классиков марксизма-ленинизма, таких, как «Капитал», «Нищета философии», «Святое семейство», «Немецкая идеология» К. Марк-

¹ См.: «Вопросы истории КПСС», 1965, № 6, стр. 24.

² Woytinsky W. Stormy passage. N. — Y., 1961, p. 286.

са и т. д., китайские переводы которых появились лишь позднее. «Совсем не обязательно прочитывать все, что написал Маркс», — призвал он в своей речи на 2-й сессии VIII съезда КПК в 1958 году. А еще раньше — тех, кто изучал «Капитал», третировал как «догматиков, зря ломающих голову»¹. Мао Цзэ-дун утверждает, что недостаток своего теоретического образования он восполнил в процессе практической деятельности, самостоятельно (подобно Троцкому) придя к тем же выводам, к которым пришли классики марксизма-ленинизма, произведений которых он не читал. Но условия Китая (как в свое время и условия мелкобуржуазного юга России) не давали возможности всесторонне проанализировать опыт борьбы промышленного пролетариата, лежащий в основе всей концепции марксизма-ленинизма. Поэтому самостоятельно и Мао Цзэ-дун, и Троцкий смогли прийти лишь к мелкобуржуазным выводам, о чем убедительно свидетельствует их последующая антимарксистская деятельность.

Роднят Троцкого и Мао Цзэ-дуна необыкновенная амбициозность их взглядов, стремление к непомерному возвеличению собственной личности, явно выраженные гегемонистские и карьеристские замашки. Как на это неоднократно указывали Маркс, Энгельс и Ленин, «революционный карьеризм» является постоянным спутником мелкобуржуазного мировоззрения, проникающего в ряды пролетарской партии. «У подобных субъектов, — писал К. Маркс о мелкобуржуазном революционере Прудоне, — остается лишь один побудительный мотив — их тщеславие; подобно всем тщеславным людям, они заботятся лишь о минутном успехе, о сенсации»².

Как непохоже все это на то, что мы знаем о революционном становлении многих выдающихся пролетарских деятелей, искренних и последовательных борцов за торжество марксизма-ленинизма!

Не стремление лично возвыситься над другими, а глубокое сочувствие к людям труда, находившимся в бесправном, подавленном и угнетенном состоянии, пробуждало у них желание бороться с несправедливостью и постепенно убеждало в том, что несправедлив весь существующий буржуазно-помещичий строй. Так ряды борцов с несправедливостью пополня-

¹ См.: М. Алтайский, В. Георгиев. Антимарксистская сущность философских взглядов Мао Цзэ-дуна. Изд-во «Мысль», 1969, стр. 48—49, 51.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 31.

лись новыми бойцами, бесстрашными, полными энергии и ненависти к врагу, которые в поисках научной теории, указывающей реальный путь к освобождению человечества, и надежных товарищей по борьбе становились марксистами, членами великого сообщества пролетарских революционеров. Именно такой путь прошли основоположники научного коммунизма К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, их выдающиеся продолжатели и ученики.

Иное дело Троцкий, политический радикализм которого проявился, по его собственному признанию, как реакция на деспотизм не столько общественный, сколько родительский. А чисто внешнее присоединение к марксистам объяснялось честолюбивым стремлением занять в социал-демократическом движении место позначительнее и позаметнее. Это типичная психология мелкого хозяйчика, думающего прежде всего о собственном «я», а затем уже о страданиях и муках человечества. Она нашла отчетливое выражение во всей деятельности Троцкого, наложив свой отпечаток на его последующие теоретические и политические концепции.

Будучи убежденным эгоцентристом, мелкий буржуа по самой своей природе не приемлет кажущуюся ему «однообразной» и «упрощенной» пролетарскую идеологию, не оставляющую места для буржуазного индивидуализма. Его влечет многообразие форм и оттенков буржуазной идеологии, представляющей, с его точки зрения, широчайшие возможности для самой «оригинальной» и «свободной» интерпретации вопросов теории и практики революционной борьбы. Именно поэтому Троцкий и устремил свой «творческий» поиск в сторону сближения марксистских взглядов с явно буржуазными и ревизионистскими.

Всю свою сознательную жизнь он старался занять «особое» место в революционном движении, выработать собственную «оригинальную» систему взглядов. Однако эти старания так и не увенчались успехом. Мелкобуржуазная природа его мировоззрения всякий раз заставляла Троцкого повторять затасканные утверждения других оппортунистов, включившихся в борьбу против творческого марксизма значительно раньше, чем он.

До победы Октябрьской революции в России существовала чрезвычайно благодатная почва для распространения концепций мелкобуржуазного социализма. В стране гигантски преобладало мелкобуржуазное население. Самым массовым классом являлось крестьянство, мелкобуржуазное по своей

природе. В городах, даже крупных, был чрезвычайно велик удельный вес мелких торговцев и ремесленников. Крайне сильно было мелкобуржуазное влияние на отсталые слои рабочего класса. Мелкобуржуазный образ жизни вели миллионы мелких чиновников, низшая интеллигенция. Причем материальное и общественно-политическое положение всех этих классов и социальных прослоек было крайне тяжелым. Они подвергались нещадной эксплуатации и притеснению со стороны правящей буржуазно-помещичьей верхушки и так же, как пролетарии, становились на путь борьбы против царизма.

Идеология мелкобуржуазного революционаризма выступала в России в самых крайних и многообразных формах и проявлениях. Это и анархизм, и анархо-синдикализм, и народнически-эсеровская концепция крестьянского социализма, и авантюристические предложения всевозможных «леваков» в социал-демократическом движении, вроде отзовистов и ультиматистов, и т. д. Все эти течения выражали настроения различных слоев мелкой буржуазии, части интеллигенции, мелкобуржуазных элементов рабочего класса, недовольных самодержавно-помещичьим строем и капиталистическим гнетом, но не способных на упорную, целенаправленную, а главное сознательную, основанную на знании закономерностей общественного развития борьбу за осуществление идеалов социализма. Объективное содержание взглядов Троцкого ставило его в один ряд с представителями всех этих мелкобуржуазных течений, особенно тех, которые возникли под прикрытием словесного признания правоты марксизма. Наличие мощных мелкобуржуазных влияний в стране служило питательной средой для троцкизма, убежденными сторонниками которого становились, как правило, лишь различные мелкобуржуазные элементы, временно примыкавшие к революционному пролетарскому движению.

Методологическую основу троцкизма составил субъективизм, характерный для мелкобуржуазного мировоззрения в целом. Занимая двойственное, промежуточное положение в общественной жизни, мелкая буржуазия и в науке об обществе находится на промежуточных позициях между пролетарской идеологией — марксизмом-ленинизмом — и всевозможными явными и скрытыми буржуазно-апологетическими концепциями. Отсюда ее субъективизм, неспособность понять и признать ту объективную истину, что только пролетариат, его партия и марксистско-ленинская идеология способны проложить путь человечеству к социализму.

Своими гносеологическими корнями троцкизм неразрывно связан с мелкобуржуазными концепциями революции. Эти корни уходят в софистику и метафизику, которые подменили в троцкистской концепции материалистическую диалектику.

А софистика и метафизика, как известно, — извечные спутники мелкобуржуазного образа мышления. Они соответствуют узости взглядов мелкого собственника, не способного преодолеть свою классовую ограниченность, порождаются его односторонним (исключительно лишь с точки зрения своего личного мира) подходом к оценке общественных явлений, и усиливаются неразвитостью интеллекта, отсутствием прочной системы научных знаний, что является следствием культурной отсталости, на которую обрекает основные массы мелкой буржуазии капиталистическое общество.

Именно отсутствие необходимой для творческого восприятия марксизма широты взглядов на явления общественной жизни, субъективистская односторонность их оценки в сочетании с недостаточно глубокой научной подготовкой и послужили теми причинами, которые наряду с отсутствием убежденности в правоте дела рабочего класса и преданности его идеалам помешали Троцкому овладеть материалистической диалектикой — единственно возможным методом научного познания и выяснения закономерностей общественного развития.

Наконец, социальные корни троцкизма, общие с другими разновидностями мелкобуржуазного революционаризма, также не давали Троцкому возможности пойти дальше простого повторения уже сказанного, выступить в качестве оригинального мыслителя. Ведь общественные слои, идеология которых лежала в основе троцкизма, принадлежали прошлому, являлись остатками докапиталистических общественных формаций. Поэтому все, что мог сказать Троцкий, не оставляя своих мелкобуржуазных позиций, было уже неоднократно высказано до него другими мелкобуржуазными идеологами, не раз пытавшимися противопоставить свои взгляды мировоззрению пролетариата. Сам Троцкий всячески отрицал мелкобуржуазную природу своих взглядов, а точнее сказать, даже не признавал ее. Его концепция революции, как известно, заключала в себе недооценку такого массового мелкобуржуазного класса, как крестьянство. Но недооценка эта распространялась лишь на революционные возможности крестьянства, на его способность быть надежным союзником пролетариата. Отрицательные же (с точки зрения интересов пролетарской революции)

черты крестьянства Троцкий явно переоценивал. Он преувеличивал их настолько, что даже не видел в лице пролетариата реальной силы, способной противостоять воздействию этих черт на социалистическую революцию.

Разумеется, троцкизму присущи и некоторые специфические особенности, отличающие его от других антимарксистских мелкобуржуазных теорий. Но все они носят частный характер, не затрагивая существа взглядов Троцкого и его последователей. В главном же троцкизм как мировоззрение, противостоящее творческому марксизму, совпадает с другими разновидностями «левого» и правого оппортунизма. При этом он превосходит многие мелкобуржуазные концепции своей рыхлостью, непродуманностью, непоследовательностью. Кроме противоречивости мелкобуржуазных взглядов, лежавших в основе троцкизма, тут сказалась неустойчивость убеждений самого Троцкого, который в погоне за «оригинальностью», за союзниками в борьбе против ленинизма легко менял свои точки зрения, поддавался скоропреходящим увлечениям, заимствовал идеи из концепций, порой прямо противоположных, и, не считаясь с законами логики, пытался эклектически соединить в одно целое явно несоединимое. Не случайно В. И. Ленин отмечал, что у Троцкого «никогда никакой «физиономии» не было и нет, а есть только перелеты, переметывания от либералов к марксистам и обратно, обрывки словечек и звонких фраз, надерганных отсюда и оттуда»¹.

Плохо продуманная, внутренне противоречивая, наспех сколоченная из подражательных концепций, заимствованных из самых различных, в том числе сомнительных источников, троцкистская «теория» не привлекла и не могла привлечь сколько-нибудь заметного числа сторонников. Троцкизм в России никогда не пользовался стойкой поддержкой даже немарксистски настроенных мелкобуржуазных элементов в рабочем движении, которые оказывали предпочтение более «солидным» и продуманным «лево»- или правооппортунистическим концепциям.

Немногочисленные единомышленники, появлявшиеся время от времени у Троцкого на определенных исторических этапах, вскоре покидали его, напуганные неуживчивостью, склонностью к диктату и необыкновенным самомнением своего «идейного» вождя. Несмотря на все свои старания сколотить организацию, противостоящую большевистской партии, Троц-

¹ В. И. Ленин. Поля. собр. соч., т. 25, стр. 3.

жий оставался одиночкой. По выражению В. И. Ленина, он в дореволюционный период представлял «только свои личные колебания и ничего больше»¹.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции, когда были разгромлены главные антиленинские направления: меньшевизм, мелкобуржуазный революционаризм эсеров, анархизм и т. д., — троцкизм превратился в центр притяжения остатков всех враждебных ленинизму сил, он стал основным выразителем оппортунистической тенденции, влияние которой в революционном движении было в корне подорвано Великим Октябрем, но не сведено еще окончательно на нет. Причина такого «возвышения» троцкизма, превращения его из второстепенного в главное оппортунистическое направление в российском рабочем движении — его эклектический характер, сочетание в нем черт, притягательных как для сторонников «лево»-авантюристических взглядов, так и для правых оппортунистов, выработанная годами бесплодной борьбы против творческого марксизма способность к лавированию, мимикрии, беспринципное приспособленчество к взглядам и настроениям, характерным для наиболее подверженных влиянию буржуазной идеологии отсталых слоев рабочего класса.

В истории борьбы нашей партии против троцкизма отчетливо прослеживаются три основных этапа.

Первый — это 1903—1917 годы, когда троцкизм противостоял ленинизму как одна из разновидностей меньшевизма и международного каутскианства-центризма. Троцкий выступал в этот период явным единомышленником меньшевиков и вместе с ними с центристских позиций боролся против ленинской партии. Борьба Ленина и большевиков против троцкизма в тот период была неотделима от борьбы, которую они вели против российского и международного оппортунизма в целом. И сокрушительное поражение, которое потерпел последний в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, стало смертельным для дореволюционного троцкизма, разоблаченного в глазах трудящихся как разновидность враждебной пролетариату меньшевистско-каутскианской идеологии.

В 1917—1927 годах троцкизм, формально порвавший с меньшевизмом и каутскианством, но фактически сохранивший свою центристскую сущность, выступает как оппортуни-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 375.

стическое течение внутри самой большевистской партии. Борьба против него приобретает характер внутривнутрипартийной борьбы, в ходе которой защищалось и укреплялось ленинское идейное и организационное единство партии — главный источник ее силы и боеспособности, важнейшая основа мощи и непоколебимой устойчивости режима диктатуры пролетариата.

Наконец, третий период, начавшийся с конца 1927 года и продолжающийся поныне, связан с окончательным превращением троцкизма из внутривнутрипартийного в явно антипартийное, антикоммунистическое и антисоветское течение, сторонники которого вели и продолжают вести откровенную яростную борьбу против пролетарского революционного движения, против Советского Союза и социалистических стран.

Борьба, которую марксисты-ленинцы ведут против современных троцкистских последышей, помогает укреплять интернациональное и национальное единство коммунистических и рабочих партий, сохранять в чистоте и неприкосновенности принципиальную политическую линию и теоретические основы современного коммунистического движения, наносить сокрушительные удары по другим разновидностям мелкобуржуазного революционаризма, с которым прямо или косвенно блокируются троцкисты. Разоблачение троцкизма по-прежнему остается важной задачей международного коммунистического движения.

БОРЬБА В. И. ЛЕНИНА ПРОТИВ ТРОЦКИЗМА ЗА БОЛЬШЕВИСТСКУЮ ПАРТИЙНОСТЬ

1. СОЗДАНИЕ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ В РОССИИ — СОКРУШИТЕЛЬНЫЙ УДАР ПО ОПОРТУНИЗМУ

Начало ленинского этапа в развитии марксизма явилось поворотным пунктом в судьбе международного и российского рабочего движения. Ленинизм осветил путь к победоносной мировой пролетарской революции в новых исторических условиях, сложившихся после смерти Маркса и Энгельса, дал строго научную ориентировку революционным марксистам всех стран в эпоху крушения капитализма и утверждения социализма.

Российский пролетариат и его авангард нашли в ленинском учении жизненно необходимое для них практическое применение марксизма к условиям России, открывшее широкие перспективы для развития революционного пролетарского движения в нашей стране.

«С самого начала революционной деятельности Ленин твердо встал на позиции марксизма, воспринял его революционно-критический дух, творческий и деятельный характер, пролетарский интернационализм. Всю свою жизнь он посвятил делу освобождения рабочего класса, всего трудового народа от эксплуатации и угнетения, делу социалистической революции и строительства нового, коммунистического общества»¹.

Титаническая организаторская и теоретическая деятельность, которую развернул В. И. Ленин, сразу же поставила его в центр политической борьбы того времени и сделала признанным вождем революционного направления российской и международной социал-демократии. Ленинские труды, личное

¹ К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС, стр. 3.

общение с Ильичем, рассказы очевидцев о встречах и беседах с ним производили огромное впечатление на всех, кому были дороги интересы пролетарского движения, оказывали решающее воздействие на формирование взглядов и идейных убеждений русских и зарубежных марксистов.

Все подлинные пролетарские революционеры увидели в трудах и практических делах В. И. Ленина наиболее полное, глубоко научное воплощение надежд пролетариата, готовившегося к решительному штурму капитала. В России, а затем и в других странах началось сплочение революционных марксистов на позициях ленинизма. Ленинизм стал знаменем борьбы за быстрейшую победу пролетарской революции, за творческое развитие марксизма, за создание и укрепление пролетарских партий нового типа.

И наоборот, все те, кто не верил во всепобеждающую силу творческого марксизма, кто из-за своей нестойкости изменял его революционному духу, кто был далек от подлинных интересов пролетарского движения, кто пресмыкался и капитулировал перед буржуазией и ее явными пособниками, сосредоточили ожесточенные атаки против В. И. Ленина. В нем они увидели наиболее бескомпромиссного и умелого защитника марксизма, последовательного и твердого продолжателя дела Маркса и Энгельса. Направляя свои удары на ленинизм, идеологические прислужники буржуазии стремились тем самым закончить с марксизмом, лишить его естественного продолжения и развития в новую историческую эпоху, превратить в застывшую, мертвую догму.

В числе непримиримых врагов марксизма, яростно атаковавших ленинское учение, был Троцкий. Вся свою сознательную жизнь он посвятил борьбе против ленинизма.

Уже политическая деятельность Троцкого на рубеже XIX и XX веков объективно была направлена против Ленина, против ленинизма. Как сторонник идеалистических, народнических взглядов, он выступал против творческого марксизма, а следовательно, и против ленинизма. Затем уже с позиций, близких к экономизму, Троцкий препятствовал политическому пробуждению русского рабочего класса, за что самоотверженно боролся В. И. Ленин. Поэтому та острая критика, которую В. И. Ленин направлял против либерального народничества, экономизма и «легального марксизма», со всеокрушающей силой била и по Троцкому, а также по другим эпигонам антимарксистских буржуазных и мелкобуржуазных концепций.

Потерпев под ударами творческого марксизма полный идейный крах, Троцкий попытался, не меняя существа своего мелкобуржуазного мировоззрения, приспособить его к взглядам представителей течения, одержавшего в начале XX века победу над экономизмом и другими разновидностями оппортунизма в российском рабочем движении. Он предпочел выдавать себя за сторонника революционной социал-демократии. Именно потому, оказавшись в Лондоне, где с апреля 1902 года находилась редакция «Искры», он стал выполнять ее отдельные поручения, всячески стараясь выгодно использовать это обстоятельство для устройства личной политической карьеры.

В Лондоне Троцкий сблизился с будущим меньшевиком П. Аксельродом, который стал его политическим наставником. В благодарность за уроки, преподанные этим столпом меньшевизма, Троцкий посвятил «дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду» свою программную брошюру «Наши политические задачи», опубликованную в 1904 году и насквозь пропитанную ядом антибольшевизма. Другие представители оппортунистической настроенной части редакции «Искры» (В. Засулич, Ю. Мартов) также увидели в Троцком своего единомышленника. Правда, Плеханов встретил его неприязненно. На Плеханова произвели неприятное впечатление самомнение Троцкого, отсутствие у него глубоких теоретических знаний и элементарной культуры поведения. А поверхностный, крикливый тон фельетонных заметок Троцкого вызывал явное раздражение основателя группы «Освобождение труда».

«Говоря по правде, — выбирая как можно более мягкие выражения, писал он В. И. Ленину в феврале 1903 года, — перо «Пера» (псевдоним Троцкого. — Авт.) мне пока не так чтобы уж очень нравилось. Оно хочет быть очень колким, но большой колкости не выходит: больше шуму, чем сути. А некоторые выражения прямо неудачны; они могли бы подать повод к насмешкам»¹. На эту же «особенность» литературного стиля Троцкого обратил внимание и В. И. Ленин, без обиняков называя его пустозвоном².

Сохранилось обстоятельное письмо Ленина Плеханову, датированное 2 марта 1903 года. В этом письме Владимир Ильич высказался за то, чтобы ввести Троцкого в состав ре-

¹ Ленинский сборник IV, стр. 211.

² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 74; т. 10, стр. 16 и др.

дакции «Искры», против чего возражал Плеханов. Ленин считал в то время, что работа не на самостоятельном посту, а в редакционной коллегии подчинит и привяжет Троцкого к ней¹.

Однако даже из этого, в целом благожелательного, письма видно, что Ленин в принципе разделял уже тогда беспокойство Плеханова по поводу политической незрелости Троцкого. Он отмечал фельетонный стиль статей Троцкого, их чрезмерную вычурность, нежелание Троцкого принимать «поправки» других, самомнение, выражавшееся, в частности, в «изрядном», по выражению Ленина, недовольстве Троцкого тем, что его не вводили в состав редакции «Искры», и т. д.

Но отличительной чертой В. И. Ленина было доверие к людям. К тому же! Троцкий приехал в Лондон из России. На II съезде РСДРП он присутствовал как делегат Сибирского социал-демократического союза, хотя какой-либо работы в нем фактически не вел. После II съезда Сибирский союз направил в редакцию «Искры» письмо, в котором показал, что позиция Троцкого не отражает точки зрения сибирских социал-демократов и что вообще Троцкий лишь случайно оказался на съезде в качестве представителя Союза². Последний не имел возможности послать за границу своего делегата и поэтому возложил эту функцию на Троцкого, уже находившегося за границей и предложившего свои услуги Союзу.

Известно, как дорого Ленину было общение с людьми, привозившими в эмиграцию вести с далекой родины. Поэтому Владимир Ильич с вниманием отнесся к Троцкому, старался помочь этому молодому тогда человеку избавиться от заблуждений и карьеристских замашек.

Однако мелкобуржуазная природа мировоззрения Троцкого, его самомнение и эгоцентризм сделали свое дело. Прибыв за границу с рекомендательным письмом единомышленника В. И. Ленина Г. М. Кржижановского, Троцкий очень скоро «сориентировался» и открыто примкнул к лагерю противников В. И. Ленина, выступив как активный деятель нового оппортунистического направления в российской социал-демократии — меньшевизма.

Так Троцкий сделал свой окончательный выбор. Он присоединился к людям, с которыми его объединяла общность

¹ См.: Ленинский сборник IV, стр. 221—222.

² См.: Как рождалась партия большевиков. Л., 1925, стр. 279—283, 526.

классовых идейно-политических позиций, и вместе с ними выступил против В. И. Ленина. Для мелкобуржуазного мировоззрения Троцкого оказались неприемлемы подлинно марксистские взгляды Владимира Ильича, его революционная принципиальность, непримиримость к любым проявлениям оппортунизма. Подобная «идейная» эволюция лишней раз подтверждает несостоятельность лживых утверждений фальсификаторов истории КПСС, видящих истоки внутренней борьбы в ленинской партии исключительно в... личных расхождениях ее деятелей. Никакими личными отношениями нельзя объяснить причины столкновений двух принципиально противоположных идеологий: пролетарской и буржуазной. Классовая природа мировоззрения того или иного деятеля неизбежно оказывается сильнее его личных антипатий.

Историческую роль в утверждении единственно революционного, ленинского направления в российском, а затем и международном рабочем движении сыграл II съезд РСДРП. Он был подготовлен «Искрой», руководимой В. И. Лениным, и явился главным итогом той титанической работы, которую Владимир Ильич вел на рубеже XIX и XX веков.

«Созданию партии предшествовала огромная идейно-теоретическая работа Ленина, критика им мелкобуржуазного народнического социализма, бескомпромиссная борьба против реформистских и других оппортунистических течений. Без такой очистительной работы невозможно было обеспечить сединение марксизма с освободительным движением, утвердить самостоятельную классовую линию пролетариата»¹.

Съезд завершил выполнение важнейшей задачи, поставленной «Искрой»: «Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться»².

Идейный разгром экономизма, русских бернштейнианцев обеспечил сплочение российских социал-демократов на позициях революционного марксизма. Однако буржуазное и мелкобуржуазное влияние на рабочий класс вновь и вновь проявлялось в возникновении различных антимарксистских течений и групп, пытавшихся приспособить свою идеологию к построениям определенных слоев пролетариата.

Столкновение двух тенденций, характерных для рабочего движения в условиях капитализма, — революционной и оп-

¹ К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС, стр. 10.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 358.

портунистической — вело к возникновению острых принципиальных разногласий и в среде искровцев, часть которых все больше сползала на позиции оппортунизма, фактически смыкаясь с экономистами.

В самой редакции «Искры» В. И. Ленин боролся против Мартова, Плеханова и других будущих вождей меньшевизма, преувеличивавших революционные возможности буржуазии. Они выступали против идейной непримиримости творческого марксизма и склонялись к уступкам экономистам и другим проводникам буржуазного влияния на пролетарское движение. Только высокая принципиальность В. И. Ленина, его негибкая твердость и решительность в отстаивании коренных положений марксистской теории обеспечили победу искровского, т. е. ленинского, направления в российском рабочем движении, создали необходимые условия для созыва II съезда РСДРП.

В своей беспринципной, интриганской борьбе против Ленина оппортунисты не смогли опереться на силу логики научно обоснованных доводов и аргументов, почерпнутых из реальной действительности, которая коренным образом противоречила отвлеченным теоретическим построениям сторонников мелкобуржуазных и буржуазных концепций. Поэтому они широко использовали в борьбе против творческого марксизма клевету — это отравленное оружие всех реакционных течений, стремящихся затормозить общественный прогресс. Злобные измышления по адресу В. И. Ленина и ленинцев стали средством, объединяющим разношерстную компанию врагов ленинизма, стимулирующим их активность в борьбе против подлинных революционеров. Все те обвинения, которые бакунисты, прудонисты, лассальянцы и прочие оппортунисты предъявляли Марксу и Энгельсу, были обрушены экономистами, «легальными марксистами», бундовцами и особенно меньшевиками на В. И. Ленина.

«Вот она, судьба моя, — писал В. И. Ленин. — Одна боевая кампания за другой — против политических глупостей, пошлостей, оппортунизма и т. д.

Это с 1893 года. И ненависть пошляков из-за этого»¹.

К числу таких пошляков, ненавидящих творческий марксизм из-за его непримиримого отношения к чуждой пролетариату идеологии, принадлежал и Троцкий. Не случайно по этому первое его открытое выступление против Ленина и

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 340.

ленинцев связано с расхождением по коренному вопросу, волновавшему социал-демократическое движение, — по вопросу о типе создаваемой в России партии и её отношении к возможным непролетарским попутчикам.

Находясь под влиянием идей Бернштейна и других европейских оппортунистов, «мягкие искровцы», т. е. будущие меньшевики, ратовали за создание вместо боевой марксистской партии — неоформленной политической организации, объединяющей в своих рядах как искренних сторонников пролетарской революции, так и людей, лишь заигрывавших с ней.

«Мягкие искровцы» фактически солидаризировались с экономистами, также отстаивавшими идею широкой неоформленной пролетарской организации в противовес принятому «Искрой» ленинскому плану создания боевой партии-авангарда. По этому коренному вопросу строительства партии они и решили дать бой В. И. Ленину и ленинцам на II съезде РСДРП.

Определяя тип пролетарской партии, которую предстояло создать «Искре», В. И. Ленин еще в 1901 году писал: «...массовый характер движения не только не ослабляет, а, напротив, усиливает нашу обязанность создать крепкую и централизованную организацию революционеров, способную руководить и подготовительной борьбой, и всяким неожиданным взрывом, и, наконец, последним решительным нападением»¹.

Эта ленинская идея восторжествовала на II съезде РСДРП. Но прежде, чем она легла в основу его официальных документов, определивших характер созданной партии, В. И. Ленину и ленинцам пришлось провести упорную идейную борьбу против представителей оппортунистических течений, претендовавших на руководящую роль в российском рабочем движении.

От заседания к заседанию сокращалось число противников творческого марксизма, выступавших на съезде против В. И. Ленина. Оппортунистов не спасло от поражения даже то, что они выступили единым фронтом против ленинской формулировки первого параграфа Устава, в котором излагались принципы членства в РСДРП. Против ленинского предложения считать членом партии того, кто не только признает ее программу, но и работает в одной из партийных организаций, голосовали меньшевики, экономисты, бундовцы и другие оппортунисты. Им удалось протащить при голосовании пара-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 365.

граф первый Устава в формулировке Мартова, которая не предусматривала обязательного личного участия в работе одной из партийных организаций и потому широко открывала двери для проникновения в партию случайным, неустойчивым, оппортунистическим элементам. Но все остальные решения съезда, в том числе и по другим пунктам Устава, были последовательно революционными, марксистски-выдержанными. Не случайно поэтому сам Мартов впоследствии сетовал, что значение поражения по параграфу первому «было, однако, для Ленина сведено к нулю принятием остальных пунктов Устава»¹.

Историческая заслуга II съезда состоит в том, что он создал марксистскую пролетарскую партию в России, закрепил победу искровского, т. е. революционного, ленинского направления в российском рабочем движении, положил начало сплочению всего международного пролетариата на позициях ленинизма. Съезд принял Программу и Устав партии, разработанные В. И. Лениным, избрал руководящие партийные органы, в которых было обеспечено преобладание сторонников последовательной искровской линии, вооружил партию революционным духом непримиримого отношения ко всякому оппортунизму, соглашательству и капитулянству перед буржуазией. «Создание большевистской партии открыло новый этап в российском и международном рабочем движении. Впервые пролетариат получил организацию, способную в новых исторических условиях успешно руководить его борьбой за свое социальное освобождение»².

Съезд обнажил и вынес на суд партии коренные, принципиальные разногласия, разделявшие В. И. Ленина и оппортунистически настроенную часть редакции «Искры». Мартов, Аксельрод, Засулич, Потресов выступили в качестве идейных вождей меньшевизма, потерпевшего на съезде сокрушительное поражение. Вскоре к ним присоединился и Плеханов.

Троцкий также оказался в числе рьяных защитников меньшевизма, заняв место на его крайне правом фланге, где он прямо смыкался с экономистами.

На самом съезде Троцкий, поощряемый Аксельродом и другими своими идейными наставниками, развернул яростную борьбу против Ленина, помогал лидерам меньшевизма

¹ История КПСС, т. 1, стр. 474.

² К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС, стр. 12.

сколачивать единый оппортунистический фронт. Мало кому известный неопит социал-демократического движения (он даже не был избран в состав ни одной из постоянных комиссий съезда, в которые вошли все признанные лидеры социал-демократов) ухитрился превзойти по количеству выступлений на съезде всех других делегатов, не считая Ленина, руководившего съездом, и Мартова, возглавившего меньшевистское течение. Такая активность рядового меньшевистского делегата объяснялась не только его карьеристскими устремлениями, претензиями на руководящую роль в меньшевистском лагере, но прежде всего той откровенной неприязнью, с которой Троцкий относился к творческому марксизму и его защитникам, задававшим тон на съезде.

Характерно, что поначалу, боясь оказаться в изоляции среди искровцев, Троцкий не очень-то афишировал противоположность своих взглядов ленинским и даже выступил в защиту некоторых положений искровской платформы (Рязанов, занимавший промежуточные позиции между экономистами и искровцами и плохо осведомленный о положении дел в искровском лагере, на этом основании назвал даже Троцкого «ленинской дубинкой»). Но затем, найдя единомышленников в лице остальных «мягких искровцев» и прочих оппортунистов, которые поначалу имели большинство на съезде, Троцкий занял на нем отчетливо выраженную антиленинскую позицию. Причем в своих нападках на Ленина и ленинцев он даже превзошел признанных вождей меньшевизма, попытавшись выступить в качестве главного выразителя оппортунистической точки зрения, которую разделяла антиленински настроенная часть делегатов.

Оппортунистическая суть взглядов Троцкого особенно отчетливо проявилась в его отношении к коренному положению ленинской Программы РСДРП, обсуждавшейся съездом, — о диктатуре пролетариата.

«...Социальная революция пролетариата, — говорилось в Программе, — уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другим».

Необходимое условие этой социальной революции составляет диктатура пролетариата, т. е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров».

Учение о диктатуре пролетариата, созданное Марксом и

Энгельсом, получило, таким образом, дальнейшее развитие в важнейшем принципиальном документе российской социал-демократии. Причем это коренное положение марксистско-ленинской теории впервые в истории пролетарского движения было включено в официальную программу политической партии рабочего класса, что сразу же придало РСДРП характер боевой организации, готовой и способной возглавить борьбу пролетариата за победу социалистической революции. Включение требования диктатуры пролетариата в Программу РСДРП было важнейшим следствием разгрома оппортунистических течений в российском социал-демократическом движении, которые пытались отвлечь пролетариат от борьбы за политическую власть. Это был сокрушительный удар и по международному оппортунизму, представители которого хотели вытравить из сознания пролетарских масс всякое воспоминание о важнейшем научном открытии, совершенном основоположниками научного коммунизма.

Идеологические прислужники буржуазии пытались объявить учение о диктатуре пролетариата «случайной обмолвкой» Маркса. Пролетарская же партия многомиллионной страны, где нарастала гигантская народная революция, открыто заявляла, что для нее диктатура пролетариата — это не пустое словечко, а вдохновляющая цель борьбы. «Вопрос о диктатуре пролетариата, — писал В. И. Ленин, — поставлен в этой программе ясно и определенно, притом поставлен именно в связи с борьбой против Бернштейна, против оппортунизма»¹.

Ставший практическим руководством к действию для революционных социал-демократов, группировавшихся вокруг «Искры», марксов вывод о диктатуре пролетариата формально вынуждены были признать даже меньшевики, голосовавшие на съезде за ленинскую Программу РСДРП. Против него выступили лишь явные оппортунисты, экономисты и бундовцы, которые открыто ратовали за ревизию коренных положений марксизма.

Троцкий, присоединившийся к искровскому направлению, когда вопрос о включении в Программу пункта о диктатуре пролетариата был уже фактически решен в результате последовательной борьбы В. И. Ленина против российских и международных оппортунистов, не мог открыто выступить против этого пункта на съезде. Но он попытался свести на нет

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 369.

практическое значение для РСДРП принципиального признания необходимости диктатуры пролетариата. Троцкий заявил, что диктатура пролетариата станет возможной лишь тогда, когда социал-демократическая партия и рабочий класс «будут наиболее близки к отождествлению», а сам рабочий класс составит «большинство нации»¹, т. е. тогда, когда в рядах социал-демократической партии окажется большинство населения страны. В условиях капиталистического развития России ждать такого момента пришлось бы столетия. Какая уж тут вера в скорую победу диктатуры пролетариата, о чем пишет, например, западногерманский историк Г. Брам, пытающийся выдать типично оппортунистическую точку зрения, высказанную Троцким на II съезде РСДРП, за подлинно марксистскую!² Не случайно поэтому экономист Акимов, ярый антискровец и один из самых откровенных оппортунистов, решительно выступавший против включения в Программу партии пункта о диктатуре пролетариата, после съезда заявил: Троцкий «высказал свой взгляд на «диктатуру пролетариата», с которым я совершенно согласен»³. Вместе с Троцким он утверждал, что сторонники противоположной точки зрения, т. е. подлинные марксисты, смешивают «диктатуру пролетариата с диктатурой над пролетариатом»⁴. Это фальшивое утверждение и ныне на все лады перепевают не только прямые последователи троцкизма, но и другие явные антикоммунисты, яростно атакующие марксистско-ленинское учение о диктатуре пролетариата.

Троцкий клеветнически обвинял в заговорществе подлинных марксистов, считавших возможным успешно бороться за диктатуру пролетариата, не дожидаясь превращения пролетариата и его партии в «большинство нации». На самом деле, как показала история, союз с крестьянством и другими трудовыми слоями позволяет пролетариату привлечь на свою сторону огромное большинство народных масс даже и тогда, когда он составляет явное меньшинство населения.

В этих утверждениях Троцкого проявилась не только его оппортунистическая недооценка революционных возможно-

¹ См.: Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., Госполитиздат, 1959, стр. 136.

² См.: В. А. Гринько, Н. А. Митькин, Е. Ф. Сопин, С. С. Шаумян. Борьба партии большевиков против троцкизма (1903 — февраль 1917 гг.). Изд-во «Мысль», 1968, стр. 17.

³ Второй съезд РСДРП. Протоколы, стр. 776.

⁴ Протоколы Второго съезда РСДРП. Л., 1924, стр. 377.

стей крестьянства, но также характерное для всех реформистов представление о социалистической революции как мирном процессе перехода власти в руки пролетариата в результате добровольной уступки буржуазии, признающей себя побежденной после успешных для пролетарской партии парламентских выборов.

В. И. Ленин убедительно показал, что подобное представление, ничего общего не имеющее с реальной действительностью, могло родиться лишь в сознании людей, поставивших своей целью во что бы то ни стало отвлечь пролетариат от революции и превратить его интересы в разменную монету при торговле за депутатские и министерские места в буржуазных парламентах и правительствах.

В дебатах по программному вопросу отчетливо проявилась и оппортунистическая суть взглядов Троцкого на характер и цели первого этапа революции в России. Как и все меньшевики, Троцкий считал, что победа народа на этом этапе должна привести к установлению диктатуры буржуазии, которая якобы и осуществит программу-минимум, намеченную II съездом РСДРП. «При самодержавии «народа», — говорил Троцкий, — диктатура принадлежит буржуазии»¹. Преувеличивая революционную роль и влияние буржуазии, Троцкий вместе с другими меньшевиками отводил пролетариату незавидную второстепенную роль ее помощника в борьбе против самодержавия. Ленинское учение о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции было органически чуждо всем оппортунистам, готовым без боя сдать буржуазии позиции, завоеванные пролетариатом.

Троцкий не верил, что пролетариату удастся привлечь на свою сторону многомиллионные массы крестьянства, рассматривал крестьянство как временного, ненадежного союзника рабочего класса, готового в любой момент броситься в объятия буржуазии. Не случайно поэтому на самом съезде Троцкий решительно выступил против разработки специальной аграрной программы партии, рассчитанной на вовлечение в пролетарскую борьбу широких масс крестьянства². В то же время Троцкий явился одним из инициаторов принятия съездом резолюции Старовера (Потресова), ориентировавшей партию на установление союза с либеральной буржуазией.

¹ Второй съезд РСДРП. Протоколы, стр. 255.

² См.: Второй съезд РСДРП. Протоколы, стр. 212.

Неверие в возможность близкой победы подлинной социалистической диктатуры пролетариата в России, преувеличенные надежды на миролюбие и уступчивость буржуазии, готовность уступить ей гегемонию в буржуазно-демократической революции порождали организационный оппортунизм Троцкого, отрицание им необходимости создания в России подлинного авангарда революции — боевой пролетарской партии, способной возглавить борьбу народа и против самодержавия и против капитализма.

Возражая Плеханову, который справедливо подчеркивал, что ленинская формулировка первого параграфа Устава партии создает гарантии от проникновения в партию оппортунизма, Троцкий заявил, что никакой устав не в состоянии оградить партию от этой опасности¹. У Троцкого выходило, что вообще безнадежно предпринимать какие-либо организационные меры против оппортунизма, который, как записал это высказывание Троцкого Плеханов, «создается объективными условиями развития пролетариата»². Установка Троцкого, таким образом, отводила оппортунизму роль «законного» направления в рабочем движении и ориентировала партию на отказ от решительной борьбы с ним. В этом вопросе Троцкий также прямо смыкался с экономистами и западноевропейскими ревизионистами, призывавшими социал-демократов к капитуляции перед оппортунизмом.

В. И. Ленин показал бессмысленность троцкистских утверждений о невозможности создать организационные гарантии против оппортунизма. Чем глубже его причины, писал Ленин, тем острее должно быть оружие против него. «Поэтому *оправдывать* «глубокими причинами» оппортунизма формулировку, открывающую ему двери, есть хвостизм чистейшей воды»³.

В. И. Ленин подверг уничтожающей критике «организационный оппортунизм» Троцкого и других меньшевиков. Он показал, что формулировка Мартова «раскрывает двери для всех элементов разброда, шатания и оппортунизма»⁴.

Эта формулировка до беспредельности расширяла понятие члена партии, а задача состояла в том, чтобы, наоборот, отделить от партии всех, кто не готов до конца биться за ее дело, т. е. прежде всего буржуазные и мелкобуржуазные эле-

¹ См.: Второй съезд РСДРП. Протоколы, стр. 274.

² Там же, стр. 389.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 259.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 288.

менты. «Лучше, чтобы десять работающих не называли себя членами партии (действительные работники за чинами не гонятся!), — указывал Ленин, — чем чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом партии... Наша задача — оберегать твердость, выдержанность, чистоту нашей партии. Мы должны стараться поднять звание и значение члена партии выше, выше и выше...»¹

Выступая против ленинской формулировки первого параграфа Устава партии, Троцкий демагогически пытался приписать В. И. Ленину стремление создать кастово замкнутую, заговорщическую интеллигентскую организацию, оторванную от широких пролетарских масс². Это клеветническое утверждение, сразу подхваченное всеми меньшевиками и поныне усердно пропагандируемое буржуазными и ревизионистскими фальсификаторами истории КПСС, также было подвергнуто обстоятельной критике В. И. Лениным. Ленин показал, что партия не может и не должна вобрать в себя весь класс. Она «должна быть лишь передовым отрядом, руководителем громадной массы рабочего класса, который весь (или почти весь) работает «под контролем и руководством» партийных организаций, но который не входит весь и не должен входить весь в партию»³.

Оппортунисты обвиняли большевиков в создании искусственных препятствий для вступления в партию рабочих, но на самом деле они заботились вовсе не об интересах пролетариата, а попросту боялись (вполне обоснованно), что высокие требования, предъявляемые членам РСДРП, отпугнут от нее попутчиков из лагеря либеральной буржуазии. Это лишний раз указывало на родство «организационного» оппортунизма меньшевиков с их оппортунизмом в вопросах программных и тактических. Отстаивая политический союз с контрреволюционной либеральной буржуазией, они готовы были широко открыть двери ее явной и скрытой агентуре в ряды пролетарской партии.

В дебатах вокруг формулировки первого параграфа Устава отчетливо проявилось характерное для всех разновидностей оппортунизма непонимание меньшевиками роли марксистской партии как руководителя классовой борьбы пролетариата. Российские и международные оппортунисты главную

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 290—291.

² См.: Второй съезд РСДРП. Протоколы, стр. 274, 276.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 289.

ставку делали на стихийное развитие революционных процессов. Партия, с их точки зрения, должна была не направлять, а лишь регистрировать эти процессы. Отсюда — отрицание ленинской идеи создания партии — боевого отряда, авангарда пролетариата, способного, как указывалось в Программе РСДРП, «руководить всеми проявлениями его классовой борьбы»¹.

Экономисты, а вслед за ними меньшевики утверждали, что преувеличение роли партии якобы умалчивает значение... самого пролетариата. А Троцкий вскоре после II съезда попытался приписать большевикам целую теорию «заместительства» рабочего класса. Согласно этой псевдотеории, партия, объявляя себя авангардом пролетариата, тем самым якобы подменяет собой весь класс, присваивает себе функции, которые являются прерогативой лишь класса в целом. Впоследствии, развивая подобные идеи, Троцкий договорился до отождествления диктатуры пролетариата, существовавшей в нашей стране, с «диктатурой партии». Эта контрреволюционная выдумка широко использовалась всеми врагами Советской власти для борьбы против первого в мире пролетарского государства.

II съезд РСДРП решительно отверг оппортунистические концепции пролетарской партии. И в Программе, и в Уставе РСДРП была четко сформулирована мысль о руководящей роли марксистской партии в борьбе пролетариата. «Такого четкого, выпуклого определения роли марксистской партии в классовой борьбе пролетариата не знала ни одна из существовавших тогда программ социал-демократических партий, ни один из их уставов»².

Победа ленинцев на съезде сорвала планы оппортунистов, позволила создать марксистскую партию, свободную от какого-либо буржуазного и мелкобуржуазного влияния. Это было поражением и Троцкого, взгляды которого при первом же прямом столкновении с ленинизмом обнаружили свою полную идейно-теоретическую несостоятельность и глубоко враждебный пролетариату характер.

В награду за усердие в борьбе против В. И. Ленина и твердых искровцев меньшевики включили Троцкого в свой список членов ЦК партии, который они хотели предложить воти-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I. М., Госполитиздат, 1954, стр. 39.

² Ленин и международное рабочее движение. Под редакцией Л. А. Слепова. М., изд-во «Мысль», 1969, стр. 39.

ровать делегатам съезда. Но большинство съезда решительно воспротивилось этой меньшевистской затее. Троцкий оказался за пределами руководящих органов партии, в которые он с таким упорством рвался, не останавливаясь перед самыми беспринципными, интриганскими действиями. На крайнюю карьеристскую беспринципность поведения Троцкого на съезде обратил внимание даже его будущий товарищ по меньшевистской партии бундовец Либер, который подметил, что Троцкий «выдергивает разные принципы, как ярлычки, в зависимости от того, который из них более удобен»¹.

2. В. И. ЛЕНИН ПРОТИВ ИНТРИГАНСКОЙ, РАСКОЛЬНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТРОЦКОГО

После II съезда В. И. Ленин возглавил борьбу революционных марксистов России за сплочение партии на принципиальных позициях, одобренных съездом РСДРП.

Меньшевики, занявшие в российском рабочем движении место разгромленных экономистов, срывали осуществление решений II съезда РСДРП, мешали укреплению партии и ее отдельных организаций. Несмотря на то что они оказались в меньшинстве на съезде РСДРП и не встретили поддержки в местных партийных организациях, мартовцы не прекратили борьбы против ленинцев и повели дело к внутрипартийному расколу. Не в силах навязать своих оппортунистических взглядов всей партии, они рассчитывали увлечь на оппортунистический путь хотя бы часть социал-демократических организаций, а в случае успеха создать на их основе антиленинскую партию, готовую к компромиссу с либеральной буржуазией. Меньшевики, по словам Мартова, подняли «восстание против ленинизма»². Это было восстание против всей партии, так как она уже строилась и существовала на ленинских основах, заложенных «Искрой» и II съездом РСДРП.

Спустя месяц после съезда трехдневное фракционное совещание 17 меньшевиков в Женеве создало тайный центр оппозиции, противостоявший законно избранному Центральному Комитету партии, — бюро меньшинства. В состав этого бюро вошли Мартов, Дан, Потресов, Аксельрод и Троцкий. Оно ставило интриганскую цель — захватить центральные учрежде-

¹ Второй съезд РСДРП. Протоколы, стр. 218.

² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 395.

ния и местные комитеты партии. План борьбы против большевиков, утвержденный совещанием, был разработан Мартовым и Троцким¹. Большевики рассчитывали ввести в заблуждение российских социал-демократов, представив дело так, что будто бы не они, а ленинцы раскалывают партию. Подобные фарисейские обвинения сопровождалось демагогическими утверждениями о якобы недемократическом режиме, создаваемом Лениным в РСДРП, призывами сохранить «мир» и «единство» в партии, требованиями «признать» права меньшинства и т. д. Именно в таком духе, например, был составлен написанный Троцким «Доклад сибирской делегации» о работе II съезда РСДРП. В этом меньшевистском документе возводилась чудовищная клевета на В. И. Ленина, которому Троцкий приписывал стремление установить «единоличную диктатуру» в партии. Появление доклада вызвало резкий протест большевистских организаций России. Тверской комитет РСДРП, например, отмечал, что этот документ проникнут «неуважением к съезду и нетоварищескими приемами полемики»².

В. И. Ленин расценил факт издания и распространения брошюры Троцкого и других меньшевистских материалов как явно раскольнический шаг. «Доклад сибирского делегата, письмо -на о лозунгах «оппозиции», «Еще раз в меньшинстве» Мартова, — писал В. И. Ленин, — полны забавнейших обвинений Ленина в «самодержавии», в создании робеспьеровского режима казней... и т. д. Оппозиция ходом вещей влечется к подыскиванию таких «принципиальных» разногласий по организационным вопросам, которые не допускают совместной работы»³.

Прикрываясь криками о единстве партии и мнимом раскольничестве большевиков, меньшевики начали реальный раскол партии. В октябре 1903 года они добились на II съезде Заграничной лиги русской революционной социал-демократии принятия решений, выведивших Лигу из-под контроля партии и ее Центрального Комитета. Большевики, отстаивавшие принцип централизма в строительстве партии, вынуждены были покинуть съезд, так как он открыто провозгласил выход своей организации (II съездом РСДРП Лига была приравнена в правах к местному партийному комитету) из подчинения

¹ См.: Ленинский сборник VI, стр. 246—248.

² Как рождалась партия большевиков, стр. 276.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 101.

Центральному Комитету. Одним из организаторов этого раскольнического шага меньшевиков был Троцкий. Выступая на съезде, он отвергал идею внутрипартийного централизма, защищал автономию Лиги, доказывал, что ее устав не нуждается в утверждении ЦК¹. По воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича, присутствовавшего на съезде, Троцкий выступал «со всей язвительностью, на которую он всегда был способен и где всегда, даже в малом, обнаруживал всю свою черную ненависть к большевикам, которой он пылал еще тогда, в те давние времена. Троцкий говорил от лица меньшевиков и, конечно, ни в чем не соглашался с нашими предложениями»².

Троцкий упорно рвался к первым ролям в лагере меньшевиков, оттирая на задний план Мартова и других «отцов» меньшевизма. Смену лидеров в меньшевистском стане заметил В. И. Ленин. В начале января 1904 года он писал Кржижановскому: «...Мартов тряпка в руках пройдох... Мартов есть ноль. Отчего это милейший добряк Ганс (Кржижановский, допуская примиренческие ошибки. — Авт.) не подружился здесь с Троцким, Даном и Натальей Ивановой? (Е. М. Александровой, активной меньшевичкой. — Авт.) ...Не умнее ли будет писать письма прямо этим «хозяевам», чем проливать пустые слезы в жилет тряпичной Мартуше? (Мартову. — Авт.) Попробуй-ка, напиши, это тебя отрезвит! А пока не написал им и не получил самолично от них плевка в рожу, до тех пор не приставай к нам (или к ним) с миром. Мы-то здесь ясно видим, кто болтает и кто верховодит у мартовцев»³.

Разнузданные, интриганские действия Троцкого и других лидеров меньшевизма превзошли по своему размаху аналогичные действия экономистов в искровский период. В РСДРП возникла ситуация, очень напоминавшая положение в I Интернационале, когда его основатели Маркс и Энгельс вынуждены были отбивать ожесточеннейшие атаки бакунистов, пытавшихся или полностью овладеть Международным товариществом рабочих или хотя бы разрушить его единство изнутри. Недаром В. И. Ленин писал после II съезда, что практика меньшевиков является «достойной анархистов»⁴. «Сознавая свое бессилие *убедить* партию, — отмечал Ленин, —

¹ См.: Протоколы II съезда Заграничной лиги. М., 1934, стр. 140.

² В. Д. Бонч-Бруевич. Воспоминания о Ленине. Изд. 2-е. Изд-во «Наука», 1969, стр. 23.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 345.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 373.

они воздействовали тем, что дезорганизовывали партию и мешали всякой работе»¹.

Первая же победа меньшевиков, превративших Лигу в свой легальный фракционный центр, оттолкнула от большевиков Плеханова, который сразу после съезда Лиги круто повернул в сторону меньшевиков. Оппортунисты, таким образом, получили большинство голосов в редакции ЦО партии «Искры» (Плеханов и Мартов против Ленина). Ленин вынужден был выйти из редакции. С 52-го номера «Искра» стала меньшевистской. Наряду со старыми редакторами-меньшевиками, кооптированными Плехановым, в ней сотрудничал и Троцкий.

Новая «Искра» провозглашала уступчивость, мягкость и миролюбие по отношению к противникам творческого марксизма, выступала против создания боевой централизованной пролетарской партии. «Старая „Искра“, — писал В. И. Ленин, — учила истинам революционной борьбы. Новая «Искра» учит житейской мудрости: уступчивости и уживчивости... Какой позор! Как они осрамили нашу старую „Искру“!»²

Особенно позорным для новой «Искры» было систематическое появление на ее страницах антиленинских пасквилей Троцкого. В. И. Ленин сравнивал в то время Троцкого с щедринским героем Балалайкиным. По словам М. С. Ольминского, Балалайкин-Троцкий на страницах газеты «врет ради процесса вранья, соврет и забудет; опять соврет и опять забудет; первая фраза противоречит второй, вторая — третьей, — Балалайкин этим не смущается: его занимает не цель, а самый процесс вранья»³.

Низкопробные статьи Троцкого, его явно бонапартистские замашки вызвали протест даже со стороны Плеханова, который еще не привык к той компании, с которой связал свою судьбу, покинув большевиков. В апреле 1904 года Мартов сообщал Аксельроду, что Плеханов с большим упорством ставит вопрос на принципиальную почву, которая сводится к следующему: «Я не могу быть в коллегии, которая систематически пропускает статьи сотрудника, который, по мнению одного члена коллегии, вреден, понижает своими писаниями литературный уровень «Искры». Или Троцкий перестает быть вообще сотрудником, или Плеханов выходит. Для него „морально невозможно работать при сотрудничестве

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 344.

² Там же, стр. 402—403.

³ Как рождалась партия большевиков, стр. 188.

Троцкого»¹. Плеханов прямо писал о статьях Троцкого, что «печатать их — значит срамить „Искру“»².

Остальные члены редакции поддержали Троцкого. Однако он считал «более благоразумным на некоторое время отстать от газеты»³. Но его сочувничество с нею на этом не прекратилось. Как писал Ольминский, редакции было «нужно вести войну против большинства, а на войне все средства хороши»⁴.

Меньшевики закрепились и в Совете партии, где после захвата «Искры» они имели три голоса против двух большевистских. Летом 1904 года с помощью большевиков-примиренцев они утвердились также в Центральном Комитете партии.

Однако подавляющее большинство местных партийных комитетов решительно одобряло ленинскую линию, осуждало раскольнические действия меньшевиков. Опираясь на их поддержку, В. И. Ленин возглавил борьбу за созыв нового съезда партии, ~~который бы покончил с кризисом РСДРП, возникшим по вине меньшевиков. «Спасение одно — съезд. Лозунг его: борьба с дезорганизаторами»~~⁵ — писал В. И. Ленин.

Платформой сплочения партии на позициях ленинизма стала книга В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад», вышедшая в мае 1904 года. В этой работе Владимир Ильич вскрыл существо принципиальных разногласий большевиков и меньшевиков, показал, что внутрипартийный кризис явился не результатом личных расхождений лидеров, как изображали дело меньшевики, а следствием того, что оппортунистическая часть РСДРП решительно выступала против строительства боевой централизованной партии-авангарда, спаянной идейной общностью и строгой дисциплиной ее членов, отвергающей всякое единство с либералами и непримиримо настроенной по отношению к любым проявлениям оппортунизма в собственных рядах. Разоблачая оппортунистические утверждения меньшевиков, в том числе Троцкого, В. И. Ленин сформулировал и обосновал в этой работе важнейшие организационные принципы большевизма, положенные в основу строительства революционной марксистской партии.

¹ Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова. Русский революционный архив. Берлин, 1924, стр. 102.

² Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, т. II. М., 1925, стр. 198.

³ Социал-демократическое движение в России. Материалы, т. I. М. — Л., 1928. Письмо Парвуса А. Н. Потресову, стр. 138.

⁴ Как рождалась партия большевиков, стр. 188.

⁵ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 46, стр. 329.

По мысли В. И. Ленина, партия — это авангард, передовой отряд рабочего класса. От остальной массы пролетариев она отличается высокой сознательностью и организованностью своих членов. Только при этом условии партия сможет выполнить свою функцию руководителя пролетарского движения, привести рабочий класс к победоносной социалистической революции, организовать его на строительство нового, социалистического общества.

Сознательность членам партии дает глубокое знание марксистской теории, которая одна только способна указать путь пролетариату к его освобождению.

Организованность — результат строгой дисциплины членов партии, подчинения меньшинства большинству, централизма в строении партийных органов. «У пролетариата, — писал В. И. Ленин в заключительных строчках своей книги, — нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации... пролетариат может стать и неизбежно станет непобедимой силой лишь благодаря тому, что идейное объединение его принципами марксизма закрепляется материальным единством организации, сплачивающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса. Перед этой армией не устоит ни одряхлевшая власть русского самодержавия, ни дряхлеющая власть международного капитала»¹.

Меньшевики в теории и на практике отвергали идею сплоченной, организованной партии рабочего класса, делали «два шага назад», тащили РСДРП к старым порядкам, характерным для эпохи кружковщины, кустарничества и раздробленности социал-демократического движения. Они хотели ограничить роль пролетарской партии функцией пропаганды марксизма в массах трудящихся, предоставляя широкую возможность буржуазии и ее политическим организациям безраздельно выступать руководителями борьбы народа против самодержавия, использовать эту борьбу только в своих собственных классовых целях.

В этом отчетливо проявлялся оппортунизм Троцкого и других меньшевиков, их фактическое капитулянтство перед буржуазией, неверие в возможность и близость социалистической, пролетарской революции в России.

Ратуя на словах за «интересы» пролетариата, меньшевики на самом деле заботились о включении в партию буржуазной интеллигенции, чурающейся пролетарской дисциплины и ор-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 403—404.

ганизованности, дряблой и неустойчивой, индивидуалистически настроенной. «Не поборники широкой пролетарской борьбы выступили, в спорах о § 1, против поборников радикально-заговорщической организации, — указывал В. И. Ленин, — ...а сторонники *буржуазно-интеллигентского индивидуализма* столкнулись с сторонниками *пролетарской организации и дисциплины*»¹.

Другое важнейшее условие организованности партии (наряду с ограничением членства в ней) — ее централизм, т. е. подчинение нижестоящих организаций вышестоящим, руководство всей партией из единого центра. Против этой ленинской идеи также решительно выступили меньшевики, в том числе Троцкий. Они отстаивали автономизм, т. е. превращение партии из единого целого в совокупность автономных организаций, независимых от ЦК в решении большинства вопросов практической борьбы. В. И. Ленин отмечал «несомненную тенденцию *защищать автономизм против централизма*, как принципиальную черту, свойственную оппортунизму в организационных вопросах»².

Мартовцы клеветнически обвиняли большевиков в отходе от демократических принципов строения партии, в стремлении насадить в партии систему «самодержавно-бюрократического управления», подавить индивидуальную инициативу и общественную самодеятельность.

В. И. Ленин показал беспочвенность подобных утверждений меньшевиков. Централизм строения пролетарской партии не противоречит ее демократизму, а, наоборот, создает реальные условия для наиболее полного осуществления демократических начал в ее работе. Подчинение меньшинства большинству гарантирует партию от навязывания ей воли людей, не пользующихся поддержкой широкой партийной массы. Полновластность ЦК предохраняет от нарушения на местах одобренных большинством решений и общепринятых демократических норм, дает возможность оперативно и в полном объеме учитывать мнение всех партийных организаций при выработке общепартийных решений, способствует развитию активности и инициативы рядовых членов партии и низовых партийных организаций, опирающихся на поддержку ЦК при осуществлении своего права контроля за работой вышестоящих партийных комитетов, и т. д. В то же время сама полно-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 254.

² Там же, стр. 384.

властность ЦК — прямое следствие демократического строения пролетарской партии, так как основывается она не на узурпаторстве, диктате, о чем в клеветнических целях кричали меньшевики, а на неразрывной связи ЦК с широкой партийной массой и местными партийными организациями, на доверии и поддержке, которое оказывает ему вся партия.

Выступления Троцкого и других меньшевиков против пролетарского, подлинно демократического централизма преследовали цель не укрепления демократизма в партии, а ее дезорганизации. В своей практической деятельности они с таким же ожесточением атаковывали демократические нормы жизни партии, как и ее централизм. Они не желали считаться с мнением широкой партийной массы, не подчинялись решениям съезда, подрывали авторитет партийных центров, избранных на нем, игнорировали принцип коллективности в работе руководящих партийных органов, разрушали единую для всех членов партии дисциплину, насаждая дисциплину кружковую. Все это свидетельствовало о хвостизме меньшевиков, о стремлении возродить порядки, характерные для периода кустарничества и кружковщины, о переходе их на анархистские позиции в вопросах строительства партии. Разоблачая хвостизм меньшевиков, В. И. Ленин указывал: «Теперь мы стали организованной партией, а это и означает создание власти, превращение авторитета идей в авторитет власти, подчинение партийным высшим инстанциям со стороны низших»¹. Меньшевики же стремились ослабить ответственность отдельных интеллигентов перед партией пролетариата, усилить автономию наименее выдержанных в партийном отношении организаций, ослабить влияние центральных учреждений. «Перед нами, — писал Ленин, — принцип оппортунизма»².

В основе «организационного оппортунизма» меньшевиков лежал мелкобуржуазный индивидуализм, боязнь строгой пролетарской дисциплины в партийных рядах. В. И. Ленин показал, что, пугая интеллигентскую часть партии «фабричными порядками», которые якобы пытаются установить большевики, оппортунисты проявляют барский анархизм, свойственный русскому нигилисту. Именно фабрика, утверждал Ленин, «объединила, дисциплинировала пролетариат, научила его организации, поставила его во главе всех остальных слоев трудящегося и эксплуатируемого населения... Дисциплина и

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 355.

² Там же.

организация, которые с таким трудом даются буржуазному интеллигенту, особенно легко усваиваются пролетариатом именно благодаря этой фабричной «школе». Смертельная боязнь перед этой школой, полное непонимание ее организующего значения характерны именно для приемов мысли, отражающих мелкобуржуазные условия существования...»¹.

Для того чтобы не допустить уничтожения с таким трудом созданной единой партийной связи всех российских социал-демократов, В. И. Ленин призывал решительно бороться с барским анархизмом мелкобуржуазных элементов, показывать всю гибельность «оппортунизма, который и в области организационного дела так же беспомощно пасует перед буржуазной психологией, так же некритически перенимает точку зрения буржуазной демократии, так же притупляет оружие классовой борьбы пролетариата, как и в области нашей программы и нашей тактики»².

Организационные принципы большевизма, изложенные в книге В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад», получили единодушное одобрение революционных марксистов России. На этих принципах строились и продолжают строиться все марксистско-ленинские партии.

Книга В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад» помогла многим социал-демократам, запутанным меньшевистской демагогией, увидеть подлинный смысл принципиальных расхождений между революционным и оппортунистическим крылом партии. Под влиянием этой работы ускорился отход от меньшевиков тех немногих рабочих, которых им удалось привлечь на свою сторону.

Для того чтобы ослабить впечатление от ленинской книги, лидеры меньшевизма усилили клеветническую кампанию против большевиков и тем самым углубляли внутривнутрипартийный раскол. Роль своего рода программного манифеста меньшевизма, бросающего вызов ленинизму, должна была сыграть брошюра Троцкого «Наши политические задачи», выпущенная меньшевистской «Искрой» осенью 1904 года. Хотя эта жиденькая брошюрка была начата Троцким еще задолго до появления ленинской книги, революционные социал-демократы совершенно справедливо увидели в ней ответ меньшевиков на ту уничтожающую критику их теоретических и политических позиций, которая была дана Лениным.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 379.

² Там же, стр. 403.

Как известно, Троцкий мнил себя человеком, хорошо владеющим пером, мастером политической публицистики. Легенды о его литературном «таланте» до сих пор широко распространяются на Западе. Однако даже беглое знакомство с брошюрой, которую Троцкий писал девять месяцев, показывает, насколько тускл и маловыразителен ее язык, насколько скучно, нединамично изложение, а главное — насколько беден и малоубедителен фактический материал. Теоретические мысли, которые развивает Троцкий, отличаются путаностью, противоречивостью. Большинство их заимствовано у Аксельрода, Мартова, Плеханова и других теоретиков меньшевизма. В брошюре масса повторений, длиннот, общих мест.

Сжатая, но емкая характеристика содержания брошюры Троцкого дана В. И. Лениным в его письме Е. Д. Стасовой, Ф. В. Ленгнику и другим московским товарищам в октябре 1904 года. «Брошюра представляет собою самое наглое лганье, извращение фактов... Работа искряков поноситя всячески, экономисты-де сделали гораздо больше, у искряков не было инициативы, о пролетариате они не думали, заботились больше о буржуазной интеллигенции, вносили всюду мертвящий бюрократизм, — работа их сводилась к осуществлению программы знаменитого «Credo». II съезд — это, по его словам, реакционная попытка закрепить кружковые методы организации и т. д. Брошюра эта — пощечина и теперешней редакции ЦО и всем партийным работникам. Читая такую брошюру, ясно видишь, что «меньшинство» так изолгалось, так фальшивит, что ничего жизненного создать будет неспособно, является охота к борьбе, тут есть из-за чего уже бороться»¹.

Лживая брошюрка Троцкого была с удовлетворением встречена только меньшевистскими лидерами. Ознакомившись с первой ее половиной, Мартов писал Аксельроду, что она «очень хороша, хотя и не равна»².

Главное, что привлекло внимание меньшевистских лидеров к брошюре Троцкого, это ее антиленинская направленность, беспринципная готовность автора перечеркнуть все историческое прошлое социал-демократического движения ради обоснования меньшевистской идейки о неправомерности большевизма. Троцкий взял под защиту уже к тому времени окончательно скомпрометировавших себя экономистов, объ-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 389.

² Письма П. В. Аксельрода и Ю. О. Мартова, стр. 105.

явив их течением, больше всего сделавшим для пробуждения активности рабочего класса. Зато «Искру», борющуюся против экономистов, он пытался представить оторванной от пролетарского движения газетой, занимавшейся общедемократической работой среди буржуазно-радикальной интеллигенции. Вся борьба искровцев против экономистов под пером Троцкого выглядела сплошной бессмыслицей, отходом от «демократических форм организационной жизни». Решения II съезда им ставились под сомнение, а Программа РСДРП объявлялась простым перепевом программы группы «Освобождение труда».

Комментируя эти утверждения Троцкого, Ленин писал: «Балалайкин-Троцкий, пишущий под редакцией «Искры», объявил уже съезд *реакционной попыткой* закрепить искровские планы»¹. Нападки Троцкого на старую «Искру», его попытка реабилитировать экономизм свидетельствовали о том, что Троцкий не расстался со своим экономистским прошлым и по-прежнему находился на правом крыле меньшевизма.

Одновременно он яростно защищал основные положения меньшевистской платформы, подвергнутые уничтожающей критике в ленинской книге «Шаг вперед, два шага назад». Главный удар в брошюре Троцкого был направлен на ленинские принципы строительства пролетарской партии. Троцкий, как и все меньшевики, клеветнически обвинял большевиков в формализме, фетишизации Устава партии, стремлении к «заместительству» рабочего класса, к установлению «диктатуры над пролетариатом», в отходе от социалистических целей движения и переходе на чисто «демократические» позиции. Повторяя выпады меньшевиков против В. И. Ленина, он всячески поносил ленинский внутривнутрипартийный режим, за создание которого боролись большевики, приписывал им стремление строить партию по образцу капиталистической фабрики, превратить членов РСДРП в послушные «колесики» и «винтики», выступал против централизма в строении и деятельности партии и против строгой партийной дисциплины. Идеал внутривнутрипартийной жизни он видел в постоянных дискуссиях и спорах, в борьбе различных течений и групп. Практическую же работу, основанную на принципе разделения труда между отдельными членами партии, он объявлял «убивающей» всякую инициативу и сознательность.

С особой злобой Троцкий обрушился лично на В. И. Ленина, не жалея самых грубых выражений, чтобы изобразить его

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 395.

«вождем реакционного крыла партии», «диктатором», «душителем», якобинцем, а не марксистом. Книгу Ленина «Шаг вперед, два шага назад» Троцкий объявил «яростной попыткой помешать социал-демократам стать социал-демократами».

Брошюра Троцкого, таким образом, преследовала цель оправдания и «теоретического» обоснования раскольнической деятельности меньшевиков, пересмотра решений II съезда РСДРП, реабилитации экономистов и других оппортунистов. Это была попытка противопоставить ленинскому учению о партии нового типа меньшевистский план превращения РСДРП в оппортунистическую, рыхлую, небоеспособную партию — подобие партий II Интернационала, — призванную отвлечь пролетариат от революционной борьбы и освятить союз марксистской интеллигенции с либеральной буржуазией.

Не случайно поэтому брошюра Троцкого получила одобрительный отзыв у либералов. В октябре 1904 года журнал их признанного вождя П. Струве «Освобождение» похвалил меньшевиков за то, что они «защищают теперь нечто более жизненное и дееспособное, чем „большевики“». Однако даже этот либеральный журнал не мог не осудить форму, которую избрал Троцкий в своих нападках на большевиков: «К сожалению только, защита эта ведется не совсем или, вернее, совсем некорректно, доходя часто до явного неприличия в выборе средств. Примером такой некорректной защиты могут служить бесчисленные статьи последнего времени в «Искре» и появившаяся на днях брошюра *Н. Троцкого*: Наши политические задачи... Отличаясь во многих местах пустозвонством, она, однако, совершенно справедливо берет под свою защиту некоторые идеи, с которыми интересующиеся социал-демократической литературой знакомы уже по писаниям гг. Акимова, Мартынова, Кричевского и других так называемых „экономистов“¹.

«Услужливый либерал на этот раз нечаянно сказал сущую правду»² — так В. И. Ленин комментировал эти утверждения Струве, «знатока, чемпиона и эксперта в вопросах оппортунизма»³.

Появление антиленинского пасквиля Троцкого вызвало глубокое возмущение в партийных организациях России. Направленная против книги В. И. Ленина «Шаг вперед, два

¹ Цит. по: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 72.

² Там же, стр. 74.

³ Там же.

шага назад» брошюрка Троцкого не смогла оказать какого-либо реального влияния на социал-демократическое движение в России. Знакомясь с ленинской книгой, изучая ее, революционные марксисты воочию убеждались в бедности теоретической мысли меньшевиков, не сумевших противопоставить ленинизму ничего другого, кроме очередного перепева идей Аксельрода и других меньшевистских горе-теоретиков.

Задуманная меньшевиками как попытка задержать победное шествие ленинизма в партийных организациях России троцкистская диверсия только ускорила процесс разоблачения меньшевизма в глазах широких пролетарских масс, воочию показала сознательным рабочим, что оппортунисты прибегают к самым нечистоплотным приемам борьбы, чтобы дискредитировать революционную часть партии.

Под натиском творческого марксизма меньшевики сдавали одну позицию за другой. Партийные организации сплывали под большевистскими знаменами, все шире развертывали подготовку к III съезду РСДРП. В августе 1904 года на конференции 22 большевиков в Женеве было принято написанное В. И. Лениным обращение «К партии», в котором давался анализ внутрипартийного положения и намечались конкретные меры по подготовке к съезду. В сентябре—декабре 1904 года три областные партийные конференции, на которых были представлены 13 крупнейших партийных комитетов, избрали бюро комитетов большинства — общерусский центр партии, который возглавил В. И. Ленин. С декабря 1904 года за границей стал выходить печатный орган большевиков — газета «Вперед», пользовавшаяся полной поддержкой большинства партийных организаций России.

Меньшевизм, оказавшийся под угрозой полной изоляции от передовых пролетарских масс России, стал разваливаться, так и не сумев объединить оппортунистические элементы в борьбе против ленинизма. Верный себе, одним из первых поспешил покинуть тонущий меньшевистский корабль Троцкий. Он, в частности, обрушился с критикой на Дана, с которым боролся за влияние на меньшевистскую партию.

Интриганское поведение Троцкого вызвало возмущение даже меньшевистских лидеров. Защищая Дана, Потресов писал, что Троцкий беспрерывно меняет свои взгляды, прикидывается то тем, то другим, отлынивает от прямого ответа и вместе с тем готовит план нападения с тыла. В сентябре 1904 года Троцкий формально вышел из состава руководящего центра меньшевистской организации, объявив себя сто-

ящим вне фракций¹. Но всей своей практической деятельностью и теоретическими взглядами Троцкий оставался по-прежнему неразрывно связанным с меньшевиками. Не случайно поэтому Мартов уже в октябре 1904 года отмечал: «С Троцким... наступило «успокоение»: он начал даже писать для «Искры» и, видимо, смягчился»².

Разрыву (чисто формальному) Троцкого с меньшевиками в немалой степени способствовала его личная обида на Плеханова и других редакторов «Искры». Здесь проявилась и буржуазно-индивидуалистическая неспособность Троцкого к работе в каком бы то ни было коллективе, анархическая неприязнь к любой дисциплине, в том числе и меньшевистской.

Показная «внефракционность» стала отличительной чертой всей последующей политической деятельности Троцкого, который, по своим идейным убеждениям ничем не отличаясь от стопроцентного меньшевика, большей частью предпочитал не связывать себя слишком тесными узами организационной зависимости от меньшевистской партии и ее руководства. Не сумев стать единоличным лидером меньшевиков, он рассчитывал создать под флагом внефракционности собственную троцкистскую фракцию, а на ее основе и оппортунистическую антиленинскую партию, которая бы объединила всех противников творческого марксизма на платформе троцкизма и во главе которой стоял бы единолично Троцкий.

Оказавшись формально вне меньшевистской фракции, но продолжая идейно принадлежать к ней и активно сотрудничать в ее печатных органах и ее руководящих центрах, Троцкий пошел вправо, снова сблизившись с экономистами. При его помощи Мартынов налаживал контакты с меньшевистской «Искрой», также заинтересованной в блоке с экономистами во имя совместной борьбы против большевиков³. Основу такого «противоестественного и гнилого уже в существе своем политического союза Плеханова, Мартынова и Троцкого»⁴ составляла крайняя беспринципность Троцкого, готового приспособлять свои взгляды к любому «перспективному», с его точки зрения, оттенку оппортунистической мысли, начи-

¹ См.: Социал-демократическое движение в России, т. I, стр. 141, 376.

² Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова, стр. 110.

³ «Сосватал меня с новой „Искрой“ Троцкий», — писал впоследствии Мартынов (А. Мартынов. Воспоминания из эпохи II съезда РСДРП. М., 1934, стр. 45).

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 395.

ная от «легального марксизма» и кончая самыми крайними формами анархизма и анархо-синдикализма.

Отмечая эту характерную черту троцкизма, кичившегося своей мнимой внефракционностью, В. И. Ленин писал: «Троцкий совершает плагиат сегодня из идейного багажа одной фракции, завтра — другой, и поэтому объявляет себя стоящим выше обеих фракций»¹.

С началом первой русской революции происходит «полевение» Троцкого. Он сблизился с А. Л. Гельфандом (Парвусом), выходцем из России, жившим в Германии и примыкавшим в конце XIX—начале XX века к левому крылу СДПГ. Наряду с Аксельродом Парвус оказал решающее влияние на формирование взглядов Троцкого. Человек, обладавший систематическим образованием и серьезными теоретическими знаниями, имевший большой опыт журналистской деятельности, на десять лет старше Троцкого по возрасту, он привил своему ученику «ультралевые» взгляды, которых тот с большей или меньшей последовательностью придерживался на протяжении всей последующей жизни, хотя и выдавал их за собственные «теоретические открытия».

В борьбе между большевиками и меньшевиками Парвус всецело стоял на позициях последних. Оказавшись в России в годы первой русской революции, он активно сотрудничал с меньшевиками, отстаивая их тактические установки. Впоследствии Парвус вообще отошел от социал-демократического движения. В годы первой мировой войны он занимался крупными спекуляциями в Германии, наживался на военных поставках. Умер Парвус убежденным противником Советской власти, Коммунистической партии, социализма. Троцкий на всю жизнь остался благодарен своему учителю, которому он посвятил немало теплых слов в автобиографических работах.

В начале 1905 года вместе с Парвусом в Россию приехал и Троцкий. Они установили самые тесные связи с меньшевистскими центрами и органами печати. Весной 1905 года меньшевики издали брошюру Троцкого «До 9 января» с предисловием Парвуса. Троцкий публиковал свои статьи в «Искре» и других меньшевистских изданиях. Вместе с Парвусом он вошел в состав редакции меньшевистской газеты «Начало», вышедшей вместо «Искры» в ноябре — начале декабря 1905 года. Он, как писал Ленин, «вернулся к меньшевикам в 1905 г., щеголяя лишь ультрареволюционной фразой»².

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 375.

² Там же.

Стремительный переход с правого на «левое» крыло меньшевистской партии не повлек за собой каких-либо изменений в отношении Троцкого к большевикам. Он по-прежнему яростно боролся против них, атакуя ленинскую партию уже с «левых», а по сути дела все с тех же правооппортунистических позиций, маскируемых «левой» фразой. Увлечение «левой» фразой не меняло оппортунистической сущности троцкистского мировоззрения и свидетельствовало лишь об одном: о характерной для мелкой буржуазии неустойчивости взглядов Троцкого, о его стремлении приспособить эти взгляды к условиям мощного революционного подъема, охватившего народные массы России.

Настроения мелкобуржуазного революционаризма, возобладавшие в позиции Троцкого в годы первой русской революции, неразрывно были связаны с его былыми симпатиями к народничеству, а правооппортунистические концепции, которые мирно уживались в троцкистском мировоззрении с «лево»-авантюристическими, полуанархистскими представлениями, указывали на идейное родство троцкистского псевдомарксизма с экономизмом.

Троцкизм, представлявший собой смесь анархистско-народнических, лассальянских, экономистских, меньшевистских, парвусистских и каутскианских взглядов, завершил свое идейное становление в качестве претендующего на самостоятельность направления оппортунистической мысли в России. Отчетливо проявились при этом основные характерные черты троцкизма как разновидности меньшевизма: ярый антибольшевизм, откровенная антиленинская направленность, отрицание всякой партийности, бросающийся в глаза эклектизм в теоретических вопросах, гегемонистские претензии на роль ведущего направления в российской социал-демократии, беспринципная готовность к любым уступкам буржуазии и ее оппортунистической агентуре, а также крикливая, «ультралевая» фразеология, прикрывающая эту готовность.

Троцкий, стремившийся во что бы то ни стало занять «особое» место в социал-демократическом движении России, не скрывал, а, наоборот, всячески афишировал претензии на превращение своих эклектических взглядов в «самостоятельный» оттенок оппортунистической мысли. Именно открытое противопоставление этих оппортунистических взглядов подлинно марксистским, ленинским и стало главным методом борьбы Троцкого и его немногочисленных единомышленников против В. И. Ленина и большевистской партии. Именно таким

путем Троцкий хотел навязать свою гегемонию и меньшевистской партии, и всему российскому социал-демократическому движению. Однако впоследствии, вступив в большевистскую партию, Троцкий впервые в широких масштабах применил новую, фарисейскую тактику борьбы ревизионизма против ленинизма — скрытую подмену ленинизма оппортунизмом. По тактическим соображениям он стал утверждать, что будто бы никогда не претендовал на создание связанного с его именем самостоятельного направления в российской социал-демократии и что взгляды его будто бы всегда «в основном» совпадали с ленинскими (или даже «предвосхищали» их). Троцкий уверял, что термины «троцкизм» и «троцкисты» стали применяться в 1920-е годы и что их «придумали» его противники из большинства ЦК, хотевшие таким образом «дискредитировать» Троцкого в глазах широкой партийной массы. На самом же деле именно В. И. Ленин разоблачил сомнительные претензии Троцкого на «особую», самостоятельную роль в социал-демократическом движении, применил термины, характеризовавшие суть этих претензий. О «троцкистах» и «троцкизме» В. И. Ленин неустанно писал и говорил начиная с 1905 года. При этом он постоянно подчеркивал, что все попытки Троцкого занять «особое» место в социал-демократическом движении заканчиваются неизменным провалом, что троцкизм — это лишь повторение меньшевистских и других оппортунистических концепций, а отнюдь не оригинальная, самостоятельная теория, что число сторонников Троцкого даже в эмигрантских кругах измеряется единицами, а в России влияние троцкистов вообще равно нулю, что колебания и шатания, характерные для Троцкого, типичны для многих других оторванных от массового движения и от подлинного революционного дела эмигрантских интеллигентских группчек, что эти колебания и шатания ничего, кроме неустойчивости и эклектичности взглядов самого Троцкого, не отражают. Троцкисты, писал В. И. Ленин, «играют... в «державы», «течения», соглашающиеся друг с другом! Это одна ребяческая забава людей, которые хотят важными словами прикрыть беспросветную пустоту и бессодержательность своих „группок“»¹.

За годы своей мнимой «внефракционности» Троцкий навел на российскую и западноевропейскую социал-демократическую печать сотнями скороспелых опусов, в которых тщет-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 359.

но пытался навязать свои внешне «оригинальные», а по сути дела все те же меньшевистские установки по вопросам теории и тактики российскому и международному рабочему движению. Русские меньшевики, оппортунисты из западноевропейских социал-демократических партий всячески рекламировали выступления Троцкого. Но какого-либо влияния на массовое рабочее движение они, несмотря на все старания Троцкого и его покровителей, не оказывали. Поэтому В. И. Ленин и большевики, как правило, оставляли без внимания большинство путаных, оторванных от реальной жизни «теоретических» откровений этого эпигона меньшевизма, предпочитая наносить удары по тем концепциям, которые развивали наиболее солидные и влиятельные представители российского и международного оппортунизма.

Главный бой между ленинизмом и троцкизмом развернулся не в области теории (там Троцкий не создал ничего самостоятельного, оригинального) и не в области политической стратегии и тактики пролетариата (в этой области партия направляла свои основные удары против течений и групп, пользовавшихся реальным влиянием на массовое рабочее движение). Основной ареной непримиримой борьбы ленинизма против троцкизма стала сфера партийного строительства. Именно раскольническая, интриганская, в подлинном смысле слова подрывная деятельность Троцкого в рядах российского и международного социал-демократического движения, отличавшаяся исключительной активностью, упорством и агрессивностью, стала одним из главных препятствий на пути к восстановлению внутривнутрипартийного единства, разрушенного меньшевиками после II съезда РСДРП. И не случайно поэтому огромное большинство произведений В. И. Ленина, в которых содержится критика троцкизма, направлено прежде всего на разоблачение главного в деятельности Троцкого — его раскольничества и беспринципного интриганства в борьбе против большевиков, прикрытого демагогическими криками об «интересах» пролетариата, «примирении» враждующих фракций и «единстве» партии. Сегодня все приемы интриганской борьбы против подлинных марксистов-ленинцев, разработанные и «теоретически» обоснованные Троцким, берут на свое вооружение маоисты, раскольническая и подрывная деятельность которых превратилась в главную угрозу для единства международного коммунистического и революционного движения.

В годы первой русской революции большевики руководствовались тактикой левого блока, сплачивали все революци-

онно-демократические силы для борьбы с царским самодержавием. Важную роль в осуществлении этой тактики должно было сыграть восстановление и укрепление единства РСДРП. Однако меньшевики, боясь роста большевистского влияния на массы, продолжали свою раскольническую политику. «Внефракционный» Троцкий помогал им дезорганизовывать ряды социал-демократов.

Созванный в Лондоне в апреле 1905 года III, чисто большевистский, съезд РСДРП утвердил ленинские тактические установки в условиях начавшейся революции, принял ленинскую формулировку первого параграфа Устава, решительно осудил раскольническую деятельность меньшевиков.

Меньшевики ответили на решения III съезда созывом своей конференции в Женеве, которая приняла совершенно противоположные большевистским тактические установки в революции и еще больше углубила раскол в РСДРП. Два съезда — две партии¹ — так В. И. Ленин охарактеризовал сложившееся положение. Однако под давлением местных организаций, убеждавшихся по мере развертывания революции в правильности ленинской тактической линии, меньшевики вынуждены были пойти на восстановление прерванных расколом связей с большевиками. В партии развернулась подготовка к Объединительному съезду РСДРП.

Троцкий, на словах ратовавший за объединение партии, на деле всячески противился ему. На это, в частности, указывал В. И. Ленин, писавший, что в октябрьско-ноябрьские дни 1905 года меньшевики отличались от большевиков «только увлечениями Троцкого»². Троцкий сколачивал свою собственную фракцию, которую он хотел противопоставить ленинцам, пользовавшимся все большим влиянием на пролетарские массы.

Возглавленное В. И. Лениным дело сплочения партии побеждало, несмотря на сопротивление Троцкого и других «внефракционных» раскольников. IV (Объединительный) съезд РСДРП, состоявшийся в 1906 году, положил конец организационному расколу в партии и провозгласил ее формальное объединение. Отчаянные попытки Троцкого сыграть на съезде какую-либо самостоятельную роль полностью провалились. В «Докладе об Объединительном съезде РСДРП» В. И. Ленин писал: «...бросалось в глаза полное отсутствие среди меньше-

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 265.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 62.

виков того течения... которое в партии привыкли связывать с именами тт. Парвуса и Троцкого. Правда, возможно, что «парвусисты» и «троцкисты» среди меньшевиков были, — меня, например, уверяли, что их было человек до 8, — но... им не удалось проявить себя»¹.

В надежде выйти из затруднительного положения ценой приспособления своих взглядов к точке зрения представителей основного ядра меньшевистской партии — парвусисты качнулись вправо². Троцкий же временно отходит от меньшевиков и даже «подходит к большевикам»³. Но в конце 1906 года он «фактически опять был с меньшевиками»⁴, а на V (Лондонском) съезде РСДРП весной 1907 года «говорил от „центра“»⁵, выступая наряду с меньшевиками и бундовцами в качестве представителя оппортунистического крыла съезда⁶.

Таким образом, главным итогом всех качаний и колебаний Троцкого в годы первой русской революции был окончательный переход его на центристские позиции в меньшевистской партии, с которых он и продолжал свои атаки на ленинизм в последующие годы.

Для Троцкого, Каутского и других российских и западноевропейских представителей центризма это понятие было чисто геометрическим, означавшим нахождение на позициях, якобы одинаково удаленных от левого и правого крыла партии, «в целях» их взаимного уравновешения и примирения. Для Ленина же центризм — это понятие политическое. Оно выражает существо одной из самых худших и коварных разновидностей оппортунизма, пытающейся силами правых покончить с левыми и таким образом утвердить свое безраздельное господство в социал-демократическом движении. Характеризуя западноевропейскую разновидность центризма — каутскианство, В. И. Ленин подчеркивал, что оно — «социальный продукт противоречий II Интернационала, соединения верности марксизму на словах и подчинения оппортунизму на деле»⁷. Все отличие центризма Троцкого от центризма Каутского состояло в том, что даже словесным прикрытием оппортунизма у первого служила верность не столько мар-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 6.

² См. там же.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 205.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 375.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 325.

⁶ См. там же, стр. 368.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 324.

ксизму, которого Троцкий никогда глубоко не знал, сколько «левой» фразе, мастером которой Троцкий проявил себя действительно в полном объеме. «Троцкий плетется за меньшевиками, прикрываясь особенно звонкой фразой»¹ — так характеризовал суть троцкистского центризма В. И. Ленин.

Центризм стал особенно опасной формой оппортунистического искажения творческого марксизма после поражения революции в России, когда большевикам приходилось отбивать яростное наступление черносотенно-помещичьей реакции. Чтобы спасти партию в это трудное для нее время, требовалось сплочение всех революционных социал-демократов под знаменами ленинизма — единственной теории, выдержавшей проверку в огне революционных испытаний и указывавшей верный путь пролетариату к победе.

Напуганные размахом царских репрессий, отшатнулись от РСДРП неустойчивые мелкобуржуазные элементы. Большая часть меньшевиков перешла на позиции ликвидаторства, разорвав последние связи с партийностью. Ликвидаторы готовы были распустить нелегальные социал-демократические организации, чтобы такой ценой вымолить у правительства право на легальное существование утративших свой боевой характер и потому неопасных для самодержавия остатков меньшевистской партии.

«Ликвидаторство, — отмечал В. И. Ленин, — есть такой оппортунизм, который доходит до отречения от партии»². Ликвидаторы помогали буржуазии вносить дезорганизацию в ряды рабочего класса. Как писал В. И. Ленин, «это мелкобуржуазные интеллигенты, посланные буржуазией нести либеральный разврат в рабочую среду»³.

Мелкобуржуазные элементы, оказавшиеся в рядах большевиков, ударились в противоположную крайность. Они предлагали свернуть все легальные формы работы партии и превратить ее в оторванную от масс малочисленную сектантскую группу. Отзовисты — сторонники отрыва социал-демократических представителей из легальных организаций, — как и меньшевики, надеялись такой ценой умиловить власти и обезопасить остатки социал-демократической партии от полицейских преследований. Их точка зрения также означала полный разрыв с ленинским учением о партии нового типа, видящей смысл своего существования в постоянной работе в

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 358.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 69.

³ Там же, стр. 80.

народных массах, в теснейшей связи с ними. В. И. Ленин неоднократно называл отзовистов ликвидаторами наизнанку.

По призыву В. И. Ленина революционные социал-демократы поднялись на борьбу против ликвидаторов и отзовистов, объективно помогавших царской охранке уничтожить партию. Преодоление разлагающей деятельности напуганных репрессиями правых и «левых» оппортунистов стало не менее важной задачей, чем спасение членов партии и целых партийных организаций от полицейских преследований. Свой голос в защиту партии подняла и часть (правда, незначительная) меньшевиков. Меньшевики-партийцы во главе с Плехановым вступили в союз с большевиками для того, чтобы спасти РСДРП.

И вот в этот переломный момент в истории социал-демократического движения нашлись люди, которые взяли под защиту непримиримых врагов партии — отзовистов и ликвидаторов — и, прикрываясь криками о «единстве», попытались ослабить натиск большевиков и меньшевиков-партийцев на порвавших с партийностью правых и «левых» оппортунистов.

Логически продолжая свою прежнюю лавирующую линию, неблагоприятную роль адвоката ликвидаторов и отзовистов взял на себя Троцкий¹. Под прикрытием мнимой внефракционности он с центристских позиций атаковал ленинские принципы партийного строительства. На словах Троцкий не соглашался с разрушителями партии, на деле же всячески помогал им. Он выступал против исключения распорядившихся оппортунистов из РСДРП, проповедовал примиренчество в отношении к ним, всячески старался уберечь их от разгрома, надеясь превратить ликвидаторство и отзовизм в «законные» оттенки теории и тактики социал-демократов. Большевиков же Троцкий лживо обвинял в раскольничестве, в забвении интересов пролетарского движения. «Задача Троцкого, — писал В. И. Ленин, — в том и состоит, чтобы прикрывать ликвидаторство, бросая песок в глаза рабочим»².

Троцкий демагогически спекулировал на том, что среди ликвидаторов и отзовистов были и рабочие. Но, как в свое время указывали еще К. Маркс и Ф. Энгельс, характер политической партии определяется не только ее составом, но и тем, какую политику она проводит, кому принадлежит руководящая роль в ней. Имея в виду Э. Бернштейна и других оппортунистических деятелей социал-демократической партии

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 36.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 31.

Германии, К. Маркс и Ф. Энгельс писали ее руководителям в своем знаменитом «Циркулярном письме»: «Если же в руки таких людей в той или иной мере попадет даже партийное руководство, значит, партия попросту кастрирована и в ней нет больше пролетарской энергии... нам, к сожалению, не останется ничего другого, как выступить против этого публично и положить конец той солидарности с вами, которую мы проявляли до сих пор...»¹ Вместе с тем К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что если оппортунисты образуют свою собственную «социал-демократическую мелкобуржуазную партию, то это их полное право. Тогда мы могли бы вступить с ними в переговоры, при известных условиях блокироваться и т. д.»².

Этими идеями Маркса и Энгельса всецело руководствовался В. И. Ленин. Он добивался осуждения ликвидаторов и отзовистов, лидеры которых оказались в идеологическом плену у буржуазии и мелкой буржуазии, стоял за четкое и определенное размежевание с ними, чтобы они не могли выступать от имени пролетарского социал-демократического движения. Но В. И. Ленин отнюдь не исключал возможности контактов с этим мелкобуржуазным крылом рабочего движения по тем вопросам, по которым удастся выработать общую точку зрения.

Такую же гибкую тактику проводят коммунистические партии и в современной борьбе против «левого» и правого оппортунизма. Решительное осуждение деятелей, изменивших творческому марксизму, пролетарскому движению, ничего общего с раскольничеством не имеет, а преследует лишь цель размежевания с отступниками или колеблющимися в интересах еще большего сплочения лагеря подлинных революционеров. Всякое же примиренчество, неопределенность, половинчатость в конечном счете оказываются выгодными только противникам творческого марксизма, помогая им укреплять свои позиции для новых атак на коммунистические партии.

Подлинная суть «примиренчества» Троцкого отчетливо проявилась в той антибольшевистской деятельности, которую он развернул под прикрытием демагогических фраз о единстве партии.

Борьба Троцкого против большевистской партии вновь приобрела крайне острые формы. В своих яростных нападках на

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 174—175.

² Там же, стр. 174.

Ленина и остальных большевиков «внефракционный» Троцкий ничуть не уступал Троцкому — явному меньшевику. Грубая клевета, подтасовка фактов, личные оскорбления, низкопробное интриганство, откровенная демагогия — все это излюбленное оружие троцкизма снова было пущено в ход. Внутрипартийный кризис, вызванный разлагающей деятельностью ликвидаторов и отзовистов, превзошел по своим масштабам и глубине кризис, вызванный раскольническими действиями меньшевиков после II съезда РСДРП. И в центре этого кризиса опять замаячила фигура Троцкого.

Новый этап борьбы ленинизма против троцкизма, как и после II съезда РСДРП, был связан с вопросами партийного строительства, которые приобрели в условиях коренной перестройки работы партии после поражения первой русской революции первостепенное значение. Троцкизм, выросший из «организационного оппортунизма» меньшевиков, выступал против подлинной партийности, за превращение партии в конгломерат враждующих фракций и течений. Это было прямое продолжение той борьбы, которую Троцкий непрерывно вел против ленинского учения о пролетарской партии нового типа начиная еще со II съезда РСДРП. Целью раскольнической, дезорганизаторской деятельности Троцкого была коренная перестройка РСДРП по образцу и подобию реформистских партий II Интернационала.

Отрицание ленинских принципов партийной жизни, анархистская неприязнь к большевистской организованности и дисциплине, решительная борьба против важнейшей основы боеспособности партии — ее централизма — главное в троцкизме. Именно с этих позиций Троцкий атаковал большевиков в годы своего сотрудничества с меньшевиками. С тех же позиций он подвергал ожесточенным нападкам политику партии и ее ЦК после Октябрьской революции. С этих антимарксистских позиций он предпринимал яростные атаки на ВКП(б) и братские коммунистические партии, когда оказался за пределами нашей Родины.

Оппортунистическая ненависть к большевистской партийности, переросшая в явный антикоммунизм и антисоветизм, роднит троцкизм с другими, в том числе и современными, антиленинскими течениями, также видящими смысл своего существования в сокрушении мощи марксистско-ленинского авангарда пролетариата.

И в наши дни главной целью любой разновидности оппортунизма является истребительная война против марксистско-

ленинских партий, подрывная работа по расколу и ослаблению их единства.

Общность теоретических, тактических и организационных установок примиренца Троцкого и явных разрушителей партии — ликвидаторов и отзовистов — создавала реальную основу для возникновения единого блока всех оппортунистических сил в борьбе против ленинизма. Инициатором создания такого блока выступил Троцкий. Он поддерживал самые тесные связи со своими фактическими единомышленниками — меньшевиками-ликвидаторами, а также с отзовистами, бундовцами и другими оппортунистами.

Один из лидеров ликвидаторства Дан писал в те годы, что Троцкий лично и политически «неразлучен с нами», т. е. с ликвидаторами¹. Он активно сотрудничал в ликвидаторских газетах и журналах «Наша заря», «Возрождение», «Луч» и других. Поселившись в Вене, он издавал там на деньги ликвидаторов и оппортунистов из руководства СДПГ антипартийную газету «Правда», сотрудниками которой были явные меньшевики, в том числе С. Бронштейн (Семковский), А. Иоффе — впоследствии активный троцкист, М. Скобелев — впоследствии министр Временного правительства.

Слепо следуя писаниям самого Троцкого, современные фальсификаторы истории КПСС, например Л. Шапиро, утверждают, что троцкистская «Правда» будто бы избегала всякой полемики, стояла в стороне от фракционной борьбы. На самом деле, как это убедительно показано в работах советских историков, «внефракционность» этой троцкистской газеты была лишь показной, а на деле она защищала ликвидаторов и отзовистов, вела кампанию за разрыв меньшевикопартийцев с большевиками². «„Правда“, — писал ликвидатор Дан, — только популярно излагает взгляды „Голоса социал-демократа“»³, т. е. заграничного печатного органа меньшевик-ликвидаторов.

Троцкисты установили связь с антиленинской группой «Вперед», пытались привлечь слушателей отзовистской школы на о. Капри для работы в своей «Правде»⁴. Самые близкие отношения с венской «Правдой» установили московские

¹ См.: В. А. Гринько и др. Указ. соч., стр. 98.

² См.: там же, стр. 105—106; Ф. Д. Кротов. Борьба В. И. Ленина за сохранение и укрепление РСДРП в годы столыпинской реакции. Изд-во «Мысль», 1969, стр. 69.

³ К. Д. Шалагин. Борьба большевиков с троцкизмом (1907 — 1914 гг.). Изд-во «Высшая школа», 1965, стр. 19.

⁴ См.: В. А. Гринько и др. Указ. соч., стр. 106.

отзовисты (Н. Осинский, В. Смирнов, Н. Бухарин и другие)¹. И ликвидаторы, и отзовисты находили в Троцком надежного союзника в борьбе против большевистской партийности.

Троцкий старался дезинформировать западноевропейские социал-демократические партии, изобразить большевиков ответственными за кризис в РСДРП. Одновременно он всячески выпячивал собственную личность, пытался выставить себя в глазах западноевропейских социал-демократов выразителем подлинного мнения большинства российских марксистов. Он установил тесный контакт с Каутским и другими центристскими вождями СДПГ. Органы СДПГ газета «Форвертс» и журнал «Нейе цайт» широко предоставили свои страницы для различных антибольшевистских пасквилей, принадлежавших перу Троцкого, Мартова и других противников ленинизма. В то же время Ленину и его единомышленникам, стремившимся ответить клеветникам, дорога в эти издания была закрыта оппортунистами².

Как отмечал В. И. Ленин, «Мартов и Троцкий безнаказанно лгут и пишут пасквили под видом «научных» статей!»³. В протесте, который В. И. Ленин, Г. В. Плеханов и польский социал-демократ А. Варский направили в правление СДПГ, публикация одной из статей Троцкого в «Форвертсе» характеризовалась ими как «беспримерное нарушение интернациональной солидарности и братства по отношению к русской социал-демократии»⁴. Показывая истинное лицо Троцкого, В. И. Ленин писал: «...если немецким товарищам Троцкий говорит, что он представляет «общепартийную тенденцию», то мне приходится заявить, что Троцкий представляет лишь свою фракцию и пользуется некоторым доверием исключительно у отзовистов и ликвидаторов»⁵.

В. И. Ленин неоднократно указывал на то, что российские «центровики» (центристы) прекрасно уживаются с ликвидаторами и другими явными оппортунистами в единой меньшевистской партии. «Левое»-центристская позиция, занятая Троцким, также полностью соответствовала основным программным и тактическим установкам меньшевиков. Несмотря на свою мнимую внефракционность, Троцкий продолжал

---

¹ См.: Ф. Д. Кретов. Указ. соч., стр. 77, 118.

² Ленин и международное рабочее движение, стр. 134—137.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 269.

⁴ Там же, стр. 297.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 375—376.

идейно сотрудничать с меньшевистской партией и поддерживать с нею определенные организационные связи.

В. И. Ленин неустанно разоблачал его как активного пособника явных оппортунистов, срывал с него маску «внефракционности», показывал, что Троцкий был и остается активным членом меньшевистско-ликвидаторской партии. «Троцкий повел себя, как подлеший карьерист и фракционер... — писал он в августе 1909 года. — Болтает о партии, а ведет себя хуже всех прочих фракционеров»¹.

«С Троцким нельзя спорить по существу, — отмечал В. И. Ленин в 1910 году, — ибо у него нет никаких взглядов. Можно и должно спорить с убежденными ликвидаторами и отзовистами, а с человеком, который играет в прикрытие ошибок и тех и других, не спорят: его разоблачают...»²

В брошюрах, статьях и письмах 1908—1916 годов, включенных в Полное собрание сочинений В. И. Ленина, вождем нашей партии свыше двухсот раз обращается к характеристике идейно-политической позиции Троцкого. И во всех этих ленинских произведениях дается острая, убийственная оценка троцкизму, который В. И. Ленин рассматривал как самую низкопробную центристскую разновидность меньшевизма. В борьбе против Троцкого и других оппортунистов В. И. Ленин защищал и развивал учение о пролетарской партии нового типа, сплачивал революционных марксистов, оттачивал их политическую бдительность и идейную убежденность, готовил кадры партии к новым, решающим схваткам с царским самодержавием и буржуазно-помещичьим строем.

С особым возмущением В. И. Ленин относился к любым попыткам замазать коренную противоположность троцкизма и большевизма, которые были характерны для деятельности некоторых примиренчески настроенных большевиков. В угоду мнимому беспринципному «единству» партии Зиновьев, Каменев, Рыков, Томский, Рожков, вскоре перешедший в лагерь меньшевиков, Ногин, а также Любимов, Гольденберг (впоследствии оборонцы) и некоторые другие готовы были пойти на уступки Троцкому, вели переговоры о сотрудничестве в его венской газете и об оказании ей материальной помощи. Узнав об этих переговорах, В. И. Ленин категорически протестовал против объединения с Троцким³. «...Он хочет «устроить» на

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 188.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 31.

³ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 185.

наш счет, негодяй, всю теплую компанийку „Правды“! — писал В. И. Ленин¹. В. И. Ленин решительно выступал за «разрыв с этим проходимцем и разоблачение его в ЦО»². Так же резко осуждал Ленин и защитников Троцкого — примиренцев. «Примиренцы, — писал Владимир Ильич, — отнюдь не большевики... они не имеют ничего общего с большевизмом... они просто непоследовательные троцкисты»³.

Вождь партии указывал, что «Троцкий и подобные ему «троцкисты и соглашатели» вреднее всякого ликвидатора, ибо убежденные ликвидаторы прямо излагают свои взгляды, и рабочим легко разобрать их ошибочность, а гг. Троцкие *обманывают* рабочих, *прикрывают* зло, делают невозможным разоблачение его и излечение от него. Всякий, кто поддерживает группку Троцкого, поддерживает политику лжи и обмана рабочих, политику прикрывания ликвидаторства»⁴.

В январе 1910 года примиренцы добились созыва пленума ЦК РСДРП в Париже, на котором преобладали явные противники большевизма. Цель пленума выразил Троцкий, предлагавший «объединение» всех течений в партии при сохранении каждой из них собственных позиций. «„Примирить“ лица и группы — в этом главное, — писал В. И. Ленин, характеризуя точку зрения Троцкого. — Если они не сходятся на проведении общей линии, надо истолковать эту линию так, чтобы она была приемлема для всех. Живи и жить давай другим. Это — «примиренчество» обывательское...»⁵

Троцкий настаивал на закрытии большевистской газеты «Пролетарий» и роспуске большевистской фракции, требовал отказа от ленинской линии борьбы на два фронта: против ликвидаторов и против отзовистов. При этом он фарисейски обвинял Ленина и большевиков в раскольничестве. Поддержанный ликвидаторами, отзовистами и большевиками-примиренцами, он сумел навязать пленуму свою точку зрения по ряду принципиальных вопросов. Характеризуя «идиотские» примиренческие ошибки пленума, В. И. Ленин прямо указывал, что они обессилили партию на год минимум⁶.

Однако большевики не дали себя обмануть явным и скрытым троцкистам. Под руководством В. И. Ленина, благодаря

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 188.

² Там же.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 338.

⁴ Там же, стр. 320.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 256.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 19.

его проницательности, они продолжали борьбу с ликвидаторами и отзовистами, добываясь полного очищения партийных рядов от этих союзников контрреволюционных либералов и царской охраны и сплочения партии на принципиальных марксистских основах.

«Внефракционный» Троцкий отчаянно защищал своих единомышленников. Редактируемая им «Правда» пропагандировала взгляды ликвидаторов, утверждала, что исключение их из партии якобы приведет к ее «обеспокоению и разложению»¹. В то же время троцкисты сами раздували, по выражению Плеханова, «пламя раскола»², стараясь изолировать, а затем и изгнать из партии большевиков-ленинцев. В апреле 1910 года венские сторонники Троцкого утвердили антипартийную резолюцию, в которой лживо обвиняли большевиков в срыве решений январского пленума ЦК об объединении фракций. На самом деле, как показал В. И. Ленин, эти решения, говорившие о необходимости борьбы против ликвидаторства и отзовизма, были сорваны потому, что оппортунисты продолжали свою работу по разрушению партии. Смысл резолюции венцев, отмечал Ленин, в том, что во всем виноваты большевики³. А единство можно было обеспечить лишь на принципиальной марксистской основе, которую отстаивали большевики.

В антибольшевистский блок Троцкий вовлек и отзовистов-впередовцев. В Болонье он заявил слушателям антипартийной школы группы «Вперед», что большевизм вскоре сойдет с политической сцены. В декабре 1910 года он писал в Вену: «Великая будет драка, — и Ленин в ней примет смерть»⁴.

Комментируя поездку Троцкого в Болонью, В. И. Ленин писал: «И сей Иудушка бьет себя в грудь и кричит о своей партийности, уверяя, что он отнюдь перед впередовцами и ликвидаторами не пресмыкался.

Такова краска стыда у Иудушки Троцкого»⁵.

Позорное прозвище «Иудушка» с тех пор прочно пристало к фамилии Троцкого.

---

¹ См.: С. Л. Титаренко. Разоблачение мелкобуржуазной сущности троцкизма в дооктябрьский период. «Вопросы истории КПСС», 1965, № 6, стр. 33.

² См.: Г. В. Плеханов. Соч., т. XIX, стр. 314.

³ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 254.

⁴ В. А. Гринько и др. Указ. соч., стр. 122.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 96.

Разоблачая интриганские действия Троцкого, В. И. Ленин писал в Российскую коллегию ЦК РСДРП: «Троцкий группирует всех врагов марксизма... Троцкий объединяет всех, кому дорог и люб идейный распад; всех, кому нет дела до защиты марксизма...»¹

Большевики-ленинцы разоблачали раскольнические действия Троцкого и его агентов, пытавшихся привлечь на сторону «внефракционной» фракции и сколачиваемого ею антибольшевистского блока недостаточно осведомленных о зарубежных делах партии рабочих. В результате все попытки Троцкого сколотить сколько-нибудь заметную группу своих сторонников в России полностью провалились. «В России он — 0»², — писал в июле 1912 года В. И. Ленин.

Для того чтобы покончить с «объединительным» кризисом в РСДРП, возникшим по вине Троцкого и других защитников ликвидаторов и отзовистов, большевики развернули подготовку к VI Всероссийской партийной конференции. Эта конференция открылась 5 (18) января 1912 года в Праге. Она исключила из партии ликвидаторов, своим поведением окончательно поставивших себя вне ее рядов. Конференция очистила партию и от других оппортунистов — троцкистов, впереводцев и т. д., указав, что эти и другие заграничные группочки, не подчиняющиеся ЦК, «не могут пользоваться именем РСДРП»³.

Конференция избрала Центральный Комитет, в состав которого вошли В. И. Ленин, Г. К. Орджоникидзе, С. С. Спандарьян, кооптированные в ЦК И. В. Сталин, Я. М. Свердлов, а также другие большевики. «Наконец удалось — вопреки ликвидаторской сволочи — возродить партию и ее Центральный Комитет»⁴ — так оценил решения конференции В. И. Ленин.

Изгнав оппортунистов из партии, конференция положила конец их раскольнической, разлагающей деятельности в партийных рядах, способствовала их изоляции от широких пролетарских масс России, завершила борьбу В. И. Ленина и его единомышленников за утверждение и закрепление подлинно марксистских революционно-пролетарских принципов в строении и деятельности РСДРП.

Решения Пражской конференции, единодушно одобренные

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 45—46.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 7.

³ КПСС в резолюциях..., ч. I, стр. 286.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 44.

подавляющим большинством социал-демократических организаций России, были злобно встречены оппортунистами. Троцкий опубликовал анонимную статью в органе СДПГ газете «Vorwärts». Но ничего, кроме ругани и вздорных обвинений большевиков в «узурпации», «государственном перевороте» и т. д., он так и не смог противопоставить реальному факту изгнания из партии оппортунистических руководителей. «...Статьи анонимного осведомителя «Vorwärts'a», — писал В. И. Ленин, имея в виду антибольшевистские пасквилы Троцкого, — отдают таким букетом беспардонного хвастовства и фразистой лжи, что не допускают сомнения в том, что ликвидаторский заказ на эти статьи попал в опытные руки»¹.

Стремясь противопоставить монолитной большевистской партии единый оппортунистический фронт, Троцкий взялся за неблагоприятное дело: сколотить из ликвидаторов, отзовистов и прочих злобных врагов большевистской партийности беспринципный блок, который стал бы основой антиленинской, реформистской партии. В этой роли Троцкий выступал уже подлинным объединителем, без кавычек. Но объединял он не пролетарскую партию, а ее открытых врагов, и не во имя партии, а ради борьбы против нее. В этом отчетливо проявилась суть троцкистского примиренчества, которое на практике преследовало цель сплочения сил отнюдь не пролетарских революционеров, а оппортунистов, стремившихся к дезорганизации революционных рядов.

На призыв Троцкого к объединению и примирению во имя борьбы против большевиков охотно откликнулись исключенные из партии лидеры оппортунистов. На время прекратив свои междоусобные фракционные дразги и споры, они признали верховодство Троцкого, тщетно надеясь, что его беспринципная демагогия позволит сementировать ряды противников ленинизма и нанести сокрушительный удар по большевикам. Сбывалось предсказание В. И. Ленина, пророчески писавшего в конце 1910 года: «В наше время разброда, распада и шатаний, Троцкий легко может оказаться «героем на час», сплотить всю пошлость вокруг себя. Но провал этой попытки будет тем грандиознее, чем откровеннее она будет сделана»².

Грандиозный провал действительно ждал и новую «объединительную» авантюру Троцкого.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 252.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 46.

Созданный еще в январе 1912 года Организационный комитет, в состав которого вошли ликвидаторы, бундовцы, впереводцы и троцкисты, созвал в Вене в конце августа 1912 года конференцию оппортунистов. «На конференции, — отмечала большевистская газета «Социал-демократ» в номере от 5 (18) ноября 1912 года, — были все, кто угодно... не было... только русских с.-д. организаций». Наибольшую активность на конференции проявлял Троцкий. Но подлинными хозяевами были явные ликвидаторы, которые определили основное направление работы конференции. «Каким нахальством надо обладать, — писал о Троцком один из идейных вождей ликвидаторства Мартов, — чтобы после этого пытаться вновь третировать ликвидаторов как граждан второго разряда...» Мартов отмечал, что в связи с этим он «усомнился в личной безупречности и порядочности Троцкого»¹.

Повторяя утверждения ликвидаторов, Троцкий заявил, что время нелегальной партии кончилось. В резолюции «Об организационных формах партийного строительства» конференция провозгласила принцип создания «открытой» партии, заявив, что организация пролетариата возможна лишь в процессе привлечения рабочих масс к открытой общественно-политической жизни. Это был явный переход троцкистов на позиции ликвидаторства, окончательный разрыв их с последними остатками пролетарской партийности, попытка увековечить раскол социал-демократического движения в России.

Вместе с тем конференция выявила полную неспособность Троцкого обеспечить единство в рядах хотя бы самих оппортунистов. Антибольшевистский Августовский блок, созданный троцкистами и явными ликвидаторами, начал разваливаться уже на самой конференции. Ее покинул даже представитель антипартийной группы отзовистов «Вперед». Решения ликвидаторской конференции не были признаны ни одной партийной организацией страны. «Дипломатическое «примирение» ликвидаторских взглядов с партийными, разыгранное Троцким на ликвидаторской конференции, — отмечал В. И. Ленин, — ровно ничего на самом деле не «примиряет». Оно не устраняет того крупнейшего политического факта, который определяет всю социально-политическую обстановку теперешней России. Это — борьба реформистской и революционно-социал-демократической платформы; это — выступление буржуазии в лице ее партийных либеральных вождей против

¹ Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова, стр. 261, 262.

надобности новой революции в России и за путь исключительно конституционной «работы» — в противовес выступлению сотен тысяч пролетариата с революционной стачкой, зовущей массы к настоящей борьбе за свободу»¹.

На помощь Августовскому антипартийному блоку, объединявшему лишь оторванных от пролетарского движения в России политиканов-эмигрантов, пришли оппортунистические лидеры партий II Интернационала, с которыми Троцкий установил самые тесные, а иногда и полуприятельские отношения. Каутский, Гильфердинг («приятель Троцкого»²) и другие широко предоставили Троцкому страницы органа СДПГ газеты «Vorwärts» для клеветнических нападок на большевиков. «Вообще в «Vorwärts'e» Троцкий хозяин»³, — с негодованием писал по этому поводу В. И. Ленин. Но и поддержка лидеров международного оппортунизма не спасла ликвидаторов и троцкистов от поражения.

Начавшийся в России новый революционный подъем привел к значительному усилению влияния большевистской партии. Тысячи рабочих-революционеров вливались в ее ряды, показывая тем самым несостоятельность утверждений Троцкого о мнимом засилье интеллигенции в среде большевиков.

Опираясь на поддержку пролетарских масс, ленинцы вели непримиримую борьбу против попыток троцкистско-ликвидаторского блока привлечь на свою сторону партийные организации России. Важную роль в разоблачении оппортунистов играла большевистская массовая газета «Правда», начавшая выходить с 5 мая 1912 года. Троцкисты подвергали эту газету яростным атакам, прибегали ко всевозможным клеветническим нападениям на нее. «Гнусная кампания Троцкого против «Правды», — писал по этому поводу В. И. Ленин, — есть сплошная ложь и клевета»⁴.

Но все попытки троцкистско-ликвидаторского блока дискредитировать рабочую газету провалились. Влияния и авторитет большевистской «Правды» в пролетарских массах неуклонно росли.

Под напором растущего революционного пролетарского движения Августовский блок, так и не успев пустить корни в России, стал стремительно разваливаться. Одним из первых «покинул» его... сам Троцкий. В 1913 году он вышел из редак-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 175.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 59.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 69.

ции ликвидаторских изданий, а в феврале 1914 года создал «внефракционный» журнал «Борьба». «Пресловутые объединители не сумели даже объединиться между собой...»¹ — писал по этому поводу В. И. Ленин.

Однако «формально» выступления из Августовского блока Троцкий не заявил². Его действия в тот период были, по словам Мартова, «признаком мании величия», результатом обиды на якобы недостаточно внимательное отношение к его писаниям в меньшевистских изданиях. Имея в виду послания, направленные Троцким в этой связи, Мартов писал, что «они все пропитаны удивительной мелочностью, и все его собственное недовольство кажется совершенно беспредметным».

«Я боюсь, — заключал Мартов, — что без энергичного вмешательства с нашей стороны легкомыслие Троцкого может привести к настоящей катастрофе»³. И действительно, катастрофа скоро произошла.

В январе 1914 года о выходе из Августовского блока заявили латышские социал-демократы — единственная массовая организация, представленная в этом беспринципном конгломерате оппортунистов. Это был «смертельный удар ликвидаторскому Августовскому блоку»⁴. «Объединительная» авантюра Троцкого окончательно провалилась. Начавшийся новый мощный подъем революционной борьбы русских рабочих, во главе которого стояли большевики, смел, как карточный домик, антиленинский троцкистско-ликвидаторский блок.

Новый отход Троцкого от явных оппортунистов в условиях начавшегося революционного подъема отчетливо выявил важную закономерность в развитии троцкизма. Революционный подъем конца XIX века заставил Троцкого совершить стремительный переход от явного экономизма к искровцам. Начавшаяся первая русская революция снова бросает Троцкого с правых, полуэкономистских позиций на точку зрения «левого» Парвуса. После поражения первой русской революции Троцкий вступает в открытый блок с крайними оппортунистами — ликвидаторами. Но в условиях предвоенного революционного подъема он совершает очередную «переориентировку», пытаясь выдать себя за более «левого», чем меньшевики. Подобные «метаморфозы» были характерны для троцкизма и

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 2.

² См.: Письма П. В. Аксельрода и Ю. О. Мартова, стр. 317.

³ Там же, стр. 262, 284, 285.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 224.

в последующие годы. Революция идет на убыль, массы устали от революционной борьбы — Троцкий идет вправо, укрепляет контакты с явными оппортунистами, пытающимися воспользоваться поражением революции для расправы с подлинными марксистами. Революция идет на подъем, массы с охотой и энтузиазмом воспринимают революционные лозунги — Троцкий на словах «левет», пытается примазаться к подлинным революционерам, ведущим за собой трудящихся. Такое непрерывное шараханье из одной крайности в другую — типичное проявление мелкобуржуазного революционаризма, идеология которого составляла классовую основу троцкизма. Именно мелкая буржуазия постоянно колебалась между пролетариатом и буржуазией, приближаясь в годы подъема революции к первому и трусливо сдавая все свои революционные позиции второй во время спада революционной волны. Эти колебания и отражал в своей практической деятельности идеолог мелкобуржуазного революционаризма в социал-демократической среде Троцкий.

Выход Троцкого из блока с ликвидаторами был лишь формальным. Он просто хотел отмежеваться от своих прежних союзников в трудный для них момент, когда под напором бурно растущего революционного рабочего движения позиции ликвидаторов зашатались. Вплоть до 1917 года Троцкий поддерживал самую непосредственную связь с меньшевистской партией, солидаризировался с ней по коренным идейным и политическим вопросам. Он продолжал яростно атаковать большевиков с центристских, каутскианских позиций, видя свою главную цель в том, чтобы не допустить объединения РСДРП на большевистских основах.

При выходе из состава редакции ликвидаторского журнала «Наша заря» в феврале 1913 года Троцкий откровенно заявил, что это его решение «не есть „разрыв с ликвидаторством“»¹. В конце февраля 1913 года он направил письмо меньшевистскому лидеру Чхеидзе, в котором призывал меньшевиков к разрушению «самых основ ленинизма». В этом чудовищном по своей лживости письме Троцкий объявил В. И. Ленина «профессиональным эксплуататором отсталости русского рабочего движения», а все здание большевизма «построенным на лжи и явном обмане». Письмо к Чхеидзе, выдававшее Троцкого как злобного, непримиримого противника большевизма, было обнаружено М. С. Ольминским в конце

¹ Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова, стр. 274.

1924 года. Трудно передать то возмущение, которое оно вызвало в среде коммунистов, воочию увидевших, как далеко заходил в своей ненависти к Ленину его непримиримый политический враг — оппортунист Троцкий.

Свою фракционно-меньшевистскую раскольническую деятельность Троцкий старался прикрыть демагогическими криками о «единстве» социал-демократов. Он рекламировал себя как стоящего над фракциями поборника единства партии, а большевиков изображал раскольниками, не желающими считаться с тягой пролетариата к сплочению своих рядов. В. И. Ленин разоблачил лживые утверждения Троцкого и доказал, что под «единством» тот понимает прекращение борьбы против оппортунизма, а не подлинное объединение пролетарского авангарда на марксистских позициях. В статье «О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве» В. И. Ленин дал исчерпывающую характеристику троцкистской спекуляции на лозунге единства. «„Нефракционность“ Троцкого, — указывал В. И. Ленин, — есть именно раскольничество в смысле самого беззастенчивого нарушения воли большинства рабочих»¹. В. И. Ленин убедительно показал, что «под прикрытием особенно звонких, пустых и туманных фраз, Троцкий проводит, запутывая несознательных рабочих, защиту ликвидаторов...»²

В годы мировой империалистической войны Троцкий усилил свою раскольническую деятельность на международной арене. Продолжая стоять на центристских позициях, он помогал каутскианцам срывать дело объединения всех революционных социал-демократов интернационалистов. Условием восстановления международного единства пролетарских партий Троцкий считал прекращение борьбы против оппортунизма, т. е. полную капитуляцию левых элементов и переход их на оппортунистические позиции.

Троцкий брал под защиту изменивших пролетарскому интернационализму вождей международного оппортунизма, отстаивал единство с социал-шовинистами. Ленинскую принципиальную борьбу против оппортунистов он называл «политикой кружкового отбора и сектантской непримиримости»³.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 195.

² Там же, стр. 3.

³ См.: М. Москалев. Борьба партии с левобольшевиками в годы мировой войны. М., 1930, стр. 18; Ленин и международное рабочее движение, стр. 222—223.

Именно такую точку зрения пропагандировали издававшиеся в Париже «внефракционные», а по сути дела троцкистско-меньшевистские газеты «Голос», а затем «Наше слово», выходившие при активном участии Мартова и Троцкого. Характеризуя политическую физиономию этих деятелей, В. И. Ленин писал, что они желают «совместить платоническую защиту интернационализма с безусловным требованием единства»¹ с явными оппортунистами, стоявшими на шовинистических позициях. В сентябре 1915 года В. И. Ленин прямо называл Троцкого лакеем оппортунизма, который напрягает усилия, чтобы «„замазать“ разногласия и „спасти“ оппортунизм»².

Действительно левые элементы, сплотивавшиеся вокруг В. И. Ленина, Троцкий пытался объявить «экстремистским течением». Он призывал к борьбе «на два фронта» — не столько против правых, т. е. явных оппортунистов, сколько против левых, в том числе и ленинцев, которых он лживо обвинял в «дезорганизаторском сектанстве» на том основании, что они не хотели терпеть в пролетарском движении явных оппортунистов³.

Разоблачая троцкистов, В. И. Ленин неустанно подчеркивал, что единство пролетарской борьбы требует «безусловного отделения рабочих партий от партий оппортунистов»⁴. Только на этой базе можно было создать прочное объединение марксистских партий — III Интернационал.

В условиях назревавшего революционного кризиса в воюющих странах, особенно в России, многие сотрудники газеты «Наше слово» (Лозовский, Луначарский, Антонов-Овсеенко, Мануильский и другие) начинают все определеннее переходить на позиции, близкие к большевистским. В сентябре 1916 года газета, которая, по словам В. И. Ленина, никого кроме себя не представляла⁵, прекратила свое существование⁶.

Троцкий, оставшись в одиночестве, снова пытается осуществить «левый» маневр, начинает выступать с критикой социал-шовинистов, повторяет некоторые тактические установки большевиков. Но вдали от европейской войны, в США,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 349.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 141.

³ См.: В. А. Гринько и др. Указ. соч., стр. 207.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 115.

⁵ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 115.

⁶ См.: В. А. Гринько и др. Указ. соч., стр. 212—213.

куда он уехал в конце 1916 года, он снова открыто присоединился к явным оппортунистам — на этот раз в редакции газеты русских социалистов-эмигрантов «Новый мир» — и уже вместе с ними повел борьбу против большевиков и других левых интернационалистов. «Сей мерзавец сразу снюхался с *правым* крылом «Нового мира» против левых циммервальдцев!! — гневно писал В. И. Ленин в феврале 1917 года, узнав о новой переориентировке «тушинского перелета», как Владимир Ильич неоднократно называл Троцкого. — Вот так Троцкий!! Всегда равен себе = виляет, жульничает, позирует как левый, *помогает* правым, пока можно...»¹

Эта убийственная ленинская характеристика подводила итог многолетней борьбе, которую Троцкий вел против большевистской партии. Еще на II съезде РСДРП вместе с другими оппортунистами выступил он против ленинского учения о пролетарской партии нового типа, яростно боролся против превращения РСДРП в боевой авангард рабочего класса, способный привести пролетариат к победоносной социалистической революции. Всю свою энергию Троцкий направил на то, чтобы не допустить утверждения ленинских принципов пролетарской партийности в российском и международном рабочем движении. Он выступал за единство с явными оппортунистами, за превращение партии в рыхлый и потому неспособный к решительным действиям конгломерат враждующих фракций и группировок — подобие оппортунистических партий II Интернационала².

Ревизуя марксистское учение о диктатуре пролетариата, Троцкий отрицал и необходимость существования орудия этой диктатуры — пролетарской партии нового типа. С этих позиций Троцкий фактически не сошел до конца своей жизни. Именно оппортунистическое отрицание большевистской партийности и предопределило его разнузданную раскольническую деятельность сначала в РСДРП, а затем в РКП(б) и международном коммунистическом движении. Как известно, эта раскольническая деятельность в конце концов привела Троцкого на путь открытой измены делу революции, в лагерь явных антисоветчиков и антикоммунистов.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 390.

² Характеризуя так называемый «европеизм» Троцкого, В. И. Ленин указывал, что для Троцкого «„симпатичны“ лишь *европейские* образцы оппортунизма, но вовсе не образцы европейской партийности» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 200).

РАЗОБЛАЧЕНИЕ В. И. ЛЕНИНЫМ
ТРОЦКИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РЕВОЛЮЦИИ

1. ЛЕНИНСКОЕ УЧЕНИЕ О ПЕРЕРАСТАНИИ
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ

Специфической чертой троцкизма, отличающей его от других разновидностей «левого» и правого оппортунизма, стала проповедь так называемой «теории перманентной революции». В основе ее лежала волюнтаристская идея подстегивания мировой пролетарской революции, питающая маоизм и другие современные формы мелкобуржуазного революционаризма. Именно эту теорию, заимствованную у Парвуса, Троцкий считал своим главным «вкладом» в марксизм. Именно ее он прямо противопоставлял сердцевине ленинизма — марксистско-ленинской теории социалистической революции пролетариата.

Основоположники научного коммунизма Маркс и Энгельс доказали, что только пролетарская революция способна обеспечить переход человечества на путь социализма. Они справедливо считали, что такая революция неизбежно будет насильственной, так как господствующие классы никогда добровольно не уступят пролетариату своих ключевых позиций в общественной жизни.

Для того чтобы сломить политическое, экономическое и идеологическое господство эксплуататоров, пролетариат нуждается в могучей материальной силе. Эта сила — диктатура пролетариата, или пролетарское государство, учение о котором стало главным в марксизме.

Диктатура пролетариата — ближайшая цель пролетарской революции. Конечная ее цель — перестройка всего общества на социалистической основе, построение коммунизма. Надежным орудием диктатуры пролетариата, помогающим ее утверждению, служит пролетарская партия, которая поднимает и организует на борьбу против эксплуататоров и на построе-

ние социализма всех трудящихся. Теорией, которой партия руководствуется в своей повседневной деятельности, является творческий марксизм — научное выражение мировоззрения пролетариата. В основе пролетарской революции — объективные процессы общественного развития, делающие необходимой и неизбежной победу пролетариата. Но сама эта победа не может произойти стихийно. Она — результат сознательной деятельности рабочего класса, его руководящего авангарда, прямое следствие вооружения широких пролетарских масс научными выводами марксистской теории.

Пролетарская революция не может ограничиться одной страной. Ее конечная цель — построение всемирного общества, свободного от всякого социального неравенства, подавления и насилия, — может быть достигнута лишь благодаря действиям рабочих всего мира, всех угнетенных. Отсюда — учение о пролетарском интернационализме, занимающее важнейшее место в марксизме.

Сила и неодолимость пролетарской революции — в поддержке, которую ей оказывают непролетарские народные массы, объективно также заинтересованные в победе социализма. Эта поддержка гарантирует прочность диктатуры пролетариата и обеспечивает успех социалистического строительства, становящегося делом всего народа. Победа социалистического строительства, построение коммунистического общества приводят к постепенному уничтожению деления общества на классы. Пролетариат, указывали Маркс и Энгельс, единственный класс, который не стремится к увековечению своего политического господства, а создает такие условия, которые делают ненужным существование политической власти и классов вообще.

Таковы важнейшие основы учения о пролетарской революции, заложенные Марксом и Энгельсом.

Обогащая и развивая это учение, В. И. Ленин в новую историческую эпоху, поставившую весь мир на порог социалистической революции, определил конкретные формы революционного преобразования общества, указал реальные пути к достижению победы пролетарской революции сначала в отдельных странах, а затем и в масштабе всей планеты, наметил стратегию и тактику пролетарских партий в борьбе за диктатуру пролетариата, разработал стройное учение о пролетарском государстве и социалистическом строительстве, сформулировал основные принципы, лежащие в основе совре-

менной политики подлинных марксистско-ленинских партий на всех континентах.

Маркс и Энгельс жили и творили в ту историческую эпоху, когда капитализм как общественно-экономическая формация в большинстве стран еще не исчерпал себя. Естественно, что они не могли предусмотреть во всех деталях особенности революционного процесса, а лишь наметили основные контуры концепции пролетарской революции, заложили ее теоретический фундамент. На этом прочном фундаменте В. И. Ленин и воздвиг стройное здание — всеобъемлющую, предельно универсальную и в то же время максимально детализированную теорию социалистической революции, имеющую непреходящее значение для всех этапов развития современного общества, для всех стран и народов. «В сражениях трех русских революций рождались и проходили проверку новые теоретические выводы и обобщения, новые стратегические и тактические установки, составившие основу ленинской теории социалистической революции»¹.

Историческая заслуга В. И. Ленина в развитии теории социалистической революции состоит в том, что он защитил взгляды Маркса и Энгельса от искажения оппортунистами, первым из последователей Маркса и Энгельса глубоко проанализировал и показал подлинное существо этих взглядов, применил их на практике и, обобщая новый опыт революционной борьбы пролетариата, обогатил и всесторонне развил марксову концепцию революции. Ленинская теория социалистической революции, основанная на выводах, сделанных Марксом и Энгельсом, и вобравшая в себя все полезное и важное, что было создано марксистской мыслью в конце XIX века, стала мощным орудием познания и преобразования мира в руках пролетариата.

Следуя этой теории, наша партия привела трудящихся России к победоносной Великой Октябрьской социалистической революции, ставшей блестящим подтверждением правоты марксизма-ленинизма. Обогащенная опытом великого Октября и социалистических преобразований в других странах, опытом всего мирового революционного движения, ленинская теория социалистической революции успешно развивается коммунистическими и рабочими партиями в наши дни.

Ленин развивал и творчески обогащал теорию социалистической революции на протяжении всей своей деятельности.

---

¹ Л. И. Брежнев. Дело Ленина живет и побеждает, стр. 8.

Этой коренной проблеме творческого марксизма было посвящено уже первое крупное произведение Владимира Ильича «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Та же проблема рассматривается и в последнем теоретическом труде В. И. Ленина — статье «Лучше меньше, да лучше». Между этими двумя работами — 30 лет жизни, борьбы, кипучей деятельности нескгибаемого пролетарского революционера, сотни бессмертных произведений, в которых с разных сторон и на основе разного исторического и современного материала рассматривается в конечном счете одна и та же коренная проблема: как подвести массы к сознанию необходимости и неизбежности пролетарской революции и пролетарской диктатуры, как обеспечить быстрейшую победу пролетариата и укрепить его диктатуру, как организовать, опираясь на эту диктатуру, успешное социалистическое строительство.

В работе Ю. Красина «Ленин, революция, современность» (изд-во «Мысль», 1966) выделены четыре основных этапа разработки В. И. Лениным теории социалистической революции. Это, во-первых, годы назревания революционной ситуации в России в конце XIX — начале XX века, первая русская революция и послереволюционный период; во-вторых, начавшийся первый этап общего кризиса мирового капитализма, мировая империалистическая война; в-третьих, период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции и, наконец, в-четвертых, период укрепления Советской власти, первых шагов социалистического строительства в нашей стране и развертывания революционного движения, вызванного Великим Октябрем, в других странах. Каждый из этих этапов ознаменовался крупными научными открытиями В. И. Ленина, его неизменно новаторским подходом к исследованию законов общественного развития. И всякий раз новаторство и научный поиск вождя большевистской партии вызывали бешеные нападки на него оппортунистов и других прислужников буржуазии.

Одним из самых первых и самых яростных противников ленинской теории социалистической революции выступил Троцкий.

В основе троцкистского отношения к ленинской теории социалистической революции лежало оппортунистическое отрицание идеи диктатуры пролетариата в той единственно правильной трактовке, которую давали ей Маркс, Энгельс, Ленин и другие революционные марксисты. На словах соглашаясь

с необходимостью установления такой диктатуры, Троцкий вкладывал в этот термин совершенно иной смысл. Он понимал под диктатурой пролетариата, утверждающейся в результате подлинной социалистической революции, не политическое господство рабочего класса над свергнутым, но все еще сильным врагом — буржуазией, а мирное сожителство с нею. Троцкизм исходил из того, что возможна добровольная уступка буржуазией своей власти пролетариату в результате одной только парламентской борьбы в условиях буржуазной демократии.

В представлении Троцкого социалистическая революция — это чисто политический акт, состоящий в замене одного правительства (буржуазного) другим (пролетарским) и не затрагивающий основ капитализма. «Социальная революция, — писал Троцкий в 1916 году, — предполагает такое состояние капиталистического общества, когда у власти стоит пролетариат». Иначе говоря, диктатура пролетариата, по Троцкому, существует при сохранении капиталистических порядков, т. е. мирно уживается с капитализмом. В силу этого она отличается крайней неустойчивостью, легко может смениться возвращением к власти буржуазии, пока пролетариат не утвердится также и в экономической сфере. От марксова определения диктатуры пролетариата как государства целого исторического периода революционного превращения капиталистического общества в коммунистическое, таким образом, не оставалось ничего.

Троцкий, по существу, был противником насильственной пролетарской революции, считая, что решающее влияние пролетариата на жизнь общества позволит ему даже в рамках буржуазного парламентаризма парализовать волю и способность эксплуататоров к сопротивлению. Сроки превращения пролетариата в такую решающую силу Троцкий, как и другие оппортунисты, относил на неопределенно далекое будущее, когда рабочий класс станет большинством населения, а пролетарская партия фактически сольется с классом. Таким образом, осуществление пролетарской революции становилось делом отдаленных поколений. А применительно к отсталой России требовалась еще и предварительная победа пролетариата в более развитых западноевропейских странах. Именно западноевропейский пролетариат и должен был, по мнению Троцкого, взять на себя заботу о просвещении, обучении русского рабочего класса, а затем и о социалистическом преобразовании нашей страны.

Согласно такой схеме, которую Троцкий защищал еще на II съезде РСДРП, русским революционерам не оставалось ничего иного, как пассивно дожидаться победы пролетариата на Западе, либо заняться искусственным «подстегиванием» мировой пролетарской революции, экономические и политические условия которой, с точки зрения Троцкого, также еще, по существу, не созрели.

Оба этих крайних вывода и легли в основу троцкистской теории «перманентной революции». Она сочетает в себе «левый» авантюризм, рожденный волюнтаристским стремлением подстегнуть мировую революцию, нежеланием считаться с объективными закономерностями общественного развития, а также правый оппортунизм, выражающийся в недооценке истинных революционных возможностей пролетариата, в частности российского пролетариата, в преуменьшении степени зрелости предпосылок социалистической революции. Тесное переплетение элементов «левого» авантюризма и правого оппортунизма — прямое следствие мелкобуржуазной природы троцкистских взглядов, лишнее свидетельство неразрывной связи и общности «левых» и правых разновидностей буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, проникающей в пролетарское движение.

Неверие в близость социалистической революции в России вызвало резко отрицательное отношение Троцкого к новаторской идее В. И. Ленина о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции и его учению о союзе пролетариата с крестьянством как условии победы этой революции. В этих важнейших вопросах Троцкий фактически придерживался точки зрения меньшевиков. Он пытался навязать пролетарской партии тактику, построенную не на реальном знании жизни, а на застывших догмах и бессодержательных исторических аналогиях. Как и все меньшевики, Троцкий допускал возможность осуществления буржуазно-демократической революции лишь по тому типу, который был характерен для домонополистической стадии капитализма. Новый же тип демократической революции, открытый В. И. Лениным, Троцкий не признавал, хотя только такой тип революции был возможен в России, далеко продвинувшейся вперед по капиталистическому пути и неразрывно связанной со всей мировой системой современного капитализма.

Развивая идею гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, В. И. Ленин руководствовался реалистическими выводами Маркса и Энгельса, которым всегда

была чужда метафизическая, оппортунистическая по своему существу мысль, что различные страны будут вступать в социалистическую революцию в порядке строгой очередности в зависимости от высоты развития производительных сил¹. Вслед за Марксом и Энгельсом Ленин считал цивилизованный мир в целом уже созревшим для победоносной пролетарской революции. Возражая меньшевикам, он писал в 1905 году: «...в Европе условия для социализма достигли не известной зрелости (как утверждали меньшевики. — Авт.), а зрелости вообще»². Эту свою уверенность Ленин основывал на фактах быстрого экономического и политического развития, характерного для всех важнейших капиталистических стран в конце XIX — начале XX века. Высокая степень концентрации производства, его интернационализация, становление и развитие новейших отраслей промышленности, количественный и качественный рост рабочего класса, его организованность, повышение уровня народной культуры, широкое распространение идей научного социализма и т. д. — все это свидетельствовало о появлении все новых и новых политических и экономических предпосылок социализма, делавших необходимой и неизбежной победоносную пролетарскую революцию.

В орбиту динамичной экономической и политической жизни современного общества стремительно втягивалась и Россия, ломавшая рамки патриархальности и перенимавшая одновременно от более развитых капиталистических стран все противоречия, характерные для капиталистического способа производства. В России, как и во всем цивилизованном мире, одна за другой также складывались предпосылки социалистической революции. Причем в силу целого ряда обстоятельств, связанных с запоздалым вступлением страны на путь капиталистической эволюции, влияние этих предпосылок на дальнейший ход развития России было относительно большим, чем в других странах. Для России начала XIX века были характерны сравнительная слабость и ограниченность распространения капитализма, не успевшего еще подчинить себе все сферы общественной жизни, недостаточная организованность буржуазии, отсутствие у нее столь богатого, как на Западе, опыта борьбы с пролетариатом, преобладание в стране полу-пролетарских трудящихся масс, наличие устойчивых револю-

¹ См.: П. Н. Федосеев. Социалистическая революция и социальные проблемы XX века. В кн.: Коммунизм и философия. М., 1962, стр. 193.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 71—72.

ционных традиций борьбы против самодержавия, возможность широкого использования опыта и поддержки международного пролетарского движения и т. д.

Все эти условия создавали в стране обстановку даже более благоприятную для осуществления революционного преобразования общества, чем на Западе. Именно поэтому в конце XIX — начале XX века в Россию, которая к тому времени стала узлом наиболее ярко выраженных противоречий, характерных и для капитализма и для докапиталистических формаций, переместился центр мирового революционного движения. Именно здесь назревала гигантская народная революция, решающей силой которой должен был стать русский пролетариат. Эта революция, направленная прежде всего против остатков крепостничества, неизбежно стала бы прологом социалистического переворота, условия для которого стремительно созревали в стране.

В этой связи не выдерживают критики утверждения современных буржуазных фальсификаторов ленинизма, например А. Мейера, которые, идя по стопам Троцкого, задним числом пытаются приписать В. И. Ленину каутскианское неверие в наличие предпосылок для социализма в России¹. Они ссылаются при этом на высказывание В. И. Ленина, писавшего в годы мировой империалистической войны, что для социализма «созрели *лишь* передовые страны запада и Северной Америки...»². На самом деле в этой цитате речь идет не о наличии тех или иных предпосылок для социализма, а о степени их зрелости. По мысли В. И. Ленина, эти предпосылки полностью созрели пока лишь в указанных странах, что гарантирует их непосредственный переход к социализму после победы пролетариата, осуществление пролетарской революции в более или менее «чистой» форме. Что касается России, то здесь социализм мог утвердиться лишь в процессе борьбы не только против капитализма, но также и против самодержавно-помещичьего строя, т. е. остатков феодализма. Причем этап демократических преобразований неизбежно должен был предшествовать этапу социалистическому, так как демократизация общественной жизни, полное устранение остатков крепостничества всегда рассматривались В. И. Лениным в качестве важнейших предпосылок успешного социалистического переворота.

¹ См.: Ю. А. К р а с и н. Ленин, революция, современность. М., изд-во «Наука», 1966, стр. 112—113.

² В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 111.

На точке же зрения полного отсутствия реальных предпосылок для социализма в России стояли Троцкий и другие оппортунисты. При этом они подменяли понятие «наличие предпосылок» понятием «зрелость этих предпосылок». Согласно утверждениям оппортунистов, подлинная пролетарская социалистическая революция становится возможной лишь тогда, когда в недрах капиталистического строя возникнут все мыслимые предпосылки для социализма. Но, как показывает исторический опыт, буржуазия, пока она остается господствующим классом, никогда не допустит этого. Поэтому ждать полного созревания таких предпосылок — значит откладывать пролетарскую революцию до бесконечности.

Противоречивость своей оппортунистической позиции Троцкий пытался преодолеть, отрицая вообще значение каких-либо объективных предпосылок для победы пролетариата в отдельных странах. Тем самым Троцкий повторял ошибку Бакунина, которую в свое время подметил Маркс: «Воля, а не экономические условия, являются основой его социальной революции»¹. Так оппортунизм в теории приводил к анархизму на практике, а «глубокомысленные» рассуждения о том, что нельзя преувеличивать реальных возможностей и сил пролетариата, — к откровенному субъективизму, волюнтаристскому стремлению решать социальные проблемы посредством единого «волевого усилия», к политическому авантюризму.

Уморительному субъективизму «левых» и правых оппортунистов в оценке зрелости предпосылок социализма В. И. Ленин противопоставлял трезвый учет реальных условий борьбы пролетариата. Возражая Бухарину, который позднее, после победы Октября, писал, что крах мирового капитализма начался с наиболее слабых народнохозяйственных систем, В. И. Ленин отметил на полях его книги: «...неверно: «средне-слабых». Без известной высоты капитализма у нас бы ничего не вышло»². В то же время Ленин всегда предостерегал партию от пассивно-выжидательного отношения к процессу созревания этих предпосылок, от фаталистической надежды на то, что предпосылки социализма сами по себе, без борьбы приведут к победе социалистической революции.

В. И. Ленин был страстным и нестигаемым пролетарским революционером, человеком революционного действия, для которого имели смысл лишь те теоретические выводы, кото-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 615.

² Ленинский сборник XI, стр. 397.

рые способствовали на практике максимально возможному приближению полной победы пролетариата. Поэтому он нетерпимо относился к политике проволочек и вечного оттягивания решительного выступления, которую пытались навязать пролетарскому движению оппортунисты. Он считал, что каждый революционер, каждая революционная организация, каждая нация в каждый исторически ограниченный отрезок времени обязаны выполнить до конца свой революционный долг.

«Последовательный противник всякого авантюризма, гибкий и осмотрительный политик, Ленин был образцом революционной смелости, решительности, целеустремленности, и этому он учил партию»¹. Оппортунистической пассивности и выжиданию «лучших времен» В. И. Ленин всегда предпочитал основанную на трезвом учете реального соотношения сил тактику безотлагательного нанесения максимально возможных в данных условиях ударов по врагу, которая одна только и способна реально приблизить час окончательного крушения капитализма.

Подчеркивая, что для создания социализма требуется определенный уровень культуры, Ленин вместе с тем отмечал, что «никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств». «Почему нам, — спрашивал он своих оппонентов-оппортунистов, — нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня... В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?»²

«„Сначала надо ввязаться в серьезный бой, — ссылаясь он на слова Наполеона, — а там уже видно будет“... Иначе вообще не могут делаться революции»³.

Революцию, назревавшую в России, В. И. Ленин и все марксисты рассматривали как буржуазно-демократическую. Но она происходила в историческую эпоху, когда в мире сложились реальные экономические и политические предпосылки для победы социалистической революции пролетариата. Вследствие этого революция в России не могла быть повторением классических буржуазно-демократических революций эпохи

¹ Л. И. Брежнев. Дело Ленина живет и побеждает, стр. 12.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 381.

³ Там же.

становления капитализма. Решающая роль в ней принадлежала пролетариату, так как, во-первых, это был уже самый сильный класс русского общества, а во-вторых, российская буржуазия, утратившая свою революционность, давно превратилась в реакционный класс, мечтающий не о борьбе, а о сделке с самодержавием. В этих условиях пролетариат мог и должен был взять на себя роль руководителя, гегемона революции, чтобы, с одной стороны, обеспечить доведение до конца демократических преобразований, а с другой — занять наиболее выгодные позиции для последующей борьбы за социализм. Радикально-демократическая мелкая буржуазия, прежде всего крестьянство, поддерживая пролетариат в его решительной борьбе за полное осуществление задач буржуазно-демократической революции, объективно была заинтересована в установлении союза с ним. А поддержка многомиллионных масс крестьянства являлась важнейшим условием превращения пролетариата, хотя и составлявшего еще незначительную часть населения страны, в подлинного руководителя революции, создавала реальную основу для привлечения на сторону пролетариата широких масс народа и в борьбе за социализм.

Ленинское учение о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции и о союзе с крестьянством было творческим развитием идеи Маркса о соединении пролетарского движения с крестьянской войной.

— Однако меньшевики и другие оппортунисты пытались объявить это учение Ленина антимарксистским. Догматически искажая учение Маркса и Энгельса, они утверждали, что раз революция по своим ближайшим целям буржуазная, то и руководить ею должна буржуазия, а задача пролетариата — беречь силы и организовываться для последующей непосредственной борьбы за социализм. Тем самым они фактически становились на путь измены революции, сознательно уступая руководящую роль в ней классовому врагу пролетариата — либеральной буржуазии.

Не видя реальных предпосылок для социализма в России, Троцкий и другие меньшевики пытались противопоставить ленинской идее гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции оппортунистическую тактику поддержки либеральной буржуазии и соглашения с ней. А так как либеральная буржуазия боялась революции и старалась подменить ее сделкой с царизмом, то на практике получалось,

что меньшевики плелись в хвосте у контрреволюционеров и фактически помогали им сдерживать революционный порыв масс.

Особенно ярко эта оппортунистическая тактика проявилась в отношении Троцкого и других меньшевиков к так называемой «земской кампании», в ходе которой либералы хотели направить недовольство масс самодержавием на путь умеренного конституционализма. Меньшевики призывали социал-демократические организации активно участвовать в собраниях либералов, проводившихся осенью 1904 года под видом банкетов и торжественных ужинов в честь 40-летия судебной реформы. На этих собраниях всего лишь провозглашались тосты и произносились речи с робкими пожеланиями новых, и весьма ограниченных, конституционных реформ. По мысли меньшевиков, участие социал-демократов в этой кампании должно было «придать храбрость буржуазии».

На самом деле либералы и не собирались идти дальше тостов и речей. Вся их шумная кампания была рассчитана на то, чтобы, припугнув самодержавие революцией, добиться от него некоторых уступок в интересах укрепления экономических и политических позиций капиталистов. Поддерживая либералов, меньшевики, таким образом, выступали в роли пособников буржуазии, стремившейся отвлечь пролетариат от революции и использовать его борьбу в своих эгоистических классовых целях. Вдохнителем этой тактики меньшевиков был учитель Троцкого Аксельрод. Свой план он заимствовал у Лассалья, перед которым, как и Троцкий, преклонялся.

Эта же линия на соглашение с либеральной буржуазией лежала в основе троцкистской тактики во время русско-японской войны. Большевики связывали эту войну с интересами российской буржуазии, стремившейся к империалистическим захватам на Востоке. Троцкий же в статье «Наша «военная» кампания», опубликованной в марте 1904 года, подверг критике эту позицию большевиков. Он выгораживал российскую буржуазию, утверждая, что она будто бы отрицательно относится к войне. Всю ответственность за войну Троцкий сваливал лишь на самодержавие. Статья Троцкого, вызвавшая возмущение большевиков и даже многих меньшевиков, послужила поводом для Плеханова потребовать отстранения Троцкого от сотрудничества в «Искре». Однако Троцкий и в брошюре «Наши политические задачи», опубликованной осенью 1904 года, вновь повторил свои утверждения о мнимой непри-

частности российской буржуазии к русско-японской войне. Россию «вогнали в войну... не русские капиталисты», — писал он в своей брошюре.

В попытках выгородить российскую буржуазию он вслед за ней перешел на явно оборонческие и пацифистские позиции. Большевистскому лозунгу поражения своего правительства в войне, который преследовал цель максимального ослабления самодержавия для нанесения сокрушительного удара по нему в ходе революции, Троцкий и другие меньшевики противопоставили лозунг «мир во что бы то ни стало». В условиях поражения, которое реально потерпел в войне царизм, этот лозунг был на руку буржуазии, так как немедленный мир с Японией позволил бы спасти пошатнувшееся самодержавие и обратить всю его сохранившуюся мощь на борьбу с нараставшей революцией. Разоблачая меньшевистско-троцкистский лозунг, В. И. Ленин писал, что «царский мир не лучше (а иногда хуже) царской войны»¹. Задача партии состояла в том, чтобы бороться за мир лишь «вместе с падением самодержавия, мир, заключенный освобожденным народом, свободным учредительным собранием, т. е. мир не любой ценой, а исключительно ценой низвержения абсолютизма»².

Начавшаяся первая русская революция показала полную несостоятельность меньшевистской тактики соглашения с либеральной буржуазией. Смяв либеральные заслоны, руководящую роль в революции взял на себя рабочий класс. Революция с самого начала стала пролетарской по характеру своих основных движущих сил и по методам ее проведения. Либеральная буржуазия, напуганная размахом революции, пошла на явный союз с самодержавием.

Но и в этих условиях меньшевики продолжали цепляться за свою провалившуюся тактику. Троцкий в начале 1905 года написал прокламацию, обращенную к крестьянам. В ней он повторял желание либералов об участии «народных представителей» в законодательстве, уверял, что стоит рабочим и крестьянам завоевать избирательное право, как и всё в России изменится без всякой революционной борьбы. Подобную же идейку Троцкий развивал и в брошюре «До 9 января», опубликованной весной 1905 года. Он считал возможным созыв Учредительного собрания, которое определит будущее России, даже в условиях сохранения самодержавного строя.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 374.

² Там же.

Главное средство борьбы за Учредительное собрание Троцкий видел в мирной политической стачке пролетариата, вступающего в союз с буржуазией. Подлинно же революционные действия мелкобуржуазной демократии, прежде всего крестьянства, он, по существу, вообще не принимал в расчет, признавая главными движущими силами революции лишь два класса — пролетариат и буржуазию. Троцкий и другие меньшевики не принимали ленинского вывода о наличии трех лагерей в революции: контрреволюционного самодержавно-помещичьего, соглашательского либерально-буржуазного и подлинно революционного пролетарски-крестьянского. С точки зрения оппортунистов, против самодержавия боролся только один лагерь, к которому якобы принадлежали и буржуазия, и крестьянство, и пролетариат.

Оторванная от реальной действительности, догматическая, безнадежно устаревшая, антиреволюционная в своей основе меньшевистская схема развития революции не давала какой-либо обнадеживающей перспективы российскому рабочему движению. У меньшевиков получалось, что пролетариату должны героически сражаться с царским самодержавием только для того, чтобы... на долгие годы утвердилось господство еще более зверских хищников и эксплуататоров — капиталистов.

Такая «перспектива» не могла устроить российский пролетариат, чувствующий свою силу и готовый взять на себя всю ответственность за дальнейшую судьбу России. По мере того, как развитие русской революции воочию показывало гигантскую мощь пролетарского движения, в РСДРП побеждала и утверждалась ленинская тактическая линия, ориентировавшая рабочий класс на упрочение своей гегемонии в революции, установление союза с крестьянством и решительную борьбу против предательского поведения буржуазии.

На основе обобщения опыта масс, накопленного в первые месяцы революции, В. И. Ленин развил учение о гегемонии пролетариата и его союзе с крестьянством в стройную теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Важнейшее значение в этой связи имел ленинский вывод о характере власти, которая возникнет в результате победы буржуазно-демократической революции. В противовес меньшевикам, считавшим, что такая власть должна быть чисто буржуазной, В. И. Ленин показал, что в этом случае буржуазно-демократическая революция в России не будет доведена до конца, так как буржуазия использует свою дик-

татуру для компромисса с самодержавием. Единственная гарантия полной победы буржуазно-демократической революции — создание власти, опирающейся на поддержку тех классов, которые заинтересованы в решительном и бесповоротном уничтожении самодержавно-помещичьего строя. Такой властью В. И. Ленин считал революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Ее утверждение означало бы полную и окончательную победу буржуазно-демократической революции. Именно это предусматривала программа-минимум партии, где говорилось о необходимости провозглашения демократической республики, замены царского самодержавия самодержавием народа. Органом такой власти должно было стать временное революционное правительство, сформированное при активном участии пролетарской партии.

Вывод о революционно-демократической диктатуре как реальном содержании лозунга демократической республики прямо вытекал из ленинской идеи гегемонии пролетариата и его союза с крестьянством в буржуазно-демократической революции, идеи, составлявшей основу стратегии и тактики большевистской партии вплоть до февраля 1917 года. Это выдающееся научное открытие, сравнимое лишь с марксовым выводом о диктатуре пролетариата, подняло марксистскую теорию на новую, качественно более высокую ступень. Было найдено промежуточное звено, позволившее соединить в неразрывное целое два этапа революции — демократический и социалистический — и с максимальной отдачей использовать победу народа над самодержавием в интересах социализма.

Перед революционным пролетарским движением открывались широчайшие перспективы. Революционно-демократическая диктатура гарантировала доведение до конца буржуазно-демократической революции, т. е. решение аграрного вопроса, уничтожение остатков крепостничества, сдерживавших развитие производительных сил, демократизацию общественной жизни. Все это должно было ускорить процесс созревания предпосылок для социализма и, следовательно, приблизить торжество социалистической революции пролетариата. Ликвидация помещичьего землевладения, национализация земли нанесли бы удар и по частной собственности вообще. Демократизация общественной жизни создала бы чрезвычайно благоприятные условия для развертывания деятельности партии и других организаций пролетариата в интересах социалистического воспитания народа. Ускорение роста производи-

тельных сил привело бы к уменьшению зависимости страны от иностранного капитала, к увеличению численности и улучшению качественного состава рабочего класса, к подъему народного благосостояния и культуры. Сохранение и укрепление союза с широкими слоями крестьянства обеспечило бы пролетариату возможность оказывать все возрастающее политическое влияние на этот класс. Участие пролетарской партии в революционном правительстве вооружило бы рабочий класс опытом государственного руководства, позволило бы на практике показать народу, что именно пролетарская партия — наиболее последовательный защитник его насущных интересов. Существование прочной народной власти, ее борьба против контрреволюции подорвали бы политические позиции буржуазии, лишили бы ее возможности использовать государственный аппарат для подавления рабочих. Наконец, совместные выступления против контрреволюционных поползновений буржуазии и ее союзников, общее сознание необходимости максимального углубления демократических преобразований, объективная заинтересованность всех трудящихся в социализме создали бы реальную основу для сохранения широкой народной коалиции на втором, социалистическом этапе революции, открывали перспективу ее мирного развития. Таким образом, революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства превращалась из инструмента завершения, доведения до конца буржуазно-демократической революции в гарантию наиболее быстрого и безболезненного перерастания этой революции в социалистическую, в могучее средство подведения не только пролетарских, но и широчайших народных масс к социализму.

Будущее революционно-демократической диктатуры В. И. Ленин видел в социалистической диктатуре пролетариата, опирающейся на союз со всеми трудовыми слоями народа. По мысли В. И. Ленина, именно постепенное преобразование революционно-демократической власти рабочих и крестьян в социалистическую диктатуру пролетариата и должно было составить реальное содержание процесса перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Причем такой процесс должен был происходить с максимально возможной быстротой, чтобы буржуазия не смогла использовать свою сохранившуюся экономическую мощь для укрепления также и политических позиций. В. И. Ленин считал, что между демократическим и социалистическим этапами революции нет китайской стены и перерастание первого

во второй начнется на следующий же день после установления революционно-демократической диктатуры. «Полная победа теперешней революции, — указывал В. И. Ленин, — будет концом демократического переворота и началом решительной борьбы за социалистический переворот... Когда фактом будет не только революция, а полная победа революции, — тогда мы «подменим» ...лозунг демократической диктатуры лозунгом социалистической диктатуры пролетариата, т. е. полного социалистического переворота»¹. Это ясно указывало на то, что возможность создания революционно-демократической диктатуры, перерастающей в социалистическую диктатуру пролетариата, В. И. Ленин непосредственно связывал с наличием в стране определенных объективных и субъективных предпосылок для социализма. Его выдающееся научное открытие вытекало из анализа обстановки, сложившейся в новую историческую эпоху, когда такие предпосылки возникли во всех цивилизованных странах.

В то же время В. И. Ленин предупреждал от преувеличения степени зрелости предпосылок социализма в России. Он решительно разоблачал антинаучный характер утверждений эсеров и анархистов, считавших, что Россия стоит не перед буржуазно-демократическим, а перед социалистическим переворотом. «Степень экономического развития России (условие объективное) и степень сознательности и организованности широких масс пролетариата (условие субъективное, неразрывно связанное с объективным), — писал В. И. Ленин, — делают невозможным немедленное полное освобождение рабочего класса»². Ленин подчеркивал, что такое освобождение может быть делом лишь самих рабочих. «Без сознательности и организованности масс, без подготовки и воспитания их открытой классовой борьбой со всей буржуазией, — указывал он, — о социалистической революции не может быть и речи»³. По мысли В. И. Ленина, социалистическое воспитание и организация широчайших пролетарских и полупролетарских масс, превращение их в несокрушимую армию социалистической революции и должны были осуществиться в процессе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. При этом создание революционно-демократической диктатуры стало бы первым и единственно возможным

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 120—121.

² Там же, стр. 16.

³ Там же.

в условиях России реальным шагом к социалистическому перевороту. «Мы не откладываем его, — писал В. И. Ленин, — а делаем первый шаг к нему единственно возможным способом по единственно верной дороге...»¹

Лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства В. И. Ленин впервые обосновал в феврале 1905 года в статье «Новые задачи и новые силы»². Этот лозунг был сразу же подхвачен революционным пролетариатом. Руководствуясь им, большевики боролись за создание революционного правительства, которое стало бы органом победоносного вооруженного восстания народа.

III съезд РСДРП, собравшийся в Лондоне в апреле 1905 года, утвердил ленинскую тактическую линию в буржуазно-демократической революции. Гегемония пролетариата, союз с крестьянством, революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства как реальное содержание лозунга демократической республики — таковы были важнейшие основы большевистской тактики, направленной на максимальное использование победы народа над царизмом для перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Съезд указал и единственно возможный путь к свержению самодержавия — победоносное вооруженное восстание. Подготовка к восстанию стала важнейшей политической задачей партии.

Свою, совершенно противоположную тактическую линию в революции определили и меньшевики. Их конференция в Женеве, проходившая почти одновременно с III съездом РСДРП, подтвердила верность меньшевистской партии догматическим установкам оппортунистов из II Интернационала, обрекавшим пролетариат на роль «жалкого прихвостня буржуазных классов»³.

Отвергая идею гегемонии пролетариата, меньшевики выступили и против использования пролетарских методов революционной борьбы, прежде всего против вооруженного восстания, единственно способного привести к свержению царского самодержавия.

Защите творческого, марксистского подхода к оценке перспектив революции и задач в ней авангарда рабочего класса была посвящена выдающаяся книга В. И. Ленина «Две так-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 16.

² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 297.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 84.

тики социал-демократии в демократической революции», написанная вскоре после III съезда РСДРП. В книге дан сравнительный анализ решений съезда и меньшевистской конференции по тактическим вопросам. «Исход революции, — указывал В. И. Ленин, — зависит от того, сыграет ли рабочий класс роль пособника буржуазии, могучего по силе своего натиска на самодержавие, но бессильного политически, или роль руководителя народной революции»¹. В этих знаменитых ленинских словах передана суть большевистской стратегии и тактики в буржуазно-демократической революции.

Если меньшевики подчиняли свою тактику соглашательскому принципу: как бы не отпугнуть буржуазию от революции, то большевики боролись за высвобождение крестьянства и всей мелкобуржуазной демократии из-под влияния либералов, завоевание широчайших народных масс на сторону пролетариата, пресечение контрреволюционных действий буржуазии.

«В основе соглашательской, оппортунистической тактики меньшевиков лежало непонимание самого существа новой эпохи, в условиях которой разворачивалась буржуазная революция. Они подходили к оценке этой революции со старой меркой, не учитывали того, что человечество вступило в «период политических потрясений и революций»², период коренного изменения значения и роли различных классов, прежде всего пролетариата и крестьянства»³.

Откровеннее всех суть меньшевистской тактики выразил недавний союзник Троцкого Мартынов, заявивший в своей брошюре «Две диктатуры», что гегемония пролетариата ставит пролетарскую партию перед опасностью «преждевременного» прихода к власти и потому грозит гибелью революции.

Оппортунистическая позиция соглашения с либеральной буржуазией, занятая меньшевиками, противоречила боевому духу революционного пролетариата, поднимавшего народ на штурм самодержавия. Широкие пролетарские массы, охваченные революционным подъемом, убеждались, что единственно приемлемой для них альтернативой является ленинская теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Идея революционно-демократической диктатуры как ближайшей цели восставшего народа овладевала массами.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 5.

² Там же, стр. 18.

³ История КПСС, т. 2. Политиздат, 1967, стр. 72.

2. РАЗОБЛАЧЕНИЕ В. И. ЛЕНИНЫМ ТРОЦКИСТСКОЙ ТЕОРИИ «ПЕРМАНЕНТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ».

В этих условиях, для того чтобы не допустить сплочения революционного пролетариата на позициях ленинизма, Троцкий и выступил с проповедью своей пресловутой теории «перманентной революции», которую пытался противопоставить ленинскому учению о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Впоследствии Троцкий писал, что взгляды, составившие суть теории «перманентной революции», сложились у него в промежуток между 9 января и октябрьской стачкой 1905 года. Однако настоящим автором этой «теории» был «левый» оппортунист Парвус, который в предисловии к брошюре Троцкого «До 9 января» заявил, что в результате революционного демократического переворота в России к власти должно прийти рабочее правительство. Это утверждение Парвус защищал и в других своих работах, написанных в первые месяцы русской революции. Выдвинутый им лозунг «без царя, а правительство рабочее» был известным шагом вперед по сравнению с точкой зрения меньшевиков, яростно выступавших против всякого участия пролетарской партии во временном революционном правительстве. Парвус, стоявший, как и Троцкий, на центристских позициях и примыкавший перед началом революции к «левому» крылу меньшевиков, явно хотел сыграть на настроениях революционной части рабочих, решительно выступивших против бесперспективной тактической линии меньшевиков на «самоограничение» пролетариата. Он, по сути дела, попытался приспособить популярную в рабочих массах идею В. И. Ленина о революционно-демократической диктатуре к капитулянтской меньшевистской концепции революции.

Совершившие, таким образом, плагиат у Ленина, Парвус, а за ним и Троцкий пропустили эту идею через свое меньшевистское сознание и неузнаваемо исказили ее. С их точки зрения, пролетариат использует свое авангардное положение в революции для того, чтобы сформировать после свержения царской власти чисто рабочее по своему составу правительство, которое возьмет на себя заботу о подготовке Учредительного собрания. Представители мелкобуржуазной демократии, прежде всего крестьянства, в таком правительстве участвовать не должны, так как крестьяне, по мысли Парвуса, «только в состоянии увеличить политическую анархию в стране».

Парвус считал крестьянство таким же ненадежным союзником пролетариата, как и либеральную буржуазию. (Он предлагал «следить за своим союзником, как за своим врагом», и больше заботиться о том, чтобы «использовать ситуацию, созданную борьбой, чем о том, чтобы сохранить союзника»¹. Отрицание роли крестьянства как естественного союзника пролетариата выдавало меньшевистское происхождение концепции Парвуса, свидетельствовало об авантюристическом характере его идеи, так как реальное соотношение классовых сил в стране обрекало рабочее правительство, не пользующееся поддержкой крестьянства, на неизбежный крах.

В своей статье «Социал-демократия и временное революционное правительство», опубликованной незадолго до III съезда РСДРП, В. И. Ленин подверг обстоятельному разбору работу Парвуса. «Парвус сумел, наконец, пойти вперед, вместо того, чтобы пятиться, подобно раку, назад... — писал Ленин. — Он выступил прямо (к сожалению, вместе с пустозвонным Троцким в предисловии к его пустозвонной брошюре «До 9 января») с защитой идеи революционно-демократической диктатуры, идеи об обязанности социал-демократии принять участие во временном революционном правительстве после низвержения самодержавия. Тысячу раз прав Парвус, когда он говорит, что социал-демократия не должна бояться смелых шагов вперед...»²

Вместе с тем В. И. Ленин указал и на «неверные ноты», взятые Парвусом. Парвус утверждал, что задача пролетарской партии — «быть революционнее всех». Эта установка способна была породить увлечение революционной фразой в ущерб настоящему революционному делу. Между тем, как указывал Ленин, «среди опасных друзей революции из лагеря революционеров кроме хвостистов (т. е. меньшевиков. — Авт.) есть еще совсем другие люди, есть «социалисты-революнеры», есть люди, вовлекаемые потоком событий, беспомощные пред революционной фразой...»³.

Существование таких течений, отражающих классовую нерасчлененность общества, было неизбежно в эпоху демократического переворота. Их революционно-демократические программы облекались неясными, иногда даже реакционны-

¹ Цит. по: С. Л. Титаренко. Разоблачение Лениным мелкобуржуазной сущности троцкизма в дооктябрьский период. «Вопросы истории КПСС», 1985, № 6, стр. 26.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 16.

³ Там же, стр. 17.

ми социалистическими мыслями, прячущимися за революционную фразу. «За революционностью оторванного от классово-почвы демократа, щеголяющего фразой... — писал Ленин, — мы и не подумаем угоняться; мы, напротив того, всегда будем относиться к ней критически, разоблачать действительное значение слов... уча трезвому учету классов и оттенков внутри классов в самые горячие моменты революции»¹.

Революционной фразой, оторванной от реальной действительности, было и утверждение Парвуса о возможности создания в результате демократического переворота чисто социал-демократического, рабочего правительства. «Этого не может быть, — указывал Ленин, — потому что сколько-нибудь прочной... может быть лишь революционная диктатура, опирающаяся на громадное большинство народа»². Такого большинства не имел российский пролетариат. Он мог стать громадным большинством лишь при соединении с другими трудящимися классами, прежде всего с крестьянством. Это, подчеркивал Ленин, «отразится, конечно, на составе революционного правительства, сделает неизбежным участие в нем или даже преобладание в нем самых разношерстных представителей революционной демократии»³.

Ленинская критика жалкого хвостизма одних и революционной фразы других⁴ создавала реальную основу для совместных действий всех сторонников участия РСДРП во временном революционном правительстве, для исправления глубоко ошибочной тактики «самоограничения», которую меньшевики пытались навязать пролетарскому движению. Однако Парвус и Троцкий использовали свой лозунг «рабочего правительства» для того, чтобы внести еще большую дезорганизацию в ряды РСДРП и атаковать ленинское учение о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую не только справа, как это делали явные меньшевики, но и «слева».

Тем самым Парвус и Троцкий разоблачили себя как пособники меньшевиков, смыкающиеся еще к тому же и с противниками творческого марксизма «слева»: эсерами, анархистами и другими мелкобуржуазными революционерами. Полностью оправдалось предвидение Ленина, опасавшегося, что лозунг рабочего правительства, выдвинутый Парвусом в союзе

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 18.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См. там же, стр. 19.

с «пустозвоном» Троцким, останется лишь революционной фразой, помогающей меньшевикам маскировать оппортунистическую суть своей тактики. Максималистский троцкистско-парвусистский лозунг стал не средством пробуждения революционной инициативы пролетариата, а орудием борьбы оппортунистов и раскольников против революционной тактики большевиков. Именно этот лозунг и пытался широко использовать Троцкий в своих атаках на большевистскую партийность, которые он непрерывно вел после II съезда РСДРП.

Подхватив идею Парвуса и развив ее в ряде статей, написанных в 1905 году, Троцкий попытался придать ей видимость законченной «оригинальной» теории, которую он в рекламных целях назвал теорией «перманентной (т. е. непрерывной) революции». Это претенциозное название понадобилось Троцкому для того, чтобы противопоставить свою «теорию» ленинскому учению о перерастании демократической революции в социалистическую как якобы недостаточно революционному, ориентирующему пролетариат на отказ от максималистских лозунгов в революции, на самоограничение. Троцкий лживо обвинял подлинных революционеров — большевиков в недостаточной революционности. Тем самым он взял на вооружение другой лозунг, выдвинутый Парвусом, — «быть революционнее всех». ~~Этот лозунг, который Ленин характеризовал как пустую революционную фразу, стал одной из главных тактических установок троцкизма, лишней раз указывающей на его родство с концепциями анархистов, в частности бакунистов, также бравших на себя роль «сверхреволюционеров» и обвинявших Маркса и Энгельса в оппортунизма.~~

~~Перманентная революция, по мысли Троцкого, — категория чисто субъективистская, отражающая не объективные отношения классов, а лишь якобы извечный бунтарский дух пролетарских и полупролетарских масс. В представлении Троцкого, пролетариат готов к революции всегда. Стоит его призвать к ней, вооружить осознанным стремлением к победе и самоутверждению, и революция становится фактом. Это уже очень похоже на то, что говорили и писали явные анархисты, считавшие, что революционер всегда вправе призывать народ к восстанию и что его задача — «делать революцию... как кто может и умеет»¹.~~

Сам термин «перманентная революция» был взят Троцким у Маркса и Энгельса, которые, выступая против подчинения

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18. стр. 533.

рабочего движения в условиях буржуазно-демократической революции интересам буржуазии, писали, что пролетариат должен идти значительно дальше, чем буржуазная и мелко-буржуазная демократия. «...Наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти...»¹

Непрерывной пролетарская революция должна быть и в международном масштабе, поскольку историческая миссия пролетариата — построение всемирного коммунистического общества. Таким образом, непрерывность революции, в представлении Маркса и Энгельса, — вполне закономерный объективный процесс последовательного решения пролетариатом своих национальных и интернациональных задач вплоть до полной победы социалистической революции в мировом масштабе. Именно это предусматривала также и ленинская теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, в основу которой была положена подлинно марксистская идея перманентной, т. е. непрерывной, революции.

«...От революции демократической, — писал В. И. Ленин в 1905 году, — мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию»².

У Троцкого же идея непрерывности революции приобрела явно карикатурный вид. В его представлении перманентность — это не последовательность, а одновременность решения всех политических задач, стоящих перед пролетариатом. Пролетариат должен сразу: и свергать царское самодержавие, и устанавливать свою диктатуру, и осуществлять демократическое преобразование общества, и провозглашать программу его социалистического переустройства, и обеспечивать победу революции в национальных рамках, и перенести ее за пределы своей страны, и т. д. Одним словом, все то же анархистское «или все, или ничего».

Соответствующей должна быть, по Троцкому, и практическая деятельность, направленная на осуществление этих стратегических целей. Вместо кропотливой, целеустремленной ра-

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 261.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 222.

боты по завоеванию на сторону революции широких народных масс Троцкий проповедовал авантюристическую тактику беспорядочных, неорганизованных, технически не подготовленных выступлений бунтарского типа, способных лишь запугать правящие классы, но не подчинить их превосходящей силе пролетариата. Во что бы то ни стало поддерживать «боевой дух» пролетариата, «не дрейфить» — такими по видимости революционными, но совершенно пустыми по своему реальному содержанию призывами Троцкий стремился подменить научно обоснованную стратегию и тактику революционной партии. На практике эти призывы способны были только привести к невероятному увлечению революционной фразой в ущерб подлинному революционному делу.

Именно такую бесплодную практику «революции ради революции» пытались навязать пролетарскому движению другие «революционеры» фразы — анархисты, руководствовавшиеся словами своего пророка Бакунина: «*Всякий бунт всегда полезен*». Не случайно поэтому именно анархисты еще задолго до Троцкого пытались вульгаризировать марксистское представление о перманентной революции, изобразить ее не как последовательно происходящий объективный процесс, а как сплошной революционный взрыв, непрерывное революционное бунтарское действие против существующего строя.

Даже частное выражение недовольства пролетариата анархисты готовы были считать началом революции. «...В Барселоне *еще ничего не произошло*, — писали они в 1873 году, когда назревали революционные события в Испании, — *но на площадях, в общественных местах — перманентная революция!*»¹ Отмечая полную беспочвенность и бесплодность подобных заклинаний, Энгельс иронически писал, что то была революция анархистов, «которая состоит в том, что непрерывно бьют в литавры, и которая именно поэтому «перманентно» стоит на „месте“»². Проповедью такой перманентно стоящей на месте революции, по сути дела, занимался и Троцкий, отвергавший единственно возможный путь ее развития, указанный В. И. Лениным.

«Теоретическую» основу троцкистской тактики в революции составляло волюнтаристское нежелание считаться с объективным ходом общественного развития, авантюристическое стремление «подхлестнуть» революцию, перескочить через

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 463.

² Там же.

незавершенные ее стадии. Называя себя марксистом, Троцкий на словах признавал вывод о буржуазно-демократическом характере первой русской революции. В этом состояло его отличие от эсеров, анархистов и других мелкобуржуазных революционеров, идеализировавших общественное развитие России и считавших русскую революцию «социальной», т. е. социалистической. Но, находясь на идеалистических позициях в оценке явлений общественной жизни, он, как и другие мелкобуржуазные революционеры, допускал возможность изменения объективного хода общественного развития под влиянием чисто субъективных факторов.

Троцкий утверждал, что достаточно воли и желания пролетариата, чтобы в результате победы буржуазно-демократической революции в стране сразу утвердилась диктатура пролетариата. Правительство этой диктатуры, опять-таки по своей воле и желанию, из одного лишь стремления не допускать «самоограничения» победившего класса, будет руководствоваться последовательно социалистической программой и, проявляя революционную агрессивность, разрушит национальные рамки революции, с тем чтобы немедленно перенести ее в другие страны, уже «созревшие» для социализма. «Если бы у рабочей партии не оказалось достаточной революционно-агрессивной тактики, и она задумала бы перейти на сухопутные только-национальной и только-демократической диктатуры, соединенная реакция Европы не замедлила бы ей разъяснить, что рабочий класс, в руках которого находится государственная власть, должен всю ее обрушить на чашу весов социалистической (т. е. мировой. — Авт.) революции», — так не совсем вразумительно, но зато безапелляционно выражал суть своей теории Троцкий в статье «Наши разногласия».

Такая субъективистская концепция ничего общего не имела с творческим марксизмом. Троцкий фактически отрицал значение демократического переворота как важного этапа на пути к социалистической революции пролетариата. Он не признавал необходимости создания широкой коалиции пролетарских и полупролетарских масс для успешной борьбы за социализм, недооценивал значение демократизации общественной жизни и уничтожения остатков крепостничества для активизации классово-борьбы пролетариата, не связывал возможность перехода к социалистическим преобразованиям с наличием других объективных и субъективных предпосылок, которые должна была создать успешная буржуазно-демократическая революция.

Критикуя подобные «нелепые полуанархические мысли... о завоевании власти для социалистического переворота»¹, В. И. Ленин неоднократно указывал, что на данном этапе революции социал-демократия не должна выдвигать задачу немедленного осуществления социалистической программы. Иначе, подчеркивал Владимир Ильич, «мы впадали бы в ошибку, которую делают с.-р.»². «Пытаясь немедленно поставить своей целью социалистический переворот, — писал он в другой работе, — социал-демократия действительно лишь осрамила бы себя»³.

Троцкий не хотел понять и того, что победа пролетариата в любой стране не может быть лишь результатом действий пролетариата соседних стран, что она обеспечивается прежде всего внутренними условиями, что, наконец, степень реально-го воздействия российского пролетариата на мировую пролетарскую революцию будет зависеть прежде всего от его успехов в своей стране, от того, насколько прочной и долговечной окажется его собственная диктатура. Явно под влиянием идеалистического народнического метода в социологии Троцкий стремился «навязать истории свои субъективистские «идеалы», лишенные корней в объективной действительности»⁴.

Разумеется, марксизм-ленинизм не отвергает важнейшей роли субъективного фактора в истории общества. Но эта роль только тогда раскрывается в полном объеме, когда субъективная политика классов соответствует объективному ходу общественного развития, а не противоречит ему. Выяснять на основе марксистской науки объективные закономерности развития общества и приводить в соответствие с ними субъективную деятельность пролетариата и его авангарда — в этом состоит важнейшая задача марксистско-ленинской партии. Только тогда субъективная политика класса будет оказывать действительно реальное влияние на объективный ход общественного развития, ускорять его, способствовать наиболее полному раскрытию необходимых для полной победы пролетариата закономерностей этого развития. Именно осознанная объективная необходимость и составляет основу подлинно научной политики партии, превращающей ее в важнейшую творческую силу истории.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 16.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 128.

³ Там же, стр. 23.

⁴ Борьба В. И. Ленина против мелкобуржуазной революционности и авантюризма. Изд-во «Мысль», 1966, стр. 159.

Троцкий же, находясь на субъективистских, идеалистических позициях, отстаивал тактику, противоречившую ходу объективного революционного процесса и потому способную привести пролетариат лишь к поражению.

В. И. Ленин учил, что только осуществление программы-минимум РСДРП позволит перейти к подготовке нового, социалистического этапа революции. Троцкий же призывал «уничтожить» границы между минимальной и максимальной программами социал-демократии. В. И. Ленин писал: «Борьба рабочего класса с классом капиталистов не может развернуться достаточно широко и кончиться победой, пока не свергнуты более древние исторические враги пролетариата»¹. Троцкий же отрицал этот ленинский вывод, смешивал задачи двух разных этапов революции — демократического и социалистического, уверял, что пролетариат может решить основной вопрос социалистической революции, т. е. установить свою диктатуру, уже в ходе чисто демократического переворота. Это был полный отход от марксистского понимания сущности пролетарской революции, которая, с точки зрения Троцкого, становилась фактически ненужной.

«Марксизм, — писал В. И. Ленин, — требует ясного разграничения программы-максимум и программы-минимум... Смешение того и другого неизбежно приводит ко всякого рода мелкобуржуазным и оппортунистическим или анархическим извращениям пролетарского социализма, неизбежно затемняет задачу социальной революции»².

Троцкий, по сути дела, отрицал и необходимость подлинной демократической революции, видя ее задачи не в осуществлении коренных демократических преобразований, а в установлении власти чисто рабочего правительства, т. е. в условиях России — правительства незначительного меньшинства народа, которое имело бы против себя единый фронт не только буржуазных, но и трудящихся (прежде всего крестьянских) элементов. Это было не только очевидное отрицание марксистского вывода о сочетании демократических и социалистических задач пролетариата, но и ревизия коренного положения марксизма о диктатуре пролетариата как самой широкой демократии для огромного большинства народа.

В истоке троцкого отрицания значения демократического переворота лежало, в конечном счете, все то же харак-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 205.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 397.

терное для Троцкого оппортунистическое неверие в наличие реальных предпосылок социализма в нашей стране. Он считал своеобразие русской революции следствием отсталости страны, ставившей Россию в зависимость от более развитых капиталистических государств. С точки зрения Троцкого, русский 1905 год был лишь запоздалым повторением европейского 1848 года. Однако решающую роль в его подготовке якобы сыграл не естественный ход развития производительных сил страны, а европейский капитал, который с помощью царского самодержавия, стремившегося поддержать военную мощь русского государства, «насадил» в отсталой России современную индустрию. В свою очередь, создание современной индустрии, по Троцкому, привело к гигантскому и тоже «искусственному» росту городов, которые и заняли «подобающее» им ведущее место в буржуазной революции, как это якобы было в свое время в Западной Европе. Однако решающей силой русской революции стала не городская торгово-промышленная мелкобуржуазная демократия, «задававшая тон» в западноевропейских буржуазных революциях, в России же задавленная и сведенная почти на нет современной индустрией, а пролетариат. Он, уверял Троцкий, «вместе с производственными функциями мелкой буржуазии» «перенял ее былую политическую роль и ее исторические притязания на руководство крестьянскими массами», которые «не способные» к самостоятельному политическому действию в революции. Европейский капитал, «создавший» пролетариат в отсталой России, таким образом «перелил», по словам Троцкого, в этот класс, не имевший корней в русской жизни, свою «застывшую революционную энергию старых поколений буржуазии» и сделал его «единственной» реальной революционной силой в стране.

Лишь «случайно», благодаря иностранному капиталу, «заяв» в революции место радикальной буржуазной демократии, не успевшей сплотиться из-за отсталости и иностранной зависимости России, пролетариат, по мнению Троцкого, должен использовать свое исключительное положение единственной реальной революционной силы для того, чтобы подчинить буржуазную революцию решению своих собственных классовых задач, т. е. установлению «диктатуры пролетариата».

Перестает ли от этого революция быть буржуазной? — спрашивал Троцкий. И отвечал: если она ограничится чисто национальными рамками, то пролетариат будет сброшен коалицией буржуазных классов, в том числе и «освобожденного

им крестьянства», и тогда революция сохранит свой ограниченный буржуазный характер, т. е. не приведет к решению ее основных демократических задач. (Троцкий утверждал, что подлинная победа буржуазной революции возможна «только через завоевание власти революционным пролетариатом».) Если же пролетариат сумеет разбить национальные рамки русской революции, то она может стать «прологом мирового социалистического катаклизма».

Таким образом, создать реальные гарантии для закрепления демократического переворота в России, приводящего к власти рабочий класс, и обеспечить условия для использования победы демократической революции в социалистических целях должен был европейский пролетариат, которому Троцкий отводил такую же роль в демократическом и социалистическом переустройстве отсталой России, какую он отводил западноевропейскому капиталу в подготовке условий для буржуазной революции в нашей стране.

В представлении Троцкого, диктатура пролетариата, которая возникла бы в результате победы буржуазно-демократической революции в России, ничего общего не имела бы с подлинной социалистической диктатурой рабочего класса, якобы возможной лишь в наиболее развитых странах. Во-первых, эта диктатура опиралась бы не на большинство, а на меньшинство народа и потому была бы антидемократической в своей основе. Во-вторых, она не имела бы реальной возможности приступить к осуществлению объективных социалистических задач, разрешение которых неизбежно столкнулось бы, по мнению Троцкого, с хозяйственной отсталостью страны и противодействием антисоциалистического крестьянства. Главную цель такой диктатуры Троцкий видел в соединении демократической революции в России с социалистической революцией европейского пролетариата в единую мировую пролетарскую революцию. Только такую революцию Троцкий считал подлинно социалистической, только она была способна, с его точки зрения, превратить государственную власть, «случайно» оказавшуюся в руках русского пролетариата, в социалистическую не только по своим конечным целям, но и по своему реальному содержанию. «Только на этом пути, — писал Троцкий в статье «Наши разногласия», — его (русского пролетариата. — Авт.) временное революционное господство станет прологом социалистической диктатуры».

Поэтому неверными представляются утверждения некоторых авторов, считающих, что Троцкий пытался представить

революцию 1905 года чуть ли не социалистической. Как известно, подлинно социалистической он не считал даже и Октябрьскую революцию. Возможность превращения этой революции в подлинно социалистическую он связывал исключительно лишь с победой мировой пролетарской революции. Отсюда — и тезис Троцкого, выдвинутый им в 20—30-х годах, о необходимости новой революции в СССР, которая не только покончила бы с негодным Троцкому советским строем, но и явилась бы толчком для начала запаздывающей мировой пролетарской революции.

Отождествляя среднеразвитую в капиталистическом отношении Россию с отсталыми полукOLONиальными и колониальными странами, Троцкий впоследствии сформулировал свой общий вывод о том, что в отсталых странах орудием разрешения задач буржуазно-демократической революции призвана стать только диктатура пролетариата. В своей книге «Перманентная революция», изданной за рубежом в 1930 году, он утверждал, что «для отставших стран путь к демократии идет через диктатуру пролетариата»¹, которая, в свою очередь, может существовать, лишь опираясь на поддержку победившего пролетариата развитых стран. Этот вывод троцкистской теории «перманентной революции» свидетельствует не только о неверии Троцкого в то, что пролетариат может осуществить без помощи извне социалистические преобразования в таких странах, как Россия, но и вообще об отрицании им способности рабочего класса этих стран выполнить роль вождя демократической революции, полная победа которой также ставилась Троцким в зависимость исключительно лишь от помощи извне. Это была типично меньшевистская точка зрения отказа от революционной борьбы, прикрываемая псевдоревolutionонной фразеологией о мировой пролетарской революции.

Суть своей теории Троцкий впервые пространно изложил в брошюре «Итоги и перспективы», написанной в 1906 году. Все содержание брошюры сводилось к критике ленинской идеи революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Троцкий считал эту идею не только неосуществимой, но и вредной на том основании, что она «ориентировала» пролетариат, якобы способный к сосредоточению всей полноты власти в своих руках, на «самоограничение», на разделение ее с крестьянством.

---

¹ Ворьба В. И. Ленина против мелкобуржуазной революционности и авантюризма, стр. 164.

Троцкий чудовищно клеветал на большевиков, приписывая им стремление с помощью революционно-демократической диктатуры освятить утверждение, в результате победы буржуазно-демократической революции, общества «нормальной капиталистической эксплуатации». Он обвинял ленинцев в том, что они отказываются от борьбы за социализм и якобы хотят подменить классовую борьбу пролетариата «демократическим сотрудничеством» классов после победы революции. Участие «мужика» в революционном правительстве он характеризовал как «предлагаемую» большевиками антисоциалистическую гарантию того, что это правительство не будет осуществлять социалистическую программу. На этом основании он обвинял большевиков в готовности «предать» интересы пролетариата во имя сохранения союза с крестьянством, а всю их тактику называл тактикой «буржуазно-демократического самоограничения пролетариата».

Разницу между меньшевиками и большевиками Троцкий видел лишь в том, что если «антиреволюционные стороны меньшевизма сказываются во всей силе уже теперь», то «антиреволюционные черты большевизма грозят огромной опасностью в случае революционной победы».

На самом деле ни о каком «самоограничении» пролетариата в ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую не было речи. Наоборот, с точки зрения В. И. Ленина, именно демократический переворот и должен был создать реальные условия для успешной борьбы за социализм. Идею самоограничения российского пролетариата проповедовал сам Троцкий, уверявший, что социалистическое преобразование страны будет невозможно до победы пролетариата более развитых стран. Это была типичная меньшевистская установка, отрицавшая наличие реальных предпосылок для социализма в нашей стране. Не случайно поэтому свою показную «революционность» Троцкий обосновывал ссылками на оппортунистическую концепцию Лассалья, который, анализируя события 1848—1849 годов, уверял, что никакая революционная борьба в Европе не может быть успешной, если только с самого начала она не будет провозглашена чисто социалистической. Этого непосредственного, мелкобуржуазного революционера Троцкий ставил в один ряд с Марксом и Энгельсом, называя его третьим, «младшим» классиком марксизма. Именно в предисловии к речи Лассалья, в которой излагалась столь понравившаяся Троцкому идея (эта речь была издана в России в июле 1905

года отдельной брошюрой), Троцкий и сформулировал в общих чертах свою теорию «перманентной революции». Лас-сальянский мелкобуржуазный социализм, отождествленный Троцким с марксизмом, был, таким образом, наряду с парвусистским истолкованием меньшевистского понимания революции важнейшим идейным источником троцкизма.

Изображая себя противником буржуазно-демократическо-го и национального «самоограничения» пролетариата, Троцкий и в этом случае оставался всего лишь революционером фразы. Его «сверхреволюционная» теория прекрасно уживалась с меньшевистскими взглядами, составлявшими суть его мировоззрения. Меньшевики, даже такие, как бывший экономист Мартынов, охотно популяризировали писания Троцкого, считая, что его нереальные максималистские установки не будут восприняты всерьез сторонниками меньшевистского направления. Сами меньшевики при случае также изображали из себя «сверхреволюционеров», высказывая те же оппортунистические идеи, которые Троцкий старался выдать за свои. Меньшевистская «Искра» в начале 1905 года писала, что если бы революция «все-таки вынесла бы нас ко власти, когда национальные условия для осуществления социализма еще не созрели, мы бы... поставили себе целью разбить тесные национальные рамки революции и толкнуть на путь революции Запад»¹. Это, по сути дела, было выражением той же мысли, которая лежала и в основе теории «перманентной революции».

С особой определенностью меньшевистский характер теории Троцкого проявился в его отношении к крестьянству. «Оригинальная теория Троцкого, — писал В. И. Ленин, — берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, а у меньшевиков — «отрицание» роли крестьянства»².

Согласно троцкистской концепции, роль многомиллионного крестьянства в революции была по меньшей мере второстепенной. Это находилось в вопиющем противоречии с реальной действительностью, когда буквально каждый день приносил новые факты о том, что у самодержавно-помещичьего строя наряду с пролетариатом есть не менее грозный противник — крестьянство. В отношении к крестьянству отчетливо прослеживался догматический, субъективистский подход Троцкого к оценке характера и движущих сил русской революции. Он

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 137.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 80.

не видел, что «оселком», определяющим главное экономическое содержание русской революции, является аграрный вопрос.

Как и все меньшевики, он считал русскую революцию буржуазной по своим задачам лишь потому, что в ней участвовала буржуазия. Именно ей, и только ей, он отводил роль сознательного союзника пролетариата в борьбе против самодержавия. Троцкий уверял, что пролетариат должен «толкать» буржуазию на революцию с тем, чтобы «сбросить в решительную минуту со своего пути ее политический труп».

Крестьянство же Троцкий вообще не считал способным к сознательному участию в революции. Он утверждал, что, будучи разрозненным, культурно отсталым, оно не в состоянии выделить из своей среды самостоятельной политической партии. По Троцкому же, только коалиция социал-демократов с такой крестьянской партией могла бы стать единственно возможным способом политического оформления союза пролетариата и крестьянства.

Однако, объявив российский пролетариат наследником исторических функций радикальной буржуазной демократии, Троцкий признавал, что крестьянство, оставаясь «реакционным», «враждебным социализму», все-таки способно принять руководство пролетариата в буржуазно-демократической революции. За неимением других руководителей в революции оно якобы стихийно, в силу своего «политического варварства, примитивности, бесхарактерности», может пойти за пролетариатом. Так в свое время крестьянство, утверждал Троцкий, шло за радикальной городской и мелкобуржуазной демократией, выступавшей выразительницей более прогрессивной по сравнению с деревней роли города в жизни общества, а следовательно — и гегемоном в революции. Таким же «выразителем» организующего влияния капиталистического города на деревню Троцкий хотел изобразить и пролетариат. На самом же деле рабочий класс выступал отнюдь не выразителем интересов капиталистического города, а непримиримым врагом его гегемонии в экономической и политической жизни общества, основанной на нещадной эксплуатации всех трудящихся, в том числе и крестьян.

Впоследствии Троцкий пытался приписать эксплуататорскую роль капиталистического города городу социалистическому. Крайним выражением этой его точки зрения были тезис о «диктатуре» промышленности над сельским хозяйством и созданная в соавторстве с Преображенским «теория» военно-

феодалной эксплуатации крестьянства «в интересах социалистического накопления». Троцкий старался противопоставить эти концепции ленинской политике союза рабочих и крестьян, которая предусматривала не эксплуатацию крестьянства, не использование его культурной отсталости, а как раз наоборот — оказание ему максимально возможной помощи пролетариатом и социалистическим городом.

С точки зрения Троцкого, союз пролетариата и крестьянства в буржуазно-демократической революции оказывался своего рода историческим недоразумением. Он считал, что антисоциалистическое по своей природе крестьянство ищет естественного руководителя в лице радикальной городской буржуазной демократии и лишь за неимением таковой «стихийно» находит его в социалистическом пролетариате. А пролетариат, присваивая себе функции радикальной буржуазной демократии, осуществляет гегемонию по отношению к крестьянству, чтобы в решающий момент оттолкнуть его и сосредоточить в своих руках всю государственную власть для осуществления социалистической программы.

Итак, выходит, что каждый из классов выполняет в революции чужие функции и преследует конечные цели, диаметрально противоположные тем, которые привлекают к нему другой класс. Ясно, что такой «союз» не мог бы отличаться ни устойчивостью, ни продолжительностью. Потому Троцкий считал неизбежным разрыв этого союза, как только пролетариат приступит к осуществлению социалистической программы, т. е., с его точки зрения, на следующий же день после победы революции.

Подобная схема русской революции основывалась у Троцкого не на знании и марксистском анализе реальной жизни, а на бессодержательных исторических аналогиях, применяемых без учета изменений в расстановке классовых сил в новую историческую эпоху. По сути дела это была все та же, чуть перекрашенная меньшевистская схема революции, основу которой составляло шаблонное представление о роли буржуазной демократии как единственно возможного руководителя демократической революции.

Если меньшевики откровенно приписывали роль гегемона революции либеральной буржуазии, то у Троцкого в этой роли выступал вроде бы сам рабочий класс, но лишь как «заместивший» буржуазную демократию. Меньшевики считали, что за «буржуазной демократией», иными словами — либеральной буржуазией, неизбежно пойдет антисоциалистическое

крестьянство. На этом основании они отрицали ленинскую идею союза рабочих и крестьян. Троцкий тоже уверял, что крестьянство способно пойти лишь за буржуазной демократией, роль которой он пытался приписать пролетариату. Отсюда — его неверие в прочность и продолжительность союза рабочих и крестьян, в возможность использования этого союза в интересах социализма.

Меньшевики уверяли, что социалистический пролетариат будет абсолютно одинок в революции. Поэтому его задача — не отпугивать от себя буржуазию с поддерживающим ее крестьянством максималистскими социалистическими лозунгами. Троцкий также считал, что как социалистическая сила пролетариат будет одинок в революции. Но в отличие от меньшевиков из той же оппортунистической посылки он делал авантюристический вывод, утверждая, что пролетариату и вообще нет смысла бороться за прочный союз с крестьянством, отход которого от революции будет якобы только «благом», свидетельством начавшейся борьбы пролетариата за осуществление своей социалистической программы. Сотрудничество пролетариата с крестьянством Троцкий называл «объективной антисоциалистической гарантией». Он, указывая В. И. Ленин, «никогда не мог усвоить себе сколько-нибудь определенных взглядов на роль пролетариата в русской буржуазной революции»¹.

Подлинно новаторским был ленинский подход к оценке характера и роли движущих сил революции. В противоположность троцкизму и другим разновидностям оппортунизма В. И. Ленин доказал, что в новую историческую эпоху гегемоном, руководителем демократической революции должен и может быть только пролетариат, выступающий в ней как социалистическая сила и использующий свою гегемонию для того, чтобы обеспечить перерастание демократической революции в социалистическую. В. И. Ленин установил, что сторонников буржуазной демократии в России олицетворяет не приспособленческая либеральная буржуазия, как это говорили меньшевики, и не пролетариат, как утверждал Троцкий, поскольку он последовательно заинтересован в окончательной победе социализма и потому не ставит перед собой лишь ограниченные буржуазно-демократические цели, а прежде всего крестьянство. Оно выступает в борьбе против самодержавно-помещичьего строя в качестве самостоятельной активной ре-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 364.

волюционной силы и вполне сознательно поддерживает те общественные слои, которые наиболее последовательно и решительно борются за победу демократической революции, т. е. в первую очередь — пролетариат.

Гигантское преобладание в армии революции представителей многомиллионного крестьянства, не готового еще к восприятию подлинно пролетарской социалистической программы, и определяло буржуазно-демократический характер российской революции, которую В. И. Ленин называл крестьянской.

Причину поражения первой русской революции Троцкий видел в том, что революционный пролетариат был сокрушен царизмом якобы с помощью крестьянства. На самом же деле крестьянство наряду с пролетариатом было важнейшей движущей силой не контрреволюции, а революции. Революция потерпела поражение потому, что эти две революционные силы действовали порознь, прочный союз пролетариата и крестьянства, на необходимость которого указывал В. И. Ленин, пока еще отсутствовал.

Важно подчеркнуть, что по преимуществу крестьянский характер российской революции не был какой-то ее специфической национальной чертой. Крестьянство было главной движущей силой также и западноевропейских буржуазных революций. Утверждение Троцкого о том, что решающую роль в буржуазно-демократических революциях Западной Европы сыграла городская мелкая буржуазия, находилось в полном противоречии с выводом Ф. Энгельса, писавшего, что во всех этих революциях «боевой армией являются крестьяне»¹.

Пролетариат был заинтересован в союзе с крестьянством, потому что без такого союза не могло быть прочной победы демократической революции. А лишь она открывала путь перерастания ее в революцию социалистическую.

Крестьянство шло на союз с пролетариатом, так как видело, что только его руководство способно обеспечить полный успех в борьбе против самодержавно-помещичьего строя и справедливое решение аграрного вопроса. Социалистическая программа, выдвигаемая пролетариатом для второго этапа революции, также отвечала интересам огромного большинства крестьянства, что создавало реальные условия для сохранения союза рабочих с этим большинством при осуществлении социалистического переворота.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 308.

В силу этих причин В. И. Ленин считал, что пролетариату нечего опасаться усиления политической активности и самостоятельности крестьянства. Главную задачу рабочего класса он видел в том, чтобы обеспечить рост сознательности крестьянского движения, чтобы не дать буржуазии подчинить его своему влиянию и тем самым отвлечь от революции. Вопреки Троцкому В. И. Ленин допускал даже возможность возникновения самостоятельной крестьянской партии, в коалицию с которой и вступили бы социал-демократы при формировании временного революционного правительства. Такая крестьянская партия, если бы она честно представляла интересы своего класса, не только не стала бы реакционной, как это пророчил Троцкий, но и, в конечном счете, неизбежно призвала бы руководящую роль пролетариата и его марксистского авангарда.

Вместе с тем В. И. Ленин подчеркивал, что союз пролетариата и крестьянства вероятнее всего сможет сложиться при отсутствии самостоятельной крестьянской партии, процесс создания которой крайне труден и длителен. Возражая Троцкому, Ленин указывал: «„Коалиция“ классов *вовсе не* предполагает ни существования той или иной могучей партии, ни партийности вообще. Это — смешение вопроса о классах с вопросом о партиях»¹. Из опыта русской революции следовало, что «коалиция» рабочих и крестьян практически осуществлялась «десятки и сотни раз» в самых различных внепартийных формах. «Боевое соглашение, — указывал В. И. Ленин, — нельзя противопоставлять политическому блоку, ибо оно входит в это последнее понятие»².

Материальным закреплением союза рабочих и крестьян на этапе демократической революции, главным итогом их совместной борьбы и должна была стать революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Именно она гарантировала устойчивость победы народа над самодержавно-помещичьим строем. Именно она создавала реальные политические предпосылки внутри страны для успешного перерастания демократической революции в социалистическую. Без революционно-демократической диктатуры в условиях России того времени невозможна была успешная борьба за социализм. Троцкий, выступавший против этой важнейшей ленинской идеи, тем самым выступал и против создания един-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 381—382.

² Там же, стр. 383—384.

ственно возможной реальной гарантии победы социалистической революции в России.

Мало того, он утверждал, что диктатура пролетариата, рожденная буржуазно-демократической революцией, неизбежно будет смята буржуазией и крестьянством, которое присоединится к буржуазии, как только пролетариат приступит к осуществлению социалистической программы. С точки зрения внутренних условий Троцкий по-прежнему считал пролетарскую власть преждевременной в России, связывая, как и все меньшевики, создание этих условий лишь с превращением рабочего класса в подавляющее большинство населения страны. Главную задачу победившего пролетариата России он видел не в созидательной работе по строительству социализма, победу которого в условиях одной России он всегда считал делом безнадежным, а в использовании «случайно» доставшейся русскому рабочему классу власти для искусственного развязывания, «подстегивания» мировой пролетарской революции. Только с победой пролетариата более развитых стран Россия, утверждал Троцкий, получила бы реальную возможность строить социализм. Только тогда, опираясь на прямую государственную помощь западноевропейского пролетариата, рабочий класс России смог бы справиться с собственной буржуазией и «реакционным» крестьянством, чтобы превратить свою неустойчивую диктатуру в длительное политическое господство, гарантирующее социалистическое преобразование страны.

Этот конечный вывод теории «перманентной революции» ярко показывал суть троцкистского политического авантюризма, в основе которого лежало отчаяние мелкого буржуа, не видящего истинных путей изменения неоправедливых общественных порядков и возлагающего нереальные надежды на разного рода крайние действия. Результатом такого отчаяния, оппортунистического неверия в возросшую мощь пролетариата, в наличие объективных предпосылок социализма и был авантюристический призыв Троцкого не считаться ни с историческими, ни с географическими границами и использовать революционную энергию русского рабочего класса для «подталкивания» мировой пролетарской революции.

Оппортунистический пессимизм троцкистской теории отчетливо проявился в период наивысшего подъема русской революции, особенно в октябрьско-ноябрьские дни 1905 года. Троцкий в это время активно сотрудничал с меньшевиками в Исполкоме Петербургского Совета, помогал им бороться

против единственно правильной большевистской тактики, которую стремились положить в основу деятельности Совета революционно настроенные рабочие депутаты.

В. И. Ленин разоблачал попытки меньшевиков превратить Совет в орган местного самоуправления, поддерживаемый не только пролетариатом, но и буржуазией. Он считал, что «Совет должен как можно скорее провозгласить себя временным революционным правительством всей России или (что то же самое, лишь в иной форме) должен *создать* временное революционное правительство»¹. Важнейшую задачу Совета В. И. Ленин видел в подготовке восстания, результатом которого должно было явиться свержение царского правительства, превращение Совета в революционное правительство всей России — орган восставшего народа, осуществляющий функции революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

В соответствии со своим выводом о возможности, хотя бы и случайного, завоевания власти пролетариатом в результате буржуазно-демократической революции Троцкий на словах также признавал Петербургский Совет зародышем новой власти (однако не всего народа, как говорил В. И. Ленин, а лишь одного пролетариата). Но это словесное утверждение не сопровождалось какими-либо реальными действиями, направленными на подготовку вооруженного восстания, на превращение Совета в орган этого восстания. Троцкий рассчитывал, что власть у самодержавия можно вырвать мирным путем, с помощью всеобщей стачки пролетариата. По Троцкому, она должна была выполнить роль «народного восстания» и послужить сигналом к мировой пролетарской революции, без победы которой поражение российского пролетариата якобы оставалось неминуемым. «Всеобщая политическая стачка, — говорил Троцкий, — есть в существе своем восстание»².

Троцкий допускал возможность вооруженного восстания лишь в качестве крайней, чисто оборонительной меры пролетариата при защите своих завоеваний от контрреволюции и потому был противником военно-технической подготовки его, выступал против принятия практических мер по вооружению рабочих и организации их боевых формирований. Главную силу восстания он видел не в организации и вооружении народа, а... в его готовности умирать. Рассуждения Троцкого

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 63—64.

² Цит. по: В. А. Гринько и др. Указ. соч., стр. 81.

о восстании отчетливо выражали «меньшевистское отношение к рабочему классу, способному, по мнению меньшевиков, не к роли вождя революции, а только к роли жертвы революции»¹. Это было логическое следствие преклонения перед стихийностью движения, неверия в революционные силы пролетариата, недооценки организующей и направляющей роли пролетарского авангарда, нерешительности и боязни подлинных революционных действий народа и других оппортунистических черт, характерных для троцкизма.

Тактика, которую Троцкий и другие меньшевики навязывали Петербургскому Совету, помешала последнему до конца выполнить роль организатора революционной борьбы петербургских рабочих. Своим предательским поведением Троцкий сорвал многотысячную демонстрацию петербургских рабочих 18 октября 1905 года, когда они стремились освободить политических заключенных. В ноябре 1905 года Троцкому и другим меньшевикам удалось навязать Петербургскому Совету решение о прекращении борьбы за восьмичасовой рабочий день. 5 ноября в самый разгар ноябрьской политической стачки Троцкий провел в Совете предложение о прекращении этой стачки, явно из опасения, что она перерастет в вооруженное восстание, к которому призывали питерских рабочих большевики. 3 декабря, в день ареста членов Петербургского Совета, в их числе и самого Троцкого, последний, председательствуя на заседании, заявил, что Петербург не сможет взять на себя роль застрельщика новой всеобщей забастовки. Даже узнав о намерении правительства арестовать членов Совета, Троцкий продолжал вести заседание и тем самым фактически облегчил действия полиции, забравшей сразу значительную часть депутатов².

Половинчатая, нерешительная позиция, занятая Петербургским Советом под влиянием Троцкого и других меньшевиков, помешала петербургским рабочим оказать всю необходимую помощь героическим пролетариям Москвы, что явилось одной из важных причин поражения Московского вооруженного восстания в декабре 1905 года, а вслед за ним и всей первой русской революции.

Бежав из последовавшей за арестом ссылки, Троцкий снова оказался за границей, где он упорно продолжал защищать меньшевистскую тактику в революции. Он всячески оправды-

¹ В. А. Гринько и др. Указ. соч., стр. 82.

² См.: История КПСС, т. 2, стр. 127.

вал нежелание и неспособность меньшевиков осуществить своевременную военно-техническую подготовку восстания, вооружить пролетариат, хотя это обрекало рабочий класс на поражение.

Когда началась подготовка выборов во II Государственную думу, большевики выдвинули тактику левого избирательного блока, стараясь объединить силы всех левых партий от социал-демократов до трудовиков, чтобы нанести поражение кандидатам правых партий (октябристов, монархистов и других), а также либерально-кадетского центра. Меньшевики же добились на Всероссийской партийной конференции в Таммерфорсе (ноябрь 1906 г.) принятия решения о допустимости избирательных блоков с кадетами. Это было продолжение старой меньшевистской тактики в революции, отводившей пролетариату всего лишь роль бесправного придатка буржуазии.

Троцкий, разделяя полностью меньшевистскую идею о том, что пролетариат должен быть «двигателем» революции, т. е. «толкать» на нее либеральную буржуазию, выступил рьяным сторонником тактики избирательного блока с кадетами, которая, по словам В. И. Ленина, окончательно определила физиономию меньшевиков как оппортунистического крыла РСДРП¹.

«...Мы бросим наши бюллетени в кадетские урны и с спокойной социалистической совестью пошлем кадетов на встречу их судьбе», — призывал Троцкий своих сторонников в брошюре «На пути во II Думу», выпущенной в 1906 году.

V (Лондонский) съезд РСДРП в мае 1907 года одобрил ленинскую тактическую линию в отношении к буржуазным и мелкобуржуазным партиям. «Необходимо со всей определенностью признать, — говорил на съезде В. И. Ленин, — что либеральная буржуазия стала на контрреволюционный путь, и вести борьбу против нее. Только тогда политика рабочей партии станет самостоятельной и не на словах только революционной политикой. Только тогда мы будем систематически воздействовать и на мелкую буржуазию и на крестьянство, которые колеблются между либерализмом и революционной борьбой»².

Троцкистско-меньшевистская тактика заигрывания с либеральной буржуазией была решительно отвергнута съездом РСДРП. Сам Троцкий, совершив очередной перелет справа на-

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 125.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 347—348.

лево, признал на съезде допустимость левого блока против либеральной буржуазии. Но от своей оппортунистической теории «перманентной революции» он не отказался¹. И сразу же после съезда Ленин вновь подверг его критике за поддержку, оказанную меньшевикам в вопросе об отношении к либералам².

В последовавший за революцией 1905—1907 годов период Троцкий, направив главные усилия на разрушение партии, и в тактических вопросах продолжал придерживаться своих прежних меньшевистских установок, составлявших суть теории «перманентной революции». Как писал В. И. Ленин в 1915 году, он не желал «подумать о том, в силу каких причин жизнь шла целых десять лет мимо этой прекрасной теории»³.

Троцкий не останавливался перед извращением фактов реальной действительности, чтобы найти в ней какие-либо аргументы, подтверждающие его вывод о том, что российский пролетариат будто бы совершенно одинок в русской революции и что поэтому все свои надежды он должен возложить только на победу социалистической революции западноевропейского пролетариата. Вслед за меньшевиками он утверждал, что в результате революции Россия уже стала буржуазной монархией, что в ней допущены до известных пределов конституционные свободы, что аграрный вопрос в основном решен столыпинской реформой. У Троцкого, таким образом, выходило, что задачи буржуазной революции в России уже фактически решены и поэтому пролетариату приходится рассчитывать лишь на собственные силы в борьбе за продолжение революции, так как остальные классы якобы удовлетворены подачками царизма.

Такое оппортунистическое представление о дальнейших перспективах русской революции ничего общего не имело с реальной действительностью. Ни одна из задач демократического переворота в России не была выполнена в 1905—1907 годах. Россия не получила ни демократии, ни разрешения аграрного вопроса. И крестьянство, и все антицаристские демократические силы были по-прежнему заинтересованы в продолжении борьбы для достижения целей революции, которая на первом своем этапе неизбежно сохранила бы буржуазно-демократический характер. «Основная ошибка Троцкого, —

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 345.

² См.: там же, стр. 368.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 80.

писал В. И. Ленин в 1909 году, — игнорирование буржуазного характера революции, отсутствие ясной мысли по вопросу о переходе от этой революции к революции социалистической»¹.

Троцкий не видел условий для новой буржуазно-демократической революции в стране и в то же время не верил в готовность пролетариата к социалистическому перевороту. Возможность последнего в России он всецело связывал с победой пролетариата более развитых стран. Так Троцкий оказывался в одной компании с меньшевиками, которые также не видели предпосылок для любого революционного движения в стране и готовы были к компромиссу не только с контрреволюционной либеральной буржуазией, но через нее и с царизмом.

Оппортунистическая, антиреволюционная тактика, которую меньшевики пытались в это время навязать пролетариату, проявилась в требовании так называемой «свободы коалиций» (т. е. рабочих объединений: профсоюзов, стачек, собраний), которое они с зимы 1910 года противопоставили лозунгу «демократической республики», как якобы нереальному в условиях послереволюционного отступления пролетариата. Главным методом борьбы за осуществление этого лозунга меньшевики избрали составление петиций от рабочих в Государственную думу.

«Новая» меньшевистская тактика, основанная на отказе от борьбы за осуществление революционной программы-минимум РСДРП, была реформистской, сеявшей в массах иллюзии о возможности удовлетворения требований народа без революции, путем «совершенствования» существующего самодержавно-помещичьего строя.

Активным участником этой оппортунистической затеи, служившей только буржуазному развращению рабочих, отвлечению их от революционной борьбы, оказался Троцкий. «Свобода коалиций, — писал он, — для нас не частный пункт демократической программы, а верховный классовый критерий над всей программой политической демократии».

В защиту этого меньшевистского требования Троцкий выпустил брошюру «Свобода коалиций и петиционная кампания» (июнь 1911 г.). С ноября 1911 года он активно сотрудничал в меньшевистском ликвидаторском журнале «Наша заря». Первую свою статью, помещенную в этом меньшевистском органе, он снабдил примечанием, в котором подчер-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 381.

кивал, что именно «сближение» его и меньшевистской позиций по тактическим вопросам создало основу и для совместных «политических действий».

Троцкий обвинял большевиков в сектантстве, «формальном революционизме», слепом следовании документам, а не реальным фактам, в отходе от марксизма влево. Свою же центристскую политику он характеризовал как «революционный реализм» («Правда», Вена, 10 декабря 1911 г.). Троцкий уверял, что подлинная марксистская тактика должна «химически соединять реформистские и революционные тенденции пролетарской борьбы» («Борьба», 6 июля 1914 г.). Таким «диалектическим сочетанием» реформизма и революционизма Троцкий и считал свои взгляды, которые тщетно пытался выдать за «подлинный», реалистический (а по сути дела — примиренческий, оппортунистический) «марксизм».

Обвиняя большевиков в «необоснованном» противопоставлении реформизма революционному радикализму, Троцкий выступал против идейной непримиримости партии. Его «реализм» преследовал цель защиты оппортунизма, якобы так же имевшего право на существование в пролетарском движении, как и революционный радикализм. На практике же «реалистическая» защита оппортунизма вела к полному сползанию в оппортунистическое болото.

Это отчетливо понимали даже и меньшевики. «Сила вещей, — писал по этому поводу Мартов в мае 1912 года, — заставляет Троцкого идти меньшевистским путем вопреки его надуманным планам о каком-то «синтезе» между историческим меньшевизмом и историческим большевизмом. Благодаря этому и благодаря противоречию его движения намеченной им схеме, он не только попал в лагерь «ликвидаторского» блока, но и вынужден занимать в нем самую «драчливую» позицию по отношению к Ленину»¹.

Как и меньшевики, Троцкий был готов в угоду реформистскому требованию «свободы коалиций» отказаться от лозунга демократической республики, от призыва к борьбе за революционное ниспровержение царизма. Троцкистская венская «Правда» называла демократическую республику «голым», бессодержательным лозунгом для немногих избранных. Она заявляла, что считает маловероятной возможность новой революции в ближайшее время².

¹ Письма П. В. Аксельрода и Ю. О. Мартова, стр. 233.

² См.: К. Д. Шалагина. Борьба большевиков с троцкизмом (1907—1914 гг.), стр. 22.

В противоположность подобным утверждениям троцкистов В. И. Ленин писал: «Не ясно ли, что дело обстоит как раз наоборот: «голым» и бессмысленным является в качестве «всеобъемлющего» лозунга лозунг «свободы союзов» *вне связи* с лозунгом республики?»¹ Ленин подчеркивал, что эта свобода может быть достигнута лишь в результате свержения царского самодержавия. Отрывая же требование «свободы коалиций» от лозунга демократической республики, троцкисты пытались внушить рабочим неверие в возможность новой революции в России, разоружали пролетариат перед натиском царского самодержавия и реакционной буржуазии. «Будет революция или не будет, это еще вопрос, — говорит обыватель попросту, и повторяет Троцкий по-ученому в „Нашей заре“»² — так определял суть троцкистских разглагольствований В. И. Ленин.

В. И. Ленин указывал на неразрывную связь тактического оппортунизма меньшевиков и троцкистов с ликвидаторством в вопросах организационных. «Троцкий, — писал Ленин, — превосходно знает, что ликвидаторы в легальных изданиях как раз *соединяют* лозунг «свобода коалиций» с лозунгом: *долой нелегальную партию, долой борьбу за республику*»³. В основе ликвидаторства лежало то же неверие в возможность новой революции в России, которое питало и тактический оппортунизм меньшевиков.

Не видя реальных перспектив революции, Троцкий преувеличивал роль Государственной думы и чисто парламентских методов борьбы за осуществление требований пролетариата. Он считал Россию вставшей на путь буржуазного парламентаризма, утверждал, что Дума — этот безвластный, жалкий придаток самодержавного правительства — в состоянии удовлетворить народные нужды. «Наш парламент... — писал Троцкий о Думе, — является тем не менее ареной самой концентрированной и отнюдь не безрезультатной борьбы между государственной властью и общественными классами».

Вместе с оппортунистами из II Интернационала Троцкий переоценивал парламентскую тактику и предлагал сосредоточить в Думе всю партийную деятельность, а от социал-демо-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 30.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 172.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 31.

кратической фракции требовал, чтобы она отказалась от широкой агитации среди рабочих и занялась «положительной» работой в Думе¹.

От реальной борьбы за новую революцию в России Троцкий продолжал отказываться даже тогда, когда страну охватил новый мощный революционный подъем, усилившийся после событий на Лене весной 1912 года. Августовская (1912 г.) конференция меньшевиков, одним из организаторов которой был Троцкий, при обсуждении тактических вопросов главное свое внимание уделила выборам в IV Государственную думу. В то же время конференция уклонилась от обсуждения аграрного вопроса, считая, что он сходит со сцены. Троцкий и другие протащили на конференции оппортунистическое требование «свободы коалиций», под разными предложениями фактически сняв лозунг демократической республики.

В проекте избирательной платформы, составленной при активном участии Троцкого, ничего не говорилось о подготовке масс к революции. Когда один из участников конференции предложил включить в резолюцию упоминание о восстании, его предложение было отклонено на том основании, что «слово «восстание» у нас скомпрометировано»².

Ликвидаторы и троцкисты стремились к тому, чтобы пролетариат отказался и от других форм революционной борьбы. В частности, они предостерегали рабочих от увлечения «стачечным азартом», утверждали, что от частого употребления оружие стачек может затупиться.

Надежды на новый подъем революционного движения в России Троцкий связывал исключительно лишь с европейской войной или пролетарской революцией в Западной Европе. В противном случае, утверждал он в 1911 году, не следует ожидать, что в ближайшие год-два массы снова будут «брошены на путь всеобщих стачек и восстаний». Но не прошло и половины срока, назначенного Троцким, как страна была охвачена небывало мощной стачечной волной, явившейся ответом российского пролетариата на кровавое преступление царских властей на Лене. А еще через два года Россия стояла на пороге новой революции, от которой царизм временно спасло лишь начало европейской войны.

¹ См.: В. А. Гринько и др. Указ. соч., стр. 100.

² См. там же, стр. 153—154.

3. ОБОСНОВАНИЕ В. И. ЛЕНИНЫМ ОБЩИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ РАЗВИТИЯ РЕВОЛЮЦИИ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

Начало мировой империалистической войны явилось серьезным испытанием для международной социал-демократии. Большинство тогдашних лидеров рабочего движения провозгласило идею «национального гражданского мира» на время войны и перешло в лагерь открытых сторонников защиты империалистических отечеств. Парализованный оппортунизмом II Интернационал прекратил свое существование. Почти все социалистические партии воюющих стран присоединились к империалистам, одобряя политику военного истребления своих собратьев по классу, мобилизованных в армии стран враждебного лагеря. «Формулируя дело научным образом, — писал В. И. Ленин, — т. е. с точки зрения отношения между классами современного общества, мы должны сказать, что большинство социал-демократических партий и во главе их, в первую очередь, самая большая и самая влиятельная партия II Интернационала, германская, встали на сторону своего генерального штаба, своего правительства, своей буржуазии против пролетариата»¹.

И лишь большевики, поддержанные небольшими группами революционных марксистов других стран, остались на подлинно интернационалистских позициях. Они призвали рабочий класс к борьбе не против «внешних нападений», как это делали Плеханов, Вандервельде, Гед, Шейдеман и прочие социал-шовинисты, а против самой войны и империалистических правительств, развязавших эту войну. Лозунгами большевистской партии стали: «превращение войны империалистической в войну гражданскую» и связанный с ним лозунг «поражение своего правительства».

Лишь эти лозунги, явившиеся дальнейшим развитием установок социал-демократии, одобренных Базельским и другими предвоенными конгрессами II Интернационала, могли указать реальный путь избавления человечества не только от империалистической войны, но и от глубоких социальных причин, породивших ее. Большевистская партия верила в революционные силы пролетариата. Она призывала его использовать созданный войной экономический и политический кризис для революционного ниспровержения существующего строя.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 212.

Война до предела обострила все противоречия, присущие капитализму. Она явилась гигантским ускорителем революционных процессов во всех странах. Она обнажила многое из того, что было скрытым в условиях мирного существования капитализма, сбросила маски с целых партий и общественных групп, показала подлинное лицо политических деятелей, боровшихся за влияние на массы.

Все это требовало дальнейшего развития марксистско-ленинского учения применительно к новой эпохе империализма. Революционная теория пролетариата должна была обобщить, свести воедино новые исторические факты, ставшие особенно очевидными в условиях войны, дать им подлинно научную оценку, определить наиболее верные и надежные пути быстрого решения тех социальных проблем, которые выдвинула или до предела обострила империалистическая война.

В развитии ленинской теории социалистической революции начался новый этап. Опираясь на созданное в годы первой русской революции учение о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, В. И. Ленин обобщил практику революционной борьбы пролетариев всех стран и сформулировал основные положения теории мирового революционного процесса, получившей блестящее подтверждение на опыте Великого Октября и последующих социалистических и национально-освободительных революций.

Главная теоретическая работа, написанная В. И. Лениным в период первой империалистической войны, — «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1916 г.). В этом и других трудах Ленин научно доказал, что капитализм вступил в эпоху, «когда, по общему признанию марксистов, созрели уже объективные условия крушения капитализма...»¹. Высокий уровень концентрации и обобществления производства, характерный для империализма, слияние банковского капитала с промышленным привели к созданию единого капиталистического хозяйства, вступившего в противоречие с раздробленностью и анархией капиталистического производства и нуждающегося в целенаправленном, плановом руководстве в национальном, а затем и мировом масштабе. Такое руководство может приобрести всеобъемлющий, подлинно научный характер лишь на основе социалистических производственных отношений, необходимость утверждения которых в эпоху империализма стала особенно ощутимой.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 119.

В условиях мировой войны процесс капиталистического обобществления производства еще больше ускорился. Целые отрасли промышленности фактически перешли под управление государства.

Монополистический капитализм превращался в государственно-монополистический, создающий последние материальные предпосылки социализма. Регулирование всей хозяйственной жизни в интересах войны, из одного центра, указывал В. И. Ленин, показало, «насколько созрело современное общество для перехода в социализм»¹.

Для налаживания общественного регулирования производства и потребления в интересах народа становилось достаточно лишь отстранить от политической власти буржуазию и установить диктатуру пролетариата. Причем основы механизма такого регулирования закладывались уже в условиях капитализма. Так что после завоевания власти рабочий класс получал возможность использовать готовые части этого механизма для создания подлинно социалистической экономики. В этом смысле В. И. Ленин и называл империализм умирающим или переходным капитализмом, преддверием социализма.

«Государственно-монополистический капитализм, — указывал Ленин, — есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней — нет*»².

Показав, что империализм подготовил необходимые материальные предпосылки социализма, В. И. Ленин установил также, что одновременно до предела обострились внутренние противоречия, свойственные капиталистической общественно-экономической формации, ослабляющие капитализм и делающие неизбежным его революционное ниспровержение пролетариатом.

Обобществлением производства в гигантских масштабах империализм лишь довел до предела напряженность противоречия между общественным характером производства и частным характером присвоения. Аппарат общественного регулирования производства и распределения, создаваемый монополиями, используется ими отнюдь не в интересах всего

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 347.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 193.

общества, а исключительно в своих собственных целях — для конкурентной борьбы и еще большего подчинения и угнетения трудящихся. Переход от индивидуальных к коллективным формам капиталистической собственности, в том числе и к государственной, свидетельствует лишь о стремлении капитализма приспособиться к современным условиям высококоразвитых производительных сил и постоянно возрастающего экономического и политического давления со стороны социализма. В целях самосохранения капиталисты сознательно идут на деперсонификацию капитала, на отделение капитала-функции от капитала-собственности, на разделение функций капитала, когда-то сосредоточенных в одних руках, допускают все более возрастающее вмешательство капиталистического государства в дела отдельных предприятий и фирм и т. д.¹ «Идет процесс как бы монополистической национализации без принятия специальных законов»².

Эти характерные для современного государственно-монополистического капитализма процессы, ведя к ущемлению интересов отдельных капиталистов или их групп, до известной степени противоречат природе классического капитализма, основанного на принципе свободной конкуренции. Тем самым они углубляют внутренние антагонизмы, присущие империализму. Однако ни один из них не ведет к изменению сущности капитализма, к «трансформации» его в социализм, как это утверждают современные реформисты. По-прежнему рабочим противостоит класс капиталистов. Теперь капиталисты сплошь и рядом выступают не как индивидуальные, а как коллективные эксплуататоры. Но они стремятся к достижению все той же наивысшей капиталистической прибыли, возбуждавшей в свое время безудержную алчность и у «рыцарей свободной конкуренции». А раз это так, то и все противоречия, свойственные капитализму, и их важнейшие проявления — ожесточенная конкурентная борьба на внутренних и внешних рынках, анархия производства, кризисы, безжалостная эксплуатация трудящихся, подавление демократических свобод, гонка вооружений, подготовка и развязывание несправедливых, захватнических войн и т. д. — не только сохраняются, но еще больше усиливаются, превращая капитализм

---

¹ См.: В. И. Ленин и проблемы научного коммунизма. М., Политиздат, 1969, стр. 70—71.

² Ленинизм и современность. Опыт Октября и современный революционный процесс. М., изд-во «Международные отношения», 1969, стр. 452.

из процветающего в *загнивающий*, тормозящий развитие производительных сил, затрудняющий использование важнейших достижений современной науки и техники в интересах человечества. «Насколько обострил монополистический капитализм все противоречия капитализма, общеизвестно... — писал В. И. Ленин в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма». — Это обострение противоречий является самой могучей двигательной силой переходного исторического периода, который начался со времени окончательной победы всемирного финансового капитала»¹.

Ярким проявлением до предела обострившихся противоречий капитализма стала первая мировая война. Будучи удобной лишь самим империалистам, она поставила в оппозицию буржуазным правительствам огромное большинство населения воюющих стран. Развязка мирового революционного кризиса, назревавшего в течение десятилетий мирного развития капитализма, стала неизбежной в самое ближайшее время. Империалистическая война, положившая начало первому этапу общего кризиса капитализма, вплотную подвела человечество к пролетарской революции.

Ленинское учение об империализме как *умирающем и загнивающим монополистическом* капитализме было встречено в штыки оппортунистическими лидерами II Интернационала. Империалистическая война и созданный ею революционный кризис поставили социал-демократические партии и их вождей перед необходимостью перейти от слов к делу: от теоретического выяснения возможности и путей пролетарской революции к практическому ее осуществлению, — причем к осуществлению в чрезвычайно трудных условиях всевропейской войны, когда исход революции мог быть решен только военной силой, в результате прямого столкновения восставшего народа с армиями не только внутренней, но и внешней контрреволюции. Ее в равной степени могли представлять и союзники по войне, заинтересованные в сохранении правительства, верного «союзническим» обязательствам, и участники враждебной коалиции, стремящиеся использовать революционное брожение в тылу противоборствующей армии для захвата чужой территории.

Оппортунисты, боявшиеся революционных действий пролетариата и в мирных условиях, с началом войны в один голос стали утверждать, что до ее окончания революция якобы

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 422.

вообще неосуществима. Выгораживая капитализм, они уверяли, будто война — это нечто случайное, не связанное с природой господствующего общественного строя, а сам империализм — это всего лишь политическая надстройка над «неизменным» капиталистическим базисом.

К. Каутский, лидер международного центризма, к которому принадлежал и Троцкий, выдвинул идею так называемого «ультраимпериализма», согласно которой после окончания войны могла начаться эра «мирного» капитализма.

Обобществление производства якобы достигнет такой степени, когда объединяющая политика картелей будет перенесена на межгосударственные отношения. Тогда возникнет союз капиталистических государств, объединившихся в своего рода гигантский мировой свертрест, который-де и будет осуществлять согласованную общую эксплуатацию мира от имени интернационально-объединенного финансового капитала.

Фазу «ультраимпериализма» Каутский объявил высшей, более прогрессивной фазой капитализма. Только с ней он связывал реальную возможность победы пролетарской революции, которая представлялась ему осуществимой лишь в результате одновременного, согласованного выступления пролетариев всех созревших для социализма стран.

Теория «сверхимпериализма» затушевывала глубокие противоречия капитализма, сеяла иллюзии о возможности какого-то «чистенького», свободного от агрессивности и прочих «дурных» сторон капитализма. Она служила обоснованию антиленинского лозунга «Соединенных Штатов Европы», создание которых Каутский рассматривал как предварительное обязательное условие успешной пролетарской революции. Пока же капитализм не «очистился» от империализма, пока капиталистические страны не объединились в Соединенные Штаты Европы, пролетарская революция, по мысли Каутского, была неосуществима. Теория «ультраимпериализма», таким образом, обрекала пролетариат на все то же пассивное выжидание лучших времен, на которое ориентировали его и другие оппортунистические концепции.

Позднее, уже в послевоенный период, эта теория сомкнулась с теорией «организованного капитализма». Автором ее был другой центрист каутскианского толка Р. Гильфердинг, работы которого также сильно влияли на Троцкого. В своем «Финансовом капитале», вышедшем еще до войны, он допускал экономическую возможность создания всеобщего карте-

ля, который подчинил бы единому руководству всю международную капиталистическую экономику. После войны Гильфердинг открыто заявил, что современное общество развивается от капитализма свободной конкуренции к организованному капитализму, который якобы и подготовит переход к социализму, минуя диктатуру пролетариата, через так называемую «хозяйственную демократию». Таким образом, заглушевание межимпериалистических противоречий, характерное для теории «ультраимпериализма» Каутского, было дополнено «теорией» заглушевания, замазывания внутренних противоречий, свойственных империализму.

Разоблачая оппортунистическую сущность теории Каутского, В. И. Ленин показал, что, обострив до предела все противоречия, свойственные капиталистическому обществу, империализм делает невозможным не только переход к какой-то новой «мирной», или «организованной», стадии капитализма, но даже возврат к старой, домонополистической стадии. Путь к разрешению противоречий современного капитализма, указывал В. И. Ленин, только один: это революционное ниспровержение существующего строя, победоносная пролетарская революция.

Вскрывая несостоятельность теории «ультраимпериализма», В. И. Ленин сделал важное научное открытие: он первым из марксистов установил, что в эпоху империализма неравномерность экономического и политического развития капитализма усиливается. Это делает неизбежным дальнейшее углубление капиталистических противоречий и все более ожесточенные столкновения отдельных групп капиталистов и целых капиталистических стран.

О наличии неравномерности в развитии капитализма писал еще К. Маркс. В. И. Ленин показал, что эта неравномерность является «безусловным законом капитализма». Она представляет собой естественный результат конкуренции и анархии производства, господствующих в капиталистическом обществе. Неравномерно, то вырываясь вперед, то отставая, развиваются капиталистические предприятия, их объединения, целые отрасли народного хозяйства, отдельные капиталистические страны. В эпоху империализма этот процесс усиливается, так как гигантская концентрация производства, капитала и политической власти в одних руках позволяет отдельным группам монополистов или отдельным капиталистическим странам ценой усиления эксплуатации трудящихся существенно вырываться вперед в конкурентной борьбе

со своими соперниками, что, в свою очередь, вынуждает последних предпринимать отчаянные усилия, чтобы догнать, а затем обогнать более удачливых конкурентов. При такой бешеной гонке положение в капиталистическом мире становится крайне неустойчивым, чреватым постоянными столкновениями борющихся групп монополистов и военными конфликтами между отдельными империалистическими странами. А это ослабляет мировую капиталистическую систему, облегчает борьбу пролетариата за ее уничтожение, делает невозможным наступление эры «ультраимпериализма» и «организованного капитализма», которую предвещали Каутский и Гильфердинг.

Вывод об усилении неравномерности развития капитализма послужил важнейшей теоретической основой ленинской идеи о неравномерности созревания экономических и политических предпосылок социалистической революции и, следовательно, о одновременности ее победы в отдельных странах.

Создавая свое учение о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, В. И. Ленин исходил из общего для всех марксистов вывода, сформулированного Марксом и Энгельсом, о том, что победа социалистической революции может произойти одновременно или почти одновременно во всех более или менее созревших для социализма странах. Об этом писал Ф. Энгельс еще в 1847 году в «Принципах коммунизма»¹. На это же указывал К. Маркс в работе «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.»² и в других своих произведениях. Он отмечал, что задача рабочего класса «не может быть разрешена внутри национальных границ»³.

Считая, что полная победа буржуазно-демократической революции в России приведет к созданию необходимых внутренних предпосылок для социалистического переворота и в нашей стране, В. И. Ленин также неоднократно подчеркивал, что этот переворот может закрепиться лишь как составная часть общего социалистического переворота международного пролетариата, поскольку развитие социалистической революции, ограниченной рамками одной страны, в то время еще казалось неосуществимым. Победа пролетарской революции в России, неоднократно указывал Ленин, «будет социали-

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 334.

² См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 31—32.

³ Там же, стр. 80.

*стическим переворотом в Европе»*¹. Причем, признавая, что более развитые западноевропейские страны уже стоят на грани такого переворота, В. И. Ленин отводил русской революции роль важного толчка, который станет стимулятором революционной инициативы международного пролетариата, вдохновит его на «последний и решительный бой», способный в случае успеха обеспечить поддержку социалистического развития России извне. «Либо буржуазия свержает революционную диктатуру пролетариата и крестьянства, — писал В. И. Ленин, — либо эта диктатура зажигает Европу...»²

Приводя эти и другие аналогичные высказывания В. И. Ленина, современные оппортунисты и буржуазные фальсификаторы истории (а до них деятели из разгромленной партией троцкистско-зиновьевской оппозиции) уверяли и уверяют, что ленинская точка зрения по данному вопросу будто бы совпала с троцкистской, согласно которой победа социалистической революции в России невозможна до победы западноевропейского пролетариата. На самом же деле ленинский подход к анализу международных перспектив русской революции был в корне противоположен троцкистскому.

Троцкий утверждал, что в России нет реальных внутренних условий для социализма и русский пролетариат сможет преодолеть главные препятствия на пути ее социалистического переустройства — экономическую отсталость и сопротивление «антисоциалистического» крестьянства — только при прямой государственной поддержке победившего пролетариата западноевропейских стран извне.

Ленин же считал, что в России уже существуют внутренние объективные условия для победы буржуазно-демократической революции под руководством пролетариата и дальнейшего перерастания ее в социалистическую. Мировая же социалистическая революция, с его точки зрения, должна была обеспечить также необходимые внешние условия для закрепления социалистического переворота, т. е. оградить российский пролетариат от прямого экспорта контрреволюции, от экономической блокады, от иностранной поддержки контрреволюционных сил внутри страны, от использования отсталости России для экономического давления на нее извне и т. д. Это была точка зрения подлинного пролетарского революционера, которая развязывала революционную инициативу русского

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 157.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 380.

рабочего класса, воодушевляя его уверенностью в реальности и близости полной победы не только над самодержавием, но и над капиталистическим строем. Делать максимум осуществимого в одной стране для победы пролетариата во всем мире — в этом В. И. Ленин всегда видел основу основ подлинно революционной стратегии и тактики большевистской партии¹.

Именно *внешние* условия победы пролетарской революции имели в виду также К. Маркс и Ф. Энгельс, когда они писали о невозможности такой победы в отдельной стране. Они считали, что европейская буржуазная контрреволюция создаст единый фронт против победившего пролетариата одной страны и, используя свое превосходство в военной силе, уничтожит его диктатуру, как сделали это с Парижской коммуной версальцы, опиравшиеся на помощь прусских захватчиков. «...Всякое новое пролетарское восстание во Франции, — писал К. Маркс, — неминуемо повлечет за собой *мировую войну*»², т. е. войну контрреволюционной Европы против единственной революционной страны.

Что касается *внутренних* объективных условий социалистической революции, то, хотя Маркс и Энгельс считали, что эти условия созревают более или менее одновременно во всех передовых странах³, они вовсе не предполагали, что пролетарская революция, словно повинувшись палочке всемогущего дирижера, вспыхнет во всех странах в один час и день⁴. В 1870 году К. Маркс писал, например, Ф. Энгельсу, что Германия гораздо больше созрела для социального движения, чем Франция. Тем не менее первый толчок к революции «будет исходить из Франции»⁵. «Француз начнет, а немец доделает», — формулировал свой вывод К. Маркс.

В. И. Ленин решительно боролся также с характерным для троцкизма и других разновидностей оппортунизма фаталистическим преклонением перед действием одних только объективных, прежде всего экономических, предпосылок революции, с недооценкой субъективного фактора.

Считая западноевропейские страны созревшими для социализма, Троцкий полагал, будто бы достаточно одного толчка,

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 170.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 31—32.

³ Экономически отсталые страны, по мысли Маркса и Энгельса, еще длительное время вынуждены будут оставаться досоциалистическими и добуржуазными.

⁴ См.: Ю. А. Красин. Ленин, революция, современность, стр. 98.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 363.

чтобы возможность социалистической революции в этих странах превратилась в действительность. Роль такой искры, зажигающей пожар мировой пролетарской революции, по его мнению, и должно было сыграть революционное выступление русского пролетариата.

В. И. Ленин всегда резко выступал против такого упрощенного подхода к решению сложнейшего вопроса о темпе и маршруте мировой пролетарской революции. В своей знаменитой работе «Крах II Интернационала» он писал, что «революцию нельзя «сделать», что революции *вырастают* из объективно (независимо от воли партий и классов) назревших кризисов и переломов истории»¹. Позднее, возражая Каутскому, который подобно Троцкому утверждал, что большевики осуществили Октябрьскую революцию в надежде на то, что европейская революция устранил главную помеху для социалистического строительства в России — ее экономическую отсталость, Ленин указывал: «Если бы большевики построили свою тактику на ожидании революции в других странах *к определенному сроку*, это была бы бесспорная глупость»². Безумцами или провокаторами называл он людей, утверждавших, что революция может родиться в чужой земле по заказу³.

Отчетливо понимая, насколько маловероятно (хотя бы по чисто техническим причинам) согласованное в деталях и с точностью до дней и часов совместное выступление пролетариев всей или большей части Европы, Троцкий считал, что толчком, действительно способным обеспечить «своевременную» пролетарскую революцию в другой стране, станет вооруженное вторжение в нее революционной армии той страны, где пролетариат уже завоевал власть, т. е. экспорт революции. «Если российский пролетариат, временно получивший в свои руки власть, — писал он в 1906 году, — не перенесет по собственной инициативе революцию на почву Европы, его вынудит к этому европейская феодально-буржуазная реакция». «Если бы у рабочей партии не оказалось достаточной инициативы для революционной агрессивной тактики... — утверждал он в другой работе, — соединенная реакция Европы не замедлила бы ей разъяснить, что рабочий класс, в руках которого находится государственная власть, должен всю ее обрушить

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 246.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 299.

³ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 457.

на чашу весов социалистической (читай: «мировой». — Авт.) революции».

Подобная авантюристическая проповедь экспорта революции при всей ее кажущейся «левизне» была не только крайним выражением волюнтаризма Троцкого, но и свидетельством его оппортунистического неверия в возможность естественного, без какого-либо вмешательства или подстегивания извне, вызревания внутренних условий, необходимых для успешного социалистического переворота в той или другой стране.

В нашей литературе нередко можно встретить утверждения о том, что Троцкий отрицал значение объективных предпосылок революции, всячески преувеличивал роль субъективного фактора. На самом же деле он решал проблему соотношения субъективных и объективных условий революции по-меньшевистски, т. е. с правооппортунистических позиций. Как известно, именно неверие в наличие в России необходимых объективных предпосылок социализма, недооценка решающей роли такого мощного субъективного фактора, как установление власти пролетариата, лежали в основе его антиленинского вывода о невозможности построения социализма в СССР до победы мировой пролетарской революции. Преклонение перед стихийностью движения, недооценка силы сознательности и организованности рабочего класса делали его «революционером» фразы, не способным на реальные революционные действия. Эта отличительная черта троцкизма была в свое время вскрыта В. И. Лениным и большевистской партией. Но и сейчас в капиталистических странах находятся еще люди, которые под влиянием буржуазной пропаганды склонны рассматривать Троцкого как некоего «сверхреволюционера», «бунтаря», всерьез стремившегося всюду и во что бы то ни стало делать революцию, «как кто может и умеет».

Факты же показывают, что единственная «революция», которую Троцкий, разорвав с коммунистическим движением, пытался осуществить не на словах, а на деле, — это контрреволюционный переворот в Стране Советов. Но такого рода авантюристические затеи оказались, как известно, не по плечу даже крупнейшим империалистическим державам. В бессмысленную авантюру превратились и все попытки Троцкого поднять на борьбу против Советского государства международный рабочий класс, трудящихся нашей страны или хотя бы насадить в Советском Союзе свою устойчивую агентуру.

В преувеличении роли субъективного фактора, в революционном экстремизме, бланкизме Троцкий и его единомышленники — меньшевики постоянно обвиняли самих большевиков, В. И. Ленина. Ныне эти троцкистско-меньшевицкие выдумки взяты на вооружение авторами современных праворевизионистских и буржуазно-апологетических концепций. Австрийский ревизионист Э. Фишер в книге «Что в действительности говорил Маркс» видит отличительную черту ленинизма в... непомерном преувеличении роли субъективного фактора в истории. А. Мейер, С. Хук, И. Бохенский, Г. Веттер и тому подобные американские, западногерманские и прочие идеологи антикоммунизма обвиняют В. И. Ленина в отходе от «экономического детерминизма» К. Маркса на позиции «субъективизма» и «волюнтаризма»¹.

На самом же деле признание В. И. Лениным роли субъективного фактора неразрывно было связано со всем его диалектико-материалистическим пониманием истории и не только не противоречило «экономическому детерминизму» Маркса, но и прямо исходило из него. «Марксизм,— писал В. И. Ленин,— отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс, — а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами»². Критикуя меньшевиков, он указывал, что они «принижают материалистическое понимание истории своим игнорированием действительной, руководящей и направляющей роли, которую могут и должны играть в истории партии, сознавшие материальные условия переворота и ставшие во главе передовых классов»³. Как видно из этих высказываний, В. И. Ленин постоянно подчеркивает, что только тогда субъективная деятельность партий или отдельных лиц способна оказать реальное воздействие на ход истории, когда она основывается на сознании материальных условий жизни и общества и неразрывной связи с творцами истории — передовыми классами. Люди сами делают историю, указывали Маркс и Энгельс, «но не так, как им вздумается,

¹ См.: В. И. Ленин и проблемы научного коммунизма, стр. 420—421.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 23.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 31.

при обстоятельствах, которые не сами они выбирали, а которые непосредственно имеются налицо»¹. Этой точки зрения основоположников научного коммунизма постоянно придерживался В. И. Ленин.

Троцкий же преувеличивал отнюдь не роль подлинного, марксистски понимаемого субъективного фактора в революции, а роль собственной персоны, своих субъективных желаний, которые он с присущим ему самомнением пытался отождествить со взглядами и настроениями целых партий и классов. Это был чистейшей воды субъективизм, поскольку позиция Троцкого никогда не отражала подлинных интересов передовых классов, потребностей общественной жизни. Крикливый «ультрареволюционаризм» Троцкого питался в конечном счете лишь его авантюризмом, субъективным желанием «быть революционнее всех». А В. И. Ленин постоянно подчеркивал, что «нет более опасной ошибки для пролетарской партии, как строить свою тактику на субъективных желаниях... Базируется на этом пролетарскую тактику — значит ее убить»². В. И. Ленин требовал от деятелей партии строго научного подхода к определению ее политики. Научность такого подхода В. И. Ленин видел в трезвом учете всех факторов революции, как субъективного, так и объективного, основанных на глубоком знании жизни и активном участии в революционной борьбе пролетариата.

Разоблачая авантюризм Троцкого и прочих оппортунистов, В. И. Ленин показал, что революция становится возможной лишь как результат целого ряда сложных экономических и политических процессов, происходящих как внутри данной страны, так и за ее пределами, и неспособных заменить один другой. Опираясь на опыт революционных боев 1905—1907 годов, он создал учение о революционной ситуации, без которой невозможна подлинная революция ни в одной из стран. Наличие революционной ситуации как обязательного условия такой революции В. И. Ленин считал основным законом развития революции. Развернутую формулировку этого закона он впервые дал в годы мировой империалистической войны, когда революционная ситуация складывалась не только в России, но и в ряде других стран³.

Ленинская формулировка основного закона развития революции предусматривала сочетание важнейших объективных

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 119.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 352.

³ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 218—219.

экономических и политических факторов, ставящих страну на грань революции. Вместе с тем В. И. Ленин подчеркивал, что «не всякая революционная ситуация приводит к революции»¹. Для этого необходимо еще определенное сочетание субъективных условий, таких, как организованность и сознательность пролетариата, наличие у него авторитетного руководителя — партии, вооруженной марксистской теорией, правильность политики этой партии и т. д.

В свою очередь «субъективный фактор» оказывает влияние и на создание объективных условий революции, возникновение революционной ситуации, без которой невозможна подлинная революция.

Ленинская точка зрения была подлинно революционной, ориентировавшей пролетариат и его авангард на активное революционное действие, а не на пассивное выжидание «благоприятных» условий, к чему призывали оппортунисты. «Ленинские положения о соотношении объективных и субъективных условий революции имели огромное значение для революционного движения пролетариата. Они нацелили рабочий класс на практическую подготовку социалистической революции. Эти положения стали идейным оружием в борьбе как против левого авантюризма, отрицавшего объективную обусловленность революции, так и против правого оппортунизма, недооценивавшего роль субъективного фактора»².

Рассматривая выступление русского пролетариата как важный толчок к ускорению пролетарской революции в западноевропейских странах, В. И. Ленин и другие революционные марксисты отводили ему важную роль в создании революционной ситуации в Западной Европе, что блестяще подтвердил и опыт революции 1905—1907 годов, и особенно опыт Великого Октября. Вместе с тем В. И. Ленин всегда считал, что превращение реальной возможности революции в действительность, а тем более успех этой революции в Западной Европе будут зависеть прежде всего от готовности и способности пролетарских партий той или иной страны использовать революционную ситуацию для мобилизации масс на борьбу за свою победу.

До первой русской революции в среде российских социал-демократов господствовала уверенность в том, что западноевропейские пролетарские партии обладают такими качест-

---

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 218.

² История КПСС, т. 2, стр. 521.

вами. Однако глубокое изучение положения в европейском рабочем движении, руководство которым захватывали оппортунисты, все больше убеждало В. И. Ленина в обратном. События 1905—1907 годов лишний раз показали, что оппортунистические руководители западноевропейских социал-демократических партий не стремятся к тому, чтобы выполнить свой интернациональный долг и оказать всю возможную помощь российскому пролетариату, поднявшемуся на героическую борьбу против царского самодержавия.

Уже на основе анализа уроков первой русской революции В. И. Ленин в 1908 году пришел к выводу, что «международное революционное движение пролетариата не идет и не может идти равномерно и в одинаковых формах в разных странах... Каждая страна вносит свои ценные, оригинальные черты в общий поток, но в каждой отдельной стране движение страдает той или иной односторонностью, теми или иными теоретическими или практическими недостатками отдельных социалистических партий»¹. Несколько позднее, в 1909 году, Ленин прямо указывал, что победа над российским пролетариатом далась черносотенной и буржуазной реакции «благодаря раздроблению его сил, благодаря неодновременно созреванию пролетариата в разных странах»².

Открытие закона неравномерности экономического и политического развития капитализма, сделанное В. И. Лениным в годы первой мировой войны, позволило ему окончательно сформулировать свой вывод о неравномерности созревания экономических и политических предпосылок социалистической революции в отдельных странах. Скачкообразный характер развития капитализма, усилившийся в эпоху империализма, неизбежно вел к возрастанию своеобразия объективных и субъективных условий классовой борьбы пролетариата, существовавших в отдельных странах.

Численность, удельный вес, качественный состав пролетариата, его сознательность, организованность, степень его влияния на другие трудящиеся слои, сила противостоящего ему буржуазного государства, вся экономическая, политическая и идеологическая мощь правящих классов, степень эксплуатации пролетариата, способность буржуазии поддерживать и насаждать свое влияние и свою агентуру в рабочей среде и т. д. были разными в различных капиталистических странах и

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 182.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 53.

также подвергались быстрому изменению. Все это разнообразие условий классовой борьбы, усиливавшееся по мере втягивания в межимпериалистическое соперничество все новых и новых стран, делало практически невозможным одновременную пролетарскую революцию во всех или почти всех ведущих капиталистических государствах.

Усилившаяся неравномерность экономического и политического развития капитализма, сопровождавшаяся резким обострением империалистических противоречий, ожесточенными столкновениями, конфликтами и войнами между отдельными капиталистическими государствами, расшатывала возможный контрреволюционный фронт, который эти государства неизбежно создали бы при победе пролетариата в одной из стран. В результате открывалась реальная перспектива прочного закрепления победы такой революции даже в одной, отдельно взятой стране, несмотря на противодействие ей со стороны враждебного капиталистического окружения.

Этот принципиально важный вывод В. И. Ленин сформулировал в 1915 году в работе «О лозунге Соединенных Штатов Европы». Показывая несостоятельность троцкистско-каутскианского требования создания Соединенных Штатов Европы (или всего мира) как предварительного условия победы пролетарской революции, В. И. Ленин писал, что этот лозунг «мог бы породить неправильное толкование о невозможности победы социализма в одной стране». «Неравномерность экономического и политического развития, — указывал Ленин, — есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране»¹. В 1916 году в статье «Военная программа пролетарской революции» В. И. Ленин сформулировал этот вывод с еще большей категоричностью: «...социализм не может победить одновременно во всех странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными»².

Ленинский вывод о возможности победы социализма первоначально в одной или немногих странах и невозможности этой победы сразу во всех или почти всех развитых странах был результатом поистине новаторского подхода В. И. Ленина к теоретическому решению проблемы мировой пролетарской

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 354.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 133.

революции. Согласно концепции В. И. Ленина, мировая пролетарская революция должна была охватить целый исторический промежуток времени, в течение которого осуществился бы последовательный переход всех стран на путь социалистического развития. По мысли В. И. Ленина, монополистический капитализм сковал все страны прочной цепью экономической, политической и военной зависимости. Для того чтобы окончательно победить его, пролетариат должен был наносить удары не только по национальному, но и по всему интернациональному капиталу, бороться за уничтожение всей империалистической цепи. Но одновременное уничтожение этой цепи становилось невозможным из-за силы объединенного в международном масштабе современного капитализма.

Не видя выхода из этого положения, правые оппортунисты уговаривали пролетариев вообще отказаться от самой идеи пролетарской революции и все свои надежды возложить на «лучшие» времена, когда якобы возникнет возможность «мирного» перехода от капитализма к социализму. «Левые» оппортунисты толкали рабочих на преждевременные, неподготовленные выступления и другие бессмысленные авантюры, которые также не приближали, а отдаляли победу пролетариата.

И только ленинский вывод о возможности победы социализма первоначально в одной или нескольких странах вооружал пролетариат ясной революционной перспективой. Делая этот вывод, В. И. Ленин выдвинул и обосновал идею уничтожения империалистической цепи не сразу, одним ударом, а путем последовательного отчленения от нее отдельных, наиболее слабых звеньев. Эта идея и составила важнейшую основу теории мировой пролетарской революции, разработанной Лениным применительно к условиям новой исторической эпохи.

Прорыв цепи империализма в одном звене был задачей более легкой, чем одновременное уничтожение всей цепи. При этом В. И. Ленин, как величайший реалист в политике, считал, что такой прорыв всякий раз будет осуществляться не в сильнейших, а в слабейших, наименее прочных звеньях империализма, т. е. в тех странах, где сложатся наиболее благоприятные внешние и внутренние условия для победы пролетарской революции. К числу таких стран В. И. Ленин в первую очередь относил Россию, куда в конце XIX—начале XX века переместился центр мирового революционного движения.

Непрочность российского звена империалистической цепи В. И. Ленин объяснял отнюдь не политической и экономической отсталостью России, как это утверждают современные фальсификаторы ленинизма, а, наоборот, сравнительно высокой степенью развития капитализма в стране, который обострил социальные противоречия, создал необходимые предпосылки для перехода к социалистической революции и превратил в решающую силу общественного прогресса рабочий класс. Вместе с тем то обстоятельство, что Россия позднее многих других крупных стран вступила на путь капитализма, обуславливало меньшую прочность капиталистических порядков в стране и меньшую привязанность ее экономики к общей мировой капиталистической экономике, сохранение антагонизмов, присущих добуржуазному обществу, которые также оказывали гигантское революционизирующее влияние на трудящихся и расшатывали устои капитализма. «На борьбу против буржуазно-помещичьего строя поднимались жестоко эксплуатируемые капиталом рабочие, задавленные гнетом помещиков крестьяне, угнетенные народы национальных окраин»¹.

По мысли В. И. Ленина, прорыв цепи империализма сначала в одном, слабейшем его звене — дело не только национальных отрядов рабочего класса, но и всего международного пролетариата, перед объединенным натиском которого не в состоянии устоять ни одно из реакционных правительств. В свою очередь, этот прорыв означал бы сокрушительный удар и по всей цепи империализма, привел бы к ее ослаблению, к созданию более благоприятных условий для последующих прорывов империалистической цепи в других странах. Таким образом, победа пролетариата в одной стране открывала реальную перспективу дальнейшего развития и ускорения процесса мировой пролетарской революции вплоть до полного уничтожения капитализма.

Для прорыва цепи империализма в слабейшем звене крайне важным становилось не только наличие определенных внутренних предпосылок социалистической революции, но и сочетание благоприятных внешних условий. Это усиливало интернациональный характер пролетарской революции, расширяло число стран, которые могли стать ее ареной, превращало в составную часть всеобщей мировой пролетарской революции каждое подлинно революционное движение, направ-

---

¹ К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС, стр. 8.

ленное против империализма. Роль отдельной страны в этом процессе определялась уже не только зрелостью внутренних предпосылок социализма, но также общей подготовленностью к социалистическому перевороту всей империалистической системы, местом данной страны в этой системе, способностью международного пролетариата обеспечить интернациональную поддержку прорыва империалистической цепи в одном звене и другими внешними факторами.

Исследование законов новейшей стадии капитализма позволило В. И. Ленину по-новому подойти и к решению вопроса о соотношении демократических и социалистических задач пролетариата, что имело особо важное значение для российского революционного движения. Развивая идею перерастания демократической революции в социалистическую, Ленин показал, что в эпоху империализма, которая характеризуется решительным наступлением правящих классов на демократические права трудящихся, борьба за демократию объективно направлена не только против остатков добуржуазных деспотических режимов, но и против деспотизма империалистов, заинтересованных в подавлении демократии ради утверждения своего господства над миром.

Ярким проявлением этого новейшего деспотизма империалистов явилась первая мировая война, инициаторы которой — империалистические правительства, — растоптав суверенитет целых наций, несли им режим порабощения и диктата и в то же время развернули жестокое преследование всех подлинных демократов в своих странах.

Ленинский вывод о сближении демократических и социалистических задач пролетариата в эпоху империализма расширял фронт пролетарской борьбы за демократию, которую должен был вести рабочий класс не только стран, стоявших на пороге демократического переворота, но и более развитых стран, уже давно прошедших через этап буржуазно-демократических революций. С другой стороны, любое подлинно демократическое движение в условиях империализма неизбежно приобретало характер антиимпериалистической борьбы, что объективно превращало его в составную часть социалистической революции мирового пролетариата, цель которой как раз и состояла в уничтожении империализма, т. е. в том, в чем были заинтересованы все подлинные демократы.

Три принципиально новых вывода, которыми В. И. Ленин обогатил теорию пролетарской революции в годы первой мировой войны: о возможности ее победы первоначально в

одной или немногих странах, о взаимозависимости всех стран и наибольшей вероятности прорыва империалистической цепи в слабейшем ее звене, о сближении демократических и социалистических задач пролетариата — позволили Владимиру Ильичу сделать важный шаг вперед и в оценке характера и перспектив революции, назревавшей в России.

Ленин считал, что по своим задачам она по-прежнему может быть лишь буржуазно-демократической. Однако, во-первых, как демократическая революция, совершаемая в эпоху империализма, она сразу же примет отчетливо выраженный антиимпериалистический характер. Отсюда — неизбежность контрреволюционных выступлений русской империалистической буржуазии, которые заставят пролетариат уже в ходе демократического переворота направить свои силы против буржуазии.

Во-вторых, в обстановке мировой войны царизм оказался еще более тесно связанным с русской и зарубежной империалистической буржуазией, которая безоговорочно поддерживала царское правительство, пока оно было в состоянии обеспечить участие России в войне. В этих условиях выступление против царского правительства было объективно направлено и против буржуазии. «...Нельзя вырваться из когтей ужасно, всемирным капитализмом порожденного чудовища империалистической войны и голода, — указывал В. И. Ленин, — не покидая почвы буржуазных отношений...»¹

И наоборот, социалистическая борьба западного пролетариата, направленная против своей буржуазии, способствовала ослаблению царского самодержавия, облегчая российскому пролетариату решение демократических задач, и еще больше сближала демократическую революцию в России с социалистической революцией европейского пролетариата. «Империалистская война, — указывал В. И. Ленин, — *связала* революционный кризис в России, кризис на почве буржуазно-демократической революции, с растущим кризисом пролетарской, социалистической революции на Западе. Эта связь настолько непосредственна, что никакое отдельное решение революционных задач в той или иной стране невозможно: буржуазно-демократическая революция в России теперь уже не только пролог, а неразрывная составная часть социалистической революции на Западе»².

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 37.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 27.

Наконец, в-третьих, мировая война ускорила процесс созревания экономических и политических предпосылок социалистического переворота в России. Усилившаяся экономическая зависимость России от более развитых европейских стран, возросшая концентрация производства в российской промышленности, усиление государственного регулирования целых ее отраслей, разорение новых отрядов мелкой буржуазии, пополнявших ряды пролетариата, рост численности и организованности рабочего класса, его сознательности, превращение в гигантскую организованную силу миллионов полупролетариев — беднейших крестьян, мобилизованных в армию, — все это создавало реальную возможность для ускорения процесса перерастания демократической революции в революцию социалистическую. «...Война, — писал В. И. Ленин, — за три года подтащила нас вперед лет на тридцать...»¹

Важной предпосылкой, расчищавшей путь России к социализму, В. И. Ленин считал также изменившееся в условиях войны соотношение классовых сил в сторону большей поляризации их. Вся буржуазия оказалась во власти контрреволюционного оборончества. Угар шовинизма охватил и мелкобуржуазную демократию. «Возникло, — отмечал В. И. Ленин, — новое политическое деление в России на почве новых, более высоких, более развитых, более переплетенных международных отношений... Это новое деление, по сути дела, есть деление между мелкой буржуазией, городской и деревенской, в России и социалистическим пролетариатом»².

В этих условиях приход к власти в результате победы буржуазно-демократической революции правительства мелкобуржуазных революционеров-шовинистов, подпавших под влияние империалистической буржуазии, неизбежно поставил бы в оппозицию к нему подлинных пролетарских революционеров, которые развернули бы борьбу против сторонников продолжения империалистической войны под лозунгом социалистической революции. «Если бы в России победили революционеры-шовинисты, — писал В. И. Ленин в сентябре 1915 года, — мы были бы против обороны их «отечества» в данной войне. Наш лозунг — против шовинистов, хотя бы революционеров и республиканцев, *против них и за союз международного пролетариата для социалистической революции*»³. Так,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 113.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 27.

³ Там же, стр. 50.

даже не дожидаясь полной победы демократической революции — т. е. создания самостоятельной, не подчиненной контрреволюционной буржуазии демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, — рабочий класс начал бы борьбу за перерастание демократической революции в социалистическую.

Эти идеи, высказанные В. И. Лениным, «были зародышем новой тактической установки на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, развернутой затем в «Апрельских тезисах» в 1917 г.»¹. У Ленина уже в те годы окончательно созрела мысль о том, что именно Россия, стоявшая на пороге большой народной революции, сможет стать страной, которая не только подтолкнет на социалистический переворот европейский пролетариат, но и сама положит начало революционному ниспровержению капиталистического строя, выступив в качестве застрельщика мировой социалистической революции.

Ленинская концепция мировой пролетарской революции имела принципиально важное значение для международного революционного движения. Она развязывала руки пролетариям всех стран: и больших, и малых, и экономически развитых, и сравнительно отсталых, вдохновляла их на самоотверженную борьбу за свержение «своих» правительств, не дожидаясь того, когда это сделают пролетарии более «подготовленными» к социализму стран. Сам В. И. Ленин призывал первыми подниматься на борьбу за свержение власти империалистов не только пролетариев крупнейших европейских держав, но и рабочий класс маленькой Швейцарии, и составшую Ирландию, считая, что даже в этих маленьких странах в условиях всеевропейского столкновения великих держав может победить и утвердиться пролетарская диктатура.

Вдохновляющая ясность революционной перспективы, которую давала пролетариату ленинская концепция мировой революции, вызвала ожесточенные нападки на нее всех оппортунистов, прикрывавших ссылками на отсутствие революции в других странах свою бездеятельность и фактическое пресмыкательство перед эксплуататорскими классами. И в первых рядах наиболее яростных противников ленинской теории социалистической революции по-прежнему шел Троцкий, хотя впоследствии многие принципиальные выводы, сделанные В. И. Лениным в этот период, пытался приписать

---

¹ Ю. А. Красин. Ленин, революция, современность, стр. 334.

себе, неузнаваемо искажая их. Он утверждал даже, что в годы первой мировой войны началось «идейное перевооружение» большевиков, завершившееся в 1917 году их полным переходом на троцкистские позиции. Эту лживую версию охотно используют сегодня почти все современные фальсификаторы истории КПСС, пытающиеся таким образом дискредитировать ленинизм.

Находясь на каутскианских, центристских позициях, Троцкий идеализировал капитализм, отрицал тот бесспорный факт, что новая эпоха развития мирового капитализма до предела обострила его внутренние противоречия и поставила человечество на самый порог победоносной пролетарской революции. Вслед за Каутским он утверждал, что империализм — это не качественно новый этап капитализма, а лишь особая политика буржуазных государств, направленная на расширение своих территорий и организацию мирового хозяйственного единства. Троцкий считал тенденцию к преодолению национально-государственной раздробленности и созданию мирового хозяйственного единства, которая якобы лежала в основе политики империалистических держав, прогрессивной и заявлял, что «пролетариат не может противопоставить империализму никакой оппозиции»¹.

Истоки социал-шовинизма Троцкий видел лишь исключительно в «национальной ограниченности» социал-демократических партий, в том, что их руководство якобы не признавало прогрессивности факта перерастания производительными силами национальных рамок². В «национальной ограниченности» Троцкий обвинял и большевиков. В годы Советской власти обвинение ленинской партии в национальной ограниченности, забвении «интересов» мировой пролетарской революции стало одним из главных пунктов троцкистской платформы. Ныне эту троцкистскую выдумку повторяют маоисты, утверждающие, что Советский Союз, сосредоточив свои усилия на строительстве коммунизма, не оказывает «достаточной» помощи нуждающимся в ней отсталым странам.

Троцкий пытался объявить мировую империалистическую войну чуть ли не прогрессивной. В статье «Нация и хозяйство» (1915 г.) он писал, что в основе ее — империалистическое стремление «преодолеть национально-ограниченные

---

¹ Я. Г. Темкин. Ленин и международная социал-демократия. 1914—1917. М., изд-во «Наука», 1968, стр. 65.

² См.: В. И. Ленин и международное рабочее движение, стр. 253.

рамки капиталистического хозяйства и мерами военного насилия создать мировую империю». Троцкий утверждал, что империалисты, развязавшие захватническую, несправедливую войну, «эксплуатируют» «прогрессивные исторические потребности хозяйственного развития».

Троцкий не отрицал, что война ускорила созревание революционного кризиса, но, как и все каутскианцы, считал, что она не выражает сущности новейшей эпохи капитализма и носит случайный, временный характер, что империализм создает условия для «мирного» развития капитализма, для объединения всех капиталистических монополий в единую «сверх»-монополию, а капиталистических стран — в Соединенные Штаты Европы. Троцкий уверял, что «централизующая тенденция современного хозяйства является основной» для империализма, стремящегося к постройке «объединенного мирового хозяйства», что «на смену национальной великой державе» в послевоенную эпоху капитализма придет империалистическая мировая сверхдержава¹. Указывая на сходство взглядов Троцкого с теорией «ультраимпериализма» Каутского, В. И. Ленин подчеркивал, что оба они не желают признавать глубокие внутренние противоречия капитализма².

Троцкий отвергал ленинский вывод о роли и месте империализма как кануна пролетарской революции. Он яростно боролся и против ленинской оценки перспектив этой революции в условиях империализма. В противовес новаторской идее Ленина он доказывал, что для современного капитализма характерно не усиление неравномерности его развития, а, наоборот, «нивелировка», сближение уровней экономического и политического развития отдельных стран. Троцкий утверждал, что в XIX веке различия между отдельными странами были гораздо большими, чем в XX веке, XX же век «уравнял» мир. Капиталистический уровень ведущих западноевропейских стран, признавал Троцкий, неодинаков, но по сравнению с Африкой или Азией все они одинаково представляют собой капиталистическую Европу, созревшую для социализма.

Против подобного механистического подхода к трактовке закона неравномерности экономического и политического развития капитализма в эпоху империализма со всей решительностью выступил В. И. Ленин. Он подчеркивал, что речь идет

¹ См.: В. А. Грянко и др. Указ. соч., стр. 216, 221—222.

² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 147.

не о достигнутом уровне развития капитализма в отдельных странах, который действительно выравнивается, а о возросшей разнице в темпах этого развития, придающей ему судорожный, скачкообразный характер. Старая эпоха сравнительно спокойного и плавного развития капитализма «заменялась эпохой сравнительно гораздо более порывистой, скачкообразной, катастрофичной, конфликтной...»¹

Чем быстрее ликвидирует та или иная страна свое отставание, тем ожесточеннее начинают бороться вырвавшиеся вперед державы за сохранение ведущего положения в капиталистическом мире, а безжалостность, с которой они расправляются с потенциальными конкурентами, заставляет последних использовать такие же империалистические методы борьбы за «место под солнцем», к которым прибегают и их соперники. Все более ожесточенные столкновения враждующих, конкурирующих между собой капиталистических держав становятся неотвратимыми, способствуя общему ослаблению капитализма, создавая реальные условия для победы социализма первоначально в одной или нескольких странах и делая невозможной эту победу сразу во всех созревших для социализма странах.

До конца своей жизни Троцкий оставался непримиримым противником ленинского вывода о возможности победы социализма первоначально в одной или немногих странах. Подобно Бернштейну и другим «отцам» ревизионизма, которые объявили случайной «обмолвкой» марксову идею о диктатуре пролетариата, Троцкий, даже формально вступив в большевистскую партию, пытался представить такой же «обмолвкой» и этот ленинский вывод. Вопреки фактам, он пытался доказать, что автором теории «социализма в одной стране» якобы является Сталин, который будто бы искажил ленинскую позицию в данном вопросе. Ныне это клеветническое утверждение широко популяризируют многочисленные буржуазные и ревизионистские фальсификаторы истории КПСС.

На самом же деле исторические по своему значению работы В. И. Ленина «О лозунге Соединенных Штатов Европы» и «Военная программа русской революции» не только не были «случайными», но они были прямо направлены против Троцкого. Именно его установки В. И. Ленин фактически подверг в этих работах уничтожающей критике. Троцкий немедленно ответил на ленинскую критику статьей «Программа

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 94.

мира». В своей статье он прямо полемизировал с Лениным и категорически отвергал ленинский вывод о возможности победы пролетарской революции в одной стране. Вынужденный согласиться с тем, что ни одна страна не должна ожидать другие страны, чтобы не подменить «параллельного интернационального действия» «выжидательным интернациональным бездействием», он признавал за революционным выступлением пролетариата одной страны лишь роль сигнала к революции в других странах. «А если бы этого не произошло, — утверждал Троцкий, — то безнадежно думать... что, например, социалистическая Германия могла бы устоять между буржуазной Россией и Францией. Рассматривать перспективы социальной революции в национальных рамках значило бы становиться жертвой той самой национальной ограниченности, которая составляет сущность социал-патриотизма»¹.

С присущим ему упрямством Троцкий продолжал цепляться за каутскианский лозунг Соединенных Штатов Европы даже тогда, когда этот лозунг был уже снят революционной социал-демократией. Исходя из своей оценки империализма как политики, отражающей объективную тенденцию к объединению мирового капиталистического хозяйства, Троцкий утверждал, что национальное государство пережило себя как «рама для развития производительных сил, как база для классовой борьбы и тем самым как государственная форма диктатуры пролетариата». Он призывал рабочий класс каждой страны отказаться от «национальных обязательств» и бороться за свою диктатуру во всеевропейском масштабе².

Троцкому органически была чужда сама идея о возможности прорыва цепи империализма в слабейшем звене. Он считал осуществимым социалистический переворот лишь в наиболее развитых странах. Русская же революция, по мнению Троцкого, могла приобрести подлинно социалистический характер лишь в результате прямой государственной поддержки победившего западноевропейского пролетариата. Троцкий даже не допускал мысли, что народная революция именно в отсталой России может явиться не только толчком к мировой пролетарской революции, но и ее фактическим началом, первым этапом. Поэтому не случайно, как процитировано выше, в числе стран, перед которыми не могла бы устоять одинокая социалистическая Германия, Троцкий в пер-

¹ «Наше слово» (Париж), 12 апреля 1916 г.

² См.: В. А. Грянко и др. Указ. соч., стр. 226—227.

вую очередь назвал *буржуазную* Россию. При издании своей работы отдельной брошюрой уже накануне Великого Октября он хотя и поставил с учетом изменившейся ситуации на место Германии Россию, которая, по его мнению, тоже не смогла бы в одиночку «устоять перед лицом консервативной Европы», однако назвал ее не социалистической, как называл Германию, а только *революционной*. Троцкий не хотел делать даже предположения о том, что именно Россия сможет стать первой в мире социалистической страной.

Из непонимания Троцким сущности новой исторической эпохи развития капитализма вытекало и его отрицательное отношение к ленинскому выводу о сближении социалистических и демократических задач пролетариата. Повторяя каутскианскую идейку о прогрессивной роли империализма, будто бы расчищающего дорогу социализму, Троцкий пытался объявить борьбу за демократию уже пройденным этапом пролетарского движения. Он считал, что империализм снял все другие проблемы, стоявшие перед пролетариатом развитых стран в домонополистическую эпоху, кроме одной — завоевания власти.

Вопреки фактам он утверждал, что капитализм достиг такой степени развития, когда оказались ликвидированными антагонизмы, характерные для докапиталистических общественно-экономических формаций. Современный капитализм, заявлял Троцкий, радикально «расправляется с промежуточными классами»¹. Отрицал Троцкий и значение чисто пролетарской, направленной против самого империализма борьбы за демократию. По его мнению, она полностью растворялась в борьбе рабочего класса за социализм, была равнозначна ей. В этом проявлялось характерное для Троцкого и других оппортунистов преувеличение мощи современного капитализма, которая якобы лишала пролетариат возможности добиваться даже частичного осуществления своих демократических требований иначе, как путем революционного ниспровержения всего существующего общественного строя. Подобной же точки зрения придерживаются современные «левые» оппортунисты, обвиняющие коммунистов в том, что под предлогом сосредоточения сил на борьбу за демократию они якобы отказываются от борьбы за социализм.

Отрицая самостоятельное значение борьбы за демократию в эпоху империализма, Троцкий, по сути дела, руководство-

---

¹ «Наше слово», 17 сентября 1915 г.

вался анархистским принципом: «Все или ничего». Он не признавал важности этой борьбы как средства революционной мобилизации масс, привлечения на сторону пролетариата большинства народа. В этом проявилось характерное для троцкизма и других разновидностей оппортунизма непонимание решающей роли в подготовке революции субъективного фактора, их преклонение перед стихийностью. Троцкий был противником сознательной, целенаправленной деятельности партии по подготовке условий для революционного выступления пролетариата. Он считал, что уже наличие только одних объективных экономических предпосылок социализма само собой приведет к победе рабочих. Фактически он стоял на позициях сторонников теории автоматического краха капитализма. В годы войны Троцкий утверждал, что война «насилуственно выводит пролетариат на путь социалистического переворота», а в послевоенный период он выступил с проповедью теории «стагнации капитализма». Согласно ей, капитализм переживает «абсолютный застой и распад», что само по себе делает неизбежным социалистический переворот, без которого якобы стало вообще невозможно какое-либо дальнейшее развитие производительных сил в капиталистическом мире. Если бы дело обстояло не так, заявлял Троцкий, повторяя утверждения откровенных оппортунистов, то это свидетельствовало бы о преждевременности революции. «Теория «стагнации», — пишет Ю. А. Красин, — методологическая основа авантюристической идеологии троцкизма. Нечего раздумывать о готовности революционных сил, о привлечении союзников, если капитализм разваливается, — так рассуждали троцкисты»¹.

Точка зрения Троцкого по вопросу о месте борьбы за демократию в эпоху империализма свидетельствовала о его очередном «курбете влево», о начавшемся сползании с явно правых, каутскианских позиций. Если Каутский в годы войны качнулся вправо, фактически сомкнувшись с явными социал-шовинистами, то Троцкий все больше сближался с «лево»-авантюристическими мелкобуржуазными группами, которые пытались атаковать ленинизм с мнимореволюционных, «левых» позиций.

Теоретическая позиция Троцкого по вопросу о роли борьбы за демократию оказалась сродни той полуанархистской концепции, которую в условиях войны защищала группа Буха-

¹ Ю. А. Красин. Ленин, революция, современность, стр. 152.

рина и его единомышленников из числа социал-демократических «леваков», оказавшихся в сетях мелкобуржуазного революционаризма. В. И. Ленин охарактеризовал взгляды этой полуанархистской группы как «империалистический экономизм», или карикатурный марксизм.

Отрицая значение демократической борьбы пролетариата в эпоху империализма, Бухарин, Пятаков и некоторые другие фактически повторяли утверждения сторонников русского экономизма, которые обосновывали свое нежелание поднимать пролетариат на борьбу против царизма ссылками на то, что в России уже утвердился капитализм и что поэтому политическая революция против феодальных пережитков якобы стала ненужной. «Империалистические экономисты» заявляли: раз империализм вплотную подвел мир к социалистической революции, то пролетариат не может задерживаться на решении демократических задач, а немедленно должен бороться за осуществление задач социалистического переворота.

Подобные же идеи — правда, в более завуалированной, скрытой форме — проповедовал и Троцкий. Его противоречивые взгляды сочетали в себе оппортунистическую умеренность Каутского и авантюристическую, анархистскую безудержность Бухарина и других «леваков». На словах он отмежевывался от «левых» экстремистов (как, впрочем, так же словесно отмежевывался от откровенных оппортунистов и явных каутскианцев). На деле же повторял их нелепые, оторванные от реальной действительности утверждения о возможности в новую историческую эпоху лишь «чистой» пролетарской революции. К нему всецело относились слова В. И. Ленина, обращенные к «ультралевым»: «Кто ждет «чистой» социальной революции, тот *никогда* ее не дожидется. Тот революционер на словах, не понимающий действительной революции»¹.

В борьбе против «империалистических экономистов» и других оппортунистов В. И. Ленин сделал еще одно чрезвычайно важное научное открытие. Развивая учение о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, он установил, что в эпоху империализма все революционные движения сливаются в единый поток, подготавливая условия для полной победы пролетариата. В силу этого мировая пролетарская революция приобретает характер длительного мирового революционного процесса, охватывающего целую истори-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 54.

ческую эпоху. «Социалистическая революция, — указывал В. И. Ленин, — не один акт, не одна битва по одному фронту, а целая эпоха обостренных классовых конфликтов, длинный ряд битв по всем фронтам, т. е. по всем вопросам экономики и политики, битв, которые могут завершиться лишь экспроприацией буржуазии. Было бы коренной ошибкой думать, что борьба за демократию способна отвлечь пролетариат от социалистической революции, или заслонить, затенить ее и т. п. Напротив, как невозможен победоносный социализм, не осуществляющий полной демократии, так не может подготовиться к победе над буржуазией пролетариат, не ведущий всесторонней, последовательной и революционной борьбы за демократию»¹. Эти ленинские слова, направленные против «империалистических экономистов», всецело разоблачали и «революционное» нетерпение Троцкого, ратовавшего за «перескакивание» через незавершенные этапы движения. По существу это была обобщенная формулировка сделанного В. И. Лениным еще в революцию 1905—1907 годов вывода об отсутствии китайской стены между демократическим и социалистическим этапами революции. Эта формулировка включала в себя и принципиально важный вывод, сделанный В. И. Лениным в годы первой мировой войны, — о одновременности победы пролетарской революции в отдельных странах. Согласно ленинской концепции, пролетарская революция не утрачивала своей непрерывности в международном масштабе. Соединяясь со всеми антиимпериалистическими, демократическими движениями, она, несмотря на одновременность ее победы в отдельных странах, приобретала характер непрерывного мирового революционного процесса, неизбежно продолжающегося вплоть до полной ликвидации империализма.

Разоблачая взгляды сторонников карикатурного марксизма, В. И. Ленин показал, что империализм, приблизивший пролетарскую революцию, не снимает демократические задачи, стоящие перед пролетариатом, а заставляет его еще более решительно и упорно бороться за их осуществление. «Социализм, — указывал Ленин, — невозможен без демократии в двух смыслах: (1) нельзя пролетариату совершить социалистическую революцию, если он не готовится к ней борьбой за демократию; (2) нельзя победившему социализму удержат своей победы и привести человечество к отмиранию государства без осуществления полностью демократии»².

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 253.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 128.

Вместе с тем В. И. Ленин постоянно подчеркивал, что коренные демократические преобразования возможны лишь при полной победе пролетариата. Вскрывая оппортунистический характер утверждений Каутского, сводившего демократическую борьбу пролетариата к реформизму, Ленин указывал, что партия должна ставить демократические требования по-революционному, доводя борьбу за них «до прямого натиска пролетариата на буржуазию, т. е. до социалистической революции, экспроприирующей буржуазию»¹.

В декабре 1916 года Ленин подверг критике Зиновьева, утверждавшего, что осуществление программы-минимум будет означать переход к социалистическому строю. «Никогда ни известные требования минимум программы... ни вся сумма требований минимум программы не дают «перехода к принципиально иному общественному строю». Думать так значит принципиально перейти на позицию реформизма и покинуть точку зрения революции социалистической»².

«Последовательная демократия,— указывал В. И. Ленин,— с одной стороны, превращается в социализм, а с другой стороны... требует социализма»³. «Ни одно коренное демократическое требование не осуществимо сколько-нибудь широко и прочно в передовых империалистских государствах иначе как через революционные битвы под знаменем социализма»⁴.

Этого не понимал и не хотел понять Троцкий. Как «левый» он принижал роль демократической борьбы пролетариата, отрицал ее значение для развертывания пролетарской революции, а как правый, каутскианец, допускал возможность осуществления демократических задач без решительной борьбы против всего существующего общественного строя.

Критикуя и «левых», и правых противников марксистского решения проблемы сочетания социалистических и демократических задач пролетариата, В. И. Ленин писал: «Надо уметь соединить борьбу за демократию и борьбу за социалистическую революцию, подчиняя первую второй. В этом вся трудность; в этом вся суть»⁵.

Ленинское учение о мировом революционном процессе как диалектическом единстве демократической и социалистической борьбы всех антиимпериалистических сил является

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 255.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 385—386.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 78.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 274.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 347.

важнейшей принципиальной основой современной стратегии и тактики коммунистических и рабочих партий. В условиях всевластия государственно-монополистического капитализма сокрушение его позиций возможно лишь в результате совместных действий широчайших народных масс, руководимых пролетариатом. Любое противопоставление демократических задач пролетариата его социалистическим задачам способно лишь усилить капитализм.

«На деле стремление к «чистоте» в революционном движении, — отмечает Генеральный секретарь КП США Г. Холл, — ведет к отказу от общедемократической борьбы против монополий, в которую вовлекаются широкие массы. Если мы не примем в ней участия, не будем находиться на переднем ее крае, борьба за социализм неизбежно вырождается в голое пропагандирование, в бесплодное сектантство. Противопоставление общедемократической борьбы борьбе за социализм ведет в болото левого экстремизма и троцкизма»¹.

Современные «левые» оппортунисты, говорится в манифесте ЦК КП Франции «За передовую демократию, за социалистическую Францию», утверждают, «что в наше время нет никакой необходимости бороться за демократические цели и что рабочая партия должна ставить перед собой задачу немедленно и непосредственно осуществить социалистическую революцию. Они представляют себе социалистическую революцию, переход от капитализма к социализму как результат переворота, совершаемого при необходимости активным меньшинством. Подобная авантюристическая позиция играет на руку худшей реакции...»²

Борьба за демократические требования и реформы рассматривается марксистско-ленинскими партиями как составная часть борьбы за социализм. Вместе с тем они решительно выступают против правых оппортунистов, отрицающих необходимость социалистической революции и отрывающих борьбу за демократию от борьбы за достижение конечной цели пролетариата — социализма и коммунизма. Сами по себе демократические преобразования еще не равнозначны социализму. Но при продолжении борьбы пролетариата за доведение их до логического конца (т. е. до установления власти трудящихся во главе с рабочим классом) они неизбежно станут реальными шагами и на пути к социализму. Демократи-

¹ Ленинизм и мировое революционное рабочее движение, стр. 130—131.

² «Проблемы мира и социализма», 1969, № 4, стр. 4—5.

ческие преобразования «способны стать своего рода мостом к социалистической революции, к завоеванию власти рабочим классом»¹.

Вывод о неизбежности сложного и длительного процесса революционного ниспровержения мирового капитализма в ходе антиимпериалистической борьбы широчайших народных масс позволил В. И. Ленину сформулировать мысль о многообразии форм перехода от капитализма к социализму. «Все нации, — писал Ленин, — придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни»². Исторический опыт революционных преобразований в странах социализма стал блестящим подтверждением правильности этой мысли.

В наши дни многие коммунистические и рабочие партии ставят вопрос о возможности различных форм не только диктатуры пролетариата, но и промежуточной власти, утверждавшейся в результате успеха демократической антимонополистической борьбы («социально-политическая демократия», «передовая демократия», «обновленная демократия», «подлинная демократия», «антимонополистическая демократия» и т. д.)³.

Неизбежность появления таких форм тоже предсказана В. И. Лениным.

На опыте первой русской революции он создал учение о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства как промежуточной форме власти, возникающей в процессе перерастания революции от демократического к социалистическому этапу. В годы первой мировой войны он разработал новый, всеобщий, рассчитанный на применение во всех странах (и не прошедших этап буржуазно-демократической революции, и прошедших его) вариант своего учения о перерастании революции — концепцию неразрывного единства социалистических и демократических задач пролетариата в современную эпоху. Эта концепция придала всеобщий характер и ленинскому учению о революционно-демократической диктатуре, которое превратилось в теорию промежу-

¹ В. И. Ленин и проблемы научного коммунизма, стр. 87.

² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 123.

³ См.: Ленинизм и современность, стр. 453.

точных форм власти, облегчающих продвижение пролетариата к его конечной цели — диктатуре пролетариата.

Период мировой империалистической войны стал чрезвычайно важным и плодотворным этапом теоретической деятельности В. И. Ленина. На этом этапе была завершена разработка в основных чертах новой теории социалистической революции, необходимость которой стала остро ощущаться в связи с началом современной эпохи в истории человечества. Ленинизм, возникший на русской почве, окончательно приобрел всеобщий, международный характер. Новаторские идеи, выдвинутые В. И. Лениным накануне и в ходе первой русской революции, получили свое развитие и подтверждение на опыте революционной борьбы всех народов мира. Анализ В. И. Лениным новой исторической эпохи оказался настолько глубоким, а созданная им теория социалистической революции настолько полной и универсальной, что на протяжении последующих лет происходило лишь дальнейшее развитие и конкретизация отдельных положений этой теории, основы которой не претерпели существенных изменений и поныне.

Вклад В. И. Ленина в развитие марксистской теории, сделанный в годы мировой войны, был так велик, что Троцкий впоследствии выдвинул клеветнический тезис о «рождении» в годы войны «нового» ленинизма, якобы принципиально отличного от ленинизма довоенного. С помощью всевозможных подтасовок Троцкий пытался доказать, что «новый» ленинизм — это есть не что иное, как перенесенный на большевистскую почву троцкизм.

На самом деле новый, в подлинном смысле слова решающий этап в развитии ленинской теории социалистической революции, как и предшествующий, был неразрывно связан с борьбой В. И. Ленина именно против троцкизма и других концепций, сторонником которых являлся Троцкий.

Ленинский вывод о мировой пролетарской революции как длительном революционном процессе, охватывающем целую историческую эпоху, был прямо направлен против троцкистской концепции «подхлестывания» революции, игнорирования ее незавершенных этапов. Ленинский тезис о диалектическом единстве демократических и социалистических задач пролетариата разоблачал троцкистское игнорирование борьбы за демократию. Вывод В. И. Ленина о возможности победы пролетарской революции первоначально в одной, отдельно взятой стране также утверждался в борьбе против троцкистской теории «перманентной революции». Ленинское учение

о сочетании субъективного и объективных факторов в революции не оставляло камня на камне от троцкистского волюнтаризма и оппортунистического преклонения Троцкого перед стихийностью общественного развития.

Противоположность троцкизма и ленинизма отчетливо проявилась и в отношении к национальному вопросу, который в условиях мировой войны приобрел особую остроту. Ленинцы стояли за то, чтобы направить национально-освободительное движение в русло единой борьбы против империализма, считали, что борьба угнетенных народов за все освобождение, помогая наносить удары по империализму, превращается тем самым в составную часть мировой пролетарской революции. Бухарин, Пятаков, Радек и другие «империалистические экономисты», наоборот, утверждали, что новая историческая эпоха сделала пролетариат «безразличным» к национальным движениям, которые не только «отвлекают» его от решения чисто социалистических задач, но и «противоречат» «прогрессивной» объединительной тенденции империализма, готовящего условия для всемирной победы социализма. «Империалистические экономисты» выступали против программного требования партии о праве наций на самоопределение. Они считали, что в условиях социализма самоопределение осуществится само собой и на очередь дня встанет задача слияния народов в единую социалистическую нацию. В условиях же капитализма требование права на самоопределение якобы толкало пролетариат в объятия своей национальной буржуазии, лишало его способности к интернациональному действию. Лозунгу самоопределения «ультралевые» противопоставляли каутскианский лозунг Соединенных Штатов Европы, который они отождествляли с призывом к социалистической революции, якобы невозможной в одной стране.

Этот лозунг, уверяли «империалистические экономисты», дает «политико-юридическую формулировку социалистического переворота», осуществимого, с их точки зрения, лишь в масштабах всей Европы. Подобные утверждения были почти дословным повторением высказываний Троцкого, который тоже считал, что создание Соединенных Штатов Европы равнозначно всевропейской пролетарской революции.

Троцкий, как и Бухарин, не видел возможности превращения национально-освободительных движений в составную часть борьбы пролетариата против империализма. Для него эти движения были лишь отголоском прошедшей исторической эпохи. Он, как и «империалистические экономисты»,

связывал решение национального вопроса исключительно с победой пролетарской революции, с созданием пресловутого Соединенных Штатов Европы. Больше того, Троцкий объявил национальное государство тормозом для развития производительных сил и препятствием на пути мировой пролетарской революции. На словах признавая право наций на самоопределение, он фактически оправдывал экспансионистскую политику империализма, всячески выпячивал его будто бы прогрессивную роль как объединителя мирового капиталистического хозяйства. Троцкий готов был даже видеть «революционную роль» германского империализма в его стремлении к порабощению других народов¹.

Марксизм никогда не ставил развитие надстройки, в частности государства, в механически прямую зависимость от развития производительных сил. Троцкий же из факта гигантского обобществления капиталистического производства при империализме делал заключение об устарелости национальных государств. «В действительности не национальные государства и национальный суверенитет, а капиталистические производственные отношения вступали в вопиющее противоречие с производительными силами общества. Следовательно, речь должна была идти не об устарелости и реакционности национального государства, а об устарелости и реакционности капиталистического строя»². Троцкий же фактически идеализировал этот строй, находя в нем какие-то прогрессивные черты.

Вместо того чтобы призывать угнетенные нации к борьбе против империализма, Троцкий стоял за сохранение своего рода «статус-кво» в национальном вопросе, считая, что межнациональные государства, сложившиеся в результате империалистических захватов, имеют право на существование вплоть до полной победы социализма. Троцкий на словах — горой за самоопределение, указывал В. И. Ленин, «но и у него это пустая фраза, ибо он не требует свободы отделения наций, угнетенных «отечеством» данного национального социалиста...»³. Троцкий фактически отрицал прогрессивную роль освободительных войн угнетенных народов против империализма. Борьбу за уничтожение колониальных империй капиталистических государств он не связывал с борьбой за приближение победы мировой пролетарской революции.

¹ См.: История КПСС, т. 2, стр. 529.

² История КПСС, т. 2, стр. 529.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 273.

Преуменьшение роли демократических задач пролетариата, возросших в эпоху империализма и мировой войны, привело к углублению ошибок, которые Троцкий допускал в оценке характера и перспектив русской революции. В годы войны Троцкий еще больше утвердился в своем выводе о невозможности демократического этапа революции в России. В статье «Основные вопросы» (1915 г.), претендовавшей на роль программного произведения, он утверждал, что империализм ликвидирует докапиталистические уклады, радикально «расправляется с промежуточными классами» и что поэтому «он противопоставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат буржуазной нации».

Троцкий пытался доказать, что в России столыпинская реформа, ускорив дифференциацию крестьянства, создала все условия для беспрепятственного развития капитализма в деревне и потому мелкая буржуазия, в том числе крестьянство, не заинтересована больше в ниспровержении существующего общественного строя. «Национальная буржуазная революция в России невозможна за отсутствием буржуазной демократии»¹, — писал Троцкий в 1915 году. Он уверял, что «русская революция не может быть «доведена до конца» ни сотрудничеством пролетариата с либеральной буржуазией, ни его союзом с революционным крестьянством»². Единственно возможным союзником российского пролетариата Троцкий видел в европейском рабочем классе, с революцией которого он связывал все революционные перспективы России. По мнению Троцкого, в России осталась возможной лишь пролетарская революция, которая, начавшись с решения чисто демократических задач (свержения самодержавия), послужит толчком для социалистической революции европейского пролетариата и, опираясь на поддержку последнего, сама приобретет социалистический характер.

В. И. Ленин решительно разоблачил новые ухищрения, к которым прибегал Троцкий, чтобы ссылками на своеобразие империалистической эпохи обосновать свою антинаучную теорию «перманентной революции». «Вот — забавный пример «игры в словечко»: империализм! — писал Ленин. — Если в России уже противостоит пролетариат «буржуазной нации», тогда, значит, Россия стоит прямо перед *социалистической* революцией!! ...тогда надо говорить не о «революционном

¹ «Наше Слово», 17 октября 1915 г.

² В. А. Гривько и др. Указ. соч., стр. 219—220.

рабочем», а о «рабочем социалистическом» правительстве!»¹ В своей статье «О двух линиях революции» (1915 г.) В. И. Ленин убедительно показал, что задачу выяснения соотношения классов в предстоящей русской революции «неправильно решает в «Нашем Слове» Троцкий, повторяющий свою «оригинальную» теорию 1905 года»².

Ленин указывал, что Троцкий заимствует у меньшевиков отрицание решающей роли крестьянства в революции. Между тем, подчеркивал Ленин, хотя расслоение крестьянства и усилило классовую борьбу внутри него, приблизило сельский пролетариат к городскому, но также обострился, возрос антагонизм между крестьянством в целом и самодержавно-помещичьим строем. «Это такая очевидная истина, что даже тысячи фраз в десятках парижских статей Троцкого не «провернут» ее»³.

«До каких пределов доходит путаница у Троцкого, — писал Владимир Ильич, — видно из его фразы, что решительностью пролетариат увлечет и «непролетарские (!) народные массы» (№ 217)!! Троцкий не подумал, что если пролетариат увлечет непролетарские массы деревни на конфискацию помещичьих земель и свергнет монархию, то это и будет завершением «национальной буржуазной революции» в России, это и будет революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства!»⁴

Пролетариату, указывал В. И. Ленин, выгодно в своих собственных социалистических целях использовать то, что социалистическому этапу русской революции должен неизбежно предшествовать демократический этап. Наличие этого этапа гарантирует привлечение к революции многомиллионных масс крестьянства, позволяет исчерпать до конца его революционные силы, обеспечивает участие «непролетарских народных масс» в освобождении России от военно-феодального «империализма», т. е. царизма. А этим освобождением немедленно воспользуется пролетариат для совершения социалистической революции, опирающейся на прочный союз с пролетариями Европы. Отрицанием решающей роли крестьянства в русской революции, указывал Ленин, «Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 80.

² Там же.

³ Там же, стр. 81.

⁴ Там же, стр. 80.

под «отрицанием» роли крестьянства понимают *нежелание* поднимать крестьян на революцию!»¹

Оппортунистическое неверие в наличие реальных предпосылок для скорой победы пролетариата, преувеличение силы и мощи капитализма определяли содержание и троцкистских тактических установок в период первой мировой войны. Троцкий не чувствовал остроты революционного кризиса, охватившего воюющие страны, не видел, что мир вступает в полосу гигантских революционных потрясений, которые должны были наконец положить начало переходу человечества на путь социализма. Отсюда — его резко отрицательное отношение к единственно правильной революционной тактике, которую осуществляла в годы первой мировой войны партия большевиков.

Новые тактические установки партии в условиях войны были сформулированы в ленинских тезисах «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне» и в написанном В. И. Лениным в октябре 1914 года манифесте ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия». Манифест определил характер начавшейся войны как империалистической, несправедливой, захватнической и заклеймил измену лидеров II Интернационала международному социализму. В манифесте содержался призыв к созданию нового, свободного от оппортунизма III Интернационала, который возглавил бы борьбу мирового пролетариата за победоносную пролетарскую революцию.

Ленинский лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую отвечал коренным интересам народных масс всех воюющих стран. Под влиянием пропаганды марксистов, оставшихся верными пролетарскому интернационализму, трудящиеся поднимались на борьбу за революционное прекращение войны путем свержения империалистических правительств, развязавших и не желавших прекращать мировую кровавую бойню. В этих условиях многие буржуазные деятели, видя свою неспособность противостоять неуклонному стремлению пролетариата и всех трудящихся к миру, попытались отвлечь их от революционной борьбы за мир проповедью якобы надклассового, а по сути дела буржуазного пацифизма. Буржуазные политики лицемерно заговорили о мире. Но дальше слов они, разумеется, идти не собирались, так как именно буржуазия, заинтересованная в империали-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 81.

стическом переделе мира, всячески поощряла и поддерживала усилия своих правительств, направленные на доведение войны «до победного конца».

Отвлеченными разговорами о мире занялись и прислужники буржуазии—социал-шовинисты. Они старались усыпить бдительность пролетариата, совлечь его с единственно возможного в тех условиях пути достижения мира — революционной борьбы против «своих» правительств, на который звали его подлинные марксисты.

Проповедь отвлеченной идеи мира, не связанной с практическими задачами революционной борьбы, вели и центристы, которые на словах отреклись от явных социал-шовинистов, а на деле помогали предателям, защищая их от критики со стороны последовательных революционеров. Троцкий также сеял угодные буржуазии пацифистские иллюзии. Как и многие другие меньшевики, занявшие в годы мировой войны центристские позиции, он отстаивал лозунг «мир во что бы то ни стало», который оппортунисты противопоставляли лозунгу превращения империалистической войны в гражданскую.

Находясь под влиянием Каутского, Троцкий вслед за ним изображал войну временным, случайным явлением, стихийным взрывом, к которому якобы не причастны империалистические правительства. Он говорил, что война парализует революционные возможности пролетариата, делает бессильной социал-демократию перед объединенной мощью правительственной власти внутри страны и неспособной к согласованному действию в интернациональном масштабе. Прежде чем братья Троцкого, должен был добиться мира. «Первый лозунг для гражданской войны, — возражал он Ленину, — прекращение войны империалистической»¹.

Как и все оппортунисты, Троцкий порождал у рабочих надежды на то, что можно добиться мира и без революционного ниспровержения существующих порядков. Между тем, как это убедительно показал В. И. Ленин, в условиях первой мировой войны, когда во главе правительств всех воюющих стран стояли откровенные милитаристы — сторонники войны до победного конца, добиться справедливого, демократического мира можно было лишь в результате свержения этих правительств. «Кто хочет прочного и демократического мира, —

---

¹ Ленинский сборник XIV, стр. 139.

указывал В. И. Ленин, — тот должен быть за гражданскую войну против правительств и буржуазии»¹.

Вместе с тем В. И. Ленин отмечал значение и чисто демократической борьбы за мир, которую вели искренние противники империалистических правительств, не сумевшие занять в этой борьбе последовательно революционных пролетарских позиций. Ленин считал, что такая борьба, если она сопровождается реальными действиями, направленными против империалистов, а не ограничивается лишь пустопорожней пацифистской болтовней, способна принести определенную пользу пролетариату, помогая вовлекать в антиимпериалистическое, антивоенное движение новые массы народа, не созревшие еще до понимания необходимости революционного ниспровержения капитализма. В то же время В. И. Ленин критиковал таких непоследовательных противников империалистических правительств за половинчатость, помогал им преодолевать пацифистские заблуждения, подводил к осознанию той мысли, что только пролетарская борьба за превращение войны империалистической в войну гражданскую способна в условиях всеобщего засилья милитаристов гарантировать мир между народами.

Троцкий, отрицавший самостоятельное значение демократической борьбы в условиях империализма, не связывал своей «программы мира» с какими-то реальными антивоенными действиями. Лозунг мира в его представлении был синонимом все той же теории «перманентной революции», к проповеди которой в конечном счете сводились и все его остальные тактические установки. Соглашаясь с большевиками в том, что империалистические правительства не способны на заключение демократического мира, Троцкий, вместо того чтобы призывать рабочих и всех искренних противников войны к свержению таких правительств, как это делали большевики, хотел ограничиться абстрактной проповедью мира. С его точки зрения, эта проповедь и должна была стать универсальным средством, открывающим дорогу для беспрепятственного развития «перманентной революции».

Страстная тяга рабочих и всего народа к миру якобы приведет к уходу империалистических правительств, созданию Соединенных Штатов Европы и к автоматическому осуществлению на этой основе пролетарской революции во всеевропейском и мировом масштабах. Но как добиться свержения

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 328.

империалистических правительств без гражданской войны, об этом Троцкий умалчивал. Все расчеты на победу революции он связывал с использованием исключительно лишь мирных средств борьбы, не допуская даже возможности планомерной, целенаправленной подготовки вооруженного восстания революционной партией. Крайним выражением недовольства пролетарских масс он считал лишь всеобщую стачку или уличные демонстрации, сопровождающиеся оборонительными столкновениями с войсками и полицией. Такие действия пролетариев Троцкий и называл восстанием, которое должно было подкрепить чисто парламентские действия лидеров пролетарской партии, направленные на формирование революционного правительства.

Точки зрения, близкой троцкистской, фактически придерживались и сторонники так называемого «империалистического экономизма». Так, Бухарин и другие считали, что каутскианская проповедь мира «сама по себе» приведет к свержению империалистических правительств. В отличие от Троцкого они «признавали» лозунг гражданской войны, но объявляли его неконкретным, требовали дополнения этого лозунга другими, утверждали, что он «не исключает, а, наоборот, покрывает собой» и такие «революционные» лозунги, как, например, лозунг «мира» и лозунг Соединенных Штатов Европы¹. «Левые» фактически подменяли лозунг гражданской войны лозунгом «мира», отождествляли их друг с другом. Они не понимали, что наряду с социалистическим пролетариатом в антиимпериалистической борьбе за мир участвуют и непролетарские народные массы. Точку зрения «левых» троцкисты пытались приписать В. И. Ленину и большевикам. Таким образом, «левый» авантюризм бухаринской группы вполне уживался с явным каутскианством, лишший раз подтверждадая неразрывное единство и взаимосвязь правых и «левых» разновидностей оппортунизма.

Подобным же эклектическим сочетанием идей, нахватанных и у «левых» и у правых, был троцкизм, сторонники которого под прикрытием «левой» фразеологии отказывались вести какую-либо реальную работу по подготовке масс к революции, по использованию военного кризиса для свержения власти империалистов. На словах Троцкий признавал необходи-

---

¹ См.: Я. Г. Темкин. Ленин и международная социал-демократия. 1914—1917, стр. 438; В. В. Заплаткин. Борьба В. И. Ленина против «империалистического экономизма». М., изд-во «Мысль», 1966, стр. 110.

мость решительных, революционных действий пролетариата в борьбе за мир. Но на деле всячески отмежевывался от них, так как в тех условиях все они вели в конечном счете к одному — к гражданской войне против буржуазии.

Разоблачая Троцкого, В. И. Ленин подчеркивал, что все его разглагольствования о мире — «образец надутых фраз, какими Троцкий всегда оправдывает оппортунизм. «Революционная борьба против войны» есть пустое и бессодержательное восклицание, на которое такие мастера герои II Интернационала»¹.

Обвиняя большевиков в экстремизме, отсутствии реального учета обстановки и настроений масс, в доктринерстве и сектантстве, Троцкий изо всех сил пытался доказать, что в условиях войны пролетарская революция якобы является невозможной. Он утверждал, что превращение войны империалистической в гражданскую якобы ничего не даст пролетариату, так как, даже и свергнув империалистическое правительство в своей стране, он не приблизится к победе мировой пролетарской революции, возможность которой Троцкий допускал лишь в результате одновременного выступления рабочих всех стран. Согласно Троцкому, именно мировая война, а не измена оппортунистических лидеров II Интернационала уничтожила международное единство пролетариата. Поэтому он и предлагал ждать окончания войны, уверяя, что тогда такое единство восстановится автоматически. Троцкий полностью разделял точку зрения Каутского, заявившего, что «Интернационал не есть пригодное орудие во время войны; он есть, по сути дела, орудие мира...».

Свой лозунг «всеобщего мира» Троцкий связывал с лозунгом Соединенных Штатов Европы, создание которых он считал важнейшей предпосылкой мировой пролетарской революции. Соглашаясь с каутскианской теорией «ультраимпериализма», Троцкий уверял, что создание Соединенных Штатов Европы якобы станет возможным после войны. Он призывал подчинить антивоенную борьбу пролетариата осуществлению этой идеи, за которую были не прочь ухватиться и явные сторонники империалистических захватов, мечтавшие о создании всевозможных межимпериалистических объединений для эксплуатации и передела мира и расправы с революционным движением. Троцкий закрывал глаза на то, что именно революционная борьба рабочих против войны и «своих» импери-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 286.

листических правительств и является той реальной основой, на которой только и возможно воссоздание интернационального единства пролетариата. Называя себя интернационалистом, Троцкий по сути дела был противником подлинного пролетарского интернационализма. Его политика обрекала пролетариат на бездействие в интернациональном масштабе, отвлекала рабочих от решительной борьбы за свою победу, мешала им встать на единственно возможный в тех условиях реальный путь избавления человечества от ужасов и бедствий войны — на путь революционного ниспровержения эксплуататорского строя.

Троцкий считал неосуществимым лозунг превращения войны империалистической в гражданскую и с точки зрения внутренних условий борьбы пролетариата. Он был принципиальным противником подлинной пролетарской революции, которая в условиях засилья милитаристов, характерного для империалистической войны, могла произойти лишь в форме насильственной вооруженной борьбы против буржуазии, переходящей в открытую гражданскую войну. Троцкий, несмотря на ряд своих «ультрареволюционных» заявлений, оставался убежденным сторонником мирных, «демократических» методов борьбы, которые в тех условиях были недостаточны, чтобы сломить сопротивление милитаристов, подчинивших себе правительства воюющих стран. Отождествляя пролетарскую демократию с буржуазной, Троцкий считал, что такие крайне насильственные формы борьбы пролетариата, как вооруженное выступление и гражданская война, способны лишь задержать, а не ускорить установление подлинной диктатуры пролетариата, которая представлялась ему властью, опирающейся не на насилие над свергнутыми эксплуататорами, а на их добровольное согласие подчиниться воле пролетариата.

Вместе с другими оппортунистами Троцкий утверждал, что пролетарская диктатура, рожденная войной, якобы не будет демократической, а следовательно и подлинно социалистической. Реальный же поход на демократию, который приняли правящие круги воюющих стран под предлогом «мобилизации» сил народа, Троцкий вслед за Каутским пытался изобразить как случайное явление, которое исчезнет само по себе, как только начнется «мирный» период развития капитализма. Тем самым Троцкий не только клеветал на диктатуру пролетариата, намекая на возможность какой-то «недемократической» ее формы, но и замазывал противоречия капитализма, идеализировал его послевоенное будущее, от-

влекал пролетариат от борьбы за использование в интересах революции того острейшего экономического и политического кризиса, в котором оказались европейские капиталистические страны в условиях войны.

Троцкизм, таким образом, выступал в годы первой мировой войны как одна из наиболее скрытых, замаскированных разновидностей социал-шовинизма, помогавшего буржуазии удерживать в подчинении империалистическим правительствам массы пролетариев. Выдвигая лозунг «мира во что бы то ни стало», как предварительного условия борьбы пролетариата за победу своей революции, Троцкий фактически лишь перефразировал лозунг Каутского: «Во время войны — борьба за мир, в мирное время — классовая борьба!», с помощью которого лидер международного центразма обосновывал необходимость социал-шовинистской политики «гражданского мира». К Троцкому всецело можно отнести слова Розы Люксембург, которая с сарказмом писала, что исторический призыв «Коммунистического манифеста» у Каутского приобрел такой вид: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь в мирное время и перегрызайте друг другу глотки во время войны!»¹.

Разоблачая Троцкого, Мартова, Каутского и других защитников социал-шовинизма, В. И. Ленин призывал международную социал-демократию разъяснить, что империалистические державы не могут дать демократического мира. «Его надо искать и добиваться — но не позади, в реакционной утопии неимпериалистического капитализма, или союза равноправных наций при капитализме, — а впереди, в социалистической революции пролетариата»². Революционную программу мира Ленин неразрывно связывал с важнейшим теоретическим выводом о сближении социалистических и демократических задач пролетариата в эпоху империализма. «Ни одно коренное демократическое требование, — указывал он в статье «О программе мира», — не осуществимо сколько-нибудь широко и прочно в передовых империалистических государствах иначе как через революционные битвы под знаменем социализма.

И кто сулит народам «демократический» мир, не проповедуя в то же время социалистической революции, отрицая

---

¹ Н. Е. Королев. Ленин и международное рабочее движение. Политиздат, 1968, стр. 41.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 274.

борьбу за нее, борьбу уже во время войны, тот обманывает пролетариат»¹.

В то же время В. И. Ленин решительно боролся против экстремистских устремлений «левых» авантюристов, понимавших под лозунгом гражданской войны призы к немедленному вооруженному восстанию. Показывая лживость утверждений Троцкого и других каутскианцев, приписывавших такую точку зрения большевикам, В. И. Ленин писал, что превращение войны империалистической в гражданскую «может быть долгим, может потребовать и потребует ряда предварительных условий, но всю работу надо вести *по линии* именно *такого* превращения, в духе и направлении его»².

Бернская конференция заграничных секций РСДРП в феврале 1915 года одобрила ленинские установки по вопросам войны и мира. Отвергнув авантюристические концепции «левых», она указала на возможность не только быстрого, но и затяжного развития революционного кризиса. В связи с этим задача партии состояла в том, чтобы «не отказываться от длительной, повседневной работы, не пренебрегать ни одним из прежних методов классовой борьбы»³.

Предупреждая об опасности авантюристического смещения задач пролетариата стран, находящихся на разных ступенях экономического и политического развития, конференция по предложению В. И. Ленина раскрыла содержание лозунга гражданской войны применительно к России. Если для развитых стран Западной Европы этот лозунг означал непосредственный призыв к социалистической революции, то для России он сливался с лозунгами, направленными на осуществление программы-минимум, которые соответствовали демократическому этапу развития революции⁴. Тем самым большевистская партия еще и еще раз отмежевывалась от троцкистской теории «перманентной революции».

С особой отчетливостью эклектический мелкобуржуазный характер троцкизма, сочетавшего в себе авантюристическую проповедь перескакивания через незавершенные этапы революции с защитой явно социал-шовинистских и оборонческих концепций, проявился в его отношении к ленинскому лозунгу — «поражение своего правительства». В. И. Ленин убедил

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 274.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 13.

³ КПСС в резолюциях..., ч. I, стр. 327.

⁴ Там же, стр. 327, 329.

тельно доказал, что этим лозунгом должны руководствоваться все подлинные пролетарские революционеры в своем отношении к империалистической войне.

Оценивая войну как несправедливую, захватническую со стороны всех воюющих государств (за исключением маленькой Сербии, раздавленной армиями «Четверного союза»), В. И. Ленин считал злом для пролетариата победу любого из империалистических правительств. Он призывал всех подлинных революционеров отмежевываться от своих правительств, не поддерживать их, бороться за их свержение. Только таким путем можно было осуществить лозунг превращения войны империалистической в гражданскую, использовать военные затруднения правительства для победы революции. «Революция во время войны, — указывал В. И. Ленин, — есть гражданская война, а превращение войны правительств в войну гражданскую, с одной стороны, облегчается военными неудачами («поражением») правительств, а с другой стороны, — невозможно на деле стремиться к такому превращению, не содействуя тем самым поражению»¹.

«От «лозунга» шовинизма, — писал В. И. Ленин, — потому и открещиваются шовинисты... что этот лозунг *один только* означает последовательный призыв к революционным действиям против своего правительства во время войны. А без таких действий миллионы ррреволюционнейших фраз о войне против «войны»... не стоят ломаного гроша»².

В то же время, разоблачая клевету черносотенцев и других контрреволюционных «ура»-патриотов, требовавших расстрела сторонников поражения своих правительств, как изменников и пособников враждебных армий, В. И. Ленин подчеркивал, что желать поражения правительству — вовсе не значит содействовать национальному унижению своей страны. Больше всего содействуют этому, указывал Ленин, сами империалистические правительства, втянувшие народы в бесперспективную, позорную войну. Революционеры же лишь используют неизбежные в условиях такой войны поражения для разоблачения антинародного характера политики правящих классов с целью свержения их власти. Только таким путем можно было отстаивать подлинные интересы страны, уберечь ее от иностранного подчинения, спасти ее народы от ужасов и бедствий военного времени. «...Нельзя в XX веке, в Европе

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 287.

² Там же.

(хотя бы и дальневосточной Европе), «защитить отечество» иначе, как борясь всеми революционными средствами против монархии, помещиков и капиталистов *своего* отечества, т. е. *худших* врагов нашей родины», — писал В. И. Ленин в своей знаменитой статье «О национальной гордости великороссов»¹.

Лозунг использования поражения правительства для революционной борьбы с ним был реальной основой объединения усилий всех подлинных патриотов, мечтавших о достойном выходе своей страны из тяжелой и несправедливой войны. Выдвигая его в условиях патриотического угара, охватившего массы, ленинцы сознательно обрекали себя на еще большие гонения и преследования со стороны царских властей. Но забота о высших национальных и интернациональных интересах пролетариата заставляла большевистскую партию идти на временные потери. Мужественно отстаивая лозунг поражения, она показывала всему международному пролетарскому движению образец принципиальности и веры в сознательность и разум широких рабочих масс, которые на собственном опыте должны были убедиться в том, что революционное поражение — единственно возможная тактика пролетариата в условиях несправедливой, захватнической войны.

Открытая революционно-пораженческая позиция, занятая большевиками, способствовала дальнейшему очищению партийных рядов от неустойчивых мелкобуржуазных элементов, охваченных «патриотическими» настроениями. От партии поспешили отмежеваться все обыватели, напуганные размахом полицейских репрессий по отношению к тем, кто не желал защищать империалистическое «отечество». Находкой для них стал менее опасный лозунг «ни побед, ни поражений», который Троцкий вместе с другими оппортунистами, не пожелавшими открыто примкнуть к явным социал-шовинистам, пытался противопоставить подлинно революционной пораженческой тактике большевиков.

С помощью этого половинчатого лозунга оппортунисты хотели сохранить видимость «верности» интернационализму и в то же время не порывать окончательно с явными социал-шовинистами, сторонниками идеи защиты империалистических отечеств, не отталкивать от себя мелкобуржуазные элементы, охваченные патриотическим угаром, не обречать своих сторонников в воюющих странах на жестокие полицейские

---

¹ В. И. Ленин. Поля. собр. соч., т. 26, стр. 108.

преследования, которым реакционные правительства подвергали подлинных революционеров.

Как и все меньшевики, Троцкий утверждал, что желать поражения России будто бы означало стремиться к победе Германии. Но это не было выражением даже ложно понятого патриотического чувства, охватившего значительную часть населения страны, в том числе и известной части пролетариев.

Патриотизм, гордость за принадлежность к русскому народу были чужды Троцкому, который все свои личные и политические надежды связывал с развитием событий в Западной Европе и Америке. Выступая за создание Соединенных Штатов Европы, Троцкий обрекал Россию на роль аграрно-сырьевого придатка более развитых стран. Большевиков, веривших в будущее своей страны, он обвинял в национальной ограниченности, социал-патриотизме и даже «национально-революционном мессианстве», так как они допускали возможность того, что именно Россия укажет дорогу человечеству к социализму. Известно, что другой активный противник лозунга поражения своего правительства, Бухарин, решительно выступил против ленинской статьи «О национальной гордости великороссов», утверждая, что она якобы противоречит принципам пролетарского интернационализма. Отрицательно отнесся к идеям этой статьи и Троцкий.

Недопустимость пораженческой тактики он обосновывал тем, что она якобы причинит вред не русскому пролетариату, который-де ничего не потеряет, оказавшись под пятой германского империализма, а немецкому рабочему классу, борьба которого в условиях военной победы милитаристов будет затруднена. На этом основании Троцкий клеветнически обвинял большевиков в отходе от пролетарского интернационализма, в предательстве интересов немецких трудящихся.

Разоблачая троцкистскую клевету, В. И. Ленин писал в статье «О поражении своего правительства в империалистической войне»: «Чтобы помочь людям, не умеющим думать, Бернская резолюция (№ 40 «Социал-Демократа») пояснила: во всех империалистских странах пролетариат должен теперь желать поражения своему правительству»¹. В. И. Ленин и большевики обращали этот призыв к пролетариям всех воюющих стран, которые в одинаковой степени были заинтересованы в использовании военных затруднений «своих» правительств для борьбы с ними.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 287.

Поражение царской России и победа Германии являлись наименьшим злом с точки зрения русского пролетариата, но не с точки зрения германского. Выполняя свой интернациональный долг, русский рабочий класс должен был использовать поражение «своего» правительства для его свержения, в то время как задача немецкого пролетариата состояла в том, чтобы помешать своей буржуазии воспользоваться военной победой для удушения революционного движения и в России, и в самой Германии. В свою очередь, победа российского пролетариата ускорила бы революцию и в самой Германии, а его помощь немецким рабочим облегчила бы их борьбу за свержение кайзера и буржуазного строя. Таким образом, лозунг «поражение своего правительства» развязывал революционную инициативу пролетариев всех воюющих стран, которые должны были в любой ситуации стремиться к достижению главной цели — победе над эксплуататорами в интернациональном масштабе.

Лозунг же «ни побед, ни поражений» обрекал пролетариат на пассивное выжидание прекращения военных действий, лишал его возможности использовать революционный кризис, вызванный войной, для борьбы с буржуазным правительством. «Этот лозунг, если вдуматься в него, — писал Ленин, — означает «гражданский мир», отказ от классовой борьбы угнетенного класса во всех воюющих странах... Кто признает лозунг «ни побед, ни поражений», тот лишь лицемерно может стоять за классовую борьбу, за «разрыв гражданского мира», тот *на деле* отрекается от самостоятельной, пролетарской политики, подчиняя пролетариат всех воюющих стран задаче *вполне буржуазной*: охранять от поражений данные империалистские правительства»¹.

Не случайно поэтому сторонники лозунга «ни побед, ни поражений» так же, как и явные социал-патриоты, с охотой откликнулись на призыв к участию в так называемых рабочих группах военно-промышленных комитетов, которые буржуазия создавала для установления «гражданского мира» в условиях мировой войны. Троцкий активно поддерживал меньшевиков, призывавших рабочих направить своих представителей в эти группы, чтобы помогать царскому правительству укреплять оборонную мощь государства.

На словах Троцкий отмежевывался от явных сторонников идеи «защиты отечества». На деле же, выступая против ис-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 289—290.

пользования поражения правящих классов для борьбы с ними, он фактически смыкался с явными социал-шовинистами, ратовавшими за «гражданский мир» в условиях войны. В. И. Ленин прямо называл троцкистско-меньшевистский лозунг «ни побед, ни поражений» перефразировкой лозунга защиты отечества¹. «Сторонники лозунга «ни побед, ни поражений», — писал он в статье «О поражении своего правительства в империалистической войне», посвященной разоблачению Троцкого и его единомышленников, — фактически стоят на стороне буржуазии и оппортунистов, «не веря» в возможность интернациональных революционных действий рабочего класса против своих правительств, не желая помогать развитию таких действий...»² «Защитники победы своего правительства в данной войне, как и защитники лозунга «ни победы, ни поражения», одинаково стоят на точке зрения социал-шовинизма»³, — указывал В. И. Ленин в своем обобщающем труде «Социализм и война».

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 289.

² Там же, стр. 291.

³ Там же, стр. 327.

КРАХ ТРОЦКИСТСКИХ ПОПЫТОК СОРВАТЬ ПОБЕДУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1. ПОБЕДА ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ — ТОРЖЕСТВО ЛЕНИНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ РЕВОЛЮЦИИ

Последовательно революционная политическая линия, которой партия руководствовалась в годы империалистической войны, привела к быстрому росту большевистского влияния в массах. Революционная ситуация в стране конца 1916 — начала 1917 года показала, насколько был прав В. И. Ленин, ориентируя партию на то, что близка решающая битва с царским самодержавием. Февральская революция, покончившая с царизмом, подтвердила правильность всех теоретических и тактических установок большевиков, которые они защищали в принципиальной борьбе с троцкистами и другими «левыми» и правыми оппортунистами.

Трудящиеся массы России, вдохновленные ленинским учением о пролетарской революции, в условиях империалистической войны развязали гражданскую войну против царя и помещиков и в первой же схватке свергли ненавистную монархию. Все, что теоретически обосновал и предсказал В. И. Ленин еще в 1905—1907 годах, осуществилось на практике революционной борьбы пролетариата. В России победила революция, которая была по своим задачам буржуазно-демократической, а по движущим силам и методам проведения — пролетарски-крестьянской. В результате победы этой революции возникло революционное правительство народа — Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, орган революционно-демократической диктатуры пролетариата и передетого в солдатские шинели крестьянства. Начался процесс перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Оправдалось и предвидение В. И. Ленина относительно того, что если в условиях империалистической войны мелко-

буржуазная демократия окажется под влиянием шовинистически настроенной крупной буржуазии и вступит в блок с ней во имя продолжения войны, то победа буржуазно-демократической революции может и не привести к утверждению революционно-демократической диктатуры, а следовательно, и к полному осуществлению программы-минимум РСДРП. Исходя из своего вывода о сближении демократических и социалистических задач пролетариата в эпоху империализма, В. И. Ленин указывал, что даже в этом случае пролетарский авангард развернет борьбу за перерастание демократической революции в социалистическую, которая доведет до конца и чисто демократические преобразования.

Как и предвидел Ленин, мелкая буржуазия, охваченная настроениями так называемого «революционного оборончества», после свержения самодержавия качнулась от союза с пролетариатом, вместе с которым она боролась против царизма, к блоку с шовинистической крупной буржуазией, которая хотя и выступила против царизма, но сделала это исключительно лишь для того, чтобы обеспечить продолжение Россией войны на стороне Антанты и оградить себя от еще более страшного, с точки зрения эксплуататоров, революционного взрыва. Петроградский Совет, во главе которого стояли представители мелкобуржуазных партий, добровольно передал власть в руки буржуазного Временного правительства, препятствовавшего демократическим преобразованиям и проводившего империалистическую политику войны до победного конца.

Борьба против этого правительства стала важнейшей задачей пролетариата. Она углубляла процесс размежевания классовых сил и приближала торжество социалистической революции, которая решила бы и нерешенные задачи демократического переворота, и открыла бы дорогу социалистическому развитию страны.

К выводу о том, что завершен этап буржуазно-демократической революции в России и что на повестке дня — перерастание этой революции в социалистическую, Ленин пришел, как только получил, находясь в эмиграции в Швейцарии, первые известия о свержении царизма. Скупые строчки телеграфных сообщений не давали еще возможности со всей полнотой судить о наличии реальной власти в руках органа революционно-демократической диктатуры — Совета рабочих и солдатских депутатов. Но В. И. Ленин звал партию вперед, к борьбе за диктатуру пролетариата.

Эта новаторская по сравнению с периодом первой русской революции схема перерастания демократического переворота в социалистический была прямым следствием убеждения В. И. Ленина в том, что империалистическая война, положившая начало первому этапу общего кризиса капитализма, предельно приблизила торжество пролетариата во всех странах, в том числе и в России. Глубоко изучив соотношение классовых сил в стране и на мировой арене, В. И. Ленин отчетливо видел, что даже при отсутствии полной победы буржуазно-демократической революции российский пролетариат имеет все возможности для того, чтобы поднять на борьбу за социализм огромное большинство населения и тем самым преодолеть сопротивление не только буржуазии, но и тех мелкобуржуазных элементов, которые не откажутся от поддержки шовинистической политики империалистов.

В знаменитых «Письмах из далека», написанных за границей, В. И. Ленин призывал партию бороться за создание армии социалистической революции, всемерно содействовать размежеванию классовых сил в стране, не оказывать какой-либо поддержки явным шовинистам, разоблачать их пособников, вырывать из-под влияния соглашателей массы трудящихся, четко выделять последовательно революционную линию социалистического пролетариата, не допускать сближения или даже объединения с другими партиями.

Лозунгом революционной мобилизации масс, сплочения их вокруг большевистской партии, реальным средством разоблачения соглашателей — меньшевиков и эсеров — В. И. Ленин считал боевой призыв «Вся власть Советам!». Именно в Советах В. И. Ленин сразу же увидел зародыш новой, подлинно народной власти, которая должна была окончательно утвердиться в результате борьбы пролетариата против буржуазии. Именно с Советами он связывал будущее пролетарского государства, еще до Февральской революции придя к выводу, что не парламентская республика, а республика Советов станет политической формой пролетарской власти в России.

Первое же непосредственное соприкосновение с реальной обстановкой в стране по возвращении из эмиграции, первые же сведения, почерпнутые из большевистской «Правды» еще на пути в Петроград, в Стокгольме, подтвердили правильность выбора той тактики, которую В. И. Ленин наметил за границей. Единственный корректив внесла жизнь в первоначальную ленинскую оценку момента: в России не оказалось единовластия буржуазии, о котором писали буржуазные га-

зеты, а только они и могли беспрепятственно доходить до Женевы. Совет рабочих и солдатских депутатов, который из заграничного «далека» представлялся Ленину лишь зародышем будущей власти рабочих и крестьян, на деле уже пользовался неизмеримо большим авторитетом и влиянием, чем само Временное правительство. Фактически это и была та самая революционно-демократическая диктатура народа, о которой В. И. Ленин писал еще в 1905 году, однако диктатура неразвитая, неполная, добровольно уступившая часть своей власти реакционному правительству буржуазной диктатуры.

Двоевластие было своеобразной, не предусмотренной какими-либо теоретическими схемами чертой русской революции. Наличие реальной власти также и у Совета существенно облегчало борьбу пролетариата за свою диктатуру, расширяя возможности мирного развития революции. Необходимо было возобновиться сосредоточения всей полноты государственной власти в руках уже существовавшей демократической диктатуры народа, с тем чтобы постепенно превратить ее в социалистическую диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства, как это предусматривала ленинская теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Суть новых тактических установок большевиков В. И. Ленин изложил в Апрельских тезисах, которые были одобрены огромным большинством партии.

Против этих тактических установок выступили Каменев, Зиновьев, Рыков и некоторые другие деятели, допускавшие и ранее оппортунистические ошибки. Не видя реальных условий для победы социалистической революции в нашей стране, они, как и меньшевики, связывали возможность этой победы лишь с успешной революцией западноевропейского пролетариата. Выдавая себя за сторонников старой догматически трактуемой предвоенной формулы перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, оппортунисты сознательно искажали ленинское учение в этом вопросе. Они игнорировали научно обоснованный вывод В. И. Ленина о том, что нет и не может быть китайской стены между двумя этапами революции, что после победы первой сразу же начнется процесс ее перерастания во вторую. Они утверждали, что раз наличие власти в руках контрреволюционно настроенной крупной буржуазии препятствует окончательному решению коренных задач буржуазно-демократического переворота, и прежде всего аграрного вопроса, то нечего и думать о переходе к социалистическому этапу революции. Если пролетариат завоеует

власть и начнет социалистические преобразования до решения аграрного вопроса, пророчествовали оппортунисты, то он оттолкнет от себя мелкобуржуазные массы крестьянства и лишится тем самым своего естественного союзника. Выход они видели лишь в том, чтобы способствовать дальнейшему развитию буржуазно-демократической революции, доведению ее до полного решения аграрного вопроса. Отсюда — полуменьшевицское требование блока с мелкобуржуазными элементами, охваченными патриотическим угаром и всецело перешедшими вследствие этого на позиции империалистической буржуазии.

Каменев и его единомышленники не видели тех огромных изменений в расстановке классовых сил, которые произошли внутри страны и за ее пределами после первой русской революции, особенно в условиях мировой войны, ставшей катализатором всех революционных процессов. Оппортунисты не замечали усилившейся классовой дифференциации и поляризации общества, в том числе и крестьянства, явно идеализировали мелкобуржуазную демократию 1917 года, не хотели понять, что под влиянием шовинистических настроений она покинула даже те революционные позиции, которые занимала в 1905—1907 годах. Во имя продолжения империалистической войны мелкая буржуазия и ее партии отказывались от дальнейшей борьбы за полное решение задач буржуазно-демократической революции, откладывали на неопределенный срок решение аграрного вопроса.

Каменев и его сторонники ратовали за сотрудничество с мелкобуржуазными элементами и их партиями, выступали против большевистской тактики, направленной на еще более глубокое размежевание политических сил общества, на формирование надежной политической армии пролетарской революции. Они сеяли в массах необоснованные иллюзии относительно «положительного», «прогрессивного» характера политики мелкобуржуазных «демократических» партий и поддерживаемого ими буржуазного Временного правительства, мешали видеть ее подлинный реакционный смысл. Вместо решительной борьбы с буржуазией и соглашателями они фактически проповедовали меньшевистскую тактику условной поддержки Временного правительства, отвлекали массы от мобилизации своих сил на подготовку к его свержению.

Большевистская партия решительно осудила оторванную от реальной действительности полуменьшевистскую тактику Каменева и его единомышленников. Апрельская конферен-

ция РСДРП(б) утвердила курс на социалистическую революцию. Под лозунгом «Вся власть Советам!» партия развернула борьбу за создание политической армии пролетарской революции, способной одолеть врага, неизмеримо более опасного, чем прогнившее царское самодержавие, — русскую буржуазию и ее международных покровителей.

Смелый призыв В. И. Ленина к социалистической революции в «отсталой» России был встречен в штыки всеми догматическими теоретиками русского и международного оппортунизма. Плеханов, оказавшийся на самом крайнем правом фланге российской социал-демократии, назвал речь В. И. Ленина, в которой излагалась новая стратегическая установка партии, «бредовой». Более осторожные в выражениях политические деятели старались объявить курс на социалистическую революцию авантюрой. Предвосхищая писания Троцкого и современных фальсификаторов истории КПСС об идейном перевооружении большевизма в 1917 году, меньшевики утверждали, что В. И. Ленин будто бы перешел на позиции троцкизма, заимствовал у Троцкого авантюристический лозунг: «без царя, а правительство рабочее».

В. И. Ленин предвидел подобные обвинения. В статьях, написанных в марте — апреле 1917 года, он неоднократно обращался к критике троцкистской теории «перманентной революции», показывая коренную противоположность курса на социалистическую революцию авантюристической троцкистской тактике перепрыгивания через незавершенные этапы общественного развития. В «Письмах о тактике» В. И. Ленин подчеркивал, что если бы большевики выдвинули троцкистский лозунг: «без царя, а правительство рабочее», то им грозила бы «опасность впасть в субъективизм, в желание «перепрыгнуть» через незавершенную — неизжившую еще крестьянского движения — революцию буржуазно-демократического характера к революции социалистической»¹.

«Троцкизм — «без царя, а правительство рабочее», — говорил Ленин на Петроградской общегородской конференции РСДРП(б). — Это неверно. Мелкая буржуазия есть, ее выкинуть нельзя. Но у нее две части. Беднейшая ее часть идет с рабочим классом»².

«Вот если бы мы сказали: «без царя, а диктатура пролетариата», — повторял В. И. Ленин на VII (Апрельской) конфе-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 137.

² Там же, стр. 249.

ренции РСДРП(б), — ну, это был бы скачок через мелкую буржуазию. Но мы говорим: помогай революции через Совет Р. и С. Д.»¹. «Колебания мелкой буржуазии»² — так В. И. Ленин охарактеризовал позицию Троцкого в мартовско-апрельский период. «Быть твердым, как камень, в пролетарской линии против мелкобуржуазных колебаний»³, — к этому призывал он партию.

Фальсифицируя историю, Троцкий сознательно опускал эти и другие подобные же высказывания В. И. Ленина, убедительно свидетельствовавшие о неизменно отрицательном отношении вождя Октября к троцкистской теории «перманентной революции» и в 1917 году.

Троцкий и его единомышленники пытались отождествить курс на социалистическую революцию, выдвинутый в Апрельских тезисах, с лозунгом создания чисто рабочего правительства, который Троцкий защищал в противовес ленинскому учению о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую еще в 1905 году. Троцкисты утверждали и утверждают, что Троцкий своей «перманентной революцией» якобы предвосхитил новый курс большевистской партии, утвержденный Апрельской конференцией РСДРП(б), и что В. И. Ленин в лучшем случае самостоятельно пришел в марте — апреле 1917 года к тем же выводам, которые задолго до того сделал Троцкий. Эту же клеветническую троцкистскую выдумку о мнимом «идейном перевооружении» большевизма усердно пропагандируют современные фальсификаторы истории КПСС, пытающиеся вопреки очевидным фактам доказать, что не ленинизм, а троцкизм был теорией, которой большевистская партия руководствовалась в борьбе за победу Октября.

На самом деле, как видно из вышеприведенных высказываний В. И. Ленина, новая ориентировка партии в мартовско-апрельский период вырабатывалась и утверждалась в непримиримой борьбе не только против меньшевистско-каменевского отрицания того, что буржуазно-демократическая революция в России завершена, но и против троцкистской недооценки значения демократической борьбы как составной части борьбы за социализм, против троцкистского игнорирования роли естественного союзника пролетариата в борьбе за социализм — трудового крестьянства.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 363.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 442.

³ Там же, стр. 441.

Курс на социалистическую революцию, провозглашенный В. И. Лениным, прямо вытекал из его учения о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, созданного еще в годы первой русской революции. В борьбе против явных и скрытых меньшевиков В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что лозунги 1905 года в общем и целом подтвердились в ходе Февральской революции¹. Это был недвусмысленный ответ меньшевикам, а также Троцкому и его явным и скрытым единомышленникам, утверждавшим, что большевистские стратегия и тактика 1905 года оказались несостоятельными в 1917 году.

Вместе с тем В. И. Ленин предупреждал об опасности механического перенесения лозунгов 1905 года в совершенно новые условия 1917 года. (Именно такую ошибку, как известно, допускали Каменев и некоторые другие большевистские деятели, не сумевшие понять своеобразия обстановки, сложившейся в России в результате победы Февральской революции.) В. И. Ленин указывал на необходимость внесения коррективов в стратегию и тактику 1905 года в соответствии с теми установками, которые были выработаны большевистской партией в последующие годы, особенно в условиях мировой войны. В письме Я. Ганецкому от 30 марта 1917 года В. И. Ленин указывал, что стратегия и тактика, которой партия должна руководствоваться в своей борьбе на данном этапе революции, была обоснована в тезисах, опубликованных «Социал-демократом» в октябре 1915 года. «Эти тезисы говорят прямо, ясно, точно, как нам быть при революции в России, говорят за 1½ года до революции.

Эти тезисы замечательно, буквально, подтверждены революцией»².

Именно в этих тезисах В. И. Ленин сформулировал свои выводы о сближении социалистических и демократических задач пролетариата, о необходимости борьбы за социалистическую революцию и в том случае, если шовинистический угар, охвативший мелкую буржуазию в условиях войны, помешает пролетариату добиться полной победы буржуазно-демократической революции (т. е. осуществления программы-минимум РСДРП) в результате свержения царского самодержавия. А ведь эти выводы, как и ленинское учение о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую,

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 133.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 421.

были направлены против троцкизма, утверждались в борьбе с ним.

Троцкий и в 1917 году продолжал придерживаться оппортунистической догмы об отсутствии в России реальных объективных предпосылок социализма. Верность этой догме объединяла всех противников ленинизма, начиная от правых эсеров и кончая правыми и «левыми» оппортунистами в рядах самой РСДРП(б). Далекие от марксизма эсеры вообще отрицали значимость экономических предпосылок социализма, утверждая, что общество легче всего перейдет «из царства капитала в царство труда в странах наиболее капиталистически отсталых»¹. Плеханов считал, что «русский пролетариат далеко еще не созрел для политического господства в стране». Не верил он в готовность к пролетарской революции и западноевропейских рабочих. Мартов и остальные меньшевики заявляли: «Российская революция не может осуществить социалистического преобразования общества, поскольку такое преобразование не началось в передовых капиталистических странах и поскольку в самой России производительные силы стоят на чрезвычайно низкой ступени развития»². Сходных точек зрения придерживались левые меньшевики, вроде Суханова, а также Каменев, Зиновьев и другие оппортунисты в рядах РСДРП(б). Ничем не отличался от них и Троцкий, связывавший возможность пролетарской революции в нашей стране не с наличием объективных предпосылок социализма в России, а исключительно лишь с собственным субъективным представлением о фатальной неизбежности скорой победы социалистической революции западноевропейского пролетариата.

В. И. Ленин решительно опровергал эти утверждения противников творческого марксизма. В своей работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (1918 г.) он указывал, что большевики еще задолго до Октябрьской революции говорили народу об объективной готовности страны к социалистической революции³. Если в 80-е годы XIX века, — возражал Ленин Плеханову, — во всей Европе не было еще объективных предпосылок пролетарской революции, то в начале XX века они уже были. Эти объективные предпосылки сло-

---

¹ Цит. по: А. Г. Черныш. В. И. Ленин — историк пролетарской революции в России. М., изд-во «Наука», 1969, стр. 72.

² См.: там же, стр. 31, 33, 64.

³ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 311.

жились и в России¹. «Что в России тоже капитализм стал монополистическим, — писал В. И. Ленин, — об этом «Продуголь», «Продамет», сахарный синдикат и пр. свидетельствуют достаточно наглядно»². Причем, подчеркивал В. И. Ленин, тот же «сахарный синдикат показывает нам воочию перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический...»³. А именно его В. И. Ленин рассматривал в качестве экономического «преддверия» социализма.

Важной объективной предпосылкой близкой социалистической революции в России В. И. Ленин считал продолжение буржуазией империалистической войны, вызывавшей растущее недовольство капитализмом народных масс. Высокая степень демократизации общественной жизни страны, влияние и авторитет органов власти народа — Советов также рассматривались В. И. Лениным в качестве важнейшего благоприятного условия победы пролетарской революции в России.

Ленинский анализ объективных предпосылок социалистической революции лишний раз показывал несостоятельность теории «перманентной революции», которую Троцкий упорно пытался противопоставить ленинизму.

Тщетно пытаюсь найти «общее» между троцкизмом и ленинизмом, пропагандисты троцкизма утверждали и утверждают, что так как В. И. Ленин в 1905 году решительно выступал против лозунга «рабочего правительства», защищавшегося Парвусом и Троцким, а в 1917 году сам призвал к диктатуре пролетариата, то, следовательно, несмотря на различие исходных теоретических позиций, окончательные выводы ленинской и троцкистской концепций революции «совпали». Этим они объясняют мнимое сближение Ленина и Троцкого в 1917 году, «завершившееся» вступлением Троцкого в большевистскую партию. На самом же деле никакого реального содержания в подобного рода измышлениях нет.

Выше уже отмечалось, что Троцкий относил свою формулу, по существу, к первому, т. е. демократическому этапу революции, который он волюнтаристски отождествлял с социалистическим. В. И. Ленин же выдвинул лозунг диктатуры пролетариата лишь применительно ко второму, социалистическому этапу. В этом отчетливо проявилось отличие ленинского революционного реализма от троцкистского авантюризма.

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 303; А. Г. Черныш. В. И. Ленин — историк пролетарской революции в России, стр. 36.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 191.

³ Там же.

В. И. Ленин считал, что пролетарская революция должна начаться на почве уже осуществившейся буржуазно-демократической революции. Не отвергать, а, наоборот, защищать, закреплять и развивать завоеванное народом в феврале — в этом В. И. Ленин видел смысл и главное содержание процесса дальнейшего развития революции от одного этапа к другому. Он постоянно предостерегал от забегания вперед, против попыток немедленного «введения» социализма. Разоблачая клевету буржуазии и ее прихвостней, обвинявших большевиков в развертывании гражданской войны, В. И. Ленин указывал, что процесс перерастания революции ведет к дальнейшему углублению и закреплению демократического переворота, так как последовательная демократия в эпоху империализма неотделима от социализма.

По мысли В. И. Ленина, полная демократизация общественной жизни, радикальное решение аграрного вопроса, ограничение власти империалистических монополий и другие демократические преобразования были бы и первыми шагами на пути к социализму, свидетельством успешно начавшегося перерастания демократической революции в социалистическую.

Такой же диалектический подход был характерен для В. И. Ленина и при решении вопроса о характере политической власти, утверждающейся в процессе перерастания демократической революции в социалистическую.

В. И. Ленин стоял за передачу власти в руки реально существующего Совета рабочих и солдатских депутатов, являвшегося политическим выражением демократического блока рабочих и крестьян, который в интересах пролетарской революции предстояло преобразовать в социалистический блок. В. И. Ленин указывал, что именно полновластие Совета — органа демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, будущее которой — диктатура пролетариата, как раз и должно было обеспечить наиболее быстрое и безболезненное развитие революции по социалистическому пути. Лозунг «Вся власть Советам!» В. И. Ленин считал приемлемым при любом повороте событий: «...и на случай, что Россия переживет еще особую, самостоятельную, не подчиненную буржуазии «диктатуру пролетариата и крестьянства», и на случай, что мелкая буржуазия не сумеет оторваться от буржуазии и будет вечно (т. е. до социализма) колебаться между нею и нами»¹. С точ-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 141.

ки зрения В. И. Ленина, Советы, пользующиеся поддержкой большинства народа, — высшее выражение демократизма русской революции. Вследствие этого они являются такой формой правления, которая «представляет первые шаги к социализму и неизбежна в начале социалистического общества»¹.

Троцкий же недооценивал революционную роль существовавших Советов. Он выступал за создание какого-то особого, «чисто рабочего» правительства, противостоящего и буржуазному Временному правительству, и поддерживающему его соглашательскому Совету. В этом проявилось характерное для троцкизма неверие в возможность использования широчайшей народной демократии, олицетворением которой были Советы, в интересах социализма. Подобно другим оппортунистам, Троцкий считал, что пролетарская революция в России может произойти только в «чистом» виде, т. е. без участия и даже вопреки воле преобладающего в стране крестьянства. Руководствуясь обветшалыми догмами оппортунистических лидеров II Интернационала, Троцкий, как и другие оппортунисты, предполагал, что лишь в результате интенсивного развития капитализма в сельском хозяйстве после решения аграрного вопроса буржуазно-демократической революцией в России появится надежный союзник промышленного рабочего класса — сельскохозяйственный пролетариат — и только тогда социалистической революции будет обеспечена поддержка большинства населения. Именно после этого в России, с точки зрения Троцкого, и стало бы возможным утверждение подлинной пролетарской демократии как власти большинства народа.

Враги ленинизма сознательно закрывали глаза на то, что в стране уже был многомиллионный союзник пролетариата, способный поддержать его борьбу за социализм. Это была преобладавшая в стране крестьянская беднота, численно выросшая за годы столыпинской реформы и особенно в условиях мировой войны и доведенная буквально до отчаяния военными тяготами, зверской эксплуатацией со стороны капиталистов и помещиков и антинародной политикой буржуазного Временного правительства. Десятки миллионов крестьян-бедняков, значительная часть которых была к тому же вооружена и организована в воинских подразделениях, представляли собой грозную силу, поднимавшуюся на борьбу не только против помещиков, но и против империалистической буржуазии и ее прихвостней.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 356.

Именно эту грозную силу и имел в виду В. И. Ленин, не устанно подчеркивая, что в России пролетарская власть может существовать лишь в виде революционной диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства. На усиление классовой борьбы в деревне, на ускорение процесса отделения пролетарской и полупролетарской части крестьянства от охваченных «патриотическим угаром» кулацких и наиболее состоятельных середняцких элементов и ориентировала аграрная часть Апрельских тезисов, сформулированная «с учетом нового явления: более глубокого раскола батраков и беднейших крестьян с крестьянами-хозяевами»¹.

Наличие у социалистического пролетариата надежного союзника в лице беднейшего крестьянства упорно не признавали и Каменев и Троцкий. Единственное различие их точек зрения состояло только в том, что «левый» авантюрист Троцкий считал, что российский пролетариат и не нуждается в таком союзнике, так как все равно без помощи европейского пролетариата русская революция не устоит перед объединенным натиском внутренней и внешней контрреволюции. А правый оппортунист Каменев, не веривший в скорую победу и мировой пролетарской революции, предлагал во имя сохранения «добрых отношений» с мелкобуржуазным крестьянством вообще отказаться от курса на социалистическую революцию.

Не допуская возможности создания подлинно демократической пролетарской власти в стране, Троцкий в конечном счете отрицал и подлинно социалистический характер «рабочего правительства», к созданию которого призывал. Не веря в возможность подлинно социалистической революции в России, Троцкий утверждал, что «антидемократическая» диктатура пролетариата в нашей стране до победы мировой пролетарской революции должна ограничить себя осуществлением чисто демократических задач. Только при этом условии она «сможет продержаться», т. е. обеспечить себе поддержку большинства народа и приобрести подлинно демократический характер. В 1928 году, оказавшись уже вне рядов партии, он откровенно писал в статье «Проект программы Коминтерна. Критика основных положений»: «Разве Россия созрела для социализма? ... Нет. Она созрела для диктатуры пролетариата как единственного метода разрешения неотложных национальных (т. е. чисто демократических. — Авт.) проблем».

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 136.

С точки зрения Троцкого, диктатура пролетариата, «рождающаяся в отсталой стране в результате пролетарской революции», тождественна той власти, которая, по мысли В. И. Ленина, должна была прийти на смену самодержавному строю в результате полной победы буржуазно-демократической революции, т. е. демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. В 1928 году, отвечая Радеку, Троцкий так и писал в статье «Перманентная революция и линия Ленина»: «Большевистский лозунг (демократической диктатуры. — Авт.) действительно осуществился... Только осуществился не до Октября, а после Октября». И вывод, который следовал из этой посылки: в октябре 1917 года «произошло осуществление демократической революции»¹, т. е. пролетарская революция, которая победила в России, была по своим задачам не социалистической, а всего лишь демократической. Эта чудовищная, меньшевистская в своей основе клевета на Октябрьскую революцию, положившую начало новой эре в истории человечества — эре социализма, — полностью разоблачает Троцкого как ярого оппортуниста, противника ленинского курса на социалистическую революцию.

Хотя Троцкий из тактических соображений открыто не посмел сразу же солидаризироваться с явными противниками ленинского курса на подлинную социалистическую революцию, все его поведение в 1917-м и в последующие годы показывает, что он яростно боролся против этого курса, пытался навязать партии и рабочему классу свои авантюристические установки по коренным вопросам политической стратегии и тактики.

Основные факты, характеризующие борьбу В. И. Ленина против троцкизма в период подготовки и проведения Октябрьской революции, достаточно полно освещены в советской исторической литературе. Они не оставляют сомнения в том, что у Троцкого была своя политическая линия, которую он тщательнее пытался противопоставить ленинской и которая сблизжала его позицию с точкой зрения не только «штрейкбрехеров Октября» Каменева, Зиновьева и других, но и с точкой зрения бывших его друзей по партии меньшевиков.

Троцкий вернулся в Россию (в мае 1917 г.) как решительный противник большевиков. Но «растворяться» в меньшевистской организации, уже имевшей своих признанных вождей да к тому же переживавшей серьезный кризис, он не

¹ «Пролетарская революция», 1929, № 10, стр. 8, 11.

захотел. Так Троцкий стал членом «Межрайонки» — социал-демократической организации, стоявшей на примиренческих позициях в борьбе между большевиками и меньшевиками. С этой организацией Троцкий поддерживал связи еще до войны. В нее до приезда Троцкого вступили некоторые из его бывших сотрудников по «внефракционным» заграничным изданиям, в том числе по газете «Наше слово».

«Межрайонка» (Межрайонная объединенная организация РСДРП) возникла в Петербурге в 1913 году, после исключения из партии меньшевиков-ликвидаторов, отзовистов и троцкистов. Она включила в себя часть большевиков-примиренцев, меньшевиков-партийцев, впередовцев и других социал-демократов, выступавших под флагом «внефракционности» и борющихся на деле против решений Пражской конференции РСДРП, за «объединение» партии, т. е. за возвращение в нее явных ликвидаторов и раскольников. В годы первой мировой войны межрайонцы проводили в основном интернационалистскую политику, но, осуждая оборонцев, они вместе с тем не желали полностью порвать с ними. После победы Февральской революции, по мере того как события все больше разоблачали контрреволюционную суть оборончества меньшевиков, межрайонцы стали быстро сближаться с большевиками. Возникли предпосылки для полного слияния этой социал-демократической организации, насчитывавшей в своих рядах около 4 тыс. членов, с РСДРП(б). «Политические резолюции межрайонцев, — писал В. И. Ленин 18 мая в «Правде», — в основном взяли правильную линию разрыва с оборонцами.

При таких условиях какое бы то ни было дробление сил, с нашей точки зрения, ничем оправдать нельзя»¹.

Впоследствии Троцкий уверял, что вступил в «Межрайонку» чуть ли не по личному указанию В. И. Ленина, чтобы «привести» ее к большевикам. Но из документов и воспоминаний деятелей «Межрайонки» видно, что Троцкий не только не способствовал сближению этой организации с большевиками, но, наоборот, всячески ему препятствовал. На общегородской конференции «Межрайонки» 10 мая 1917 года В. И. Ленин выдвинул конкретный план объединения этой организации с большевиками. Однако конференция под влиянием Троцкого не приняла этого предложения. Возражая Ленину, Троцкий заявил, что «большевики разбошевичились» и что поэтому он, Троцкий, не может называть себя больше-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 113.

виком. «Признания б[ольшеви]зма требовать от нас нельзя»¹, — говорил Троцкий. Выдавая себя за поборника единства социал-демократов интернационалистов, он требовал на конференции созыва объединительного съезда, в котором бы участвовали не только большевики и межрайонцы, но и явные меньшевики. Троцкий стоял за «объединение» партии не на большевистской, ленинской, а на троцкистской основе².

Однако, несмотря на все усилия Троцкого и его немногочисленных единомышленников, лучшая часть межрайонцев вливалась в ряды большевистской партии. Троцкий старался затормозить этот процесс. Когда в РСДРП(б) вступил Г. Мельничанский, бывший сотрудник Троцкого по эмигрантским изданиям, последний, встретив Мельничанского на I Всероссийском съезде Советов, отвел его в сторону и стал упрекать за то, что тот «поторопился связаться с большевиками». «Вы не знаете режима Ильича, — сказал Троцкий. — Ильич не терпит инакомыслящих»³. На самом съезде Советов действовала самостоятельная фракция межрайонцев, от которой Троцкий и был избран в состав ЦИК.

После июльской демонстрации Троцкий, будучи арестован Временным правительством, в своих показаниях на следствии всячески отмежевывался от большевиков, заявляя, что поддерживал связь только с одним большевистским деятелем — мужем своей сестры Каменевым.

Сохранилось воспоминание очевидца о поведении Троцкого в тюрьме. Автор этого воспоминания ставил целью не разоблачить, а возвеличить Троцкого, изобразить его героем. Но даже и он свидетельствует, что Троцкий своим поведением в тюрьме всячески отделял себя от большевиков. Когда арестованные большевики решили совместно объявить голодовку, добиваясь удовлетворения своих требований, Троцкий отказался присоединиться к ней, заявив, что она ни к чему не приведет. В действительности же голодовка, несмотря на штрейкбрежское поведение Троцкого, привела к значительному облегчению условий заключения. Большевикам даже разрешили свободно ходить по тюрьме, их запирали в камерах только на ночь⁴.

Пока Троцкий находился в тюрьме, оставшиеся на свободе

¹ Ленинский сборник IV, стр. 303.

² См.: Н. В. Рубан. Октябрьская революция и крах меньшевизма. Политиздат, 1968, стр. 243.

³ См.: За ленинизм. Сб. ГИЗ, 1925, стр. 430—431.

⁴ См.: «Пролетарская революция», 1923, № 10, стр. 141—147.

руководители «Межрайонки» договорились с большевиками о вступлении своей организации в РСДРП(б). Из воспоминаний известно, что Троцкий настаивал на том, чтобы «Межрайонка» сохранила свою автономию, организационную самостоятельность в РСДРП(б). Троцкий запугивал межрайонцев мнимым диктаторством Ленина, убеждал их влиться в большевистскую партию в качестве компактной группы, не растворяясь в среде большевиков¹. Настаивал на этом Троцкий потому, что хотел сохранить в рядах большевистской партии собственную политическую организацию, с помощью которой он мог бы вести фракционную борьбу против В. И. Ленина.

Как известно, межрайонцы, многие из которых честно и все более тесно сотрудничали с большевиками, не пошли за Троцким. Влившись в РСДРП(б) на ее VI съезде, «Межрайонка» растворилась в большевистской партии. Но Троцкий с первых же дней своего пребывания в РСДРП(б) старался создать в ее рядах свою тайную организацию — троцкистскую фракцию, которая вобрала бы в себя всех противников Ленина и стала бы опорной базой в борьбе против ленинского большинства партии.

Вступление Троцкого в РСДРП(б) сравнимо с действиями Бакунина, который создал в рядах Международного товарищества рабочих (I Интернационала) заговорщическую организацию — Альянс социалистической демократии. Как известно, Бакунин использовал ее, чтобы с помощью своих единомышленников развернуть интриганскую раскольническую борьбу против основателей I Интернационала К. Маркса и Ф. Энгельса.

По договоренности, достигнутой в процессе подготовки к VI съезду РСДРП(б), в число членов будущего ЦК партии решено было включить двух межрайонцев (по воспоминаниям Г. Мельничанского, В. И. Ленин считал достаточным и одного)². Наряду с М. С. Урицким от бывшей «Межрайонки» в состав ЦК вошел и Троцкий, как наиболее известный деятель этой организации. Так Троцкий, не присутствуя лично на VI съезде РСДРП(б), стал членом и большевистской партии и ее ЦК.

Многие межрайонцы, принятые в большевистскую партию VI съездом РСДРП(б), до конца своей жизни оставались преданными идеям революции. Это В. А. Антонов-Овсеенко, В. Во-

¹ См.: За ленинизм, стр. 481.

² См. там же.

лодарский, примкнувшие к большевикам еще до VI съезда РСДРП(б), А. В. Луначарский, Д. З. Мануильский, М. С. Урицкий, Г. И. Чудновский, К. К. Юренев, М. К. Владимиров, вожак молодежи Вася Алексеев и другие. «...В момент завоевания власти и создания Советской республики, большевизм оказался единым, он привлек к себе все лучшее из близких ему течений социалистической мысли»¹.

Но Троцкий как был, так и остался ярким оппортунистом, убежденным противником ленинской политики и теории большевистской партии. Присоединение его к большевикам было чисто формальным, вынужденным тактическим маневром. В условиях, когда «Межрайонка», на которую он возлагал большие надежды, как на зародыш новой, троцкистской политической партии, полностью признала правоту ленинцев и искренне присоединилась к ним, Троцкий, боясь потерять свои связи и влияние, также вынужден был вступить в большевистскую партию, чтобы снова не оказаться в положении одиночки, оторванного от масс политика, далекого от революционеров-большевиков, но и не решающегося открыто присоединиться к явным предателям революции — меньшевикам и эсерам.

В нашей литературе, посвященной истории Октября, нередко встречаются утверждения о том, что, вступив в большевистскую партию, Троцкий якобы «на словах признал правоту большевизма». В частности, такое утверждение содержится в недавно вышедшем капитальном труде академика И. И. Минца². На самом деле Троцкий никогда не делал даже словесного заявления о признании правоты большевизма. Он, правда, признавал, что в историческом споре между большевиками и меньшевиками победу одержали большевики. Окончательно разорвав с оборонцами, Троцкий и сам не жалел самых нелестных эпитетов, чтобы заклеить своих недавних союзников по меньшевистской партии, окончательно дискредитировавшей себя в глазах трудящихся масс.

В. И. Ленин и большевики использовали для дела революции антименьшевистские филиппики вчерашнего меньшевика Троцкого. После победы Октябрьского вооруженного восстания, когда штрейкбрехеры Октября — Каменев, Зиновьев и их единомышленники — заняли по отношению к меньшевикам явно примиренческую позицию, В. И. Ленин даже ставил им

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 216.

² См.: И. И. Минц. История Великого Октября, т. 2. М, изд-во «Наука», 1968, стр. 692.

в пример Троцкого, который, сам будучи в свое время меньшевиком, порвал со своими недавними политическими союзниками.

В первые годы Советской власти Троцкий написал несколько статей и брошюр, в которых остро, со знанием дела критиковал антисоветскую платформу русских меньшевиков и их зарубежных покровителей вроде Каутского. Участие Троцкого в этот период в борьбе против явных врагов Советской власти — контрреволюционеров-меньшевиков и объясняет, в частности, тот факт, что партия доверяла ему высокие посты в своем ЦК и Советском правительстве.

Однако, осуждая (на словах, конечно) меньшевизм и оппортунизм западноевропейских социал-демократов, Троцкий никогда даже формально ни единым словом не обмолвился об исторической правоте большевизма в борьбе, которую партия вела против худшей разновидности меньшевизма — троцкизма. Наоборот, свою деятельность в рядах большевистской партии он посвятил тому, чтобы доказать недоказуемое, а именно: что не Троцкий и его немногочисленные единомышленники примкнули к Ленину, ленинизму, а, наоборот, якобы Ленин и большевистская партия «пришли» к Троцкому.

Настойчивое стремление к реабилитации теории и тактики дореволюционного троцкизма лишний раз показывало неискренность словесных признаний Троцким правоты большевизма в историческом споре с меньшевиками. Отмежевываясь от последних, Троцкий преследовал чисто тактические цели, стараясь таким образом притупить бдительность большевистской партии и навязать ей в качестве руководящей теории все тот же мелкобуржуазный по своей природе меньшевизм, но обильно прикрываемый для видимости «ультрареволюционной» и просто демагогической троцкистской фразеологией.

Разумеется, лидеры меньшевистской партии и западноевропейских правых социал-демократов не очень-то жаловали перебежчика Троцкого как личность, но как политической фигуре, облегчающей проникновение оппортунистических взглядов в среду большевиков, воздавали должное. Недавнюю близость Троцкого к меньшевикам пытались использовать в своих антипартийных целях и те большевистские деятели, которые оказались накануне Октября по сути дела на полуменьшевистских позициях.

Троцкий вышел из тюрьмы в начале сентября 1917 года, сразу после провала контрреволюционного заговора Корнилова. Как известно, В. И. Ленина в Петрограде тогда не было.

Этим пытался воспользоваться зять Троцкого Каменев для того, чтобы упрочить позицию своего шурина в партии. Ведь Каменева и Троцкого объединяло не только родство, но и общность полуменьшевистских взглядов на сущность и перспективы новой революции, назревавшей в России. Оба они не верили в социалистический характер этой революции, считали, что социализм в Россию может прийти только с Запада.

Каменев занимал примиренческую позицию по отношению к Троцкому и другим разрушителям партии после поражения первой русской революции. В годы империалистической войны он опозорил себя трусливым поведением на процессе думской большевистской фракции, отмежевавшись от основных большевистских лозунгов: превращения войны империалистической в войну гражданскую и поражения своего правительства в империалистической войне. Каменев тогда явно солидаризировался с полуоборонческими лозунгами, которые защищал Троцкий и другие центристы: «мир во что бы то ни стало» и «ни побед, ни поражений». После победы Февральской революции Каменев, вернувшись из ссылки в Петроград, стал решительным противником ленинского курса на социалистическую революцию, яростно боролся против принятия партией ленинских Апрельских тезисов, выступал за поддержку Временного правительства и его оборонческой политики.

Оппортунистическую линию Каменев продолжал отстаивать и после VI съезда РСДРП(б). В результате разгрома корниловщины возникла благоприятная ситуация для того, чтобы до минимума свести влияние соглашателей в Петроградском Совете и целиком сосредоточить руководство им у большевиков. Однако Каменев, пытавшийся в отсутствие Ленина в Петрограде играть активную роль в ЦК РСДРП(б), навязывал партии губительную для дела революции тактику сотрудничества с изменническими лидерами соглашательских партий. Вместе с Зиновьевым он отстаивал идею избрания нового президиума Петроградского Совета «на началах пропорциональности», т. е. при сохранении значительного количества мест за меньшевиками и эсерами. За «честную коалицию» с эсерами и меньшевиками в Петроградском Совете выступал и Троцкий, который даже в самый разгар Октябрьского вооруженного восстания выражал надежду на то, что Дан и ему подобные вскоре будут в «наших рядах».

В. И. Ленин, узнав о решении ЦК, высказавшегося за избрание президиума Совета «на началах пропорциональности»,

резко осудил это решение. В. И. Ленин считал, что большевики должны и могли сформировать президиум Петросовета в чисто большевистском составе. «Никогда ничего путного революционный пролетариат в Совете, — указывал Ленин, — не сделает при таком пропорциональном допущении господ Церетели»¹.

По инициативе Каменева Троцкий был рекомендован на пост председателя Петросовета. Так за месяц до вооруженного восстания он оказался на посту, пребывание на котором, казалось бы, автоматически гарантировало ему определенную популярность и известность в массах. Но о том, какова была на самом деле эта популярность, свидетельствует живая картина, запечатленная Дж. Ридом:

«Однажды, придя в Смольный, я увидел впереди себя у внешних ворот Троцкого с женой. Их задержал часовой. Троцкий рылся по всем карманам, но никак не мог найти пропуска.

«Неважно, — сказал он наконец, — вы меня знаете. Моя фамилия Троцкий».

«Где пропуск? — упрямо ответил солдат. — Прохода нет, никаких я фамилий не знаю».

«Да я председатель Петроградского Совета».

«Ну, — отвечал солдат, — уж если вы такое важное лицо, так должна же у вас быть хотя бы маленькая бумажка».

Троцкий был терпелив. «Пропустите меня к коменданту», — говорил он. Солдат колебался и ворчал о том, что нечего беспокоить коменданта ради всякого проходящего. Но наконец он кивком головы подозвал разводящего. Троцкий изложил ему свое дело. «Моя фамилия Троцкий», — говорил он.

„Троцкий... — разводящий почесал в затылке, — слышал я где-то имя... — медленно проговорил он. — Ну, ладно, проходите, товарищ“².

Ясно, что никакой особой популярностью Троцкий в Октябрьские дни не пользовался. Да этого и не могло быть, так как подлинная популярность в народных массах завоевывается не ответственными постами и не громкими словами, мастером которых был Троцкий, а практическими делами. А их-то никогда не было в активе избегавшего повседневной черновой работы фразера Троцкого.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 254.

² Дж. Рид. Десять дней, которые потрясли мир. Госполитиздат, 1959, стр. 61.

Вся деятельность Троцкого на посту председателя Петроградского Совета свелась к произнесению нередко ярких по форме, но весьма поверхностных по содержанию и всегда путаных по смыслу речей. Даже в канун восстания Троцкий предпочитал только говорить. Он непрестанно находился на заседаниях. По свидетельству того же Дж. Рида, он говорил по 6, по 8, по 12 часов в день¹. Ясно, что при такой ораторской нагрузке времени на организацию практических дел у него просто не оставалось.

Троцкий вместе с Л. Каменевым, Г. Федоровым и А. Рыковым, членами президиума Петросовета от большевистской партии, фактически развалили работу Исполкома Петроградского Совета. 21 октября 1917 года ЦК РСДРП(б) специально обсудил вопрос об Исполкоме Петроградского Совета. Ф. Э. Дзержинский доложил «о полной дезорганизации в Исполнительном комитете» и предложил обязать всех большевиков — членов Исполкома — или работать в нем, «или же выйти из него»². Для усиления работы Исполкома было решено направить туда дополнительно еще десять видных большевиков, в том числе В. Володарского, Ф. Э. Дзержинского, И. В. Сталина и других.

Фальсификаторы истории утверждают, что в дни Октябрьского вооруженного восстания Троцкий якобы был председателем Петроградского ВРК. Однако факты свидетельствуют о другом. И. И. Минц в своей монографии убедительно показал, что «Троцкий ни одной минуты не был председателем ВРК — ни до, ни во время, ни после восстания... и никакого активного участия в его работе не принимал»³.

Как известно, Троцкий не был введен Центральным Комитетом, заседавшим 16 октября 1917 года под председательством В. И. Ленина, в состав партийного центра ВРК, который проводил линию ЦК партии в Военно-революционном комитете. Членами этого центра являлись члены ЦК А. С. Бубнов, Ф. Э. Дзержинский, Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, М. С. Урицкий. Как справедливо отмечал И. В. Сталин в 1924 году, Троцкий, человек сравнительно новый в партии, и не мог быть введен в состав этого центра⁴.

Впоследствии, фальсифицируя историю Октября, Троцкий

¹ Дж. Рид. Десять дней, которые потрясли мир, стр. 76.

² Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). М., Госполитиздат, 1958, стр. 117.

³ И. И. Минц. История Великого Октября, т. 2, стр. 1007.

⁴ См.: И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 329.

утверждал, что на протяжении всего периода подготовки победоносной пролетарской революции В. И. Ленин, чуть ли не в одиночку, вел тяжелую борьбу против якобы чрезвычайно влиятельного правого крыла Центрального Комитета партии, которое возглавляли Каменев и Зиновьев. Эта клевета потребовалась Троцкому прежде всего для того, чтобы дискредитировать ленинский ЦК, изобразить его стоявшим в ответственной исторический момент на оппортунистических позициях. Троцкий стремился также извратить роль самого В. И. Ленина, представить его одиночкой, оторванным от руководящего штаба партии заговорщиком, опиравшимся в революции не столько на поддержку партии и масс, сколько на собственную энергию и волю, диктатором, не желавшим считаться с мнением других членов руководящего коллектива. Изображая таким образом В. И. Ленина, Троцкий пытался оправдать собственное нежелание признавать партийную дисциплину, считаться с мнением партии, прекратить фракционную борьбу в рядах РКП(б).

В наши дни эти клеветнические утверждения Троцкого охотно повторяют правые и «левые» ревизионисты, выступающие против единства коммунистических партий. В частности, Ф. Марек и исключенный из КП Австрии Э. Фишер в своей книге «Что действительно говорил Ленин», совершая явный плагиат у Троцкого, утверждают, что в 1917 году «Ленин в решающие дни и часы нередко не считался с большинством». Так якобы было после его приезда в Петроград 3 апреля 1917 года, когда он провозгласил переход от буржуазной к социалистической революции, и перед вооруженным восстанием в октябре 1917 года. С помощью таких «аргументов», заимствованных у Троцкого, а также Суханова и других меньшевиков, современные ревизионисты пытаются изобразить Ленина чуть ли не противником монолитного единства рядов партии и тем самым оправдать собственное раскольническое поведение в рядах коммунистического движения.

На самом деле, как показывают бесспорные исторические факты, В. И. Ленин всегда опирался на мнение ЦК, большинства партии. Его знаменитые Апрельские тезисы были с большим единодушием одобрены I Петроградской общегородской конференцией РСДРП(б), а затем и VII Всероссийской конференцией РСДРП(б). Резолюции В. И. Ленина о вооруженном восстании собрали свыше $\frac{4}{5}$ голосов членов ЦК на исторических заседаниях ЦК РСДРП(б) 10 и 16 октября 1917 года. Именно эти реальные факты и объясняют, справедливо отме-

чает автор рецензии на книгу Ф. Марека и Э. Фишера Э. Виммер, почему «нам не приходится задавать вопрос о том, благодаря какому сверхъестественному чуду оказалось возможным привести восстание к победе, не считаясь при его проведении с «большинством» партии»¹.

Преувеличивая влияние правых оппортунистов в ЦК, Троцкий пытался выпятить собственную личность, приписать себе мнимые заслуги в борьбе против людей, которые фактически были его единомышленниками. Если Ленин и вышел победителем в этой борьбе, уверял Троцкий, то только благодаря тому, что во всем следовал советам Троцкого и постоянно опирался на его помощь. В изображении Троцкого выступления большевиков против Временного правительства были «неудачными» в апреле, июне и июле 1917 года, когда Троцкий не входил в состав большевистского ЦК. И, наоборот, они стали удачными, когда с сентября 1917 года Троцкий принимал участие в работе ЦК РСДРП(б). На самом же деле именно эти «неудачные», с точки зрения Троцкого, выступления большевиков и подготовили победу партии в Октябрьские дни.

С помощью совершенно беспочвенной выдумки о влиятельном «правом крыле», к которому Троцкий наряду с Каменевым и Зиновьевым относил чуть ли не всех остальных членов ЦК, и о мнимом совпадении позиций Ленина и Троцкого последний пытался любой ценой замаскировать наличие в революции его собственной антиленинской линии, не менее опасной, чем полуменьшевистская линия Каменева и Зиновьева.

Каменев и Зиновьев считали, что социалистическая революция в России, к которой призывал Ленин, преждевременна. Отсюда их оппортунистическое отрицание необходимости боевой наступательной деятельности партии. Каменев и Зиновьев, как и меньшевики, проповедовали несвойственное пролетариату пассивно-созерцательное отношение к развитию событий, выступали против активного воздействия на создание условий для быстрой победы революции.

Троцкий в отличие от Каменева и Зиновьева допускал возможность близкой пролетарской революции в России. Но все надежды на ее полную победу и дальнейшее развитие он связывал исключительно с торжеством революции западноевропейского пролетариата. Отсюда следовало все то же меньшевистское отрицание необходимости боевой, наступательной деятельности партии рабочего класса, проповедь «революци-

---

¹ «Проблемы мира и социализма», 1969, № 7, стр. 93.

онной» пассивности, авантюристический отказ от кропотливой организаторской работы в массах.

По мнению Троцкого, какие бы усилия ни прилагал рабочий класс России, — все равно они будут тщетными, если в ближайшее время не победит мировая пролетарская революция. Если же мировая революция действительно победит в ближайшее время, то от российского рабочего класса много и не потребуется: ему достаточно лишь поднять знамя революции, сыграть роль толчка, ускорителя революционных процессов во всем мире, а остальное доделает европейский пролетариат.

Не случайно поэтому весь смысл руководства пролетариатом со стороны его авангарда Троцкий видел лишь в том, чтобы... «не сдрейфить» в решающий момент. Эта установка была в корне противоположна ленинскому строго научному подходу к руководству революцией с учетом всех объективных и субъективных условий, которые должен иметь в виду революционный авангард, призывая трудящиеся массы к решающему бою. Она сродни бунтарским концепциям Бакунина и других анархистов, считавших, что революция может начаться в любой момент, достаточно лишь к ней хорошо призвать. Аналогичную анархистско-троцкистскую точку зрения унаследовали маоисты и другие современные «левые» оппортунисты, утверждающие, что революция может начаться в любой момент в зависимости лишь от воли и желания революционного авангарда. Такая авантюристическая тактика, примененная некоторыми подпавшими под влияние маоистов деятелями компартии Индонезии в 1965 году, привела лишь к разгрому этой партии реакцией. Попытка революционного выступления, отмечает Генеральный секретарь ЦК КП Франции В. Роше, «была предпринята в условиях, когда народные массы ничего не знали о происходивших событиях, хотя Ленин учил, что революция должна быть делом самих масс. Поэтому попытка провалилась, и результат ее известен: реакционные силы... получили возможность истребить более 300 тыс. коммунистов и обезглавить партию, которая насчитывала 2 млн. 500 тыс. членов»¹.

И наоборот, во время майско-июньских событий 1968 года во Франции троцкисты и другие «ультралевые» обвиняли коммунистов в «недостатке революционности», демагогически утверждали, что власть «валялась» на улице. На самом деле,

¹ Ленинизм и мировое революционное рабочее движение, стр. 65—66.

как отмечал В. Роше, «вопреки уверениям сторонников левацких тенденций соотношение классовых сил не позволяло включить в повестку дня немедленное установление социалистической власти»¹. И КПФ не поддавалась на провокации «леваков», не дала реакции желаемого предложения для расправы с коммунистами.

Троцкому, который руководствовался характерными для всех «левых» оппортунистов упрощенными представлениями, рассчитанными на примитивное мировоззрение задавленных капиталом мелкобуржуазных масс, был глубоко чужд ленинский диалектический подход к оценке отдельных событий и этапов подготовки к Октябрю. С его точки зрения, пролетариат был готов взять власть в свои руки уже в ходе Февральской революции и на протяжении всего периода с марта по октябрь 1917 года лишь прощупывал силы противника, выбирая наиболее удобный момент для нанесения решающего удара.

Эта троцкистская так называемая «теория разведок», согласно которой пролетарская революция могла начаться в любой момент, независимо от степени организованности, сознательности и готовности к ней ее политической армии, свидетельствовала только о политическом авантюризме Троцкого. Она в корне противоречила ленинской тактике последовательного завоевания на сторону революции все новых и новых масс трудящихся, которая, как известно, и обеспечила блестящий успех вооруженного восстания в октябре 1917 года.

Таким образом, и авантюристическая линия Троцкого, считавшего возможной пролетарскую революцию в любой момент без какой-либо подготовки к ней, и отчетливо оппортунистическая точка зрения Каменева и Зиновьева, вообще отрицавших возможность пролетарской революции в России в ближайшее время, приводили, в конечном счете, к одним и тем же практическим политическим выводам — к отказу от кропотливой организаторской работы в массах, которая только и была в состоянии обеспечить быстрое превращение объективно сложившихся возможностей пролетарской революции в реальную действительность. Так лишний раз подтвердилась правильность ленинских мыслей о том, что «левая» и правая разновидности оппортунизма — это две неразрывно связанные между собой стороны одной и той же медали, что лишь

---

¹ Ленинизм и мировое революционное рабочее движение, стр. 367.

теоретически они противостоят друг другу, а на практике, в повседневной действительности, всегда тесно переплетаются, уживаются, дополняют одна другую, что самая крайняя на словах мелкобуржуазная революционность без каких-либо переходов сменяется таким же крайним, но уже не на словах, а на деле, правым оппортунизмом и, наоборот, правый оппортунизм, прямое соглашательство с буржуазией, капитулянтство перед ней сплошь и рядом рождает «левый» авантюризм.

Совпадение теоретических положений, лежавших в основе концепций революции Каменева, Зиновьева и Троцкого (меньшевистское неверие в возможность победы социализма в России), тождество практических выводов, которые следовали из этих концепций, обусловили не только личную, но и политическую близость этих деятелей. Нет ни одного документа, ни одного воспоминания, которые бы свидетельствовали о наличии каких-либо принципиальных расхождений или споров между ними в 1917 году.

В то время когда Ленин резко критиковал Каменева и Зиновьева, Троцкий предпочитал отмалчиваться, а на деле всячески помогал им. И, наоборот, когда ленинская критика была направлена в адрес Троцкого, сочувствующе молчали Каменев и Зиновьев. Известно, например, что Троцкий был одним из активнейших противников исключения из партии «господ Каменева и Зиновьева», как называл штрейкбрехеров Октября В. И. Ленин. В свою очередь Каменев на заседании ЦК 20 октября демонстративно солидаризировался с заявлением в Петроградском Совете Троцкого, в котором тот открыто сообщал о сроках возможного выступления большевиков, чем не замедлило воспользоваться Временное правительство для организации отпора революции. Отстраненный с партийных постов, решительно осужденный партией Каменев ночь вооруженного восстания провел в смоленском кабинете Троцкого, где, как писал об этом сам Троцкий в книге «Моя жизнь», они оставались в полном одиночестве. Тесный контакт поддерживал Троцкий и с Зиновьевым.

Какая уж тут защита ленинской линии в борьбе против «правого крыла» партии, заслугу которой пытался приписать себе Троцкий! Наоборот, все факты убедительно показывают, что если и были в ЦК люди, поддерживаемые Троцким, то это именно «штрейкбрехеры Октября» Каменев и Зиновьев.

Позиции Троцкого и «штрейкбрехеров Октября», в принципе мало чем отличавшиеся друг от друга, совпадали и в целом ряде частных вопросов. Можно с уверенностью сказать,

что, критикуя Каменева, Зиновьева и явных меньшевиков, В. И. Ленин сплошь и рядом имел в виду антимарксистские установки также и Троцкого. К нему полностью относилась и та резкая критика, которую В. И. Ленин направлял против различного рода авантюристических концепций, сторонником которых также был Троцкий.

Уже Апрельские тезисы, решения VII (Апрельской) конференции РСДРП(б) явились сокрушительным ударом по троцкизму, лишили его возможности спекулировать на законном стремлении масс к скорейшей пролетарской революции. Троцкий, пытавшийся обвинять большевиков в «недостаточной» революционности, даже с точки зрения неискущенного в политике обывателя оказался на подобающем ему как центру месту, где-то между большевиками и меньшевиками.

Чтобы окончательно не лишиться неза заслуженной репутации «сверхреволюционера», которую он старался за собой утвердить, а следовательно — из боязни утратить потенциальную поддержку мелкобуржуазных элементов революционного рабочего движения, способных поддаться влиянию «революционной» троцкистской фразеологии, он совершает головокружительные политические виражи, то пытается занять позицию «слева» от большевиков, то шарахаясь вправо, в объятия явных меньшевиков.

Троцкий вернулся из-за границы в Россию, когда благодаря титанической деятельности В. И. Ленина уже почти окончательно прошел «объединительный угар», охвативший некоторую часть революционно настроенных рабочих, в том числе и отдельных большевиков.

Под впечатлением быстрого успеха Февральской революции даже некоторые большевики стали примиренчески относиться к оппортунистической части российского рабочего движения. Поощряемые антиленинской деятельностью Каменева, который сознательно проводил линию на сближение большевистской партии с явными оппортунистами, считая, что мелкобуржуазная демократия не исчерпала еще своих революционных возможностей, они заявили о необходимости забыть о старых разногласиях с меньшевиками и объединиться с ними в единых партийных организациях. В. И. Ленин решительно выступил против какого-либо объединения с оборотцами и людьми, примиренчески относившимися к ним. «Помоему, главное теперь не дать себя запутать в глупые «объединительные» попытки с социал-патриотами (или, еще опаснее, колеблющимися вроде ОК, Троцкого и К⁰)...» — писал он

А. М. Коллонтай 30 (17) марта 1917 года. «Самая большая опасность, которая угрожает русской революции, — говорил он эмигрантам-большевику в Швейцарии, — это объединение большевиков с меньшевиками»¹.

Троцкий же, наоборот, наряду с Каменевым в большевистской партии и Мартовым в меньшевистской, был одним из вдохновителей широкой кампании за объединение социал-демократических организаций, развернутой примиренцами и явными меньшевиками. Особенно большие надежды он возлагал на группу меньшевиков-интернационалистов, которую возглавляли его старые соратники по борьбе против В. И. Ленина — Мартов и Аксельрод. С помощью меньшевиков-мартовцев он рассчитывал нанести поражение ленинцам и обеспечить себе и своим единомышленникам командные позиции в объединенной партии.

В. И. Ленин решительно воспротивился беспринципному объединению большевиков с меньшевиками-интернационалистами, лишь чисто формально отмежевавшимися от явных оборонцев. Как известно, активное участие меньшевиков в гражданской войне на стороне белых армий против революционного российского пролетариата лишний раз показало, насколько дальновиден и глубоко прав был В. И. Ленин, предостерегая партию от опасности недооценить глубину перерождения меньшевистской партии, перешедшей всецело на службу буржуазии.

Примиренческую позицию Троцкий занимал и по отношению к политике буржуазного Временного правительства. Его первое политическое выступление после возвращения в Петроград из эмиграции в мае 1917 года (на заседании Петроградского Совета) мало чем отличалось по своему содержанию от выступлений явных меньшевиков. Он, по сути дела, молчаливо поддерживал предательское поведение соглашательских партий, представители которых вошли в состав Временного правительства, заявив, что «от коалиционного министерства революция не погибнет».

Позднее, в июне 1917 года, выступая на I Всероссийском съезде Советов, Троцкий пошел еще дальше, находя в деятельности буржуазного Временного правительства даже какие-то положительные черты. Троцкий назвал тогда Временное правительство «примирительной камерой», решающей споры

---

¹ М. Харитонов. Ленин и Февральская революция. «Правда», 12 марта 1927 г.

между буржуазией и народными массами, организованными в Советы.

На самом же деле Временное правительство не было каким-то надклассовым органом. Оно верой и правдой служило буржуазии, чьи интересы последовательно выражало всей своей внешней и внутренней политикой.

Как далека была эта, по сути дела меньшевистская, точка зрения от ясного и определенного ленинского лозунга: «Никакой поддержки Временному правительству!» Ни безоговорочной, ни условной. Ни чисто буржуазному, ни коалиционному.

Примиренческая позиция по отношению к Временному правительству, занятая Троцким и его сторонниками, сеяла иллюзии в массах относительно подлинных целей и характера этого органа диктатуры буржуазии, мешала его разоблачению, затрудняла прояснение классового самосознания пролетариата.

Наряду с этим Троцкий одобрительно относился к разного рода авантюристическим призывам, исходившим от неустойчивых мелкобуржуазных элементов. Так, он положительно оценил выдвинутый Багдаьевым во время апрельской демонстрации ошибочный лозунг «Долой Временное правительство!». Больше того, впоследствии он старался приписать этот лозунг В. И. Ленину, утверждая, будто Ленин хотел с его помощью «прощупать» настроение масс, т. е. осуществить очередную «разведку».

Сам Троцкий в своих «Американских письмах» в марте 1917 года призывал к немедленному учреждению в России революционного рабочего правительства.

На основании трезвого учета реального положения дел в революционном и контрреволюционном лагерях В. И. Ленин решительно осуждал подобные преждевременные призывы к свержению Временного правительства. «...Его нельзя сейчас свергнуть, — указывал он в апреле 1917 года, — ибо оно держится прямым и косвенным, формальным и фактическим соглашением с Советами...

Его вообще нельзя «свергнуть» обычным способом, ибо оно опирается на «поддержку» буржуазии вторым правительством, Советом рабочих депутатов, а это правительство есть единственно возможное революционное правительство, прямо выражающее сознание и волю большинства рабочих и крестьян»¹.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 147.

По инициативе В. И. Ленина ЦК РСДРП(б) осудил авантюристические призывы Багдатьяева и его сторонников. В резолюции ЦК от 22 апреля 1917 года, написанной В. И. Лениным, указывалось: «Лозунг: «Долой Временное правительство» потому не верен сейчас, что без прочного (т. е. сознательного и организованного) большинства народа на стороне революционного пролетариата такой лозунг либо есть фраза, либо объективно сводится к попыткам авантюристического характера»¹.

«Не давайте сбить себя ни мелкобуржуазным «соглашателям» с капиталистами, оборонцам, сторонникам «поддержки», ни одиночкам, склонным торопиться и, раньше прочного сплочения большинства народа, восклицать „долой Временное правительство!“»² — призывал Ленин.

Для правильного понимания истоков троцкистских и иных авантюристических предположений, преследовавших цель искусственного ускорения, «подхлестывания» революционных процессов, важно иметь в виду, что «левак» С. Багдатьяев, подобно правому оппортунисту Каменеву, был явным противником провозглашенного В. И. Лениным курса на социалистическую революцию. Она представлялась ему преждевременной. Лозунг «Долой Временное правительство!» у Багдатьяева означал призыв лишь к завершению буржуазно-демократической революции, которую он считал незаконченной на том основании, что она не привела к созданию «чистой» революционно-демократической диктатуры.

Отражая нетерпение мелкобуржуазных элементов рабочего класса, Багдатьяев и предлагал идти к завершению буржуазно-демократической революции путем немедленного свержения Временного правительства. Выступление Багдатьяева с его «сверхреволюционным» лозунгом было, по существу, актом отчаяния. Буржуазно-демократическая революция казалась ему неосуществившейся, социалистическая — преждевременной, помощь западноевропейского пролетариата — далекой. Отсюда — панический вывод о том, что время работает не на пролетариат, а на буржуазию, укрепляя ее господство. Для того чтобы не дать буржуазии укрепиться еще больше, Багдатьяев и предлагал осуществить немедленное свержение Временного правительства, считая, что у пролетариата для этого пока еще достаточно сил, так как новый переворот должен

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 319.

² Там же, стр. 327.

был, с его точки зрения, происходить в рамках все той же буржуазно-демократической революции, начавшейся при поддержке всего народа, и явиться продолжением и завершением Февральской революции.

Так оппортунистическое неверие в социалистические перспективы русской революции приводило Багдатьяна к явному авантюризму, волюнтаристскому стремлению отождествить объективные процессы общественного развития с субъективными представлениями о них, характерными для мелкобуржуазных революционеров. Откровенный оппортунизм в данном случае порождал явный авантюризм, а «революционное» нетерпение — оппортунистический отказ от борьбы за достижение жизненно важных для пролетариата *социалистических* целей революции. Этот оппортунистический авантюризм лежал в основе и максималистских по видимости предложений Троцкого.

В борьбе против Багдатьяна и других авантюристов В. И. Ленин убедительно показал, что пролетариат может ставить перед собой только такие революционные цели, достижение которых уже подготовлено объективным ходом общественного развития. До Февральской революции задача состояла в свержении царского самодержавия. После Февраля эта цель уже была достигнута. Основной вопрос революции — вопрос о власти — был решен. В этом смысле буржуазно-демократическая революция в России оказалась законченной, хотя десятки других ее важных задач все еще ждали своего решения.

В стране началась перегруппировка классовых сил, делавшая неизбежным новый, социалистический этап революции. Единство большинства народа, порожденное общей борьбой против царского самодержавия, перестало существовать. Для продолжения революции надо было создавать новое единство масс, но уже на социалистической основе, так как дальнейшее развитие революции становилось возможным лишь в направлении к ее второму, социалистическому этапу.

Пролетариат, выполнивший свою миссию руководителя борьбы против самодержавия, стоял лицом к лицу со своим главным историческим противником — буржуазией. Классовая борьба в стране достигла такой ступени развития, когда уже не могло быть и речи о возврате к дофевральскому, антипартийскому единству народных сил. Пролетариат мог идти только вперед — к победоносной социалистической революции, спланивая под ее знаменем новое большинство народа. До тех же пор, пока такое большинство не было создано, вся-

кая попытка свержения Временного правительства, какими бы она лозунгами ни прикрывалась — то ли лозунгами демократического переворота, то ли лозунгами социалистической революции, — неизбежно закончилась бы провалом. Ведь на стороне Временного правительства и поддерживавших его эсеро-меньшевистских Советов пока еще находились гигантские народные массы.

Таким образом, чтобы не впасть в авантюру или в явный оппортунизм, пролетариат и его партия должны были следовать единственно возможным в тех условиях и объективно существовавшим путем — путем перерастания совершившейся буржуазно-демократической революции в социалистическую. Только верность этому пути, указанному В. И. Лениным, надежно гарантировала подлинных революционеров от правооппортунистических и «лево»-авантюристических ошибок, подобных ошибкам Каменева, Багдатьяна и других противников ленинского курса большевиков.

В основе левацких призывов Троцкого также лежало оппортунистическое отрицание ленинского курса на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Как уже отмечалось выше, Троцкий не считал назревавшую пролетарскую революцию в России подлинно социалистической. С его точки зрения, Февральская революция оказалась буржуазно-демократической по своему характеру лишь в силу особых условий, сложившихся в России в результате войны. Троцкий утверждал, что только война превратила в активную силу революции одетое в солдатские шинели крестьянство. Именно «неожиданное» самостоятельное участие в революции крестьянства, организованного в революционную армию якобы не пролетариатом, а империалистической войной, и явилось тем «единственным» коррективом, который жизнь внесла в теорию «перманентной революции». В остальном же, утверждал Троцкий, его теория якобы подтвердилась. Поэтому очередную задачу революции он видел не в переходе ее от буржуазно-демократического этапа к социалистическому, а в доведении до конца начатого в Феврале. Считая, подобно Каменеву и другим оппортунистам, Февральскую революцию незаконченной (в том смысле, что она не привела к осуществлению лозунга «без царя, а правительство рабочее»), Троцкий призывал к ее «завершению». А так как Февральская революция была буржуазно-демократической по своему характеру, то призыв Троцкого к ее «завершению»

был равносителен отказу от курса на социалистическую революцию.

По мнению Троцкого, будущей революции в России предстояло лишь завершить то, чего не удалось достичь в Февральской революции, — создать «чисто» рабочее правительство из представителей социалистических партий. Это правительство, по мысли Троцкого, должно было осуществить демократическое преобразование страны и использовать доставшуюся ему власть для «подстегивания» мировой пролетарской революции, победа которой якобы только и могла гарантировать успешное развитие подлинно социалистической революции в России. Ведущую роль в таком правительстве Троцкий отводил не подлинным революционерам — большевикам, а представителям соглашательских партий. Именно они своей половинчатой политикой должны были обеспечить сохранение буржуазно-демократических рамок революции во имя «единства» народа вплоть до победы мирового пролетариата, поддержка которого заменила бы российскому пролетариату якобы отсутствующих у него иных союзников по социалистическому переустройству России.

Ратуя за свержение Временного правительства и замену его рабочим правительством, Троцкий, как и Багдатов, предполагал, что последнее будет опираться на уже не существовавшее к тому времени «единство» большинства народа, сложившееся на этапе буржуазно-демократической революции. В этом волюнтаристском перенесении черт, присущих прошедшему этапу революции, в характеристику принципиально нового, качественно более высокого этапа революции отчетливо проявился авантюризм троцкистской тактики.

Разоблачая Троцкого, В. И. Ленин убедительно показал, что в России «чисто» рабочее правительство невозможно даже при полной победе пролетарской революции, так как победа эта достижима лишь при поддержке пролетариата многомиллионными массами крестьянской бедноты. Тем более ошибочно было выдвигать лозунг «чисто» рабочего правительства на этапе, когда еще только шла борьба за создание политической армии социалистической революции. В. И. Ленин неоднократно указывал, что из рук Временного правительства власть реально могла перейти только в руки существовавших уже Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, являвшихся в период мирного развития революции органами революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Крестьянство, постоянно подчеркивал В. И. Ленин,

сбрасывать со счетов нельзя. Революционно-демократическая диктатура была политическим оформлением союза пролетариата со всем, а не только с беднейшим крестьянством. Социалистическая диктатура пролетариата, борьба за которую стала первоочередной задачей большевистской партии после свержения самодержавия, означала союз пролетариата именно с беднейшими слоями крестьянства, т. е. тоже с его огромным большинством.

В этой диалектической ленинской схеме развития революции не было и не могло быть места для надуманного, оторванного от реальной действительности троцкистского лозунга «чисто» рабочего правительства.

Троцкий относился по-оппортунистически и к главному тактическому лозунгу большевистской партии «Вся власть Советам!». На словах поддерживая этот лозунг, он давал ему меньшевистскую интерпретацию. Вопреки Ленину, стоявшему за всемерное укрепление союза пролетариата с крестьянством, Троцкий понимал под лозунгом «Вся власть Советам!» призыв к отделению Советов от мелкобуржуазных элементов города и деревни, т. е. прежде всего от крестьянства. В то же время он подменял этот лозунг оппортунистическим требованием создания соглашательского правительства «10 Пешехоновых»¹. Такое правительство должно было, с точки зрения Троцкого, стать тем самым «рабочим правительством», утверждение которого якобы и ознаменовало бы победу пролетарской революции в России.

В требовании создания правительства «10 Пешехоновых» отчетливо проявился меньшевистский характер всей политической платформы троцкизма 1917 года. Это требование отражало примиренческое отношение Троцкого к меньшевикам, недооценку им роли крестьянства, отрицание подлинно социалистического характера пролетарской революции и пролетарской диктатуры в России. Оно обнажило и подлинные истоки авантюризма Троцкого. Создание правительства «10 Пешехоновых» представлялось Троцкому (и в общем-то вполне справедливо) делом не очень трудным. С точки зрения Троцкого, достаточно было небольшого нажима на Временное правительство, даже в ходе чисто парламентских дебатов в Совете, как оно само уступило бы власть правительству «10 Пешехо-

---

¹ Пешехонов А. В. — министр-соглашатель в буржуазном Временном правительстве. Словосочетание «10 Пешехоновых» употреблено Троцким по аналогии с выражением «10 министров-капиталистов».

новых». Отсюда — и авантюризм Троцкого, и поддержка им призывов к немедленному свержению Временного правительства, отсюда же и троцкистский оппортунизм, молчаливое одобрение создания коалиционного правительства, участие в котором представителей соглашательских партий казалось Троцкому чуть ли не шагом вперед к образованию «чисто» рабочего правительства.

После того как коалиционное правительство полностью обнаружило свое нежелание осуществить требования революционного народа, Троцкий вновь и вновь возвращался к поддержке разного рода авантюристических лозунгов, направленных на волюнтаристское «подхлестывание» революционных процессов. Из репортерской записи его выступления перед участниками июльской демонстрации видно, что он, по сути дела, подстрекал массы к вооруженному выступлению, призывал их оказать вооруженный нажим на соглашательскую верхушку Петроградского Совета и Временное правительство. Сам Троцкий в своих многочисленных писаниях, касающихся истории Октября, неоднократно заявлял, что июльские события — это неудавшееся большевистское восстание, в которое должна была перерасти очередная «разведка», предпринятая под видом июльской демонстрации.

Однако, как показывают исторические факты, В. И. Ленин, большевистская партия в то время стояли за мирное развитие революции и уж конечно были далеки от мысли о возможности неподготовленного восстания, которое в тех условиях неизбежно закончилось бы победой контрреволюции. Правда, в среде большевиков имелись отдельные левацки настроенные деятели, которые, поддавшись боевому настроению масс, стояли за превращение мирной июльской демонстрации в вооруженное восстание. К их числу, кстати, относились многие будущие «левые коммунисты», союзники Троцкого по борьбе против Брестского мира. Но ни одна большевистская организация даже не ставила в те дни вопроса о вооруженном восстании¹. Больше того, хорошо известно, что ЦК РСДРП(б) сделал все возможное, чтобы удержать массы от преждевременного выступления. И лишь тогда, когда это не удалось, большевики решили принять участие в демонстрации, чтобы придать ей мирный, организованный характер. «Если бы

---

¹ См.: В. И. Ильина. Борьба партии большевиков против проявлений «левиэзны» в период подготовки Октябрьской революции. Изд-во «Мысль», 1967, стр. 86.

наша партия отказалась от поддержки стихийно вспыхнувшего, вопреки нашим попыткам удержать его, движения масс 3—4 июля, то это было бы прямой и полной изменой пролетариату...»¹ — указывал В. И. Ленин.

Разоблачая клевету враждебных пролетариату сил, приписывавших большевикам экстремистские установки Троцкого и других «левых» авантюристов, В. И. Ленин писал: «...3—4 июля восстание было бы ошибкой, мы не удержали бы власти ни физически, ни политически. Физически, несмотря на то, что Питер был моментами в наших руках, ибо *драться, умирать* за обладание Питером наши же рабочие и солдаты тогда не стали бы: не было такого «озверения», такой кипучей ненависти и к Керенским, и к Церетели—Черновым, не были еще наши люди закалены опытом преследований большевиков при участии эсеров и меньшевиков.

Политически мы не удержали бы власти 3—4 июля, ибо армия и провинция, *до корниловщины*, могли пойти и пошли бы на Питер»².

В. И. Ленин всегда предупреждал об опасности игры в восстание, указывал, что, прибегая к такой крайней форме классовой борьбы, как гражданская война, одним из видов которой является вооруженное восстание, партия должна действовать наверняка, чтобы до минимума свести риск и тем самым уберечь рабочий класс от жестокой расправы, неизбежной в случае неудачи восстания. «Надо... — писал он в 1921 году, — не дать правительству и буржуазии задушить революцию кровавым подавлением *преждевременного* восстания. Не поддаваться на провокацию. Дождаться нарастания полной волны: она все сметет и даст победу коммунистам.

Если 100—130 человек убьет буржуазия, это не загубит дела. Но если она сможет, спровоцировав бойню, убить 10—30 тысяч рабочих, это *может* задержать революцию *даже* и на несколько лет...

Не пойти на провокацию.

Во что бы то ни стало *вырастить* революцию до *полного* созревания плода»³.

Сколько подлинной заботы об интересах пролетариата в этих ленинских словах! Как злободневно звучат они в наши дни, когда левозэкстремистские элементы, подпавшие под

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 145.

² Там же, стр. 244.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 180—181.

влияние маоизма, пытаются толкнуть революционеров отдельных стран на путь преждевременных, неподготовленных выступлений, способных принести лишь гибель самой героической части рабочих и крестьян! И там, где революционеры поддаются призывам маоистов и других левацки настроенных экстремистов, могут произойти трагедии подобные той, которая привела к страшнейшему разгрому Коммунистической партии Индонезии.

Оказавшись в тюрьме после расстрела июльской демонстрации, Троцкий, как видно из воспоминаний, выражал сожаление по поводу того, что в июльские дни не была принята попытка захватить власть¹.

Такова уж психология мелкобуржуазного революционера, особенности которой точно подметил В. И. Ленин: невероятно быстрая смена настроений, после первой же неудачи — уныние и, наоборот, при успешном развертывании революции — стремление забежать вперед, крикнуть «громче всех».

Совершенно иную позицию заняли после июльских дней, подлинными революционерами — большевиками. Под руководством В. И. Ленина они трезво оценили обстановку, сложившуюся в результате окончательного перехода на сторону контрреволюции эсеро-меньшевистских соглашателей. Вывод, который сделала партия, заключался в следующем: новая революция продолжает назревать, но ее мирное развитие стало уже невозможным — на очередь дня выдвигается задача подготовки вооруженного восстания. Лозунг передачи власти в руки данных Советов, скомпрометировавших себя сотрудничеством с явными контрреволюционерами, временно снимается. Но цель революции — установление Советской власти — остается прежней. Советы, указывал В. И. Ленин, неизбежно возродятся, но возродятся они уже как органы диктатуры пролетариата, руководимой единственной партией, доказавшей верность революции, — большевиками. VI съезд РСДРП(б) утвердил обоснованный В. И. Лениным курс на подготовку вооруженного восстания.

Разгром корниловского мятежа, стремительно ускорившаяся большевизация Советов, укрепление союза рабочих и крестьян, рост революционных настроений в провинции убедительно подтвердили правильность новой тактической установки партии. С сентября 1917 года большевики развернули непосредственную подготовку к восстанию, с каждым днем

¹ См.: «Пролетарская революция», 1923, № 10, стр. 150—151.

приближая своей практической работой в массах день решающей схватки пролетариата с буржуазией.

Курсу партии на вооруженное восстание, на победу социалистической революции пытались воспротивиться штрейкбрехеры Октября Каменев, Зиновьев и их немногочисленные единомышленники.

Но сопротивление оппортунистов было буквально смято нараставшим революционным подъемом масс. В целях сохранения единства революционного авангарда В. И. Ленин поставил тогда вопрос об исключении изменников и паникеров из партийных рядов. Партия подходила к решающему, поворотному событию в своей истории сплоченной, как никогда, тесно спаянной вокруг ЦК и В. И. Ленина.

Все свидетельствовало о близости торжества пролетарской революции. Но успех ее еще надо было завоевать. И никто не мог дать полной гарантии, что революция произойдет именно так, как хотелось большевикам. Не случайно поэтому, призывая партию не упустить момента, благоприятного для успешного восстания, В. И. Ленин вместе с тем неоднократно указывал, что никто не застрахован и от неудачи. И пусть даже, писал он, в случае неудачи погибнут лучшие революционеры, все равно история никогда не простит партии, которая могла победить, но сама упустила возможность этой победы.

В решающие, переломные дни истории вновь проявился мелкобуржуазно-авантюристический характер троцкизма. Троцкий прямо не выступал против признанного огромным большинством трудящихся курса на вооруженное восстание. Но он старался сделать все возможное, чтобы лишить восстание его главного свойства — боевого, наступательного, подлинно революционного духа. Как говорил впоследствии И. В. Сталин, Троцкий шел на восстание, но с оговоркой. Руководствуясь явно оппортунистическими взглядами на сущность вооруженного восстания, которые он защищал еще в ходе первой русской революции, Троцкий решительно выступал против его целенаправленной военно-технической подготовки. Как и все оппортунисты, он считал, что подлинно народное восстание могло произойти лишь в форме стихийного взрыва масс, преследующего цель не столько реального устранения существующего правительства, сколько оказания вооруженного давления на него в надежде на то, что взятое таким образом «на испуг», оно само уступит власть революционному пролетариату. Военно-техническую подготовку восстания,

проведение его по всем правилам военной стратегии и тактики, на чем так решительно настаивал В. И. Ленин, Троцкий клеветнически называл заговорщичеством и бланкизмом. С точки зрения Троцкого, чисто военные операции в ходе восстания могли носить лишь ограниченный, оборонительный характер. Использовать их он считал возможным только в том случае, если реакционное правительство само попытается вооруженным путем подавить выступление масс. Главную ставку в восстании Троцкий предлагал делать на легальные средства борьбы. Особенно большие надежды он возлагал на чисто парламентские действия в Петросовете, ВЦИКе Советов и на съезде Советов, считая, что только они, а не сам восставший народ вправе решать вопрос о власти.

Эта оппортунистическая точка зрения диктовалась теоретическими воззрениями Троцкого, мало чем отличавшимися от меньшевистских. Но имелись также и психологические истоки троцкистской боязни решительных, наступательных действий в ходе восстания. Вооруженное выступление против правительства в условиях войны в случае его поражения неизбежно было бы расценено правящими кругами как вооруженный мятеж в тылу сражающейся армии. Его организаторам грозило бы только одно наказание — смертная казнь. И надо было иметь много личного мужества, уверенности в правоте дела революции, чтобы идти на восстание, зная, каким жестоким репрессиям будут подвергнуты его активные участники в случае неудачи.

Пользуясь отсутствием В. И. Ленина в Петрограде, Троцкий развернул энергичную борьбу за фактический пересмотр решений VI съезда РСДРП(б) о вооруженном восстании. Демагогически спекулируя на законном стремлении партийного актива осуществить восстание в наиболее безболезненных для пролетариата формах, он пытался навязать партии тактику подмены восстания чисто парламентскими, легальными действиями при поддержке этих действий стихийными выступлениями масс.

Стремясь отвлечь внимание масс от революционной борьбы, Временное правительство созвало в сентябре 1917 года Демократическое совещание, которое должно было придать видимость парламентского правления антидемократическому режиму Керенского. В. И. Ленин разоблачил игру в показной парламентаризм «кандидата в русские Наполеоны». Он считал необходимым ограничить участие большевиков в Демократическом совещании лишь информационными целями,

приспособив всю политическую тактику на нем «к условиям нарастающего восстания»¹. Ленин предлагал двинуть большевистскую фракцию совещания на заводы и в казармы и добиваться там одобрения большевистских лозунгов.

Однако Троцкий, Каменев, Зиновьев и другие оппортунисты вопреки прямым указаниям В. И. Ленина отстаивали тактику активного участия большевиков в работе Демократического совещания, сея парламентские иллюзии в массах. При обсуждении вопроса о бойкоте созданного совещанием предпарламента Троцкий, хотя вначале и высказался за бойкот, затем фактически примкнул к его противникам, предложив отложить решение этого вопроса до созыва II съезда Советов². Как известно, Ленин резко осудил эти колебания в тактике большевиков³.

Особые надежды Троцкий возлагал на созыв II съезда Советов. Понимая, что на съезде будут преобладать большевики, он рассчитывал использовать свое положение председателя самого влиятельного большевистского Совета и с помощью единомышленников навязать съезду свое единоличное руководство. Троцкий предполагал предложить съезду Советов от имени большевистской партии и Петроградского Совета провозгласить власть Советов «легальным путем». В правительстве, сформированном съездом, он рассчитывал занять ведущее место. И только затем уже, обесчечив себе командную роль в нем, призвать массы к вооруженной защите «легально» созданной Советской власти.

Ленинский курс на вооруженное восстание как главное средство решения коренного вопроса о власти лишил Троцкого возможности добиться осуществления этих планов. Поэтому Троцкий всячески противился ему и вел скрытую, интриганскую борьбу против Ленина, стараясь лживыми обвинениями в заговорществе подорвать непререкаемый авторитет вождя революции. Он понимал, что личное присутствие Ленина в Петрограде положит конец закулисным, интриганским действиям противников социалистической революции, и потому всячески добивался оттяжки возвращения Ленина в столицу, надеясь, что тогда главной фигурой на съезде Советов сможет стать он сам.

В этой закулисной антиленинской возне надежным союз-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 246.

² См.: Е. Ф. Ерыкалов. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Лениздат, 1966, стр. 152—155.

³ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 257, 262.

ником Троцкого был Каменев. В борьбе против ленинского курса на вооруженное восстание и социалистическую революцию Каменев не остановился даже перед тем, чтобы предложить уничтожить важнейшие директивные письма о восстании, посланные Лениным в ЦК, утаить их содержание от партийных организаций и отвергнуть «заключающиеся в них практические предложения». Каменев, а также вскоре присоединившийся к нему Зиновьев обвиняли Ленина в заговорщичестве, ратовали, подобно Троцкому, за отсрочку восстания, за подмену его легальными формами борьбы, за использование военных действий лишь в целях обороны, в ответ на погромные действия контрреволюции. Они возлагали все надежды на Учредительное собрание, в котором готовы были ответить партии роль «влиятельной оппозиции». Каменев и Зиновьев целиком соглашались с требованием Троцкого во что бы то ни стало отсрочить час решительного выступления до начала съезда Советов, который, с их точки зрения, и должен был взять на себя инициативу созыва Учредительного собрания.

Вероломные действия Троцкого и Каменева, блокировавшихся между собой и пытавшихся захватить руководство в ЦК, вызвали серьезное беспокойство В. И. Ленина.

В статье «Кризис назрел», предназначенной «для раздачи членам ЦК, ПК, МК и Советов»¹, он прямо указывал, что усматривает в попытках оставить без ответа его настоятельные призывы не упустить момент для восстания, а также в вычеркивании из его статей критики вопиющих ошибок большевиков, связанных с деятельностью Каменева и Троцкого (позорное решение участвовать в предпарламенте, предоставление места меньшевикам в президиуме Совета и т. д., и т. п.), «тонкий намек на зажимание рта, и на предложение мне удалиться»².

В своих многочисленных статьях и письмах, относящихся к периоду подготовки и проведения вооруженного восстания, В. И. Ленин разоблачил вредную для революции политическую линию троцкизма.

«...К сожалению, — писал В. И. Ленин в конце сентября — начале октября 1917 г., — в верхах партии заметны шатания, как бы «боязнь» борьбы за власть, склонность подменить эту борьбу резолюциями, протестами и съездами... Связывать эту

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 492.

² Там же, стр. 282.

задачу (задачу взятия власти. — Авт.) непременно со съездом Советов, подчинять ее этому съезду, значит *играть в восстание*, назначая заранее его срок, облегчая подготовку войск правительством, сбивая массы с толку иллюзией, будто «резолуцией» съезда Советов можно решить вопрос, который способен решить только восставший пролетариат своей силой...»¹

«Надо... признать правду, — указывал Ленин в статье «Кризис назрел», — что у нас в ЦК и в верхах партии есть течение или мнение за *ожидание* съезда Советов, *против* немедленного взятия власти, *против* немедленного восстания. Надо *побороть* это течение или мнение.

Иначе большевики *опозорили* себя навеки и *сошли на нет*, как партия.

Ибо пропускать такой момент и «ждать» съезда Советов есть *полный идиотизм* или *полная измена*... Это значит трусливо *отречься* от взятия власти, ибо 1—2 ноября оно будет невозможно (и политически, и технически: соберут казаков ко дню глупеньким образом «назначенного» восстания).

«Ждать» съезда Советов есть идиотизм, ибо съезд ничего не даст, *ничего не может дать!* ...Сначала победите Керенского, потом созывайте съезд...

Не взять власти теперь, «ждать», болтать в ЦИК, ограничиться «борьбой за орган» (Совета), «борьбой за съезд» значит *погубить революцию*»².

Возражая тем, кто противопоставлял легальную деятельность в Советах подготовке и проведению вооруженного восстания, В. И. Ленин в письме И. Т. Смилге указывал: «Мы можем оказаться в смешных дураках, не сделав этого (т. е. не осуществив военно-технической подготовки восстания. — Авт.): с прекрасными резолюциями и с Советами, но *без власти!*»³

Разоблачая троцкистско-каменевскую клевету о мнимом заговорщичестве большевиков, В. И. Ленин резко высмеивал тех, кто считал военно-техническую подготовку восстания, отношение к нему, как к искусству, оплошным «политическим грехом». Он указывал, что неверно даже ставить вопрос, будто бы «марксистская партия... не может сводить вопрос о восстании к вопросу о военном заговоре». Военный заговор есть бланкизм, если он не опирается на поддержку

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 343.

² Там же, стр. 280—282.

³ Там же, стр. 265.

большинства народа и на трезвый учет его устроителями всех сторон внутреннего и международного положения страны. С подготовкой такого заговора ничего общего не имела деятельность большевиков, всецело опиравшихся на доверие и волю народа.

Выдумку о заговорщичестве большевиков Троцкий заимствовал у своих старых политических друзей — меньшевиков. В свою очередь, последние пытались опереться в своей борьбе против большевиков на подобные же лживые заявления Троцкого. Спустя месяц после победы Великого Октября Мартов говорил, что большевистское восстание — это бланкистский заговор, совершенный грубой силой солдатских масс¹. Разоблачая эсеров и меньшевиков, В. И. Ленин показал, что их клеветнические утверждения лишены каких-либо оснований. Даже итоги выборов в Учредительное собрание, подготовленных, как известно, еще буржуазным Временным правительством, показали, что Октябрьское вооруженное восстание не было ни бланкистским, ни солдатским заговором, а опиралось на волю наиболее активной, передовой части народа. Анализируя эти итоги, В. И. Ленин назвал следующие «три условия победы большевизма: 1) подавляющее большинство среди пролетариата; 2) почти половина в армии; 3) подавляющий перевес сил в решающий момент в решающих пунктах, именно: в столицах и на фронтах армии, близких к центру»².

Клеветнический характер носили и утверждения Троцкого и Каменева, а также всего оппортунистического эсеро-меньшевистского лагеря о том, что В. И. Ленин призывал большевиков осуществить восстание под лозунгом захвата власти партией помимо Советов, за их спиной. На самом деле В. И. Ленин неоднократно указывал, что только победа вооруженного восстания в самое ближайшее время способна привести к практическому осуществлению лозунга «Вся власть Советам!». В письме И. Т. Смилге 27 сентября 1917 года В. И. Ленин так определял неразрывную связь между вооруженным восстанием и Советами: «По-моему, для правильной подготовки умов, надо сейчас же пустить в обращение такой лозунг: власть должна немедленно перейти в руки Петроградского Совета, который передаст ее съезду Советов»³. Именно так и произошло в ходе Октябрьского вооруженного восстания:

¹ См.: А. Г. Черных. В. И. Ленин — историк пролетарской революции в России, стр. 63.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 10.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 266—267.

орган Петроградского Совета — ВРК взял власть в свои руки, а затем передал ее открывшемуся уже после победы восстания съезду Советов.

Искусственное противопоставление партии Советам отражало оппортунистический взгляд Троцкого на роль политического авангарда революции. «В этой установке, — справедливо отметил В. А. Антонов-Овсеенко, — сквозило органическое недоверие к большевистской партии»¹.

Как и все оппортунисты, Троцкий отрицал, что партия является высшей формой классовой организации пролетариата, призванной руководить всеми другими организациями трудящихся.

Сведения о дезорганизаторской работе Троцкого, о тайном союзе с ним Каменева и Зиновьева несомненно заставили В. И. Ленина ускорить свое возвращение в Петроград.

По приезде в столицу Владимир Ильич сразу же сосредоточил у себя все нити руководства подготовкой восстания. Пока Троцкий и Каменев предавались словопрениям в Совете, В. И. Ленин занялся конкретной организаторской деятельностью, ускоряя и уточняя движение всей гигантской машины, созданной партией для подготовки и осуществления переворота.

Безоговорочная поддержка, оказанная В. И. Ленину партийным активом и рядовыми большевиками, усилившийся нажим масс, рвавшихся в бой за власть Советов, заставили Троцкого сдавать одну позицию за другой. Как большевистский представитель в Исполкоме Петроградского Совета он вынужден был санкционировать создание ВРК, ставшего вскоре легальным штабом восстания. По инициативе большевиков Петроградский Совет, вопреки требованиям Временного правительства, принял решение о невыводе войск Петроградского гарнизона из столицы. Наконец, во все воинские части и учреждения были назначены комиссары ВРК, организовавшие повсеместное невыполнение контрреволюционных правительственных распоряжений.

Впоследствии Троцкий пытался объявить эти меры бескровным, «тихим» восстанием, заранее предопределившим успех вооруженного восстания в ночь на 25 октября. «На $\frac{3}{4}$, если не на $\frac{9}{10}$, восстание было совершено еще до 25—26 октября», — писал он в 1924 году в «Уроках Октября».

---

¹ В. А. Антонов-Овсеенко. В революции. Госполитиздат, 1957, стр. 4.

В действительности же ни одна из этих мер не решала главного — вопроса о власти. Не случайно поэтому В. И. Ленин постоянно предостерегал партию от опасности увлечься первыми успехами и забыть о том, что судьба революции зависит только от одного — от прямой атаки на Временное правительство, от вооруженного восстания.

Изображая вооруженное восстание в качестве вспомогательного акта, якобы лишь закрепившего уже достигнутые ранее успехи Петроградского Совета, Троцкий пытался приписать себе как председателю Совета все заслуги, связанные с этими успехами. На самом деле и отказ от вывода войск Петроградского гарнизона, и создание ВРК, и назначение комиссаров ВРК — все это было результатом деятельности ЦК партии, руководимого В. И. Лениным. Троцкий же, который не вел активной работы в ЦК, был в лучшем случае исполнителем его воли, одним из тех, кто должен был проводить большевистскую политику в Совете. Приписывая себе все заслуги, связанные с работой большевиков в Совете, он тем самым обнаруживал полное незнание механизма партийного руководства, осуществляемого коллективно, а не единолично. Что касается его роли в ВРК, то, по свидетельству В. А. Антонова-Овсеенко, члены ВРК «чувствовали Троцкого не как организующее, но преимущественно как тормозящее, сдерживающее начало, чуждое ленинскому руководству»¹.

Выдумка о том, что восстание «легально» победило еще задолго до 25 октября, потребовалась Троцкому для оправдания своих граничивших с прямой изменой революции действий в канун решающей схватки с буржуазией и для принижения исторической роли Ленина как организатора и руководителя вооруженного свержения власти капиталистов и помещиков.

Троцкий просто клеветал, когда утверждал, что В. И. Ленин, находясь в подполье, был плохо осведомлен о реальном положении дел в Петрограде и за его пределами, а потому «не заметил», что «восстание» уже фактически «победило» после принятия Петроградским Советом 9 октября резолюции о невыводе революционных войск из столицы. В троцкистском изображении вся кипучая деятельность В. И. Ленина, торопившего с восстанием, когда оно уже фактически победило, выглядит по меньшей мере смешной. Такое надуманное и нелепое освещение событий потребовалось, чтобы как-то

¹ В. А. Антонов-Овсеенко. В революции, стр. 4.

отвести резкие, но справедливые обвинения, которые В. И. Ленин адресовал сторонникам отсрочки восстания, в том числе и Троцкому.

Троцкий в «Уроках Октября» договаривался до того, что будто бы капитулянтская, изменническая деятельность Каменева и Зиновьева в канун восстания была даже полезной для дела революции. Они, оказывается, играли роль «парламентеров» перед соглашательскими партиями, отвлекавших внимание врага от реальной работы большевиков по подготовке восстания. «Эти парламентарии, — писал Троцкий, — несомненно оказывали восстанию известную услугу, питая своими собственными иллюзиями иллюзии врага». И это говорится о штрейкбрехерах революции, которые не отвлекали, а, наоборот, привлекали внимание врага к деятельности партии, проболтавшись во внепартийной печати о секретнейших планах большевиков начать восстание до съезда Советов!

Таким же образом Троцкий пытался оправдать и свое антиленинское отношение к восстанию. Он утверждал, что приурочение решительного выступления к открытию съезда Советов позволяло «вести в заблуждение противника», который-де все свои силы направил бы на то, чтобы не допустить созыва съезда, а не на подавление нелегальной военно-технической деятельности большевиков. Кроме того, объяснение задач восстания интересами защиты съезда способствовало, с точки зрения Троцкого, сплочению масс трудящихся вокруг большевистской партии. В противном случае, уверял Троцкий, они бы за партией не пошли. Наконец, «приурочив» восстание к моменту созыва съезда, партия тем самым придавала вооруженному восстанию видимость обороны от противника, который первым применил оружие, чтобы не допустить созыва легального съезда Советов. Это, по мнению Троцкого, также стимулировало бы участие в восстании широких трудящихся масс, поднявшихся на защиту высшего советского органа.

Вновь и вновь повторяя клеветническую выдумку о «заговорщичестве» Ленина, о его стремлении провести восстание «независимо» от Советов, Троцкий утверждал, что ленинская тактика не встретила поддержки в ходе восстания и что сам Ленин, придя в Смольный, убедился будто бы в ее несостоятельности и согласился с точкой зрения Троцкого. Узнав из уст Троцкого о ходе вооруженного восстания, развивавшегося якобы в соответствии с троцкистскими установками, «Ленин

был в восторге, выражавшемся в восклицаниях, смехе, потирании рук. Потом он стал молчаливее, подумал и сказал: «Что ж, можно и так. Лишь бы взять власть». Я понял, что он только в этот момент окончательно примирился с тем, что мы отказались от захвата власти путем конспиративного заговора». Так Троцкий в работе, кощунственно названной им «О Ленине», изобразил мнимую капитуляцию Ленина перед троцкизмом.

Бесспорные ленинские документы и воспоминания многих видных организаторов восстания показывают, что В. И. Ленин вплоть до завершающего его акта — штурм Зимнего — боролся против троцкистских попыток отсрочить решительную схватку, ввести борьбу против Временного правительства в русло легальности. В. И. Ленин последовательно разбивал аргументы Троцкого, Каменева, Зиновьева и других сторонников оттяжки восстания в своих выступлениях на исторических заседаниях ЦК РСДРП(б) 10 и 16 октября, в многочисленных письмах и статьях, в личных беседах с представителями партийного актива. Однако Троцкий, подобно Каменеву и Зиновьеву, не воспринимал ленинских доводов. В публичных выступлениях в Совете, в речах на большевистских совещаниях он отстаивал свою оппортунистическую точку зрения, упорно стараясь навязать ее партии и массам трудящихся. 18 октября, выступая в Петроградском Совете, он, якобы от имени партии большевиков, заверил обеспокоенных соглашателей, что большевики не намерены предпринимать каких-либо выступлений до созыва съезда Советов и что они могут сделать это лишь в оборонительных целях, если правительство попытается помешать работе съезда. К заявлению Троцкого полностью присоединились Каменев и Зиновьев.

Выступление Троцкого, поддержанное двумя другими видными членами ЦК, способно было породить сомнения относительно подлинных намерений большевистской партии в массах рабочих и солдат, которые не знали и не могли знать о державшихся в стражайшем секрете решениях ЦК РСДРП(б) от 10 и 16 октября. Кроме того, прямо указав на день открытия съезда Советов (25 октября) как на возможный день большевистского выступления, Троцкий тем самым предупредил противника о близости и вероятности такого выступления, что в сочетании с аналогичными заявлениями Каменева и Зиновьева должно было серьезно насторожить правительство. И, как показывают факты, правительство действительно вос-

пользовалось предупреждением Троцкого, Каменева и Зиновьева для ускорения своей подготовки к разгрому революции.

Аналогичные заявления Троцкий продолжал делать и в последующие дни, в том числе даже 24 октября, когда восстание уже стало реальным фактом. В этот решающий день Троцкий выступал публично дважды и оба раза высказал мысль о необходимости обождать с восстанием до созыва съезда Советов. Причем один раз он говорил в закрытой большевистской аудитории на собрании большевиков — участников съезда Советов, где следовало быть вполне откровенным, не опасаясь, что информация станет достоянием врага. Тем более, что собрание открылось в 2 часа дня, когда восстание уже начинало разворачиваться, и для самого Временного правительства не было секретом то, что развитие событий вступило в решающую фазу. Кому же, как не делегатам II съезда Советов, которым буквально на следующий день предстояло принять решение о характере власти в стране, должен был сказать всю правду представитель ЦК? На этом важном совещании Троцкий действительно изложил делегатам съезда «всю правду», но только не подлинную, ленинскую, а свою, искаженную. Троцкий заявил, что вооруженное выступление, захват стратегических объектов, арест Временного правительства не стоят в повестке дня, и вновь повторил свои клеветнические намеки на «заговорщичество» В. И. Ленина. Вооруженное восстание, утверждал он, возможно лишь в одном случае: если Керенский не подчинится созданной съездом власти, и ее придется защищать силой. Но это, говорил Троцкий, «не политический, а полицейский вопрос»¹. Подобные же идеи Троцкий развивал на переговорах с делегацией городской думы, а также на заседании Петроградского Совета, открывшемся уже в седьмом часу вечера 24 октября².

Сведения о новых попытках Троцкого задержать восстание в самый решающий его момент, несомненно, стали известны В. И. Ленину. Ленин, находясь на конспиративной квартире М. В. Фофановой на Выборгской стороне, посылает ряд писем в ЦК и другие партийные органы. Одно из них, известное как «Письмо членам ЦК», полностью дошло до наших дней. В. И. Ленин прямо поставил в нем вопрос о том, что в ЦК есть люди, пытающиеся подменить восстание, опирающиеся

¹ «Пролетарская революция», 1922, № 10, стр. 89—90.

² См.: Е. Ф. Ерыкалов. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде, стр. 343—347.

на волю народа, ничего не значащим, ничего не дающим без реальной власти голосованием на съезде Советов. «Кто должен взять власть?» — спрашивал В. И. Ленин. И отвечал: «Это сейчас неважно: пусть ее возьмет Военно-революционный комитет «или другое учреждение», которое заявит, что сдаст власть только истинным представителям интересов народа...»¹

«Надо, во что бы то ни стало, — призывал В. И. Ленин, — сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д. ...ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решить дело сегодня непременно вечером или ночью...»

Промедление в выступлении смерти подобно»².

Не дожидаясь ответа, В. И. Ленин, рискуя жизнью, идет через весь город в Смольный, чтобы своим личным присутствием свести на нет все возможные последствия интриганской, авантюристической деятельности Троцкого.

Г. И. Ломов, член ЦК РСДРП(б) в 1917 году, так описывает появление В. И. Ленина в Смольном: «Ленин кипит и бурлит. Он издевается над нашей нерешительностью. Сейчас же надо дать все необходимые директивы, брать все здания, все правительственные учреждения, все вокзалы, телефоны и телеграф в свои руки, пользуясь нерешительностью Керенского.»

С этого момента колебаний и осторожности — как не бывало. ЦК партии внизу, Военно-революционный комитет... наверху — звонят во все районы, требуют энергичного наступления...

Ночью — так около 3 часов утра — положение совершенно определилось: фактически власть находилась в наших руках. Надо было формировать правительство. Надо было налаживать деловую революционную работу. Еще слышалась стрельба. Еще сидело министерство Керенского в Зимнем дворце, но они были уже политическими мертвецами»³. Так за много часов до открытия II съезда Советов власть была вырвана у буржуазии и соглашателей. Съезд, поставленный перед фактом совершившейся победоносной пролетарской революции, начал свою работу уже в условиях диктатуры пролета-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 435.

² Там же, стр. 435—436.

³ «Пролетарская революция», 1927, № 10, стр. 171.

риата. Большевики не только опередили Временное правительство, но и исключили, благодаря полному успеху восстания, возможность каких-либо колебаний на самом съезде Советов. Огромным большинством голосов делегаты съезда приняли власть, переданную им органом Петроградского Совета — ВРК, избрали первое Советское правительство и утвердили его политическую платформу, изложенную в знаменитых ленинских декретах о мире и о земле. Главой первого в мире правительства рабочих и крестьян стал вождь и вдохновитель Октября В. И. Ленин.

Троцкий нигде не пишет о своей реакции на неожиданное появление В. И. Ленина в Смольном. Но из мемуаров известно, что сразу же после победы восстания «Каменев и Зиновьев как-то помалкивали, стихли»¹. Несомненно, что вынужден был на время свернуть свою интриганскую деятельность и Троцкий.

Из его автобиографической книги известно, что после успешного восстания Троцкий почувствовал себя утомленным и удалился... отдыхать. Став наркомом иностранных дел, он, по его же словам, на этом посту долго оставаться не собирался, считая, что все равно скоро победит мировая революция, возникнет единое социалистическое государство — Соединенные Штаты Европы, и тогда вообще не будет надобности в Наркомате иностранных дел. Ну, а если мировая революция не победит в недалеком будущем, тогда, предполагал Троцкий, тем более не будет надобности в советской дипломатии, так как без помощи победившего пролетариата более развитых стран Советской власти просто не устоять под натиском внешней и внутренней контрреволюции. Поэтому собственно внешними делами Троцкий фактически не занимался, если не считать, конечно, его позорной роли на переговорах в Брест-Литовске (там, кстати, он тоже в основном занимался другим делом, написав за время брестских переговоров целую книжку — свой первый фальсификаторский «труд» об истории Октября).

Такое пренебрежительное отношение Троцкого к ответственному посту, доверенному ему партией, объяснялось тем, что он хорошо понимал, что на этом посту его деятельность будет находиться под постоянным личным контролем со стороны В. И. Ленина, который самым непосредственным образом занимался вопросами внешней политики молодого Совет-

---

¹ «Пролетарская революция», 1927, № 10, стр. 172.

ского государства. Кроме того, Троцкого явно не устраивала ограниченность, с его точки зрения, сферы деятельности тогдашнего Наркомата иностранных дел. Советскому правительству не приходилось рассчитывать на быстрые дипломатические признания. Нужна была упорная, кропотливая, лишенная показного эффекта черновая работа по налаживанию и укреплению внешнеполитических связей Советской республики. А к такой работе Троцкий питал органическую неприязнь.

Несмотря на все старания, Троцкому так и не удалось захватить ключевые позиции в органах Советской власти. Это было прямым следствием того сокрушительного провала, который он потерпел в борьбе против В. И. Ленина в период подготовки и проведения вооруженного восстания.

Вооруженное восстание в Петрограде успешно завершилось. Все попытки Троцкого и его явных и тайных союзников ввести вооруженное восстание в русло легальности, подменить его резолюциями и говорильней провалились. Угроза срыва плана вооруженного восстания, созданная его противниками в рядах самой большевистской партии, была преодолена. Троцкий потерпел новое, в подлинном смысле слова решающее, поражение в борьбе против ленинизма.

«Великая Октябрьская социалистическая революция явила миру образец решения коренных социальных проблем: свержения власти эксплуататоров и установления диктатуры пролетариата, превращения частной, буржуазно-помещичьей собственности в общественную, социалистическую, справедливого решения аграрного вопроса в пользу крестьян, освобождения зависимых народов от колониального и национального гнета, создания политических и экономических предпосылок построения социализма.

Великая Октябрьская социалистическая революция — первый победоносный акт мировой социалистической революции. Она коренным образом изменила политический и социально-экономический облик крупнейшей державы, подняла международное освободительное движение на новый, более высокий уровень, «указала всему миру, — говорил Ленин, — пути к социализму и показала буржуазии, что близится конец ее торжества» (т. 37, стр. 30). Началась новая глава всемирной истории»¹.

---

¹ К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС, стр. 10.

2. ЛЕНИНСКИЙ КУРС ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ ПРОЛЕТАРСКОГО ГОСУДАРСТВА И БАНКРОТСТВО АВАНТЮРИСТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК ТРОЦКОГО

Победа Великой Октябрьской революции положила начало новой эры в истории человечества — эры социализма. Потерпели идейно-политический крах все разновидности оппортунизма, начиная от самых откровенно враждебных творческому марксизму и кончая завуалированными, прикрытыми маской показной революционности. Ленинизм, получивший блестящее подтверждение на практике революционной борьбы пролетариата России, стал знаменем и путеводной звездой всех подлинных пролетарских революционеров.

Особенно сокрушительное поражение в боях против ленинизма потерпел правый оппортунизм, и прежде всего меньшевизм — главный противник большевизма в российском рабочем движении. В результате победы Великого Октября ускорился процесс развала меньшевистской партии, которая скоро вообще сошла с исторической арены как самостоятельная сила. Большевистская партия стала единственной партией российского пролетариата. Она вобрала в свои ряды и всех лучших бывших представителей обанкротившейся партии меньшевиков, оставшихся верными революции и порвавших связь с соглашательской политикой лидеров меньшевизма.

Однако классовые корни, питавшие оппортунистическую тенденцию в рабочем движении страны, сохранились. Их существование создавало опасность возникновения оппортунистических течений и внутри большевистской партии. К этому времени она стала массовой и потому в большей степени, чем до революции, отражала в своей внутренней жизни явления, характерные для различных слоев трудящихся классов. А так как после победы революции она стала еще и правящей, несущей ответственность за состояние всего общества, то степень такого отражения возросла многократно.

С другой стороны, в качестве правящей наша партия взяла на себя колоссальную ответственность за судьбу руководимого ею рабоче-крестьянского государства. Это требовало еще большего усиления единства партийных рядов, недопущения в партийной среде и тени политических колебаний, которые могли бы пагубно повлиять на устойчивость всей системы диктатуры пролетариата.

Все эти обстоятельства, вместе взятые, требовали от партии дальнейшего усиления борьбы против любых проявлений

оппортунизма в собственной среде. Борьба против оппортунизма становилась важнейшей составной частью всей деятельности партии, направленной на укрепление и защиту молодой Советской власти.

В мировом рабочем движении главным, наиболее опасным противником творческого марксизма по-прежнему оставался правый оппортунизм, под влиянием которого пока еще находилось большинство рабочих во всех странах, кроме России. Однако внутри страны правый оппортунизм уже потерял свои былые позиции. Гораздо большую опасность после победы Октября стал представлять так называемый «левый» оппортунизм, на позиции которого в послеоктябрьский период перешли и многие недавние сторонники правых оппортунистов.

Важнейшим источником, питавшим «лево»-оппортунистические тенденции, был мелкобуржуазный характер страны, который сразу не изменился с победой Октябрьской революции. Наоборот, в связи с тем что эта победа ускорила процесс втягивания в революционное движение гигантских мелкобуржуазных масс, прежде всего крестьянства, давление на партию мелкобуржуазного окружения возросло. Причем в условиях быстрого роста партии, вступления в нее многочисленных представителей непролетарских трудящихся классов, понявших, что только большевики стоят за подлинную народную революцию, проникновение в партийные ряды мелкобуржуазных, податливых на «левую» фразу элементов усилилось. «Социальный источник таких типов, — писал В. И. Ленин о «лево»-оппортунистических элементах в партии, — это — мелкий хозяйчик, который взбесился от ужасов войны, от внезапного разорения, от неслыханных мучений голода и разрухи, который истерически мечется, ища выхода и спасенья, колеблясь между доверием к пролетариату и поддержкой его, с одной стороны, приступами отчаяния — с другой. Надо ясно понять и твердо усвоить, что на такой социальной базе никакого социализма построить нельзя»¹.

Немало способствовала росту левацких настроений сравнительная легкость, с которой Советская власть победила в центре, а затем утвердилась почти на всей территории страны. Триумфальное шествие Советской власти рождало у некоторых недостаточно устойчивых и политически слабо подготовленных людей представления о том, что революция и строительство социализма — это сплошные победы, развитие

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 208.

только по восходящей линии. Подъем революционной борьбы в странах Западной Европы, усиливший надежды на близость полной победы мировой пролетарской революции, также создавал почву для появления в партийной среде разного рода настроений «левизны». Крах правого оппортунизма, разоблачение его предательской, соглашательской сущности вели к появлению у недостаточно политически зрелых, неустойчивых людей отвращения к любой умеренности, ко всякому компромиссу — это тоже естественно облегчало проникновение в партийную среду различных ошибочных представлений, характерных для «левого» оппортунизма.

Огромные экономические и политические трудности, которые переживало молодое Советское государство, строившее социализм в одиночку, усиливали стремление ускорить процесс созидания нового общества. А отсутствие какого-либо опыта руководства этим процессом в сочетании с явным несоответствием между гигантскими, в подлинном смысле слова всемирно-историческими задачами, которые приходилось решать партии, и сравнительно низким культурным уровнем большинства ее членов облегчали возможность разного рода перегибов, волюнтаристских попыток забегания вперед, административного «подстегивания» объективного хода общественного развития и других проявлений «революционного» нетерпения — этого постоянного спутника мелкобуржуазного революционаризма.

Наконец, определенное значение имело то, что ряд руководящих постов в партии после победы революции заняли люди, допускавшие серьезные «лево»-оппортунистические ошибки в прошлом (Троцкий, Бухарин, Пятаков и некоторые другие). Рецидивы дооктябрьских ошибок этих деятелей также послужили одним из источников возникновения «левых» уклонов в партии.

Авантюристическая политика, которую пытались навязать партии наиболее последовательные выразители взглядов «лево»-оппортунистических течений и групп, пытавшиеся утвердиться в большевистских рядах, представляла собой величайшую угрозу для дела революции. После победы Октября главная задача партии состояла в том, чтобы укрепить его завоевания, превратить нашу страну в очаг и базу мировой пролетарской революции. Сторонники же «лево»-оппортунистической фразы толкали партию и государство на путь всевозможных авантур, которые ни к чему иному, кроме как к поражению революции, привести не могли.

Новые и новые победы творческого марксизма вызвали процесс консолидации самых «лево»-оппортунистических течений, объединявших свои усилия для совместной борьбы против ленинизма. Все более отчетливо вырисовывался основной вопрос, по которому антиленинские элементы пытались дать решающий бой ленинскому большинству партии. Это был вопрос о перспективах дальнейшего развития социалистической революции в России, о ее темпах и последовательных этапах, о наиболее эффективных методах соединения ее со всемирной революцией пролетариата.

Не веря в возможность победы социалистического строительства в Советской стране, панически боясь медленных, с их точки зрения, темпов этого строительства, делавших неизбежной ненавистную всем «революционерам» фразы длительную черновую работу, «левые» оппортунисты пытались навязать партии гибельный курс на искусственное «подстегивание» мировой пролетарской революции даже ценой отказа от целенаправленной, научно обоснованной деятельности по созданию основ нового, социалистического строя в самой Советской России. Исходя, казалось бы, из общего для всей партии мнения о том, что победа мировой пролетарской революции значительно ускорит и облегчит строительство социализма в первой стране победившего пролетариата, они утверждали, что успех этого строительства якобы вообще невозможен без победы мировой пролетарской революции. Тем самым они всецело становились на точку зрения троцкистской теории «перманентной революции», основной вывод которой также сводился к утверждению о невозможности победы социализма в одной стране.

Такой же извращенной была трактовка «левыми» оппортунистами и коренного марксистско-ленинского положения о сочетании интернациональных и национальных задач пролетариата. Если классики марксизма-ленинизма видели вышший интернациональный долг пролетариата в том, чтобы делать «максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах»¹, то сторонники «левой» фразы пытались привить российскому пролетариату явно иждивенческое отношение к мировой пролетарской революции, свалить на нее ответственность за осуществление тех задач, которые мог и обязан был решать сам российский пролетариат. Эта точка зрения также совпадала

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 304.

с троцкистской, согласно которой национальные задачи пролетариата в эпоху империализма не имели уже какого-либо самостоятельного значения, всецело растворяясь в задачах интернациональных.

Таким образом, налицо было несомненное подчинение «лево»-оппортунистических течений троцкизму, который, как идеология, наиболее последовательно противостоящая ленинизму, быстро превращался в главного выразителя настроений мелкобуржуазного революционаризма, проникающего в партийные ряды.

Коренная противоположность троцкистских взглядов ленинским на перспективы и характер дальнейшего развития русской революции отчетливо проявилась уже буквально на следующий после победы Октябрьского вооруженного восстания день. 26 октября 1917 года, на II съезде Советов, Троцкий заявил: «...надежду свою мы возлагаем на то, что наша революция развяжет европейскую революцию. Если восставшие народы Европы не раздавят империализм, мы будем раздавлены, — это несомненно». Подобное заявление свидетельствовало о том, что Троцкий рассматривал победу пролетариата в России как чисто случайное явление и все надежды на возможность закрепления этой победы по-прежнему связывал исключительно лишь с полным торжеством мировой пролетарской революции. Иначе говоря, уже на следующий день после успешного вооруженного восстания Троцкий попытался истолковать это всемирно-историческое достижение русской революции в духе своей полностью провалившейся в результате победы Великого Октября теории «перманентной революции».

Но теперь наступил новый этап борьбы ленинизма против троцкизма, когда на повестку дня встало уже не только теоретическое разоблачение троцкизма, но и прежде всего практическое опровержение его пораженческих выводов и аргументов, доказательство на деле возможности успешного социалистического строительства в нашей стране. Гигантская организаторская работа по созданию первого в мире пролетарского государства и начавшемуся социалистическому переустройству экономики и стала ответом ленинцев на панические крики троцкистов и других оппортунистов о мнимой преждевременности социализма в нашей стране.

Первейшим условием, без которого нельзя было и думать о приступе к успешному социалистическому строительству, являлся безотлагательный выход Советского государства из войны. Ленинская линия на заключение сепаратного мира

с Германией вызвала яростные атаки на нашу партию враждебных социализму сил. Усилилось недовольство непролетарских масс, болезненно переживалось ущемление национального чувства. Резко усилились колебания мелкобуржуазных элементов, шедших за пролетариатом в надежде на то, что скорая, как им казалось, победа мировой пролетарской революции и утверждение социализма во всем мире позволят разом решить все проблемы, связанные с созданием процветающего общества в России. Результатом прямого отражения гигантски возросшего буржуазного и мелкобуржуазного давления на партию и явилось возникновение в ее рядах крупной оппозиционной группировки «левых коммунистов» во главе с Бухариным, яростно борющейся против заключения Брестского мира и ратовавшей за всемерное «подстегивание» мировой пролетарской революции путем «революционной войны» против империализма.

Тайным вдохновителем атаки «левых» на партию был Троцкий. Идеи его теории «перманентной революции» оказали самое прямое воздействие на «левых коммунистов», к которым открыто примкнули и многие явные сторонники Троцкого.

В нашей литературе нередко отождествляются позиции Троцкого и «левых коммунистов» в период брестских переговоров. На самом деле троцкистская платформа оказалась еще более опасной, чем платформа «левых коммунистов». Для многих «левых» было характерным искреннее увлечение «революционной» фразой, недооценка сил противника, явная переоценка сил русской революции и степени готовности европейского пролетариата к революционному выступлению против империализма. Это была та самая «детская болезнь „левизны“», которая очень скоро проявилась и в деятельности молодых зарубежных компартий.

Выдвигая лозунг «революционной войны», многие защищали его всерьез, надеялись, что достаточно небольшого нажима на империализм — и он рухнет под объединенным натиском армии революционной России и восставшего европейского пролетариата. «Вылечить» такие настроения легко могло соприкосновение с реальной действительностью, как это и произошло после возобновления немецкого наступления в феврале 1918 года. И лишь «теоретические» аргументы, с помощью которых лидеры «левых» обосновывали свою платформу, свидетельствовали о неразрывной связи их взглядов с явным оппортунизмом, с пессимистическим неверием в проч-

ность победы российского пролетариата, в возможность успешного социалистического строительства в нашей стране без прямой государственной поддержки западноевропейского пролетариата.

Троцкий же отдавал себе отчет и в полной небоеспособности русской армии, и в мощи военной машины кайзеровской Германии. Поэтому Троцкий, в отличие от «левых», не стоял за «революционную войну». Более трезво, чем «левые», он смотрел и на готовность западноевропейского, прежде всего германского, пролетариата совершить победоносную революцию. Троцкий видел, что существует вполне реальная возможность задержки этой революции (вероятность этой задержки он оценивал не менее чем в 10 процентов). И тем не менее он был решительным противником ленинской политики мира, провозгласив явно оппортунистический лозунг «ни мира, ни войны», который находил поддержку у далеких от ленинизма и пролетарской идеологии левых эсеров¹.

Не видя каких-либо реальных внутренних условий построения социализма в нашей стране, Троцкий считал обреченной изолированную русскую революцию даже в том случае, если удастся отразить военное нападение империалистов. Поэтому он и предлагал сделать ставку исключительно лишь на помощь европейского, и прежде всего германского, пролетариата, толкая нашу партию на явно авантюристический путь. С его точки зрения, именно германский пролетариат должен был взять на себя ответственность за спасение разоружавшейся и капитулировавшей перед германским империализмом русской революции. Если этого не произойдет, т. е. если германская революция не придет на помощь русской, утверждал Троцкий, значит, русская революция произошла слишком рано, и поэтому вполне закономерна ее гибель под натиском германских империалистов.

На VII съезде партии он так и заявил: если международный революционный пролетариат не может дать отпор германскому империализму, значит, для него «Советская власть является слишком тяжелой ношей», а из этого следует, что «мы явились слишком рано и должны уйти в подполье...». «Сколько бы мы ни мудрили, какую бы тактику ни изобретали, — говорил Троцкий, — спасти нас в полном смысле слова может только европейская революция». А если этого не про-

---

¹ См.: Борьба В. И. Ленина против мелкобуржуазной революционности и авантюризма, стр. 202.

изойдет, продолжал Троцкий, то падение Советской власти мало отразится на развитии революционного движения. «Европейский пролетариат, — уверял он, — более, чем мы, созрел для социализма. Если бы нас даже раздавили, то нет все же никакого сомнения, что не может создаться такого исторического провала, какой был после Парижской коммуны»¹. Такое пренебрежительное отношение к Великому Октябрю, ставшему гордостью не только российского, но и всего мирового пролетариата, выдавало оппортунистический характер позиции Троцкого, меньше всего заботившегося о подлинных интересах пролетарской борьбы.

Доведя мысль Троцкого до логического конца, Бухарин, также утверждавший, что «русская революция либо будет спасена международной революцией, либо погибнет под ударами международного капитала», заявлял: «Сохраняя свою социалистическую республику, мы проигрываем шансы международного движения»². В. И. Ленин назвал эту мысль чудовищной.

Подобная точка зрения, граничившая с прямым предательством дела революции, легла в основу всей линии поведения Троцкого на переговорах в Брест-Литовске, где он как нарком иностранных дел возглавлял советскую делегацию. Троцкий имел прямую директиву от В. И. Ленина и Совета Народных Комиссаров в случае немецкого ультиматума немедленно подписать мирный договор на тех грабительских условиях, которые выдвигала кайзеровская Германия³. Настаивая на этом, партия хотела любой ценой спасти революцию, которая с момента своего рождения стала притягательной силой и вдохновляющим примером для рабочих всех стран.

Троцкий же, руководствуясь своим представлением о преждевременности и фатальной обреченности русской революции, если на помощь ей вовремя не придет мировая революция, не выполнил этой важнейшей директивы. Получив ультиматум, в котором немецкое командование угрожало возобновить наступление в случае отказа советских представителей немедленно подписать мир, Троцкий заявил о таком отказе. Тем самым он дал повод немецким захватчикам начать подготовленное наступление по всему германо-советскому фронту. В нарушение прямой директивы Советского правительства,

¹ Седьмой Экстренный съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1962, стр. 65, 71.

² Там же, стр. 24, 243.

³ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 30.

Троцкий к радости немецких генералов, не желавших подвергать свои войска риску военного соприкосновения с революционизированной российской армией, одновременно заявил, что Советская республика хотя и не подписывает мира, но тем не менее прекращает состояние войны с Германией и выпускает армию. «Любитель красивых слов, красивых поз, и тут он не столько думал о том, как вывести из войны Страну Советов, как получить передышку, чтобы укрепить силы, поднять массы, сколько о том, чтобы занять красивую позу: на унижительный мир не идем, но и войны не ведем. Ильич назвал эту позу барской, шляхетской, говорил, что этот лозунг — авантюра, отдающая страну, где пролетариат встал у власти, где начинается великая стройка, — на поток и разграбление»¹.

Самовольно, без ведома ЦК и Советского правительства, Троцкий направил телеграмму Главковерху Н. В. Крыленко, якобы от имени правительства, в которой предложил немедленно издать приказ о полной демобилизации армии. Благодаря вмешательству Ленина этот приказ не был выполнен². Однако содержание телеграммы Троцкого, посланной открытым текстом, сразу же стало известно в русской армии и было воспринято солдатами как призыв Советского правительства расходиться по домам. И без того деморализованная, потерявшая боеспособность старая действующая армия стала просто разбегаться, на десятках километров оголяя фронт перед готовившимися к наступлению кайзеровскими войсками.

Встречая лишь разрозненное сопротивление отдельных сохранивших боеспособность подразделений, захватчики начали быстро продвигаться в глубь Советской страны и в короткий срок захватили Украину, Белоруссию, Крым, Прибалтику, вышли на дальние подступы к столице республики — Петрограду. Потребовалось принятие решительных мер для организации отпора агрессору, потребовался большой героизм советских людей, прежде чем немецкое наступление было приостановлено. При этом Троцкий придерживался явно пораженческой линии, считая возможным «в интересах мировой революции» сдать даже Петроград и Москву немцам.

Заклученный после этого мир предусматривал неизмеримо худшие условия для Советского государства, чем по перво-

¹ Н. К. Крупская. Воспоминания о В. И. Ленине. Политиздат, 1967, стр. 361.

² См.: М. Д. Бонч-Бруевич. Вся власть Советам. Воспоминания. М., Воениздат, 1964, стр. 240.

начальному варианту договора, принятие которого Троцкий сорвал в Брест-Литовске. Троцкистская авантюра дорого обошлась республике Советов. Многие миллионы людей, которые могли бы жить и трудиться в Советской стране, оказались тогда за ее пределами. Новая государственная граница стала проходить в непосредственной близости от Петрограда, что вынудило Советское правительство перенести столицу в Москву. «Победа», одержанная в войне против России, упрочила внутрисполитическое положение кайзеровской Германии и отсрочила назревавшую там народную революцию.

Авантюристическая политика Троцкого была решительно осуждена В. И. Лениным. Особое возмущение всей партии вызывала готовность Троцкого и лидеров «левых коммунистов» пожертвовать Советской властью якобы в интересах «подталкивания» мировой пролетарской революции. В ходе борьбы за Брестский мир В. И. Ленин сформулировал свой принципиально важный вывод, определивший основы всей международной политики Советского государства: «Положение дел с социалистической революцией в России должно быть положено в основу всякого определения международных задач нашей Советской власти, ибо международная ситуация на 4-ом году войны сложилась так, что вероятный момент взрыва революции и свержения какого-либо из европейских империалистских правительств (в том числе и германского) совершенно не поддается учету»¹.

Со всемирным империализмом, отмечал он, *надо бороться*, но с ним *надо уметь бороться*; социалистической революции в других странах *надо помогать*, но ей *надо уметь помогать*². В. И. Ленин постоянно подчеркивал, что именно сохранение и упрочение Советской власти в России является самой действительной помощью российского пролетариата своим братьям по классу в других странах. «Пример социалистической Советской республики в России, — указывал он, — будет стоять живым образцом перед народами всех стран, и пропагандистское, революционизирующее действие этого образца будет гигантским»³. В. И. Ленин не исключал и прямой моральной и материальной помощи Советской России мировому революционному движению. Но для того чтобы эта помощь действительно была эффективной, Советская республика сама должна прочно стоять на ногах, обладать необходимым

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 244—245.

² См.: там же, стр. 396.

³ Там же, стр. 250.

экономическим потенциалом и авторитетом в международных отношениях. «...Выше всего и для нас и с международно-социалистической точки зрения, — указывал В. И. Ленин, — сохранение этой республики, уже начавшей социалистическую революцию... Коренная перемена состоит теперь в создании республики Советов России»¹.

Разумеется, принятие условий мира, продиктованных германским империализмом, могло быть использовано последним для усиления борьбы с революционным движением в своей стране. Но В. И. Ленин, страстно веривший в будущее русской революции, в творческие силы трудящихся России, призывал не идти на поводу сторонников «революционной» фразы, а трезво смотреть на вещи. Германия, говорил он, «только еще беременна революцией, а у нас уже родился вполне здоровый ребенок — социалистическая республика, которого мы можем убить, начиная войну»².

Мысль о том, что главная интернациональная задача не только трудящихся России, но и революционеров всех стран — защищать и укреплять первое в мире государство рабочих и крестьян, красной нитью проходит и через все произведения В. И. Ленина, созданные после 1917 года. Уже в конце гражданской войны он писал: «...все события мировой политики сосредоточиваются неизбежно вокруг одного центрального пункта, именно: борьбы всемирной буржуазии против Советской Российской республики, которая группирует вокруг себя неминуемо, с одной стороны, советские движения передовых рабочих всех стран, с другой стороны, все национально-освободительные движения колоний и угнетенных народностей...»³

Ленинский вывод о том, что исход мировой пролетарской революции будет зависеть в первую очередь от положения дел в первой стране победившего пролетариата, стал важнейшим вкладом в развитие теории социалистической революции в послеоктябрьский период. Революционизирующее влияние Советской страны на весь остальной мир послужило отправной точкой для целого ряда общественных процессов, многое изменивших в мире за последние 50 лет.

Ныне центром мирового революционного процесса, объединяющим все другие революционные отряды, решающей революционной силой, основным оплотом военной, политической

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35; стр. 254.

² Там же, стр. 256.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 163.

и экономической мощи всех остальных антиимпериалистических сил является не только СССР, но и вся мировая социалистическая система — главное достижение международного рабочего класса. Защита системы социализма, поддержка ее единства и мощи — первый интернациональный долг коммунистов всех стран.

В. И. Ленин гневно разоблачал политический авантюризм троцкистов и «левых» оппортунистов, делавших ставку в серьезнейшем деле спасения русской революции на такое проблематичное обстоятельство, как возможность в самое ближайшее время победы пролетарской революции в других странах. Безумцами либо провокаторами называл он людей, которые считали, что революция может родиться в чужой земле по заказу. Указывая, что революция западноевропейского пролетариата действительно зреет, В. И. Ленин подчеркивал, что так как определить момент, когда она начнется, «нельзя никоим образом, то все подобные попытки, объективно, свелись бы к слепой азартной игре»¹. «Может быть пройдет и не мало времени, — говорил он, — мы не знаем, сколько времени пройдет для того, чтобы распустилась социалистическая революция и в других странах»².

В. И. Ленин высмеивал аналогичные троцкистским утверждения лидеров меньшевиков и западноевропейских социал-демократов, обвинявших большевиков в том, что они якобы преждевременно осуществили пролетарскую революцию. Он отмечал: «Ждать, пока трудящиеся классы совершат революцию в международном масштабе, — это значит всем застыть в ожидании. Это бессмыслица»³.

Так же решительно осуждал В. И. Ленин и авантюристические призывы «левых» и Троцкого «ускорить» развитие мировой пролетарской революции посредством «революционной войны», прямого вмешательства во внутренние дела чужих государств или, наоборот, полного разоружения перед империалистами в расчете «морально» воздействовать таким образом на пролетариев других стран, подать им пример для прекращения войны. Авантюристическая теория «экспорта» революции, указывал В. И. Ленин, ничего общего с революционным марксизмом не имеет. Всякая революция может быть осуществлена лишь самим народом данной страны. А попытки подталкивания извне граничат с провокацией, выгод-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 245.

² Там же, стр. 301.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 335.

ной только буржуазии. Они лишь способны задержать и отсрочить назревающий революционный взрыв. «Подобная «теория», — указывал В. И. Ленин, — шла бы в полный разрыв с марксизмом, который всегда отрицал «подталкивание» революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции»¹.

Страстная, аргументированная ленинская критика позиции «левых коммунистов» и Троцкого была поддержана огромным большинством партии. VII Экстренный съезд РКП(б) решительно осудил сторонников «революционной» фразы. Однако лидеры «левых коммунистов» и их тайный вдохновитель Троцкий не пожелали подчиниться воле партии. Они продолжили борьбу против ленинского курса, открыто смыкались с мелкобуржуазной партией левых эсеров, также выступавшей против Брестского мира.

Не желая воспринимать критику своей позиции со стороны большевистской партии, Троцкий демонстративно заявил на VII съезде, что уходит со всех занимаемых постов. Этот дезертирский поступок был направлен на то, чтобы вызвать раскол в партии. В момент, когда революция переживала критическое положение, враги ленинизма пытались подорвать единство партийных рядов, помогая тем самым буржуазии вести борьбу против пролетариата. Характеризуя предательское поведение «революционеров» фразы, В. И. Ленин бросил им в лицо гневное обвинение: «...вы — орудие империалистской провокации, по вашей объективной роли. А субъективная ваша «психология» есть психология взбесившегося мелкого буржуа...»²

Империалисты также отчетливо понимали, какую неопценимую помощь оказывают им «левые» оппортунисты. В своих расчетах они все больше делали ставку на Троцкого и лидеров фракции «левых коммунистов». Выступление Троцкого против заключения мира произвело большое впечатление на правящие круги США, которые хотели с его помощью сохранить Советскую Россию в числе воюющих держав. По указанию посла США в России Фрэнсиса американский полковник Робинс в конце 1917 года обсуждал с Троцким планы совместных действий обеих стран в войне против Германии³.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 403.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 290.

³ См.: Г. Л. Никольников. Выдающаяся победа ленинской стратегии и тактики (Брестский мир: от заключения до разрыва). Изд-во «Мысль», 1968, стр. 37.

Английский разведчик Локкарт, прибыв в Петроград в начале 1918 года, хотел через Троцкого убедить Советское правительство продолжать войну с Германией. 5 марта 1918 года, т. е. уже после подписания Брестского мира, Троцкий заверил Локкарта, что в случае помощи от союзников Россия возобновит войну с Германией¹. Локкарт добивался от Советского правительства согласия на ввод в Россию союзных войск, особенно японских, якобы для организации антигерманского фронта. Троцкий не возражал против этого. 22 апреля 1918 года английский военный кабинет даже решил послать для секретных переговоров с Троцким фельдмаршала Смэтса, впоследствии премьера Южно-Африканского Союза, известного антикоммуниста и расиста².

Прямым результатом встреч Локкарта с Троцким явилось согласие председателя Мурманского Совета Юрьева и других действовавших по указке Троцкого лиц на английскую оккупацию Мурманска якобы в целях обеспечения безопасности коммуникаций, связывавших Россию с Англией через Северный Ледовитый океан и Мурманскую железную дорогу. Как известно, вступление английских войск в Мурманск положило начало интервенции стран Антанты в Советскую Россию. Так надутый, грозный на словах мелкобуржуазный революционаризм на практике осуществлял объединение с империализмом, не просто капитулируя перед ним, но активно помогая ему бороться против социалистической революции.

Характеризуя подобные метаморфозы мелкобуржуазных попутчиков революции, которые то упрекали большевиков в «недостаточной революционности», то сами бросались в объятия империалистической буржуазии, В. И. Ленин следующим образом обрисовал психологию мелкобуржуазного революционера: «Этот последний колеблется и шатается при каждом повороте событий, переходит от ярой революционности в марте 1917 года к воспеванию «коалиции» в мае, к ненависти против большевиков (или к оплакиванию их «авантюризма») в июле, к опасливому отстранению от них в конце октября, к поддержке их в декабре, — наконец, в марте и апреле 1918 года такие типы чаще всего морщат пренебрежительно нос и говорят: „Я не из тех, кто поет гимны «органической» работе, практицизму и постелеповщине“»³.

¹ См.: R. Ullman. English-Soviet Relations. 1917—1921. Intervention and the War, vol. I. Princeton University Press, 1961, pp. 122—123.

² См. там же, pp. 137, 161.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 207—208.

Эта ленинская характеристика полностью применима и к колебаниям Троцкого (с учетом, разумеется, того, что В. И. Ленин имел в виду прежде всего явные выражения мелкобуржуазности, а Троцкий пытался скрыть свое мелкобуржуазное мировоззрение под маской псевдомарксизма). Солидарность с авантюристическими призывами «леваков» вроде Багдатьяна в марте—апреле 1917 года, молчаливая поддержка создания коалиционного министерства в мае, попытки отмежеваться от большевиков в июле, «опасливое отстранение» от ленинского курса на победоносное вооруженное восстание в сентябре—октябре, некоторый период относительно устойчивого сотрудничества с ленинцами зимой и наконец новое выступление под флагом «левизны» против В. И. Ленина и ленинского ЦК в связи с подписанием Брестского мира — таковы общие для всех мелкобуржуазных попутчиков революции этапы политических колебаний Троцкого вплоть до полного провала его антиленинской политики в результате подписания мира и выхода Советской России из войны.

Провалившись на посту наркома иностранных дел, Троцкий некоторое время не был ни членом Советского правительства, ни членом Политбюро ЦК, которое, как известно, в период между VII и VIII съездами РКП(б) не избиралось.

Однако в условиях, когда партия испытывала крайне острую нужду в способных организаторах и просто образованных кадрах, Троцкому был все же доверен важный пост в руководстве военным ведомством. Затем Троцкого, являвшегося членом ЦК РКП(б), назначили наркомом по военным и морским делам и председателем высшего органа Красной Армии — Реввоенсовета Республики.

Как известно, в условиях гражданской войны не было другого наркомата, делами которого В. И. Ленин занимался бы больше, чем делами военного ведомства. В. И. Ленин был в подлинном смысле слова Верховным главнокомандующим Красной Армией. Поэтому, по сути дела, ни одно принципиальное решение Наркомата по военным и морским делам не принималось без его ведома.

Бонапартистские замашки Троцкого, пытавшегося использовать пребывание на посту руководителя военного ведомства для создания себе особого положения в партии, нейтрализовались также действиями остальных членов РВСР и коллективными усилиями сотен других видных деятелей партии, направленных на руководящую работу в Красную Армию. На-

конец, следует иметь в виду, что Троцкий был всего лишь политическим представителем в военном ведомстве. Всю военно-оперативную работу вели подлинные военачальники из числа знакомых с военным делом большевиков и военных специалистов, перешедших на службу Советской власти. Даже пост главнокомандующего вооруженными силами республики был в то время отделен от поста наркома по военным и морским делам.

По воспоминаниям бывшего еще в царское время генералом М. Д. Бонч-Бруевича, ставшего активным борцом за Советскую власть, Троцкий осуществлял лишь самое поверхностное руководство работой военно-оперативного аппарата. Он даже не являлся на заседания Высшего Военного Совета (затем Реввоенсовета), не только не скрывал, но даже афишировал свое равнодушие к конкретному военному делу. Когда члены Высшего Военного Совета попросили Троцкого обрисовать военно-оперативную обстановку на возможном театре военных действий, Троцкий, охотно согласившись на эту просьбу, потребовал повесить географическую карту Европы и, тыча в нее указкой, прочитал вчерашним генштабистам, людям высокоэрудированным, владевшим несколькими иностранными языками, популярную лекцию о современном политическом положении сопредельных с Советской Россией стран¹.

К счастью для страны, Троцкий не имел возможности действовать лишь по своему усмотрению, он вынужден был считаться с постоянным руководством военным ведомством со стороны ЦК и лично В. И. Ленина, с мнением коммунистов — военных работников и беспартийных военных специалистов. В тех же случаях, когда он пытался действовать самостоятельно, он вновь и вновь допускал серьезные ошибки, свидетельствовавшие о все той же авантюристической линии, которую он тщетно пытался противопоставить политике партии еще в период заключения Брестского мира.

Партия дала ясную директиву: строить Красную Армию на началах строгой военной дисциплины. Троцкий сплошь и рядом извращал эту директиву, пытался насадить в рабоче-крестьянской Красной Армии не сознательную, а палочную дисциплину, основанную не на идейном убеждении военно-служащих, а на угрозах и запугивании. Особенно недопустимые меры дисциплинарного воздействия Троцкий применял

¹ М. Д. Бонч-Бруевич. Вся власть Советам, стр. 271.

по отношению к главной опоре партии в армии — политическим работникам. Очевидцы рассказывают, что Троцкий грозил комиссарам, многие из которых лишь недавно впервые надели на себя военную форму, самыми страшными карами, вплоть до расстрела, за любое, даже самое пустяковое, нарушение уставных требований (например, за неправильно повязанную португую, за неумелое приветствование Троцкого и сопровождающих его лиц и т. д.). При появлении поезда наркома по военным и морским делам в прифронтовой полосе у многих самых преданных революции политработников возникло тревожное чувство на душе, так как они знали, что от Троцкого надо ждать не помощи или полезного совета, а только разносов, сопровождающихся самыми крайними угрозами и оскорблениями.

В конце 1918 года партийный актив армии глубоко возмутило дикое, провокационное распоряжение Троцкого без суда и следствия расстрелять всех комиссаров одной из дивизий Восточного фронта, в которой командный состав (все бывшие царские офицеры) совершил коллективный переход на сторону белых. В числе подлежащих расстрелу были видные работники, ставшие впоследствии членами ЦК РКП(б). Потребовалось личное вмешательство В. И. Ленина, чтобы этот акт произвола Троцкого, преследовавший единственную цель — дискредитацию политических комиссаров, этих верных проводников политики партии в армии, — был отменен.

Сам же Троцкий слепо доверял военспецам, отвергал необходимость действенного партийного контроля за ними. При создании Красной Армии он выступил против строгого соблюдения классового принципа формирования красноармейских частей.

Там, где Троцкому удавалось последовательно применить на практике свои антиленинские методы строительства Красной Армии, воинские подразделения не отличались ни подлинной революционной дисциплиной, ни боеспособностью. В письме от 15 октября 1919 года Г. К. Орджоникидзе сообщил В. И. Ленину о неблагополучии в войсках Южного фронта. «...Где же эти порядки, дисциплина и регулярная армия Троцкого?! — писал Серго. — Как же он допустил дело до такого развала?»¹

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 387.

Такой же авантюристический, оторванный от реальной действительности характер носили и некоторые военно-стратегические решения, которые Троцкий пытался навязать правительству и ЦК партии. Он, в частности, предлагал прекратить преследование разгромленных войск Колчака на линии Урала, что дало бы возможность этому злейшему врагу Советской власти оправиться от поражения и собрать свежие силы для нового похода на Страну Советов.

Троцкий вместе с Зиновьевым были инициаторами паникерского приказа о потоплении кораблей Балтийского флота и о подготовке к сдаче Петрограда во время осеннего наступления Юденича в 1919 году. Троцкий хотел навязать руководителям обороны города авантюристический план, сводившийся к тому, чтобы впустить вражескую армию в Петроград и принудить ее к якобы невыгодному для нее бою на улицах крупного пролетарского центра. Лишь в результате личного вмешательства В. И. Ленина эти пораженческие планы капитулянтов и паникеров были отменены. Директива ЦК РКП(б) «Петроград не сдавать!» — осталась в качестве руководящей директивы и для защитников города, и для командования Красной Армии.

Под руководством В. И. Ленина был отвергнут ошибочный, авантюристический план разгрома Деникина, который отстаивал Троцкий.

Принятый Центральным Комитетом план предусматривал нанесение удара по Деникину через районы Харькова и Донбасса, где Красная Армия по мере своего продвижения вперед встречала постоянную поддержку и помощь многочисленного пролетарского населения.

В том же 1919 году В. И. Ленин решительно воспротивился и другому не менее авантюристическому плану Троцкого — начать войну против Эстонии с целью восстановления в ней военным путем Советской власти, разгромленной к тому времени белогвардейцами. Отвергая этот очередной вариант троцкистской «теории» экспорта революции, В. И. Ленин призывал к величайшей осторожности, к учету настроений большинства эстонского народа. Возражая против огульного обвинения населения Эстонии в поддержке Юденича и других белогвардейцев, В. И. Ленин писал Троцкому: «Нет ли тут обмана?.. Не идут ли с Юденичем эстонцы белые только (офицеры), составляющие меньшинство, и ничтожное, среди эстонцев?»

Надо десять раз обдумать, десять раз примерить, ибо масса данных указывает на желание мира эстонским *крестьянством*¹.

Как и предвидел В. И. Ленин, правительство буржуазной Эстонии под напором масс рабочих и крестьян согласилось на мирные переговоры с Советской республикой. Мирный договор с Эстонией, подписанный в 1920 году, положил начало восстановлению нормальных внешнеполитических отношений Советского государства с сопредельными восточноевропейскими странами.

В 1920 году Троцкий, как руководитель военного ведомства, нес прямую ответственность за отступление наших войск после нападения на Советскую страну белополяков. После того как Красная Армия, разгромив захватчиков, перешла в решительное контрнаступление, Троцкий всячески поддерживал идею перенесения главного удара с Варшавы на Львов. С помощью этого «прыжка» он рассчитывал осуществить свою теорию «перманентной революции» и принести «освобождение» европейскому пролетариату на красноармейских штыках.

Плохо подготовленное наступление Красной Армии закончилось неудачей. По инициативе В. И. Ленина с Польшей был заключен мир, но уже на более худших условиях, чем это могло быть до наступления в Галиции. Вместо линии Керзона, на которую соглашалось польское правительство и его руководители из Англии, Франции и США в начале войны, государственная граница между Советской республикой и Польшей стала проходить значительно восточнее, в непосредственной близости от Минска. Миллионы западных белорусов и украинцев оказались на территориях, захваченных белополяками. Троцкистский авантюризм снова, как и в период брестских переговоров, дорого обошелся Советской власти.

Ошибки, допускаявшиеся Троцким как руководителем военного ведомства, вызывали серьезное недовольство коммунистов, искренне болевших за дело укрепления вооруженных сил революции. Явное нежелание Троцкого прислушиваться к критике со стороны этих коммунистов толкнуло некоторых из них накануне VIII съезда РКП(б) на путь объединения с так называемой «военной оппозицией», ядро которой составили бывшие «левые коммунисты». «Военная оппозиция», выступая против линии партии на укрепление единоначалия и дисциплины в армии, на использование военных специали-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 51, стр. 69.

стов, ратовала за анархическую распущенность и партизанщину. При этом многие честные коммунисты, оказавшиеся вовлеченными в эту оппозицию, стремились выразить тем самым несогласие с линией Троцкого, насаждавшего в армии палочную дисциплину, третировавшего политработников и слепо доверявшего военспецам. VIII съезд партии осудил «военную оппозицию». Однако резкой критике была подвергнута и деятельность Троцкого. Это привело к отходу от «военной оппозиции» честных коммунистов, которые увидели, что линия партии не имеет ничего общего с троцкистскими установками, вызывавшими их законное недовольство.

Жрикливая, полная самовосхваления деятельность Троцкого на посту наркомвоенмора не вызывала доверия и у В. И. Ленина, который постоянно одергивал и поправлял Троцкого. В одной из бесед с М. Горьким В. И. Ленин сказал о Троцком, что этот человек «с нами, а — не наш»¹. Ленинская прозорливая оценка деятельности Троцкого целиком подтвердилась в последующие годы, когда Троцкий полностью порвал с партией и стал ярым антикоммунистом и антисоветчиком.

* * *

В годы гражданской войны все отчетливее вырисовывалась и авантюристическая платформа троцкизма в области внутренней политики Советского государства.

В. И. Ленин еще задолго до победы Великого Октября разработал и наметил в деталях внутривнутриполитическую платформу большевистской партии, которую она стала осуществлять, придя к власти. Исходя из своего вывода о возможности победоносного строительства социализма в нашей стране, В. И. Ленин считал, что главной задачей партии после ее прихода к власти станет последовательное решение экономических и политических задач, связанных с построением социалистического общества. Особенность ленинского подхода к решению этих задач состояла в том, что В. И. Ленин призывал партию не заниматься прожектерством, не стремиться к искусственному ускорению объективных процессов, развитие которых неизбежно должно было привести к победе социализма, не отрываться от реальной почвы российской действительности. Пусть медленнее, но только вместе со всем народом — в этом В. И. Ленин видел основу основ политики построения социа-

---

¹ М. Горький. Соч., т. 17, стр. 43.

лизма. Твердо веря в силы русской революции, в способность пролетарского государства устоять под любым натиском империалистической реакции и внутренней контрреволюции, В. И. Ленин предостерегал партию от торопливости, от забега вперед, от недооценки всей важности строить политику в строгом соответствии с требованиями объективных законов общественного развития, а не вопреки им.

В. И. Ленин видел, что у рабочего класса, установившего свою диктатуру, нет какого-либо серьезного опыта руководства экономикой страны. Поэтому он призывал не торопиться с национализацией промышленности и ограничить усилия пролетарской диктатуры в этом направлении первоначально рабочим контролем над производством и распределением продуктов с обобществлением лишь наиболее важных, ключевых отраслей народного хозяйства, на господстве в которых основывалась экономическая мощь буржуазии. «Не введение социализма немедленно, а постепенный подвод к осознанию его неизбежности» — в этих постоянно повторявшихся ленинских словах содержался призыв к терпеливой, последовательной работе по закреплению и развитию завоеваний революции.

По мере того, как возрастал авторитет Советской власти в массах народа, партия приступала к постепенному осуществлению своей социалистической программы. К весне 1918 года завершился первый этап национализации промышленности, ознаменованный переходом в руки пролетарского государства наиболее важных предприятий и отраслей производства.

Как только в результате подписания Брестского мира Советским государством была завоевана первая передышка от войны, В. И. Ленин написал свою знаменитую работу «Очередные задачи Советской власти», в которой изложил конкретный, научно обоснованный план приступа к социалистическому строительству. Правильно организованный общественный учет и контроль — в этом В. И. Ленин видел главное и решающее, доступное миллионам трудящихся средство переделки экономики страны на социалистической основе. Создание широкой, разветвленной и всеобъемлющей системы такого контроля и учета должно было стать решающим фактором экономического воспитания пролетариата, привития ему чувства хозяйского отношения к производству и навыков управления им, рождения новой, социалистической дисциплины труда. Система общественного учета и контроля должна была ограничить эксплуататорские поползновения оставшихся владель-

цев предприятий, подчинить организованное капиталистическое производство влиянию пролетарского государства, создать условия для полной ликвидации капиталистической собственности. Эта система должна была неразрывно связать с социалистическим хозяйством гигантский мелкотоварный сектор, обеспечить возможность воздействия на него в нужном пролетариату направлении, а затем и коренной его переделки на социалистической основе. Наконец, эта система должна была придать необыкновенную экономическую мощь пролетарскому государству, превратить его в главный регулятор экономической жизни общества, сосредоточить в его руках гигантские материальные и финансовые средства, необходимые для решения не только экономических, но и политических задач строительства социализма.

Ленинский план приступа к социалистическому строительству, рассчитанный на использование в интересах социализма действия познанных объективных законов развития общества, и прежде всего законов становления новой, социалистической общественно-экономической формации, был встречен в штыки «левыми коммунистами» и другими «революционерами» фразы. Не видевшие и не понимавшие всей сложности строительства социализма, они пытались и здесь применить все тот же «метод» субъективистского подстегивания, поджлестывания объективных процессов, который был характерен и для их позиции в вопросах международной политики партии. Главную ставку «левые» оппортунисты предлагали сделать на административную роль пролетарского государства, считая, что новое общество рождается не в соответствии с объективно действующими законами, а исключительно лишь по воле и прихоти людей, организованных социалистическим государством. Неважно как, а главное быстрее — этим авантюристическим принципом они и предлагали руководствоваться во внутренней политике Советской власти. В основе его лежало, в конечном счете, оппортунистическое неверие в способность российского пролетариата дать действительные образцы научных методов строительства социализма, которые бы стали вдохновляющим примером для остальных народов.

Решительным противником ленинского плана приступа к социалистическому строительству был и Троцкий.

У троцкистов не было своей положительной платформы внутриполитической деятельности партии. Троцкий даже не допускал мысли о том, что Россия до победы западноевропейского пролетариата сможет сколько-нибудь продвинуться по

пути социалистического строительства. Поэтому он и не утруждал себя заботами о разработке хотя бы приблизительной программы этого строительства, соответствующей его антиленинским взглядам.

Однако по мере того как пролетарское государство, несмотря на все прогнозы Троцкого, делало всё новые шаги на пути к социализму, надобность в такой программе постепенно стали ощущать и троцкисты.

В 1919 году Троцкий направил весьма симптоматичное письмо М. С. Ольминскому. Это было, пожалуй, самое трудное время для Советской власти. Кольцо фронтов гражданской войны сжимало молодую Советскую республику. Пасуя перед трудностями, Каменев с тоской говорил в те дни Демьяну Бедному: «И черт нас угораздил заварить эту кашу! Была бы учредилка. Сходил бы я это туда два раза в месяц, поболтал, а потом домой... и вот так у камина...»¹ В это время Троцкий также выражал сомнение в правомерности Октябрьской революции. Стараясь отмежеваться от нее, он в письме М. С. Ольминскому заявил, что считает свою теорию «перманентной революции» целиком и полностью правильной и что Советской России не быть социалистической, если на помощь ей не подспеет мировая пролетарская революция.

Исходя из этого пораженческого тезиса, троцкисты и «разрабатывали» свою внутривластную платформу.

Поначалу эта платформа сводилась лишь к голому отрицанию политического курса партии. Но затем появились и «положительные» пункты. В этом Троцкому помогли своими «теоретическими» изысканиями некоторые деятели из бывшей фракции «левых коммунистов», прежде всего Бухарин и особенно Преображенский и Пятаков, ставшие вскоре главными троцкистскими экономистами, авторами троцкистской экономической платформы.

Важнейшие положения этой платформы были заимствованы у «левых коммунистов», концепции которых основывались на идеях так называемого «империалистического экономического кризиса», подвергнутого В. И. Лениным уничтожающей критике еще в годы империалистической войны. Эклектически соединенные с явно меньшевистскими теориями, эти положения были развиты самим Троцким, который «обогастил» их идеей всеобщей милитаризации экономики страны.

Не будучи сам сколько-нибудь образованным в экономи-

---

¹ «Правда», 1 ноября 1927 г.

ческом отношении человеком, Троцкий детально «разработал» в экономической платформе троцкизма именно эту идею, ставшую близкой ему еще и из-за его принадлежности к военному ведомству. Преследуя явно бонапартистские цели, Троцкий старался выпятить роль армии в жизни общества, рассчитывая, что как руководитель военного ведомства он сумеет тем самым упрочить и свои антиленинские позиции в партии и государстве.

В условиях гражданской войны Советское государство вынуждено было перейти от предусматривавшегося ленинским планом приступа к социалистическому строительству последовательного решения задач социалистического переустройства экономики к так называемой политике «военного коммунизма». В целях концентрации усилий всего народа для быстрого разгрома внешних и внутренних врагов Советской власти были национализированы не только крупные, но и средние и большинство мелких промышленных предприятий, создана строго централизованная система руководства экономикой, введены продразверстка в деревне, обязательная трудовая повинность, уравнильное распределение продуктов питания и промышленных товаров широкого потребления, в управлении народным хозяйством стали широко применяться чисто административные методы, помогавшие любой ценой в кратчайший срок решать проблемы снабжения армии всем необходимым. Военный коммунизм способствовал превращению страны в единый сражающийся лагерь. Но он, по словам В. И. Ленина, «не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой»¹.

Партия рассматривала политику военного коммунизма как временную меру, вынужденную крайне трудными условиями военного времени. При первой же возможности она предполагала вернуться к научно обоснованным, экономическим методам руководства народным хозяйством, о необходимости которых В. И. Ленин писал в «Очередных задачах Советской власти».

Однако в партии находились люди, которых ослепляли успехи военного коммунизма и которые по наивности склонны были видеть в нем суть политики построения социализма. Они ратовали за дальнейшее углубление политики военного коммунизма, еще большую централизацию всей экономической и политической жизни общества. К числу таких людей

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 220.

относились многие деятели бывшей фракции «левых коммунистов». Именно на них рассчитывал опереться Троцкий, добиваясь еще большей централизации жизни общества и усиления роли административного начала в руководстве им.

«Непомерное увлечение административным началом»¹, отмеченное В. И. Лениным, не было случайным для Троцкого. Он не верил в прочность социалистического строя в России, считал, что российский пролетариат совершенно одинок в своей стране и, больше того, со всех сторон окружен неизменно враждебной ему мелкобуржуазной стихией, что, наконец, сам российский пролетариат является отсталым, мало воспитанным в социалистическом отношении классом, далеким от того образца, который являет собой «более цивилизованный» западноевропейский пролетариат. Для того чтобы до победы мировой пролетарской революции удержать власть в такой отсталой стране, как Россия, Троцкий и считал необходимым широко использовать методы административного нажима на массы. Он доказывал, что только такие методы позволят удержать в подчинении пролетарскому государству и «враждебные» ему мелкобуржуазные массы, и, в конечном счете, даже сам «недостаточно подготовленный к социализму» российский пролетариат. Причем, со своей обычной мелкобуржуазной непоследовательностью, он бросался из одной крайности в другую, предлагая использовать в тех же целях и другой «метод»: путь беспринципных уступок внутренней и международной буржуазии, мелкобуржуазным классам, отсталым элементам пролетариата, чтобы такой ценой не возбуждать их недовольства Советской властью и продлить ее существование до победы мировой пролетарской революции. Непомерное преувеличение роли революционного насилия, административных методов руководства — отличительная черта троцкизма, прямой результат ненаучных, субъективистских представлений Троцкого о характере и задачах революционного преобразования общества.

Не видя реальных внутренних возможностей строительства социализма в России, Троцкий фактически отрицал всю созидательную, положительную программу русской революции. Пролетарскую власть он предлагал использовать, главным образом, в разрушительных целях. Троцкий приписывал Ленину стремление превратить диктатуру пролетариата в орудие террора против эксплуататорских классов. На самом же деле

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 345.

красный террор пролетарского государства стал ответом на белый террор, к которому первой прибегла контрреволюционная буржуазия.

Троцкий начисто отрицал созидательный характер ленинской программы национализации производства. В его представлении партия осуществляла эту программу, руководствуясь анархистским лозунгом: «Грабь награбленное», который Троцкий приписывал В. И. Ленину. Имея в виду работу одного из публицистов (В. А. Карпинского), Н. К. Крупская по этому поводу писала еще в 1920 году: «...у автора имеется одно неудачное выражение. Он считает, что должен проводиться в жизнь лозунг: „Грабь награбленное“ и „Преображай награбленное в народное достояние“¹. Однако Троцкий и впоследствии продолжал приписывать В. И. Ленину подобную нелепую мысль.

Отношение В. И. Ленина к революционному насилию отчетливо передают его слова: «Не путем насилия внедряется коммунизм»². Главную задачу диктатуры пролетариата он видел в созидательной деятельности по построению нового, социалистического общества.

Подобно другим мелкобуржуазным авантюристам Троцкий особые надежды возлагал на «подхлестывание» мировой пролетарской революции с помощью «революционной войны». В подготовке к такой войне он видел главный смысл существования Советского государства и всей его внутренней и внешней политики. Троцкий добивался усиления чрезвычайных мер Советского государства, вызванных условиями войны. Отсюда — его попытки навязать партии глубоко ошибочную идею всеобщей милитаризации народного хозяйства как главного принципа экономической политики Советской власти, подмена ленинского тезиса об обязательности труда при социализме мелкобуржуазно-авантюристическим лозунгом принудительного труда и другие.

Открытое выступление Троцкого с широкой программой милитаризации труда относится к периоду подготовки и проведения IX съезда РКП(б) (март—апрель 1920 г.). Съезд собирался в обстановке, когда, в результате разгрома белых армий Колчака, Юденича и Деникина, наша страна завоевала вторую мирную передышку. Перед партией во весь рост встал

¹ Цит. по: А. Г. Черных. В. И. Ленин — историк пролетарской революции в России, стр. 303.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 162.

вопрос о том, как эффективнее использовать эту передышку для мирного социалистического строительства. По инициативе В. И. Ленина еще до съезда начались подготовительные работы, связанные с созданием грандиозного плана строительства основ социалистической экономики на началах электрификации всей страны — плана ГОЭЛРО. Съезд, как известно, всецело одобрил ленинскую идею электрификации и принял директивы по составлению плана, положенные в основу всей дальнейшей работы комиссии ГОЭЛРО.

В связи с началом мирной передышки партия должна была решить и другой сложный вопрос: как наиболее безболезненно перевести на рельсы мирного труда миллионные армии защитников революции. Причем перевести их так, чтобы это не привело ни к росту безработицы в городах, ни к усилению мелкобуржуазных колебаний сельского населения. Так как гражданская война еще не была завершена и Антанта грозила социалистическому государству новыми военными походами, решено было армию не распускать, а часть ее перевести на положение трудовых армий. Их предполагалось использовать на работе в народном хозяйстве, а в случае нужды — вновь привести в боевую готовность для отражения нападений врага.

В. И. Ленин рассматривал такую меру как временную, вынужденную вследствие крайне тяжелого экономического и все еще напряженного внешнеполитического положения Советского государства. Однако Троцкий, который как глава военного ведомства становился теперь еще и руководителем гигантских масс людей, занятых в народном хозяйстве, попытался объявить эту вынужденную меру «неизбежным методом организации и дисциплинирования рабочей силы в переходную эпоху от капитализма к социализму».

В тезисах к IX съезду РКП(б) и выступлении на нем Троцкий утверждал, что каждый промышленный округ «явится... дивизией», каждый офицер будет «руководить промышленностью данного района», а вся «наша хозяйственная жизнь будет впитывать в себя... элементы милитаризации». На съезде он пропел восторженный гимн в честь милитаризованного, принудительного труда, пытаясь доказать, что только такой труд способен стать средством строительства социализма. «Человек, — утверждал Троцкий, — есть довольно ленивое животное». Поэтому его надо «дисциплинировать и подстегивать». В военной же области «имеется соответствующий аппарат, который пускается в действие для принуждения солдат

к исполнению своих обязанностей. Это должно быть... и в области трудовой».

Наша задача, призывал Троцкий, должна состоять в том, чтобы командиром (на производстве. — *Авт.*) был наш красный мастер, новый инженер, члены правления заводов и фабрик, чтобы они были нашими полковниками, дивизионными командирами, генералами, нашими батальонными и ротными командирами, чтобы вся хозяйственная жизнь перестраивалась по образцу армейской. «Пулеметные методы, — утверждал Троцкий, — будут самыми лучшими для разрешения хозяйственных задач».

Он предлагал формировать из крестьянства новые и новые трудовые армии, а затем передать функцию милитаризации крестьянского труда... профсоюзам. «И через профессиональные союзы они (передовые рабочие. — *Авт.*), — говорил Троцкий, — могут милитаризовать огромные крестьянские массы».

Партия отвергла авантюристический план Троцкого. В предварительных замечаниях к тезисам Троцкого В. И. Ленин предложил устранить ряд неверных формулировок и добавить новые, отражающие линию партийной политики¹. ЦК РКП(б) подверг тезисы обстоятельной критике, переработал их в соответствии с ленинскими замечаниями². IX съезд партии единодушно высказался за ограниченное применение трудовых армий, указав, что на важнейших промышленных предприятиях следует использовать «лучшие элементы из квалифицированных рабочих». «Применение целых трудовых армий, с сохранением армейского аппарата, — указывал съезд, — может быть оправдано лишь постольку, поскольку необходимо сохранить армию в целом для военных целей»³.

В противовес троцкистским установкам на милитаризацию как средство повышения производительности труда партия разработала план развития экономики на основе внедрения в нее новейших достижений науки и техники — план ГОЭЛРО. Этот план был утвержден VIII Всероссийским съездом Советов в декабре 1920 года и стал, по выражению В. И. Ленина, второй программой партии, определившей пути строительства социализма.

Троцкий и его единомышленники отрицательно относились к плану ГОЭЛРО, противопоставляли ему план использования

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 190—191.

² См.: Борьба В. И. Ленина против мелкобуржуазной революционности и авантюризма, стр. 229.

³ КПСС в резолюциях..., ч. I, стр. 487.

«даровой» рабочей силы трудармий. Не веря в возможность победы социализма в нашей стране, они утверждали, что план ГОЭЛРО, рассчитанный на 10 лет, «может не осуществиться и в 40 лет».

В. И. Ленин решительно осудил авантюристические предложения троцкистов, охарактеризовав их как «освобождение от идеи электрификации»¹. «Очень слабо. Декламация и только. Делового ничегошеньки»² — так В. И. Ленин определил суть троцкистского авантюризма в этих вопросах. Такого же мнения придерживалось и огромное большинство партии. В известном письме В. И. Ленину И. В. Сталин, вспоминая «прошлогодний «план» Троцкого и его тезисы «хозяйственно-го возрождения» России на основе массового применения к обломкам довоенной промышленности труда неквалифицированной крестьянско-рабочей массы (трудармии)», восклицал: «Какое убожество, какая отсталость в сравнении с планом ГОЭЛРО! Средневековый кустарь, возомнивший себя ибсеновским героем, призванным «спасти» Россию сагой старинной...»³

* * *

Принятие ленинского плана ГОЭЛРО совпало с началом важного поворотного момента в истории нашей партии и государства — окончанием гражданской войны и переходом к мирному социалистическому строительству. Этот поворот до предела обострил разногласия огромного большинства партии с противниками ее ленинской линии. Партия оказалась втянутой раскольниками в затяжную внутрипартийную дискуссию, которая еще больше осложнила то тяжелое положение, которое переживала страна вследствие военного разорения.

Гражданская война и иностранная военная интервенция свергли нашу страну в состояние затяжного экономического и политического кризиса. Целые отрасли промышленности, разрушенные белогвардейцами и интервентами, оказались отброшенными на десятилетия назад. Транспорт находился на грани паралича. Серьезные трудности переживало сельское хозяйство, также разоренное войной. Голод, эпидемии, резкое сокращение производства промышленных товаров широкого потребления тяжело отражались на жизни миллионов трудя-

¹ См.: Ленинский сборник XX, стр. 111, 208.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 173.

³ И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 50.

щихся. Важнейшим следствием экономической разрухи было недовольство материальным положением, охватившее значительную часть населения. В годы войны рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция, стиснув зубы, переносили все тяготы военного времени, понимая, что всяким выражением недовольства воспользуются белогвардейцы и интервенты, чтобы расправиться с Советской властью. Но по мере того, как в связи с успехами Красной Армии угроза свержения Советской власти стала уменьшаться, это недовольство прорывалось все более открыто. Особая опасность его заключалась в том, что гигантское большинство населения страны составляли мелкобуржуазные слои, подверженные в силу своей классовой природы самым неожиданным, трудно поддающимся предварительному учету колебаниям, которыми могли воспользоваться явные враги Советской власти.

В годы гражданской войны основная мелкобуржуазная масса, прежде всего крестьянство, поддерживала пролетариат и его партию. Рабочий класс и трудящееся крестьянство связывал военно-политический союз, экономическую основу которого составляли революционные преобразования, осуществленные Советской властью в земельных отношениях. Ради того чтобы сохранить землю и другие льготы, полученные от пролетарского государства, крестьяне мирились с продразверсткой и запрещением частной торговли. Эта поддержка крестьянства позволила рабочему классу одержать победу в тяжелой войне против внутренней контрреволюции и иностранных интервентов.

С окончанием гражданской войны значительные слои крестьянства, убедившись, что опасность возвращения помещиков миновала, стали все более открыто выражать недовольство политикой Советской власти, сводившей на нет возможности частнохозяйственного развития деревни. В этом проявилась двойственная природа середняка — основной фигуры послереволюционной российской деревни. С одной стороны, как труженик, он был заинтересован в ограничении и прекращении такого развития, порождавшего в деревне все более обострившиеся классовые антагонизмы, а с другой, как собственник, сам мечтал стать состоятельным хозяином, подчиняющим своему экономическому влиянию других.

В условиях гражданской войны частнособственнические поползновения крестьян пресекались административным путем, на основе политики военного коммунизма. Крестьянское недовольство накапливалось, создавая угрозу гигантского

стихийного взрыва, способного осуществить то, что не могли сделать ни белогвардейцы, ни интервенты, т. е. сокрушить Советскую власть. Опасность колебаний крестьянства усиливалась тем, что удельный вес его основных мелкобуржуазных, середняцких слоев за годы революции и гражданской войны существенно вырос. Мелкобуржуазное влияние возросло и в городе, охватив даже некоторую часть пролетариата, переживавшего процесс распыления и деклассирования из-за военного разорения. Положение осложнялось тем, что начавшаяся демобилизация армии сопровождалась ростом числа безработных и других людей, не нашедших из-за военного разорения применения своему труду и потому больше всего поддававшихся различным шатаниям.

Наиболее острым проявлением возросших мелкобуржуазных колебаний было участие мелкобуржуазной массы в кулацких мятежах, вспыхнувших в разных районах страны, а также в контрреволюционном кронштадтском мятеже у стен Петрограда. Некоторые деклассированные элементы рабочего класса приняли участие в «волынках» (полузабастовках на экономической почве), волна которых прокатилась по ряду предприятий промышленных центров страны, в том числе и Петрограда. Открытым выражением недовольства политикой Советской власти части трудящихся пыталась воспользоваться внутренняя и особенно внешняя контрреволюция.

В этих чрезвычайно трудных условиях жесточайшего политического и экономического кризиса, возросшей угрозы новой войны против РСФСР партия должна была сохранять величайшее единство своих рядов, твердость и негибкую верность ленинской линии своей политики, чтобы не только отразить усилившиеся атаки явных контрреволюционеров, но и найти наиболее верные и эффективные средства преодоления колебаний мелкобуржуазной массы и ликвидации послевоенной разрухи.

Однако под давлением усилившейся мелкобуржуазной стихии в рядах партии, среди ее наиболее отсталых, подверженных мелкобуржуазным влияниям членов, также стали проявляться отдельные характерные для мелкой буржуазии колебания. Отражением этих мелкобуржуазных колебаний в партийных рядах и стало оживление антипартийных группировок «децистов» (фракции «демократического централизма», или «громче всех крикунов», как назвал ее В. И. Ленин¹),

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 243.

«рабочей оппозиции» и сторонников других антиленинских течений.

«Децисты» и «рабочая оппозиция» стали главным рупором мелкобуржуазных элементов, пытавшихся внедриться в партийные ряды. Спекулируя на законном стремлении коммунистов к быстрой демократизации партийной жизни, уже начатой в условиях мирного времени по инициативе ЦК, к отказу от методов руководства, порожденных обстоятельствами войны, что также уже осуществлялось партией, враги ленинизма выступили с требованием безграничной, по сути дела «надклассовой», т. е. антипролетарской, демократии в партии и государстве. Они добивались легализации антиленинских фракций и группировок, настаивали на ослаблении партийного руководства советскими, профсоюзными, хозяйственными органами, всей политической и экономической жизнью общества. Их требования объективно сливались с требованиями явных противников партии и Советского государства, которые также ратовали за «демократию», понимая под этим лозунгом предоставление свободы антисоветской деятельности всем враждебным социализму силам.

Путь к такой «демократизации» (или, как можно было бы сказать, применяя современную терминологию оппортунистов, — к «либерализации») контрреволюционеры видели прежде всего в устранении от руководства обществом Коммунистической партии. «Советы без коммунистов» — таков был новый лозунг классового врага, прямо направленный против руководящей роли партии в системе диктатуры пролетариата. Настаивая на ослаблении партийного руководства Советами, профсоюзами, хозяйственными органами, враги ленинизма тем самым оказывались в одном лагере с явными контрреволюционерами, также подвергавшими ожесточенным нападениям ленинскую идею руководящей роли партии в жизни советского общества.

Меньшевистские требования интеллигентской группочки, претенциозно назвавшей себя «рабочей оппозицией», и фракции «громче всех крикунов» не могли встретить поддержки широких масс трудящихся, хотя эти требования и были прикрыты демагогической, псевдореволюционной фразеологией. За годы гражданской войны рабочие и крестьяне научились распознавать подлинную суть призывов к «демократии», когда они сопровождались требованием упразднения или ослабления руководящей роли Коммунистической партии. На собственном опыте массы убедились в том, что только

Коммунистическая партия является надежным и испытанным защитником их интересов, станovým хребтом диктатуры пролетариата. Поэтому демагогические призывы фракционеров вывести из сферы непосредственного руководства партии, и прежде всего ее ленинского ЦК, то местные органы Советской власти, то профсоюзы, то какие-либо другие учреждения и организации, отрицательно воспринимались массами. Ни «рабочей оппозиции», ни особенно «децистам» не удавалось привлечь на свою сторону сколько-нибудь заметного числа сторонников из числа рабочих — коммунистов или беспартийных.

Несмотря на фракционную возню, устроенную раскольниками в некоторых партийных организациях, прежде всего Московской, их полный провал на готовившемся очередном X съезде РКП(б) был очевидным. Ни лидеры «рабочей оппозиции» (Шляпников, Медведев, Коллонтай и другие), ни вожди «децистов» (Сапронов, Осинский, Максимовский, Богуславский, Рафаил и другие) не были в состоянии поколебать единство партии, крепко сплоченной вокруг ленинского ЦК.

Но неожиданная поддержка фракционерам пришла от Троцкого, являвшегося в то время членом Политбюро ЦК РКП(б), наркомом по военным и морским делам и наркомом путей сообщения. Воспользовавшись как предлогом нападки на «децистов» и особенно «рабочей оппозиции» на политику партии по отношению к профсоюзам, он самовольно взял на себя роль «толкователя» этой политики. Пытаясь изобразить дело так, будто бы ЦК упустил вопрос о роли профсоюзов, Троцкий попытался выдать себя в качестве единственного члена Политбюро, понимающего эту роль. Он объявил себя чуть ли не единственным в ЦК «защитником» интересов профсоюзного движения. Политику партии в профсоюзном вопросе он представлял в искаженном виде и настаивал на пересмотре ее «в целях спасения профсоюзов от кризиса». Тем самым Троцкий фактически присоединился к другим фракционерам, также настаивавшим на пересмотре всей политики партии, в том числе и в профсоюзном вопросе.

Вопрос о профсоюзах, об их роли в системе диктатуры пролетариата был совершенно ясным для партии. Об этом говорилось в Программе РКП(б), принятой VIII съездом партии в 1919 году, в специальной резолюции IX съезда РКП(б) «По вопросу о профессиональных союзах и их организации», в которой профсоюзы характеризовались как школа коммунизма и звено, связующее партию с массами пролетариата, и в дру-

гих официальных партийных документах. Лишь антиленинские, оппортунистические элементы, вроде лидеров «рабочей оппозиции», «децистов», бывшего меньшевика Рязанова и других, не признавали правильности этих ясных и четких директив. Поставив вопрос о профсоюзах, высказываясь за пересмотр политики партии по отношению к ним, Троцкий явно рассчитывал привлечь на свою сторону этих деятелей. Как показало дальнейшее развитие событий, почти все они вскоре действительно перешли на позиции троцкизма.

Толчком, ускорившим выступление Троцкого с самостоятельной платформой в профсоюзном вопросе, были события, развернувшиеся в Цектрane (Центральном комитете профсоюза работников транспорта), в котором у Троцкого, как наркома путей сообщения, было немало сторонников. Руководствуясь троцкистскими идеями о принудительном труде как якобы главном средстве решения хозяйственных проблем, они проводили линию на милитаризацию своего профсоюза, свели на нет союзную демократию, широко внедряли практику дисциплинарных взысканий и штрафов за малейшие нарушения трудовой дисциплины на железнодорожном и водном транспорте. «В Цектрane, — отмечал В. И. Ленин, — допущен ряд преувеличений и вредных преувеличений, допущен ненужный бюрократизм»¹.

Недовольная такими методами часть работников Цектрane, прежде всего водники, выступила против руководства союза. Возникла угроза его раскола. «Рабочая оппозиция» демагогически спекулировала на ошибках, допущенных сторонниками Троцкого в Цектрane, пытаясь выдать их антиленинские взгляды за линию всей партии.

Троцкий, как нарком путей сообщения, нес прямую ответственность за положение, сложившееся в Цектрane. Но он с помощью своих единомышленников продолжал насаждать там политику «завинчивания гаек», стараясь навязать ее всему профессиональному движению страны. Сторонники Троцкого развернули борьбу за захват руководящих органов других профсоюзов и ВЦСПС. Как далеко пошли некоторые из них в своих восхвалениях принудительного труда, видно из выступления видного профсоюзного работника Гольцмана, разделявшего точку зрения Троцкого. На Московской партконференции в ноябре 1920 года Гольцман предлагал насаждать метод «беспощадной палочной дисциплины по отноше-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 249.

нию к рабочим массам... — Мы не будем останавливаться, — грозил он рабочим, — перед тем, чтобы применять тюрьмы, ссылки и каторгу по отношению к людям, которые не способны понять наши тенденции»¹.

Троцкий также считал, что профсоюзы после завоевания власти пролетариатом «становятся проводником революционной репрессии». Без «права приказывать» и осуществлять карательные меры они «превратятся в простую формулу без содержания», утверждал он².

Именно с таких позиций использования профсоюзов как главного средства милитаризации труда Троцкий и выступил 3 ноября 1920 года с речью на собрании коммунистической фракции V Всероссийской профсоюзной конференции. Открыто нападая на политику партии, проводившей курс на демократизацию профсоюзной жизни, он ратовал за «перетряхивание профсоюзов», «завинчивание гаек», насаждение в этих массовых организациях военно-бюрократических методов. Вопреки ленинской точке зрения, закрепленной в решениях IX съезда РКП(б) (профсоюзы — школа коммунизма), он объявил главной задачей профсоюзов руководство производством, предложив придать им для выполнения этой задачи чисто административные функции и превратить их тем самым из общественных организаций в оторванный от масс бюрократический придаток государственного аппарата. В качестве образца, которым должны руководствоваться «перетряхнутые» профсоюзы, Троцкий пытался выставить опыт Цектрана, политика которого вскоре привела к окончательному расколу объединенного профсоюза рабочих железнодорожного и водного транспорта.

Пленум ЦК РКП(б), состоявшийся 8 и 9 ноября 1920 года, обсудил вопросы профессионального движения. Троцкий внес на этот пленум свои тезисы, в которых проводил идею «перетряхивания» профсоюзов, коренного изменения состава их руководителей с целью укрепления позиций троцкистов в руководящих органах профсоюзов. Пленум ЦК отклонил эти тезисы и по предложению В. И. Ленина принял резолюцию, в которой говорилось о необходимости демократизации профсоюзов, укрепления их связи с массами, решительной борьбы с проявлениями бюрократизма и казенщины в их работе. Чтобы не выносить имевшиеся разногласия на широкое обсуж-

¹ Десятый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. Госполитиздат, 1963, стр. 830.

² Борьба В. И. Ленина против мелкобуржуазной революционности и авантюризма, стр. 242.

дение, решено было создать комиссию для разработки согласованного решения. Однако Троцкий отказался войти в состав комиссии, думая с помощью единомышленников развязать в партии широкую дискуссию по совершенно ясному для нее вопросу о профсоюзах. Этот поступок В. И. Ленин охарактеризовал как «продолжение борьбы и вынесение ее за пределы ЦК»¹, назвав его «бюрократическим, несоветским, несоциалистическим, неправильным, политически вредным»².

Вопросы, поднятые в выступлении Троцкого на фракции V профсоюзной конференции, стали широко обсуждаться в среде профсоюзного актива, а затем и в партийных организациях. «Децисты», «рабочая оппозиция» и другие фракционеры воспользовались этим выступлением и усилили свои атаки на ЦК. Они пытались представить речь Троцкого как выражение официальной точки зрения Центрального Комитета, чтобы вызвать тем самым возмущение профсоюзных активистов.

В обстановке фактически навязанной Троцким дискуссии пленум ЦК РКП(б) вынужден был санкционировать ее проведение в рамках подготовки к созывавшемуся X съезду РКП(б), чтобы открыто разоблачить позицию Троцкого. 25 декабря, на следующий день после решения пленума, Троцкий выступил с брошюрой «Роль и задачи профсоюзов», которую представил как плод работы целого коллектива своих единомышленников. Это было открытое заявление о существовании в партии еще одной фракционной группировки — троцкистской. «Созданием фракции на ошибочной платформе» назвал выступление Троцкого В. И. Ленин³.

В брошюре была изложена программа ликвидации профсоюзов как самостоятельных общественных организаций, призванных защищать интересы трудящихся и помогать партии в коммунистическом воспитании масс, выдвигалась идея сращивания профсоюзных органов с органами хозяйственными, сосредоточения в их руках всего управления производством, превращения профсоюзов в аппарат милитаризации труда не только рабочих, но и крестьян, внедрения принудительного труда во все сферы жизни советского общества, отказа от методов его экономического стимулирования, введения всеобщей уравниловки в распределении при сохранении ударности, основанной на голом принуждении, в производстве.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 236.

² Там же, стр. 219.

³ Там же, стр. 237.

Со своими платформами в дискуссии о профсоюзах вслед за троцкистами выступили и другие антиленинские группировки. «Рабочая оппозиция» также требовала передать управление народным хозяйством в руки профсоюзов, но выступала против «огосударствления» последних, предлагая, наоборот, подчинить хозяйственные органы пролетарского государства профсоюзам, т. е. «осоюзить» государство. «Рабочая оппозиция», как и троцкисты, ратовала за уравниловку в распределении.

«Децисты» также настаивали на передаче профсоюзам части государственных функций по управлению производством, выступали против единоначалия и твердой дисциплины на предприятиях, против централизма в управлении хозяйством. Требования «децистов» В. И. Ленин характеризовал как «худший меньшевизм и эсеровщину»¹.

С началом дискуссии оформилась и «буферная группа» во главе с Бухариным, которую В. И. Ленин назвал худшей пособницей фракционности. Бухаринцы, задавшись целью якобы примирить троцкистскую платформу с ленинской, на деле всячески поддерживали антиленинские группочки, и прежде всего троцкистов. Смыкаясь с «рабочей оппозицией», они требовали сделать обязательными кандидатуры, выдвигаемые профсоюзами на хозяйственные посты, т. е. фактически всецело передать профсоюзам государственную функцию назначения руководителей советской экономики. Платформу Бухарина В. И. Ленин назвал «верхом распада идейного». В ходе дискуссии ее целиком и полностью поддержал Троцкий.

Свои платформы выдвинули и некоторые другие антипартийные группочки.

Общим для всех антиленинских платформ было несвоевременное и необоснованное, по сути дела анархо-синдикалистское требование передачи части важнейших государственных функций профсоюзам. Объединяло их авторов и стремление навязать партии губительные для дела социализма методы работы в массах. Троцкисты и бухаринцы предлагали «завинтить гайки военного коммунизма», усилить административный нажим на трудящихся, насаждать методы принуждения к труду. «Рабочая оппозиция» и «децисты», наоборот, настаивали на переходе к безграничной «демократии», а по сути дела к анархической распущенности, отрицали необходимость сохранения какого-либо принуждения к труду

---

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 243.

даже по отношению к несознательным работникам. Все они отрицали ленинский тезис о роли профсоюзов как школы коммунизма, выступали против кропотливой воспитательной работы в массах, которая только и могла сделать трудящихся подлинными хозяевами социалистического производства. Наконец, общим для антиленинских группировок было стремление расшатать систему диктатуры пролетариата, путем легализации враждебных ленинизму фракций и группировок подорвать единство партии, добиться ослабления ее руководящей роли в жизни советского общества. Троцкисты, требуя подчинения профсоюзов государству, тем самым стремились вывести их из сферы непосредственного партийного воздействия, лишить партию ее функции руководства массовыми организациями трудящихся. Троцкий боролся за вывод из сферы непосредственного партийного руководства армии, хозяйственных и административных органов, комсомола. Он, как и все оппортунисты, стремился ограничить роль партии в системе диктатуры пролетариата лишь общеполитическими и воспитательными функциями, т. е. лишить партию реальной власти, которой она обладала, руководя работой всех государственных и общественных организаций.

Требование ослабления партийного руководства было в конечном счете главным во всех оппозиционных платформах. Это требование указывало на неразрывную связь «левого» оппортунизма, на позициях которого стояли все главные антиленинские группы периода дискуссии о профсоюзах, с явным меньшевизмом, также направившим свои удары против «всевластия» Коммунистической партии. Поэтому В. И. Ленин требовал решительно «бороться с идейным разбродом и с теми *нездоровыми* элементами оппозиции, которые договариваются до отречения... в конце концов от руководящей роли партии по отношению к массе беспартийных»¹.

Отрицание оппозицией руководящей роли Коммунистической партии во всей системе пролетарского государства В. И. Ленин считал «коренным теоретическим отступлением от коммунизма и уклоном в сторону синдикализма и анархизма...»² Диктатура пролетариата может осуществляться только через Коммунистическую партию — этот важнейший теоретический вывод был сформулирован В. И. Лениным в ходе дискуссии о профсоюзах.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 244.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 94—95.

Платформой сплочения партии на позициях ленинизма стали выступления В. И. Ленина, направленные против троцкистов и других фракционных группировок. В период дискуссии вождь партии выступил со статьями «О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого», «Кризис партии», «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого и Бухарина», с докладами и речами на Московской конференции союза металлистов, на IV Всероссийском съезде рабочих швейной промышленности, на заседании коммунистической фракции II Всероссийского съезда горнорабочих. В этих выступлениях В. И. Ленин показал анархо-синдикалистский характер противопоставления профсоюзов партии и государству, обосновал и защитил мысль о руководящей роли партии в системе диктатуры пролетариата, подверг резкой критике попытки оппозиционеров навязать партии авантюристический курс во взаимоотношениях с широкими массами трудящихся. В. И. Ленин показал, что спорами о роли профсоюзов фракционеры, прежде всего троцкисты, пытаются прикрыть свое расхождение с партией по коренному вопросу — о сути диктатуры пролетариата вообще. Корни троцкистских ошибок он видел в непонимании механизма «самой основы диктатуры пролетариата, самой сущности перехода от капитализма к коммунизму»¹.

Сущность переходного периода от капитализма к социализму партия видела в завоевании на сторону социализма огромного большинства народа, превращении всех труженников в сознательных строителей нового общества, создании на этой основе возможностей для гигантского, невиданного в истории роста экономики и народной культуры, способного превратить социалистическое общество в действительный образец для всего человечества. Отсюда постоянная забота партии о демократизации советского общественного строя, о вовлечении в сознательную борьбу за социализм все новых и новых слоев народа, о постоянном воспитании масс и убеждении их на собственном опыте в правоте идей научного коммунизма. Не только во имя народа, но и вместе с ним — в этом партия видела основу своей стратегии и тактики в период строительства социализма.

С точки зрения Троцкого, переход от капитализма к социализму — это или непосредственное превращение первого во второй, что требовало чрезвычайно высокого уровня развития

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 204.

производительных сил, культуры и политической сознательности масс, практически недостижимого при капитализме, или искусственное соединение «пролетарской» революции, осуществленной в отсталой стране, с революцией пролетариата более развитых стран. В обоих этих случаях от пролетарской партии не требовалось кропотливой работы по вовлечению в социалистическое строительство гигантских масс населения. В первом — большинство населения оказалось бы уже подготовленным в условиях капитализма к участию в таком строительстве, во втором — отсутствие готовности к социалистическому преобразованию общества у большинства населения отсталой страны с лихвой перекрывалось бы прямой государственной поддержкой со стороны победившего пролетариата более развитых стран. Единственное, что требовалось от пролетарской партии во втором случае, чтобы обеспечить «переход» к социализму, — это подталкивать мировую революцию и не дать враждебным социализму силам поднять голову в собственной стране. Отсюда — установка на всеобщую милитаризацию. «Путь к социализму, — утверждал Троцкий, имея в виду такую страну, как Россия, — лежит через высшее напряжение государственности. И мы с вами проходим как раз через этот период. Никакая другая организация, кроме армии, не охватывала в прошлом человека с такой суровой принудительностью, как государственная организация рабочего класса в тягчайшую переходящую эпоху. Именно поэтому мы говорим о милитаризации труда»¹.

Такое преувеличение роли насилия как функции пролетарского государства свидетельствовало о непонимании Троцким принципиального отличия диктатуры пролетариата от всех типов эксплуататорских государств.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что главной функцией пролетарского государства является не насилие, а созидательная деятельность по строительству нового общества, которое не могло родиться в недрах предшествующей обществу-экономической формации, как это было, например, с капитализмом.

А исполнение этой функции возможно лишь при осуществлении самой широкой демократии для участников социалистического строительства, при сочетании неизбежного для всякого государства принуждения с повседневным убеждением масс. «Диктатура пролетариата, — указывал

¹ Борьба партии большевиков против троцкизма в послеоктябрьский период. М., изд-во «Мысль», 1969, стр. 89.

В. И. Ленин, разоблачая Троцкого, — была успешна, потому что умела соединять принуждение и убеждение»¹.

Отрицая роль демократии как условия успешной борьбы пролетариата в эпоху империализма, Троцкий подобно меньшевикам не признавал глубоко демократического характера Советского государства. Демагогически выступая за «демократию», он в ходе профсоюзной дискуссии предлагал ограничить ее лишь производственной сферой, чтобы таким путем вывести хозяйственные органы из-под контроля партии. Тезис о «производственной демократии» и был положен в основу троцкистской (а также и бухаринской) платформы в дискуссии о профсоюзах².

В. И. Ленин показал полную теоретическую несостоятельность троцкистского требования «производственной демократии». Два этих термина (демократия и производство) несовместимы, так как демократия — это форма государства, которое отомрет с победой коммунизма во всем мире. Производство же будет всегда. И участие широких масс в управлении производством вечно будет важным источником его развития и совершенствования. К политической демократии «производственная демократия» имеет лишь косвенное отношение. В. И. Ленин указывал, что требование «производственной демократии» можно истолковать «в смысле отсрочки обычной демократии или отговорки от нее»³.

Именно эту цель и преследовал Троцкий. Крича о «производственной демократии», он имел в виду участие в управлении производством не всей широкой пролетарской массы, а небольшой группы профсоюзных активистов. Что касается огромного большинства рабочих, то их ждала милитаризация труда, не оставлявшая места для какого-либо творческого почина и инициативы.

«Неправильно смотреть только на выбираемых, только на организаторов, администраторов и пр., — говорил В. И. Ленин, — это все же меньшинство выдающихся людей. Надо смотреть на рядовых, на массу»⁴. Троцкистско-бухаринское требование «производственной демократии» он рассматривал как «бюрократическое устремление внимания „на верхи“»⁵.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 139.

² См.: Борьба партии большевиков против троцкизма в послеоктябрьский период, стр. 93.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 277.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 397.

Троцкий и Бухарин старались оправдать свое требование ссылками на то, что они-де подходят к вопросу с точки зрения интересов экономики, а у Ленина подход якобы чисто политический. В. И. Ленин вскрыл несостоятельность и этого довода оппортунистов, показав неразрывную связь политического и хозяйственного руководства партии. Политика, указывал В. И. Ленин, это есть концентрированное выражение экономики, и в качестве таковой она не может не иметь первенства перед экономикой¹. «Без правильного политического подхода к делу данный класс, — указывал В. И. Ленин, — не удержит своего господства, а следовательно, не сможет решить и своей производственной задачи»². Отвергая эту формулу, Троцкий метафизически пытался найти противоречие между ленинскими словами, произнесенными на VIII съезде Советов: «...нужно поменьше политики, побольше хозяйственности», — и ленинским призывом периода дискуссии о профсоюзах: выдвинуть на первый план «политическую сторону дела». Отвечая Троцкому, Ленин вскрыл «самую отчаянную путаницу понятий», «идейную сумятицу, поистине безбрежную», в его суждениях. «Конечно, — указывал он, — я всегда выражал, выражаю и буду выражать пожелание, чтобы мы занимались меньше политикой, больше хозяйством. Но нетрудно понять, что для выполнения этих пожеланий надо, чтобы не было политических опасностей и политических ошибок»³. Подчеркивая последние слова, В. И. Ленин имел в виду политические ошибки Троцкого, которые заставили партию отвлечься от решения неотложных хозяйственных проблем и тратить время на бесплодную дискуссию, навязанную антиленинскими элементами.

Извращая суть переходного периода и характер пролетарского государства, Троцкий не понимал и подлинной роли профсоюзов в системе этого государства, того, что они являются связующим звеном между партией и массами пролетариата, помогая ей политически воспитывать и вести за собой весь класс. «Нельзя осуществлять диктатуру, — отмечал В. И. Ленин, — без нескольких «приводов» от авангарда к массе передового класса, от него к массе трудящихся»⁴.

Как организация воспитательная, «школа коммунизма», профсоюзы не должны применять насилия по отношению

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 278.

² Там же, стр. 279.

³ Там же, стр. 281.

⁴ Там же, стр. 205.

к своим членам. Единственным методом работы с массами у них является метод убеждения. Профсоюзы, указывал В. И. Ленин «не есть организация принуждения, это есть организация воспитательная, организация вовлечения, обучения, это есть школа, школа управления, школа хозяйничания, школа коммунизма»¹. Иное дело, подчеркивал В. И. Ленин, — государственный аппарат. «Государство, это — область принуждения. Сумасшествием было бы отрекаться от принуждения, особенно в эпоху диктатуры пролетариата. «Администрирование» и администраторский подход к делу здесь обязательны»².

Как школа управления, профсоюзы активно участвуют в решении хозяйственных проблем, но непосредственное руководство производством осуществляют государственные органы. Только при этом условии профсоюзы могут выполнить свою роль воспитателя масс, помощника партии в сплочении всех трудящихся вокруг пролетарского государства. «Огосударствление» профсоюзов, передача им функции управления народным хозяйством лишили бы профсоюзы этой возможности.

В. И. Ленин отводил важную роль профсоюзам и как защитникам экономических интересов пролетариата от остатков эксплуататорских классов в стране и бюрократических извращений в работе государственного аппарата. Он считал, что, выполняя эту роль, профсоюзы завоеуют доверие масс и смогут наиболее эффективно выполнять свою главную, воспитательную функцию.

Против этой установки решительно выступил Троцкий, клеветнически пытаясь отождествить ленинскую трактовку вопроса с тред-юнионистской. Он утверждал, что в условиях существования пролетарского государства защищать интересы рабочих не от кого. На самом деле, как указывал В. И. Ленин, у нас рабочее государство, но с двумя особенностями: «...во 1-х, с той особенностью, что в стране преобладает не рабочее, а крестьянское население; и, во 2-х, рабочее государство с бюрократическим извращением»³. В. И. Ленин и призывал профсоюзы защищать интересы рабочих от мелкобуржуазных влияний, рождающих капитализм, от бюрократов и чинуш, используя для этого всю мощь пролетарского государства.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 203.

² Там же, стр. 294.

³ Там же, стр. 239.

Троцкий не хотел признать, что убеждение — главный метод воспитания социалистической трудовой дисциплины. Он отвергал и значение такого мощного средства воспитания, как материальное стимулирование труда. В. И. Ленин, разоблачая Троцкого, показал, что без материальной заинтересованности, только одними административными мерами невозможно будет обеспечить ударность на производстве. «Предпочтение в ударности, — говорил он, — есть предпочтение и в потреблении. Без этого ударность — мечтание, облачко, а мы все-таки материалисты. И рабочие — материалисты; если говоришь ударность, тогда дай и хлеба, и одежды, и мяса»¹. Успешное руководство массами, отмечал В. И. Ленин, зависит «всего больше от *материальных средств* (еда, одежда, обувь) и *убеждения*»². Следя за строгим соблюдением принципа материальной заинтересованности рабочих в своем труде, профсоюзы тем самым должны были добиваться растущего авторитета в пролетарских массах, что способствовало бы выполнению ими функций связующего звена между партией и классом.

Ленинские идеи о роли и задачах профсоюзов нашли полное отражение в проекте постановления X съезда РКП(б) по этому вопросу, подготовленному специальной комиссией, созданной ЦК. Этот проект, подписанный десятью его авторами, в том числе В. И. Лениным, М. И. Калининым, Я. Э. Рудзю-таким, И. В. Сталиным и другими, был опубликован 18 января 1921 года. «Платформа десяти» стала официальной платформой ленинского ЦК в дискуссии о профсоюзах.

Огромное большинство партии поддержало ленинскую платформу. Коммунисты решительно осудили взгляды троцкистской и других фракционных группировок.

Стараясь навязать свои взгляды партии, раскольники развернули безудержную фракционную борьбу. Озлобление Троцкого против ленинского большинства партии достигло такой степени, что в беседе со своим тогдашним союзником и политическим единомышленником Бухариным он откровенно признался, что хочет выйти из РКП(б). «Разве вы не видите, — говорил он Бухарину, — куда ведет Центральный Комитет нашу партию?»³ Это была уже явная попытка провозгласить раскол партии. И только полный провал троцкистов, вынужденных снять на заключительном этапе дискус-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 212.

² Там же, стр. 390.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 317, вып. I, стр. 156.

сии свою платформу и предпочевших присоединиться к «буферной» платформе Бухарина, помешал Троцкому осуществить свое намерение.

Раскольнической деятельностью троцкистов и других фракционеров стремились воспользоваться явные контрреволюционеры. «Около оппозиции, — писал В. И. Ленин, — ютились (и ютятся, несомненно) меньшевики и эсеры, которые раздувают слухи, придают неслыханно злобные формулировки, сочиняют небылицы с целью всячески опорочить, придать грязное истолкование, обострить конфликты, испортить работу партии»¹.

Радуясь разногласиям, возникшим в среде большевиков, сознательно раздувая их, контрреволюционеры старались использовать дискуссию, чтобы нанести новые удары по Советской власти. Так именно произошло в Кронштадте, где занятые фракционной работой сторонники Троцкого, руководившие флотом (командующий флотом Раскольников, начальник Политотдела флота Батис и другие), не приняли должных мер для организации отпора готовившемуся на протяжении четырех месяцев контрреволюционному мятежу.

Кронштадтский мятеж подействовал отрезвляюще на многих сторонников антиленинских оппозиций. Партия ответила на вылазку контрреволюции сплочением своих рядов на ленинской платформе. По инициативе В. И. Ленина были приняты экстренные меры для быстрейшего подавления мятежа.

Однако Троцкий, посланный в Петроград как нарком по военным и морским делам, проявил растерянность перед лицом обнаглевшей контрреволюции. На одном из заседаний ЦК он прямо заявил, что «кукушка уже прокуковала», т. е. часы существования Советской власти сочтены. В панику ударились и будущие союзники Троцкого по объединенному троцкистско-зиновьевскому антипартийному блоку — Зиновьев, Лашевич, Зорин, Харитонов и другие, находившиеся на партийной работе в Петрограде. И лишь благодаря энергичным действиям ленинского ЦК, благодаря помощи, которую оказали участникам подавления мятежа делегаты X съезда партии, посланные под Кронштадт, эта контрреволюционная вылазка была подавлена в предельно сжатые сроки.

X съезд РКП(б), открывшийся 8 марта 1921 года, завершил разгром антиленинских группировок, выступивших в ходе дискуссии о профсоюзах. Выборы делегатов на съезд

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 302.

проводились отдельно по каждой платформе. Но всей оппозиции, вместе взятой, не удалось обеспечить за собой и десяти процентов делегатских мест. «Децисты» за неимением сторонников вынуждены были вообще снять свою платформу, решив голосовать за объединенную троцкистско-бухаринскую платформу или за платформу «рабочей оппозиции». Но даже с учетом помощи «децистов» троцкистам и бухаринцам удалось собрать в поддержку своей точки зрения лишь 50 голосов делегатов съезда, а «рабочей оппозиции» — 18 голосов. «Платформа десяти» получила 336 голосов. Итоги голосования по вопросу о профсоюзах свидетельствовали, что огромное большинство коммунистов решительно отвергло как анархо-синдикалистские, так и бюрократические установки антиленинских группировок.

По предложению В. И. Ленина съезд принял написанную им резолюцию «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии». Эта резолюция категорически осуждала анархо-синдикалистские взгляды, проявившиеся в платформах всех антиленинских группировок, призывала коммунистов к решительной борьбе с попытками ослабить диктатуру пролетариата.

Выступая на съезде, В. И. Ленин вновь и вновь подчеркивал, что источник силы и прочности диктатуры пролетариата — в партийном руководстве. В ходе дискуссии В. И. Ленин показал, что неуклонное возрастание руководящей роли Коммунистической партии является важнейшим законом становления и развития социалистического общества. «...Только политическая партия рабочего класса, т. е. Коммунистическая партия, — указывалось в резолюции съезда, — в состоянии объединить, воспитать, организовать такой авангард пролетариата и всей трудящейся массы, который способен противостоять всем неизбежным мелкобуржуазным колебаниям этой массы трудящихся и неизбежным рецидивам профессионалистской узости или профессионалистских предрассудков среди пролетариата и руководить всеми сторонами пролетарского движения, а значит и всеми трудящимися массами. Без этого диктатура пролетариата немыслима»¹. Этот важнейший вывод съезда, определивший всю последующую политику нашей партии в строительстве социализма, был результатом сокрушительного разгрома антиленинских групп, выступавших за ослабление руководящей роли партии и тем самым

¹ КПСС в резолюциях..., ч. I, стр. 531.

фактически солидаризировавшихся с авторами контрреволюционного лозунга «Советы без коммунистов».

Важнейшее условие, позволяющее партии осуществлять свою руководящую роль, — ее собственная прочность и сила, основой которых является нерушимое единство партийных рядов. Дискуссия о профсоюзах, в ходе которой антиленинские элементы своими раскольническими действиями усилили политические опасности, угрожавшие советскому строю, воочию показала, что партия, стоявшая у власти и несущая ответственность за судьбу пролетарского государства и всего дела социалистического строительства, нуждается в поистине железном единстве своих рядов. «Сплочение партии, недопущение оппозиции в партии — политический вывод из современного момента...»¹ — говорил на X съезде В. И. Ленин. В. И. Ленин указывал, что партия, если она действительно хочет целиком и полностью посвятить себя созидательной деятельности по строительству нового общества, не должна допускать политической борьбы в своих рядах, каких-либо политических уклонов, оппозиций, фракций и группировок, споров о политических платформах, дискуссий по вопросам, не представляющим интереса для большинства партии. «И мы должны на съезде прямо сказать: споров об уклонах мы не допустим...»² — категорически заявил на съезде В. И. Ленин. «Партийному съезду придется этот вывод сделать, придется сделать тот вывод, что для оппозиции теперь конец, крышка...»³

Разумеется, указывал В. И. Ленин, если партия допустит серьезные просчеты, которые поставят под сомнение правильность всей ее политической линии, тогда споры об исправлении этих просчетов станут неизбежными и необходимыми. Но пока этого нет, любая политическая борьба в партии недопустима. Неизбежные же ошибки, возникающие в процессе ее практической деятельности, вполне устранимы в рамках партийного Устава с помощью товарищеской критики и самокритики. Кроме того, у партии, стоящей у власти, есть в распоряжении и такое мощное средство исправления ошибок, как проверка всех ее политических установок в процессе практической деятельности многомиллионных народных масс. Именно к мнению и настроению масс, аккумулирующим гигантский народный опыт, а не к зашумательской критике людей,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 35.

² Там же, стр. 17.

³ Там же, стр. 43.

оторванных от практических дел, В. И. Ленин и призывал постоянно прислушиваться партию, исправлять и уточнять в соответствии с этим опытом свою политику.

Охарактеризовав дискуссию о профсоюзам как «непозволительную роскошь», В. И. Ленин заявил, что впредь таких дискуссий партия не допустит. Преодолев сопротивление фракционеров, настаивавших на продолжении борьбы против ленинского ЦК, съезд подавляющим большинством голосов принял написанную В. И. Лениным историческую резолюцию «О единстве партии», в которой был закреплен важнейший вывод вождя о том, что партии нужна не просто формальная сплоченность, а единая, дружная работа, единая воля. Резолюция запрещала всякую фракционную борьбу в партии, предлагала немедленно распустить все фракционные группировки и поручала Центральному Комитету провести полное уничтожение всякой фракционности.

«Неисполнение этого постановления съезда, — говорилось в резолюции, — должно влечь за собой безусловно и немедленно исключение из партии»¹. Особым седьмым (секретным) пунктом резолюции предусматривалось исключение из состава ЦК, а в необходимых случаях из партии, тех членов и кандидатов в члены ЦК, которые становились на путь фракционной борьбы против партии. Этот пункт резолюции был прямо направлен против вождей фракционных группировок, в том числе и Троцкого, намеревавшихся продолжать свою раскольническую деятельность и после съезда.

Ленинская резолюция X съезда РКП(б) «О единстве партии» создавала все необходимые условия для полного сплочения партийных сил, для концентрации усилий всех коммунистов на борьбе против гигантских трудностей, связанных с переходом нашей страны от войны к миру. Принятие этой резолюции означало закрепление съездом партии в своем официальном документе ленинского внутрипартийного режима, сочетающего самое широкое развитие внутрипартийной демократии для коммунистов, выполняющих уставные и программные требования, с созданием невыносимых условий для тех, кто нарушает партийную дисциплину и единство. Идеи, положенные в основу резолюции, явились дальнейшим развитием учения о боевой марксистской партии-авангарде, созданного В. И. Лениным в ожесточенной борьбе с меньшевиками и Троцким еще в период образования большевистской

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 92.

партии. Эти идеи были прямо направлены против «организационного оппортунизма» Троцкого. Он не решился выступить на съезде против ленинской резолюции, но всю свою последующую деятельность в рядах РКП(б) посвятил борьбе за отмену этой резолюции, за превращение партии в конгломерат враждующих между собой течений и групп. В своих заграничных писаниях Троцкий пытался изобразить ленинскую резолюцию X съезда как антидемократическую.

Ныне эту троцкистскую клевету подхватили и усердно распространяют различные буржуазные и ревизионистские фальсификаторы истории КПСС. По их словам, резолюция «О единстве партии» покончила с демократией в большевистских рядах. Ф. Марек и исключенный из КП Австрии Э. Фишер в своей ревизионистской книге «Что действительно говорил Ленин» даже называют решение X съезда РКП(б) роковым. На самом деле эта резолюция не только не привела к свертыванию внутрипартийной демократии, а, наоборот, явилась условием ее дальнейшего развития, создав прочный заслон против попыток раскольнических элементов использовать демократический характер строения партии для атак на ее революционную политику. Только прочное единство, соблюдение всеми коммунистами уставных норм партийной жизни, строгая партийная дисциплина создают реальные условия для развития внутрипартийной демократии, являются надежными гарантиями того, что не будет нарушаться важнейший принцип внутрипартийной демократии — уважение меньшинством воли и прав большинства. И, наоборот, создание фракций, обособленных группировок парализует боеспособность партии, подрывает внутрипартийную демократию, усиливает опасность превращения принципиальных дискуссий в беспринципную борьбу за власть.

3. ЛЕНИНСКИЙ ПЛАН ПОСТРОЕНИЯ СОЦИАЛИЗМА В СССР — ПЛАТФОРМА СПЛОЧЕНИЯ ПАРТИИ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ТРОЦКИЗМА

Важнейшим решением, принятым X съездом РКП(б) и определившим его историческую роль, стало провозглашение перехода к новой экономической политике. По докладу В. И. Ленина съезд постановил заменить продразверстку продналогом и разрешить свободу торговли в пределах местного товарооборота. Эта мера означала крутой поворот в деятель-

ности партии, которая с началом мирного времени отходила от политики военного коммунизма.

Дискуссия о профсоюзах, навязанная партии троцкистами, не имела прямого отношения к этому важнейшему решению съезда. Но она позволила выявить и разгромить течение, которое стремилось абсолютизировать временные «военно-коммунистические» методы работы с массами и, еще больше «закрутив гайки», перенести эти методы на деятельность партии в мирных условиях. Такое течение, как уже отмечалось выше, представляла троцкистская фракция, поддержанная бухаринцами.

Новая экономическая политика была новой лишь по отношению к политике военного коммунизма. Она являлась продолжением и дальнейшим развитием научно обоснованного курса на строительство социализма в строгом соответствии с требованиями объективных экономических законов становления нового общества, который был сформулирован В. И. Лениным еще весной 1918 года в «Очередных задачах Советской власти». Цель этой политики состояла в том, чтобы осуществить социалистическое строительство силами всего народа, а не только его авангарда. Такая политика предусматривала более длительные сроки социалистических преобразований, чем те, которые предполагала «красногвардейская атака» на капитал, как В. И. Ленин называл политику военного коммунизма. Но зато она гарантировала большую устойчивость и полноту этих преобразований, более надежные успехи социалистического строительства, осуществляемого при сознательном участии всего народа. «Лучше меньше, да лучше» — так коротко, но точно охарактеризовал В. И. Ленин основную особенность новой экономической политики, отличие ее от политики военного коммунизма.

На протяжении всех лет гражданской войны Коммунистическая партия не оставляла мысли о переходе к нормальной, экономически обоснованной политике построения социализма. Но только с окончанием войны у партии появилась реальная возможность вернуться к тем методам строительства социализма, осуществлению которых в первые же годы Советской власти помешала война.

Политический кризис, возникший в стране к концу гражданской войны, ускорил переход к новой экономической политике. Инициатором этого перехода был В. И. Ленин, который, внимательно изучив нужды и требования трудящихся, сделал вывод о необходимости немедленных политических

решений для устранения угрозы, нависшей над Советской властью.

В. И. Ленин определил, что у этой угрозы — новый источник. Не армии Колчака, Юденича, Деникина, Врангеля вели наступление на пролетарскую власть, а разбушевавшаяся мелкобуржуазная стихия, ставшая самым главным и самым опасным противником диктатуры пролетариата. Но особенность этого врага состояла в том, что его нельзя было сломить в открытом бою, его нельзя было уничтожить, пленить, изолировать. Его следовало переубедить, перевоспитать, превратить в надежного союзника. Гигантский размах мелкобуржуазных колебаний был результатом преобладания в стране мелкобуржуазных классов, и прежде всего среднего крестьянства, без прочного союза с которым пролетариат не мог рассчитывать на победу социалистического строительства. Новая экономическая политика и стала прежде всего политикой укрепления союза с трудовым крестьянством, подведения под этот союз прочной экономической основы. Только обеспечив поддержку трудового крестьянства, пролетариат мог добиться реального успеха в решении всех остальных задач социалистического строительства.

Вопрос об отношениях с крестьянством был центральным политическим вопросом, стоявшим перед партией в период перехода от войны к миру. На его правильное решение направил все свое внимание В. И. Ленин. Троцкисты, выдвигая на первый план вопрос о профсоюзах, сознательно отвлекались от реальной действительности, демонстрировали свое нежелание участвовать в решении вопросов, от которых зависела в подлинном смысле слова вся судьба пролетарского государства.

Самым большим противоречием внутри рабочего государства Троцкий пытался изобразить не кризис, вызванный колебаниями крестьянства, а «ненормальное», с его точки зрения, положение профсоюзов в системе диктатуры пролетариата, которое волновало лишь некоторую бюрократившуюся часть профсоюзных работников. «За дискуссией о профсоюзах, — предупреждала троцкистов «Правда», — преступно забывать ряд вопросов, имеющих чрезвычайно острый характер, вопросов, от решения которых зависит весь дальнейший ход революции. Таким вопросом является вопрос об отношении между городом и деревней»¹.

¹ «Правда», 2 февраля 1921 г.

Забвение этого основного политического вопроса, стремление подменить его второстепенным вопросом о месте профсоюзов свидетельствовали о недооценке, даже игнорировании троцкистами (а также остальными антиленинскими группами) роли трудящегося крестьянства как важнейшего союзника пролетариата в строительстве социализма. Недаром в ходе дискуссии Троцкий настойчиво повторял свои, неоднократно критиковавшиеся В. И. Лениным определения Советского государства как государства только одних рабочих.

Из отрицания важной роли крестьянства в социалистическом строительстве вытекала и та авантюристическая политика, которой Троцкий предлагал руководствоваться рабочему классу в отношениях со своим союзником. Применение принудительного труда, его милитаризацию, усиление административного нажима на трудящихся — все это Троцкий рекомендовал направить не только против рабочего класса, но прежде всего против крестьянства и неразрывно связанных с крестьянством отсталых мелкобуржуазных слоев пролетариата. Подавить с помощью насилия, в том числе и военного, колебания крестьянства — именно эту авантюристическую политику он пытался навязать партии, уверяя, что только такая политика позволит оградить диктатуру пролетариата от мелкобуржуазной крестьянской контрреволюции.

Характеризуя смысл дискуссии о профсоюзах, В. И. Ленин указывал, что борьба в ней шла фактически по вопросу «о методах *подхода* к массе, овладения массой, *связи с массой*»¹. Причем за расхождением в методах подхода к пролетарским массам сказывались еще более острые расхождения в методах подхода к массам трудового крестьянства. Как отмечалось в резолюции январского (1925 г.) пленума ЦК и ЦКК РКП(б), обсуждавшего вопрос об очередном антипартийном выступлении Троцкого, в дискуссии о профсоюзах речь шла «об отношении к крестьянству, подымающемуся против военного коммунизма, об отношении к беспартийной массе рабочих, вообще о подходе партии к массе в полосу, когда гражданская война уже кончалась»².

Решительно отвергнув троцкистскую, милитаристски-бюрократическую точку зрения на проблему взаимоотношений пролетарского государства с массами, прежде всего крестьянскими, партия тем самым расчистила почву для единодушно-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 206.

² КПСС в резолюциях..., ч. П. М., Госполитиздат, 1954, стр. 108.

го принятия коммунистами нового курса в экономической политике, преследовавшего в первую очередь все ту же цель улучшения взаимоотношений пролетарского государства с трудящимися, особенно крестьянскими массами, которой была подчинена и вся остальная внутренняя политика партии. Экономический вывод из современного момента, указывал В. И. Ленин на X съезде РКП(б), — «не удивляйтесь тем, что сделано в политике соглашения рабочего класса с крестьянством, искать новых путей, применять, испытывать это новое»¹.

В. И. Ленину была чужда какая-либо идеализация крестьянства. Он призывал партию реально учитывать положение его как самого массового класса мелких собственников, мечтающих о наживе. Поэтому и первые мероприятия, предусматривавшиеся новой экономической политикой, не только не вели к немедленному расширению экономических позиций социализма, но, наоборот, являлись отступлением по сравнению с тем, что было уже достигнуто в условиях военного коммунизма. «В нэпе, — писал В. И. Ленин, — мы сделали уступки крестьянину, как торговцу, принципу частной торговли...»² Партия сознательно шла на это, чтобы дать крестьянину возможность свободно хозяйствовать на закрепленном за ним участке земли, пока он сам не убедится в тщетности всех попыток выбиться из нужды в одиночку. Только таким более длинным, но зато более верным путем можно было привести трудовое крестьянство к социализму. В. И. Ленин и называл нэп стратегическим маневром, рассчитанным на перегруппировку классовых сил с целью перехода в социалистическое наступление еще более широким фронтом и на еще большую глубину, чем было при военном коммунизме.

Нэп, указывал В. И. Ленин, «даст нам более широкий фронт наступления в ближайшем будущем, даст экономическую, прочнейшую *смычку* с миллионами мелких крестьян, с массой крестьянства, сделает *наш союз, союз рабочих и крестьян*, основу всей нашей советской революции, всей нашей советской республики, *непобедимым*»³.

«Экономически и политически нэп вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики»⁴.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 35.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 370.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 487.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 60—61.

Потерпев поражение в своих попытках использовать дискуссию о профсоюзах для того, чтобы навязать партии военно-бюрократические методы работы в массах, троцкисты не решились открыто выступить на съезде против ленинского курса на укрепление союза с крестьянством экономическими методами при отказе от всякого административного нажима. Необходимость перехода к политике, развязывающей хозяйственную инициативу крестьянства, была настолько очевидной, что даже меньшевики не решались отрицать закономерность этого важного шага партии.

Больше того, Троцкий попытался приписать инициативу постановки вопроса об отказе от продрозверстки... себе. На X съезде партии он уверял (а ныне эту клевету охотно повторяют всевозможные фальсификаторы истории КПСС), что проявил эту инициативу будто бы еще накануне IX съезда РКП(б), в феврале 1920 года, и что партия, не поддержав ее вовремя, тем самым обрекла страну на острейший политический кризис в конце гражданской войны.

В действительности же, как это показал В. И. Ленин, переход к новой экономической политике стал возможен только после окончания войны, так как в условиях войны отказ от продрозверстки неизбежно поставил бы под угрозу снабжение армии и городского населения продовольствием. У Советского государства, подчинившего всю экономику обеспечению победы над врагом, тогда не было средств для организации нормального товарообмена с крестьянством. А продавать хлеб государству за и без того обесцененные деньги, не имея возможности приобрести на них промышленные изделия, крестьянство бы не согласилось.

Кроме того, как показывает анализ предложений Троцкого, внесенных в ЦК еще до IX съезда, он и не думал отказываться от самой идеи «разверстки», т. е. от принудительного, чисто административного подчинения крестьянского хозяйства интересам пролетарского государства. Только вместо изъятия в пользу государства части уже выращенного урожая Троцкий считал необходимым установить разверстку на посевные работы.

Некоторые послабления крестьянам, которые предусматривал план Троцкого, относились лишь к их зажиточной, верхушечной части. Троцкий в феврале 1920 года ратовал за «некоторое ослабление нажима на кулака», за необходимость «более осторожно относиться к крестьянским верхам... в богатых земледельческих районах Сибири, Дона, Украины».

В отличие от троцкистских предложений ленинский декрет о замене продразверстки продналогом всецело исходил из интересов трудового крестьянства, прежде всего середняков, укрепление союза с которыми и было главной задачей нэпа.

Допуская возможность частной торговли, частнохозяйственной инициативы крестьянства, партия тем самым сознательно шла на временное, в известных пределах, допущение развития капитализма в экономике страны. В. И. Ленин призывал не бояться этого, так как в руках пролетарского государства по-прежнему находились все командные высоты в народном хозяйстве.

Однако враги Советской власти, прежде всего меньшевики, восприняли временное допущение элементов капитализма как капитуляцию Советской власти перед буржуазией, как отказ от социалистического строительства, от социалистической программы Октябрьской революции. Видя в нэпе только одно — отступление с позиций, достигнутых в результате политики военного коммунизма, — враги Советской власти призывали осуществить нэп и в области политической: лишить партию ее руководящей роли, ликвидировать всю созданную Октябрьем систему диктатуры пролетариата, повернуть страну на путь буржуазно-демократического развития.

Как начавшееся сползание страны на путь буржуазно-демократического развития восприняли нэп и правоопортунистические элементы, проникшие в партию. Отражая их взгляды, Каменев после X съезда просил Радека записать в свой дневник предназначавшуюся для «истории» фразу, смысл которой сводился к тому, что Каменев и Зиновьев были правы в 1917 году, говоря о «преждевременности» социалистической революции, и что переход к нэпу якобы свидетельствует о возвращении страны в колею нормального буржуазно-демократического развития¹.

«Левое»-оппортунистические элементы расценивали нэп как отход партии от чисто пролетарской линии, как предательство интересов пролетариата во имя союза с крестьянством, как начавшуюся капитуляцию перед мелкобуржуазной крестьянской стихией. Именно с этих позиций яростно атаковали решения X съезда «децисты» и сторонники «рабочей оппозиции». Последние, не подчинившись решениям съезда о роспуске фракций, не остановились в своей фракционной борьбе против партии даже перед тем, что подали жалобу в Ком-

¹ См.: «Правда», 1 ноября 1927 г.

интерн на В. И. Ленина и ленинский ЦК, обвинив их в забвении интересов пролетариата и сползании на мелкобуржуазную, крестьянскую точку зрения. ИККИ и созданная им Интернациональная комиссия в составе виднейших деятелей коммунистического движения, таких, как К. Цеткин, М. Кашен, В. Коларов и другие, отвергли клеветническую клевету «рабочей оппозиции». XI съезд РКП(б) сурово предупредил раскольников, а двоих из них, прибегавших к особо злостным методам фракционной борьбы, исключил из партии.

В духе, характерном для всех «лево»-оппортунистических элементов, пытались истолковать новую экономическую политику и троцкисты. Преувеличивая опасность мелкобуржуазной стихии, прямо отождествляя мелкобуржуазные массы, прежде всего крестьянство, с явными противниками социализма, Троцкий также расценивал нэп как уступку капитализму, открытое признание пролетариатом своей неспособности изменить мелкобуржуазную природу страны до победы мировой пролетарской революции. «Мы вступаем сейчас в полосу капитуляции перед мелкой буржуазией... — говорил, выступая на X съезде, активный сторонник Троцкого Л. Сосновский, — эта полоса, может быть, на следующем съезде приведет к капитуляции перед той же мелкобуржуазной стихией, — в зависимости от того, как будет разворачиваться революция в Европе»¹.

Но в отличие от явных «леваков» троцкисты считали введение нэпа обоснованной мерой. Рассматривая нэп как вынужденную уступку капиталистическим элементам, к числу которых они относили и крестьянство, троцкисты, подобно открытым сторонникам правооппортунистических концепций, стояли за расширение этой уступки, за превращение капиталистических методов в главные методы развития советской экономики. С точки зрения Троцкого, нэп являлся уступкой капиталистическим формам хозяйства, как более прогрессивным по сравнению с преобладавшим в стране мелкотоварным крестьянским производством, но не созревшим еще для непосредственного превращения в подлинно социалистические формы. Капиталистические формы он считал преобладающими в советской экономике, всецело отождествляя с ними социалистический (государственный и кооперативный) сектор народного хозяйства, который он вслед за меньшевиками и

¹ Десятый съезд РКП(б). Стеногр. отчет, стр. 78—79.

другими явными оппортунистами пытался объявить «госкапитализмом».

Неизбежность преобладания частнохозяйственного и государственного капитализма в экономике страны он считал результатом «внутренней отсталости, с одной стороны, и запоздалости революции рабочего класса в Европе — с другой»¹.

После перехода к нэпу Троцкий вновь и вновь выступает в печати с защитой основного положения своей теории «перманентной революции» — о невозможности успешного социалистического строительства в нашей стране до победы революции европейского пролетариата. В 1922 году он издает сборник своих статей периода первой русской революции под названием «1905». В предисловии к этому сборнику Троцкий подчеркивает, что, хотя пролетарская революция в России и победила, но к созданию подлинной социалистической экономики Советская страна «даже не приблизилась». Подлинный расцвет народного хозяйства страны, уверял Троцкий, станет возможным лишь на рельсах мировой пролетарской революции.

Троцкий упорно отказывался признавать новую экономическую политику политикой построения социализма. Он считал ее всего лишь временным маневром, рассчитанным на сохранение до победы мировой революции власти в руках пролетариата с помощью уступок буржуазии и даже ценой отказа от созидания в нашей стране основ нового, социалистического общества. «Мы твердо рассчитываем, — говорил Троцкий, — на революционное развитие в Европе. Новая экономическая политика есть только приспособление к темпу этого развития... Если капиталистический мир просуществует еще несколько десятилетий, то этим будет подписан смертный приговор социалистической России»: ей придется либо проходить через стадию буржуазной демократии, либо загнивать «в других формах»².

Вопреки фактам Троцкий по-прежнему утверждал, что мировая революция должна победить в ближайшее время. Он призывал партию и Коминтерн использовать все имеющиеся в их распоряжении средства для «подстегивания» мировой революции, не останавливаясь даже перед применением во-

---

¹ Борьба В. И. Ленина против мелкобуржуазной революционности и авантюризма, стр. 258.

² Там же, стр. 209, 258—259.

оруженной силы для «экспорта» революции. «Мы, — утверждал Троцкий, — по-прежнему солдаты на походе. У нас дневка... Вся наша нынешняя хозяйственно-культурная работа есть не что иное, как приведение себя в некоторый порядок между двух боев и походов»¹.

Авантюристические призывы Троцкого к «подстегиванию» мировой революции отвлекали трудящихся от созидательной деятельности по построению основ социализма в нашей стране, давали империалистам повод для необоснованных обвинений Советского правительства во вмешательстве во внутренние дела империалистических государств. Эти призывы противоречили установкам В. И. Ленина, который в беседе с К. Цеткин в 1921 году говорил о необходимости «покончить с левыми иллюзиями, будто мировая революция непрерывно идет вперед в своем бурном первоначальном темпе, что мы находимся на гребне второй революционной волны и что исключительно от воли партии и ее активности зависит возможность обеспечить победу нашему знамени»².

Буржуазно-реставраторская позиция, которую Троцкий занял с переходом нашей страны к нэпу, свидетельствовала о дальнейшем углублении его разногласий с партией. Об этом же говорило и упорное нежелание троцкистов распустить в соответствии с решением X съезда свою антиленинскую фракцию. Явно готовясь к новым боям против В. И. Ленина, ленинского ЦК и ленинизма, фракционеры пытались использовать любую возможность для усиления позиций своей антипартийной группировки.

В самом Центральном Комитете Троцкий занял явно obstructивную позицию, срывая слаженную работу руководящего штаба партии. Он использовал любой предлог для нападок на ЦК, отказывался выполнять его прямые указания, обвинял Центральный Комитет в отсутствии правильного руководства центральными государственными и местными партийными органами. «Уже не месяц и не два, а, пожалуй, года два, — писали члены Политбюро ЦК в марте 1923 года, — продолжается такое отношение т. Троцкого к Политбюро. Не раз и не два мы выслушивали такие огульные отрицательные характеристики работы Политбюро и в то время, когда эти работы происходили под председательством Владимира Ильича.

¹ Цит. по: Борьба В. И. Ленина против мелкобуржуазной революционности и авантюризма, стр. 211.

² О Ленине. Воспоминания зарубежных современников. М., Госполитиздат, 1966, стр. 45.

Тов. Троцкий не раз заявлял, что он «воздерживается» при разрешении $\frac{9}{10}$ текущих хозяйственных вопросов в Политбюро»¹. Троцкий уклонялся от выполнения конкретных поручений, которые ему давал Центральный Комитет. Позднее в своей автобиографии, изданной за границей, он откровенно писал: «Я не гожусь для поручений: либо рядом с Лениным, если бы ему удалось поправиться, либо на его месте, если бы болезнь одолела его».

Опасность скрытой фракционной деятельности Троцкого и его единомышленников все отчетливее видели члены ЦК. На эту опасность, в частности, указывал Г. К. Орджоникидзе в своем письме В. И. Ленину. Посетив в декабре 1921—январе 1922 года по заданию ЦК партии и лично В. И. Ленина² Донбасс, где коммунисты вели решительную борьбу против административно-бюрократических методов руководства, насаждавшихся активным троцкистом Пятаковым, Серго сообщил: «Наши украинские товарищи убедились, что сторонник Троцкого Пятаков собрал вокруг себя всех троцкистов и поставил своей задачей овладение донецкой организацией... Троцкий не молчал бы так, если бы в его руках был бы Донбасс. Насколько верны предположения и опасения украинских наших друзей, трудно сказать, но что вокруг Пятакова... сгруппировались троцкисты — это верно»³.

Коммунистическая партия бдительно следила за действиями троцкистов, решительно пресекала все их попытки навязать коммунистам свои оппортунистические, антиленинские взгляды, обрекавшие революцию на поражение.

В борьбе против троцкистских и иных наскоков на политику партии, обобщая и анализируя опыт первых лет нэпа, В. И. Ленин развивал, уточнял и конкретизировал план построения социализма, основы которого были изложены в «Очередных задачах Советской власти» и примыкавших к ним по времени работах, а также в последующих произведениях, написанных в годы гражданской войны.

Разоблачая авантюристические призывы Троцкого к «подстегиванию» мировой пролетарской революции, В. И. Ленин показал, что она зреет, но не так быстро, как этого хотелось

¹ Двенадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., Политиздат, 1968, стр. 818.

² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 106.

³ Цит. по: А. Я. Вяткин. Разгром Коммунистической партии троцкизма и других антиленинских групп. Изд-во ЛГУ, 1966, стр. 37.

бы русским большевикам, заинтересованным в быстрейшей помощи победившего пролетариата более развитых в технико-экономическом отношении стран.

В своей монографии «Ленин, революция, современность» Ю. А. Красин проследил эволюцию ленинских взглядов по вопросу о возможных сроках победы европейского пролетариата¹. В 1918—1919 годах В. И. Ленин говорит о близости этой победы, но, разумеется, не ставит в зависимость от нее судьбу пролетарской революции в России, как это делали Троцкий и другие оппортунисты.

В дальнейшем В. И. Ленин убеждается в том, что надежды на скорую победу европейской революции не оправдались. «Они не оправдались в том отношении, — отмечает В. И. Ленин в ноябре 1920 года, — что быстрого и простого решения этого вопроса не получилось...»² Но эти надежды не были нереальными. Рабочие всех стран поддержали Советскую Россию, правда, «поддержали наполовину, ибо ослабили руку, поднявшуюся против нас, но все же и этим они оказали нам помощь»³.

Замедление темпа развития европейской революции приводит В. И. Ленина к окончательному выводу о том, что Советской России длительное время придется существовать и развиваться в одиночестве, в обстановке враждебного капиталистического окружения. Этот вывод, ввергнувший в панику троцкистов и других оппортунистов, которые строили расчеты на социалистическое преобразование России лишь в надежде на скорую победу европейского пролетариата, ни на минуту не поколебал уверенности партии в правильности провозглашенного Октябрем курса на построение социалистического общества в России. Эту уверенность давала ей ленинская теория социалистической революции, научно обосновавшая возможность победы социализма первоначально в одной, отдельно взятой стране.

Троцкий, а вслед за ним другие явные и скрытые враги ленинизма утверждали, что, говоря о возможности победы социализма в одной стране, особенно в такой, как Россия, В. И. Ленин будто бы имел в виду лишь возможность взятия власти пролетариатом. Что же касается организации социа-

¹ См.: Ю. А. Красин. Ленин, революция, современность, стр. 380—394.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 20.

³ Там же, стр. 25.

листического производства, не говоря уже о построении полного социалистического общества, то возможность этого он якобы связывал лишь с победой пролетариата в общеевропейском масштабе, и прежде всего в наиболее развитых в технико-экономическом отношении странах.

На самом деле уже в статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы» В. И. Ленин писал именно о возможности организации социалистического производства в одной, отдельно взятой стране победившего пролетариата¹. В октябре 1919 года В. И. Ленин в своей программной статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» указывал, что «с точки зрения основной экономической проблемы диктатуры пролетариата у нас обеспечена победа коммунизма над капитализмом»².

Особенно четко сформулирован вывод о возможности победы социалистического строительства в нашей стране даже и при отсутствии прямой государственной поддержки со стороны западноевропейского пролетариата в последних речах и статьях В. И. Ленина.

В конце 1922 года, когда создавались эти произведения, было уже совершенно очевидно, что революционная волна, всколыхнувшая западноевропейский пролетариат после победы Октябрьской революции, идет на убыль. В статье «Лучше меньше, да лучше» В. И. Ленин показал, что мировая пролетарская революция, несмотря ни на что, продолжается, что рано или поздно русская революция соединится с победоносной революцией западноевропейского пролетариата. Но происходит международная революция пролетариата не в виде единичного, одновременного акта, как предсказывал Троцкий и другие оппортунисты, а в форме длительного мирового революционного процесса, охватывающего целую историческую эпоху. Этот процесс отличается исключительной сложностью, противоречивостью, наличием спадов и подъемов, участием в нем разнородных социальных слоев.

Причем особенностью развития мировой пролетарской революции стало не только замедление темпов нарастания революционных процессов, их усложнение, но и изменение самого маршрута мировой революции. В. И. Ленин пророчески указывал, что следующие революционные взрывы, вероятнее всего, произойдут в странах Востока, население кото-

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 354.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 274—275.

рых поднималось на борьбу против империализма. Это также ясно говорило о том, что рассчитывать в недалеком будущем на прямую государственную поддержку пролетариата развитых европейских стран Советскому государству не приходилось. В связи с таким выводом еще больше усиливалась актуальность вопроса о перспективах социалистического строительства в СССР.

К концу 1922 года отчетливо выявились первые успехи новой экономической политики, которая привела к быстрому оживлению всех отраслей советской экономики и улучшению политического положения в стране. Вместе с тем стали очевидными и такие отрицательные последствия нэпа, как абсолютный и относительный рост частного капитала, усиление собственнических тенденций крестьянства, общее оживление буржуазных элементов и буржуазной идеологии. В этих условиях также было крайне необходимо дать точный и ясный ответ на вопрос о перспективах социалистического строительства в условиях нэпа, показать полную несостоятельность буржуазно-реставраторских теорий сменовеховцев, меньшевиков и других противников Коммунистической партии, видевших в нэпе начало буржуазного перерождения Советской власти.

В. И. Ленин выразил в своих последних работах твердую уверенность в том, что, несмотря ни на что, «из России нэповской будет Россия социалистическая»¹. В знаменитой статье «О кооперации» он со всей определенностью заявил, что Советская страна имеет все необходимое и достаточное для построения полного социалистического общества².

Советский народ, указывал В. И. Ленин, в состоянии только собственными силами, опираясь на моральную поддержку трудящихся других стран, осуществить все составные части плана построения социализма: создать развитую современную экономику путем ее социалистической индустриализации; уничтожить не только последние эксплуататорские классы, но и всякую возможность их возрождения в будущем, преобразовав на социалистической основе мелкотоварное крестьянское хозяйство; осуществить культурную революцию в стране.

Опровергая шаблонное представление меньшевиков и других оппортунистов, утверждавших, что для победы социа-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 309.

² См. там же, стр. 370.

листической революции нужен определенный уровень экономического и культурного развития страны, наличие компактного пролетарского большинства населения, В. И. Ленин писал в статье «О нашей революции»: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры... то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»¹. Эти слова были прямо направлены против утверждений Троцкого, отрицавшего право нашей страны первой прокладывать дорогу человечеству к социализму.

Уничтожающей критике была подвергнута и попытка Троцкого, а также других «левых» и правых оппортунистов путем искусственного противопоставления национальных и интернациональных задач партии «доказать» ненужность социалистического строительства в СССР. Враги ленинизма, особенно Троцкий, утверждали, что, сосредоточив все внимание на строительстве социализма в своей стране, российский пролетариат якобы впадет в «национальную ограниченность» и ослабит усилия, направленные на поддержку мирового революционного движения. В. И. Ленин убедительно показал, что рассуждать так — значит не понимать всемирно-исторического значения Октябрьской революции как начала и важнейшей базы мировой революции пролетариата. Чем больше успехи первого в мире социалистического государства, указывал В. И. Ленин, тем ближе будет и полная победа мировой революции. «Сейчас главное свое воздействие на международную революцию, — говорил он, — мы оказываем своей хозяйственной политикой... На это поприще борьба перенесена во всемирном масштабе. Решим мы эту задачу — и тогда мы выиграли в международном масштабе наверняка и окончательно»².

Важнейшим условием, обеспечивающим успех социалистического строительства в СССР, В. И. Ленин считал всемерное укрепление пролетарской диктатуры и ее основы — союза рабочих и крестьян. «10—20 лет правильных соотношений с крестьянством, — писал В. И. Ленин в апреле 1921 года, — и обеспеченная победа во всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут), иначе 20—40 лет мучений белогвардейского террора»³. Анализируя первые

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 381.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 341.

³ Там же, стр. 383.

итоги нэпа, В. И. Ленин призывал партию не останавливаться на достигнутом, а делать всё новые и новые шаги, укрепляя экономические и политические основы союза пролетариата с крестьянством. Мыслью об этом пронизаны все его последние статьи и речи. В. И. Ленин как бы предостерегал партию от характерной для троцкизма недооценки значения союза рабочих и крестьян. Такую недооценку он считал источником величайших опасностей для дела социалистического строительства и мировой пролетарской революции.

В. И. Ленин указывал, что партия обладает правильной, научно обоснованной политикой укрепления рабоче-крестьянского союза, еще раз подтвержденной в решениях X съезда РКП(б). Главное, указывал В. И. Ленин, это не проявлять торопливости, не увлекаться всевозможными организационными перестройками, попытками разом, «единым волевым усилием» решить острейшие политические и экономические проблемы, которые могут быть решены лишь в результате длительной и упорной практической работы по осуществлению уже намеченной партией политики.

Одной из главных причин, тормозивших практическое осуществление политики партии, были недостатки в работе самого государственного аппарата, в низовых звеньях которого преобладали враждебные социализму старые чиновники. Особую опасность представляли бюрократические методы, поборником которых был Троцкий. Проявления бюрократизма, волокиты, администрирования вызывали недовольство трудящихся, в том числе и крестьян, дискредитировали в их глазах Советскую власть, толкали в объятия различных контрреволюционно настроенных демагогов. В. И. Ленин призывал партию объять беспощадную борьбу бюрократизму, шире привлечь к работе государственного аппарата массы рабочих и крестьян, установить действенный народный контроль за ним, сделать все его звенья близкими и доступными для самых отсталых, самых задавленных безграмотностью и нуждой трудящихся. Эта программа борьбы против бюрократических извращений, за усиление массового характера работы советского аппарата была прямо направлена против политических установок Троцкого, который, как напоминал об этом В. И. Ленин в своих последних трудах, отличался «чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела»¹. Говоря о подобных же ошибках союзника Троцкого Пятакова,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 345.

В. И. Ленин подчеркивал, что на человека, увлекающегося администраторством и администраторской стороной дела, нельзя «положиться в серьезном политическом вопросе»¹.

Путь к коренному улучшению работы государственного аппарата В. И. Ленин видел в усилении партийного руководства всеми его звеньями. В статьях «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше» и других последних работах В. И. Ленин выдвинул и обосновал систему конкретных практических мероприятий, направленных на осуществление этой задачи. Основным из них была реорганизация Рабоче-крестьянской инспекции, слияние ее с контрольными органами партии. В. И. Ленин подчеркивал, что соединение государственного органа (НК РКИ) с чисто партийным (ЦКК РКП/б/), прямое подчинение первого второму обеспечат в подлинном смысле слова повседневное партийное руководство Рабоче-крестьянской инспекцией, повысят ее авторитет, позволят превратить этот орган в образцовый, способный эффективно решать возложенную на него задачу совершенствования государственного аппарата, приближения его к пролетарским и особенно крестьянским массам.

Принцип неразрывной связи работы партийных и государственных учреждений В. И. Ленин считал необходимым постепенно распространять на все звенья советского государственного аппарата. Однако организационное слияние этих учреждений рассматривалось им лишь как крайняя, чрезвычайная мера, вызванная тем, что партия в то время не имела достаточно опытных и идейно зрелых кадров, которые бы можно было всецело использовать на рабкриновской работе. Поэтому Ленин и предложил объединить НК РКИ с ЦКК, чтобы работники партийного контроля, наиболее проверенные и зрелые коммунисты, смогли бы стать и ядром реорганизованного Рабкрина.

Важнейший источник эффективности и действенности партийного руководства, по мысли В. И. Ленина, — это крепость и прочность самой партии, ее политическое, идейное и организационное единство.

Наряду с задачей укрепления союза рабочих и крестьян проблема внутрипартийного единства больше всего волновала В. И. Ленина, когда он создавал свои последние работы.

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 345.

Забываясь о росте авторитета партии, В. И. Ленин указал в своих последних трудах конкретные пути укрепления ее единства. Он писал о задаче активизации борьбы против буржуазных и мелкобуржуазных влияний, о необходимости повышения уровня общеобразовательной и идейно-теоретической подготовки коммунистов, об усилении требований к вновь вступающим в РКП(б).

Ленин призвал партию укрепить свое пролетарское ядро, увеличить прием в ряды РКП(б) рабочих с большим производственным стажем. Для придания большей устойчивости работе ЦК В. И. Ленин предложил значительно расширить его, ввести в состав ЦКК большое количество рядовых рабочих и превратить его в орган, охраняющий единство Центрального Комитета. Особое внимание В. И. Ленин уделял строгому соблюдению принципа коллективности в работе ЦК. Он указывал, что только при этом условии станет возможным превращение всех оттенков мнений отдельных его членов в единое мнение руководящего штаба партии.

Указания, изложенные В. И. Лениным в его последних статьях и письмах, стали программой всей последующей деятельности партии, заключительным этапом в разработке вождем и основателем Советского государства плана строительства социализма.

Враги ленинизма отрицательно отнеслись к идеям последних ленинских работ, старались замолчать и исказить эти идеи. Троцкий открыто выступил против таких принципиально важных предложений В. И. Ленина, как реорганизация Рабкрина, объединение его с ЦКК, расширение состава Центрального Комитета партии, «орабочение» партии, и других. Вместе с Зиновьевым и Каменевым он пытался представить вывод В. И. Ленина о наличии в нашей стране всего необходимого и достаточного для построения социалистического общества как оговорку или неверно записанную секретарями ленинскую мысль. Троцкий, Зиновьев, Каменев и другие оппортунисты отрицали возможность осуществления ленинской идеи индустриализации, выступали против сформулированной В. И. Лениным в статье «Лучше меньше, да лучше» мысли о необходимости использовать любую экономию средств для поддержания тяжелой индустрии. Вопреки этой ясной ленинской мысли Троцкий предлагал совершенно противоположное: экономить на самой тяжелой индустрии, отказаться от государственной поддержки ее, закрыть крупнейшие заводы, как убыточные.

Троцкий, Зиновьев, Каменев и другие оппортунисты не верили в возможность осуществления ленинского кооперативного плана, недооценивали роль кооперации, объявляли ее госкапиталистической. Враги ленинизма утверждали, что в статье «О кооперации» В. И. Ленин выдвинул идеи, ничего общего с коллективизацией, социалистической переделкой крестьянства не имеющие, а рассчитанные лишь на период допущения элементов капитализма. Они по-прежнему заявляли, что социалистическое преобразование сельского хозяйства страны станет возможным только после победы мировой пролетарской революции.

Троцкий и другие антиленинцы отрицали необходимость пролетарской культурной революции. Троцкий прямо заявлял, что до победы мировой революции создание пролетарской культуры в России невозможно.

Ожесточенным нападкам врагов ленинизма подвергались ленинские указания о необходимости всемерного укрепления союза с трудящимся крестьянством, о вреде торопливости, спешки при решении вопросов социалистического строительства, об опасности злоупотребления бюрократическими и административными методами, о задаче всемерного повышения руководящей роли партии, о путях укрепления единства партийных рядов и другие установки, выдвинутые в последних ленинских произведениях.

Напряженная борьба против Троцкого и других оппортунистов развернулась в связи с подготовкой к XII съезду РКП(б). Платформой партии, которую она отстаивала в этой борьбе, явились идеи последних работ В. И. Ленина. Эти идеи стали основой проектов всех резолюций съезда, которые готовил ЦК РКП(б).

Воспользовавшись болезнью В. И. Ленина, Троцкий усилил свою фракционную, интриганскую деятельность в ЦК.

В это время ряд членов ЦК допускал серьезные ошибки, связанные с решением острых политических проблем, стоявших перед партией. Бухарин, Сокольников, Зиновьев, Каменев и другие оппортунисты выступали за ослабление монополии внешней торговли. Видя весь смысл новой экономической политики в отступлении перед капиталистическими элементами, они предлагали осуществить такое отступление и в области внешней торговли. На деле это означало бы сдачу капитализму важнейшей командной позиции в народном хозяйстве, опираясь на которую пролетарское государство вело успешную борьбу против частнокапиталистических элементов.

В этом вопросе колебания проявляли и некоторые другие члены ЦК, в том числе И. В. Сталин, придерживавшийся правильной, ленинской точки зрения на сущность нэпа, но недооценивший всю важность сохранения незыблемости монополии внешней торговли.

Сталин и некоторые другие члены ЦК (Орджоникидзе, Дзержинский), правильно обращая внимание партии на опасность националистических, центробежных тенденций в деятельности отдельных руководящих работников национальных республик, недооценивали не меньшую опасность проявлений великодержавного шовинизма, способного оттолкнуть малые народы от союза с великим русским народом. В период подготовки к созданию СССР И. В. Сталин выступал в поддержку идеи автономизации независимых советских республик, включения их в состав РСФСР, что противоречило ленинскому курсу на создание союза равноправных республик. Критикуя Сталина за это, В. И. Ленин писал: «Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого „социал-национализма“»¹. «Великорусскому шовинизму, — заявлял он в другом своем документе, — объявляю бой не на жизнь, а на смерть»².

После ленинской критики Сталин и другие члены ЦК пересмотрели свои односторонние точки зрения. Пленум ЦК РКП(б) в декабре 1922 года единодушно высказался за сохранение незыблемости и дальнейшее укрепление монополии внешней торговли.

Октябрьский (1922 г.) пленум ЦК единодушно одобрил ленинскую идею создания союза равноправных советских республик³. Внимание партии было заострено на необходимости решительной борьбы против любых проявлений великодержавного шовинизма.

Однако Троцкий пытался всячески раздуть и преувеличить ошибки, допускавшиеся Сталиным и некоторыми другими членами ЦК. Действуя как беспринципный интриган, он старался дезинформировать В. И. Ленина, изобразить дело так, будто бы в ЦК только он, Троцкий, придерживается ленинской точки зрения по вопросу о монополии внешней торговли и необходимости усиления борьбы против великодержавного

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 357.

² Там же, стр. 214.

³ История КПСС, т. 4, ч. 1. Политиздат, 1970, стр. 201, 268.

шовинизма. На самом деле Троцкий лишь на словах, по чисто тактическим соображениям, выступал за монополию внешней торговли. В действительности же он был ее скрытым противником, стоял за усиление ввоза в страну иностранного капитала, считал, что без самой широкой иностранной помощи Советская Россия не сумеет преодолеть послевоенную разруху и нужду.

Троцкий был также противником подлинного равноправия союзных республик, ратовал за «завинчивание гаек» в области межнациональных отношений, за решение национального вопроса чисто административными методами. Не случайно поэтому он отклонил предложение В. И. Ленина защищать его точку зрения на пленуме ЦК партии, который Владимир Ильич считал нужным созвать для осуждения пережитков великодержавного шовинизма¹.

Спекуляция на ошибках ряда членов ЦК, прежде всего Сталина, потребовалась Троцкому исключительно для того, чтобы дискредитировать руководящий штаб партии и добиться укрепления в нем своих позиций.

После смерти В. И. Ленина Троцкий в антипартийных целях пытался изобразить себя чуть ли не самым близким к Ленину человеком во время его болезни. Современные фальсификаторы истории старательно пропагандируют эту троцкистскую выдумку. Вслед за Троцким они всячески раздувают и преувеличивают разногласия, якобы существовавшие между Лениным и другими членами ЦК, особенно Сталиным. На самом деле наиболее острые разногласия разделяли В. И. Ленина в тот период именно с Троцким. Что касается Сталина, то, по свидетельству М. И. Ульяновой, Владимир Ильич во время болезни из всех членов ЦК чаще всего вызывал к себе Сталина и обращался к нему с такими поручениями, которые можно было давать лишь человеку, пользующемуся особым доверием².

XII съезду РКП(б) предстояло уточнить и конкретизировать методы хозяйствования при нэпе, наметить пути наиболее эффективного осуществления принципиальных политических установок, выдвинутых X и XI съездами партии. Развернув интриганскую, фракционную борьбу в ЦК, Троцкий пы-

¹ Как известно, это сделал XII съезд РКП(б), указавший в резолюции по докладу И. В. Сталина, что «решительная борьба с пережитками великорусского шовинизма является первой очередной задачей нашей партии» (КПСС в резолюциях..., ч. I, стр. 580).

² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 246, вып. IV, стр. 104.

тался навязать партии свою антиленинскую точку зрения на пути и методы осуществления хозяйственной политики. В основе этой точки зрения лежало все то же меньшевистское отрицание социалистического характера новой экономической политики, неверие в возможность установления прочного союза с трудящимся крестьянством, недооценка сил и возможностей рабочего класса и его государства.

Особенно яростным атакам Троцкий подвергал ленинский курс на проведение экономически обоснованной политики в хозяйственной области. Научный подход к решению народнохозяйственных проблем, лежавший в основе нэпа, Троцкий пытался подменить волюнтаристским «подхлестыванием» экономических процессов, злоупотреблением чисто административными методами руководства. В этом вопросе его точка зрения фактически совпадала с мнением «левых коммунистов», которые устами своего лидера Бухарина провозглашали в 1918 году тезис об отсутствии каких-либо объективных законов развития социалистической экономики. Троцкий, считая социалистические элементы народного хозяйства случайными, не имеющими какой-либо реальной почвы в России, признавал объективный характер существования в стране лишь капиталистической экономики и ее законов. Что касается социалистических элементов, то Троцкий допускал возможность их сохранения и развития в отсталой крестьянской России до победы мировой пролетарской революции лишь при условии искусственной, чисто административной поддержки со стороны государства, в зависимости от обстоятельств то усиливающего нажим на буржуазные и мелкобуржуазные элементы, то идущего с ними на беспринципный компромисс.

Особенно отчетливо эта точка зрения Троцкого проявилась в его атаках на Госплан. Троцкий предлагал поставить Госплан над всеми хозяйственными органами, превратить его из научного планового органа в орудие сугубо административного руководства всем народным хозяйством. Добиваясь отстранения Г. М. Кржижановского с поста председателя Госплана, Троцкий хотел взять этот пост себе, с тем чтобы после «реорганизации» Госплана по собственному плану превратиться в своего рода диктатора в хозяйственной области. Авантюра Троцкого была сорвана В. И. Лениным, подвергнувшим троцкистский план обстоятельной критике в ряде работ, в том числе и в одной из последних — «О придании законодательных функций Госплану».

В целях «создания условий для дружной работы в Политбюро» Троцкому было поручено составить тезисы ЦК и доклад на XII съезде о промышленности. В этих тезисах, обсуждавшихся Центральным Комитетом перед съездом, содержались серьезные политические ошибки, свидетельствовавшие о стремлении Троцкого протащить в этот важный партийный документ свои антиленинские установки. Тезисы ориентировали партию на отказ от повседневного руководства хозяйством, обходили коренной вопрос об установлении смычки национализированной промышленности с крестьянской экономикой, подменяли эту важнейшую ленинскую установку троцкистской идейкой о «диктатуре» промышленности над сельским хозяйством.

Встретив решительное осуждение своих взглядов со стороны членов Центрального Комитета, Троцкий продолжал упорствовать, то и дело бомбардировал ЦК различными письмами и записками, демонстративно отказываясь делать доклад на съезде.

Он явно добивался обострения разногласий в Центральном Комитете, которые могли ослабить единство партии и осложнить работу предстоящего партсъезда.

Центральный Комитет проявил большую твердость и настойчивость в борьбе против Троцкого. Тезисы «О промышленности» были подвергнуты обстоятельной критике на пяти заседаниях Политбюро — в феврале, марте, апреле — и на двух пленумах ЦК — 22—24 февраля и 30—31 марта 1923 года. Февральский пленум ЦК внес в них ряд принципиальных поправок, подчеркнув огромное значение мелкотоварного сельского хозяйства в экономике страны и указав на необходимость укрепления смычки с ним государственной промышленности. Политбюро так оценивало позицию Троцкого в этом вопросе: «Нарушение перспективы, недооценка роли крестьянства. Ошибка вопиющая, ошибка, идущая вразрез с предвидениями большевизма,— ошибка чреватая громадными последствиями». Ф. Э. Дзержинский, избранный пленумом ЦК в состав комиссии для окончательной разработки тезисов, резко раскритиковал идею Троцкого о диктатуре промышленности над сельским хозяйством, подчеркнул огромную политическую опасность этой идеи.

Пленум ЦК отверг и предложения Троцкого, направленные против ленинского плана организационных изменений в работе Центрального Комитета и ЦКК. Он одобрил с рядом небольших поправок «Проект реорганизации и улучшения работы

центральных учреждений партии», подготовленный Политбюро к XII съезду на основе указаний В. И. Ленина. Проект предусматривал расширение состава ЦК и ЦКК. Пленум также утвердил предложения об укреплении монополии внешней торговли, подготовленные комиссией, которую создал декабрьский (1922 г.) пленум ЦК РКП(б).

Ввиду непрекращавшихся попыток Троцкого навязать свои ошибочные мнения партии, мартовский (1923 г.) пленум ЦК подтвердил правильность поправок Политбюро ЦК к тезисам о промышленности. Пленум подчеркнул первенствующее значение сельского хозяйства для всей экономики Советской России и необходимость усиления роли партии в руководстве хозяйственным и государственным строительством. Пленум принял за основу тезисы, составленные к XII съезду комиссией Политбюро во главе с Ф. Э. Дзержинским, которая готовила проект мероприятий по осуществлению ленинского плана реорганизации РКИ.

Вся партия жила верой в то, что В. И. Ленин преодолет тяжелую болезнь и примет участие в работе съезда.

В надежде на выздоровление В. И. Ленина открытие съезда было перенесено на середину апреля. По этой же причине члены ЦК задержали опубликование тезисов к XII съезду, по которым они хотели посоветоваться с Владимиром Ильичем. Однако состояние здоровья Ленина не улучшалось.

17 апреля в 11 часов утра в Кремлевском дворце открылся XII съезд РКП(б). Это был первый съезд после Октябрьской революции, на котором не присутствовал вождь и основатель партии.

XII съезд РКП(б) дал решительный отпор Троцкому, предлагавшему развивать промышленность за счет эксплуатации и разорения крестьян. Важнейшей политической задачей партии, определяющей весь исход революции, подчеркивалось в резолюции по отчету ЦК РКП(б), является укрепление и развитие союза рабочего класса с крестьянством. Под этим углом зрения, говорилось в резолюции, партия должна подходить к разрешению всех важнейших очередных проблем, в том числе и проблем, связанных с развитием промышленности. В связи с этим съезд указал, что «победоносной может оказаться только такая промышленность, которая дает больше, чем поглощает», что промышленность, живущая за счет сельского хозяйства, не может быть устойчивой и прочной опорой диктатуры пролетариата.

Съезд отверг также предложение Троцкого и его сторонников о свертывании тяжелой индустрии под предлогом ее убыточности, о закрытии ряда крупнейших заводов (Путиловского, Сормовского, Брянского и др.), о сдаче в концессии иностранному капиталу важнейших отраслей промышленности.

Вместе с тем съезд осудил притязания Троцкого и его сторонников, направленные на ослабление руководящей роли партии. В резолюции «О промышленности» говорилось: «Не забывая ни на минуту своих постоянных революционно-воспитательных задач, партия должна отдать себе отчет, что в нынешний строительный, хозяйственный период революции руководство работой хозорганов в основных пунктах советского строительства является и должно являться основным содержанием работы партии. Партия только тогда выполнит свою историческую миссию, если хозяйственный опыт всей партии будет расти вместе с ростом и усложнением хозяйственных задач, стоящих перед Советской властью»¹.

В письме членов Политбюро и кандидатов в члены Политбюро от 29 марта вновь и вновь говорилось о том, что Троцкий всеми своими действиями «подает палец тем, кто добивается ликвидации руководящей роли партии».

В докладе «О промышленности» на XII съезде РКП(б) Троцкий, однако, отошел от тезисов, утвержденных Центральным Комитетом партии. Вопрос о руководящей роли партии он свел к ошибочному антиленинскому тезису о «диктатуре партии».

Вместе с Троцким ошибочную формулу о «диктатуре партии» защищал и Зиновьев. В отчетном докладе ЦК РКП(б) на XII съезде он говорил, что, в то время как «сотни тысяч рабочих повсюду голосуют за диктатуру партии», некоторые околопартийные обыватели хотят пересмотреть вопрос «насчет диктатуры партии»². Попытка Зиновьева, направленная на отождествление руководящей роли партии с ее «диктатурой», в действительности была стремлением подорвать руководящую и направляющую силу Коммунистической партии, ослабить диктатуру пролетариата.

XII съезд РКП(б) констатировал, что обстановка нэпа создает почву для уклонов, опасность которых должна быть

¹ Двенадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет, стр. 814—815.

² Там же, стр. 45, 53.

предусмотрена партией и которым партия должна с самого начала дать решительный идейный отпор. Особенно опасными и губительными для исторической миссии нашей партии являются те уклоны, подчеркивалось в резолюции съезда, которые противопоставляют Советское государство рабочему классу и партию — Советскому государству. Съезд особо подчеркнул необходимость и в дальнейшем строго придерживаться тактики, ведущей к укреплению доверия крестьянства к пролетариату и, с другой стороны, обеспечивающей за партией фактическое руководство всем советским, и в частности хозяйственным, аппаратом Советской республики.

4. ПОБЕДА ЛЕНИНСКОЙ ЛИНИИ В ОБЩЕПАРТИЙНОЙ ДИСКУССИИ 1923 ГОДА

Мирное социалистическое строительство партия и советский народ осуществляли в сложной международной обстановке. «Равновесие сил», установившееся на международной арене, носило неустойчивый характер. Налицо были растущие противоречия и конфликты между главными капиталистическими странами, между победителями и побежденными, рост классовых битв, обострение противоречий между СССР и капиталистическими странами.

Чтобы выйти из финансового кризиса, правительства Франции и Бельгии оккупировали Рур и Рейнскую область. Фашистская Италия стремилась установить свое господство на Адриатике, захватить Югославию, Албанию и Корфу. США открыто вмешивались во внутренние дела европейских государств и добивались установления своего диктата. Капиталистические страны переживали глубокий финансовый кризис, который всей тяжестью ложился на плечи трудящихся. Усилилось наступление на политические и экономические права трудящихся.

В стремлении сохранить свое господство правящие круги ведущих капиталистических стран шли на фашизацию политического строя, на кровавую расправу с бастующими рабочими, вводили чрезвычайные законы против коммунистических партий.

В ответ на наступление реакции пролетариат развернул острейшую классовую борьбу, не останавливаясь перед вооруженным восстанием. В 1923 году в ряде стран Европы сложи-

лась революционная ситуация. Во главе революционной борьбы пролетариата шли коммунистические партии, осуществлявшие тактику единого фронта, разработанную В. И. Лениным и принятую III конгрессом Коминтерна (июнь—июль 1921 г.).

Однако компартии еще не сумели в то время разработать конкретные формы применения этой тактики в каждой стране, не осуществили ленинскую идею союза рабочего класса с крестьянством.

Отсутствие единства действий революционных сил, предательство правосоциалистических вождей и раскольнические действия оппортунистических элементов в рядах коммунистических партий реакция использовала для подавления революционной борьбы пролетариата.

9 июля 1923 года в Болгарии был совершен военно-фашистский переворот и установлена фашистская диктатура. Захватив власть, реакция расправилась с рабочим классом и его политическим авангардом — коммунистической партией, подавила антифашистское восстание, начатое в сентябре 1923 года.

В ответ на попытку польских властей расправиться с бастующими рабочими и демонстрантами в ноябре 1923 года в Кракове началось вооруженное восстание. Восставших рабочих поддержали крестьяне и солдаты местного гарнизона. Но соглашательским лидерам удалось обманным путем добиться разоружения краковских повстанцев.

Огромные социальные потрясения нарастали в Германии. Оккупация Францией и Бельгией Рура и Рейнской области окончательно подорвала хозяйство страны, усилила инфляцию и голод. Количество безработных достигло 5 млн. человек. Рабочий класс готовился к решительному штурму капитализма и непосредственной борьбе за политическую власть. Однако правительство Штреземана жесточайше расправилось с рабочими. В ответ на это по всей стране прокатилась волна мощного возмущения пролетариата, в результате в Саксонии и Тюрингии образовались рабочие правительства. Острая борьба проходила в Берлине и особенно в Гамбурге, где вооруженным восстанием руководил Э. Тельман. Но рабочий класс Германии, несмотря на стойкость и упорную борьбу, не одержал победы. В поражении революции было повинно правооппортунистическое руководство ЦК Коммунистической партии Германии, возглавляемое Брандлером и Тальгеймером, которые вместо ориентации масс на восстание помогали соци-

ал-демократии и немецкой реакции задушить революцию в своей стране. Предательское поведение Брандлера—Тальгеймера неоднократно осуждалось ИККИ, но их постоянно брали под защиту Троцкий и Радек.

На рост революционного движения во всем мире большое влияние оказывала Страна Советов.

Поэтому правящие круги империалистических государств стремились организовать новую военную авантюру против СССР. Усилилась гонка вооружений, развернулась бешеная антисоветская пропаганда. Правительство США отказывалось устанавливать дипломатические отношения с Советским Союзом и всячески препятствовало признанию его другими странами.

В 1923 году резко осложнились отношения СССР с Англией и Францией. Правительства этих стран добивались политической и экономической изоляции Страны Советов, ослабления ее влияния на революционное рабочее и национально-освободительное движение. Империалисты вновь создавали прямую военную угрозу Советскому Союзу.

Напряженная международная обстановка, сложившаяся в условиях отлива революции в Европе, требовала от ЦК РКП(б) проведения гибкой внешней политики, не позволявшей империалистам втянуть СССР в войну. Советское государство продолжало твердо и неуклонно следовать ленинскому курсу мирного сосуществования, добиваясь ослабления международной напряженности. В то же время принимались меры по укреплению обороноспособности страны.

Убедившись, что с Советским Союзом нельзя разговаривать языком угроз и ультиматумов, капиталистические страны вынуждены были стать на путь установления дипломатических отношений с ним. В феврале 1924 года правительства Англии и Италии объявили о признании СССР де-юре. С 1924 года началась широкая полоса признания Советского Союза.

Принимая меры к преодолению внешнеполитических трудностей, Коммунистическая партия продолжала уделять неослабное внимание восстановлению экономики страны.

В 1922 году В. И. Ленин отмечал некоторый, еще слабый подъем тяжелой промышленности и указывал на то, что от этих успехов зависит существование Советского Союза как «самостоятельной страны». Руководствуясь этим указанием, партия сумела в 1923 году мобилизовать и направить для восстановления и дальнейшего развития металлургической,

топливной промышленности и электрификации 140 млн. золотых рублей¹ вместо 20 млн. рублей в 1922 году².

Важность этого факта состояла в том, что «мы одни, — как отмечал В. И. Ленин, — без чужой помощи вылезаем»³ из разрухи и строим фундамент социалистической экономики.

Весь ход исторического развития подтверждал правильность ленинского учения о возможности построения социализма в СССР и полную несостоятельность троцкистской теории «перманентной революции». Успехи развития народного хозяйства на основе ленинской новой экономической политики умножались с каждым годом. Промышленное производство, преодолевая разруху, вызванную империалистической и гражданской войной, быстро набирало темпы восстановления и в 1922/23 хозяйственном году достигло по своему объему 39% довоенного уровня⁴. Валовая продукция сельского хозяйства поднялась до 75% от уровня 1913 года. Страна успешно преодолела топливный и продовольственный кризисы. Значительно улучшилось материальное положение трудящихся. Прекратилось деклассирование рабочего класса, вызванное трудностями гражданской войны и иностранной военной интервенции.

Не желая считаться с фактами, Троцкий продолжал попытки навязать партии гибельный для строительства социализма курс. Троцкий и его сторонники не хотели понять особенностей и подлинных причин экономических трудностей в стране. Не учитывая, что они явились плодом разрухи, до которой Россия была доведена старой властью, следствием еще очень значительного влияния несоциалистических укладов, сохранившихся в экономике, результатом просто трудностей роста, троцкисты пытались опешельмовать политику партии в хозяйственном строительстве. Вопреки ленинскому выводу о том, что «экономически и политически *нэл* вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики»⁵, Троцкий пытался ревизовать экономическую политику партии, препятствовал всемерному укреплению социалистической экономики.

¹ См.: Народное и государственное хозяйство СССР в 1922—1923 г. М., 1923, стр. 119—121.

² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 287.

³ Там же, стр. 432.

⁴ См.: Социалистическое строительство. СССР. Статистический ежегодник. М., 1936, стр. 2.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 60—61.

Осенью 1923 года экономическое положение страны серьезно усложнилось из-за так называемого «кризиса сбыта», который особенно сильно ударил по промышленности, грозя свети на нет успехи, достигнутые в ее восстановлении.

В условиях большой нужды на промышленные изделия началось затоваривание продукцией, которая не находила покупателей на широком, прежде всего крестьянском, рынке из-за высоких цен на промышленные товары. Партия понимала, что от быстрого преодоления кризиса сбыта зависела судьба пролетарской диктатуры в нашей стране. Ибо речь шла о смычке социалистической промышленности с сельским хозяйством, о союзе рабочего класса с трудовым крестьянством. Кризис сбыта вел к резкому сужению внутреннего рынка, тормозил рост промышленности, лишившейся притока оборотных средств, усиливал обесценивание рубля, ставил под угрозу срыва планы внешней торговли, вызывал недовольство со стороны рабочих и трудовых слоев крестьянства. Все эти опасности видел ЦК РКП(б) и поэтому задолго до кризиса сбыта вскрыл объективные и субъективные причины растущих хозяйственных трудностей и выработал конкретные мероприятия по их преодолению.

Главной причиной кризиса были диспропорция в развитии экономики, отставание в восстановлении ее отдельных отраслей, прежде всего тяжелой промышленности, наличие в народном хозяйстве различных социально-экономических укладов. Устранить эту причину можно было лишь в процессе полного восстановления народного хозяйства, его коренной перестройки на социалистической основе. На состоянии промышленности также отрицательно сказывались высокие накладные расходы, наличие дорогостоящего, громоздкого и неоперативного торгового аппарата, отсутствие должного опыта руководства экономикой, существование двух валют (червонцев, обеспеченных золотом, и падающих в цене советских денежных знаков).

Кризис сбыта в значительной мере был связан также с грубым нарушением советской политики цен, которое допустил троцкист Пятаков, работавший заместителем председателя ВСНХ, 16 июля 1923 года он издал приказ № 394 по ВСНХ, в котором потребовал от руководителей трестов и синдикатов «получать наибольшую прибыль»¹ путем увеличения цен на промышленные товары. Искусственное взвинчивание

¹ Тринадцатая конференция РКП(б). Бюллетень. М., 1924, стр. 9—10.

и без того высоких цен на промышленные товары первой необходимости привело к резкому снижению покупательной способности крестьян. Такой волюнтаристский подход к ценообразованию противоречил прямым указаниям В. И. Ленина о необходимости укрепления смычки социалистической промышленности с сельским хозяйством. В своем приказе Пятаков стремился протащить осужденные XII съездом РКП(б) установки Троцкого, требовавшего «диктатуры промышленности», неограниченного перекачивания в промышленность средств из других отраслей экономики, прежде всего из сельского хозяйства.

Наряду с кризисом сбыта осенью 1923 года обнаружались серьезные недостатки и в работе самих партийных организаций: оторванность ряда партийных ячеек от беспартийных рабочих, сохранение пережитков военного коммунизма в методах руководства со стороны некоторых партийных работников и т. д. Наличие этих недостатков вело к нарушению принципа демократического централизма, ограничению демократического характера строения и жизни партии.

Еще на X съезде РКП(б) были приняты решения о перестройке партийной работы с целью всемерного расширения внутривнутрипартийной демократии. Но проведение намеченных мер не было еще завершено. И Троцкий в своих нападках на Центральный Комитет использовал это обстоятельство, пытаясь под видом защиты «демократии» насадить в партии режим неподчинения местных организаций решениям ЦК, легализовать существование внутри партии антипартийных фракций и группировок.

Троцкий клеветнически и демагогически заявлял, что сложившаяся в партии обстановка «гораздо дальше от рабочей демократии, чем режим самых жестких периодов военного коммунизма»¹. На этом основании он требовал обновления партийного аппарата, стремясь устранить от руководства ленинские кадры и заменить их своими сторонниками. Это был откровенный тактический ход для захвата единоличного руководства в партии.

С тем чтобы быстрее преодолеть создавшиеся трудности, Политбюро в августе 1923 года наметило конкретный план мероприятий по их устранению и вынесло его на обсуждение пленума ЦК РКП(б), который состоялся 25 сентября 1923 года.

¹ См.: Борьба партии большевиков против троцкизма в послеоктябрьский период, стр. 113.

Пленум обсудил и принял развернутые решения, указывающие пути преодоления кризиса сбыта, а также призвал к оживлению внутрипартийной работы.

При обсуждении событий в Германии пленум решительно отверг антиленинское, авантюристическое предложение Троцкого о посылке регулярных частей Красной Армии в эту страну для того, чтобы «разжечь пламя пролетарской революции в Европе»¹. Троцкий настаивал на разработке «календарной программы подготовки и проведения германской революции»². Эти провокационные предложения противоречили прямым указаниям В. И. Ленина, который говорил: «...не издан еще такой декрет, чтобы все страны должны были жить по большевистскому революционному календарю, а если бы и был издан, то не исполнялся бы»³.

Обсуждая внешнеполитическое положение страны, пленум решил укрепить Реввоенсовет Республики и пополнить его состав видными работниками (К. Е. Ворошиловым, Г. К. Орджоникидзе, И. В. Сталиным и другими). Необходимость этого вызывалась тем, что Троцкий, будучи председателем РВСР, передоверил всю работу своему заместителю Э. М. Склянскому и группе хотя и честных, но беспартийных военных специалистов. Войсковое хозяйство и техническое оснащение армии находились в плохом состоянии. ЦК РКП(б) неоднократно ставил вопрос об укреплении армии и увеличении ее численности, учитывая необходимость усиления обороноспособности страны. Однако все указания, исходившие от ЦК, Троцкий игнорировал. Он с издевкой и барским пренебрежением относился к предложению видных военных деятелей, прежде всего М. В. Фрунзе, о проведении военной реформы с целью укрепления Красной Армии и поднятия ее боеспособности. Троцкий проводил линию на изоляцию армии от влияния партии, рассчитывая превратить вооруженные силы в орудие осуществления своих бонапартистских планов.

На пленуме ЦК он решительно отклонил предложение расширить состав РВСР и ультимативно заявил, что при таком составе Реввоенсовета отказывается нести ответственность за военное дело. Стремясь сорвать работу пленума, Троцкий покинул зал заседания. Однако, несмотря на обструкцию, устроенную Троцким, пленум, указав на недисциплинированность

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 103, л. 9.

² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 685, лл. 104—105.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 161.

последнего, единогласно одобрил решение о привлечении новых сил в состав РСФСР Республики¹.

Сентябрьский (1923 г.) пленум ЦК РКП(б) уделил особое внимание мерам по преодолению хозяйственных трудностей. В сложившихся условиях ЦК видел выход из кризиса сбыта в проведении мероприятий по упорядочению цен. В связи с этим рекомендовалось снизить оптовые и розничные цены на промышленные товары и повысить заготовительные цены на сельскохозяйственную продукцию. Необходимо было строго регулировать и контролировать цены, устанавливаемые трестами и синдикатами на промышленные товары, завершить проведение денежной реформы и усилить плановое начало в ведении хозяйства.

Для реализации своих рекомендаций пленум избрал специальную комиссию, которой поручил принять экстренные меры по устранению возникших затруднений. В состав комиссии вошли 17 человек, в том числе Троцкий, Пятаков и Преображенский². Вводя в состав комиссии Троцкого и его сторонников, ЦК надеялся, что в деловой, рабочей обстановке будут преодолены имевшиеся разногласия. Однако этого не произошло.

Положительные последствия упорядочения цен, оказавшего оздоравливающее влияние на экономику, вызвали серьезную тревогу среди троцкистов, действовавших по принципу: «Чем хуже, тем лучше». Чтобы сорвать выработанную партией экономическую политику, Троцкий и его сторонники пытались убедить Центральный Комитет в том, что снижение цен якобы затормозит темп восстановления и развития промышленности. Троцкисты не понимали и не хотели понять, что социалистическую экономику можно строить только в тесном союзе с крестьянством. «Мы, — говорил В. И. Ленин на XI съезде РКП(б), — строим свою экономику с крестьянством. Мы должны ее переделывать неоднократно и устроить так, чтобы была смычка между нашей социалистической работой по крупной промышленности и сельскому хозяйству...»³ Игнорируя это ленинское указание, оппозиция не желала считаться с тем фактом, что кризис сбыта вел к срыву такой смычки.

Быстрому преодолению кризиса сбыта способствовала про-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 103, лл. 2—3.

² Там же, л. 3.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 76.

веденная денежная реформа, против которой также выступали троцкисты.

До завершения денежной реформы, как уже говорилось, в стране находились в обороте две валюты: твердый, устойчивый червонец и постоянно теряющий ценность совзнак. Крайнее обесценение совзнака привело к резкому сокращению товарооборота в деревне. Положение еще более ухудшилось в период кризиса сбыта.

После ликвидации совзнаков и внедрения червонца в сельском товарообороте стала быстро возрастать покупательная способность крестьян, резко повысился спрос на промышленные товары, особенно на металлоизделия. Оживление торговли в деревне расширило емкость внутреннего рынка, а это, в свою очередь, способствовало наращиванию темпов развития промышленности.

В то время, когда ЦК РКП(б) мобилизовывал всю партию на претворение в жизнь постановлений сентябрьского (1923 г.) пленума ЦК, Троцкий 8 октября 1923 года направил в Секретариат ЦК письмо и потребовал разослать его всем членам ЦК и ЦКК. В этом документе он подверг резким нападкам всю деятельность партии, ее политическую, экономическую и организационно-партийную линию. По существу, он выступил с ревизией стратегии, тактики и организационных принципов партии, разработанных В. И. Лениным. Тем самым Троцкий открыто заявил о существовании внутри РКП(б) троцкистской фракции с меньшевистской капитулянтской программой, фракционной дисциплиной и со своими руководящими центрами¹.

Выступление Троцкого послужило сигналом к активизации и объединению всех, распущенных еще X съездом РКП(б), антипартийных групп, к новому наступлению оппортунистов на ленинизм.

Вслед за письмом Троцкого 15 октября в ЦК поступило заявление за подписью 46 ответственных работников. Заявление подписали (как потом выяснилось — на квартире Троцкого) с оговорками и без оговорок те, кто активно участвовал в прежних оппозиционных группах: «децисты», «левые коммунисты», троцкисты. Заявление формально не подписали

---

¹ Позднее стало известно, что на квартире у видного троцкиста Серебрякова проходили совещания, на которых фракционеры обсуждали даже такие вопросы, как, например, о кандидатурах в состав ЦК (ЦПА ИМЛ, ф. 51, оп. 1, ед. хр. 11, л. 20).

представители «рабочей оппозиции», но они целиком разделяли точку зрения, изложенную в письме Троцкого и в «заявлении 46-ти». Таким образом, это была первая после Октябрьской революции попытка Троцкого объединить различные антиленинские группы в единый антипартийный блок.

Ядро образовавшейся оппозиции составили троцкисты и «децисты».

В письме Троцкого и «заявлении 46-ти» подвергалась нападкам экономическая политика партии. Троцкий утверждал, что страна стоит «перед тяжелым общеэкономическим кризисом», и запугивал партию еще более глубокими экономическими потрясениями. «Руководства хозяйством нет, хаос идет сверху»¹, — писал он. Раскольники ратовали за отстранение партии от руководства народным хозяйством и за передачу этого руководства им, троцкистам. «Я мог бы справиться с ВСНХ не хуже других»², — высокомерно заявлял Троцкий.

Главную причину кризиса сбыта троцкисты видели не в высоких ценах на промышленные товары, а в отсутствии «всеобщего хозяйственного плана». «Я утверждаю, — заявлял Троцкий, — что кризис на 50 процентов, на 75 процентов, на 100 процентов вызван бесплановым подходом к вопросам народного хозяйства»³. Поддерживая Троцкого, «децист» Осинский говорил, что наша экономика «несется по волнам стихии»⁴.

Обвиняя партию в недооценке роли планового начала в управлении экономикой, троцкисты подразумевали под планированием волюнтаристскую политику административного, бюрократического руководства народным хозяйством без учета его реального состояния и нужд, подмену политики использования экономических рычагов в управлении народным хозяйством голым командованием.

Важнейшей задачей планового руководства В. И. Ленин считал овладение стихией рынка, игравшего в переходный от капитализма к социализму период роль связующего звена между социалистической экономикой и мелкотоварным крестьянским хозяйством.

В. И. Ленин призывал глубоко изучать состояние крестьянского хозяйства, учитывать при составлении планов возможные спады или подъемы в его развитии и связанные с ними

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 685, л. 55.

² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 104, л. 46.

³ Там же, л. 43.

⁴ Там же, л. 31.

колебания на крестьянском рынке, увязывать развитие промышленности с состоянием крестьянского хозяйства.

Троцкисты же, предлагая установить так называемую «диктатуру промышленности», выступали против этих ленинских требований. Троцкий уверял, что государственная промышленность, подобно армии, должна развиваться вне связи с крестьянским рынком. Иначе из-за своей слабости она окажется подчиненной этому рынку и утратит свой социалистический характер. В подобных троцкистских рассуждениях еще и еще раз проявлялось отрицательное отношение к ленинской идее союза рабочих и крестьян, неверие в возможность использовать этот союз в интересах социализма. Не учет нужд крестьянской экономики, а волюнтаристский нажим на нее Троцкий предлагал положить в основу планирования народного хозяйства. В своем письме Троцкий вновь отстаивал «идею жесткой концентрации промышленности», которую ЦК также осудил еще накануне XII съезда РКП(б).

Троцкий, Преображенский и Пятаков видели путь устранения хозяйственных затруднений в организации «товарной интервенции», т. е. форсированного ввоза товаров из-за границы. Такая политика вела к подрыву авторитета социалистической промышленности, авторитета рабочего класса в глазах крестьянских масс. Она создавала опасность потери экономической самостоятельности страны, ликвидации монополии внешней торговли. Особенно яростно Троцкий выступал против снижения цен на промышленные изделия. Это важнейшее мероприятие партии он рассматривал как «ликвидацию нэпа»¹.

Троцкого поддерживал Преображенский. Он стремился теоретически оправдать и обосновать троцкистский волюнтаризм в ценообразовании. Исходя из троцкистского лозунга «диктатуры промышленности», Преображенский пытался сформулировать так называемый закон «первоначального социалистического накопления». Суть этого накопления Преображенский видел в том, что пролетарское государство должно эксплуатировать «в пользу социализма досоциалистические экономические формы». Задача, говорил он, «не в том, чтобы брать с мелкобуржуазных производителей меньше, чем брал капитализм, а в том, чтобы брать больше»². Выступая за так называемую «налоговую демократию» (т. е. «равномер-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 685, л. 104.

² «Вестник Коммунистической Академии», 1924, № 8, стр. 58, 59.

ное» распределение тяжести налогов на все категории крестьянства, а не только на его зажиточные слои), троцкисты считали опасным увеличение прямых налогов, поскольку оно могло вызвать сопротивление крестьянства. Более «безопасный» способ получения средств они видели в повышении цен на промышленные изделия. «Цена государства-монополиста на частном рынке, — писал Преображенский, — есть функция первоначального социалистического накопления»¹.

Не понимая объективных экономических законов социализма и отрицая важную роль таких инструментов планирования, как деньги, цена, торговля, кредит, финансы и другие, троцкисты выступали против денежной реформы. Они стояли за усиление денежной эмиссии, заявляя, что лишние нули на денежных купюрах в любой момент можно будет зачеркнуть².

Антиленинская экономическая теория троцкистов вытекала из игнорирования ими роли крестьянства в социалистическом строительстве. Они считали, что сельское хозяйство должно стать «той колонией, которая даст возможность накапливать капитал»³. Такой курс вел к прямому разрыву с ленинизмом, к отказу от политики построения социализма, который строился во имя интересов всех трудящихся классов, в том числе и крестьянства.

Оппозиция пыталась реставрировать троцкизм и в партийно-организационных вопросах. Стремясь нарушить коллективность руководства и расколоть единство Центрального Комитета, дезорганизовать и опорочить его работу, оппозиционеры обвиняли ЦК в отрыве от партии, в установлении «нездорового внутривнутрипартийного режима». Они выступали против руководящего влияния партийных организаций на работу хозяйственных и советских учреждений, клеветнически утверждали, что «партийные организации узурпировали хозяйственные органы и злоупотребляли своей властью»⁴.

Троцкисты клеветали на решения X съезда РКП(б), утверждая, что после съезда в партии якобы установилась «фракционная диктатура», создателем которой был В. И. Ленин.

Пытаясь перехватить инициативу у ЦК РКП(б), призвавшего к усилению борьбы с пережитками военно-коммунисти-

¹ «Вестник Коммунистической Академии», 1926, № 14, стр. 19.

² См.: Б. И. Макаров. Критика троцкизма по вопросам строительства социализма в СССР. М., изд-во «Мысль», 1965, стр. 86.

³ Там же, стр. 66.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 685, л. 106.

ческих методов руководства в практике внутрипартийной работы, троцкисты объявили себя «поборниками» внутрипартийной демократии. На самом деле Троцкий, еще накануне X съезда ратовавший за всеобщее «завинчивание гаек» военного коммунизма, был противником подлинной демократии в пролетарской партии, основанной на принципе демократического централизма и создававшей все необходимые условия для роста активности и сознательности коммунистов. С точки зрения Троцкого и его единомышленников, внутрипартийная демократия — это свобода фракций и группировок, предоставление меньшинству права не считаться с мнением большинства.

Обсудив письмо Троцкого на заседании Политбюро ЦК 11 октября и на заседании Политбюро совместно с Президиумом ЦКК 17 октября, Центральный Комитет 19 октября направил письменный ответ Троцкому, подписанный членами и кандидатами в члены Политбюро. В нем отмечалось, что «сотрудничество между Троцким и большинством Политбюро уже не один год происходит преимущественно в форме рассылки Троцким писем и деклараций, в которых он неизменно подвергает критике чуть ли не всю деятельность ЦК»¹.

Осуждая такое поведение, Политбюро сформулировало сущность главных принципиальных разногласий между ЦК и Троцким:

1. В области хозяйственной Троцкий требовал «жесткой концентрации», воплощенной в хозяйственной диктатуре, которая привела бы к разрыву с ядром рабочего класса.

2. В области внешней политики он навязывал политику «волевых» импульсов, которая могла свергнуть страну в военную авантюру.

3. В области внутренней политики Троцкий становился центром притяжения всех элементов, борющихся против основных кадров партии.

4. Он не знал партии, ее внутренней жизни и не хотел ее понять.

5. Троцкий игнорировал роль крестьянства.

6. В области военной работы он отталкивал лучшую группу военных чекистов, ослаблял РВСР и отрывал его от партии.

7. В решительный для республики и мировой революции момент Троцкий колебал единство партии².

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 685, л. 97.

² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 685, л. 107.

В ответном письме Политбюро Троцкий отклонил всякую критику своей позиции и выдвинул новые клеветнические обвинения в адрес ЦК¹. Одновременно он и его сторонники широко распространяли свою антипартийную платформу в парт-организациях, навязывая тем самым партии дискуссию вопреки мнению Центрального Комитета, считавшего такую дискуссию ненужной.

В связи с широким распространением троцкистами своих фракционных документов по партийным организациям объединенный пленум ЦК и ЦКК РКП(б), проходивший с участием представителей десяти крупнейших партийных организаций (Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска, Нижнего Новгорода, Харькова, Донбасса, Екатеринбургa, Ростова, Баку и Тулы), обсудил 25—27 октября 1923 года вопрос «О внутрипартийном положении в связи с письмом Троцкого». Доклад по этому вопросу сделал Генеральный секретарь ЦК И. В. Сталин. В прениях выступило 42 человека, т. е. каждый третий участник пленума.

И. В. Сталин показал, что выступление Троцкого поставило Политбюро в крайне тяжелое положение. Не имея на то никаких оснований, Троцкий в своем письме-платформе утверждал, что налицо «быстро нарастающий кризис партии», и как выход предлагал немедленно начать общепартийную дискуссию, не считаясь с внутренними и внешними трудностями. Под видом критики недостатков он делал грубые и ничем не обоснованные выпады в адрес партийного аппарата. Еще перед XII съездом РКП(б) он бросил оскорбительные словечки о «губкомовской обломовщине». В письме он рисовал внутрипартийное положение в тех же черных красках, которыми пользовались меньшевики и контрреволюционная группа Мясникова.

Оппозиция слишком много говорила о демократии, но «едва ли можно сомневаться в том, — заявил И. В. Сталин, — что попытка Троцкого поиграть с идеей «развернутой демократии» будет встречена с улыбкой во всей партии»². Троцкому понадобилось говорить о «демократии» для того, чтобы расшатать устои партии, подорвать партийную дисциплину.

И. В. Сталин опроверг клеветническую версию троцкистов о том, что ЦК якобы не привлекает Троцкого к работе. Докладчик напомнил участникам пленума, что еще осенью

¹ См.: А. Г. Титов. Борьба партии с троцкизмом в период дискуссии 1923—1924 гг. «Вопросы истории КПСС», 1965, № 7, стр. 44.

² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 685, л. 106.

1922 года В. И. Ленин лично предложил Троцкому занять пост одного из заместителей Председателя СНК и СТО. От этого предложения тот отказался. В начале 1923 года на заседании Политбюро это предложение вновь было повторено, но Троцкий и на этот раз не принял его, мотивируя свой отказ тем, что «эта работа может сгладить его как личность». Будучи членом СНК и СТО, Троцкий ни разу не присутствовал на заседаниях этих органов. Он действовал по формуле: «Или все, или ничего». Тем самым он фактически предъявил партии ультиматум, считая, как говорил Сталин, что «или партия должна предоставить Троцкому фактическую диктатуру в области хозяйственного и военного дела, или он фактически отказывается от работы в области хозяйственной, оставляя за собой лишь право систематической дезорганизации ЦК в его трудной повседневной работе»¹.

Ф. Э. Дзержинский, Е. М. Ярославский, Г. И. Петровский, В. В. Куйбышев, М. В. Фрунзе, Г. К. Орджоникидзе и другие ораторы полностью одобрили линию Политбюро ЦК, проводимую по отношению к Троцкому и его единомышленникам. Они вскрыли демагогический характер выступлений оппозиционеров, которые много говорили о мнимых ошибках ЦК, а сами не выполняли своих прямых служебных обязанностей.

Выступающие приводили убедительные факты игнорирования Троцким ЦКК — важнейшего партийного органа, созданного по инициативе В. И. Ленина. В ответ на товарищескую критику Троцкий высокомерно заявил: «У меня не было доверия к большинству ЦКК и нет его»². Он не считался с коллективным мнением, а если кто-либо возражал ему, то Троцкий пренебрежительно бросал: «Напиши реферат, а я послушаю». Его поведение тысячу раз подтверждало правоту И. И. Скворцова-Степанова, назвавшего Троцкого «баринном с тросточкой». Троцкий шантажировал ЦК, требовал для себя «особого положения в партии и Коминтерне».

Осудив фракционную, раскольническую деятельность оппозиции, пленум потребовал от Троцкого активного участия в работе хозяйственных и партийных органов. Пленум принял осуждающую Троцкого резолюцию «О внутривнутрипартийном положении», за которую подали голоса 102 участника пленума, против проголосовали 2, и 10 воздержались³.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 685, лл. 104—105.

² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 104, л. 41.

³ См.: КПСС в резолюциях..., ч. I, стр. 767—768.

Потерпев полное поражение, Троцкий обратился к пленуму с просьбой не придавать широкой гласности документы пленума, чтобы сохранить возможность «совместной коллективной работы»¹. Пленум удовлетворил эту просьбу, имея в виду интересы единства партии.

Но сами троцкисты нарушили решение пленума, попытавшись перенести борьбу против ЦК в партийные ячейки и таким образом развязать дискуссию в партии. Если вначале они распространяли фракционные документы только в Москве, то после пленума письмо Троцкого и «заявление 46-ти» появились на Украине, в Петрограде, на Урале, на Кавказе. Содержание письма Троцкого и «заявления 46-ти» стало публиковаться даже в заграничном меньшевистском «Социалистическом вестнике».

С тем чтобы лишить оппозицию возможности монопольно влиять на общественное партийное мнение по вопросам, которые поднимались в их фракционных документах, ЦК РКП(б) в ноябре 1923 года решил развернуть широкую дискуссию на страницах партийной печати. Открылась она опубликованием в «Правде» 7 ноября 1923 года статьи Зиновьева «Новые задачи партии». Она в большой степени искажала картину внутрипартийной жизни. Уже само название статьи настораживало: линия на развитие внутрипартийной демократии, проводившаяся Центральным Комитетом во исполнение решений X съезда, объявлялась чем-то «новым». Зиновьев, по существу, повторял измышления оппозиции о том, что будто бы партия «замирает» и перестала быть «живым самостоятельным коллективом». Главную причину этого он видел в том, что наша «партия построена на принципах демократического централизма». Таким образом, Зиновьев, как и Троцкий, пытался поставить под сомнение правильность ленинских организационных принципов партии.

Коммунисты охотно откликнулись на призыв «Правды» подвергнуть критическому рассмотрению состояние внутрипартийной жизни.

В своих письмах, статьях и выступлениях они ставили вопрос о необходимости изменения форм и методов внутрипартийной работы, быстрее преодоления еще сохранившихся пережитков военного коммунизма: администрирования и командования вместо систематической воспитательной работы, подмены выборности назначением, некоторой оторван-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 104, л. 53.

ности от беспартийных, слабой информации сверху вниз и снизу вверх и других ненормальных явлений.

Стремясь сорвать деловой и спокойный тон обсуждения этих проблем, Преображенский, Стуков и другие троцкисты выступили в печати с грубыми нападками на ЦК РКП(б). Эти выпады ничем не отличались от разнузданных антибольшевистских статей меньшевиков на страницах «Социалистического вестника». Они тоже выступали за «неограниченную свободу выборов снизу доверху», за «подлинную свободу» устного и печатного слова для всех течений, «уклонов» и «искривлений». И все это преподносилось меньшевиками как защита интересов рабочего класса Советского Союза.

Осуждая выступления оппозиции, коммунисты решительно высказались против широких дискуссий. «Мы считаем, — говорили петроградцы, — что вся дискуссия, которая развернулась в московской печати, принимает очень болезненное и неправильное направление. Она может нас завлечь на ту плоскость, куда завела нас дискуссия в 1921 году»¹.

Выступления коммунистов в печати и на партийных собраниях с конкретными предложениями помогли ЦК РКП(б) наметить практические мероприятия для улучшения внутрипартийной работы. Политбюро ЦК образовало подготовительную подкомиссию в составе Сталина, Каменева и Троцкого. Ей было поручено разработать проект постановления о перестройке партийной работы.

Троцкий под предлогом болезни попытался уклониться от работы в комиссии. Однако комиссия перенесла свою работу на квартиру Троцкого. И последнему волей-неволей пришлось участвовать в этой работе.

Троцкий предложил включить в проект резолюции два пункта. Смысл первого сводился к тому, чтобы не только обновить партийное руководство на местах, но и снять всех работников, которые «не проводили демократии». Это было прямое возрождение отвергнутой В. И. Лениным идеи «перетряхивания» руководящих кадров в профсоюзах. Теперь то же самое предлагалось сделать и в отношении партийного аппарата. Вторая поправка касалась вопроса о запрещении фракций и группировок.

Троцкий вынужден был согласиться с пунктом о запрещении фракций, но считал вполне возможным и допустимым существование группировок. Если Каменев к этому предложе-

¹ ЛПА. ф. 16, оп. 1, ед. хр. 88, л. 11.

нию отнесся примиренчески, то Сталин решительно выступил против него, ибо разрешение существования группировок было равносильно легализации фракций, запрещенных X съездом РКП(б). Не решаясь открыто настаивать на ревизии важнейшего решения X съезда, Троцкий согласился включить в проект постановления ссылку на это решение, запрещающее фракции и группировки в партии.

После всестороннего обсуждения проект, выработанный подкомиссией, был представлен в Политбюро. 5 декабря совместное заседание Политбюро ЦК и Президиума ЦКК РКП(б) единогласно приняло резолюцию «О партстроительстве». 7 декабря 1923 года этот документ опубликовала «Правда».

Не скрывая трудностей и недостатков в жизни партии, порожденных переходным периодом, резолюция призывала к расширению внутрипартийной демократии на основе ленинских уставных норм. Среди мер, обеспечивающих этот процесс, указывалось на необходимость «орабочения» партии, систематического обновления партийного аппарата на основе выборности снизу, периодической отчетности партийных органов перед членами партии, гласности и широкой информации партийных масс по вопросам политики партии.

Одновременно подчеркивалось, что усиление внутрипартийной демократии ничего общего не имеет с ослаблением партийной дисциплины. Ленинское понятие партийной демократии, основанное на принципиальной непримиримости к оппортунистическим отклонениям от пролетарской идеологии марксизма и к мелкобуржуазной организационной расплывчатости меньшевистского толка, указывалось в резолюции, «вовсе не предполагает свободы фракционных группировок, которые для правящей партии крайне опасны, ибо всегда грозят раздвоением или расщеплением правительства и государственного аппарата в целом»¹.

Резолюция ЦК еще раз подтвердила курс на развертывание внутрипартийной демократии, лишила оппозицию возможности продолжать клеветнические обвинения в том, что Центральный Комитет якобы противится дальнейшей демократизации внутрипартийной жизни. Были созданы условия для восстановления нормальной обстановки в партии и устранения конфликтов, особенно внутри ЦК и Политбюро.

Но это не соответствовало намерениям лидера оппозиции — Троцкого. 8 декабря без согласования с членами По-

¹ КПСС в резолюциях..., ч. I, стр. 773.

литбюро и без ведома ЦК, через голову Московского комитета партии он обратился с письмом «Новый курс» к участникам районных партийных совещаний, которые проводились в Москве. Действуя так вероломно, Троцкий стремился подстегнуть своих приспешников, вывести их из шокового состояния, с тем чтобы они усилили фракционную борьбу. Руками Осинского, Шляпникова и других раскольников он хотел разрушить партийный аппарат и партию в целом.

В своем письме Троцкий превратно толковал постановление ЦК и ЦКК «О партстроительстве». Он уверял, что этот документ положил начало подлинной истории партии, перенеся центр тяжести в сторону ее «самодеятельности, самоуправления».

Ратуя за автономистское построение партии, Троцкий называл демократический централизм «бюрократическим» или «аппаратным». Высшим принципом демократии он объявлял свободу фракций и группировок. Он фактически повторял свои клеветнические измышления против В. И. Ленина и большевистской партии, которые пытался выдать за какой-то удобный меньшевикам «новый курс» еще в 1904 году, после II съезда РСДРП.

Опасаясь, что письмо к партийным совещаниям не вызовет ожидаемой реакции, Троцкий выступил с серией статей, которые затем были опубликованы отдельной брошюрой под общим названием «Новый курс». В брошюре он пытался доказать правоту своей теории «перманентной революции», которая составляла идейно-теоретическую основу всех положений троцкистской платформы¹.

Если в письме-платформе от 8 октября Троцкий ограничивался туманными намеками в адрес партийного аппарата и руководящих деятелей партии, то в новом фракционном документе он прямо утверждал, что источником оппортунизма являлась не мелкобуржуазная среда, которая окружала партию и оказывала на нее давление, а партийный аппарат. «Чрезвычайное усиление аппаратного централизма,— писал Троцкий,— нашло себе на крайнем фланге чрезвычайно болезненное выражение, вплоть до создания нелегальных группировок в партии под руководством явно враждебных коммунизму элементов...» Тем самым Троцкий фактически брал под защиту явно контрреволюционные элементы.

¹ См.: А. Г. Титов. Борьба партии с троцкизмом в период дискуссии 1923—1924 гг. «Вопросы истории КПСС», 1965, № 7, стр. 46.

Не получив поддержки в пролетарской части партии, Троцкий стремился привлечь на свою сторону политически неустойчивых коммунистов: бывших меньшевиков, бундовцев, а также партийный молодняк, прежде всего вузовский. Чтобы завоевать молодежь на свою сторону, он всячески заигрывал с нею. Такой метод завоевания сторонников, характерный лишь для буржуазных политиканов, был глубоко чужд ленинизму. В. И. Ленин учил партию, чтобы она не опекала, а помогала молодежи, не льстила ей, а критиковала ее ошибки, направляла ее деятельность. «За полную самостоятельность союзов молодежи, — писал В. И. Ленин, — но и за полную свободу товарищеской критики их ошибок! Льстить молодежи мы не должны»¹.

В. И. Ленин считал, что пролетарская молодежь должна быть достойной преемницей революционных дел старшего поколения. Поэтому в Коммунистической партии никогда не выдвигалась проблема «отцов и детей». Партия воспитывает молодежь на революционных идеях и традициях старшего поколения, обучая и закаляя ее в классовых битвах.

Диаметрально противоположный подход был у троцкистов. Чтобы использовать молодежь как слепое орудие в фракционной борьбе, Троцкий пытался возродить в нашей партии буржуазные взгляды на проблему «отцов и детей». Притупляя классовое чутье у молодежи, он стремился натравить ее на старое революционное поколение, прошедшее длительную и суровую школу классовых битв под непосредственным руководством В. И. Ленина.

В своем «Новом курсе» Троцкий обвинял старую ленинскую гвардию в перерождении подобно лидерам II Интернационала. Это кощунственное заявление было сделано еще при жизни В. И. Ленина. Клевеща на тех, кто долгие годы боролся против оппортунизма, Троцкий тем самым хотел бросить тень и на создателя Коммунистической партии В. И. Ленина. По утверждению Троцкого «старика», т. е. сторонники ленинского курса, препятствовали идейно-политическому росту молодежи. Поэтому он призывал ее «брать революционное с боем», «вырабатывать себе собственное лицо», «бороться за свое собственное мнение».

Говоря о «молодом поколении», Троцкий подразумевал не только возраст, но и срок пребывания в партии. Он считал неверным, что в руководящие органы избираются только ком-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 226.

мунисты с определенным партстажем. Троцкий хотел широко открыть двери в руководящие партийные органы всем, в первую очередь — недавним выходцам из других партий.

Обращаясь к партийной, прежде всего учащейся, молодежи, Троцкий назвал ее «верным барометром партии», потому что она якобы «резче всего реагирует на партийный бюрократизм». Троцкий предлагал перенести центр тяжести организационно-партийной работы из фабрично-заводских ячеек в вузовские, надеясь, что в этой среде в большей степени представлен мелкобуржуазный элемент. Это противоречило указанию В. И. Ленина, учившего, что крепостью Коммунистической партии является завод, фабрика¹, а не учебное заведение, как выходило по Троцкому.

В условиях, когда троцкисты фактически уже начали дискуссию в партии, ЦК РКП(б) принял решение объявить общепартийную дискуссию. Он предложил партийным ячейкам и коммунистам широко обсудить вопросы об улучшении методов работы и активизации внутрипартийной жизни на основе резолюции Политбюро ЦК и Президиума ЦКК РКП(б) «О партстроительстве». В специальном обращении ЦК, опубликованном «Правдой» 15 декабря за подписью И. В. Сталина, и в постановлении Политбюро ЦК, опубликованном 18 декабря, содержался призыв не допускать обострения внутрипартийной борьбы, не доводить дело до создания обособленных антипартийных группировок. Однако троцкисты не откликнулись на этот призыв, а попытались использовать начавшуюся дискуссию для укрепления своей антипартийной фракции.

Троцкий и некоторые его сторонники стремились втянуть в дискуссию и армию. Начальник Политуправления РККА В. А. Антонов-Овсеенко без ведома ЦК 24 декабря 1923 года подписал циркуляр № 200, в котором ревизовались основы партийного строительства в вооруженных силах. Стремясь восстановить военных работников против руководящих органов партии, Политуправление сделало попытку, минуя ЦК, созвать Всесоюзную армейскую партийную конференцию. Дело дошло до того, что некоторые военные партийные ячейки в своих резолюциях выражали недоверие еще не собравшейся XIII конференции РКП(б)².

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 15.

² См.: Дискуссия 1923 года. Сб. М. — Л., 1926, стр. 34—35.

Троцкисты делали попытку втянуть во внутрипартийную борьбу и братские коммунистические партии. Без ведома Центрального Комитета и ИККИ они распространяли по компартиям клеветнические письма против ЦК РКП(б) и Исполкома Коминтерна.

В борьбе против Центрального Комитета оппозиционеры не брезговали ничем. Они взяли на вооружение излюбленный метод Троцкого — клевету, склоку, хлесткие оскорбления, внесение раздора и недоверия в партийную среду.

Оппозиционеры распространяли секретные партийные документы — решения Политбюро, пленумов ЦК и Президиума ЦКК. Более того, секретные партийные документы начали попадать на страницы заграничной меньшевистской печати. Так, 17 декабря «Социалистический вестник» опубликовал письмо В. И. Ленина «К вопросу о национальностях или об „автономизации“», записку В. И. Ленина к Троцкому от 5 марта 1923 года под грифом «Строго секретно», письмо Л. А. Фотиевой к Каменеву и Троцкому от 5 марта под грифом «Совершенно секретно». Эти документы по просьбе В. И. Ленина были направлены лично Троцкому. Все эти факты говорили о том, что оппозиция шла на все, чтобы любой ценой дискредитировать ленинский ЦК.

Чтобы сорвать раскольнические планы оппозиции, Центральный Комитет вынужден был сосредоточить все свое внимание на проведении партийной дискуссии. Центр тяжести ее был перенесен в партийные ячейки.

Большая и неутомимая разъяснительная работа партии приносила свои плоды. Если троцкисты встретили поддержку в некоторых вузовских и воинских партиях, то они потерпели полное поражение на заводах и фабриках.

С негодованием отверг троцкистскую клевету на партию рабочих Петроград. 15 декабря на общегородском собрании бюро ячеек и активных работников Петрограда, где присутствовало около 3000 человек, троцкисты получили всего 5 голосов. Собрание обратилось с письмом к членам РКП(б), в котором клеймило оппозицию и ее лидера Троцкого¹. В ходе дискуссии платформа троцкистов получила незначительное большинство только в ячейках шести вузов, причем в пролетарских по составу технических вузах оппозиция собрала мизерное количество голосов. На Украине 99,9%

---

¹ «Правда», 18 декабря 1923 г.

производственных партячек одобрили деятельность ЦК РКП(б)¹.

Дискуссия заставила партийные организации вплотную заняться вузовскими партийными ячейками. Необходимо было укрепить партийное и комсомольское ядро и очистить вузы от чуждых и случайных элементов.

Вопрос о внутрипартийной дискуссии обсуждался на январском (1924 г.) пленуме ЦК РКСМ. В принятой резолюции «О внутрипартийной дискуссии» пленум решительно высказался «против всяких попыток противопоставить молодежь старому поколению партии, ее большевистскому костяку, ее испытанному руководящему штабу»². Более сотни членов РКП(б), учащих в вузах и рабфаков Москвы, обратились к Троцкому с открытым письмом, в котором заявляли: «Никаких фракций и группировок... никаких раздоров среди различных поколений в партии»³. К этому письму затем присоединились еще сотни молодых коммунистов из учащейся молодежи Москвы. Против установок Троцкого высказались также Исполком Коммунистического Интернационала молодежи и его секции.

Троцкисты получили отпор и в армии. «Сведения о ходе партидискуссии на местах говорят о том, — сообщалось в сводке ПУРа от 17 января 1924 года, — что в подавляющем большинстве воинские ячейки высказываются за резолюцию ЦК и ЦКК»⁴. Только в Московском военном округе оппозиции удалось склонить на свою сторону третью часть военных ячеек. Это было достигнуто в результате того, что оппозиция здесь сосредоточила свои ударные силы.

Потерпев полный провал в рабочих ячейках (прежде всего Москвы и Петрограда), троцкисты стали искать опору в партийных ячейках, в которых преобладали служащие и крестьяне. Им удалось склонить на свою сторону непролетарские по своему составу партийные организации Рязани, Пензы, Калуги, Симбирска и Челябинска. Дискуссия стала перерастать в политическую борьбу. Оппозиция обволакивалась антисоветскими, националистическими и другими враждебными элементами внутри страны.

¹ Бюллетень VIII Всеукраинской конференции КП(б)У. X. 1924 г., стр. 179.

² См.: Товарищ комсомол. Документы съездов, конференций и пленумов ЦК ВЛКСМ 1918—1968, т. 1. Изд-во «Молодая гвардия», 1969, стр. 126—127.

³ «Правда», 9 января 1924 г.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 60, ед. хр. 547, л. 117.

Выступая против организационных принципов ленинизма, оппозиционеры продолжали выступать и против ленинской экономической политики. Особенно их нападки усилились с момента опубликования Политбюро ЦК резолюции «Об очередных задачах экономической политики». Этот документ был разработан и принят Политбюро 24 декабря 1923 года во исполнение решения октябрьского объединенного пленума ЦК и ЦКК РКП(б). В резолюции подводились итоги хозяйственной деятельности партии после XII съезда РКП(б) и намечалась развернутая программа дальнейшего восстановления промышленности, транспорта, сельского хозяйства, развития внутренней и внешней торговли, подъема материального благосостояния рабочего класса и трудового крестьянства.

С появлением в печати резолюции Политбюро ЦК «Об очередных задачах экономической политики» оппозиция немедленно выступила с резкими нападками и на этот общепартийный документ. В партийных организациях стали проходить повторные собрания, посвященные обсуждению вопросов экономической политики партии¹. Они, как правило, неизменно заканчивались провалом оппозиции.

Злобные нападки оппозиционеров на партию, требование смены партийного руководства, демагогические речи о широкой демократии и «свободе критики» были встречены с одобрением и надеждой открытыми и скрытыми врагами пролетарской диктатуры внутри страны и за ее пределами.

Враги Коммунистической партии не скрывали надежды на то, что троцкисты расшатают устои диктатуры пролетариата и откроют путь к реставрации капитализма в СССР.

Однако, несмотря на пророчества врагов, общепартийная дискуссия не вызвала кризиса в партии и осложнения внутри страны, на что рассчитывал Троцкий и его приспешники. Наоборот, она принесла жесточайшее поражение оппозиции. За линию ЦК проголосовало 98,7% коммунистов, за оппозицию — 1,3%² — гораздо меньше, чем во время дискуссии 1921 года.

14—15 января 1924 года состоялся пленум ЦК РКП(б). В его работе приняли участие члены и кандидаты в члены ЦКК. В центре внимания пленума находился вопрос «Об очередных задачах партийного строительства и об итогах пар-

¹ См.: А. Г. Т и т о в. Борьба партии с троцкизмом в период дискуссии 1923—1924 гг. «Вопросы истории КПСС», 1965, № 7, стр. 46—47.

² См.: КПСС. Справочник. М., 1963, стр. 193.

тийной дискуссии». По поручению Политбюро ЦК с докладом по этому вопросу выступил И. В. Сталин.

Пленум одобрил резолюцию ЦК «О партстроительстве» и решил вынести ее на обсуждение XIII партийной конференции. Пленум избрал комиссию, которой было поручено подготовить к XIII конференции РКП(б) проект решения об итогах дискуссии. В состав комиссии вошло 15 человек, в том числе А. А. Андреев, Э. И. Квиринг, А. С. Киселев, С. В. Кошиор, В. В. Куйбышев, А. И. Микоян, Г. К. Орджоникидзе, И. В. Сталин, Н. М. Шверник, М. В. Фрунзе и другие.

Окончательные итоги дискуссии были подведены на XIII конференции РКП(б) 16—18 января 1924 года. С докладом об очередных задачах партийного строительства на ней выступил И. В. Сталин. В докладе отмечалось, что резолюция Политбюро и Президиума ЦКК от 5 декабря 1923 года «О партстроительстве» больше месяца обсуждалась на всех собраниях в партиячках и она получила полное одобрение.

Значение резолюции, подчеркнул И. В. Сталин, состоит в том, что в ней определенно сказано: партия должна быть единой и монолитной, она не допустит существования фракций и группировок, партия должна и впредь ориентироваться и равняться на свое пролетарское ядро. Оппозиция же, отмечал докладчик, «в своей безудержной агитации за демократию, которую она абсолютизирует и фетишизирует, развязывает мелкобуржуазную стихию»¹.

Делегаты съезда ярко и убедительно разоблачили антипартийную, фракционную линию троцкистов. Представитель Урала К. В. Рындин, например, напомнил «забывчивому» Троцкому о том, что год назад тот говорил о «низкопробном практицизме молодежи», а теперь с нею заигрывал. Рындин отверг клевету оппозиционеров, утверждавших, что «партия наша мертва». На примере трех крупнейших заводов Урала (Лысьево, Чусовая и Мотовилиха) он показал неуклонный рост партийных организаций за счет рабочих от станка. Партийные ячейки этих заводов за девять месяцев выросли на 80—120%².

Конференция единогласно утвердила резолюцию «О партстроительстве», а также приняла (при трех против) предложенную ЦК по докладу Сталина резолюцию «Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии».

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 25.

² См.: Тринадцатая конференция РКП(б). Вюллетень, стр. 145.

«В лице оппозиции, — отмечалось в этом документе, — мы имеем перед собой не только попытку ревизии большевизма, не только прямой отход от ленинизма, но и явно выраженный мелкобуржуазный уклон. Не подлежит никакому сомнению, что эта оппозиция объективно отражает напор мелкой буржуазии на позиции пролетарской партии и ее политику»¹. Конференция призвала всю партию вести систематическую и энергичную борьбу против мелкобуржуазного уклона. Для укрепления пролетарского ядра партии было признано необходимым в течение ближайшего года принять в ее ряды 100 тысяч рабочих от станка². Несмотря на протесты оппозиции, конференция решила опубликовать седьмой пункт резолюции X съезда РКП(б) «О единстве партии», предусматривавший исключение из ЦК и из партии тех членов ЦК, которые становятся на путь фракционности, и решения октябрьского (1923 г.) пленума ЦК и ЦКК.

Партийная конференция обсудила вопрос «Об очередных задачах экономической политики». В основу этого обсуждения была положена резолюция Политбюро, одобренная пленумом ЦК.

При решении очередных вопросов экономической политики партия исходила из задачи на деле осуществить смычку города и деревни, союз рабочего класса с трудовым крестьянством.

В резолюции, предлагавшейся ЦК, были показаны пути дальнейшего подъема и развития промышленности, поставлены задачи овладения внутренним рынком путем расширения государственной и кооперативной торговли. Особое внимание обращалось на дальнейшее улучшение материального положения рабочих. Партия продолжала курс на повышение заработной платы, на ее подтягивание в тех отраслях промышленности, где она все еще отставала от среднего уровня.

Конференция одобрила политику снижения цен на промышленные товары и повышения цен на сельскохозяйственные продукты. Она вновь напомнила об указании XII съезда о том, что «только развитие национализированной крупной промышленности создает незыблемые основы пролетарской диктатуры»³. В решении конференции указывалось на то, что сельское хозяйство продолжает «иметь первенствующее зна-

¹ См.: Трнадцатая конференция РКП(б). Бюллетень, стр. 145.

² См. там же, стр. 202.

³ Там же, стр. 207.

чение для всей экономики Советской власти»¹. Поэтому и темпы развития государственной промышленности должны были планироваться с учетом «объективных рамок, определяемых состоянием крестьянского хозяйства»².

XIII Всесоюзная партийная конференция закрепила победу над троцкистской оппозицией. Партия вышла из дискуссии еще более окрепшей и сплоченной.

В. И. Ленин следил за работой конференции. Известно, что Н. К. Крупская читала ему отчеты о ее работе и резолюции³. Через три дня после окончания конференции В. И. Ленин умер.

Ответом трудящихся на смерть В. И. Ленина явился небывалый приток рабочих в партию. В связи с этим 31 января 1924 года пленум ЦК РКП(б) принял постановление «О приеме рабочих от станка в партию». Центральный Комитет призвал рабочий класс направить в партию своих лучших представителей.

Ленинский призыв сделал 1924 год переломным в численном, а главное, в качественном росте партии. За короткое время численность партии возросла почти вдвое. Только за время ленинского призыва в ее ряды вступило свыше 200 тыс. рабочих. Новый прилив в ее ряды привел к резкому укреплению пролетарского ядра в партии. Удельный вес рабочих вырос с 44 до 60%⁴. Значительно увеличилось количество коммунистов, работавших у станка: в январе 1924 года их было 83 тыс., в январе 1925 года — 302 тыс., в январе 1926 года — 409 тыс. Таким образом, в течение двух лет партия увеличила свое пролетарское ядро на 326 тыс., или почти в четыре раза⁵.

Ленинский призыв разоблачал клевету троцкистов о перерождении партии, разрушил замыслы оппозиционеров подорвать ее единство. Молодежь, с которой пытались заигрывать троцкисты, также демонстрировала верность ленинским идеям.

Меньшевистский «Социалистический вестник» рассматривал ленинский призыв как «троянского коня» в партии, предсказывал, что Коммунистическая партия растворится в массе рабочего класса и крестьянства и потеряет свою руководящую роль в системе диктатуры пролетариата. Такой же точки зрения придерживался и Троцкий.

¹ Тринадцатая конференция РКП(б). Бюллетень, стр. 205.

² Там же, стр. 204.

³ См.: Владимир Ильич Ленин. Биография. Политиздат, 1970, стр. 682.

⁴ См.: «Большевик», 1926, № 21-22, стр. 42.

⁵ Там же, стр. 41.

Партия не растворилась в массе потому, что в ее ряды вступали лучшие рабочие, прошедшие серьезную трудовую и революционную школу. Новое пополнение РКП(б) способствовало упрочению диктатуры пролетариата, союза рабочего класса и трудового крестьянства, дальнейшему укреплению дружбы народов СССР.

Оппозиция не остановилась даже перед тем, чтобы использовать в антипартийных целях смерть В. И. Ленина. Троцкий, несмотря на свой партийный долг (не говоря уже о моральном), не прибыл из Сухуми на похороны Ильича. Он надеялся, что смерть В. И. Ленина вызовет в руководстве партии и государства панику и растерянность и его, Троцкого, немедленно призовут в Москву, чтобы поручить высшие командные посты. В своей автобиографической книге «Моя жизнь» Троцкий писал, что в день похорон вождя он думал о своем реванше: «Вместе с дыханием моря я всем существом своим ассимилировал уверенность в своей исторической правоте».

XIII съезд РКП(б) (23—31 мая 1924 г.) собрался в напряженной обстановке. Партия и страна глубоко переживали кончину В. И. Ленина. Но и в этих условиях оппозиция во главе с Троцким продолжала свои атаки на партию, угрожая расколом ее рядов.

В организационном отчете ЦК РКП(б) И. В. Сталин убедительно показал несостоятельность утверждений оппозиции о замирании партии, ее отрыве от трудящихся, о засилии партийного аппарата, об обострении взаимоотношений между молодыми и старыми членами партии, о перерождении руководящих партийных кадров.

Уделяя большое внимание вопросам внутрипартийной демократии, Центральный Комитет принимал необходимые меры к укреплению коллективности руководства. Все важнейшие вопросы внешней политики, финансов, хозяйства, партийного строительства выносились на обсуждение Политбюро ЦК с последующей передачей наиболее принципиальных вопросов на пленумы ЦК РКП(б). Политбюро ЦК представляло из себя постоянно действующий, весьма авторитетный руководящий орган. Принципы и регламент его работы были приняты еще при В. И. Ленине¹.

¹ Заседания Политбюро проходили один раз в неделю (четверг) с 12 до 17 часов. Регламент был следующий: важнейший доклад — 5—10 минут, не крупного значения — 3—5 минут; выступления не более двух раз — первый раз 5 минут, второй раз 2 минуты; заключительного слова не давалось.

Введенная система работы обеспечивала оперативное, деловое и авторитетное решение вопросов. Однако Троцкий всячески саботировал коллективную работу. В период болезни В. И. Ленина Троцкий стремился превратить заседания Политбюро в сплошную говорильню, когда же это ему не удавалось, он занимался клеветой или вообще не посещал заседаний.

Еще до смерти В. И. Ленина, 23 марта 1923 года, Троцкий направил в Политбюро ЦК записку, в которой вопреки фактам утверждал, что первостепенной важности вопросы якобы «остаются сплошь да рядом вне поля зрения Политбюро и ЦК»¹. Он считал работу Политбюро неудовлетворительной. Между тем сам присутствовал только на 49 из 88 заседаний, проведенных между XII и XIII съездами. За период с 1923 по 1926 год Троцкий из 287 заседаний Политбюро ЦК присутствовал всего на 151 заседании, а когда и бывал на них, то обычно читал английские или французские романы или записывал все случайные ошибки и неаккуратно оброненные слова². Потом все это обобщал в «критических» письмах, которые посылал своим единомышленникам или в Политбюро ЦК.

В речи на XIII съезде Троцкий пытался оправдать антипартийное поведение оппозиции.

Эту же цель преследовал в своем выступлении и Преображенский.

Выступления лидеров оппозиции были подвергнуты острой критике делегатами съезда. В единогласно принятой резолюции по политическому и организационному отчетам ЦК съезд одобрил политическую линию и организационную работу Центрального Комитета. Съезд подтвердил резолюции XIII конференции РКП(б) «О партийном строительстве» и «Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии», приобщив их к своим постановлениям. Съезд поручил ЦК и впредь твердо оберегать единство партии.

«После того, как партия потеряла тов. Ленина, — говорилось в резолюции съезда, — дело обеспечения полного партийного единства стало еще более важным и необходимым, чем до сих пор. Малейшая фракционность должна преследоваться самым суровым образом. Твердость и монолитность РКП(б)

¹ См.: «Вопросы истории КПСС», 1963, № 4, стр. 23; ЦПА ИМЛ, ф. 50, оп. 1, ед. хр. 3, л. 120.

² ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 209, л. 9.

на основе незыблемых принципов ленинизма являются важнейшей предпосылкой дальнейших успехов революции»¹.

На съезде по делегациям было оглашено «Письмо к съезду» В. И. Ленина. Первая часть ленинского письма, относящаяся к 23 декабря 1922 года, была в тот же день послана Сталину². Что же касается записей от 24—25 декабря и от 4 января, в которых содержалась личная характеристика некоторых членов ЦК, то согласно воле В. И. Ленина до XIII съезда они находились на хранении у Н. К. Крупской.

18 мая 1924 года, т. е. за пять дней до открытия XIII съезда РКП(б), первого съезда после смерти В. И. Ленина, Н. К. Крупская передала эти записи в ЦК партии. В своем письме она сообщала: «Среди неопубликованных записей имеется запись от 24—25 декабря 1922 года и от 4 января 1923 года, которая заключала в себе личные характеристики некоторых членов Центрального Комитета. Владимир Ильич выражал твердое желание, чтобы эта его запись после его смерти была доведена до сведения очередного партсъезда»³.

С получением ленинского документа пленум ЦК выделил комиссию в составе Г. Е. Зиновьева, А. П. Смирнова, М. И. Калинина, Н. И. Бухарина, И. В. Сталина и Л. Б. Каменева. Изучив ленинские письма, комиссия в решении от 19 мая постановила: «Довести эти документы до сведения ближайшего пленума ЦК с предложением довести их до сведения партийного съезда»⁴.

Пленум ЦК РКП(б), состоявшийся 21 мая 1924 года, заслушав сообщение комиссии по приему бумаг В. И. Ленина, принял следующее постановление: «Перенести оглашение зачитанных документов, согласно воле Владимира Ильича, на съезд, произведя оглашение по делегациям и установив, что документы эти воспроизведению не подлежат, и оглашение по делегациям производится членами комиссии по приему бумаг Ильича»⁵.

С началом работы XIII съезда Центральный Комитет передал ленинские документы в президиум. Исходя из того, что

¹ Тринадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1963, стр. 602—603.

² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 593.

³ Там же, стр. 594; ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 246, вып. IV, ч. 65.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 246, вып. IV, л. 65.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 594 (Примечания).

В. И. Ленин не определил форму доведения его документа до делегатов, президиум съезда, в соответствии с постановлением пленума, решил «Письмо к съезду» В. И. Ленина огласить по делегациям.

Делегаты правильно восприняли характеристики, данные в этом письме членам ЦК, как призыв к укреплению коллективного начала и единства в работе руководящего штаба партии. Исходя из сложившейся внутривнутрипартийной обстановки, все без исключения делегации приняли резолюции, в которых высказались за оставление И. В. Сталина на посту Генерального секретаря ЦК РКП(б)¹. Против этих решений делегаций не возражал никто из участников съезда, в том числе даже и оппозиционеры.

Когда делегации, прочтя ленинский документ, собрались на пленарное заседание, председательствующий Каменев обратился от имени президиума к делегатам съезда с вопросом: «Желает ли съезд, кроме чтения в делегациях, зачитать письмо и на открытом заседании съезда?» Делегаты ответили, что они удовлетворены чтением в делегациях. Съезд постановил: «Ввиду того, что все члены съезда ознакомились с этим письмом по делегациям, поэтому не требуется оглашения этого письма на самом съезде»².

Разоблачая троцкистско-меньшевистскую выдумку о том, что партия якобы утаила «завещание» Ленина (имеется в виду ленинское «Письмо к съезду»), Н. К. Крупская писала: «Все члены съезда ознакомились, как того хотел В. И., с письмами. Их неправильно называть «завещанием», так как завещание Ленина в подлинном смысле этого слова неизмеримо шире — оно заключается в последних статьях В. И. и касается основных вопросов партийной и советской работы. Это статьи «О кооперации», «О Рабкрине», «Страничка из дневника» (о просвещении), «О нашей революции». В связи с ранее сказанным по этому поводу они освещают на долгое время путь, по которому надо идти»³.

XIII съезд РКП(б) сорвал попытку троцкистов, «децистов», «рабочей оппозиции» подменить ленинские организационные принципы меньшевистско-троцкистской распылчатостью. В своих решениях съезд воплотил в жизнь указания В. И. Ленина о вовлечении всех коммунистов в активную работу,

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 246, вып. IV, л. 66.

² Там же, л. 64.

³ «Вольшевик», 1926, № 16, стр. 73.

подтвердил ленинские принципы коллективности руководства, Сам съезд показал пример коллективной работы, широкого привлечения коммунистов к выработке очередных задач политики партии. Большое число делегатов непосредственно участвовало в работе секции и комиссий, которые создавались для подготовки решений съезда. Высокая активность делегатов, свободное творческое обсуждение ими насущных вопросов деятельности партии — все это свидетельствовало о том, что в партии продолжали действовать выработанные Лениным и проверенные жизнью принципы партийной демократии.

Высокая принципиальность, активность, единство действий делегатов привели к политической изоляции Троцкого и его немногочисленных сторонников.

Вскоре после XIII съезда РКП(б) состоялся V конгресс Коминтерна. Он работал в Москве с 17 июня по 8 июля 1924 года. Обсуждение первого вопроса порядка дня «Ленинизм и Коминтерн» было перенесено на Красную площадь, к Мавзолею В. И. Ленина¹. С докладом выступил один из старейших представителей ленинской гвардии — М. И. Калинин.

С совместным предложением по русскому вопросу на конгрессе выступили представители германской, французской, английской и американской делегаций. Они подчеркивали, что русский вопрос не является вопросом национальным, а имеет международное значение. Делегации отметили, что выступление оппозиции в РКП(б) направлено не только против ее ЦК, но и против всего Коммунистического Интернационала. «Нанесение ущерба пролетарской диктатуре СССР и ослабление РКП, единственно способной эту диктатуру удержать, — подчеркивалось в заявлении делегаций, — равносильно покушению на завещание Ленина, самое дорогое для коммунистов всего мира»².

Делегации предложили конгрессу подтвердить решение XIII съезда РКП(б) об итогах дискуссии и отметить, что взгляды оппозиции отражают мелкобуржуазный, оппортунистический уклон. Конгресс утвердил резолюции XIII партконференции и XIII съезда РКП(б), осуждавшие платформу оппозиции, как «платформу с мелкобуржуазным уклоном, и ее

---

¹ Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стеногр. отчет. М.—Л., 1924, стр. 33—40.

² Там же, стр. 550.

действия, как действия, угрожающие единству партии, а следовательно, и диктатуре пролетариата в Союзе Советских Социалистических Республик»¹.

Разгром троцкистской оппозиции явился важным шагом вперед в укреплении партии и всего международного коммунистического движения. Поражение оппозиции в дискуссии помогло ее рядовым сторонникам разобраться в антиленинской сущности и отойти от троцкизма. Отошли от оппозиции также некоторые ее прежние активисты — А. Бубнов, Н. Осинский, В. Оболенский и другие. Что касается Троцкого, Преображенского, Пятакова, Сапронова, Радека и других активных оппозиционеров, то они не разоружились, а стали готовиться к новым нападкам на партию.

---

¹ Коммунистический Интернационал в документах. М., 1938, стр. 463.

ПАРТИЯ —
ОРГАНИЗАТОР ЗАЩИТЫ ЛЕНИНИЗМА
ОТ ТРОЦКИСТСКОЙ РЕВИЗИИ

1. БОРЬБА ПРОТИВ ТРОЦКИСТСКОЙ РЕВИЗИИ ЛЕНИНИЗМА
В 1924 ГОДУ

Советское государство делало лишь первые шаги по пути социалистического строительства. В ожесточенной классовой борьбе еще только решался вопрос «кто — кого?». Предстояло совершить гигантски много: преодолеть экономическую отсталость страны, провести глубокие социальные преобразования, ликвидировать неграмотность народных масс, существенно поднять их материальное благосостояние, преодолеть трудности, которых не знала и не могла знать ни одна из революций, происходивших до победы пролетариата в нашей стране. И все это в условиях, когда нельзя было опереться ни на помощь извне, ни на опыт какой-либо другой коммунистической партии.

Смерть В. И. Ленина явилась серьезным испытанием творческих сил РКП(б), ее идейной зрелости, стойкости и выдержки. Она придала особую остроту вопросу о единстве партийных рядов, о сохранении в чистоте и неприкосновенности марксистско-ленинской теории и политики партии, борьбе со всеми разновидностями оппортунизма.

Внешние и внутренние враги Советской власти не скрывали надежд на то, что без В. И. Ленина партия не справится с задачами строительства нового общества, что она под напором мелкобуржуазной стихии капитулирует перед капитализмом, растеряет свой революционный багаж, лишится внутреннего единства и переродится.

Империалисты усиливали политический нажим на Советское государство, продолжали готовить новые провокации, раздували антисоветскую военную истерию, старались навязать СССР кабальные экономические соглашения. Одновре-

менно усиливалось идеологическое давление на Советский Союз. Буржуазные пропагандисты и теоретики на все лады превозносили достижения мирового капитализма, доказывали, что его послевоенная стабилизация прочна и устойчива и что Советской России поэтому никогда не дожидаться победы мировой пролетарской революции. Они уверяли, будто одна Советская страна никогда не преодолет экономической и культурной отсталости и, будучи вынуждена обратиться за помощью к иностранным государствам, неизбежно встанет на путь возрождения капитализма.

Ожесточенным идейным атакам подвергали нашу страну оппортунисты II Интернационала. Утверждая, что успешное социалистическое строительство в России невозможно, они также считали неизбежным восстановление капитализма в советской экономике и предлагали расширить дорогу капиталу в области политической — ликвидировать диктатуру пролетариата и заменить ее буржуазной демократией.

Возрастало давление на партию и Советскую власть также со стороны капиталистических и других враждебных элементов внутри страны — кулачества, нэпманской городской буржуазии, остатков подпольных меньшевистских и эсеровских группок, пытавшихся развернуть контрреволюционную агитацию в массах.

Опасность, которую представляло возросшее давление буржуазии и ее идеологии, усугублялась громадным преобладанием в населении страны мелкобуржуазной массы, в первую очередь крестьянства. Связанное с рабочим классом прочным союзом трудовое крестьянство, пока его хозяйство базировалось на мелкой частной собственности, все еще сохраняло двойственную природу и в условиях переходного периода колебалось между двумя основными борющимися классами — победившим пролетариатом и свергнутыми эксплуататорами.

Характерные для промежуточных элементов настроения неизбежно проникали и в среду рабочего класса, ряды которого постоянно пополнялись выходцами из полупролетарских и непролетарских слоев. Буржуазия стремилась использовать этот процесс для того, чтобы, с одной стороны, ослабить рабочий класс, заразить некоторые его слои буржуазными и мелкобуржуазными настроениями, а с другой стороны, вырвать из-под его влияния неустойчивую мелкобуржуазную массу и увлечь ее за собой.

Возросшему давлению буржуазии партия противопоставляла более тесное сплочение своих рядов, усиление борьбы за

построение социализма. Оставшись без В. И. Ленина, она продолжала твердо руководствоваться ленинскими указаниями о путях и средствах укрепления внутривластного единства, повышения боеспособности своих организаций, усиления своего влияния на все сферы жизни советского общества.

Партия развернула всестороннюю воспитательную работу с коммунистами, борясь против опасностей, связанных с оживлением буржуазной идеологии.

Число занимающихся в сети партийного просвещения в 1924/25 учебном году возросло по сравнению с 1923/1924 учебным годом более чем в три раза. Были пересмотрены программы политических занятий, обновлен состав пропагандистов, издана необходимая методическая и учебная литература¹.

Исключительно важную роль в усилении идеологической работы сыграла широко развернувшаяся пропаганда ленинизма. Создавались курсы и кружки специально для изучения ленинского теоретического наследия. Произведения В. И. Ленина в гораздо большем объеме, чем раньше, включались в списки литературы, предназначенной для системы партийного просвещения. Только издательства РСФСР выпустили в 1924 году книг В. И. Ленина и работ о нем в десять раз больше, чем в 1923 году².

Все эти и другие меры, осуществленные РКП(б), придали еще большую устойчивость партийной политике, надежно гарантировали основные звенья партии от заражения тлетворным влиянием буржуазной идеологии. Однако опасность этого влияния была по-прежнему велика. Она не могла уменьшиться, пока в СССР оставались эксплуататорские классы, пока мелкобуржуазные слои составляли огромное большинство населения. Наличие такой опасности придавало необыкновенную остроту внутривластной борьбе, отражавшей борьбу классов в стране, заставляло партию тратить на разоблачение и разгром разного рода оппортунистов и раскольников чрезвычайно много времени и сил.

Партия в то время была занята упорной работой по созданию необходимых экономических и политических предпосылок построения фундамента социализма. Она всецело руководствовалась указанием В. И. Ленина, сделанным им на XI съезде РКП(б), о том, что после введения нэпа гвоздь во-

¹ «Коммунистическая революция», 1925, № 23, стр. 5.

² Книга в 1925 г. М.—Л., 1927, стр. 62.

проса для партии — «не в политике, в смысле перемены направления... гвоздь положения — в людях, в подборе людей», т. е. в повседневной организаторской деятельности.

Созидательная работа партии на всех участках хозяйственного и культурного строительства требовала громадных усилий, была необычайно сложна, в ее ходе встречалось множество трудностей. Далеко не все шло гладко. Бывали неудачи и срывы, возникали непредвиденные препятствия, допускались отдельные ошибки. Но партия имела ясную перспективу, знала, что делать, куда вести страну. На эти вопросы четкий ответ давала уже выработанная, обоснованная, проверенная ленинская политика.

Однако врагов партии не устраивала именно ленинская политика РКП(б). Добиваясь ее пересмотра, они пытались навязать партии спор по ясным для нее вопросам и тем самым отвлечь ее от созидательной деятельности. На самом деле у троцкистских и других антиленинских группировок не было никаких, объяснимых с точки зрения партийности, оснований настаивать на пересмотре политики РКП(б). Благодаря этой политике наша страна добилась признанных даже врагами советского строя успехов на всех участках социалистического строительства. Упрочилось ее внешнеполитическое положение. Быстро восстанавливалась экономика.

При всех трудностях, которые испытывало Советское государство, идя по никем еще не изведанному пути, страна была на подъеме, в массах трудящихся нарастал энтузиазм, чувствовался дух бодрости и уверенности в достижимости целей, указанных партией. И только люди, сознательно закрывавшие глаза на все это, могли оспаривать правильность политики партии, принятой и одобренной народом.

Такая позиция троцкистов и других антиленинских элементов не была случайной. Их политическая платформа, сформировавшаяся на почве меньшевистской, социал-демократической идеологии, не имела ничего общего с интересами партии и народа. Объективно она выражала настроения буржуазных и мелкобуржуазных элементов, боявшихся победы социализма и приходивших в уныние от его успехов в СССР. Поэтому не случайно то, что чем ощутимее становились эти успехи, тем теснее рабочие и крестьяне сплывались вокруг Коммунистической партии, тем с большим ожесточением нападали на ее политику троцкисты и другие противники

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 110.

ленинизма, тем неумолимее они скатывались в ходе внутрипартийной борьбы к прямому союзу с открыто враждебными делу социализма, явно антисоветскими силами.

Потерпев поражение в дискуссии 1923 года, троцкисты выжидали удобного случая для возобновления атаки на партию. Сразу после смерти В. И. Ленина Радек, Преображенский, а затем и сам Троцкий опубликовали ряд статей, в которых пытались принизить роль В. И. Ленина и его учения, всячески выпятить роль Троцкого и его оппортунистической теории. Эти статьи были настолько пропитаны ядом антибольшевизма, что даже эмигрантский меньшевистский журнал «Социалистический вестник» в номере от 22 октября 1924 года признавал наличие в них, в частности в брошюре Троцкого «О Ленине», «таких сведений, которые в чужих устах звучали бы клеветой и явной насмешкой».

Основной смысл выступлений Троцкого сводился к защите своих антимарксистских взглядов и «обоснованию» своей «особой» роли в революции. Так, говоря о подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания, Троцкий в брошюре «О Ленине» намекал на то, что в решающие моменты восстания якобы только он был с Лениным, тогда как все другие члены ЦК колебались, ошибались и заблуждались. А затем, идя еще дальше, он договорился и до того, что ошибались якобы уже не только члены ЦК, но и сам В. И. Ленин и только он, Троцкий, всегда оказывался прав.

Троцкистские выступления, которые были не чем иным, как надругательством над памятью В. И. Ленина, вызвали законное возмущение коммунистов. На страницах газеты «Правда», журнала «Большевик» и других партийных изданий появились статьи, дававшие отповедь троцкистским клеветникам. «По таким ошибкам, — писал журнал «Большевик», имея в виду статьи Преображенского о В. И. Ленине, — надо бить со всей силой, чтобы убить ревизионизм в зародыше»¹.

Еще более острый характер идейная борьба приняла в конце 1924 года, после выхода статьи Троцкого «Уроки Октября», в которой делалась попытка ревизовать ленинизм, подменить его троцкизмом. Выступая с этой статьей, явившейся предисловием к сборнику его произведений «1917 год», Троцкий пытался навязать партии новую дискуссию и с ее помощью добиться утверждения в международном коммунистическом движении своего антиленинского политического курса. Спе-

¹ «Большевик», 1924, № 11, стр. 21.

кулируя из карьеристских соображений на ошибках, допущенных в октябре 1917 года Зиновьевым и Каменевым, Троцкий хотел приписать эти ошибки всей партии, изобразить дело так, что будто бы, оставшись без Ленина, партия повторяет те же самые ошибки, которые в 1917 году так решительно осудил В. И. Ленин.

Главный урок Октября, уверял Троцкий, состоит в том, чтобы не «сдрейфить» в решающий момент. Он клеветнически утверждал, что, подобно Каменеву, Зиновьеву в 1917 году, руководство Коминтерна и РКП(б) «сдрейфило» в октябре 1923 года, когда в Германии стали стремительно нарастать революционные события. Троцкий обвинял ИККИ в том, что тот якобы не призвал германских пролетариев к решительному выступлению, а ЦК РКП(б) — в том, что он не оказал «помощи» германской революции. Под этой «помощью» Троцкий подразумевал провокационную авантюру — военное вторжение Красной Армии в Германию с целью «экспорта» в эту страну революции. На этом основании Троцкий объявлял политику ЦК РКП(б) несостоятельной и требовал замены руководства нашей партии более «решительными» людьми. Статья Троцкого преследовала цель доказать, что в ЦК есть такой решительный человек, что этим единственно нужным для успешного руководства мировой пролетарской революцией человеком является именно сам Троцкий.

В «Уроках Октября» он лживо утверждал, что внутреннее состояние РСДРП(б) в период подготовки Октябрьской революции свидетельствовало о глубоких противоречиях в ее рядах. По его мнению, они могли привести к тому, что «развитие революции пошло бы в обход нашей партии, и мы получили бы в конце концов восстание рабочих и крестьянских масс без партийного руководства». Этого не произошло, утверждал далее Троцкий, только потому, что партия успела «перевозоружиться» с помощью его, Троцкого, теории.

Троцкий всячески клеветал на В. И. Ленина и ленинизм, утверждая, что в 1917 году сам В. И. Ленин якобы отказался от «довоенного» ленинизма, как «несостоятельного», и фактически перешел на позиции троцкизма. Троцкий вновь пытался возобновить давно уже решенный историей его спор с В. И. Лениным по вопросу о возможности победы пролетарской революции в одной стране. В сборнике «1917 год» он без всяких оговорок опубликовал свою раннюю брошюру «Программа мира», в которой содержалась прямая полемика с Лениным по этому вопросу.

Вопреки фактам, он изображал В. И. Ленина сторонником узкого, конспиративного заговора, подготовленного без народных масс, за спиной Советов. Он пытался внушить читателям абсурдную мысль о том, что В. И. Ленин был сторонником безрассудной политики террора. Ленин «при каждом подходящем случае, — писал Троцкий, — вколачивал мысль о неизбежности террора».

Троцкий отрицал всеобщий международный характер ленинизма, приписывал ему некую российскую «мужицкую подоплеку». Он всячески стремился противопоставить Ленина Марксу, изображая Маркса теоретиком и философом, а Ленина лишь практиком, исполнителем.

В наше время все эти лживые, клеветнические измышления Троцкого взяты на вооружение антикоммунистической пропагандой и охотно используются империалистами в их борьбе против Советского Союза, коммунистических партий, против ленинизма и революционного пролетарского движения.

Организуя отпор Троцкому, партия выдвинула лозунг: «похоронить троцкизм как идейное течение»¹. Она последовательно разоблачила троцкистскую выдумку о так называемом «идейном перевооружении» большевизма в 1917 году, согласно которой большевики будто бы в апреле 1917 года отказались от ленинских взглядов и приняли... разгромленные В. И. Лениным меньшевистские взгляды Троцкого. Была полностью развенчана троцкистская теория «перманентной революции», против которой партия боролась и в 1917 году, и на более ранних этапах своей истории. Особенно большой вред эта теория могла причинить в условиях мирного социалистического строительства, поскольку в области внутренней политики она ориентировала на пассивное ожидание победы пролетариата в других странах, а в области внешней политики — на авантюристическое «подстегивание» мировой пролетарской революции.

Разоблачая троцкизм, партия противопоставила теории «перманентной революции» ленинское учение о социалистической революции и строительстве социализма с его выводом о возможности победы пролетариата в одной стране.

Именно ленинизм, ленинская теория социалистической революции была теорией подготовки и проведения Великого Октября — таков был главный вывод, к которому приходили

---

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 357.

все участники дискуссии об «Уроках Октября», выступавшие с партийных позиций.

Тщетно стараясь скрыть факт своего полного идейного поражения в 1917 году, Троцкий уверял, будто бы его меньшевистская теория подтвердилась в Октябрьской революции. С этой целью он отрицал подлинно социалистический характер Октябрьской революции, пытался выдать ее за заключительный этап Февральской революции, сводил ее международное значение к роли всего лишь одного (наряду со свержением монархий в Германии и Австро-Венгрии) из толчков к грядущей мировой пролетарской революции.

Разоблачая эту троцкистскую клевету, партия доказала, что Октябрьская революция была подлинно социалистической, что задачи буржуазно-демократической революции она решила попутно, мимоходом. Она явилась не просто толчком, а начальным этапом мировой социалистической революции, базой ее дальнейшего развертывания, открыла новую эру в истории человечества — эру крушения капитализма и становления социализма. Как подлинно социалистическая, она создала в нашей стране все необходимые предпосылки для успешного строительства социализма.

Опровергая тезис об «идейном перевооружении» большевизма, партия сорвала попытку Троцкого расчленить ленинизм на две неравноценные части и тем самым принизить его всемирно-историческое значение как теории, всегда освещавшей и продолжающей освещать путь нашей партии к победе. Был разбит клеветнический характер рассуждений Троцкого, ставившего под сомнение выдающуюся роль В. И. Ленина в развитии теории марксизма. «Указанным извращением, — писал М. И. Калинин, — неверно определяется роль Ленина. Это не только роль революционера, хотя и громадного исторического размаха, но и роль человека, сочетавшего революционную деятельность с непрерывным теоретическим накоплением, которое у него не прекращалось в самые горячие периоды практической деятельности»¹.

Партия показала, что историческая заслуга В. И. Ленина состоит в том, что он не только применил марксизм к условиям русской революции, но и развил его дальше, творчески обобщив опыт, накопленный международным движением пролетариата после смерти Маркса и Энгельса. В борьбе против троцкистских утверждений о «национальной ограниченности»

¹ М. И. Калинин. О деревне. Л., 1925, стр. 17.

и «крестьянской подоплеке» ленинизма родилось и получило всеобщее признание в партии сформулированное И. В. Сталиным определение ленинизма как марксизма новой исторической эпохи, начавшейся с вступлением капиталистических стран в стадию империализма и с победой пролетарской революции в нашей стране¹.

Подвергнув меньшевистскую статейку Троцкого уничтожающей критике, партия вскрыла полную несостоятельность его нападок на ленинскую линию партийной политики. Участники дискуссии показали клеветнический характер троцкистских утверждений о мнимой «ответственности» ЦК РКП(б) и ИККИ за поражение европейского, и прежде всего германского, пролетариата в 1923 году. Ответственность за это поражение несли сторонники Троцкого — правые оппортунисты Брандлер, Тальгеймер и другие, возглавлявшие тогда ЦК КПП, а не ленинцы, которые, подобно Э. Тельману, руководившему восстанием гамбургских рабочих, звали немецкий пролетариат на решительный бой с капитализмом.

Решающую роль в разоблачении меньшевистских утверждений Троцкого сыграло активное участие в дискуссии виднейших деятелей Коммунистической партии и международно-го рабочего движения: А. А. Андреева, К. Е. Ворошилова, А. А. Жданова, М. И. Калинина, С. М. Кирова, В. П. Коларова, Н. К. Крупской, В. В. Куйбышева, О. В. Куусинена, А. И. Микояна, Г. К. Орджоникидзе, И. В. Сталина, М. В. Фрунзе, Е. М. Ярославского и других, выступавших со специальными статьями в партийной печати и с докладами на собраниях коммунистов.

В целях информации широкой партийной массы о ходе дискуссии по всей стране прошли собрания коммунистов с докладами о Ленине и ленинизме. Для партийного актива и рядовых коммунистов на местах был прочитан ряд лекций о борьбе партии против троцкизма.

В письме ЦК РКП(б) от 30 декабря 1924 года² указывалось, что вопросы, освещающие борьбу В. И. Ленина и партии против троцкизма, должны занять видное место в программах партийных школ и кружков. Беседы на тему «О троцкизме и ленинизме» проводились в школах политграмоты, среди членов партии и беспартийных трудящихся. В помощь пропагандистам Центральным и местными комитетами партии был

¹ См.: И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 71.

² «Известия ЦК РКП(б)», 1925, № 1, стр. 14—15.

издан целый ряд пособий и методических указаний, подробно освещавших вопрос о борьбе партии против троцкизма.

Решительная критика троцкизма, которую партия развернула в конце 1924 года, отличалась широким размахом. Если в прошлом партия боролась против Троцкого и его сторонников по отдельным вопросам внешней и внутренней политики и партийной жизни (о Брестском мире, Госплане, денежной реформе, партаппарате, о роли и задачах профсоюзов и др.), то теперь борьба развернулась против идеологии троцкизма в целом.

В течение двух месяцев только на страницах «Правды» было опубликовано около 30 статей, посвященных критике троцкизма. Против Троцкого выступили все партийные газеты и журналы страны. Они опубликовали не только статьи, но и резолюции партийных собраний, осуждающие линию Троцкого. В издательстве «Прибой» с предисловием и под редакцией М. С. Ольминского вышел сборник «Ленин о Троцком и троцкизме».

Большими тиражами были изданы сборники «Об „Уроках Октября“», «Ленинизм и троцкизм», «За ленинизм против троцкизма», «За партию, за ленинизм», «Большевизм или троцкизм», а также книги и брошюры А. С. Бубнова, И. М. Варејкиса, С. И. Гусева, Э. И. Квиринга, Н. К. Крупской, О. В. Куусинена, И. В. Сталина и других деятелей нашей партии.

Политбюро ЦК 19 февраля 1925 года приняло специальное решение о написании биографии В. И. Ленина. Оно обратилось к Н. К. Крупской с просьбой начать эту работу¹.

После смерти В. И. Ленина задача защиты ленинского идейного наследия и его творческого развития встала с особой остротой. Партии предстояло организовать глубокое изучение ленинизма всеми коммунистами, и прежде всего принятыми в партию во время ленинского призыва.

В произведениях В. И. Ленина наша партия находила ответы на вопросы о путях укрепления диктатуры пролетариата, упрочения союза рабочего класса и крестьянства, о перспективах создания социалистического общества в одной стране.

Серьезным ударом по троцкистским попыткам извращения значения и сущности ленинизма явилось появление предисловия И. В. Сталина «Октябрьская революция и тактика рус-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 489, л. 4.

ских коммунистов» к сборнику его статей 1917 года «На путях к Октябрю», часть которого первоначально была опубликована в «Правде». В этой работе И. В. Сталин разоблачил оппортунистическую сущность троцкизма, подчеркнув, что в основе его лежит не только авантюристическое игнорирование революционных сил крестьянства, но и, прежде всего, оппортунистическое неверие в силы советского и международного рабочего класса¹.

Отстаивая ленинскую постановку вопроса о перспективах социалистического строительства в СССР и прежде всего четко выделив две стороны этого вопроса — внутреннюю и внешнюю, И. В. Сталин и другие ленинцы защитили ленинизм, уточнили и конкретизировали взгляды партии по коренным вопросам марксистско-ленинского учения о социалистической революции. В работе И. В. Сталина «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов» был впервые после смерти В. И. Ленина воспроизведен основной ленинский тезис, защищенный партией в борьбе против троцкизма: о возможности победы социалистического строительства в нашей стране даже и при сохранении капиталистического окружения². Это имело важное значение для пропаганды ленинизма, для идейного разоблачения Троцкого и других оппортунистов.

С. М. Киров, оценивая обстановку, создавшуюся в партии в связи с опубликованием статьи Троцкого «Уроки Октября», говорил: «Тут дело не из-за простой теоретической драки, а тут дело, в буквальном смысле этих слов, о судьбах нашей партии и судьбах нашей революции»³.

Коммунисты были единодушны в своем гневном осуждении вылазки Троцкого.

«Мы заявляем, — писали, например, в резолюции своего собрания коммунисты Трехгорной мануфактуры, — что не потерпим никаких посягательств на учение Ильича, которое воплотило в себе интересы рабочего класса и с которым рабочий класс победил в Октябре»⁴.

«В течение десятилетий Троцкий рука об руку с меньшевиками, — говорили коммунисты-краснопутиловцы, — сбивал рабочее движение в предательское болото. И ныне, на 8-м году победоносной пролетарской революции, Троцкий опять

¹ См.: И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 362—380.

² Там же, стр. 374—375.

³ С. М. Киров. Отчет о пленуме ЦК РКП(б). «Вакинский рабочий», 5 февраля 1925 г.

⁴ МПА, ф. 369, оп. 1, ед. хр. 14, л. 49.

выдвигает свою губительную для нашей партии и рабочего класса платформу, — опять делает попытку сбить рабочих с пути Ленина. Не позволим ему этого, как не позволяли и раньше...»¹

«Кривое зеркало троцкизма, извращающее все перспективы прошлого, настоящего и будущего пролетарской борьбы, должно быть отброшено и разбито на кусочки»², — заявляли в своей резолюции участники пленума Закавказского крайкома партии.

Своей антипартийной вылазкой Троцкий рассчитывал вызвать замешательство в партии, отвлечь ее от практической, созидательной работы и навязать ей новую общепартийную дискуссию. Троцкистские фракционеры усилили раскольнические действия, направленные на подрыв идейного и организационного единства партии.

Как выяснилось позже, троцкисты, в частности группа бывших членов фракции «демократических централистов» (В. Смирнов, Я. Дробнис и др.), пытались использовать вылазку Троцкого для того, чтобы развернуть антипартийную пропаганду и с помощью разного рода клеветнических измышлений привлечь на сторону троцкистов рядовых партийцев³. Однако попытки троцкистов перенести дискуссию со страниц партийной печати в партийные организации провалились.

Единство партии было настолько непоколебимо, что во всей РКП(б) в дни дискуссии нашлось буквально несколько десятков человек, поддержавших Троцкого. В Нижегородской организации, например, на всех без исключения собраниях резолюции, осуждавшие Троцкого, прошли единогласно⁴. В Ленинградской организации (включая коммунистов военного округа и Балтийского флота) против подобных же резолюций проголосовало только 20 человек — 0,043% всех присутствовавших на собраниях коммунистов⁵. В Одессе, где в 1923 году троцкисты имели сильные позиции, выступление Троцкого было осуждено с наименьшим единодушием⁶.

Секретарь Бакинского комитета Л. Мирзоян сообщил в ЦК РКП(б): «Даже в тех ячейках, где во время прошлогодней

¹ «Ленинградская правда», 28 ноября 1924 г.

² «Заря Востока», 18 декабря 1924 г.

³ См.: «Правда», 22 ноября 1925 г.

⁴ См.: «Нижегородская коммуна», 5 февраля 1925 г.

⁵ См.: Сборник материалов Ленинградского комитета РКП(б). Вып. 3. Л., 1925, стр. 92.

⁶ См.: «Правда», 17 января 1925 г.

дискуссии национальные меньшинства стояли за оппозицию, не нашлось почти ни одного человека, который взял бы под защиту позиции Троцкого»¹.

Единодушно выступили против попыток ревизовать ленинизм армейские парторганизации. Партийная конференция Московского гарнизона осудила выступление Троцкого и поставила перед воинскими парторганизациями задачу глубокого изучения ленинизма. Конференция потребовала привлечь Троцкого к строгой партийной ответственности. Аналогичные решения принимались и другими партийными организациями Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Студенческая молодежь также решительно высказывалась против троцкизма. Даже те немногочисленные вузовские организации, которые в период дискуссии 1923 года, будучи обмануты демагогическим заигрыванием троцкистов с молодежью, поддерживали оппозицию, теперь рвали с троцкизмом и ставили вопрос об улучшении изучения ленинизма и подлинной истории партии.

Активно поддержали Троцкого лишь явно антисоветские или антипартийные элементы как внутри нашей страны, так и за ее пределами.

В явно сочувственном тоне писала о Троцком вся зарубежная капиталистическая пресса. По словам Бернарда Шоу, выступление Троцкого произвело благоприятное впечатление на английскую буржуазию². А в Германии статья Троцкого даже была переведена и выпущена отдельной брошюрой. При этом оппортунисты из германской социал-демократической партии прямо указывали в рекламном объявлении о выходе этой брошюры, что считают взгляды Троцкого совпадающими с установками западноевропейской социал-демократии³. Все вожди II Интернационала, а также ренегаты, исключенные из коммунистических партий⁴, пытались использовать выступление Троцкого, чтобы скомпрометировать ленинизм, русскую революцию и РКП(б) в глазах рабочих Запада.

Усердно рассыпались в комплиментах перед Троцким и представители белогвардейской эмиграции. П. Милюков, например, расхваливал статейку Троцкого за то, что содержа-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 267, ед. хр. 54, л. 105.

² См.: «Известия», 25 декабря 1924 г.

³ См.: С. М. Киров. Отчет о пленуме ЦК РКП(б). «Викинский рабочий», 5 февраля 1925 г.

⁴ «Коммунистический Интернационал», 1925, № 3, стр. 171.

щиеся в ней идеи «действительно идут справа, из области, соприкасающейся с мелкобуржуазным влиянием»¹.

Поддержка Троцкого антисоветскими элементами отчетливо свидетельствует, в чьих интересах была его борьба против ленинизма и Коммунистической партии. Троцкизм все более превращался в рупор контрреволюционных сил.

Для того чтобы раз и навсегда положить конец фальсификаторским и ревизионистским поползновениям Троцкого, коммунисты Московской, Ленинградской, Украинской, Уральской, Нижегородской и других организаций партии обратились к Центральному Комитету с просьбой обсудить на очередном пленуме вопрос о выступлении Троцкого. «Просим Центральный Комитет на ближайшем своем пленуме поставить о Троцком вопрос ребром»², — писали в своих постановлениях коммунисты. Многие из них настаивали на исключении Троцкого из ЦК и из партии.

17 января 1925 года объединенный пленум ЦК и ЦКК РКП(б), учитывая многочисленные пожелания коммунистов, обсудил вопрос о выступлении Троцкого и большинством голосов членов ЦК и ЦКК против двух (Пятаков и Раковский) принял по сообщению И. В. Сталина резолюцию, в которой осудил новую троцкистскую вылазку.

Сам Троцкий, опять сославшись на болезнь, на пленум не явился, но прислал письменное заявление, в котором не признал своих ошибок. Его заявление свидетельствовало о том, что он остался на прежней полуменьшевистской позиции и не отказался от дальнейших раскольнических действий.

В резолюции пленума «О выступлении Троцкого» были подведены итоги борьбы РКП(б) против него с 1918 по 1924 год. Пленум отметил, что все выступления Троцкого против общепартийной линии имеют своим источником полуменьшевистское отрицание руководящей роли пролетариата по отношению к непролетарским и полупролетарским слоям трудящихся, принижение роли партии в революции и социалистическом строительстве, непонимание того, что Коммунистическая партия может выполнить свое историческое назначение лишь при действительном идейном единстве и монолитности ее рядов. «В самой общей форме совокупность выступлений Троцкого против партии, — говорилось в резолюции пленума, — можно охарактеризовать теперь как стремление превратить

¹ «Ленинградская правда», 14 декабря 1924 г.

² «Ленинградская правда», 23 ноября 1924 г.

идеологию РКП(б) в какой-то «модернизированный» Троцким «большевизм» без ленинизма. Это — не большевизм. Это — ревизия большевизма. Это — попытка подменить ленинизм троцкизмом»¹.

Пленум ЦК дал подробную характеристику последним литературным выступлениям Троцкого, которые обнаружили серьезные и всеобъемлющие его разногласия с партией. Дело теперь шло о двух противостоящих политических и тактических линиях. Своей ревизионистской вылазкой Троцкий открыл «прямой поход против основ большевистского мировоззрения»².

«Разногласия, — подчеркивалось в резолюции, — касаются не только вопросов прошлого; само прошлое ревизуется для того, чтобы подготовить платформу нынешних актуально-политических разногласий и прежде всего посеять недоверие к ленинизму, партии, ее ленинскому ЦК и Коминтерну, оправдать фракционные, раскольнические действия троцкистов, обосновать их небольшевистские взгляды на политику партии»³.

Участники пленума полностью одобрили меры, принятые Политбюро ЦК по разоблачению троцкистов, единодушно осудили вызывающее поведение Троцкого, который не только не согласился с критикой в свой адрес, но и попытался полностью отвести ее в специальном письме Центральному Комитету, написанном за два дня до пленума.

Суровым предостережением Троцкому и его единомышленникам прозвучали на пленуме выступления Г. И. Петровского, Е. М. Ярославского, Д. З. Мануильского и других ленинцев, полностью поддержавших точку зрения Политбюро по вопросу об организационных мерах в отношении Троцкого. «Партия дальше оскорблений не потерпит. Она не может держать в своей партии сверхчеловека... — говорил Г. И. Петровский. — Ему должен быть поставлен ультиматум или быть с нами, или, если нет, — Троцкому широкая дорога в любую сторону»⁴.

Пленум решил снять Троцкого с поста наркомвоенмора и председателя РВСР и самым категорическим образом предупредил его, что принадлежность к большевистской партии

¹ КПСС в резолюциях..., ч. II, стр. 108.

² Там же, стр. 110.

³ Там же, стр. 110—111.

⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 165, л. 8.

требует действительного, а не словесного только подчинения партийной дисциплине и полного, безоговорочного отказа от какой бы то ни было борьбы против идей ленинизма.

Решения январского объединенного пленума ЦК и ЦКК РКП(б) знаменовали собой полный провал троцкистской попытки подорвать основу основ всех побед и успехов партии — чистоту и неприкосновенность ее ленинской теории.

Результатом дискуссии, развернувшейся после выхода «Уроков Октября», был не только срыв теоретических и политических поползновений Троцкого, его попыток ревизовать ленинизм и подменить его троцкизмом. Дискуссия в огромной степени способствовала росту внимания партии к коренным вопросам марксистско-ленинской теории, возбудила у широкой массы коммунистов и беспартийных живой интерес к овладению основами ленинского учения и изучению истории Коммунистической партии, особенно истории ее борьбы против всех и всяких врагов революционного марксизма.

В ходе дискуссии было еще выше поднято значение ленинизма как единственно правильной революционной теории, всесторонне рассмотрены коренные вопросы социалистической революции в нашей стране (прежде всего вопрос о возможности победоносного социалистического строительства в СССР), которые не сходили с повестки дня партии на протяжении всей ее последующей борьбы против антиленинских элементов. Дискуссия об «Уроках Октября» явилась как бы теоретическим преддверием этой борьбы, идеологической подготовкой того сокрушительного поражения, которое было нанесено врагам ленинизма по всем коренным вопросам партийной политики несколько лет спустя.

Борьба против троцкизма имела важное значение для дальнейшего сплочения РКП(б) еще и потому, что она способствовала усилению боеспособности местных партийных организаций: идейную закалку получили сотни тысяч коммунистов, вступивших в партию после Октябрьской революции, особенно в дни ленинского призыва, и не имевших достаточно полного представления о дореволюционном прошлом троцкизма.

Велико было международное значение дискуссии. Следуя примеру РКП(б), коммунисты всего мира усилили борьбу за окончательное искоренение троцкистского влияния в отдельных компартиях, за разгром правых и «левых» оппортунистов

в своих рядах, многие из которых, вроде Брандлера и Тальгеймера в Германии, Суварина во Франции, Бордиги в Италии, Лорэ в США, прямо солидаризировались по ряду вопросов с Троцким и троцкистами. Возросла также и активность работы компартий в массах. Некоторые из них, используя результаты дискуссии, уточнили свою тактику, особенно в отношении крестьянства. Усилилось внимание к изучению и пропаганде ленинизма. Во Франции с этой целью были созданы районные, окружные и центральная ленинские партийные школы, в Англии — школы политграммоты по округам, в Германии и Норвегии — ленинские кружки. Исполком Коминтерна принял меры для ускорения издания сочинений В. И. Ленина на языках народов некоторых капиталистических стран¹.

Действия РКП(б) по разоблачению троцкизма одобрил V расширенный пленум ИККИ (21 марта — 6 апреля 1925 г.). В резолюции «Большевизация партий Коммунистического Интернационала» Коминтерн дал развернутую характеристику антиленинского курса троцкизма².

«Особенно опасный уклон от ленинизма, — говорилось в резолюции, — представляет троцкизм — разновидность меньшевизма, сочетающая «европейский» оппортунизм с «леворадикальной» фразой, зачастую прикрывающей политическую пассивность. Троцкизм — это не единичный уклон в сторону меньшевизма, это — многолетняя система борьбы против ленинизма, троцкизм — это также не только русское явление, это — явление международного порядка. Осуществить ленинизм в Коммунистическом Интернационале — это значит разоблачить троцкизм во всех партиях и ликвидировать его как течение»³.

Разоблачение троцкистской ревизии ленинизма способствовало усилению борьбы против оппортунизма в международном коммунистическом движении. Братские коммунистические партии усилили внимание к изучению марксистско-ленинской теории. В борьбе с троцкизмом укрепилось единство и сплоченность мирового коммунистического движения.

---

¹ См.: Расширенный пленум ИККИ 21 марта — 6 апреля 1925 г. Стеногр. отчет. М.—Л., 1925, стр. 170—171, 387, 391 и др.

² См.: Коммунистический Интернационал в документах, стр. 475—506.

³ Там же, стр. 481—482.

2. ЗАЩИТА ЛЕНИНСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ О ВОЗМОЖНОСТИ ПОСТРОЕНИЯ СОЦИАЛИЗМА В СССР

Победа партии над троцкистами в 1923—1924 годах, одобрение действий РКП(б) братскими партиями создавали реальные возможности для завершения идейного разгрома троцкизма.

Однако на помощь троцкистам пришла еще одна антиленинская группировка, так называемая «новая оппозиция», возглавляемая Каменевым и Зиновьевым.

Сближение с троцкизмом, завершившееся полным переходом на его позиции, не было случайным для лидеров «новой оппозиции». Как и Троцкий, они находились под сильным влиянием оппортунистической идеологии, повторяли многие обветшалые догмы II Интернационала. Им были присущи колебания и крайности, характерные для троцкизма и других разновидностей мелкобуржуазного революционаризма. Как известно, эти колебания привели в 1917 году к явной измене партии.

Вынужденные до поры до времени маскировать свои по сути дела меньшевистские взгляды, Каменев и Зиновьев, так же как и Троцкий, пытались использовать болезнь, а затем смерть В. И. Ленина для перехода в решительное наступление на ленинскую политику РКП(б). Летом 1923 года они проводили в пещере под Кисловодском секретные совещания, распределяя роли в ЦК с целью укрепления в нем своих позиций¹. Центральный Комитет сорвал тогда эти закулисные махинации, но Каменев и Зиновьев, подобно Троцкому, продолжали свои происки против партии.

Первые выступления формировавшейся «новой оппозиции» против ленинского ЦК начались в конце 1924 года. Пытаясь сыграть на возмущении, которое охватило широкие массы коммунистов после появления «Уроков Октября», Зиновьев и Каменев демагогически обвиняли Центральный Комитет в примиренческом отношении к Троцкому, а себя выставляли в качестве «единственных» и «последовательных» борцов против троцкизма и выступили с требованием исключить Троцкого из ЦК.

В то время людям, не очень искушенным в политике, могло показаться, что за этим требованием Зиновьева и Каменева стоят принципиальные разногласия с Троцким, тем

¹ См.: Четырнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет. М.—Л., 1926, стр. 506.

более что последний в «Уроках Октября» использовал оппортунистические ошибки Каменева и Зиновьева накануне Октябрьской революции как повод для нападок на большинство Центрального Комитета, хотя, как известно, эти деятели оказались тогда в ЦК в полной изоляции. Однако на самом деле, афишируя свою «непримиримость» к Троцкому, лидеры «новой оппозиции» преследовали цель навязать партии все те же, мало чем отличавшиеся от троцкистских, оппортунистические взгляды.

Характерно, что, выступив вместе с другими членами ЦК против Троцкого в дискуссии об «Уроках Октября», Зиновьев и Каменев главные усилия сосредоточили на оправдании своего собственного капитулянтского поведения в 1917 году. Что касается принципиальных расхождений между партией и Троцким, то Зиновьев и Каменев всячески их преуменьшали, характеризовали троцкизм как «законный», имеющий право на существование оттенок марксистской мысли, старались затушевать коренную противоположность ленинизма и троцкизма, сводя все различие между тем и другим к признанию или отрицанию роли крестьянства как союзника пролетариата в социалистической революции и социалистическом строительстве.

Подобно Троцкому, Каменев и Зиновьев в своих выступлениях периода дискуссии об «Уроках Октября» принижали роль ленинского вклада в развитие марксистской мысли, отрицали всемирно-историческое значение ленинизма как марксизма новой исторической эпохи, на все лады перепевали троцкистско-меньшевистскую басню о «национальной ограниченности» и «крестьянской подоплеке» ленинизма. Вслед за Троцким они клеветали на Октябрьскую революцию, отрицая ее подлинно социалистический характер. Каменев, например, выдавал Октябрьскую революцию за простое продолжение Февральской буржуазно-демократической революции. Зиновьев писал, что в 1917 году в нашей стране фактически не было «настоящей диктатуры пролетариата», а затем с помощью различных словесных ухищрений пытался доказать, что ее нет и на восьмом году Советской власти.

Критикуя Центральный Комитет за якобы примиренческое отношение к Троцкому, Каменев и Зиновьев, подобно троцкистам, пытались выставить себя «левым» крылом ЦК. Но у партии, хорошо помнившей правокapитулянтское поведение Каменева и Зиновьева в 1917 году, не было сомнений насчет подлинного существа взглядов «новой оппозиции», отражав-

шей, как и троцкизм, мелкобуржуазный уклон в РКП(б). Показательно, что даже сам Троцкий первоначально связывал свои обвинения в адрес ЦК в правооппортунистических ошибках именно с тем, что в его состав входили Каменев и Зиновьев, которых он прямо характеризовал в «Уроках Октября» как представителей правого крыла РКП(б).

Капитулянтская сущность складывавшейся оппозиционной платформы отчетливо проявилась осенью 1924 года, когда Зиновьев при поддержке Бухарина отстаивал на октябрьском пленуме ЦК РКП(б), обсуждавшем политику партии в деревне, предложения, направленные на ослабление партийного руководства крестьянскими массами. Испугавшись обострения классовой борьбы в деревне и усиления колебаний части середняцких слоев, Зиновьев предложил тогда образовать при Советах свободные от влияния партии беспартийные крестьянские секции с собственным печатным органом. В тогдашних условиях осуществить такой проект означало бы сделать серьезную уступку кулачеству, которое выступало против Советской власти как раз под лозунгом создания независимого от партии «Крестьянского союза». Поэтому пленум ЦК отверг капитулянтское предложение Зиновьева, высказавшись за всемерное укрепление деревенских партийных организаций и усиление их влияния на Советы и другие массовые организации. Решения пленума, выдвинувшего лозунг «лицом к деревне», сыграли важную роль в оздоровлении обстановки на селе и в сочетании с другими мероприятиями партии и правительства привели к заметному укреплению союза рабочих и крестьян.

Преследуя цель изменить соотношение сил в Центральном Комитете в свою пользу, Зиновьев и Каменев избрали в качестве средства для достижения этой цели не открытую идейную полемику, а закулисную, интриганскую борьбу. Они, как и троцкисты, нарушили решения X съезда партии и встали на путь сколачивания антипартийной фракции, центром и опорой которой пытались сделать Ленинградскую партийную организацию.

Фракционная работа в организации началась с конца 1924 года, когда сторонники Зиновьева принялись распространять среди ленинградских коммунистов клеветнические слухи о будто бы либеральном отношении «некоторых» деятелей ЦК к Троцкому.

На пленуме ЦК РКП(б) в январе 1925 года, обсуждавшем вопрос о выступлении Троцкого, лидеры «новой оппозиции»

рассчитывали добиться изменения в свою пользу состава Политбюро, пытаясь направить против ЦК недовольство, вызванное в партийных массах антипартийной вылазкой Троцкого¹.

Однако еще до открытия пленума стало ясно, что подавляющее большинство членов ЦК поддерживает точку зрения Политбюро. Антипартийные интриги оппозиционеров провалились. Тем же закончились и попытки Зиновьева и Каменева натравить на партию комсомол и его отдельные организации, прежде всего Ленинградскую.

Существовавшая складывавшейся политической платформы «новой оппозиции» отчетливо проявилось накануне XIV Всесоюзной партконференции, когда на одном из заседаний Политбюро Каменев, поддержанный Зиновьевым, выступил против включения в написанный тем проект тезисов конференции «О задачах Коминтерна и РКП(б) в связи с расширенным пленумом ИККИ»² важного пункта, излагающего ленинскую установку на возможность победы социалистического строительства в нашей стране даже в условиях затяжки мировой пролетарской революции. Совсем недавно партии пришлось отстаивать в ожесточенной идейной борьбе против Троцкого именно это коренное положение ленинизма. Теперь у Троцкого нашлись новые, не менее яростно нападавшие на руководство партии сторонники, которые утверждали, что наша страна будто бы не в состоянии собственными силами преодолеть технико-экономическую отсталость и потому должна либо ждать близкой победы пролетарской революции в индустриально более развитых странах, либо идти в кабалу к мировому капиталу, т. е. отказаться вообще от социалистического строительства.

К 1925 году вопрос о перспективах строительства социализма занял самое главное место в жизни партии и народа. Страна приближалась к важному повороту в своей истории — переходу от восстановления народного хозяйства к его коренной перестройке на основе социалистической индустриализации.

---

¹ См.: А. И. Микоян. Наши разногласия. Ростов-на-Дону, 1926, стр. 37.

² Имеется в виду V расширенный пленум Исполкома Коминтерна (апрель 1925 г.), который обсудил задачи компартий в связи с отливом революционного движения в Европе и послевоенной стабилизацией капитализма. Пленум также высказал свое отношение к развернувшейся в РКП(б) борьбе против троцкизма, осудив троцкизм как мелкобуржуазный уклон.

Если сопоставить положение, сложившееся в народном хозяйстве после гражданской войны, с уровнем 1913 года, то станет понятным, какая энергия и самоотверженность, какая организаторская работа понадобились партии, рабочему классу и трудовому крестьянству, чтобы за короткое время поднять страну из руин.

В 1913 году Россия по выплавке чугуна и стали и по добыче угля занимала 5-е и 6-е места в мире¹. По приблизительным подсчетам, производство промышленной продукции сократилось в 6—7 раз. В тяжелом положении находилось и сельское хозяйство. Посевная площадь в 1920 году сократилась до 60%, а сбор зерна — до 40% от довоенного.

В. И. Ленин сравнивал экономику России той поры с состоянием «человека, которого избили до полусмерти: семь лет колотили ее, и тут, дай бог, с костылями двигаться!»². До такого состояния страну довели помещики, капиталисты и империалистическая буржуазия Запада.

С причинами, породившими такое положение, не хотели считаться вожди меньшевизма, II Интернационала и другие оппортунисты. Всю ответственность за тяжелое экономическое состояние нашей страны они стремились возложить на большевистскую партию.

С победой социалистической революции перед партией встали совершенно новые, небывалые в истории проблемы и новые трудности в сфере хозяйственно-организационной деятельности. Партия во многих своих начинаниях вынуждена была искать дорогу ощупью. Многие решения приходилось находить и проверять на опыте и через опыт.

Но Коммунистическая партия нашей страны твердо верила в неисчерпаемые творческие силы рабочего класса. Она понимала, что Советская республика держит новый, более сложный и трудный, чем даже завоевание власти, экзамен. Необходимо было доказать международному пролетариату жизнеспособность пролетарской диктатуры, умение и способность рабочего класса в прочном союзе с трудовым крестьянством строить и развивать неизмеримо более высокую экономику, основанную на общественной собственности. В строительстве социализма надежным компасом служило для партии ленинское учение.

---

¹ См.: Контрольные цифры народного хозяйства на 1926/27 год. М., 1926, стр. 152.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 68.

Вопреки всем сомнениям малOVERов и злобным вымыслам врагов рабочий класс под руководством Коммунистической партии успешно справился с восстановлением народного хозяйства. Четыре года новой экономической политики убедительно свидетельствовали о быстром восстановлении промышленности, транспорта и сельского хозяйства. Выпуск продукции промышленности уже в 1924/25 хозяйственном году достиг 75% довоенного¹. Темпы роста были настолько высокими, что Совет Труда и Обороны, например, трижды пересматривал годовой план металлопромышленности. В результате программа была увеличена на 26% от предварительного плана и на 82% к плану 1923/24 хозяйственного года².

Замена продразверстки продналогом и переход к новой экономической политике обеспечили быстрый подъем сельского хозяйства. Уже в 1925 году посевная площадь составляла 99,3% к 1913 году, а производство зерна — 88%³. Складывались государственные и кооперативные формы ведения сельского хозяйства. В 1925 году было охвачено всеми видами кооперации 3 млн. 900 тыс. крестьянских хозяйств.

Все эти и многие другие факты опровергали утверждения меньшевистствующих теоретиков внутри страны и за рубежом о том, что рабочий класс России в силу своего низкого культурного уровня и малочисленности не сможет самостоятельно руководить хозяйством, строить социализм.

Восстановление экономики страны и расширение внешнеполитических и экономических связей, рост авторитета Советского Союза в глазах трудящихся всего мира свидетельствовали, что диктатура пролетариата успешно справляется с насущными внутренними и внешнеполитическими задачами.

Однако первые успехи не могли удовлетворить партию и рабочий класс, ибо страна оставалась отсталой в экономическом отношении.

На дальнейшее развитие экономики отрицательно влияла неразвитость металлургической и машиностроительной промышленности, которая продолжала базироваться на старой технике. В стране еще не была ликвидирована безработица. Партия не могла не считаться и с тем, что в экономике страны сохранялся частный капитал. На долю частного сектора в про-

¹ См.: Промышленность СССР в 1925 году. М.—Л., 1926, стр. 7.

² См.: Ф. Э. Дзержинский. О металлопромышленности. В кн.: К XIV конференции РКП(б). Материалы Политбюро ЦК РКП(б). М., 1925, стр. 5.

³ См.: 20 лет Советской власти. М., 1937, стр. 50—52.

мышленности в 1925 году приходилось 21,8%, в торговле — 27%¹ и в сельском хозяйстве — 97,7%². На базе нэпа не только восстанавливалась государственная промышленность, но наметилось и некоторое оживление частного капитала.

Это были серьезные объективные трудности, с которыми столкнулась партия при переходе от восстановления к реконструкции всего народного хозяйства. Она предвидела их, своевременно указывала на них рабочему классу и верно определяла пути их преодоления. Еще на IX Всероссийском съезде Советов (декабрь 1921 г.) В. И. Ленин говорил: «А если у нас при тех условиях отсталости, при которых мы вошли в революцию, сейчас нужного нам промышленного развития нет, то что же мы — откажемся? упадем духом? Нет. Мы перейдем к тяжелой работе, потому что верен путь, на котором мы стоим»³.

Уверенность партии в правильности своей политики вытекала из научного, марксистско-ленинского учета соотношения классовых сил внутри страны и на мировой арене. «Наша сила — полная ясность и трезвость учета *всех* наличных классовых величин, и русских и международных, а затем протекающая отсюда железная энергия, твердость, решительность и беззаветность борьбы»⁴, — указывал В. И. Ленин.

Кроме трудностей внутреннего порядка Советская республика встретила также внешнеполитические трудности. Революционный кризис в Германии в октябре 1923 года составил заключительное звено периода классовых битв пролетариата 1917—1923 годов. Империализм отбил атаки революционного пролетариата и сохранил свое господство. В связи с этим на Западе начался отлив революции. Капиталистические страны, преодолев послевоенный экономический кризис, вступили в период временной, частичной стабилизации. Но противоречия, свойственные капиталистической системе, сохранились и продолжали углубляться.

Укрепление внутреннего положения СССР, расширение его внешнеполитических и экономических связей, углубление противоречий в капиталистических странах привело к установлению равновесия сил на мировой арене. Временная мирная передышка сменилась продолжительной полосой мирного

¹ См.: Контрольные цифры народного хозяйства на 1926/27 год, стр. 294.

² Там же, стр. 45.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 310.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 240.

существования двух систем — социалистической и капиталистической. Сложившаяся обстановка создавала условия для успешного социалистического строительства в нашей стране.

Однако трудности этого строительства, прежде всего отлив революции на Западе, сохранение экономической отсталости России, усилившийся рост частного капитала и колебания мелкобуржуазных масс, порождали сомнения среди недостаточно стойких людей в возможности построения социализма в СССР.

Против ленинского вывода о возможности построения социализма в нашей стране по-прежнему наиболее последовательно выступал Троцкий и его сторонники. Временный отлив революции и начавшаяся временная, частичная стабилизация капитализма вызвали у троцкистов растерянность и панику и готовность капитулировать перед империализмом.

Троцкисты не видели различия между стабилизацией советской и капиталистической. Такая позиция объясняется тем, что троцкисты считали нашу экономику составной частью мирового рынка, а стабилизацию советской экономики рассматривали как составную часть единого процесса стабилизации всего мирового хозяйства.

Троцкисты смешивали внешнеторговые связи нашей страны с экономическим подчинением капиталистическому миру. «Наш восстановительный процесс совершался в границах почти что замкнутого хозяйства. Но с быстрым ростом экспорта и импорта положение радикально меняется. Мы превращаемся в составную часть мирового рынка», — писал Троцкий в брошюре «К социализму или капитализму?». Включая экономику Советского государства в орбиту мирового капиталистического хозяйства, троцкисты решительно выступали против политики партии в проведении активного внешнеторгового баланса.

Фетишизируя роль внешнего рынка в развитии советской экономики, троцкисты игнорировали значение внутреннего рынка. По своему характеру внутренний рынок СССР был преимущественно крестьянский. Троцкий утверждал, что «крестьянский рынок приведет к возрождению частной индустрии, которая поглотит государственную промышленность и приведет к возрождению эксплуатации рабочего класса».

Между тем особенность экономического развития Советского Союза состояла в том, что страна развивалась как раз за счет внутреннего рынка, а не за счет внешнего, как счита-

ли троцкисты. Партия неуклонно проводила политику, направленную на расширение емкости внутреннего, особенно крестьянского, рынка, и это обеспечивало экономический подъем Советской республики.

Не видя перспектив успешного социалистического строительства в нашей стране, Троцкий предлагал, как и прежде, ждать победы мировой революции, считал, что «замедленное в мировом масштабе развитие революции означает замедленное хозяйственное строительство».

Позиция троцкистов по вопросу о перспективах социалистического строительства в нашей стране совпадала с установками вождей II Интернационала и русских меньшевиков. В своей книжке «Пролетарская революция и ее программа» К. Каутский, например, отрицал социалистический характер нашей революции, поскольку Россия была экономически отсталой и капитализм еще не развил всех производительных возможностей страны. Поэтому, утверждал Каутский, социализм в России построить невозможно, так как предыдущая стадия общественного развития не закончена, раз она не исчерпала себя до конца. Придя к такому выводу, Каутский вступил на открытый путь борьбы с Советской Россией, стал подстрекателем военной интервенции против страны социализма.

Другой лидер II Интернационала О. Бауэр, как и Троцкий, на словах признавал установление диктатуры пролетариата в Советском Союзе, но считал, что в России она имеет другую форму, чем была бы в Западной Европе. На Западе, по его словам, она выступала бы в форме демократии, а в Советском Союзе она якобы предстала в форме «пролетарского деспотизма». Но такая диктатура пролетариата долго удержаться не сможет, будет свергнута крестьянством, составляющим большинство населения страны. Бауэр прямо писал: «В России, где пролетариат составляет незначительное меньшинство нации, он сможет утвердить свое господство только временно. Он должен неизбежно вновь потерять его, как только крестьянская масса нации делается достаточно зрелой в культурном отношении для того, чтобы самой взять власть в свои руки». Его точку зрения по этому вопросу фактически всецело разделял Троцкий.

Бауэр, как и Троцкий, считал, что социализм в России может быть построен только с помощью и при государственной поддержке западноевропейского пролетариата. «Только завоеванием политической власти со стороны пролетариата индуст-

риального Запада, — писал Бауэр, — можно обеспечить длительное господство индустриального социализма».

На сходных позициях стояли и лидеры русского меньшевизма. Они отрицали возможность построения социализма из-за малочисленности рабочего класса и преобладания в стране крестьянства.

Таковы были оппортунистические корни взглядов, которые разделял и пытался навязать партии Троцкий. Следовательно, речь шла не об отдельных теоретических ошибках, которые можно было бы преодолеть путем критики. Дело шло о системе взглядов, враждебных ленинизму. Троцкизм стал главным идейным препятствием на пути успешного социалистического строительства в стране.

Сокрушая это препятствие, партия должна была дать четкий и ясный ответ: возможно ли при задержке темпа мировой революции и в условиях технико-экономической отсталости страны построить социализм в СССР? Это необходимо было сделать, так как вопрос о возможности строительства социализма в одной стране перешел из сферы теории в область непосредственной практики. Надо было вооружить всю партию, рабочий класс и трудовое крестьянство глубокой убежденностью, что социализм может быть и будет построен.

Принципиальную теоретическую основу для ответа на поставленный вопрос давало ленинское учение о возможности победы социализма в одной стране. Но необходимо было обобщить опыт хозяйственной деятельности партии за прошедшие годы Советской власти и на этой основе конкретизировать и развить ленинское учение применительно к новой сложившейся внутренней и внешней обстановке. Эту задачу и решила XIV партийная конференция.

Перед конференцией Центральный Комитет провел исключительно большую подготовительную работу. Все тезисы докладов и проекты решений обсуждались на заседаниях Политбюро, в работе которого принимало участие до 35 членов и кандидатов в члены ЦК и Президиума ЦКК РКП(б).

В Политбюро, несмотря на различие точек зрения, царил атмосфера, позволявшая по-деловому обсуждать принципиальные теоретические и политические проблемы, имевшие важнейшее значение для практической деятельности партии. В значительной степени созданию такой обстановки способствовало отсутствие Троцкого. После выступления с брошюрой «Уроки Октября» он потерпел очередное политическое банкротство. С ноября 1924 по июнь 1925 года Троцкий не

принимал участия в работе Политбюро, не присутствовал на январском и апрельском (1925 г.) пленумах ЦК, на V пленуме ИККИ, не участвовал в подготовке к XIV партконференции и в ее работе. Отход Троцкого от активной политической деятельности не являлся просто жестом «оскорбленного вождя». Это была тактика, рассчитанная на то, чтобы дезорганизовать работу ЦК и Политбюро.

Обстановка в ЦК к тому времени сложилась такая, что Троцкий мог уже тогда оказаться в полной политической изоляции, если бы не ренегатство Зиновьева и Каменева. В проекте тезисов, предложенном Зиновьевым, говорилось об абстрактной возможности строительства социализма в СССР, но станет ли такое строительство победоносным в условиях затяжки мировой пролетарской революции — этот вопрос оставался открытым. Строить можно, утверждал Зиновьев, а построить нельзя. Возражая против поправок, внесенных членами Политбюро (в частности, Сталиным), в которых излагалась ленинская мысль о возможности не только строительства, но и построения социалистического общества, Зиновьев и присоединившийся к нему Каменев ссылались на «невозможность» преодолеть силами Советской страны ее технико-экономическую отсталость. Это была явно троцкистская установка, рецидив ошибки, допускавшейся Каменевым и Зиновьевым в дни Октября.

Политбюро ЦК признало тезисы Зиновьева неудовлетворительными. Была создана комиссия из членов Политбюро ЦК, которой поручалось переработать проект тезисов на основе обмена мнениями¹. Переработка тезисов сводилась к тому, чтобы раскрыть такие важнейшие проблемы, как: а) состояние мирового революционного движения; б) две стабилизации; в) перспективы строительства социализма в СССР; г) критика троцкистской позиции; д) Профинтерн и тактика единого фронта.

Центральное место в переработанных тезисах заняло изложение и развитие ленинского учения о возможности построения социализма в СССР. С тем чтобы сохранить последовательность ленинской мысли о возможности построения социализма в Советском Союзе, комиссия решила изложить высказывания В. И. Ленина, сделанные им в различное время, в хронологическом порядке. Это позволило правильно раскрыть содержание вопроса о полной, окончательной победе

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 3, ед. хр. 499, л. 2.

социализма в одной стране и положить конец извращению ленинского учения.

На основе ленинских положений была раскрыта формула о полной, окончательной победе социализма. Она предусматривала необходимость преодоления двух объективно существующих групп противоречий: внутренних и внешних.

Внутренние противоречия были связаны с экономической отсталостью страны, наличием в ее экономике ряда укладов, которым соответствовали три класса: рабочий класс, крестьянство и свергнутая, но еще не исчезнувшая буржуазия.

После окончания военной интервенции и гражданской войны вооруженная борьба уступила место борьбе в сфере экономического строительства. Она развернулась под лозунгом «кто — кого». Основная трудность и сложность состояла в том, что в стране преобладало мелкотоварное производство, носителем которого являлось трудовое, главным образом среднее, крестьянство. По отношению к нему прежние формы борьбы, которые применялись к крупной буржуазии, такие, как насильственное подавление и экспроприация, были неприемлемы. С мелким товаропроизводителем необходимо было ужиться, надо было его переделать, ввести в русло социалистического производства.

В. И. Ленин указывал, что переход от капитализма к социализму возможен в различных формах. Это определяется степенью экономического развития страны. Если в стране преобладает крупная промышленность и очень развитое крупное сельское хозяйство, тогда возможен прямой переход к социализму. Если преобладает мелкотоварное производство, тогда переход к социализму возможен лишь с помощью целого ряда промежуточных форм.

Исходя из конкретной обстановки, сложившейся в стране, партия приняла все меры к тому, чтобы втянуть мелкого производителя в социалистическое строительство. При решении этой задачи рабочему классу предстояло преодолеть противоречия с крестьянством, которые порождались переходным периодом. Но существовали также неизмеримо более острые противоречия между рабочим классом и крестьянством, с одной стороны, и буржуазными элементами города и деревни, с другой.

Восьмилетний опыт показал, что пролетарская диктатура в одной стране может укрепиться не только на ряд лет, но и на долгий период, даже если задержится революция на Западе. Это означало, что рабочий класс Советского Союза может

собственными силами, без государственной помощи извне, в условиях капиталистического окружения ликвидировать остатки эксплуататорских классов внутри страны, преодолеть технико-экономическую отсталость и в тесном союзе с трудовым крестьянством построить полное социалистическое общество. «...Мы должны всё проделать усилиями российского пролетариата и удерживать положение, пока достаточно окрепнет наш союзник — международный пролетариат всех стран»¹, — указывал В. И. Ленин.

Внутренние противоречия, как бы ни были они серьезны, рабочий класс в союзе с трудовым крестьянством мог преодолеть собственными силами и построить социализм. По-другому стоял вопрос о внешних противоречиях.

После военного поражения интервенции стало совершенно ясно, что в отношениях между двумя системами имелась только одна альтернатива: либо — мир, либо — война. Обанкротившись с политикой вооруженной борьбы с Советской республикой, правительства империалистических государств вынуждены были признать Советский Союз и пойти на экономические связи с ним. «Есть сила бóльшая, — указывал В. И. Ленин, — чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь сношения с нами»².

Но мирное сосуществование не ликвидировало классовых противоречий между различными системами. Наоборот, они углублялись и в любой момент могли привести к военным конфликтам. Из этого следовало, что Советский Союз без победы пролетарской революции в ряде крупных стран не имел гарантии от возможной реставрации капиталистических порядков. Этот вывод вытекал из работ В. И. Ленина, относящихся к различным периодам: «Письмо к швейцарским рабочим» (март 1917 г.), «Политический отчет ЦК VII съезду партии» (1918 г.), «Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии», «О кооперации» и других.

В этих работах Владимир Ильич считал, что окончательная победа социализма возможна только во всех или нескольких странах. Подчеркивая жизненность этого ленинского положения, в переработанных тезисах указывалось на то, что под окончательной победой социализма следует понимать

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 367.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 304—305.

гарантию от возможности реставрации старых, буржуазных порядков в нашей стране. Такой гарантии наша страна тогда не имела.

Отрицая возможность построения социализма в СССР, троцкисты в то же время считали невозможным преодолеть и внутренние противоречия без «государственной помощи» извне. Внешние противоречия они рассматривали как главный, решающий фактор для судьбы пролетарской диктатуры. Затяжка мировой революции при углублении внешних противоречий должна привести, по мнению троцкистов, к перерождению пролетарской диктатуры. Исходя из этих антиленинских позиций, они считали, что строительство социализма в одной стране приведет к отходу от принципов пролетарского интернационализма к «национальной ограниченности», к «национал-патриотизму».

Догматически подходя к теории социалистической революции и учению о возможности построения социализма в одной стране, троцкисты не понимали и не хотели понять ленинской диалектики развития революции. В. И. Ленин, как и Маркс, не ограничивал победу пролетарской революции узконациональными рамками. Такой метафизический подход был чужд ему. По Ленину, международная революция сначала выступит как революция, протекающая в определенных национальных рамках. Победивший рабочий класс одной страны организует у себя социалистическое производство и всячески помогает пролетариату других стран, вовлекая его в борьбу с капитализмом¹.

XIV конференция РКП(б) (апрель 1925 г.) единогласно приняла коллективно выработанный ЦК партии документ — тезисы «О задачах Коминтерна и РКП(б) в связи с расширенным пленумом ИККИ». Отвергнув троцкистское капитулянтство и клевету на начавшееся под руководством партии строительство социализма, XIV конференция РКП(б) предложила партии продолжать «работать над созданием социалистического хозяйства в СССР и в то же время всемерно поддерживать отряды пролетарской революции во всех странах»².

XIV партконференция выразила полную уверенность в том, что наша страна собственными силами сможет и дальше развивать свое хозяйство, а рабочий класс и трудовое крестьянство вполне могут разрешить внутренние противоречия и по-

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 354—355.

² См.: Четырнадцатая конференция РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1925, стр. 309.

строить социалистическое общество. Для этого требовалось одержать экономическую победу над остатками внутренней буржуазии, перевести многомиллионные массы трудящегося крестьянства на путь коллективного социалистического сельского хозяйства, ликвидировать последние эксплуататорские классы и закрыть все каналы, порождающие эксплуатацию человека человеком.

Отвергнув «теоретические» догмы оппозиционеров, XIV партконференция твердо заявила, что рабочий класс в союзе с трудовым крестьянством построит в СССР полное социалистическое общество, обеспечит победу социализма, но это будет еще не окончательная победа, так как «гарантией окончательной победы социализма (т. е. гарантией от реставрации) является победоносная социалистическая революция в ряде стран»¹.

Решения конференции вооружили партию, трудящихся СССР ясной перспективой борьбы за победу социализма в нашей стране в условиях капиталистического окружения. Вместе с тем решения XIV партконференции помогли братским коммунистическим партиям выработать правильную тактику на период замедления темпов международной революции.

3. РАЗОБЛАЧЕНИЕ ПАРТИЕЙ ЗИНОВЬЕВСКО-КАМЕНЕВСКОЙ РАЗНОВИДНОСТИ ТРОЦКИЗМА

На XIV партийной конференции лидеры оппозиции по тактическим соображениям тоже голосовали за одобрение проекта тезисов, предложенного ЦК РКП(б). Однако после нее оппозиция сделала новые шаги к дальнейшему углублению расхождений с партией. Она окончательно сформировала свою пораженческую платформу, вовсю развернула раскольническую фракционную деятельность. Лидеры оппозиции разрушали единство руководящего штаба партии, встали на путь неподчинения его коллективно выработанной воле.

Все возможности для изжития разногласий внутри самого ЦК оказались исчерпанными. В борьбу против оппозиции стала вовлекаться широкая масса коммунистов.

В качестве повода для возобновления и усиления нападков на Центральный Комитет и его политику оппозиция использовала оппортунистическое выступление Бухарина, которое он сделал незадолго до XIV партконференции. В речи на собра-

¹ Четырнадцатая конференция РКП(б). Стеногр. отчет, стр. 309.

нии московского партактива Бухарин объявил кулака чуть ли не единственной надеждой Советской власти в деревне, а кулацкое хозяйство — «врастающим» в социализм. В противовес ленинскому курсу на укрепление союза с середняком при опоре на бедноту Бухарин выдвинул лозунг «Обогащайтесь!», ориентировавший партию на поддержку капиталистических элементов в деревне. Ошибочные установки Бухарина некритически восприняли некоторые партийные публицисты (А. Слепков, А. Стецкий, Д. Марецкий и некоторые другие). Они стали пропагандировать их в печати, выдавая за толкование решений XIV партконференции, которая выдвинула задачу всемерного развития производительных сил деревни.

На самом деле XIV партконференция приняла ряд мер для укрепления прежде всего середняцкого, а не кулацкого хозяйства. Конференция указала, что в области экономической задачей партии является содействие подъему и восстановлению всей массы крестьянских хозяйств на единственно возможной в условиях нэпа основе развертывания товарооборота, при проведении ограничительных мероприятий в отношении кулачества и всемерном развитии социалистических элементов сельского хозяйства. В области же политической главная задача — дальнейшее повышение активности крестьянских масс при усилении пролетарского руководства ими через органы Советской власти в деревне.

В соответствии с этими принципиальными установками конференция решила отменить отдельные сохранившиеся со времен военного коммунизма законоположения, ограничивавшие развитие крестьянского хозяйства, в частности разрешить сдачу в аренду земли и наем рабочей силы, уменьшить сельскохозяйственный налог, облегчить проведение землеустроительных работ и т. д. Одновременно конференция признала необходимым всемерно содействовать укреплению совхозов, колхозов, сельскохозяйственной кооперации, решительно пресекать ростовщические и подобные им эксплуататорские поползновения кулачества¹.

Установки Бухарина, ратовавшего за неограниченное развитие капиталистических элементов в сельском хозяйстве, ничего общего с позицией руководства партии не имели. Бухаринский лозунг «Обогащайтесь!» был подвергнут критике во время работы конференции, и сам Бухарин уже не смог от-

¹ См.: КПСС в резолюциях..., ч. II, стр. 145—161.

стаивать его¹. Затем по требованию Центрального Комитета он заявил в печати об ошибочности этого лозунга².

Центральный Комитет признавал также неправильными выступления других проповедников правоуклонистских взглядов.

Таким образом, Центральный Комитет в самом зародыше обнаружил опасность правого уклона, не дал ему распространиться в партии. Однако, учитывая, что правые уклонисты вынуждены были публично признать свои ошибки, и дабы не отвлекать внимание партии от борьбы против более опасного в то время «лево»-оппортунистического уклона, Центральный Комитет счел возможным воздержаться от открытого обсуждения позиции Бухарина и его единомышленников.

Это обстоятельство как раз и поспешила использовать «новая оппозиция», которая к своим прежним обвинениям Центрального Комитета в примиренческом отношении к Троцкому присоединила не менее чудовищное обвинение в пособничестве правым уклонистам.

Спекулируя на справедливом возмущении, охватившем коммунистов в связи с указанным выше выступлением Бухарина, Каменев и Зиновьев поспешили объявить себя наиболее «непримиримыми» противниками правых. Прежде всего, они стали требовать всяческих кар персонально в отношении Бухарина, поскольку в то время он активно участвовал в борьбе против «новой оппозиции». Оппозиционеры словно забыли, что еще совсем недавно они сами писали и говорили то же, что и Бухарин³.

Сходство и даже совпадение призывов «левых» и правых уклонистов убедительно свидетельствовали о единой оппортунистической сущности их политической платформы, лишней раз показывая беспринципность троцкистов и лидеров «новой оппозиции», которые на словах выступали против правых, а на деле поддерживали и разделяли их антиленинские взгляды.

Воспользовавшись моментом, когда большинство членов Политбюро ЦК находилось в отпуске, Зиновьев в августе 1925 года направил в газету «Правда» свою статью «Философия эпохи». Против публикации этой статьи решительно высказались члены ЦК РКП(б) М. И. Калинин и А. А. Андреев, рез-

¹ См.: Четырнадцатая конференция РКП(б). Стеногр. отчет, стр. 181—182.

² См.: «Правда», 14 сентября 1925 г.

³ См.: В. М. Иванов. Из истории борьбы партии против «левого» оппортунизма. Лениздат, 1965, стр. 43—44, 57.

кий отзыв написал И. В. Сталин. Он характеризовал статью как платформу оппозиции к XIV съезду партии¹.

Исходя из чисто народнического понимания проблемы равенства, автор статьи «Философия эпохи» концентрировал внимание на «прогрессирующем росте кулацкой опасности» и тяжелом положении бедняков в советской деревне. При этом он просто умалчивал о среднем крестьянстве. Из статьи Зиновьева прямо вытекало, что в деревне есть только кулаки и бедняки, а основного союзника рабочего класса в этот период — среднего крестьянина не существует. Из статьи начисто выпал и ленинский кооперативный план.

Подавляющее большинство членов ЦК и Политбюро осудили статью, как документ, имеющий фракционный характер.

Только Троцкий как бы увидел в лице Зиновьева своего нового идейного союзника. 1 сентября 1925 года, т. е. в то время, когда в ЦК обсуждалась зиновьевская статья, он выступил с докладом «О наших задачах» перед партийным активом Запорожья. В унисон Зиновьеву Троцкий также говорил о двух полюсах в деревне — о бедняцком и кулацком, не принимая во внимание среднее крестьянство. Троцкий утверждал, что возможны только два пути дальнейшего развития сельского хозяйства — либо путь фермерский, т. е. капиталистический, либо возврат к военному коммунизму. Как и Зиновьев, он ни слова не сказал о кооперативном плане В. И. Ленина — единственно правильном пути преобразования сельского хозяйства на социалистических началах. «Мы должны, — говорил Троцкий, явно вторя Бухарину, — допустить там (в деревне. — Авт.) развитие производительных сил, хотя бы и при помощи капиталистических методов». Он ратовал за развитие кулацкого, «фермерского» хозяйства, утверждал, будто кулак, продающий хлеб государству, «содействует приближению к социализму», а коллективное ведение крестьянского хозяйства не может иметь положительного значения до создания в стране с помощью победившего западноевропейского пролетариата развитой тяжелой индустрии и полного вооружения сельского хозяйства современной техникой. Выступление Троцкого с проповедью фермерского, капиталистического пути развития деревни лишней раз свидетельствовало об идейной общности его платформы с установками Зиновьева, Каменева, Бухарина и других врагов ленинизма.

¹ См.: И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 375—376.

Серьезные теоретические извращения ленинизма были допущены Зиновьевым и в книжке «Ленинизм», опубликованной в сентябре 1925 года. Зиновьев и его приспешники стремились сделать ее учебником партийного, хозяйственного и советского актива. В этом произведении Зиновьева обосновывалась политическая платформа «новой оппозиции», которая легла в основу ее идейного объединения с троцкизмом.

Зиновьев пытался запутать вопрос о возможности построения социализма, несмотря на четкий и ясный ответ, который дала на него XIV партийная конференция. Внося путаницу и идейную неразбериху, он подменял проблему победы социализма в нашей стране проблемой его победы в международном масштабе. Зиновьев упорно старался убедить читателя, что построить социализм в нашей стране невозможно, так как нельзя собственными силами преодолеть ее технико-экономическую отсталость.

Позицию Зиновьева целиком разделял и Каменев. В статье «Ленинизм» для энциклопедического словаря он писал: «Учение Ленина не есть теория о победе социализма в одной стране, а есть теория о том, что где бы ни началась пролетарская революция, она только тогда приведет к окончательной победе, когда сумеет в свой водоворот захватить целый ряд стран»¹.

Отрицание возможности построения социализма в СССР привело Зиновьева и его сторонников к антиленинской, по существу троцкистской, оценке нэпа, природы нашей социалистической промышленности, госкапитализма, роли кооперации при диктатуре пролетариата, методов борьбы с кулачеством, роли и удельного веса среднего крестьянства. «Все эти ошибки, — как указывал И. В. Сталин, — являются производными от основной ошибки оппозиции, от неверия в возможность построения социалистического общества силами нашей страны»².

Не довольствуясь литературными выступлениями, Зиновьев, Каменев и Сокольников стали проповедовать антиленинские взгляды на собраниях коммунистов и беспартийных. Свои речи перед рабочими лидеры оппозиции, стремясь приобрести популярность, сопровождали демагогическими обещаниями о повышении заработной платы.

Пытался активизировать свою деятельность в предсъездовский период и Троцкий.

¹ Энциклопедический словарь русского библиографического института «Гранат», изд. 7, т. 40, стр. 607.

² И. В. Сталин. Соч., т. 8, стр. 75.

Осенью 1925 года он сделал ряд заявлений, свидетельствовавших о дальнейшем углублении его расхождений с партией. В брошюре «К социализму или к капитализму?» он обрушился на ленинский план создания развитой, независимой от иностранного рынка социалистической экономики, приписывая партии стремление создать «замкнутое», «изолированное» от остального мира хозяйство. Он утверждал, что «резкая передвижка» сил и средств в сторону быстрого развития тяжелой индустрии будто бы приведет не к усилению, а к замедлению темпов роста всей советской экономики. Троцкий объявил советскую промышленность госкапиталистической (гигантским «трестом трестов», находящимся в руках государства), а советский экономический строй — «врастающим» в мировой капиталистический рынок.

Он призывал «не игнорировать» сложившееся при капитализме мировое разделение труда, что увековечило бы технико-экономическую отсталость СССР. Троцкий предлагал держать курс на усиление импорта промышленных изделий, всемерно привлекать и даже насаждать частный, особенно иностранный, капитал.

«Новая оппозиция» вместе с троцкистами выступала против политики партии и предлагала строить ее так, чтобы любой ценой, то усиливая административный нажим, то, наоборот, идя на уступки эксплуататорским классам, «отсидеться» (т. е. сохранить власть, якобы случайно оказавшуюся в руках пролетариата) до победы пролетарской революции на Западе. И волюнтаризм оппозиции, стремление искусственно «подстегнуть» объективные социальные процессы, ее капитулянтство, признание неизбежности возрождения капитализма в СССР при отсутствии поддержки социалистического строительства извне выражали мелкобуржуазную, оппортунистическую природу оппозиционной платформы. При всей своей показной революционности оппозиция на деле культивировала пораженческие настроения. Все, что она предлагала, могло привести лишь к потере завоеваний Октябрьской революции.

«Новая оппозиция» считала неизбежным длительное сохранение аграрного характера экономики страны, была против ее индустриализации, выступая за быстрое развитие лишь легкой промышленности и отраслей тяжелой индустрии, связанных с обслуживанием сельского хозяйства. Каменев, являвшийся тогда заместителем Председателя СНК и Председателем ЦО СССР, при обсуждении контрольных цифр

Госплана на 1925/26 год, заявил, что они слишком оптимистичны, так как предусматривают значительный рост промышленности, прежде всего тяжелой. Сокольников, в то время народный комиссар финансов, возражал против увеличения в 1925/26 году ассигнований на нужды промышленности, особенно на развитие тяжелой индустрии. В ряде своих статей и речей он утверждал, что Советская страна должна ориентировать свою экономику преимущественно на развитие сельскохозяйственного экспорта и ввоз промышленных изделий из-за границы, требовал отмены монополии внешней торговли.

Оппозиция не верила в возможность социалистической переделки сельского хозяйства на основе ленинского кооперативного плана. Особенно ожесточенным нападкам оппозиция подвергала ленинскую политику укрепления союза рабочего класса с середняком, утверждая, что только капиталистическая дифференциация деревни, сопровождающаяся массовой пролетаризацией крестьянства, способна обеспечить действительно прочный союз трудящихся города и села.

Ход предсъездовской кампании убедительно показал, что огромное большинство партии решительно осуждает политические установки и раскольническую деятельность оппозиции, по всем вопросам поддерживает точку зрения ЦК. Лишь на некоторых местных конференциях и съездах имели место единичные оппозиционные выступления. Но они всюду встречали энергичный и дружный отпор. Именно так, например, было на IX съезде КП(б)У, на XI Донской окружной партийной конференции и на некоторых других партийных съездах и конференциях, где троцкисты, сторонники «новой оппозиции» и другие фракционеры пытались выступить с нападками на политику РКП(б).

И лишь в Ленинградской организации, в руководстве которой были сосредоточены основные кадры оппозиции, положение оказалось чрезвычайно сложным. 1 декабря открылась XXII Ленинградская губернская партконференция. Ее делегаты в единогласно принятой резолюции по докладу о работе ЦК РКП(б) заявили, что «целиком и полностью одобряют политическую и организационную линию ЦК РКП(б)»¹. Однако оппозиционеры, вопреки только что принятому уже решению конференции, использовали ее трибуну для завуалированных антипартийных выпадов, разумеется, прикрывая их

¹ «Ленинградская правда», 4 декабря 1925 г.

из тактических соображений громкими фразами о верности ЦК и его политике.

Оппозиционеры всячески подавляли активность рядовых коммунистов, нарушали внутрипартийную демократию, старались отстранить от руководящей работы преданных партии людей, исподволь прививали антипартийные взгляды активистам, подпавшим под их личное влияние. Рассчитывая на поддержку группки руководящих партийных работников, примкнувших к оппозиции, зиновьевцы были уверены, что рядовые коммунисты слепо пойдут за ними и, оставаясь в неведении относительно подлинных целей фракционной группировки, проголосуют за любую резолюцию, которую им «спустят» сверху. В таком высокомерном отношении к рядовой партийной массе проявился оппортунизм оппозиции, ее непролетарский характер.

Обманув участников конференции демагогическими речами и обещаниями поддержать на съезде линию ЦК, зиновьевцы сумели протащить в состав ленинградской делегации на съезд партии почти исключительно одних своих сторонников. Так лидеры оппозиции готовились к XIV съезду партии, на котором решили дать идейный бой большинству ЦК по вопросу, имевшему огромное практическое значение, — о возможности построения социализма в СССР.

Завершая подготовку к XIV съезду, Центральный Комитет продолжал предпринимать усилия для прекращения внутрипартийной борьбы. Члены ЦК и ЦКК РКП(б) на многочисленных совещаниях и в личных беседах убеждали руководителей оппозиции отказаться от фракционных действий. В документе, подписанном членами ЦК (К. Е. Ворошиловым, Ф. Э. Дзержинским, М. И. Калининым, Я. Э. Рудзутаком, И. В. Сталиным и др.), выражалась готовность большинства Центрального Комитета при отказе оппозиции от фракционных действий и принципиальном осуждении ею своей платформы пойти на некоторые уступки, связанные прежде всего с сохранением личного престижа лидеров оппозиции¹.

Но лидеры оппозиции расценили все это как слабость большинства ЦК и свою собственную силу. Большинство ЦК, разумеется, прилагало усилия для смягчения возникших противоречий не потому, что якобы чувствовало свою слабость и силу лидеров оппозиции, а в надежде разрешить все спорные вопросы внутри Центрального Комитета, не вызывая тем самым

---

¹ Четырнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет, стр. 507.

кризисного состояния во всей партии. Это было, по мнению большинства ЦК, единственное средство сохранить и укрепить коллективность руководства партией и страной.

Однако Зиновьев и Каменев не шли ни на какие соглашения. Их высокомерие и несговорчивость можно объяснить тем, что они надеялись на свое прежнее влияние, на то, что им удастся удержать свои позиции в Ленинградской организации. Используя ее авторитет, они рассчитывали одержать победу и повести за собой съезд, а следовательно, и всю партию. Но они просчитались.

С 18 по 31 декабря 1925 года в Москве проходил XIV съезд ВКП(б)¹, который прошел в ожесточенной борьбе против оппозиции и подтвердил верность большевистской партии принципам ленинизма. В политическом отчете ЦК, с которым выступил И. В. Сталин, содержался анализ международного и внутреннего положения Советского Союза, излагалась позиция ЦК по коренным вопросам, выдвинутым жизнью, практикой социалистического строительства. Этот важнейший документ был плодом коллективной мысли Центрального Комитета, творческим обобщением опыта, накопленного партией после смерти В. И. Ленина. Содержавшиеся в политическом отчете ЦК принципиальные положения основывались на идеях В. И. Ленина и представляли собой дальнейшую их конкретизацию, связанную с решением очередных задач строительства социализма.

Исходя из ленинского указания о наличии в нашей стране всего необходимого для построения социалистического общества, съезд заявил, что и в условиях затянувшейся мировой пролетарской революции полная победа социализма в СССР будет обеспечена. В политическом отчете ЦК, в выступлениях делегатов приводились яркие факты, свидетельствовавшие об успехах социалистического строительства, о том, что социализм все более и более превращается в реальную действительность. Налицо было *«экономическое наступление* пролетариата на базе новой экономической политики и продвижение экономики СССР в сторону социализма»². Этот вывод XIV съезда партии опровергал утверждения оппозиции, которая вопреки фактам действительности панически кричала о преобладании

---

¹ На одном из заключительных заседаний съезда было принято решение о переименовании Российской Коммунистической партии большевиков (РКП(б)) во Всесоюзную Коммунистическую партию большевиков (ВКП(б))..

² КПСС в резолюциях..., ч. II, стр. 195.

в советской экономике госкапитализма и быстром росте частного капитала.

Соотношение классовых сил, сложившееся в стране к концу восстановительного периода, благоприятствовало решению новых, еще более сложных задач социалистического строительства, значительному ускорению его темпов. Рабочий класс восстановил свои силы, вырос количественно и качественно. Благодаря правильной политике партии, окреп, стал, как никогда, прочным союз рабочего класса с трудящимся крестьянством. Происходил быстрый подъем политической активности трудящихся. Эксплуататорским элементам, несмотря на их некоторый рост и оживление после перехода к нэпу, не удалось занять ключевых позиций в экономике, повести за собой трудящиеся массы, прежде всего крестьянство. И хотя коренной вопрос социалистического строительства «кто — кого» не был еще полностью решен в пользу социализма, важные сдвиги, которые произошли в жизни трудящихся Советской страны за восстановительный период, не оставляли сомнения в его положительном решении.

Научно обобщив опыт, накопленный страной и партией, руководствуясь указаниями В. И. Ленина, XIV съезд провозгласил переход к социалистической индустриализации как главному, решающему звену в борьбе за переустройство советской экономики, за ускорение темпов социалистического строительства.

В выборе момента перехода к индустриализации отчетливо проявился научный характер политики партии, ее трезвый учет реальной обстановки, знание насущнейших нужд трудящихся классов. Этот переход стал возможным только тогда, когда созрели предпосылки для быстрого развития тяжелой индустрии: окрепло народное хозяйство и его социалистический сектор, улучшилось материальное положение трудящихся, возросла их активность, увеличились накопления социалистического государства, упрочились международные связи, был накоплен некоторый опыт развития и реконструкции предприятий тяжелой индустрии. В результате быстрого восстановления металлургической промышленности, до конца восстановительного периода значительно отстававшей от других отраслей, была создана — правда, еще очень незначительная — техническая база для обновления оборудования промышленности.

Вместе с тем нельзя было ждать, когда эти предпосылки возрастут еще больше. Трудности социалистического строи-

тельства, отчетливо выявившиеся к концу 1925 года, делали чреватым серьезнейшими опасностями всякое промедление с определением новых задач развития социалистической экономики. Поэтому переход к индустриализации стал в конце восстановительного периода не только возможным, но и жизненно необходимым, безотлагательным.

XIV съезд одобрил курс Центрального Комитета на обеспечение преимущественного развития тяжелой индустрии и быстрого роста производства средств производства. Он подтвердил верность партии ленинской генеральной линии строительства социализма, исходившей из необходимости превращения нашей страны в могучую индустриальную державу. «...Вести экономическое строительство под таким углом зрения, чтобы СССР из страны, ввозящей машины и оборудование, превратить в страну, производящую машины и оборудование, чтобы таким образом СССР в обстановке капиталистического окружения отнюдь не мог превратиться в экономический придаток капиталистического мирового хозяйства, а представлял собой самостоятельную экономическую единицу, строящуюся по-социалистически и способную благодаря своему экономическому росту служить могучим средством революционизирования рабочих всех стран и угнетенных народов колоний и полуколоний»¹ — так определил съезд главную задачу партии в хозяйственном строительстве.

Это был ясный ответ оппортунистам и паникерам, толковавшим о непреодолимости технико-экономической отсталости страны. Ленинская установка на социалистическую индустриализацию приобретала, таким образом, силу партийного закона, а переход к индустриализации страны выдвигался в качестве неотложной практической задачи.

Все другие вопросы, рассмотренные съездом, также были подчинены осуществлению генеральной линии партии на победу социализма.

Съезд одобрил решения XIV Всесоюзной партконференции, направленные на укрепление союза со средним крестьянством, отметив, что их реализация коренным образом улучшила положение в деревне и создала прочную базу для более активного вовлечения крестьян в социалистическое строительство. Одновременно указывалось на важность и своевременность решений октябрьского (1925 г.) пленума ЦК о работе среди деревенской бедноты. Съезд осудил вскрытые пленумом укло-

¹ КПСС в резолюциях..., ч. II, стр. 195.

ны в крестьянском вопросе и указал на необходимость решительной борьбы с недооценкой кулацкой опасности и стремлением обойти главный вопрос политики в деревне — борьбу за середняка и использование кооперации как основного пути социалистического переустройства сельского хозяйства. Съезд потребовал сосредоточить главный огонь на «левом», антисредняцком уклоне, представлявшем в конкретных условиях конца восстановительного периода наибольшую опасность. Именно этот уклон и выражали взгляды троцкистов и «новой оппозиции».

В политическом отчете ЦК, в выступлениях делегатов подчеркивалось, что центральной фигурой советской деревни является середняк, роль и удельный вес которого значительно возросли после Октябрьской революции. Без союза с ним вовлечение в социалистическое строительство основных масс крестьян стало бы невозможным. Этот вывод имел огромное принципиальное значение, он вооружал партию ясной перспективой социально-экономического развития деревни в условиях нэпа, развития, сопровождавшегося усилением в первую очередь трудовых, а не эксплуататорских, как это утверждала оппозиция, элементов.

Важнейшее место в работе съезда занял вопрос о единстве партии, о путях и средствах преодоления острых внутрипартийных разногласий, возникших из-за раскольнического поведения «новой оппозиции». Этот вопрос обсуждался почти на всех заседаниях съезда. Мысль о необходимости сохранения и укрепления единства партии проходила через все принятые резолюции. Съезд одобрил политику ЦК, направленную на недопущение открытой дискуссии в партии, и поручил ему «вести решительную борьбу со всякими попытками подрыва единства партии, откуда бы они ни исходили...»¹.

Содокладчик от оппозиции Зиновьев старался убедить делегатов в том, что строительство социализма в одной, экономически отсталой стране якобы заранее обречено на неуспех. Оппозиция обвиняла ЦК во всевозможных ошибках, якобы толкающих страну на гибельный путь, и всячески оправдывала свои раскольнические, фракционные действия. На съезде с пространными речами выступили также Каменев, Сокольников, Лашевич, Евдокимов, Залуцкий и некоторые другие. С разрешения президиума оппозиция распространила среди делегатов сборник своих материалов. Оппозиционеры высту-

¹ КПСС в резолюциях..., ч. II, стр. 201.

пали на совещаниях делегаций местных партийных организаций.

Но оппозиция не нашла поддержки среди делегатов съезда. В своих выступлениях они вскрыли троцкистско-меньшевикский характер всей оппозиционной платформы, отметили полное совпадение социальных корней «новой» и «старой», троцкистской оппозиции. И та и другая отражали вызванные трудностями социалистического строительства взгляды мелкобуржуазных слоев населения страны, а также возросшее давление буржуазии и ее идеологии на партию.

Оторванным от жизни, от практики социалистического строительства оппозиционерам, их попыткам догматически истолковать тенденциозно подобранные, механически выхваченные из контекста отдельные высказывания Ленина съезд противопоставил творческий ленинизм, богатейший опыт, накопленный партией в борьбе за социализм. Сорвав с оппозиции маску «левизны», съезд показал, что в основе ее платформы лежит оппортунистическое неверие в революционные силы советского рабочего класса и международного пролетарского движения, капитулянтство перед возросшим давлением буржуазии и ее идеологии, стремление ревизовать коренные положения ленинизма о характере развития социалистической революции в эпоху империализма.

Обвинявшие ЦК в отсутствии правильного руководства лидеры оппозиции оказались неспособными выдвинуть практические предложения по улучшению работы партийных и государственных органов. Они пытались сорвать деловое обсуждение первоочередных задач партии, навязав делегатам дискуссию по давно уже решенным вопросам.

Съезд осудил нападки оппозиционеров на ленинские принципы коллективности в работе руководящих органов партии. Делегаты показали беспочвенность претензий лидеров оппозиции на исключительное положение в партии за их прошлые заслуги, не говоря уже о том, что и заслуги эти в ряде случаев были по меньшей мере сомнительными. С. В. Косиор заявил на съезде, что «партия за лицами не пойдет, она пойдет только за носителем коллективного руководства, своим ленинским ЦК. И только за ним»¹.

XIV съезд ВКП(б) сыграл важную роль в укреплении коллективного руководства партией, показав, что за годы революции в партии выросли и выдвинулись воспитанные

¹ Четырнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет, стр. 314.

В. И. Лениным новые кадры деятелей общепартийного масштаба, ставшие надежной опорой Центрального Комитета.

Оппозиция, ссылаясь на известные высказывания В. И. Ленина об особенностях характера И. В. Сталина, добивалась на съезде снятия его с поста Генерального секретаря ЦК. Выдвигая этот вопрос, оппозиционеры преследовали узкофракционные цели, рассчитывая постепенно отстранить от руководства партией и других деятелей, со всей решительностью отстаивавших ленинские позиции. Они прочили Зиновьева в единичные лидеры партии.

Съезд выразил доверие Сталину, избрал его вместе с другими видными деятелями в состав Центрального Комитета, высказался за оставление его на посту Генерального секретаря. Важную роль в этом сыграло его непримиримое отношение ко всякого рода оппортунистическим искажениям ленинизма. Против кандидатуры Сталина было подано около 60 голосов, т. е. примерно столько, сколько имели голосов на съезде оппозиционеры.

Полное поражение антиленинских элементов на съезде было очевидным. Но, как показало заключительное слово главы оппозиции, она не сделала для себя правильных выводов. Зиновьев заявил, что ленинская установка на возможность победы социализма в одной стране «отдает душком национальной ограниченности»¹. Тем самым он дословно повторил клеветническое утверждение Троцкого, обвинявшего партию большевиков в национальной ограниченности еще до революции.

Оппозиция выступила против проекта резолюции по отчету Центрального Комитета, предварительно обсужденного и одобренного во всех делегациях. В проекте одобрялась политическая и организационная линия ЦК, решительно осуждались попытки антиленинских элементов извратить коренные положения партийной политики и теории. Из 653 делегатов, участвовавших в поименном голосовании (на заседании или записками), только 65 проголосовали против этого документа².

Это был полный провал оппозиции, оказавшейся на съезде в изоляции.

В связи с тем что «новая оппозиция» начала свои атаки против партии под флагом «борьбы» против троцкизма, Троцкий, как свидетельствовал В. А. Антонов-Овсеенко, примыкав-

¹ Четырнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет, стр. 430.

² Там же, стр. 949.

ший тогда к троцкистской оппозиции, готовился выступить на съезде против Каменева и Зиновьева¹. Но, присмотревшись поближе к их платформе и увидя в ней много общего с троцкизмом, он отказался от своего первоначального намерения. Больше того, на пленуме ЦК РКП(б), состоявшемся 28 декабря 1925 года, т. е. во время работы съезда, Троцкий и его единомышленники Раковский и Пятаков оказали прямую поддержку «новой оппозиции», выступив против предложения Политбюро об изменении состава редакции «Ленинградской правды», поддерживавшей линию оппозиции, и о замене редактора-оппозиционера известным партийным публицистом И. И. Скворцовым-Степановым.

В свою очередь, Зиновьев в заключительном слове на съезде высказал сомнение, нужно ли обвинять Троцкого в полуменьшевизме, и выдвинул явно предназначавшуюся для Троцкого и его единомышленников идею привлечения к партийному руководству всех разгромленных партией антиленинских группировок².

Идея объединения всех антипартийных сил с начала 1926 года стала претворяться в жизнь, воплотившись вскоре в создании беспринципного троцкистско-зиновьевского оппортунистического блока.

В период съезда зиновьевцы усилили свою фракционную работу в Ленинградской партийной организации, пытаясь оторвать ее от всей партии. Они грубо нарушали внутривнутрипартийную демократию, насаждали в городе режим организационного зажима и репрессий. Зиновьевцы срывали распространение «Правды» и других центральных газет, преследовали коммунистов, высказывавшихся в поддержку линии съезда. Оппозиционно настроенное большинство бюро губкома не остановилось даже перед тем, чтобы принять неслыханное в истории партии решение, запрещавшее обсуждать материалы общепартийного съезда в парторганизациях³.

Ввиду тяжелого положения, сложившегося в Ленинграде, XIV съезд принял обращение «Ко всем членам ленинградской организации РКП(б)», в котором призвал ленинградских коммунистов подняться на борьбу против фракционной группировки, захватившей ряд руководящих постов в губкоме, а также во многих райкомах и первичных организациях РКП(б). Отвечая на призыв съезда, ленинградские коммунисты с

¹ См.: «Правда», 27 ноября 1927 г.

² Четырнадцатый съезд ВКП(б). Стеногр. отчет, стр. 459—467.

³ ЛПА, ф. 16, оп. 1, ед. хр. 157, лл. 88—91.

каждым днем усиливали свое сопротивление оппозиционерам. На помощь ленинградским коммунистам партия присылала коммунистов из других партийных организаций, знакомивших ленинградцев с решениями и другими материалами XIV съезда.

31 декабря XIV съезд партии закончил свою работу. Большинство делегатов категорически высказалось против продолжения дискуссии в партии, на чем упорно настаивала оппозиция. Эту точку зрения съезда подтвердил и пленум ЦК ВКП(б), состоявшийся 1 января 1926 года. Участники пленума отвергли домогательства оппозиции, как направленные на подрыв внутривнутрипартийной дисциплины и отвлечение сил партии от повседневной практической работы на хозяйственном фронте¹.

Дискуссия и так уже дорого обошлась партии: из-за дезорганизаторского поведения оппозиции фактически было сорвано конкретное обсуждение на съезде коренных вопросов хозяйственного строительства, от решения которых зависел переход к социалистической индустриализации страны.

Пленум предложил докладчикам по итогам съезда на собраниях парторганизаций строго придерживаться принятых постановлений, запретил оппозиционные содоклады и выступления членов и кандидатов в члены ЦК и ЦКК с пропагандой оппозиционных взглядов, разрешил издание съездовских материалов только с согласия ЦК и с обязательным приложением к ним резолюций партсъезда². Это открывало возможности для прекращения внутривнутрипартийной борьбы и сосредоточения усилий партии на созидательной работе.

Вся партия с воодушевлением встретила итоги съезда. Позицию Центрального Комитета, решения съезда поддержали все партийные организации страны. Количество защитников оппозиции повсеместно было незначительным. Это свидетельствовало о единстве партии, ее идейной зрелости, готовности выполнить задачи, поставленные съездом.

Разъяснительная кампания по итогам работы XIV съезда ВКП(б) вооружила партийные кадры и всех трудящихся глубоким пониманием существа политики построения социализма в СССР, сплачивала коммунистов и беспартийных на основе ленинского курса на социалистическую индустриализацию. Изучение решений съезда велось во всех партийных органи-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 209, лл. 17—18, 20.

² См.: «Правда», 13 января 1926 г.

зациях. ЦК ставил перед коммунистами задачу глубоко разобратся в существе разногласий, разделявших партию и оппозицию.

Особенно широкий размах и острый характер приняла разъяснительная работа в Ленинграде. Партийные массы решительно отвергли капитулянтские установки оппозиции, которые вели к отказу от завоеваний Октябрьской революции.

4 января 1926 года по указанию ЦК ВКП(б) Ленинградский губком принял решение о проведении в городе кампании по итогам съезда. По просьбе ленинградских товарищей Политбюро ЦК направило для участия в ней свою делегацию в составе восьми членов ЦК (А. А. Андреева, К. Е. Ворошилова, М. И. Калинина, С. М. Кирова, Г. И. Петровского и других), которые выступили перед коммунистами с докладами о решениях XIV съезда. Чтобы обеспечить нормальные условия для предстоящей разъяснительной кампании, ЦК ВКП(б) дал директиву о развертывании внутрипартийной демократии в Ленинграде. По предложению комиссии ЦК, детально ознакомившейся с положением в губернской организации, ЦК ВКП(б) утвердил новый состав секретариата Ленинградского губкома и Северо-Западного бюро ЦК во главе с С. М. Кировым.

Уже через пять дней после начала разъяснительной кампании оппозицию осудило более половины партийной организации города. А еще через десять дней эта кампания была, по существу, завершена: из 72 967 коммунистов, участвовавших в партийных собраниях, за одобрение решений съезда проголосовали 70 389 человек (96,3%), против — только 2244 (3,2%) и воздержались 334 члена партии (0,5%)¹.

Состоявшиеся в начале февраля чрезвычайные уездные, районные, а затем и губернская конференция ВКП(б) окончательно закрепили победу, одержанную над «новой оппозицией». Эта победа стала возможной благодаря верности нашей партии марксизму-ленинизму, благодаря последовательно демократическому характеру организации ее внутренней жизни, благодаря доверию, которое оказывали широкие массы коммунистов и беспартийных ее ленинской политике. Победа над оппозицией сыграла важную роль в борьбе против антиленинских элементов в рядах ВКП(б), в сплочении всех коммунистов на основе ленинской линии на ускорение темпов социалистического строительства.

---

¹ «Ленинградская правда», 22 января 1926 г.

**ЗАВЕРШЕНИЕ
ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО И ОРГАНИЗАЦИОННОГО
РАЗГРОМА ТРОЦКИЗМА**

**1. РЕШИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ПАРТИИ ПРОТИВ ТРОЦКИСТСКО-
ЗИНОВЬЕВСКИХ РАСКОЛЬНИКОВ**

До XIV партийного съезда оппортунисты, которые шли за Троцким, и те, которые ориентировались на Зиновьева и Каменева, могли еще кое-кому казаться последователями различных политических направлений. Они позволяли себе выступать с резкой критикой друг друга, которая двурушнически изображалась ими как принципиальная защита марксистско-ленинских положений. Так, еще в речи на XIII съезде не кто иной, как Зиновьев, говорил, что троцкизм есть разновидность меньшевизма, что в книге Троцкого «Новый курс» нет ни грана большевизма, а его «Уроки Октября» направлены против основ ленинизма. Не оставался в долгу и Троцкий. Чтобы подорвать доверие масс к любому из руководителей партии, он не упускал случая напомнить о капитулянтских оппортунистических ошибках Каменева и Зиновьева периода подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания. Но делал это лишь до тех пор, пока видел в их лице своих соперников.

Однако, как было показано выше, по серьезным, принципиальным теоретическим и политическим вопросам взгляды той и другой оппортунистической группировки были очень близки, а порой и полностью совпадали, касалось ли это оценки сущности диктатуры пролетариата, отношения к крестьянству или возможности построения социализма в СССР. В этом сказывалась общая мелкобуржуазная природа оппортунизма, какими бы фразами она ни прикрывалась.

Антиленинизм оказался общей идейной платформой сторонников обеих антипартийных группировок, и полнейшее единство проявили те и другие в своем оппозиционном отно-

шении к ленинскому ядру Центрального Комитета большевистской партии, его политической и хозяйственной деятельности по строительству социализма. Перед лицом такой общности были быстро забыты прошлые взаимные обвинения и оскорбления, произошла взаимная амнистия троцкистов и «новой оппозиции».

Еще два с половиной года тому назад Зиновьев говорил Г. И. Петровскому о Троцком: «Зачем вы (т. е. члены ЦК. — Авт.) эту дохлую собаку будете держать в Политбюро. От нее смердит, работать нельзя в Политбюро». Каменев и Зиновьев требовали тогда взять Троцкого под стражу¹. Теперь же они объявили о взаимной амнистии, сколачивая беспринципный оппозиционный блок в ВКП(б). Зиновьев и Каменев стали утверждать, что уже в 1923 году троцкистская оппозиция справедливо предупреждала об «отходе» партийного руководства от марксистско-ленинской, пролетарской линии. Троцкий заявил, что неправильно раньше связывал оппортунистическую политику при подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания с именами Зиновьева и Каменева. Троцкий пошел дальше и договорился до того, что «только благодаря совокупному опыту обоих течений (оппозиции. — Авт.) все основные вопросы — хозяйства, партийного режима, политики Коминтерна — получили правильное и целостное разрешение»².

Как выяснилось позднее, когда троцкисты и зиновьевцы слились в единый антипартийный блок, «новая оппозиция» подвергла критике Троцкого только для того, чтобы лучше выглядеть в глазах партийной массы, привлечь на свою сторону рабочих. Когда же «новая оппозиция» потерпела полное фиаско, надобность в подобной маскировке отпала. После разгрома на XIV съезде партии Зиновьев и его немногочисленные сторонники просто сомкнулись с троцкистами, идейно капитулировали перед троцкизмом, ища в нем опоры, чтобы «компенсировать» свою собственную слабость и полную оторванность от пролетариата. По той же самой причине к троцкистско-зиновьевскому блоку примкнули и другие разгромленные оппортунистические группы — остатки «рабочей оппозиции» и сторонники «демократического централизма».

Такова судьба троцкизма — на всех этапах революционного движения быть магнитом, притягивающим обломки

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 246, л. 40.

² Пятнадцатая конференция ВКП(б). Стеногр. отчет. М.—Л., 1927, стр. 552.

любых оппортунистических течений, чуждых пролетариату, творческому марксизму-ленинизму. Так и по сей день троцкисты в состоянии собрать под свои знамена только горстку обанкротившихся отщепенцев международного рабочего движения.

В силу указанных причин борьба большевистской партии за окончательный идейно-политический и организационный разгром троцкизма в последующий период оказалась решающим условием ускорения темпов социалистического строительства в Советском Союзе. Она сыграла важную роль в укреплении идейного и организационного единства коммунистов всех стран.

Идейное и организационное банкротство «новой оппозиции» на съезде поставило ее лидеров перед дилеммой: либо подчиниться воле партии, отказаться от антиленинских взглядов и отдать все силы делу социалистического строительства, либо порвать с партией и перейти в лагерь ее врагов. Третьего пути для оппозиции не было.

Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Лашевич и другие оппозиционеры заверяли XIV съезд, что они подчинятся его решениям и не будут нарушать партийную дисциплину. На деле же они все дальше отходили от ленинизма, от партии и все теснее смыкались с троцкистами. После съезда Зиновьев вместе с Троцким создали невыносимую обстановку в Политбюро ЦК.

Троцкий, Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Сафаров и их приспешники непрерывно направляли в ЦК различного рода письма и заявления, имевшие оппозиционный и клеветнический характер, отказывались от выполнения партийных решений, а все свое служебное время использовали на интриганскую, фракционную борьбу.

Дезорганизуя работу партии, зиновьевцы и троцкисты приступили к созданию подпольных антипартийных групп. Такие группы стали появляться не только в Москве и Ленинграде, но и в Нижнем Новгороде, Саратове, Одессе, в Сибири, на Северном Кавказе, в Баку, на юге России. Лидеры оппозиции посылали на места своих эмиссаров, которые устанавливали связь с местными оппозиционерами, проводили инструктаж о формах и методах фракционной работы.

Так, бывший секретарь Краснопресненского РК ВКП(б) Москвы Г. Беленький, используя служебную командировку Коминтерна, выехал в Одессу, где вместе с Гуревичем организовал антипартийную группу. Беленький рекомендовал больше заниматься индивидуальной работой, особенно среди той ка-

тегории рабочих, которые проявляют недовольство материальным положением, в беседах заостряют внимание на теневых сторонах жизни, особенно обращать внимание на заработную плату, говорить о том, что троцкистско-зиновьевское меньшинство ЦК выдвигает вопрос об ее увеличении, но остальное большинство этому сопротивляется. Он предлагал готовить недовольных так, чтобы они на партийных собраниях, на собраниях актива больше задавали провокационных вопросов. Именно Беленький дал директиву распространять слух об установлении тесной связи между Зиновьевым, Каменевым и Троцким. Он предложил приглашать к себе рабочих — коммунистов и беспартийных и читать им ненапечатанные речи и статьи оппозиционных лидеров.

Уже в первые месяцы после XIV съезда неразоружившиеся лидеры «новой оппозиции», повторяя путь Троцкого, занялись дезорганизаторской работой в Политбюро, пытались парализовать деятельность руководящего штаба партии. Они навязывали ему всё новые и новые дискуссии, устраивали обструкции, заставляли по несколько раз переносить одни и те же вопросы с одного заседания на другое. Как говорил впоследствии В. В. Куйбышев, «Политбюро ЦК, благодаря фракционной непримиримости оппозиции, начинало терять темп в управлении государством... Оппозиция своими выступлениями срывала этот темп работы и мешала руководить государственным аппаратом и партией»¹.

Зиновьев, остававшийся председателем Исполкома Коминтерна, проводил раскольническую работу в братских коммунистических партиях, стремясь создать в них фракции своих единомышленников.

Зашевелились и остатки других антиленинских группировок, разгромленных партией. Шляпников — лидер «рабочей оппозиции» — установил прямой контакт с лидерами «новой оппозиции», заявив, что согласен у них работать «в качестве батрака»². Начались переговоры с троцкистами, преследовавшие цель создания блока всех антипартийных группировок под предлогом борьбы с «кулацкой опасностью», в игнорировании которой оппозиционеры обвиняли Центральный Комитет.

На апрельском (1926 г.) пленуме ЦК Каменев и Зиновьев выступили против резолюций, внесенных Политбюро по вопро-

¹ Цит. по: В. А. Абрамов. Разгром троцкистско-зиновьевского антипартийного блока. «Вопросы истории КПСС», 1959, № 6, стр. 29.

² См.: XXIV Ленинградская губернская конференция ВКП(б). Стеногр. отчет. Л., 1927, стр. 120.

сам хозяйственного строительства. Их точку зрения поддержал Троцкий. В свою очередь лидеры «новой оппозиции» согласились с поправками к резолюции, предложенными Троцким. Это ускорило объединение троцкистов со сторонниками Каменева и Зиновьева. Последний предпочел забыть, что всего лишь год назад он сам в брошюре «О необходимости трех „перестраховок“» громогласно утверждал: всякий, желающий «строить партию в союзе с Троцким», отступает от основ ленинизма.

Некоторые участники «новой оппозиции» (Наумов, А. Файвилович, Саркис), понимая, что партийным массам будет трудно объяснить столь резкие перемены во взглядах оппозиционных лидеров, возражали против блока с троцкистами¹. Но эти возражения не были приняты во внимание. Объединение зиновьевцев с троцкистами, остатками «рабочей оппозиции» и другими антиленинскими элементами шло полным ходом. На этот путь «новую оппозицию» толкало не только беспринципное стремление любой ценой добиться расширения числа своих сторонников и тем самым хоть в какой-то степени оправиться от страшного поражения, нанесенного оппортунистам на XIV съезде и после него. Главное заключалось в том, что в борьбе против партии Каменев и Зиновьев целиком перешли на позиции троцкизма. Это лишний раз подтверждало правильность вывода XIV съезда о единой сущности и общности происхождения взглядов как «новой», так и «старой», троцкистской, оппозиции.

Остатки всех антиленинских группировок, которые вбирала в себя объединявшаяся оппозиция, вслед за зиновьевцами также переходили на позиции троцкизма. В Грузии бывшие ленинградские работники установили контакт с местными национал-уклонистами, сколотив вместе с ними единую подпольную троцкистскую организацию. В Днепропетровске зиновьевцы также блокировались с местными троцкистами и сторонниками «рабочей оппозиции»². В Москве документы «новой оппозиции» распространяли члены разгромленных партий еще в 1923 году группировок «Рабочая правда» и «Рабочая группа»³. К оппозиции примкнули и некоторые явно меньшевистские и антисоветски настроенные элементы.

¹ См.: XXIV Ленинградская губернская конференция ВКП(б). Стеногр. отчет, стр. 120.

² См. там же, стр. 120—121.

³ См.: «Вопросы истории КПСС», 1959, № 6, стр. 32.

Тенденция к блокированию со всеми антиленинскими элементами характеризовала дезорганизаторскую деятельность оппозиции и в международном коммунистическом движении. Обвиняя ЦК ВКП(б) в «правом уклоне», оппозиция создавала и брала под свою защиту раскольнические «ультралевые» группировки в зарубежных компартиях. При этом в качестве аргумента выдвигался тезис, будто бы решительная борьба против таких группировок противоречит ленинским указаниям о правом оппортунизме как главном враге международного коммунистического движения. В то же время оппозиция поддерживала и явно оппортунистические правые группировки (вроде группы Суварина в КП Франции), лишняя раз показывая свою беспринципность и готовность объединиться с любыми отступниками от марксизма-ленинизма. В антипартийных целях оппозиционеры пытались использовать аппарат ИККИ, усиленно добиваясь привлечения отдельных его работников к выполнению фракционных заданий.

Одним из вопиющих нарушений Устава ВКП(б) было фракционное собрание, проведенное оппозиционерами в лесу под Москвой в июне 1926 года. Организаторы этого собрания действовали по всем правилам конспирации. Они позаботились о пароле, патрулях, различных маскировочных средствах. И все это для того, чтобы партия, в которой они продолжали состоять, не узнала об их подлинных намерениях!

Однако ЦКК разоблачила антипартийные действия фракционеров. Организаторы собрания во главе с бывшим секретарем Краснопресненского РК ВКП(б) Г. Беленьким были привлечены к строгой партийной ответственности. В процессе разбирательства выяснились факты, свидетельствовавшие о причастности к этому делу Зиновьева и кандидата в члены ЦК Лашевича, выступавшего с докладом на собрании.

Вопрос о раскольнической деятельности оппозиции в ВКП(б) и антипартийном поведении Зиновьева и Лашевича обсуждался на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в июле 1926 года. На пленум оппозиция внесла заявление, подписанное Троцким, Зиновьевым, Каменевым, Сокольниковым и девятью другими видными оппозиционерами («платформа 13-ти»).

Это была уже платформа объединенного троцкистско-зиновьевского антипартийного блока, созданного под руководством Троцкого. Именно он от имени всех оппозиционеров зачитал текст общей декларации на пленуме ЦК. В ней содержались, как всегда прикрытые звонкими фразами, уже не раз

осуждавшиеся партией троцкистско-меньшевистские утверждения по коренным вопросам международного коммунистического движения и социалистического строительства в СССР. Так, оппозиция клеветнически заявляла, будто ЦК ВКП(б) отказался от курса на развитие мировой пролетарской революции. Она обвиняла партию в «национальной ограниченности», требовала замены единственно реальной ленинской политики — осуществления максимума возможного в одной стране для развертывания революции в других странах — авантюристической политикой экспорта революции. Троцкистский «теоретик» Преображенский прямо утверждал, что социализм «может распространяться, лишь экспортируя пролетарские революции»¹.

Отрицая наличие послевоенной стабилизации капитализма, авторы платформы выступили против тактики единого фронта, проводившейся компартиями, против участия коммунистов в работе реформистских профсоюзов, настаивали на различных авантюристических действиях, направленных на искусственное «подстегивание» мировой революции. В «платформе 13-ти» охаивалось участие профсоюзов СССР в Англо-Русском комитете — органе сотрудничества с английскими профсоюзами, созданном по инициативе ВЦСПС. Обрушившись на точку зрения ВКП(б) по вопросам китайской революции, ратуя за разрыв китайских коммунистов с гоминданом, стоявшим тогда на революционных позициях, оппозиционеры, в частности Зиновьев, вместе с тем приветствовали военно-фашистский переворот Пилсудского в Польше, объявив его «революцией рабочих и крестьян» и требуя, чтобы польская компартия поддержала его. Свой отход от марксистско-ленинских позиций по всем этим вопросам оппозиционеры маскировали шумными обвинениями сторонников тактики единого фронта в «меньшевизме». А Зиновьев на пленуме даже заявил, что Коминтерн является столь же оппортунистическим, как и II Интернационал².

В вопросах внутренней политики оппозиция снова сосредоточила свой огонь на ленинском учении о возможности победы социализма в СССР, объявив это учение чуть ли не подобием пресловутой доктрины Монро («Америка для американцев»). То, что предлагалось в «платформе 13-ти», шло вразрез с политикой социалистической индустриализации и

¹ Б. И. Макаров. Критика троцкизма по вопросам строительства социализма в СССР, стр. 39.

² См.: «Вопросы истории КПСС», 1959, № 6, стр. 34.

укрепления союза рабочих и крестьян. Демагогически требуя ускорения темпов роста промышленности («сверхиндустриализация»), авторы заявления вместе с тем возражали против преимущественного развития тяжелой индустрии, утверждали, что индустриализация ведет не к ослаблению, а к усилению зависимости СССР от мирового капитализма, предлагали встать на путь эксплуатации крестьянства «для нужд» социалистического накопления, повысив цены на промышленные изделия и увеличив налоги на крестьян, т. е. выступали за такую политику, которая могла лишь подорвать дело социализма и привести к гибели Советской власти.

Оппозиция боролась против ленинского кооперативного плана, особенно против идеи производственного объединения крестьянства, за фермерский, т. е. капиталистический, путь развития сельского хозяйства, выражала несогласие с политикой оживления Советов в деревне. Она заявляла, будто развитие политической активности крестьянских масс способствует усилению влияния капиталистических элементов. Оппозиционеры снова повторяли утверждения о якобы несоциалистическом характере Октябрьской революции и Советского государства, ставили под сомнение даже факт существования диктатуры пролетариата в нашей стране, говорили о полной преемственности социалистической и капиталистической экономики.

Особенно яростным атакам раскольники подвергали ленинские принципы внутрипартийной жизни. Авторы платформы требовали ослабления партийной дисциплины, допущения свободы фракций и группировок, клеветали на партийный аппарат, утверждая, будто он обюрократился, переродился, только на том основании, что партия решительно выступала против их раскольнической оппортунистической линии.

Июльский пленум ЦК и ЦКК отверг все домогательства оппозиции и одобрил деятельность Политбюро и делегации ВКП(б) в ИККИ. За фракционную деятельность Лашевич был исключен из кандидатов в члены ЦК, а Зиновьев выведен из состава Политбюро. Пленум призвал все партийные организации решительно пресекать действия фракционеров, строго руководствоваться резолюцией «О единстве партии», принятой еще при жизни В. И. Ленина, на X съезде РКП(б) в 1921 году.

Создание объединенного троцкистско-зиновьевского блока, его выступление против партии с ликованием было встречено

только всеми врагами Советской власти. Реакционная пресса за рубежом немедленно подхватила клеветнические утверждения оппозиции, используя их в целях антисоветской пропаганды. Особенно неистовствовала контрреволюционная русская эмиграция. «Не будем скрывать нашей радости», — писал 29 июля 1926 года белоэмигрантский «Руль». «Компартия развалилась, распалась на несколько враждующих между собой осколков...» — захлебывалось от восторга «Новое время». «Задача всей русской демократии состоит в том, чтобы как можно скорее нанести им решительный удар», — призывали эсеровские «Дни»,

Правда, вначале эмигрантские круги, введенные в заблуждение «революционной» фразеологией оппозиции, отнеслись к ней несколько настороженно. Однако очень скоро в адрес антипартийного блока посыпались безудержные комплименты откровенных врагов партии.

«Самый страшный враг для Советской власти теперь есть тот, который подползает к ней незаметно, охватывает ее своими щупальцами со всех сторон и ликвидирует ее раньше, чем она замечает, что она ликвидирована. Именно эту роль играет советская оппозиция... У новой оппозиции весьма реальная программа, но эта программа в сущности равносильна ликвидации коммунистической партии», — писали милюковские «Последние новости». «Оппозиция вырачивает... в рабочих массах... ростки таких идей и настроений, которые при умелом уходе легко могут дать социал-демократические плоды», — вторил им меньшевистский «Социалистический вестник».

Выступление объединенной оппозиции, разумеется, ободрило антисоветские элементы и внутри страны. Как отмечали впоследствии некоторые партийные комитеты, кулаки и нэпманская буржуазия в своей агитации на местах против Советской власти широко использовали аргументацию троцкистов и вслед за ними пытались изобразить политику партии как сплошную цепь экономических уступок капитализму.

Но радость и ликование внешней и внутренней контрреволюции были преждевременными. Объединившись на совместной платформе, лидеры оппозиции лишь облегчили свое облачение в глазах партии и народа.

Ни минуты не сомневаясь в успехе, партия развернула широкую разъяснительную работу, поднимая коммунистов на борьбу против объединенного антипартийного троцкистско-зиновьевского оппозиционного блока. Все члены партийных ор-

ганизаций получили исчерпывающую информацию о существовании внутривнутрипартийной борьбы. Их знакомили с речами участников июльского пленума ЦК и ЦКК (а партийный актив — и со стенографическим отчетом пленума), с важнейшими документами, оглашенными на нем, в том числе с так называемым «завещанием» В. И. Ленина — его письмом съезду партии по организационным вопросам.

В своих антипартийных целях оппозиция пыталась использовать содержащуюся в этом письме¹ критику некоторых особенностей характера И. В. Сталина, стремясь таким образом не только подорвать личный авторитет этого последовательного и непримиримого борца против оппозиции, но и дискредитировать Центральный Комитет, Генеральным секретарем которого он являлся. Не замалчивая ошибок Сталина, партия решительно отметала инсинуации оппозиционеров против него.

На партийных собраниях выступали и оппозиционеры, тщательно пытавшиеся защищать платформу объединенной оппозиции. Они повсеместно встречали решительный отпор коммунистов, в своем огромном большинстве безоговорочно одобрявших решения пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). При этом многие коммунисты требовали применить самые решительные меры для пресечения действий раскольников и даже упрекали ЦК в чрезмерной мягкости по отношению к ним.

В многочисленных записках, поданных в президиумы собраний, коммунисты писали: «До каких пор будем возиться с оппозицией?»; «Почему так церемонятся с Троцким и Зиновьевым?»; «Тов. Ленин говорил насчет тов. Зиновьева, чтобы исключить его из партии, а он сидит у нас в партии»; «На высоких постах оппозиционеры могут натворить много пакостей. Нельзя ли послать на посты поменьше?» — и т. д. Некоторые даже предлагали «бороться с оппозицией так, как мы боролись с теми, кто хотел свергнуть Советскую власть, арестовать их, как меньшевиков и других контрреволюционеров»².

Накануне и после июльского пленума ЦК и ЦКК в Ленинграде и других городах страны был выявлен ряд организационно оформленных подпольных оппозиционных групп, действовавших, например, на фабриках имени Ногина и «Красный маяк», на заводах «Севкабель», Центральном опытном,

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 343—346.

² ЛПА, ф. 16, оп. 7, ед. хр. 7107, лл. 5, 6.

имени Халтурина и некоторых других. Свои собрания эти группы устраивали конспиративно, даже на квартирах беспартийных рабочих — для большей маскировки. Занимались они распространением оппозиционной литературы, отпечатанной в конспиративных целях на тонкой папиросной бумаге. Оппозиционеры распределяли своих людей по предприятиям, выделяли специальных пропагандистов для нелегальных кружков, собирали членские взносы у своих сторонников, устанавливали подпольные явки, шифры, клички, пароли, организовывали пункты получения оппозиционной литературы. Они вели дезорганизаторскую работу среди беспартийных, распускали всевозможные провокационные слухи, пытались подбить наименее сознательных рабочих на забастовки и другие выступления против администрации, партийных и профсоюзных организаций. В среде оппозиционеров существовала круговая порука. Когда их ловили с поличным, они выгораживали друг друга, отказывались давать показания в контрольных комиссиях, всячески изворачивались, чтобы направить партийное следствие по ложному следу. Руководили оппозиционными группами нелегальные комитеты или бюро, действовавшие в масштабах целых областей или отдельных районов. Фактически это был зародыш аппарата новой политической партии, которую оппозиция намеревалась противопоставить ВКП(б) и направить на свержение Советской власти.

Раскольническая, фракционная работа велась и в воинских частях, где оппозиционерам удалось создать «Военное бюро», вскоре, однако, разоблаченное. Это свидетельствовало о явном намерении оппозиции привлечь на свою сторону и определенную часть армии.

Лидеры блока и другие фракционеры усиленно стремились вербовать новых сторонников. По всему чувствовалось, что оппозиция готовится к решительному выступлению против партии, которое, как выяснилось впоследствии, она действительно назначила на октябрь 1926 года.

Вопрос об открытом выступлении детально обсуждался в руководящих оппозиционных кругах. Раздавались голоса, что надо подождать, «поработать» еще два-три года. Но более решительно настроенные настояли на своем. Троцкий вначале призывал своих сторонников по заговорщическому блоку: «Открыто не выступать, накапливать силы, готовить актив, готовиться к октябрю». Затем он стал ободрять единомышленников, утверждая, что оппозиция буквально в несколько дней «снимет московскую верхушку», «пойдет на Путилов-

ский завод, на Красную Пресню» и т. д. В Политбюро лидеры оппозиции откровенно угрожали: «Мы вам покажем, мы пойдем на рабочие собрания, и пусть рабочие скажут, кто прав»¹.

К концу сентября активность оппозиции резко возросла. 30 сентября Троцкий открыто выступил с проповедью оппозиционной платформы на собрании партячейки службы тяги Рязано-Уральской железной дороги в Москве. Под влиянием сторонников блока, преобладавших в партийном бюро, в этой ячейке удалось протащить резолюцию, защищавшую оппозицию.

Однако это было исключением. Уже другое открытое выступление, которое предприняли оппозиционеры на собрании партячейки московского завода «Авиаприбор», закончилось сокрушительным провалом. За ним последовали поражения и во всех других партячейках Москвы, куда оппозиционеры направлялись с целью развязать в партии новую дискуссию. Из 53 208 московских коммунистов, участвовавших в партийных собраниях с 1 по 8 октября, оппозицию поддержал лишь 171 и воздержались от голосования 87 человек; 99,5% коммунистов вопреки усилиям оппозиционеров одобрили политику партии, ее Центрального Комитета.

2 октября бюро Московского губкома ВКП(б) обратилось к ЦК ВКП(б) с просьбой призвать к порядку членов ЦК, нарушивших волю партии и развязавших дискуссию. Эту просьбу единодушно поддержали московские большевики и другие партийные организации страны. 4 октября Политбюро ЦК постановило просить ЦКК расследовать факты о фракционном выступлении оппозиции в Москве и поставить вопрос о них на ближайшем объединенном пленуме ЦК и ЦКК².

Стараясь избежать окончательного разоблачения, оппозиционеры 4 октября направили в Политбюро заявление о готовности подчиниться любому решению ЦК и прекратить дискуссию. Но не прошло и трех дней, как выяснилось, что и на этот раз оппозиция обманула партию. Попытавшись словесными заверениями усыпить бдительность ЦК, оппозиционеры вовсю развернули подготовку целой фракционной экспедиции в Ленинград, где они рассчитывали, опираясь на помощь своих местных сторонников, добиться одобрения оппозиционной платформы массами ленинградских коммунистов. 7 октября в Ленинград под различными предложениями, а то и

¹ Пятнадцатая конференция ВКП(б). Стеногр. отчет, стр. 424.

² См.: «Правда», 9 октября 1926 г.

без всяких предлогов, приехали Зиновьев, Евдокимов, Куклин, Бакаев, Зорин и другие видные оппозиционеры.

Не поставив в известность партийные организации, они направились на собрания коммунистов. Однако здесь их ждал прием, на который они не рассчитывали. Коммунисты, и без того возмущенные вылазкой оппозиции в Москве, с негодованием встретили непрошенных гостей. На многих предприятиях собравшиеся вообще отказались слушать «гастролеров». Но и там, где последним предоставляли возможность высказаться, их речи получали резкую и единодушную отповедь.

«Оппозиционеров не могу назвать товарищами, — заявил, например, рядовой рабочий с одного из заводов Выборгской стороны. — Они поступают как господа, как штрейкбрехеры. Их лозунги меньшевистские. Надо им сказать — прочь грязные руки от партии!»¹

В целом по Ленинграду за резолюции, осуждавшие оппозицию, проголосовали 64 482 коммуниста, против — 366 (0,5%) и воздержались — 162². Это был большой успех партии, положивший конец всем надеждам оппозиции на победу.

Вся партия настаивала на принятии самых решительных мер для пресечения новых оппозиционных вылазок и на строгом наказании раскольников. «Пора положить предел наглой клевете на ленинский ЦК и срыву деловой работы партии»³, — указывалось в резолюции общего собрания коммунистов г. Кингисеппа. «Мы требуем позорного изгнания из рядов ВКП(б) всех, кто своими действиями льет воду на мельницу контрреволюции»⁴, — заявляли рабочие-коммунисты фабрики «Красная нить». Все партколлективы были единодушны в требовании исключить лидеров оппозиции из ЦК, а при продолжении фракционной борьбы — и из рядов ВКП(б). «Снять раскольников с ответственных постов и направить их на производство, как оторвавшихся от рабочей массы»⁵ — такие и подобные им предложения принимались на многих партийных собраниях в Ленинграде и других городах.

8 октября 1926 года Политбюро ЦК вновь рассмотрело вопрос о продолжающихся антипартийных выступлениях оппозиции. Оно с удовлетворением отметило «исключительно

¹ «Ленинградская правда», 9 октября 1926 г.

² Отчет Ленинградского губернского комитета ВКП(б) за год работы. Л., 1926, стр. 5.

³ «Ленинградская правда», 8 октября 1926 г.

⁴ «Ленинградская правда», 10 октября 1926 г.

⁵ «Ленинградская правда», 9 октября 1926 г.

дружный отпор» дезорганизаторской работе фракционеров со стороны ленинградских рабочих-большевиков и подтвердило свое решение поставить вопрос о неслыханном нарушении оппозицией элементарных основ партийной жизни на ближайшем пленуме ЦК и ЦКК¹.

Оппозиция, не получив поддержки в массах, заявила о готовности пойти на некоторые уступки, в частности — отмежеваться от Оссовского, который открыто отстаивал по существу троцкистскую идею создания в СССР второй политической партии, противостоящей ВКП(б). В то же время оппозиционеры по-прежнему настаивали на сохранении своей особой фракции и блока с явно враждебными партии и Коминтерну группами (Медведева — Шляпникова в ВКП(б), Рут Фишер—Маслова в КПГ и т. д.). Центральный Комитет 11 октября предъявил оппозиции минимальные условия, выполнение которых могло бы оградить партию от продолжения фракционной борьбы, отвлекавшей силы от насущных задач строительства социализма.

ЦК потребовал, чтобы оппозиция открыто заявила о безусловном подчинении решениям XIV съезда, ЦК и ЦКК ВКП(б), признала ошибочность и недопустимость своей фракционной работы и выступлений в октябре 1926 года в Москве и Ленинграде, немедленно распустила все оппозиционные организации, отмежевалась от Оссовского, Медведева—Шляпникова (требовавших ликвидации Коминтерна и Профинтерна), Рут Фишер—Маслова и других ренегатов, клеветавших на СССР, ВКП(б) и Коминтерн, а также признала недопустимость поддержки фракционных групп в отдельных секциях Коминтерна (Суварина в КП Франции, Урбанса в КП Германии, Бордиги в КП Италии и т. д.)².

Оппозиция, потерпевшая поражение при первых же попытках вынести свою платформу на обсуждение партийных масс, приняла требования ЦК. В заявлении от 16 октября ее лидеры (Зиновьев, Каменев, Пятаков, Сокольников, Троцкий, Евдокимов) обещали оказать партии содействие в ликвидации фракционной борьбы. Однако в том же документе они подчеркнули, что продолжают полностью придерживаться своих взглядов и будут бороться за них и в дальнейшем³. Такая оговорка фактически сводила на нет заявление оппозиции,

¹ См.: «Правда», 9 октября 1926 г.

² См.: «Правда», 17 октября 1926 г.

³ См. там же.

показывая, что она приняла требования ЦК лишь по тактическим соображениям, в надежде выиграть время для возобновления своей борьбы против партии.

И действительно, как стало известно впоследствии, лидеры оппозиции, ведя переговоры с ЦК, проявили лицемерие: в это же время они устраивали нелегальные собрания, на которых давали указания своим сторонникам «замаскироваться еще больше, уйти вглубь и продолжать более осторожно... фракционную работу», ведя ее поодиночке, а не группами¹.

На объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), открывшемся 23 октября, фракционеры внесли предложение снять с обсуждения вопрос об их антипартийном поведении и не включать в тезисы, подготовленные к XV Всесоюзной партконференции, упоминаний об оппозиции и ее антиленинской платформе. Они хотели, чтобы партия прекратила идейную борьбу с ними, хотя сами заявили 16 октября, что и не думают отказываться от попыток навязать партии чуждые ей взгляды. Троцкисты и зиновьевцы предъявили свои требования в ультимативной форме, угрожая, что в противном случае откажутся от заявления, сделанного ими 16 октября, и перейдут к открытой борьбе против партии.

Разумеется, подобные требования не могли быть приняты. Ни при каких условиях партия не могла перестать охранять в чистоте и неприкосновенности свое идейное знамя, сложить оружие в борьбе против взглядов, противоречивших ленинизму. Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) отверг все домогательства оппозиционеров.

К этому времени центральные комитеты почти всех крупных коммунистических партий (Германии, Франции, Италии, Англии, Польши, Чехословакии, США, Индии, Финляндии и других) высказались о невозможности дальнейшего пребывания Зиновьева на посту председателя Исполкома Коминтерна. Делегация ИККИ прибыла на пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) и сообщила об этом мнении братских партий. Пленум по инициативе его участников — ленинградцев постановил: не дожидаясь открытия XV конференции ВКП(б), сделать соответствующие оргвыводы по отношению к лидерам оппозиции, чтобы обеспечить в дальнейшем спокойную работу партии². Было принято предложение, внесенное от имени ленинград-

¹ См.: «Вопросы истории КПСС», 1959, № 6, стр. 36; «Ленинградская правда», 24 декабря 1926 г.

² См.: «Ленинградская правда», 11 ноября 1926 г.

цев С. М. Кировым: оппозиционеров — членов и кандидатов в члены ЦК — предупредить, Троцкого вывести из Политбюро, а Каменева исключить из кандидатов в члены Политбюро, Зиновьева отозвать с руководящей работы в Коминтерне¹.

На XV конференции ВКП(б), проходившей в Москве с 26 октября по 3 ноября 1926 года, партия подвела итоги идейной и организационной борьбы против объединенной оппозиции, дала развернутую и глубоко обоснованную критику ее платформы. Охарактеризовав оппозицию как социал-демократический уклон в рядах ВКП(б), конференция одобрила деятельность ЦК партии по разоблачению раскольников и призвала всех коммунистов продолжать идейную борьбу против них, добиваться сохранения и еще большего укрепления внутривластного единства.

С таким же единодушием осудил оппозицию и VII расширенный пленум ИККИ, состоявшийся в декабре 1926 года. На этом пленуме лидеры оппозиции предприняли попытку перенести дискуссию в Коминтерн. Но представители братских компартий дали им дружный отпор и всецело поддержали точку зрения ВКП(б), выраженную в решениях XV Всесоюзной партконференции.

Таковы были основные обстоятельства организационной борьбы партии против объединенного блока фракционеров-раскольников. Идейное содержание защиты ленинизма от оппортунистической ревизии составляли жизненно важные теоретические и практические вопросы о характере и перспективах дальнейшего развития нашей революции, о построении социализма в нашей стране.

Оппозиционеры, теперь уже откровенно опираясь на пресловутую теорию «перманентной революции» Троцкого, изо всех сил тщились свернуть партию с генерального пути построения социализма в нашей стране. Они продолжали утверждать, что победа социализма в одной стране невысказана, а потому вместо реальных задач мирного социалистического строительства выдвигали авантюристические требования направить все усилия на «подталкивание» мировой революции путем «экспорта революции» в другие страны. Троцкисты и зиновьевцы не только отвлекали силы партии на бесплодные дискуссии по вопросам теории, но и вели прямую саботажную деятельность, препятствуя принятию необ-

¹ См.: КПСС в резолюциях..., ч. II, стр. 290—291.

ходимых организационно-хозяйственных решений, мешая всемерно осуществлению уже принятых.

Поэтому борьба партии против троцкизма наряду с организационными мерами включала непримиримую идеологическую борьбу в защиту ленинизма, а также велась в процессе практического строительства социализма.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ МЕНЬШЕВИСТСКОЙ ПЛАТФОРМЫ ОППОЗИЦИОННОГО БЛОКА

Ленинский план построения социализма предусматривал создание после взятия пролетариатом государственной власти в стране реальных экономических и политических условий, которые обеспечивают полную победу социалистического строительства: укрепление диктатуры, т. е. господствующего положения рабочего класса, руководящей роли последовательно марксистской революционной партии пролетариата, какой стала в России ленинская партия большевиков, сосредоточение в руках государства ключевых позиций в области промышленного производства, транспорта, внутренней и внешней торговли, социалистическую индустриализацию страны, ее электрификацию, тесный союз рабочего класса и крестьянства при сохранении ведущей руководящей роли пролетариата в этом союзе, переход сельского хозяйства на социалистические рельсы путем его кооперирования и механизации, проведение целого комплекса мероприятий по преодолению культурной отсталости, решение социальных вопросов в интересах трудящегося большинства.

Против этого научного ленинского плана и ополчились оппортунисты. Партия вела с ними борьбу не только в идейно-теоретическом плане. Она доказывала объективную историческую правоту ленинизма конкретными практическими делами, успехами социалистического строительства.

XIV съезд ВКП(б) явился одним из важнейших рубежей в жизни советского народа: завершался один этап его истории — восстановление народного хозяйства — и начинался другой, новый — социалистическая индустриализация страны. Выполняя решения съезда, партия усилила свое руководство всеми участками социалистического строительства. Она мобиливала массы трудящихся на самоотверженную борьбу за преодоление технико-экономической отсталости, за превраще-

ние Советского государства в могущественнейшую индустриальную державу.

Партийные организации сумели мобилизовать трудящиеся массы страны на выполнение хозяйственного плана. В результате уже в 1925/26 хозяйственном году были достигнуты новые, более значительные успехи по сравнению с минувшим годом. Производство промышленной продукции государственных предприятий возросло на 42%. (Контрольными цифрами Госплана СССР предусматривалось увеличение на 22%.) Промышленность продолжала наращивать темпы роста, в первую очередь — производства средств производства (44,6%). Они превышали темпы роста производства предметов широкого потребления (36,8%)¹. Особенно интенсивно развивались угольная и металлургическая промышленность. Добыча угля возросла на 54,4%, марганцевой руды — на 136, выплавка чугуна — на 71,2, стали — на 57%. Производство проката увеличилось на 60,6, цемента — на 80%. Значительно увеличились капитальные вложения в основные фонды народного хозяйства. В 1925/26 хозяйственном году в государственную промышленность было вложено 790,2 млн. червонных рублей против 353,5 млн. 1924/25 года. Капиталовложения в частной промышленности составляли соответственно 54,4 млн. рублей и 40,5 млн. рублей².

Особое внимание партия уделяла быстрейшему осуществлению ленинского плана ГОЭЛРО. На строительство районных электростанций было израсходовано 72,1 млн. червонных рублей против 48,6 млн. рублей в 1924/25 году. Реализация плана электрификации страны создавала прочную энергетическую базу для промышленности. Развивался железнодорожный транспорт. Капитальные затраты на него соответственно составили 407,9 млн. рублей против 291,4 млн. рублей³. Активно развивалась внешняя торговля. Экспорт вырос с 551 млн. до 663 млн. рублей, импорт — с 720 млн. до 759 млн. рублей, причем 60% импорта составляло техническое оборудование для промышленности. Продолжало развиваться сельское хозяйство, валовая продукция которого возросла на 23,8%, а его товарная часть — на 22,8%⁴.

---

¹ См.: Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 год. М., изд-во «Плановое хозяйство», 1928, стр. 465.

² См. там же, стр. 520.

³ См. там же.

⁴ См. там же, стр. 465.

Неуклонный подъем народного хозяйства нашел наиболее яркое выражение в государственном бюджете, который составил 4,9 млрд. червонных рублей против 3,6 млрд. в 1924/25 году.

Осуществление социалистической индустриализации было, без сомнения, сопряжено с серьезными экономическими и политическими трудностями, которые приходилось преодолевать Советскому государству. В условиях технико-экономической отсталости страны, отсутствия экономической помощи извне, мизерности материальных и финансовых средств, нехватки квалифицированных кадров, острого недостатка технического и организаторского опыта в промышленности строительство или реконструкция даже обыкновенной текстильной фабрики превращались в сложнейшую государственную проблему. Что касается создания современной развитой крупной тяжелой индустрии, то это дело не только недругам, но и некоторым друзьям СССР казалось граничащим с фантастикой. Потребовался поистине великий подвиг советского народа, руководимого Коммунистической партией, чтобы грандиозная программа социалистической индустриализации оказалась претворенной в жизнь.

Капиталовложения, основная масса которых была направлена на развитие тяжелой промышленности, не могли, разумеется, сразу привести к ускорению темпов роста производства. Диспропорции в экономике, прежде всего неразвитость сырьевой и топливно-энергетической базы промышленности, отсутствие достаточных финансовых средств вызывали различные неувязки в работе предприятий. Следствием этого были резкие колебания в выпуске продукции, в росте производительности труда и заработной платы, а иногда требовалось даже сокращение избыточной рабочей силы. В 1926 году в полном объеме сказались также и последствия срыва хлебозаготовительного плана 1925 года, из-за чего Советское государство было вынуждено законсервировать многие стройки и сократить производство на ряде фабрик и заводов: они остались без сырья и оборудования, которые приходилось покупать за границей.

Продолжавшийся как неизбежный спутник нападения на рост частнокапиталистических элементов сопровождался повышением их политической активности и обострением классовой борьбы в стране. Буржуазная интеллигенция, напманская буржуазия, кулачество и их агентура усиливали свое сопротивление диктатуре пролетариата, его политике социалисти-

ческого строительства, пытались использовать экономические трудности для того, чтобы оторвать массы рабочих и крестьян от Коммунистической партии, реставрировать капитализм.

Особенно большую угрозу для дела социалистического строительства представляли трудности внешнеполитические. Временная послевоенная стабилизация капитализма не устранила присущих ему противоречий. Продолжалась ожесточенная борьба между империалистическими государствами за передел мира и рынков сбыта, чреватая опасностью возникновения новых войн. Усиливалась эксплуатация трудящихся, вызывавшая ответные классовые бои пролетариата метрополий против своей буржуазии и национально-освободительное движение народов колониальных и зависимых стран против империалистического гнета. В 1926 году весь мир потрясла грандиозная стачка английских рабочих, в которой приняло участие более 5 млн. человек. Первая гражданская революционная война в Китае (1924—1927 гг.) положила начало первым успехам китайской революции.

Верные своему интернациональному долгу, трудящиеся СССР оказывали моральную и материальную поддержку борющимся народам, крепили международную солидарность рабочих всех стран. Это еще больше усиливало ненависть империалистов к молодому Советскому государству. Видя в его укреплении и развитии главную угрозу для капиталистической системы, они готовили и осуществляли всевозможные антисоветские провокации, проводили линию на экономическую изоляцию нашей страны, вынашивали планы развязывания новой войны против СССР. Возраставшая военная угроза заставляла Советское государство укреплять свою обороноспособность, тратить огромные суммы на создание мощных вооруженных сил, сокращая и без того ограниченные средства, предназначенные для развития мирной экономики и повышения материального благосостояния народа.

Антиленинские элементы сознательно закрывали глаза на успехи строительства социализма и всячески стремились использовать трудности, еще более усилившиеся в связи с переходом к социалистической индустриализации, для продолжения и усиления атак на партию, для достижения своих мелкобуржуазных целей. Становясь все более ожесточенными, эти атаки свидетельствовали о начавшемся процессе пере-рождения внутрипартийных оппозиционных группировок в прямую антипартийную и антисоветскую силу, в центр

притяжения всех контрреволюционных элементов внутри страны и за ее пределами.

Исключительно важную роль в разоблачении меньшевистской по своему существу идейно-политической платформы оппозиции и в теоретическом обосновании правильности генеральной линии партии и Коминтерна сыграли выступления на XV конференции ВКП(б) и VII расширенном пленуме ИККИ Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина с докладами, опубликованными в виде брошюр под названиями «О социал-демократическом уклоне в ВКП(б)» и «Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии». В этих выступлениях содержался глубокий анализ платформы оппозиции и делался вывод о том, что по своему происхождению она является перепевом аналогичных утверждений меньшевиков, своего рода рецидивом меньшевизма в рядах ВКП(б).

И. В. Сталин убедительно показал, что меньшевистский характер троцкистской платформы объясняется происхождением и всей историей существования троцкизма, на протяжении многих лет выступавшего как одна из худших разновидностей меньшевизма. Полуменьшевистские ошибки, допущенные Каменевым и Зиновьевым в 1917 году, привели и их к объединению с Троцким на единых не марксистских, а социал-демократических позициях. Так воочию обнаружилась подлинная — правая, оппортунистическая — сущность взглядов деятелей, приписывавших себе роль «левого» крыла партии и бесосновательно обвинявших ее большинство в сползании вправо.

Об остроте борьбы свидетельствовал тот факт, что для выступления в прениях по докладу И. В. Сталина записалось 87 человек, но в силу ограниченности времени смогли выступить только 20. Отстаивая и развивая ленинское учение о построении социализма в СССР, вместе с докладчиком И. В. Сталиным делегаты съезда члены ЦК и ЦКК Я. Э. Рудзутак, Г. К. Орджоникидзе, А. А. Андреев, А. И. Микоян, Е. М. Ярославский и другие показали, что оппозиция, став на путь отрицания возможности полной победы социализма в СССР, тем самым открыто перешла на точку зрения изжившего себя социал-демократизма и полностью сомкнулась с ним в борьбе против ленинизма.

От оппозиции выступили Троцкий, Зиновьев и Каменев. Их выступления были, как всегда, чрезвычайно лицемерными. В то же время они с прежней ожесточенностью нападали

на генеральную линию партии. Суть их выступлений сводилась к тому, чтобы, во-первых, замазать и скрыть от партии всю глубину расхождений между оппозиционным блоком и всей партией, чтобы, во-вторых, показать, что партия неправа, обвиняя блок в социал-демократическом уклоне, чтобы доказать, в-третьих, что партия вообще неправа в своей борьбе с оппозиционным блоком и, в-четвертых, что партия отошла от ленинизма в вопросе о строительстве социализма в нашей стране и что в этом вопросе прав только оппозиционный блок.

Продолжая отрицать возможность построения социализма в одной, отдельно взятой стране (а речь шла не отвлеченно-теоретически, не абстрактно, а конкретно — об СССР), Троцкий в своем выступлении на XV конференции ВКП(б) утверждал, что указанные В. И. Лениным условия для построения социализма (общественная собственность на средства производства, государственная власть в руках рабочего класса, его прочный союз с трудовым крестьянством при руководящей роли пролетариата) якобы недостаточны для победы социализма; по его мнению, необходимо еще наличие и таких условий, как географическое положение, естественные богатства, техника и культура¹. По Троцкому выходило, что двух последних условий в нашей стране нет, и в условиях господства мирового капиталистического хозяйства и мирового капиталистического рынка ликвидировать техническую и культурную отсталость невозможно, а значит, невозможно и построить социализм.

Вопреки утверждениям Троцкого, партия успешно руководствовалась указаниями В. И. Ленина и осуществляла его план социалистического строительства. На этом пути она добилась больших успехов в восстановлении разрушенного хозяйства, которое уже являлось не простым воспроизведением довоенной, дореволюционной экономики, а процессом создания новых, социалистических производительных сил и производственных отношений на базе национализированной промышленности и национализированной земли, новых соотношений классовых сил как в городе, так и в деревне. К моменту работы конференции в стране завершился восстановительный период, и Советский Союз вступил в новую фазу экономического развития, определенную XIV съездом ВКП(б).

В. И. Ленин учил партию, что рабочий класс нашей страны сможет построить социализм только в прочном союзе с

¹ См.: Пятнадцатая конференция ВКП(б). Стеногр. отчет, стр. 528.

трудовым крестьянством. Лучшей формой организации крестьян, по мнению В. И. Ленина, являлась кооперация. В ней он видел основное связующее звено сельского хозяйства с государственной социалистической промышленностью. Именно кооперация обеспечит социалистический путь развития мелких крестьянских хозяйств.

Партия неуклонно проводила в жизнь ленинские указания, направленные на укрепление союза рабочего класса и крестьянства, в том числе и на экономическую основе. На съездах, конференциях и пленумах ЦК неоднократно обсуждались вопросы о поднятии роли сельскохозяйственной кооперации и укреплении ее экономической базы. Партия принимала меры по укреплению хозяйства бедняков и среднего крестьянства. Партия ликвидировала остатки военного коммунизма в деревне и способствовала дальнейшему подъему производительных сил в сельском хозяйстве.

В налоговой политике проводилась строго классовая дифференциация. Основная тяжесть сельскохозяйственного налога приходилась на долю богатой и зажиточной части деревни. Несмотря на то что сельскохозяйственный налог продолжал оставаться существенным элементом в доходной части общегосударственного бюджета, удельный вес его ежегодно сокращался. Если в 1922/23 хозяйственном году сельхозналог составлял 12% всей доходной части госбюджета, то в 1927/28-м — 5,8%. В то же время помощь сельскому хозяйству за этот период увеличилась более чем в два раза¹. Особое внимание было обращено на укрепление общественных хозяйств, а также хозяйств бедняков и маломощных середняков. Проводимые мероприятия обеспечивали дальнейшее укрепление союза рабочего класса с трудовым крестьянством.

Ленинская политика, проводимая партией в отношении крестьянства, подвергалась непрерывным нападкам со стороны оппозиции. Троцкий, Зиновьев и их сторонники по блоку стояли на меньшевистских, социал-демократических позициях в оценке роли крестьянства в социалистическом строительстве. Они продолжали рассматривать крестьянство как консервативный, враждебный пролетариату класс, который борется против социализма, проповедовали неизбежность конфликтов и антагонистических столкновений между рабочим классом и крестьянством, неизбежность раскола между ними.

¹ См.: Статистический справочник за 1928 г. М., 1929, стр. 570—571, 574.

Отрицая роль крестьянства в социалистическом строительстве, троцкисты стремились убедить партию большевиков в том, что рабочий класс СССР вообще не имеет внутри страны надежного союзника и должен искать его на мировой арене.

Прикрываясь «левыми» фразами, оппозиция клеветала на политику ЦК, обвиняя его в кулацком уклоне. В период подготовки и на самой XV конференции Троцкий, Зиновьев и другие умышленно искажали процесс экономической дифференциации в деревне. Они стремились отождествить этот процесс с капиталистическим, для которого характерно вымывание, разорение среднего крестьянства, тогда как в СССР происходило ограничение и вытеснение кулачества и укрепление, расширение удельного веса середняка за счет бывших бедняков и маломощных середняков. В результате проводимой политики деревня осереднячилась, уже после Октября среднее крестьянство стало ее центральной фигурой.

Своим клеветническим обвинением ЦК в кулацком уклоне и фальсификацией истинного положения в деревне лидеры оппозиции стремились толкнуть Центральный Комитет на то, чтобы политика ограничения и вытеснения кулака была распространена и на среднее крестьянство. Тем самым они рассчитывали расколоть союз рабочего класса со средним крестьянством, сорвать социалистическое строительство в деревне и подтвердить, таким образом, старый тезис Троцкого в оценке роли крестьянства в революции и социалистическом строительстве, вытекающий из все той же теории «перманентной революции».

Извращая ленинское учение о путях приобщения крестьян к социалистическому строительству, Троцкий и Зиновьев выступили против ленинского кооперативного плана. В своей речи на конференции Троцкий заявил, что «некоторые товарищи создавали на основании односторонне истолкованной цитаты из статьи Ильича о кооперации совершенно новую теорию, по-моему, теорию глубоко неправильную». Троцкий утверждал, что осуществить коллективизацию возможно будет только тогда, когда «будут ликвидированы противоречия между городом и деревней, а это осуществимо лишь в рамках международной революции».

Отрицая ленинский кооперативный план как составную часть построения социализма, Троцкий фарисейски пытался убедить делегатов конференции, а через них и всю партию, в том, что идея коллективизации деревни возникла только в 1925 году и никакого отношения к В. И. Ленину не имеет, а

потому объединенный блок ведет якобы борьбу с Центральным Комитетом за... «чистоту ленинизма»!

Подобные измышления Троцкого охотно используют в идеологической борьбе против Советского Союза современные фальсификаторы истории КПСС И. Дейчер, А. Шапиро и другие, которые, ставя троцкизм на службу антикоммунизму, тщетно пытаются доказать, что между В. И. Лениным и Троцким не было идеологических разногласий, что Троцкий был верным соратником и последовательным сподвижником В. И. Ленина.

Несмотря на лицемерие, демагогию и даже попытку опереться на искаженные цитаты из работ В. И. Ленина, оппозиция потерпела полное идейное банкротство. XV конференция ВКП(б) единогласно приняла резолюцию «Об оппозиционном блоке в ВКП(б)»¹. Это явилось новым свидетельством того, что партия еще теснее сплотилась вокруг своего ленинского ядра и направила свои усилия на выполнение стоящих перед нею задач. В резолюции «Об оппозиционном блоке в ВКП(б)» конференция не скрыла наличия внешних и внутренних трудностей, вытекавших из переживаемого периода. Однако партия с полным сознанием и пониманием учитывала их в своей практической деятельности и уверенно вела страну по пути к социализму.

Вскрывая идейные корни троцкистско-зиновьевского блока, конференция указала на его отход от классовой линии пролетарской революции, на то, что лидеры оппозиции не отказались от антиленинских взглядов по коренному вопросу о характере и перспективах нашей революции, перешли на позиции меньшевизма, социал-демократизма и с этих позиций будут продолжать вести атаку против генеральной линии партии.

«Поэтому очередная задача партии, — говорится в резолюции, — состоит в том, чтобы вскрывать принципиальную несостоятельность основных взглядов оппозиционного блока, разяснять их несовместимость с основами ленинизма и повести решительную идейную борьбу с принципиальными ошибками оппозиционного блока на предмет их полного преодоления»².

Идейное поражение оппозиционного блока свидетельствовало о политической зрелости широких партийных масс, оно

¹ Пятнадцатая конференция ВКП(б). Стеногр. отчет, стр. 811—822.

² Там же, стр. 812.

являлось выражением растущей внутрипартийной демократии. Оппозиция была побита партийной рабочей массой, а XV конференция закрепила эту победу. Вожди оппозиции стремились втянуть и секции Коминтерна в непрерывную дискуссию давно решенного вопроса. Вопрос об антипартийной деятельности троцкистско-зиновьевского блока был вынесен на обсуждение VII расширенного пленума ИККИ (22 ноября — 16 декабря 1926 г.). Так называемый «русский вопрос» приобрел важнейшее значение в работе этого пленума. Ему была посвящена третья часть времени и 11 заседаний из 28. По докладу И. В. Сталина «Внутрипартийные вопросы ВКП(б)» выступило 45 человек от 16 коммунистических партий. Всего на пленуме присутствовал 191 делегат, в том числе 100 с правом решающего голоса.

В центре внимания докладчика и ораторов являлись проблемы, которые определяли перспективу развития нашей страны и мировой революции: о возможности построения социализма в СССР при сложившейся международной обстановке, о характере капиталистической стабилизации, об интернациональном значении победы полного социалистического общества в нашей стране, о роли среднего крестьянства в социалистическом строительстве, о сущности нэпа, о социалистическом характере госпромышленности, о классовом содержании диктатуры пролетариата, о роли партии в пролетарском государстве и характере партии вообще. Все эти проблемы, как отметили ораторы коммунистических партий Германии, Италии, Франции, Англии, Чехословакии, Польши, Финляндии и других стран, имели интернациональный, а не чисто русский характер, ибо цель и вся деятельность марксистско-ленинских партий каждой страны — привести рабочий класс в союзе с трудовым крестьянством к установлению пролетарской диктатуры и к построению социализма. Поэтому опыт строительства социализма в СССР, как первого и тогда еще единственного социалистического государства, приобретал международное значение.

Отстаивая ленинскую теорию социалистической революции и ее составную часть — учение о построении социализма в одной стране, руководящие деятели указали на полное идейное банкротство троцкизма. На пленуме ИККИ в защиту антиленинских позиций выступили Троцкий, Зиновьев и Каменев, которых поддержали только Ризе (Германия) и Вуйович (Югославия). Остальные сорок ораторов единодушно одобрили политическую линию и практическую деятельность ВКП(б).

Резолюция по «русскому вопросу» была принята единогласно при только одном воздержавшемся.

Пленум подтвердил правильность взятого курса на построение социализма в СССР и указал, что воплощение в жизнь решаемой задачи окажет революционизирующее влияние на международный пролетариат.

Давая оценку троцкистско-зиновьевскому блоку, пленум указал на то, что он по своему идейному содержанию представляет правую опасность внутри ВКП(б), прикрываемую иногда левыми фразами. Одобрив политику построения социализма в СССР, пленум осудил оппозицию за необоснованное обвинение ВКП(б) в национальной ограниченности. «Отрицание возможности построения социализма в Советском Союзе есть социал-демократический уклон. Постоянные нападки Троцкого, Зиновьева и Каменева и их сторонников на политику партии и их клеветническое утверждение о перерождении и даже о «термидоре» оказывают объективно поддержку врагам пролетарской диктатуры и ренегатам коммунизма (Керш, Маслов, Рут Фишер, Суварин, меньшевики и эсеры, международная социал-демократия) в их стараниях сеять в рядах пролетариата неверие в пролетарскую революцию и в возможность построения социализма»¹.

Пленум ИККИ вменил в обязанность секциям Коминтерна вести решительную борьбу против всяких попыток оппозиции в ВКП(б) и ее сторонников в других компартиях нарушать идейное и организационное единство коммунистического движения.

Но и после решений XV конференции ВКП(б) и VII расширенного пленума ИККИ оппозиционный троцкистско-зиновьевский блок не отказался от своей антиленинской позиции и усилил фракционную идейную и организационную борьбу против генеральной линии партии.

Весна — лето 1927 года принесли не только новые успехи, но и новое обострение трудностей социалистического строительства в нашей стране. Осложнилось внешне-политическое положение Советского государства.

В феврале 1927 года английское правительство направило Советскому Союзу ноту, в которой выражало недовольство помощью трудящихся СССР английским шахтерам, сочувствием китайской революции и угрожало разрывом дипломатических и торговых отношений. Английские империалисты

¹ Пути мировой революции, т. II. М. — Л., 1929, стр. 447—448.

спровоцировали также несколько инцидентов, имевших целью разжечь антисоветскую военную истерию. 6 апреля 1927 года китайская военщина, поощряемая английскими агентами, совершила налет на советское посольство в Пекине. Через день русские белогвардейцы напали на советские торгово-банковские учреждения в Тяньцзине. 12 мая 1927 года английские полицейские разгромили в Лондоне помещение советского торгпредства и Аркоса (Англо-русского кооперативного торгового общества), а еще через две недели консервативное правительство Болдуина — Чемберлена разорвало дипломатические и торговые отношения с СССР. 7 июня 1927 года был убит советский посол в Польше П. Л. Войков. В тот же день контрреволюционеры организовали катастрофу на железнодорожной линии между станцией Ждановичи и Минском, а в Ленинграде бросили две бомбы в Деловой клуб на Мойке, ранив около 30 человек. В предыдущие и последующие дни был совершен ряд других провокационных и диверсионных актов (взрывов, поджогов фабрик, заводов, складов и т. д.). Над Советской страной нависла реальная угроза войны.

В этой трудной обстановке, когда советские люди еще теснее сплачивались вокруг партии, жалкая кучка отщепенцев — остатки троцкистско-зиновьевского оппозиционного блока — вновь начала свои атаки на нее.

9 мая 1927 года Зиновьев открыто выступил с защитой оппозиционной платформы перед участниками (в том числе и беспартийными) торжественного собрания в Колонном зале Дома Союзов в Москве, посвященного 15-летию «Правды». Эта попытка возобновить дискуссию в условиях серьезного обострения внешнеполитических трудностей Советского государства, расширить ее рамки, вовлечь в нее беспартийные массы вызвала взрыв возмущения коммунистов, которые ясно увидели, что обязательства, данные оппозицией, ничего не стоят, что фракционеры лишь выгадывали время для нового нападения на партию и ее ЦК.

Во всех районах страны коммунисты осуждали выступление Зиновьева и требовали принять все меры для прекращения фракционной борьбы, вплоть до исключения ее организаторов из ВКП(б). «Мы клеймим позором попытку Зиновьева подорвать доверие широких рабочих масс к руководству партии, к ее ЦК, к партийной печати, — заявляли в своей резолюции участники собрания звеноорганизаторов Московско-Нарвского района Ленинграда. — Наглое нарушение Зиновьевым взятых на себя перед партией обязательств об отказе от

фракционной работы не должно остаться безнаказанным. Долой оппозицию из большевистских рядов!»¹

Однако оппозиционеры, не обращая внимания на протесты партийных организаций, упрямо продолжали втягивать партию в новую дискуссию. На VIII пленуме ИККИ (18—30 мая 1927 г.) с нападками на ВКП(б) снова выступил Троцкий. Его вылазка вызвала еще большее возмущение партийных масс. Краснопутиловцы писали в своей резолюции: «Мы с величайшим возмущением клеймим позором невиданное в истории нашей партии, беспрецедентно наглое антипартийное выступление оппозиции, несомненно приветствуемое нашими злейшими врагами». Коммунисты завода «Большевик» заявили: «Перед лицом грозных событий ЦК партии должен обеспечить единство партийных рядов, пресекая всеми средствами дезорганизаторскую работу оппозиции». Рабочие Балтийского завода требовали от ЦК «недопущения дискуссий» и «удаления лидеров оппозиции Троцкого и Зиновьева из состава ЦК»². Аналогичные требования выдвигали партийные организации других районов страны (Москвы, Баку, Харькова, Донбасса, Нижнего Новгорода и т. д.).

И все-таки оппозиция упорно не желала считаться с предупреждениями партии. В самый момент разрыва Англией дипломатических и торговых отношений с СССР 83 наиболее известных оппозиционера внесли в Центральный Комитет декларацию, в которой настаивали на своих антиленинских, пораженческих взглядах и в ультимативной форме требовали немедленно открыть общепартийную дискуссию, угрожая расколом в ВКП(б) и Коминтерне. В сопроводительном письме к «платформе 83-х», подписанном Троцким, Зиновьевым, Евдокимовым и Смилгой, а также в выступлении и письме Троцкого в ЦКК (июнь и июль 1927 г.) содержались уже явно предательские заявления о том, что и в случае военного нападения на СССР оппозиция будет бороться за смену руководства партии и Советского правительства. Таким образом, создавалось нечто вроде единого фронта между английскими консерваторами, угрожавшими СССР новой войной, и оппозицией, пытавшейся использовать эту угрозу для усиления своей борьбы против партии и тем самым подрывавшей обороноспособность Советского государства.

Исключительное упорство, с которым оппозиция, несмот-

¹ «Ленинградская правда», 14 мая 1927 г.

² См.: «Ленинградская правда», 9 июня 1927 г.

ря ни на что, прибегала ко все более яростным атакам на партию и ее ЦК, объясняется прежде всего тем, что она порывала последние связи с партийностью, завершая свое перерождение из внутрипартийного во внепартийное течение, в открыто враждебную партии антисоветскую силу. Вслед за правыми социал-демократами из II Интернационала троцкисты и зиновьевцы возводили на большевистскую партию и Советское государство чудовищную клевету, какую не всегда решались произносить даже прямые защитники буржуазного строя.

Оппозиция обвиняла партию в сползании «вправо», в переходе на позиции «национального социализма». Она ложно приписывала партии стремление отказаться от поддержки мировой пролетарской революции и установить союз с правыми социал-демократическими вождями, правыми элементами национально-освободительных движений, а внутри страны — сделать ставку на «крепкого хозяина», т. е. кулака.

Лидеры троцкистского блока выступали против тактики единого фронта в европейском рабочем движении, называли сторонников этой тактики, в том числе таких твердых ленинцев, как Тельман, Кашен, Куусинен, «левыми социал-демократами». Троцкисты отрицали необходимость прочного союза с национально-освободительным движением, отвергали ленинскую идею о возможности некапиталистического пути развития колониальных и зависимых стран. В области внутренней политики они настаивали на отмене всех решений партии, принятых после XIV съезда ВКП(б), утверждали, что эти решения якобы ухудшили положение рабочего класса.

Вопреки очевидным фактам, оппозиционеры кричали, будто буржуазные элементы овладевают экономикой нашей страны, государственным аппаратом, будто партия забыла о рабочих и крестьянской бедноте, будто она проводит политику, направленную на снижение заработной платы, рост безработицы, ухудшение условий труда, повышение его интенсивности, отстранение сознательных рабочих от управления государством и замену их людьми, которые служат не социализму, а «выслуживаются» перед начальством.

Особенно злобным нападкам троцкисты подвергали ленинские принципы внутрипартийной жизни, утверждая, что в партии отсутствует демократия, что ее верхушка переродилась, что активность коммунистов подавлена.

В своих официальных документах, предназначавшихся для массового распространения, оппозиционеры открыто

обвиняли ЦК в том, что он якобы разрушает, «душит» партию, подрывает основы диктатуры пролетариата, предает интересы мировой пролетарской революции. Борьбу партии против объединенного блока они характеризовали как окончательный отход от завоеваний Великого Октября, как подчинение интересов пролетариата интересам других классов. Лидер оппозиции Троцкий прямо говорил о «политическом свертывании» пролетариата, о начавшихся «политических сумерках» революции. А ренегаты из троцкистских раскольнических «ультралевых» группочек, исключенные из братских компартий, открыто призывали своих сторонников относиться к Советской стране, как «к любому капиталистическому государству». Это был уже прямой призыв к борьбе против Советской власти.

«Теоретическим» обоснованием оппозиционной платформы являлся все тот же меньшевистский тезис о невозможности построения социализма в СССР, который составлял суть троцкистской теории «перманентной революции». Троцкисты по-прежнему преувеличивали экономическую отсталость страны, утверждали, что только своими силами ей не преодолеть этой отсталости в короткие исторические сроки, и потому предлагали держать курс не на усиление экономической независимости СССР путем индустриализации, а на подчинение его хозяйства зарубежной, т. е. капиталистической, экономике. Они утверждали, что только таким путем можно будет сохранить достаточно высокий темп экономического развития страны. Сторонникам же ленинской идеи индустриализации они приписывали стремление к «самоизоляции», к созданию замкнутого, изолированного от остального мира хозяйства. И это в то время, когда партия предпринимала энергичные меры для расширения внешнеэкономических связей Советского государства!

Троцкистам казалось невозможным преодолеть мелкобуржуазный характер экономики страны. Они недооценивали ведущую роль в ней социалистических элементов, не видели двойственной природы крестьянства, отрицали тот бесспорный факт, что крестьянство, руководимое пролетариатом, становится надежным участником строительства социализма. Паническое и безосновательное преувеличение опасности мелкобуржуазной стихии вело к тому, что даже хороший урожай оппозиция рассматривала как угрозу для дела социализма. На июльском пленуме ЦК и ЦКК в 1926 году Троцкий прямо говорил, что два хороших урожая поставили пролетар-

ское государство в положение худшее, чем в эпоху кронштадтского мятежа. Троцкий утверждал, что в противодействии мелкобуржуазной стихии, в боязни ее заключен весь смысл существования диктатуры пролетариата в нашей стране. Если бы пролетариат составлял большую долю населения, уверял Троцкий, то только тогда можно было бы провести «свободные выборы» и диктатура пролетариата оказалась бы ненужной. Это было почти дословное повторение утверждений, которые Троцкий пытался противопоставить ленинской программе РСДРП еще на II съезде партии, когда он говорил, что подлинная диктатура пролетариата возможна лишь после превращения пролетариата в большинство населения, а пролетарской партии — в большинство класса.

Государство, рожденное Великим Октябрем, Троцкий упорно отказывался признать подлинно пролетарским. По сути дела, он считал его мелкобуржуазным, но руководимым только в силу стечения ряда случайных обстоятельств не буржуазией, а пролетариатом. Троцкий считал, что сохранить руководящую роль в этом государстве пролетариат сможет лишь с помощью метода административного нажима и принуждения. Именно в максимально возможном использовании этого метода он в конечном счете и видел суть политики диктатуры пролетариата.

Троцкий упорно не хотел признать марксистско-ленинского положения о том, что главная функция диктатуры пролетариата — не подавление, не насилие, а созидательная работа по построению нового общества. Тем самым он фактически повторял клевету меньшевиков и правых социал-демократов, отождествлявших диктатуру пролетариата с властью, опирающейся на насилие меньшинства населения над его большинством. Ленинское понимание диктатуры пролетариата как самой широкой демократии для большинства народа по-прежнему было органически чуждо троцкизму, отрицавшему ленинский вывод о сближении демократических и социалистических задач пролетариата в эпоху империализма, о роли пролетариата, как наиболее последовательного и несгибаемого борца за демократические свободы.

Цель существования пролетарской власти в нашей стране троцкисты видели не в строительстве социализма, а в искусственном подстегивании мировой пролетарской революции. Проповедуя теорию стагнации мирового капитализма, Троцкий уверял, что достаточно одного толчка, чтобы мировая пролетарская революция охватила западноевропейские страны. Он

утверждал, что капитализм не способен к дальнейшему развитию производительных сил, что он не в состоянии сохранить для народов хотя бы тот жизненный уровень, которого они достигли в прошлом, а потому свержение его является довольно-таки простым делом, не требующим длительной подготовки трудящихся масс к революции. «Если бы оказалось, — писал Троцкий, — что капитализм... способен делать народы богаче, их труд производительнее, это означало бы, что мы (Коммунистическая партия Советского Союза. — Авт.) слишком рано пропели ему отходную или, другими словами, слишком рано взяли в руки власть, чтобы строить социализм»¹.

Подобная установка ничего общего с революционным марксизмом не имела. Она была авантюристической, так как ориентировала партию на отказ от реального учета конкретных условий борьбы пролетариата в каждой отдельно взятой стране. Вместе с тем это была типичная оппортунистическая установка, так как принятие ее, с одной стороны, вело к отрицанию необходимости работы по революционной мобилизации масс, толкало партию на путь пассивного выжидания того момента, когда капитализм рухнет сам собой, а с другой стороны, порождало пессимистические, граничащие с явным капитулянством настроения у тех коммунистов, которые на практике видели, что капитализм представляет собой еще довольно внушительную реальную силу.

Утверждая, что капитализм только и делает, что сам катится по наклонной, Троцкий оправдывал революционное бездействие своих сторонников, которые громче всех кричали о революции, но реальные усилия направляли на борьбу не против капитализма, а против СССР и зарубежных компартий. Как тут не вспомнить о современных китайских лжемарксистах, которые криками о том, что империализм — это бумажный тигр, прикрывают свое нежелание вести реальную борьбу против него, прикрывают свою раскольническую подрывную деятельность в международном коммунистическом движении!

Политическая платформа оппозиции все больше приобретала отчетливо выраженный контрреволюционный характер, а ее разногласия с партией вышли далеко за рамки идейной полемики единомышленников и превратились в расхождение по коренным, программным вопросам, в непримиримую борьбу двух противоположных мировоззрений.

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 246, вып. I, стр. 67—68.

3. ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ КРАХ ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКОГО БЛОКА

Еще дальше по контрреволюционному пути пошла оппозиция в своей практической деятельности. Она создавала хорошо законспирированную фракционную организацию со всесоюзным центром и местными «комитетами» во многих районах страны, пытаясь подготовить основу для будущей троцкистской партии. Оппозиционные группки вовсю развернули подпольную антисоветскую работу. Они распространяли нелегальную литературу, содержащую враждебные выпады против Советской власти, распускали всевозможные клеветнические слухи, пытались посеять недовольство политикой ВКП(б) в массах трудящихся, оказывали прямое противодействие партийным организациям при проведении различных политических и народнохозяйственных мероприятий.

В своей среде лидеры оппозиции открыто говорили о возможности новой гражданской войны в СССР, к которой они явно готовились, создавая подпольные ячейки в Красной Армии. Главную же ставку они делали на военную интервенцию, рассчитывая при этом на поражение Советской страны как на условие, при котором им было бы легче захватить власть в партии и государстве.

Лидеры оппозиции не смели прямо протестовать против необходимости бороться с угрозой военной опасности, нависшей над СССР. Но их сторонники за рубежом открыто подстрекали империалистические державы к нападению на Советский Союз. В брошюрке одного из чехословацких троцкистов Поллака содержалось чудовищное утверждение о том, что война между СССР и Англией была бы благом для мировой пролетарской революции. Даже если бы СССР потерпел поражение, рассуждал автор, то это «в историческо-диалектическом смысле означало бы грандиозную победу пролетариата, т. е. грандиозный шаг вперед мировой революции»¹. Установка на войну как средство революционирования европейского пролетариата выдавала троцкистов как явных провокаторов, помогавших буржуазии готовить новую антисоветскую интервенцию.

Прикрывая свое ренегатство псевдореволюционной фразеологией, называя себя «ленинской оппозицией», троцкисты

¹ Пятнадцатый съезд ВКП(б), т. 1. Стеногр. отчет. М., Госполитиздат, 1961, стр. 681.

и зиновьевцы на деле все больше и больше скатывались в контрреволюционное болото. Они окончательно становились центром притяжения всех антисоветских сил, рупором всех недовольных политикой построения социализма в СССР.

В своей фракционной деятельности оппозиция все чаще прибегала к услугам откровенно враждебных партии сил. Тщательно скрывая свои планы и замыслы от партийных органов, от товарищей по партии, оппозиционеры в то же время широко посвящали в них буржуазных специалистов, обывателей и даже бывших контрреволюционеров. К оппозиционной деятельности активно привлекались люди, исключенные из партии, разные крикуны и демагоги, мелкобуржуазные элементы, наконец — просто нарушители дисциплины. Некоторые оппозиционеры, находившиеся на командных должностях в Красной Армии, установили связь с бывшими белогвардейскими офицерами, которые вынашивали планы вооруженного переворота против Советской власти.

В международном коммунистическом движении оппозиция опиралась на разного рода ренегатов, исключенных из компартий и распространявших разнузданную антисоветскую клевету. Поддержка явно враждебных коммунизму элементов еще больше углубляла пропасть, разделившую партию и оппозицию, ускорила процесс полнейшего контрреволюционного перерождения последней.

Ввиду все возрастающей активности троцкистов и зиновьевцев пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), состоявшийся 29 июля — 9 августа 1927 года, вновь обсудил вопрос об антипартийной деятельности оппозиционного блока. С докладом выступил председатель ЦКК Г. К. Орджоникидзе. Пленум предложил оппозиции подчиниться требованиям Устава ВКП(б), прекратить фракционную работу, отказаться от политики раскола партии и Коминтерна, и безоговорочно заявить о том, что она твердо стоит за укрепление обороны СССР и осуждает выдумку оппозиции о мнимом перерождении партии и Советского государства.

Однако враги ленинизма отклонили это предложение и в свою очередь потребовали прекращения борьбы против оппозиции и восстановления в партии всех исключенных за фракционную деятельность. «Кроме злобы, кроме ненависти, кроме презрения к нашей партии и к нашему ЦК, мы здесь не слышали от оппозиции ни одного звука... Здесь говорили не члены ЦК, а враги ЦК и враги партии» — так ха-

рактизовал поведение оппозиции на пленуме ЦК и ЦКК Я. Э. Рудзутак¹.

Заботясь о сохранении единства партии, пленум ЦК и ЦКК вынужден был в соответствии с многочисленными решениями, вынесенными коммунистами Москвы, Ленинграда, Украины и других партийных организаций, поставить вопрос о выводе Троцкого и Зиновьева из состава Центрального Комитета. Только после этого, 8 августа 1927 года, оппозиционеры подали заявление, в котором согласились принять требования ЦК и ЦКК, хотя и на этот раз сделали оговорку, что по-прежнему придерживаются своих взглядов и будут бороться за них «в рамках партийного устава».

Стремясь к быстрой нормализации внутривнутрипартийного положения и учтя заявление лидеров оппозиции, пленум ЦК и ЦКК снял вопрос об исключении Троцкого и Зиновьева из состава ЦК, ограничившись вынесением им строгого выговора с предупреждением.

Но оппозиционеры ложно расценили терпение партии. Они не только не прекратили фракционную борьбу, как обещали, а повели ее в еще более широких масштабах и острых формах. При этом особое значение придавалось сбору подписей под различными заявлениями («платформой 83-х», «заявлением 15-ти», заявлением «буферной» группы Каспаровой — Шкловского, ратовавшей за примирение партии с оппозицией на основе отказа от борьбы с ее антиленинскими взглядами, и т. д.). Собирая подписи, оппозиционеры не гнушались и явно провокационными приемами. Они знакомили коммунистов лишь с отдельными пунктами оппозиционных платформ, а для подписи подсовывали им целые документы. В результате некоторые малограмотные коммунисты попадались на удочку оппозиционных вербовщиков и невольно оказывались вовлеченными во фракционную возню.

Как выяснилось впоследствии, из трех тысяч подписей, собранных под оппозиционной платформой в целом по стране, более половины оказались полученными от коммунистов обманным путем².

Раскольники все больше переносили свою нелегальную подпольную работу в беспартийную среду. Оппозиционные листовки нередко вывешивались в цехах, на дверях квартир, на фонарных столбах и т. д. Фракционеры призывали беспартий-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 317, вып. III, стр. 126.

² См.: Пятнадцатый съезд ВКП(б), т. 1. Стеногр. отчет, стр. 284.

ных рабочих заявлять о поддержке оппозиционной платформы и даже подбивали их на забастовки якобы в знак протеста против мнимых преследований оппозиционных активистов.

У оппозиционеров начали появляться и материалы, отпечатанные типографским способом. Их нелегально выпускали троцкисты, работавшие в государственных типографиях. В сентябре 1927 года органы ОГПУ обнаружили под Москвой, на даче родственников Троцкого, подпольную типографию, к обслуживанию которой фракционеры привлекли и беспартийных, в том числе представителей враждебных пролетариату классов. Организаторы типографии, переступившие рамки советской легальности, нарушившие законы, которые определяли порядок выпуска печатной продукции в стране, были исключены из партии, причем одного из оппозиционеров (Мрачковского), установившего связь с бывшими белогвардейскими офицерами, пришлось даже арестовать. В числе исключенных из партии оказались также видные оппозиционеры Преображенский, Серебряков и Шаров, демонстративно заявившие, что они знали о типографии и несут полную политическую ответственность за ее работу. В последующие дни были раскрыты новые подпольные типографии, созданные оппозиционерами, в том числе и в Ленинграде.

Обострение внутривнутрипартийной борьбы совпало со временем, когда в стране развернулась подготовка к празднованию десятилетия Великой Октябрьской социалистической революции, а в партии началась очередная отчетно-выборная кампания, предшествовавшая созыву XV съезда ВКП(б). Оппозиция попыталась и эти важнейшие политические мероприятия использовать для пропаганды своих антиленинских взглядов.

14 октября для участия в юбилейной сессии ЦИК СССР в Ленинград вместе с другими членами ЦИК прибыли Троцкий, Зиновьев и Евдокимов. 17 октября они попытались привлечь к себе внимание ленинградцев, заняв места на трибуне, с которой участники юбилейной сессии ЦИК приветствовали демонстрацию трудящихся города, выражавшую доверие Советскому правительству и политике ВКП(б). После демонстрации оппозиционеры стали уверять, будто приветственные крики, раздававшиеся из многотысячных колонн демонстрантов, относились не к членам правительства, а именно к ним, оппозиционным лидерам. Эта бессовестная ложь была легко разоблачена Ленинградской партийной организацией¹.

¹ См.: «Ленинградская правда», 27 октября 1927 г.

Высокая активность оппозиции в сентябре и октябре свидетельствовала о злостном невыполнении ею решений августовского пленума ЦК и ЦКК. Было очевидно, что оппозиция форсирует работу по созданию новой, троцкистской контрреволюционной партии, рассчитывая поставить ВКП(б) перед свершившимся фактом и принудить ее под угрозой гражданской войны согласиться на легальное существование такой партии.

Исчерпав все возможные средства идейного воздействия на фракционеров, большевистская партия была вынуждена принять предусмотренные Уставом ВКП(б) организационные меры, чтобы в корне пресечь раскольническую деятельность оппозиции, создававшую реальную угрозу существованию диктатуры пролетариата.

Объединенный пленум ЦК и ЦКК, состоявшийся 21—23 октября, заслушал доклад президиума ЦКК о фракционной работе лидеров оппозиции после августовского пленума ЦК и ЦКК и во исполнение многочисленных требований партийных организаций постановил исключить Троцкого и Зиновьева из состава Центрального Комитета.

Оппозиция заявила на пленуме, что она отвергает тезисы ЦК ВКП(б) по основным вопросам повестки дня XV съезда, которые Центральный Комитет выносил на обсуждение партии. Смилга охарактеризовал тезисы доклада о директивах по составлению пятилетнего плана как «бюрократический набор бессодержательных фраз и утверждений». «Нет ничего удивительного, — отвечал ему председатель Госплана Г. М. Кржижановский, — что так неприятен товарищам из оппозиции наш Наказ по составлению пятилетнего плана, ибо центр тяжести этих тезисов — установка на социализм»¹. По этой же причине оппозиция яростно сопротивлялась и принятию декрета о 7-часовом рабочем дне.

Как говорил на пленуме В. В. Куйбышев, оппозиция выступает против 7-часового рабочего дня потому, что она не верит в возможность построения социализма, паникует перед кулаком и нэпманом².

Оппозиция решительно выступила против содержащейся в тезисах доклада о работе в деревне установки на коллективизацию сельского хозяйства, утверждала, что победа колхозного строя станет возможной лишь после того, как с помо-

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 329, стр. 19.

² Там же, стр. 14.

щью западноевропейского пролетариата в стране будет создана развитая индустрия, способная технически перевооружить сельское хозяйство. «Без технической революции в самом способе производства... — заявляли оппозиционеры в своих контр-тезисах, — успешная и широкая работа по действительной коллективизации сельского хозяйства невозможна»¹.

Говоря о невозможности коллективизации крестьянских хозяйств, оппозиция имела в виду главным образом основные, середняцкие слои крестьянства. Что касается бедняков и батраков, то она, наоборот, обвиняла партию в нежелании вовлекать их в колхозы. Оппозиционеры предлагали выделить максимально возможные государственные средства и направить их на искусственное создание и поддержание бедняцко-батрацких колхозов. Подобная политика способна была лишь породить иждивенческие настроения у беднейшей части крестьянства и оттолкнуть от колхозного движения середняков.

Для основных же середняцких масс деревни оппозиция намечала совершенно другую перспективу. Она считала единственным возможным «путем» середняков к социализму до победы мировой пролетарской революции углубление процесса их классовой дифференциации, т. е. превращение большинства середняков в бедняков и батраков — единственно пригодную для социализма, с точки зрения оппозиции, часть крестьянства, а меньшинства — в кулаков, экспроприировав средства которых пролетарское государство могло бы использовать их как источник социалистических накоплений.

Такое догматическое представление о путях развития советской деревни, якобы ничем не отличающихся от аналогичных процессов при капитализме, противоречило ленинской политике укрепления союза с середняком, последовательно проводившейся партией и лежавшей в основе кооперативного плана Ленина. Оно служило обоснованию троцкистской теории еще более жестокой, чем при капитализме, эксплуатации крестьянства в «интересах» социалистического накопления.

На пленуме лидеры оппозиции вели себя крайне вызывающе, занимались явной обструкцией, надеясь сорвать его работу. Чувствуя, что они оказались в полной изоляции, оппозиционеры обрушили на участников пленума поток самых злобных ругательств и угроз. Зиновьев, произнесший пространную речь с изложением основных пунктов оппозиционной

¹ Партия и оппозиция накануне XV съезда ВКП(б). Вып. 3. М. — Л., 1928, стр. 48.

платформы, заявил, что оппозиция нарушала и будет нарушать партийную дисциплину и не остановится перед организацией уличных демонстраций против партии.

Отвергнув все домогательства и осудив истерическую выходку оппозиции, пленум ЦК и ЦКК утвердил тезисы по вопросам порядка дня XV съезда ВКП(б) о директивах по составлению пятилетнего плана развития народного хозяйства и о работе в деревне и постановил широко обсудить их на партийных собраниях и в печати.

Предсъездовская дискуссия закончилась сокрушительным поражением оппозиционного блока. Из 57 344 коммунистов, присутствовавших на партийных собраниях, которые прошли в Ленинграде в течение ноября, против документов ЦК проголосовало лишь 562 человека. Во всей партии оппозицию поддержало менее 0,5% ее членов¹.

Полным провалом закончились и попытки оппозиции активизировать деятельность своих сторонников в братских партиях.

Отказавшись от методов идейной полемики, предпочтя ей подрывную фракционную работу, которая неизбежно вела к прямой антисоветской деятельности, оппозиционеры стали открыто призывать всех недовольных ленинским внутрипартийным режимом и диктатурой пролетариата к борьбе против партийного аппарата и органов Советской власти. Их листовки, выпуск которых резко увеличился после октябрьского пленума ЦК и ЦКК, заканчивались призывом «Долой Центральный Комитет!»². Как писала белоэмигрантская газета «Последние новости» еще в июле 1927 года, «оппозиция стала представительницей всего и всякого недовольства, существующего в партии и вне ее».

Выполняя единодушное требование партийных организаций, считавших, что настало время навсегда пресечь разлагающую деятельность оппозиции, вставшей на путь антисоветской борьбы, Центральный Комитет вынес вопрос об оппозиционном блоке на обсуждение XV съезда ВКП(б), состоявшегося в Москве 2—19 декабря 1927 года.

Чувствуя, что долготерпению партии приходит конец, лидеры оппозиции накануне съезда лихорадочно обсуждали тактику своего поведения. Часть оппозиционеров, прежде всего бывшие ленинградские работники, под влиянием Зиновьева

¹ «Правда», 2 декабря 1927 г.

² См.: Пятнадцатый съезд ВКП(б), т. 1. Стеногр. отчет, стр. 321.

примкнувшие к «новой оппозиции», предлагали сложить оружие перед партией. Однако другие, во главе с Троцким, потребовали продолжения борьбы и категорически высказались против каких-либо уступок партии. И эта линия возобладала.

В письме к XV съезду 121 видный оппозиционер заявил (в который уж раз!), что раскольники отказываются от фракционной борьбы, но будут по-прежнему придерживаться своих взглядов и защищать их¹. Делегаты единодушно отвергли такое заявление. Тогда лидеры оппозиционной группировки направили в президиум съезда сразу два письма. Одно из них, подписанное троцкистами Мураловым, Раковским и Радеком, мало чем отличалось по своему содержанию от заявления 121 оппозиционера. В другом, под которым стояли подписи Каменева, Бакаева, Авдеева и Евдокимова, выражалась готовность подчиниться решениям съезда, запретившего пропаганду оппозиционных взглядов, но с оговоркой, что авторы по-прежнему считают эти взгляды правильными. Ввиду того что оппозиция упорно отказывалась осудить свою антиленинскую платформу, отвергнутую партией и советским народом, съезд принял по докладу председателя ЦКК Г. К. Орджоникидзе резолюцию, согласно которой из ВКП(б) исключался ряд активных оппозиционеров — троцкистов и сторонников группы Сапронова — Смирнова. Принадлежность к троцкистско-зиновьевской оппозиции, пропаганда и защита ее контрреволюционных взглядов объявлялись несовместимыми с пребыванием в партии.

Уже после единогласного утверждения резолюции исключенные съездом оппозиционеры — бывшие сторонники «новой оппозиции» — подали новое заявление, в котором просили пересмотреть принятое решение. На этот раз они безоговорочно признали правильность взглядов, отстаивавшихся большинством партии, и обязались руководствоваться ими во всей своей практической деятельности². Это было полное идейное разоружение оппозиции, свидетельствовавшее об окончательном развале оппозиционного блока: в нем остались одни троцкисты, все еще не желавшие признать своего поражения.

Все же съезд, учитывая не раз проявленное в прошлом вероломство оппозиционеров, постановил не пересматривать уже принятой резолюции, чтобы на деле испытать искренность подавших заявление. ЦК и ЦКК поручалось принимать решения

¹ См.: Пятнадцатый съезд ВКП(б), т. 2. Стеногр. отчет, стр. 1597.

² См. там же, стр. 1417.

о новом приеме в партию исключенных оппозиционеров лишь через шесть месяцев после подачи ими заявлений, и то лишь в случае, если их авторы действительно покончили с фракционной деятельностью¹.

Решения XV съезда ВКП(б), провозгласившего курс на коллективизацию сельского хозяйства и дальнейшее ускорение темпов социалистического строительства, встретили единодушную поддержку в массах коммунистов и беспартийных. В соответствии с его указаниями в партийных организациях развернулась большая работа по завершению разгрома оппозиции, перевоспитанию ее бывших, искренне раскаявшихся сторонников и изгнанию из партии тех, кто не подчинился решениям съезда и продолжал антипартийную борьбу.

Ломая сопротивление неразоружившихся оппозиционеров, помогая колеблющимся или запутавшимся встать на правильный путь, партийные органы очищали ряды ВКП(б) от оппозиционной скверны.

После XV съезда начался массовый отход от оппозиции ее бывших сторонников. В 1928 году отошли от оппозиции почти все участники бывшей «новой оппозиции»². Оставшиеся фракционеры разделились на три враждующих друг с другом течения (троцкисты, зиновьевцы и сапроновцы). Некоторые из них, особенно троцкисты, пытались продолжать раскольническую работу, распространяли по предприятиям контрреволюционные листовки, использовали временные затруднения в хозяйственном строительстве для антипартийной и антисоветской агитации. Но их враждебная подрывная деятельность всякий раз встречала отпор в массе коммунистов и беспартийных трудящихся и неизменно разоблачалась. Прошло еще немного времени — и с троцкистской оппозицией, осужденной партией и народом, было покончено полностью.

Напряженная борьба, которую партия непрерывно вела против троцкистов и зиновьевцев на протяжении почти трех лет, оставила заметный след в истории КПСС, оказав большое влияние на ход многих последующих исторических событий. Главный итог этой борьбы состоял в том, что была до конца разгромлена антиленинская троцкистско-зиновьевская оппозиция, пытавшаяся в чрезвычайно ответственный, переломный момент, когда осуществлялся переход к новому этапу социалистического строительства — периоду индустриализации,

¹ См. Пятнадцатый съезд ВКП(б), т. 2. Стеногр. отчет, стр. 1470.

² См.: Ем. Ярославский. За последней чертой. М. — Л., 1930, стр. 35.

навязать партии гибельный курс в вопросах внешней и внутренней политики, извратить марксистско-ленинское учение, разрушить внутрипартийное единство и подорвать сплоченность международного коммунистического движения. Разгромив оппозицию, партия устранила еще одну преграду на пути осуществления ленинского плана построения социализма и коммунизма.

В ходе ожесточенных боев с раскольниками еще больше окрепло идейное и организационное единство ВКП(б), усилилось коллективное начало в работе Центрального Комитета, возросла активность широких партийных масс, повысилась боеспособность партийных организаций. Партия глубоко продумала и всесторонне проанализировала свою политику, внесла в нее подсказанные жизнью коррективы, подтвердила верность ленинскому курсу на победу социализма. Активизировалась теоретическая деятельность партии. Коренные вопросы марксистско-ленинской теории подверглись свободному, небывало широкому и детальному обсуждению, активнейшими участниками которого стали сотни тысяч коммунистов СССР и зарубежных стран, миллионы беспартийных тружеников Советского Союза. Многие важные теоретические положения, коллективно разработанные ВКП(б) и братскими партиями в 1925—1927 годах, явились творческим вкладом в идейную сокровищницу марксизма-ленинизма. Они выдержали проверку временем и оказали решающее влияние на последующую теоретическую и практическую деятельность коммунистов всех стран.

В результате разгрома врагов ленинизма еще больше упрочились связи партии с трудящимися массами, стала еще ближе и понятнее советскому народу политика ВКП(б), вырос ее международный авторитет.

4. ПОЛНАЯ И ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА СОЦИАЛИЗМА В СССР — ЯРКОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ПРАВОТЫ ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ В ИДЕЙНОМ СПОРЕ С ТРОЦКИЗМОМ

Несмотря на усилия оппозиционеров из троцкистско-зиновьевского блока сорвать генеральную линию и столкнуть партию с ленинского пути, рабочий класс под руководством ВКП(б), преодолевая внешние и внутренние трудности, шел к славному десятилетнему юбилею Советской власти с новыми трудовыми успехами.

«Мы вступили в такую полосу, — говорил С. М. Киров на торжественном заседании Ленсовета, — когда не только рабочие нашего Советского Союза, но и трудящиеся всего мира видят наглядно результаты того великого, того огромного дела, которое мы здесь совершаем. Тот праздник, который мы с вами празднуем сейчас, является праздником трудящихся всего мира»¹. Поэтому, подводя итоги десятилетия пролетарской диктатуры, трудящиеся СССР отчитывались одновременно и перед международным пролетариатом.

Ярким показателем наших успехов являлось неуклонное укрепление социалистических форм хозяйства в экономике страны. К юбилейному году общественный сектор в промышленности составлял уже 86%, а в торговле (оптовой и розничной) — 81,9%. Существенно изменилась структура народного хозяйства СССР. Доля валовой продукции промышленности по отношению ко всей продукции народного хозяйства дошла до 38%, а производство средств производства ко всей промышленности — до 37,6%. Советское государство направило на капитальное строительство свыше 1 млрд. рублей по сравнению с 20 млн. в 1922 году. Превзошла довоенный уровень каменно-угольная промышленность, быстро развивалось машиностроение, ленинградский завод «Красный путиловец» освоил производство тракторов. Начало налаживаться отечественное производство грузовых автомобилей. Успешно осуществлялся ленинский план ГОЭЛРО. Мощность электростанций в 1926/27 хозяйственном году уже в 2,5 раза превышала мощность 1913 года.

Прошедшее десятилетие на деле разоблачило несостоятельность утверждений троцкистов, зиновьевцев и их подпевал о том, что трудящиеся нашей страны не способны будут преодолеть технико-экономическую отсталость и без помощи Запада построить социалистическую экономику. Рабочий класс СССР не только полностью восстановил разрушенное хозяйство, доставшееся ему в наследство от старого строя, но и приступил к созданию новых мощных промышленных и энергетических гигантов.

Особое внимание партия все эти годы уделяла выполнению ленинского плана электрификации страны. Было построено и введено в эксплуатацию семь новых электростанций, успешно осуществлялось строительство Шатурской электростанции и одновременно была начата разработка проектов девяти новых

---

¹ С. М. Киров. Избранные статьи и речи. М., 1957, стр. 449.

электростанций, в том числе Днепровской. Днепрострой намечалось сделать центром нового крупнейшего индустриального района.

В 1926/27 хозяйственном году шла подготовительная работа к строительству трех новых гигантов черной металлургии: Кузнецкого, Магнитогорского и Криворожского комбинатов. Одновременно шло проектирование Свердловского завода машиностроения и Нижнетагильского вагоностроительного завода. Страна строила Сталинградский тракторный завод и завод сельскохозяйственных машин в Ростове-на-Дону. Тем самым закладывалась прочная база и для проведения технической реконструкции сельского хозяйства. Развернулось крупное строительство в угольной и нефтяной промышленности, сооружались шахты, готовилась прокладка нефтепроводов и создание нефтеперегонных заводов. Все они оснащались новейшей высокопроизводительной техникой.

Партия уделяла особое внимание преодолению экономической и культурной отсталости в прошлом национальных окраин царской России, теперь равноправных союзных и автономных республик и областей. Об этом свидетельствовали темпы роста промышленной продукции и капиталовложений: в национальных республиках они были значительно выше общесоюзных.

Успехи были достигнуты и в области сельского хозяйства. В 1927 году объем его продукции составлял 108,3% от дореволюционного. В деревне складывались новые государственные и кооперативные формы хозяйства.

Вопреки пророчествам троцкистов, отрицавших ленинский кооперативный план, успешно шло социалистическое преобразование сельского хозяйства. К десятилетию Октября в стране насчитывалось 14,8 тыс. производственных кооперативов — колхозов, объединявших около одной десятой всех крестьянских хозяйств. Совхозов насчитывалось 1,4 тыс. В валовой продукции сельского хозяйства на долю колхозов приходилось 1,04%, в товарной части — 2,84%, а с совхозами — свыше 7%. Но значение первых коллективных хозяйств определялось не этими статистическими показателями. Впервые в истории крестьянство в массовом масштабе при поддержке и поощрении государственной власти становилось на путь общественного ведения хозяйства.

«Нигде в истории нет настолько богатого опыта, — говорил М. И. Калинин на XIII съезде РКП(б), — нет такого огромного напряжения в искании форм для коллективной работы и

коллективного сожительства, как у нас. Все прежние опыты Оуэна кажутся микроскопическими и смешными перед громадной работой, которая проделана нашими коммунистами»¹.

Подъем сельского хозяйства благоприятно сказался на дальнейшем укреплении союза рабочего класса с трудовым крестьянством, на улучшении материального положения народа. Партия неуклонно проводила классовую налоговую политику, возлагая основную тяжесть налога на кулацко-зажиточную часть деревни, освобождая маломощных середняков и бедняков от налога. За десятилетний период пролетарской диктатуры Советская власть уменьшила налог с трудовой части крестьянства на 56%, а 25% крестьян были совсем освобождены от налога². Резко сократилось число беспосевных крестьянских хозяйств — с 16,3% в 1917 году до 4,4% в 1927 году³. Упрочение крестьянского хозяйства обеспечило расширение емкости внутреннего рынка.

Наряду с ростом промышленности и сельского хозяйства быстро росла внутренняя торговля, развертывание которой на базе сохранения товарного производства являлось необходимым условием для укрепления смычки между городом и деревней. Неуклонно креп и развивался социалистический сектор в торговле.

Общий подъем экономики страны и неуклонный рост социалистического сектора в народном хозяйстве способствовали укреплению международного положения СССР и устойчивому равновесию сил на мировой арене. Для нашей страны это означало, что она имела в своем распоряжении более длительную мирную передышку, чем это предполагалось сразу после окончания гражданской войны. Советский Союз мог сосредоточить свои усилия на мирном строительстве, перейти от решения задач восстановления народного хозяйства к выполнению широкой программы социалистического строительства.

Таким образом, советский политический и общественный строй, несмотря на свою молодость, доказывал жизненную силу и превосходство над капиталистическим. Достигнутые успехи имели важное внутреннее и международное значение. Успешно решив задачи восстановительного периода, советский

¹ Тринадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет, стр. 438.

² См.: Четырнадцатая конференция РКП(б). Стеногр. отчет, стр. 60.

³ См.: Факты и цифры против демагогии и измышлений. Агитпроп ЦК и МК ВКП(б). М.—Л., 1927, стр. 65.

народ под руководством ленинской партии заложил основы для нового этапа экономического развития.

Ослепленные фракционной борьбой и ненавистью к ленинизму, троцкисты продолжали отрицать достигнутые успехи и те новые задачи, которые стояли перед партией и рабочим классом в деле осуществления ленинского плана социалистического строительства.

Намечая новые перспективы развития народного хозяйства СССР, XV съезд ВКП(б) утвердил директивы по составлению пятилетнего плана народного хозяйства. В соответствии с принятыми директивами Госплан СССР развернул большую работу по составлению пятилетнего плана. Эта исключительно важная и ответственная работа проходила под непосредственным руководством Центрального Комитета партии.

В основу дальнейшего экономического развития страны был положен намеченный В. И. Лениным план построения социализма в СССР. Пятилетним планом была определена следующая основная экономическая задача: «...развитие тяжелой промышленности и ее сердцевины—машиностроения,— перевод промышленности с рельс отсталой техники на рельсы машинной техники, перевод мелкого, распыленного единоличного сельского хозяйства на рельсы крупного, общественного колхозного производства. Дальнейший подъем материального положения трудящихся». Для осуществления этой основной задачи планом был предусмотрен общий размер капитальных вложений во все народное хозяйство на 1928—1933 годы 64,6 млрд. рублей. Из них в промышленность (вместе с электрификацией) намечалось вложить 19,5 млрд. рублей, в транспорт—10 млрд. и в сельское хозяйство—23,2 млрд. рублей. В соответствии с общей идеей индустриализации страны, в промышленность, производящую средства производства, направлялось 78% всей суммы капиталовложений, ассигнованных на промышленность. План предусматривал довести выработку электроэнергии до 22 млрд. киловатт-часов, выплавку чугуна—до 10 млн. тонн, добычу угля—до 75 млн. тонн, продукция машиностроительной промышленности должна была возрасти в 3,5 раза, а продукция сельскохозяйственного машиностроения—в 4 раза. Выработку продукции химической промышленности по плану намечалось довести до 8 с лишним млн. тонн¹. Пятилетний план преду-

---

¹ См.: Шестнадцатая конференция ВКП(б). Стеногр. отчет. М., 1962, стр. 621—622.

смаатривал огромный хозяйственный подъем национальных республик, значительный культурный рост широких народных масс.

Пятилетний план являлся грандиозной программой построения фундамента социалистической экономики СССР. XVI конференция ВКП(б) (апрель 1929 г.) и V съезд Советов (май 1929 г.) единодушно одобрили пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1929—1933 годы.

Принятие плана создания фундамента социалистической экономики вызвало огромный трудовой подъем советского народа. В течение короткого времени страна превратилась в гигантскую строительную площадку и огромную школу. О величии трудового порыва народа говорит выдвинутый тогда трудящимися лозунг «Пятилетку — в четыре года!».

Экономические успехи СССР — первой страны социализма — радовали трудящихся капиталистических стран. Они, следуя принципу интернациональной солидарности, проявляли полную готовность поддержать всеми мерами рабочий класс Советского Союза. Однако успехи СССР, естественно, крайне беспокоили врагов Советского государства. Они стремились опорочить наши достижения, всячески затормозить, если не сорвать, продвижение Страны Советов вперед.

Но антисоветская и антикоммунистическая пропаганда была мимо цели. В то время, когда в странах капиталистического мира бушевал экономический кризис, разрушая производительные силы, в результате чего без работы осталось свыше 50 млн. человек, Советский Союз наращивал темпы развития, твердо и уверенно шел вперед к намеченной цели. Уже в первые годы пятилетки в нашей стране была полностью ликвидирована безработица. Один только этот факт ярко, убедительно и неопровержимо показывал преимущества советского социалистического строя и полную несостоятельность троцкистских прогнозов.

Коммунистическая партия и Советское государство, мобилизуя все внутренние ресурсы и опираясь на трудовой энтузиазм народных масс, проводили индустриализацию такими темпами, каких не знала ни одна капиталистическая страна. Пятилетний план был выполнен в 4 года и 3 месяца. За это время было построено и введено в строй 1500 новых крупных предприятий, оснащенных новейшей высокопроизводительной техникой. Были созданы целые новые отрасли хозяйства. Единоличные, распыленные крестьянские хозяйства были в большинстве своем переведены на социалистические рельсы.

Если в 1922 году на XI съезде РКП(б) В. И. Ленин указал на то, что «у нас еще нет социалистического фундамента»¹, то в результате выполнения первого пятилетнего плана был построен фундамент социалистической экономики, а это означало, что в СССР на практике обеспечена полная победа социализма. Итоги пятилетки развеяли в прах пророчества троцкистов, меньшевиков и социал-демократических лидеров, предсказывавших провал пятилетки, отрицавших возможность построения социализма в Советском Союзе.

Наращивая темпы экономического развития, наша страна успешно выполнила и второй пятилетний план (1933—1937 гг.). За две пятилетки объем промышленной продукции вырос в 4,5 раза.

Советский Союз из аграрной, отсталой страны превратился в мощную индустриально-колхозную державу, занявшую первое место в Европе и второе место в мире по производству промышленной продукции.

Социалистическое развитие всех отраслей народного хозяйства, в том числе и сельского хозяйства, привело к изменению классовой структуры советского общества. Полностью были ликвидированы эксплуататорские классы. Осталось два дружественных класса — рабочий класс, крестьянство и как социальная прослойка — интеллигенция. Но и они в годы социалистического строительства претерпели коренное изменение. Это привело к созданию морально-политического единства советского народа. В ходе индустриализации страны партия, как зеницу ока, оберегала и укрепляла союз рабочего класса и трудового крестьянства при сохранении в этом союзе руководства крестьянством со стороны рабочего класса. В процессе социалистического строительства преодолевалась вековая отсталость национальных республик. В результате осуществления ленинской программы по национальному вопросу утвердилось социалистическое братство всех народов нашей Родины.

Достигнутые социально-экономические и политические успехи были законодательно закреплены в Конституции СССР (декабрь 1936 г.).

Построение первой фазы социализма позволило партии на своем XVIII съезде (март 1939 г.) наметить первые рубежи перехода к следующему этапу, к строительству коммунизма.

Однако победа социализма не устранила возможности во-

---

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 109.

ейной интервенции против нашей страны и реставрации буржуазных порядков в ней, так как СССР продолжал оставаться единственной социалистической страной в капиталистическом окружении. Эту принципиальную разницу между победой социализма внутри страны и окончательной его победой в мировом масштабе упорно отрицали троцкисты. Но сама жизнь опрокинула их отвлеченные теоретические построения и полностью подтвердила правоту ленинской партии.

Мировая реакция не оставляла мысли о новом военном походе против СССР. Ренегаты и предатели интересов пролетариата, прежде всего троцкисты, не только подогревали антисоветские экспансионистские тенденции, натравливали империалистов на нашу страну, но и сами стремились создать в Советском Союзе свою собственную подрывную «пятую колонну». Но все их попытки оказались тщетными. Троцкий и его агентура, точно так же как и Гитлер, недооценили могущество нового, социалистического строя, героизма, преданности советских людей великим ленинским идеям и своей отчизне.

В борьбе с первым в мире социалистическим государством империализм использовал в качестве ударной силы германский фашизм. Советский Союз оказался решающей силой в разгроме фашизма. Он не только отстоял свою собственную независимость, но и избавил человечество от гитлеризма.

Своими экономическими успехами в годы мирного строительства и военными — в борьбе с фашизмом — СССР оказал революционизирующее воздействие на трудящиеся массы за рубежом. В результате разгрома фашистской Германии и империалистической Японии в ряде стран Европы и Азии произошли революции, приведшие к установлению пролетарской диктатуры. Процесс развития мировой революции происходил, как и учил В. И. Ленин, путем отпадания от капиталистической системы отдельных стран или групп государств, а не путем всеобщего единовременного взрыва, как пророчествовал Троцкий. Рождение после второй мировой войны народно-демократических республик явилось новым торжеством ленинской теории социалистической революции. Главный итог войны — образование мировой социалистической системы. Это всемирно-историческое событие привело к коренному изменению соотношения сил на мировой арене в пользу социализма. Была создана прочная гарантия от реставрации капитализма в СССР. Социализм в нашей стране победил не только полностью, но и окончательно. ЦК КПСС, подводя итоги великих

побед Великой Октябрьской социалистической революции за 50 лет, указывал: «Полная, окончательная победа социализма — главный итог революционно-преобразующей деятельности советского народа под руководством Коммунистической партии»¹.

Одержав историческую победу над фашизмом, советский народ под руководством Коммунистической партии без посторонней помощи, собственными силами и средствами, в исторически короткое время полностью восстановил разрушенную самой опустошительной в истории войной экономику страны. Это позволило в последующие годы совершить новый гигантский скачок в развитии экономики, науки, техники, культуры и в подъеме материального благосостояния советского народа.

С 1918 по 1966 год среднегодовой темп производства в СССР составлял 9,9%, в то время как в США — только 3,7%, в Англии — 2,1%, во Франции — 3,7%, в ФРГ — 3,4%².

Был полностью опровергнут тезис Троцкого о неизбежной зависимости советской экономики от капиталистического мира, который, по его мнению, должен был определять темпы нашего развития.

На основе претворения в жизнь ленинского кооперативного плана советская деревня перешла к крупному, технически оснащенному социалистическому сельскому хозяйству. В свое время В. И. Ленин мечтал о 100 тысячах тракторов для деревни. К началу 1967 года на полях колхозов и совхозов работало 1 млн. 660 тыс. тракторов (в пересчете на 15-сильные — 3 млн. 233 тыс.), 531 тыс. зерновых комбайнов, свыше 1 млн. грузовых автомашин и много другой современной техники.

Победа социализма в СССР ознаменовалась огромными достижениями в области культурного строительства. Например, высшие учебные заведения СССР готовят в 3,5 раза больше специалистов, чем в Англии, Франции, ФРГ и Италии, вместе взятых. Советская наука добилась выдающихся результатов во всех областях знаний. Наша страна первой открыла путь человечеству в космос.

Торжество социализма в СССР есть победа не только в национальном, но и в международном масштабе. Она оказывала и оказывает свое воздействие на развитие интернациональной борьбы трудящихся масс против империалистического

¹ 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС. Политиздат, 1967, стр. 25.

² См.: Страна Советов за 50 лет. Сборник статистических материалов. М., изд-во «Статистика», 1967, стр. 105.

гнета. Дело революционного преобразования мира, начатое Великим Октябрем, продолжено победой сил социализма в ряде стран Европы, Азии и Америки. Пролетарская революция в нашей стране положила начало революционному, национально-освободительному движению в бывших колониальных и зависимых странах. Страны, ставшие на путь социалистического строительства и сбросившие колониальное ярмо, опираются на бескорыстную экономическую, политическую, культурную и военную помощь СССР. Богатый опыт, накопленный КПСС в социалистическом строительстве, творчески используется многими странами и братскими компартиями. Это способствует быстрейшему решению задач социалистического строительства.

Великое учение В. И. Ленина о возможности построения социализма в СССР, воплощенное в жизнь, является могучим оружием людей труда всего земного шара в их борьбе за социализм.

ТРОЦКИЗМ НА СЛУЖБЕ
МИРОВОГО АНТИКОММУНИЗМА

После полного идейно-политического и организационного разгрома троцкистско-зиновьевского блока, исключения из партии его наиболее активных деятелей Троцкий и его сторонники не сложили оружия. Они усилили свою антипартийную, антисоветскую пропаганду.

Троцкий и наиболее видные троцкисты продолжали с еще большей непримиримостью и ожесточенностью выступать против политики партии. В начале 1928 года Троцкий написал статью «На новом этапе», в которой излагалась программа действий неразоружившейся части оппозиции. В ней говорилось о невозможности построения социализма в СССР, ставилось под сомнение наличие диктатуры пролетариата в нашей стране, на все лады перепевалась меньшевистская идея о «термидорианском» перерождении партии и Советского государства. В директивных письмах своим сторонникам в СССР и за рубежом Троцкий требовал более активно «бить по руководству ВКП(б) и Коминтерна». Обстановку в СССР он оценивал как «керенщину наизнанку». Он настаивал на организации стачек и на прямой подготовке своих последователей к гражданской войне¹.

С этой целью он рекомендовал усилить работу по разложению в первую очередь не имеющей политического опыта молодежи, юношей 12—16 лет и немного старше, так как их, по его мнению, можно было легче привлечь на свою сторону, чтобы создать из них особые ударные отряды. Зарубежным троцкистам Троцкий рекомендовал любыми средствами привлекать также на свою сторону неграмотных, задавленных

¹ См.: «Правда», 24 января 1929 г.

нуждой людей, прежде всего негров в США и наиболее отсталую часть населения Европы и других стран, делая опять-таки главную ставку на политически незрелую молодежь.

Выступая против Программы Коммунистического Интернационала, Троцкий стремился навязать Коминтерну лозунг «Советские Соединенные Штаты Европы» и «Соединенные Штаты Мира» как лозунг практического действия коммунистических партий всех стран. Этот лозунг, как считал и сам автор, был направлен прежде всего против ленинского учения о построении социализма в нашей стране.

Троцкий и его ближайшие единомышленники продолжали злобно клеветать на партию, на ее ЦК. Они стремились наладить и укрепить связи с остатками разгромленной партией троцкистского подполья, созданного оппозицией в разных районах страны еще до XV съезда ВКП(б). Добиваясь активизации этого подполья, троцкистские лидеры хотели превратить его в нелегальную антисоветскую партию, которая бы подготовила и возглавила контрреволюционный переворот в стране. Главной силой этого переворота, по мысли троцкистов, должны были стать различные непролетарские, мелкобуржуазные, обывательские элементы, недовольные политикой ВКП(б) и мечтающие об изменении строя, созданного Великим Октябрем. Троцкий и его соратники стремились с помощью различных провокаций вызвать недовольство в массах трудящихся, подбивали различные неустойчивые элементы на забастовки, на отказ от подписки на государственные займы, от участия в выборах в местные Советы и на другие действия, направленные против Советской власти. Из различных районов страны приходили известия о распространении троцкистами в обывательской среде нелегальных антисоветских листовок, о попытках создания ими новых подпольных группочек, кружков и комитетов, об антисоветских выступлениях троцкистов на широких собраниях и т. д.¹

После возникновения правого уклона в рядах ВКП(б) Троцкий, Смилга и другие лидеры троцкистов пытаются установить контакт с правыми, в потворстве которым они еще так недавно демагогически обвиняли ЦК ВКП(б). На закулисных переговорах Каменева и Бухарина в конце 1928 года фактически обсуждался вопрос о создании единого правотроцкистского блока борьбы против ленинской политики ВКП(б).

---

¹ См.: Л. С. Озеров. Вольба партии с троцкизмом в 1928—1930 гг. «Вопросы истории КПСС», 1968, № 3, стр. 47—53.

Несмотря на новые неоднократные предупреждения органов партии и государственной власти, требовавших немедленно прекратить контрреволюционную деятельность, Троцкий в письме в ЦК ВКП(б) от 16 декабря 1928 года с высокомерной наглостью заявил, что он будет и впредь продолжать «вести борьбу за интересы международного пролетариата» — так претенциозно называл он свои раскольнические, оппортунистические и двуручнические действия.

Специальная коллегия ГПУ 18 января 1929 года на своем заседании вынуждена была рассмотреть дело Троцкого, связанное с его попытками организации нелегальной антисоветской партии, деятельность которой была направлена к провоцированию антисоветских выступлений и к подготовке вооруженной борьбы против Советской власти. Коллегия постановила выселить Троцкого из СССР. Это решение было единодушно одобрено советским рабочим классом и всеми трудящимися, заявлявшими, что «Троцкому — нет места в СССР».

Находясь вне пределов Советского Союза, Троцкий и его сторонники сразу влились в общий мутный поток мировой реакции и составили один из самых оголтелых ее отрядов в борьбе против СССР, мирового коммунистического и рабочего движения. Вступив на открытый антисоветский путь, троцкисты искали всё новые и новые формы и методы борьбы против нашей страны, ее партии и Коминтерна. Троцкий стремился объединить разрозненные оппортунистические группы в «интернациональную» организацию. В июле 1929 года в Париже он стал издавать антисоветский журнал «Бюллетень оппозиции». Чтобы скрыть контрреволюционный характер издания, Троцкий лживо назвал его органом «большевиков-ленинцев». Однако ничто не могло скрыть антиленинскую и антисоветскую направленность журнала. Кроме того, он вовсе не являлся органом какой-либо партии или международной организации, а был лишь частным предприятием самого Троцкого, который выступал и автором всех статей, и редактором.

«Бюллетень» предназначался главным образом для советских читателей. Его печатали на тонкой бумаге, чтобы через тайных агентов нелегально переправлять в Союз.

Троцкий определил цель «Бюллетеня» следующим образом: «Оппозиция представляет собой международную фракцию и только как таковая имеет право на существование». Таким образом, несмотря на то что троцкисты потерпели полное идейно-политическое и организационное банкротство и лишились доверия широких слоев трудящихся, тем не менее они

продолжали уверять, что представляют «международную фракцию», которую они пытались изобразить единственной «представительницей исторической преемственности большевизма». Даже свою малочисленность троцкисты стремились объяснить тем, что «оппозиция — сгусток революционного опыта пролетариата, она — закваска революционного будущего» и что они, т. е. троцкисты, «по-прежнему держат руку на пульсе партийного развития».

На деле же, издавая «Бюллетень оппозиции», Троцкий преследовал единственную цель — проводить идеологические диверсии против СССР и мирового коммунистического движения, дезинформировать мировое общественное мнение, особенно пролетариат, о внутреннем положении в Советском Союзе, помогать буржуазии скрывать правду об успехах социалистического строительства в СССР. Из этого журнала, как из рога изобилия, лился поток клеветы и беспардонной брани в адрес Коммунистической партии, рабочего класса СССР и всего советского народа, успешно строившего социализм.

«Бюллетень оппозиции» яростно выступил против первого пятилетнего плана. Свою атаку на экономическую политику, проводимую нашей партией, троцкисты начали с обвинения партии в том, что она взяла низкие темпы индустриализации, и противопоставляли ей «лево»-авантюристический лозунг «сверхиндустриализации». Однако с 1929 года и в последующий период Троцкий выступал со своей всегдашней непоследовательностью уже против взятых партией высоких темпов, так как, по его мнению, «разгон не по силам, индустриализация все больше держится на административном кнуте». Меншевицские догмы мешали Троцкому увидеть трудовой подъем народа, позволявший форсировать строительство современной индустрии. Всенародное социалистическое соревнование, развернувшееся под лозунгом «Пятилетку — в четыре года!», клеветнически оценивалось им как «административный кнут».

В троцкистскую «теорию», постоянно недооценивавшую роль трудового крестьянства как союзника пролетариата, никак не укладывалась и социалистическая перестройка сельского хозяйства. Поэтому коренной поворот бедняцко-средняцких масс в сторону колхозов Троцкий расценивал не как объективно-закономерный процесс, а как акт отчаяния, якобы вызванного «безвыходностью» положения крестьянства.

В свое время троцкисты не менее ожесточенно обвиняли партию в кулацком уклоне и требовали немедленного проведения ликвидации кулачества как класса. Со взятием же

курса на коллективизацию и в связи с этим на проведение политики ликвидации кулачества как класса, Троцкий в «Бюллетене оппозиции» истошно вопил, что «ликвидировать кулака — значит ликвидировать крестьянство», а его подпевала Раковский еще более откровенно признавал, что «ни теоретически, ни практически» оппозиция «не помышляла ни о социалистической переделке сельского хозяйства, ни об экспроприации кулачества».

Особенно много злостной провокационной клеветы «Бюллетень оппозиции» выливал на Вооруженные Силы Советского Союза. Стремясь дезинформировать общественное мнение Запада, Троцкий писал о военной слабости, о низкой боеспособности Красной Армии. Вся эта клевета понадобилась Троцкому и его сторонникам, чтобы натравить на Советский Союз империалистические государства и втянуть их в войну против СССР. В то же время он призывал международный пролетариат не выступать на защиту Советского Союза, так как, по его злобным утверждениям, СССР якобы перестал быть социалистическим государством и превратился в буржуазную страну с обычными капиталистическими порядками. Троцкисты выступали защитниками китайских милитаристов во время событий на КВЖД.

В 1930 году Троцкий в немецком буржуазном издательстве «Гранит» опубликовал автобиографическую книгу «Моя жизнь». Она представляет собой крайнее проявление ренегатства и беспардонной клеветы. Не жалея красок на самовосхваление, Троцкий обливал грязью всех членов ЦК ВКП(б) и виднейших деятелей международного движения: М. Кашена, Э. Тельмана, О. Куусинена, У. Фостера и других. Особую, чисто патологическую ненависть он проявил к В. И. Ленину и его ближайшим соратникам по революционной борьбе.

С тем чтобы как-то замаскировать антисоветский, антикоммунистический, антимарксистский и антиленинский характер своей платформы, Троцкий заявлял, что он выступает против сталинизма. Эта ложь предназначалась для обмана мирового общественного мнения и маскировки контрреволюционного характера троцкизма. В этом откровенно признался Каменев в своем заявлении от 9 июня 1930 года. Он писал: «Систематические нападки на ЦК и в частности на т. Сталина с нашей стороны в 1925—1927 гг. были конечно не случайны и продиктованы не личными мотивами. Это был тактический маневр, рассчитанный на то, чтобы как можно более ослабить силу сопротивления партии оппозиционным наскокам путем

дискредитирования ЦК и того товарища, который выдвинут партией на пост идейного и организационного руководителя всей борьбы с антипартийными течениями и группами».

К подобной тактике прибегают и современные ренегаты — «левые» и правые оппортунисты. Копируя тактику Троцкого, они клеветают и обливают грязью всех руководителей марксистско-ленинских партий, особенно руководство КПСС, и раздувают истерическую враждебную кампанию против первой в мире социалистической страны. Свое предательство они, как и Троцкий, прикрывают лживыми фразами о том, что якобы ведут борьбу против ревизионизма в рядах мирового коммунистического движения.

Безнадежно проиграв борьбу за свое господство в рядах ВКП(б), Троцкий пытался добиться господствующего положения в мировом коммунистическом и рабочем движении. Для достижения этой цели он стремился подорвать и разрушить самую авторитетную международную революционную организацию, созданную В. И. Лениным, — III, Коммунистический Интернационал и его секции — коммунистические партии, стоящие на позициях марксизма-ленинизма. Его усилия были направлены на то, чтобы в противовес Коминтерну создать свою организацию — «IV Интернационал» и национальные партии на троцкистской платформе.

Уже в 1930 году кучка троцкистов, собравшихся в Париже, объявила себя «международной левой оппозицией».

Условия объединения ренегатов различного толка Троцкий изложил в статье «О группировках коммунистических оппозиций», опубликованной в «Бюллетене оппозиции» (1929 г., № 1-2). Давая обоснование необходимости группировок внутри рабочего движения, Троцкий писал: «Идейные группировки в период застоя или отлива всегда обнаруживают большую склонность к дифференциации, к расчленению, к внутренней борьбе». Таким образом, он считал закономерным и даже необходимым существование в марксистских партиях оппозиционных оппортунистических группировок.

Добиваясь своей цели, Троцкий стремился изнутри разложить коммунистические партии и взамен их создать троцкистские. С помощью своих сторонников в других странах (многие из них уже были исключены из компартий как ренегаты) он хотел объединить под антиленинским знаменем троцкизма политически незрелую, неопытную молодежь и неграмотную, политически отсталую часть пролетариата. К такому методу прибегают и современные ренегаты, «левые» и

правые оппортунисты, которые также используют не искушенную в политике молодежь в борьбе с революционными силами внутри своих стран и на мировой арене.

В обстановке углубления мирового экономического кризиса, обострения классовых противоречий в капиталистических странах и между двумя системами — социалистической и капиталистической — троцкисты усилили подрывную деятельность, стремясь внести смятение в ряды рабочего класса, вызвать недоверие к тактике Коминтерна и расколоть революционные силы. Троцкисты направили свой удар против одной из старейших секций Коминтерна — Коммунистической партии Германии (КПГ). «Ультралевые» Р. Фишер, Урбанс, Кац, Маслов, Розенберг и другие «революционеры» фразы пытались создать в Германии параллельно КПГ партию под громким названием «Ленинбунд». Эта группка включила в себя самые беспринципные элементы, стоявшие на идейных позициях, близких к троцкизму. Отрицая роль Коммунистической партии как передового отряда рабочего класса, не веря в силы рабочего движения и пролетарскую революцию, они стремились подорвать влияние КПГ на трудящиеся массы и расколоть ее ряды.

Группа Р. Фишер — Маслова мешала партии выработать новую тактику борьбы в условиях частичной стабилизации капитализма и временного спада революционной волны, а в последующее время — в период начавшегося мирового экономического кризиса. На страницах своих печатных органов — газеты «Volkswille» («Воля народа») и журнала «Fahne des Kommunismus» («Знамя коммунизма») — немецкие троцкисты выступали против тактики единого фронта, проводили кампанию лжи и клеветы против СССР, ВКП(б) и Коминтерна. Оппортунисты добивались признания своей раскольнической группки в качестве самостоятельной политической партии и даже выступили со своим собственным списком на выборах в рейхстаг, но потерпели полное политическое банкротство. Несмотря на поддержку со стороны Троцкого, эта контрреволюционная организация быстро распалась.

Точно так же Троцкий пытался воспользоваться активизацией «ультралевой» группы в рядах Коммунистической партии Чехословакии, которая выступила с нападками на руководство ЦК КПЧ, обвиняя его в правом уклоне и даже в социал-фашизме. В письме (июль 1929 г.) к своим сторонникам в рядах КПЧ он рекомендовал «преподносить наши (троцкистские. — Авт.) взгляды под гримировкой», т. е. предлагал

проводить характерную для всех ренегатов тактику политического двурушничества. Он настоятельно требовал широко распространять антимарксистскую, антиленинскую литературу или, как он выражался, «документы интернациональной левой оппозиции», немедленно создать в Чехословакии троцкистский периодический печатный орган, усилить индивидуальную обработку своих сторонников, принять активное участие в создании оппозиционной интернациональной организации («IV Интернационала») и продолжать дискредитировать руководящее ядро ЦК КПЧ, стоящее на подлинно ленинских позициях.

В Австрии в защиту троцкизма также выступила маленькая группка ренегатов, исключенных из рядов Коммунистической партии. Они тщетно пытались доказать, что «троцкизм есть не что иное, как ортодоксальный марксизм-ленинизм». Они выступали со злобными нападками на СССР, ВКП(б), Коминтерн, руководство ЦК КП Австрии и особенно на Иоганна Копленига.

Обращаясь к французским троцкистам, издававшим еженедельный орган оппозиции «Vérité» («Правда») под редакцией А. Росмера, исключенного из коммунистической партии за анархо-синдикалистский уклон, Троцкий предложил объединить все разрозненные группки оппортунистов вокруг этого органа и создать внутри КПФ свою обособленную фракцию, с тем чтобы изнутри разложить Коммунистическую партию Франции. Троцкий требовал от своих сторонников во Франции усилить травлю руководства КПФ, стоящего на марксистско-ленинских позициях, дезинформировать французский рабочий класс о ходе социалистического строительства в СССР.

В Голландской коммунистической партии троцкисты искали сторонников среди таких ренегатов, как Роланд-Гольст и синдикалистские элементы из национального рабочего секретариата. Троцкисты сделали попытку произвести раскол и в Бельгийской коммунистической партии.

Троцкисты стремились укрепить свои позиции и на американском континенте. В письме к американским троцкистам (США) Троцкий выразил полное удовлетворение тем, что они начали издавать журнал. Он писал: «...очень радуюсь его боевому духу» — и рекомендовал открыть огонь по руководству КП США и начать кампанию против Уильяма Фостера.

Подобные директивные письма Троцкий рассылал своим сторонникам в Балканские, Скандинавские страны, в Испа-

нию, Португалию, в страны Латинской Америки. Но особый интерес Троцкий проявлял к своим сторонникам в рядах Коммунистической партии Китая.

Используя наступление реакции на революционные силы в Китае, Троцкий рекомендовал своим единомышленникам усилить фракционную, раскольническую борьбу в рядах КПК. Китайские троцкисты систематически информировали своего вождя и обращались к нему как к наиболее опытному ренегату, мастеру по организации расколов и сколачиванию антипартийных блоков, за практическими советами.

Отвечая на письмо, присланное китайскими троцкистами (22 ноября 1929 г.), Троцкий одобрил их раскольническую деятельность по проведению так называемой Всекитайской конференции оппозиции «большевик-ленинцев», т. е. троцкистов. На этой конференции была принята антиленинская, троцкистская платформа, в которой провозглашался троцкистский лозунг «Соединенные Штаты Азии» и намечалась ближайшая задача — созыв Учредительного собрания. Однако руководителям конференции было не ясно, кто же должен создавать Учредительное собрание. «Господствующий класс или народ должен создавать его?» — спрашивали они. Но Троцкий не дал четкого и ясного ответа, подчеркнув лишь, что Учредительное собрание должно стать для китайской оппозиции центральным лозунгом. Он поучал своих сторонников, что будущее правительство, выдвинутое победоносной революцией рабочих и крестьян, может быть только «чисто рабочее» правительство. Это означало, что китайская революция должна была перепрыгнуть через ликвидацию феодальной собственности на землю и проведение демократических преобразований во всех сферах жизни страны. Троцкий отрицал роль национальной буржуазии в революции и предлагал оппозиции отвергнуть выдвинутый КПК лозунг образования Советов.

Своим сторонникам Троцкий рекомендовал установить тесную связь с бывшим Генеральным секретарем ЦК КПК Чэн Ду-сю, открыто перешедшим на путь предательства и измены. В основу объединения с ним Троцкий предложил положить признание требования «Учредительного собрания» как центрального лозунга, отрицание демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, роли национальной буржуазии в предстоящей революции, возможности построения социализма в одной стране, т. е. полный переход на позиции троцкистской теории «перманентной революции».

Навязывая подобные установки, троцкисты сеяли иллюзию, будто бы революция в Китае уже переросла буржуазно-демократический этап и что Китай непосредственно стоит перед социалистической революцией.

Однако все старания Троцкого и его сторонников расколоть коммунистические партии, ослабить их влияние на революционное движение пролетариата и создать им в противовес параллельные троцкистские партии потерпели полный провал. Троцкистские группы не имели сколько-нибудь серьезного значения и политического влияния и в большинстве стран сошли на нет в течение короткого времени. Это произошло в результате того, что коммунистические партии и Коминтерн принимали радикальные меры и решительно очищали свои ряды от троцкистской агентуры.

В обстановке, когда коммунистические партии всех стран под руководством Коминтерна развернули борьбу за создание единого фронта, с тем чтобы преградить путь фашистам к власти, сохранить демократические права и сорвать усиленную подготовку империалистов к войне против СССР, Троцкий и его сторонники выступали с программой, которая была фактически на руку только силам фашизма. Троцкисты отвергали лозунг антифашистского фронта и обвиняли коммунистические партии и Коминтерн в «жажде коалиции с буржуазией», в «насаждении пацифистских иллюзий в массах». Троцкисты были за войну, поскольку она, по их мнению, является «матерью революции».

Сделав все, чтобы сорвать тактику создания антифашистского единого фронта, Троцкий после прихода Гитлера к власти обвинил Коммунистическую партию Германии и ее Центральный Комитет в том, что она якобы не выступила против фашизма. «Троцкий утверждал, — писал У. Фостер, — что будто бы Коммунистическая партия должна попытаться совершить революцию одна»¹. Это была установка на «лево-авантюристический путчизм, так как оппортунистические вожди немецкой социал-демократической партии уже раскололи к тому времени единство рабочего класса Германии и тем самым облегчили путь фашистов к власти.

Приход Гитлера к власти Троцкий рассматривал как средство быстрой развязки войны против СССР. Р. П. Датт писал: «После победы фашизма в Германии Троцкий подкре-

¹ Уильям З. Фостер. История трех Интернационалов. Госполитиздат, 1960, стр. 398.

пил свою позицию, направленную на насильственное свержение Советского правительства»¹.

Борьба испанского народа под руководством его коммунистической партии за Республику против фашизма со всей убедительностью показала, что троцкизм превратился в «пятую колонну» мировой реакции. Испанские троцкисты, которых возглавлял некий Андре Нин из полуанархистской так называемой Рабочей партии марксистского объединения (ПОУМ), выступая против Народного фронта, пытались убедить трудящиеся массы, что только они, поумовцы, превращают борьбу народа в пролетарскую революцию, тогда как коммунисты якобы отказываются от диктатуры пролетариата.

Стремясь развалить Народный фронт, троцкисты в течение всей войны вносили путаницу, дезорганизацию, панику, нарушали дисциплину, занимались провокацией и шпионажем в пользу фашистских мятежников, устраивали вооруженные выступления против Республики. Д. Ибаррури писала: «Первыми погибли от фашистских (анархистских. — Авт.) и троцкистских пуль товарищи, возглавлявшие партийную организацию Барселонского порта»².

Газета ПОУМа «Баталья» в тяжелые для испанского народа дни объектом своих нападок избрала не мятежных генералов Франко и Мола, не фашистскую Германию и Италию, а Советский Союз. О нем в троцкистской газете «Баталья» печаталась самая злобная ложь и клевета. «В результате политики Народного фронта Испания будет поделена между французскими и советскими империалистами...» — заявляли троцкисты.

В обстановке, когда человечество стояло на грани второй мировой войны, Троцкий приступил к объединению всех троцкистских ренегатов в международный блок. С этой целью в 1938 году в Париже была проведена конференция, в работе которой приняло участие 22 троцкиста. Эта конференция образовала так называемый «IV Интернационал», с печатным органом — журналом того же названия. Программный документ этой международной организации предателей интересов рабочего класса «Агония капитализма и задачи IV Интернационала» был написан Троцким. В этом манифесте больше говорилось о мнимой агонии социализма в СССР, чем о действительной агонии капитализма. Идейной основой нового

¹ Р. Палм Датт. Интернационал. Госполитиздат, 1962, стр. 252.

² Долорес Ибаррури. Единственный путь. М., 1962, стр. 418.

объединения оппортунистов явилась все та же троцкистско-меньшевистская теория «перманентной революции». В ее основе лежали: а) отрицание необходимости союза рабочего класса с крестьянством; б) субъективистская установка на перепрыгивание через буржуазно-демократический этап революции; в) капитулянтская оценка всякой национальной революции как бесперспективной при отсутствии общемировой или общеевропейской пролетарской революции; г) ставка на так называемую «революционную» войну, как единственное средство стимулирования мировой революции страной победившего уже пролетариата; д) отрицание возможности мирного сосуществования государств с различным социальным строем; е) проповедь невозможности построения социализма в одной стране.

Авторы троцкистского манифеста, подобно современным раскольникам-маонистам, обвиняли компартии в том, что они якобы «отказались от классовой борьбы» и стремятся оживить «гниющий труп капитализма». Они пытались изобразить ленинскую тактику единого фронта, решения VII конгресса Коминтерна как направление на то, чтобы увлечь рабочий класс на путь служения капитализму¹.

«„Народные фронты“, с одной стороны, фашизм — с другой, писал Троцкий еще в 1938 году, — являются последними политическими ресурсами империализма в борьбе против пролетарской революции». Руководствуясь этими установками своего шефа, испанские троцкисты объявили республиканское правительство буржуазным, требовали его свержения. Во Франции троцкисты вели подрывную работу против созданного в 1935 году по инициативе коммунистов Народного фронта. Во время второй мировой войны троцкисты призывали отказаться от участия в движении Сопротивления, требуя создать «самостоятельную организацию борьбы пролетариата». Некоторые из них пошли на службу в гитлеровские организации, оправдывая свое предательство «тактическими соображениями»².

Основная цель троцкистского «Интернационала» состояла в том, чтобы способствовать реакции развязать войну против СССР. Поражение Советского Союза — вот о чем мечтал Троцкий. «Можем ли мы, — писал Троцкий, — ожидать, что

¹ См.: Ленинизм и мировое революционное рабочее движение, стр. 283.

² См.: «Вопросы истории КПСС», 1969, № 11, стр. 128. Рецензия М. И. Васманова на книгу Лео Фигера «Троцкизм — это антиленинизм».

Советский Союз выйдет из предстоящей великой войны без поражения? На этот откровенно поставленный вопрос мы ответим так же откровенно. Если война останется только войной, поражение Советского Союза неизбежно. В техническом, экономическом и военном отношении империализм несравненно сильнее. Если он не будет парализован революцией на Западе, то он сметет социальный строй, рожденный Октябрьской революцией»¹.

Полная несостоятельность всех этих утверждений была опровергнута победой СССР над фашистской Германией и империалистической Японией. Не Советский Союз потерпел «неизбежное поражение», а фашизм, ударная сила мировой реакции, был наголову разгромлен Вооруженными Силами СССР.

Троцкий не только желал военного поражения Советского Союза, но и принимал все от него зависящие меры для организации шпионажа, подрывной деятельности, политических и идеологических диверсий против страны социализма. Троцкий хвастливо писал в «Бюллетене оппозиции», что в СССР существует и действует «пятая колонна». «IV Интернационал, — писал он, — уже имеет в СССР свою самую сильную, самую многочисленную и самую закаленную организацию». И действительно, многочисленные документы свидетельствуют, что на протяжении всех 1930-х годов Троцкий и его заграничные единомышленники пытались создать свою «пятую колонну» в СССР, использовали любые возможности для установления прямых контактов со всеми недовольными режимом Советской власти в нашей стране, в том числе и с некоторыми бывшими участниками троцкистской оппозиции. «Политика и организационная деятельность троцкизма и его сторонников в СССР, в рассматриваемый период, представляли собой контрреволюционный заговор, требовавший бдительности и принятия ответных мер со стороны органов государственной безопасности и революционного правосудия»², — пишет Р. П. Датт.

С началом второй мировой войны троцкисты продолжали стоять на позиции, объективно выгодной фашизму. В принятом «IV Интернационалом» манифесте говорилось, что он, т. е. IV, троцкистский «Интернационал», «с возмущением отвергает призывы помогать демократическим странам в борьбе

¹ См.: Р. Палм Датт. Интернационал, стр. 252.

² Там же, стр. 253.

против фашизма», что «лозунг патриотизма — фальшивый лозунг». С нападением фашистской Германии на Советский Союз троцкисты заявили, что война остается по своей природе империалистической, утверждали, что понятие «антифашистская борьба» — «обман» и «выдумка». Связывая с войной надежду на желательные для себя перемены в Советском Союзе, троцкисты распространяли листовки с клеветой на СССР, на цели и задачи Великой Отечественной войны. Они выступали против антигитлеровской коалиции, называя ее «актом», чуждым интересам русской и мировой революции (манифест 1943 г.), утверждали, что второй фронт «задержит революционную борьбу в Европе».

Таковыми выступлениями в годы войны троцкисты только еще больше скомпрометировали себя, на почве чего в самом руководстве «IV Интернационала» стали раздаваться голоса о «кризисе троцкизма». В результате длительных споров и междоусобиц в 1953 году «IV Интернационал» раскололся на несколько враждующих друг с другом групп. Одна из них, так называемый «Международный секретариат» во главе с Пабло, настаивает на внесении существенных коррективов в «учение» Троцкого, считая, что это усилит позицию троцкистов в борьбе с коммунизмом. Другая группа — «Международный комитет», возглавляемый Кэнном, — отстаивает «незыблемость» троцкистских идей. В 1961 году выделилась еще одна троцкистская группа — «Латиноамериканское бюро IV Интернационала».

При всей своей пестроте, разношерстности и противоречивости взглядов, у этих групп имеются общие позиции, которые характерны для всего современного троцкизма:

а) антимарксистские взгляды на современный мировой революционный процесс;

б) попытки не только приспособить довоенные оценки троцкизма к нынешним условиям, но и выступить с рядом новых антикоммунистических установок.

Современный троцкизм, как и довоенный, представляет собой пеструю смесь мелких, организационно рыхлых групп и группок, численность которых в большинстве стран Европы не превышает нескольких десятков членов. Это крайне экстремистские, «левые» на словах и антикоммунистически настроенные по существу, мелкобуржуазные интеллигенты, политические авантюристы и карьеристы, выброшенные из рядов коммунистических партий.

В своей борьбе с контрреволюционным троцкизмом коммунистические партии руководствовались и руководствуются

указанием В. И. Ленина, который еще в 1921 году советовал немецким коммунистам не создавать своей критикой рекламы высту­павшим с «левых» позиций так называемым ка-а-пистам и правому оппортунисту П. Леви. Имея в виду Леви, В. И. Ленин писал: «Не надо делать ему рекламы. Не надо позволять ему отвлекать внимание борющейся партии от важного на неважное. В случаях крайней необходимости полемизировать в еженедельных, ежемесячных журналах или брошюрах и, по возможности, не доставлять ка-а-пистам и Паулю Леви удовольствия, которое они испытывают, когда называют их по имени...»¹.

После второй мировой войны наряду с дальнейшим общим ослаблением позиций троцкизма произошло изменение в географическом размещении троцкистских группок. Потерю своего влияния в европейских странах троцкисты пытаются компенсировать проникновением в страны других континентов, и прежде всего в такие, где сохраняется почва для мелкобуржуазной идеологии и настроений мелкобуржуазного экстремизма. Троцкисты стремятся укрепить свои позиции в Латинской Америке. С этой целью они пытаются использовать тот факт, что в ряде латиноамериканских стран значительная часть рабочего класса распылена на мелких предприятиях, слабо организована, что там живучи настроения анархизма, сторонникам которого может импонировать и «ультрареволюционная» фраза троцкистов. Но и в странах Латинской Америки троцкистам не удалось сколотить сколько-нибудь крепкую организацию. Немногочисленные троцкистские группы существуют в США, Японии, Австралии, Канаде, на Цейлоне и в некоторых других странах.

В настоящее время «IV Интернационал» возлагает особые надежды на якобы имеющиеся у него «шансы в колониальных странах». Троцкисты рассчитывают на то, что, как они сами признаются, там «ни социалистические, ни коммунистические партии не пустили глубоких корней в движение масс». С этой новой ставкой современные троцкисты связывают все свое будущее, признавая, что если на практике (в организации и в действии) «IV Интернационал» не сможет выполнить задачу внедрения в колониальные страны, то он утратит всякую роль и «превратится в простого хранителя текстов Троцкого». На заседании «Международного секретариата» в 1960 году обсуждался в связи с этим вопрос: не должен ли «IV Интерна-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 95.

ционал» «перегруппировать свои силы», командировать в районы национально-освободительного движения своих представителей? Некоторые троцкисты предлагали даже перейти на систему «Интернационала, переезжающего с места на место» («Бюллетень секретариата», декабрь 1960 г., стр. 15). «IV Интернационал» ориентирует своих приверженцев на активные действия в Африке. Однако попытка троцкистов внедриться в африканские страны, создать там свои «секции» также терпит провал.

Развитие исторических событий наглядно показало беспочвенность троцкистских прогнозов относительно перспектив международного революционного движения. Полную несостоятельность обнаружила троцкистская теория «перманентной революции». Не сбылось «пророчество» Троцкого о неизбежности военного поражения СССР. Жизнь также отвергла троцкистскую капитулянтскую концепцию о невозможности сколько-нибудь серьезной национально-освободительной борьбы и о «нереальности» лозунга о праве угнетенных наций на самоопределение в условиях, когда еще сохранился империализм.

Ход мирового революционного процесса вновь блестяще подтвердил правильность ленинской теории социалистической революции и ее составной части — учения о возможности построения социализма в одной стране. Опыт СССР и других социалистических стран, воплотивших в жизнь ленинские идеи, показал силу ленинского предвидения.

Стремясь скрыть противоречие, в которое вступили троцкистские концепции с живой действительностью, «IV Интернационал», при всей его догматической приверженности к взглядам Троцкого, пытается внести в них некоторые коррективы. Состоявшийся в 1957 году V конгресс троцкистского «Интернационала» поставил задачу перед троцкистскими организациями лучше маскировать свои подрывные действия против международного коммунистического движения и социалистических стран и стараться «давать положительные ответы во всем комплексе на насущные в наше время вопросы».

Но в том-то и дело, что ни у троцкизма, ни у «IV Интернационала» никогда не было и нет никакой позитивной программы, а все выдвигаемые ими концепции преследуют только одну и ту же цель — оклеветать социалистический лагерь, опровергнуть стратегию и тактику международного коммунистического движения, посеять у трудящихся капиталистических стран и народов, ведущих борьбу за национальное освобождение

ние, недоверие к мировой социалистической системе и творческому марксизму. Троцкисты, чтобы как-то удержаться на политической арене, тщетно пытаются приспособиться к настроению тех экстремистских мелкобуржуазных элементов, которые готовы на словах осуждать капитализм, но вместе с тем не предпринимают реальных революционных действий, не имеют пролетарского понимания социализма и путей его достижения.

Троцкисты стремятся оклеветать теорию и практику социалистического и коммунистического строительства в СССР и странах народной демократии. Они клеветнически и бездоказательно утверждают, что интересы мировой социалистической системы вступили в конфликт с интересами рабочего движения капиталистических стран и национально-освободительного движения.

Большинство троцкистских групп теперь уже не решаются выступить с открытой пропагандой «революционной войны» (исключение составляют некоторые латиноамериканские троцкисты во главе с Посадосом, откровенно ратующие за «превентивную» ядерную войну против империализма и заявляющие, что «коммунистическое общество может быть создано за короткий срок на развалинах атомной войны»). Но от приглушенных по чисто тактическим соображениям установок на «революционную войну» «IV Интернационал» по существу не отказался. Не случайно поэтому он обвиняет социалистические страны в том, что они «не стимулируют революцию в других странах», уклоняются от «революционных (т. е. военных. — Авт.) потрясений» и т. д.

Троцкисты всегда понимали под революционной борьбой одни лишь вооруженные действия, отказываясь видеть в политике мирного сосуществования специфическую форму классово-борьбы, и объявляли, что «концепция мирного сосуществования разоружает коммунистическое движение», означает «утрату перспективы мировой революции», «консервирование сферы влияния», «сосуществование с врагом» («IV Интернационал», 1962, № 16, стр. 4). Это противопоставление идеи мирного сосуществования революционной борьбе объективно способствует усилиям империалистической пропаганды, стремящейся разъединить отдельные революционные потоки современности, внести разлад в ряды борцов против империализма, обвинить Советский Союз и коммунистическое рабочее движение в агрессивности.

Одновременно с попыткой опорочить политику мирного со-

существования троцкисты яростно нападают на установку международного коммунистического и рабочего движения о том, что наряду с немирным путем в определенных условиях возможен путь мирного развития революции.

Объективная роль современного троцкизма как прислужника монополистической буржуазии проявляется и в попытках «IV Интернационала» дискредитировать лозунг создания антимонополистического фронта. Он расценивается ими как преследующий цель притупления остроты классовой борьбы «в угоду классовому сотрудничеству».

В целях разобщения антимонополистического фронта, а также сужения классовых задач пролетариата современные троцкисты выступают против тезиса о борьбе за демократию как составной части борьбы за социализм. Ложно обвиняя коммунистические партии в стремлении ввести революционное движение в русло буржуазной демократии, троцкисты призывают трудящиеся массы, в том числе и коммунистов, «ни в коем случае не участвовать в избирательной парламентской борьбе». В странах, где уже сложились демократические традиции, троцкисты выступают под лозунгом: «Революции — да, выборам — нет». Этим они объективно лишь помогают буржуазии, обеспокоенной ростом влияния коммунистов среди широких избирательных масс в капиталистических странах. Выдвигая такую тактику, троцкисты, по существу, продолжают придерживаться формулы Троцкого, выдвинутой еще в 1923 году: «Все или ничего», которая всегда служила интересам буржуазии, а не революции. Проводя такую линию, троцкисты оказали, например, большую услугу реакции Чили во время выборов в парламент в 1964 году.

Игнорируя реальный рост стачечного движения в капиталистических странах в 1960-х годах, троцкисты заявляют, что якобы в условиях высокой экономической конъюнктуры широкий размах революционной борьбы вообще невозможен и что дело революции в капиталистических странах продвигается только в случае «катастрофического снижения жизненного уровня американского и западноевропейского рабочего класса, в результате крупных экономических кризисов» («Интернациональное социалистическое обозрение», 1963, № 4, стр. 123).

Таким образом, современные троцкисты упорно продолжают выступать с прежних позиций Троцкого: «Чем хуже, тем лучше» — и связывать возможность революции рабочего класса капиталистических стран исключительно с резким

ухудшением его материального положения. Как и прежде, эта установка троцкистов призвана насадить в рабочем классе настроения «революционного безделья», пассивности, выжидания экономических катастроф в странах капитала.

Отсюда — отсутствие у «IV Интернационала» какой-либо конкретной программы использования разнообразных форм и методов революционной борьбы рабочего класса капиталистических стран в современных условиях. Троцкисты призывают либо готовиться к каким-то «будущим немедленным действиям», либо руководствоваться лозунгом «Соединенные Штаты Европы», выдвинутым в свое время Троцким и разоблаченным В. И. Лениным как лозунг антимарксистский. При этом они сами вынуждены признать «неясность» этого лозунга и предлагают «наполнить его конкретным содержанием». Встречающиеся в некоторых заявлениях «IV Интернационала» призывы бороться за повышение заработной платы и сокращение рабочего дня носят случайный характер и предназначены лишь для того, чтобы хоть немного скрыть от рабочих всю бессодержательность троцкистской программы.

Вопреки своим прежним утверждениям, троцкисты перешли от фактического отрицания роли национально-освободительного движения к объявлению его «основной движущей силой мировой революции». Они заявляют сегодня, что на данном историческом этапе «основной центр революционного движения переместился на определенный период в колониальные страны», которые играют «главную роль в мировом революционном процессе» («IV Интернационал», 1963, № 12, стр. 48; № 19, стр. 23, 48).

Со свойственными им беспринципностью и абстрактным схематизмом троцкисты пытались на своем VI (1961 г.) конгрессе установить некую очередность совершения революции: «Процесс мировой революции развивается с периферии — колониальных и зависимых стран... затем — в капиталистических странах Европы и, скорее всего, в последнюю очередь в США» («IV Интернационал», 1961, № 12, стр. 70).

В связи с этой «теорией» троцкисты вынуждены даже менять свое традиционное отрицательное отношение к крестьянству. Продолжая сеять сомнения в возможности установления рабочим классом прочного союза с крестьянством в капиталистических странах, троцкисты в то же время говорят о крестьянстве стран, поднявшихся на национально-освободительную борьбу, как о «появившемся новом авангарде» и приписывают

ему «радикальную и решительную роль»¹. Эта оценка разделяется, впрочем, не всеми троцкистскими группами.

Современные троцкисты пытаются приспособить пресловутую теорию «перманентной революции» к своим установкам по национально-освободительному движению. Отвергая само понятие антиимпериалистической, антифеодальной революции, «IV Интернационал» призывает освободившиеся страны к социалистической революции, к «установлению власти трудящихся», т. е. диктатуры пролетариата. Народам, поднявшимся на национально-освободительную борьбу, навязывается установка, что «главный враг — это национальная буржуазия, а единственно возможный путь нанести поражение империализму состоит в устранении власти национальной буржуазии» («Интернациональные социалистические новости», 1962, № 4, стр. 111). В связи с этим троцкисты призывают к немедленно вооруженному восстанию, не признавая различия между странами, уже вставшими на путь самостоятельного развития и еще только борющимися за свое освобождение. Они заявляют, что в странах, получивших независимость, господствуют «неоколониалистские силы», которые «пришли к власти предательски», и обвиняют коммунистические партии этих стран в попытке приостановить развитие революции «на платформе буржуазной демократии».

«Ультралевые» по форме троцкистские установки объективно способны вызвать только притупление антиимпериалистической направленности национально-освободительных революций и по существу облегчают действия империалистических сил, пытающихся любыми средствами вызвать в странах, где происходит национально-освободительное движение, раздор, отвлечь народы этих стран от реально стоящих перед ними национальных, политических и экономических задач, чтобы тем самым сохранить империалистическое господство.

Сторонники «IV Интернационала» выдвигают также «теорию эпицентра» революции, согласно которой странами подлинного национально-освободительного движения могут быть признаны только такие, где начало говорить оружие и где ведется партизанская война.

Исходя из линии Троцкого, провозглашавшего необходимость подталкивания революции, и стремясь одновременно посеять среди участников национально-освободительного движе-

---

¹ См.: М. Басманов. О современном троцкизме и его подрывной деятельности. «Коммунист», 1969, № 7, стр. 106.

ния недоверие к мировой социалистической системе, и особенно к Советскому Союзу, современные троцкисты обвиняют СССР и другие страны социализма в том, что они якобы не принимают мер для развития национально-освободительных революций, «не ускоряют темп», «не стимулируют социалистическую революцию в колониальных и полуколониальных странах», т. е. не «экспортируют» революцию. «IV Интернационал» утверждает даже, что оказываемая социалистическими странами экономическая помощь молодым, независимым государствам идет на укрепление буржуазии. Троцкисты отказываются признавать, что мировая социалистическая система не только помогает поднявшимся на национально-освободительную борьбу странам порвать с империализмом, но и облегчает создание условий, которые позволили бы этим странам встать на путь некапиталистического развития.

Троцкистский «IV Интернационал» пытается столкнуть национально-освободительное движение и с рабочим классом развитых капиталистических стран, утверждая, что коммунистические партии этих стран якобы не оказывают поддержки народам, поднявшимся на национально-освободительную борьбу. Нетрудно понять, что такие утверждения направлены на то, чтобы изолировать освободительное движение, лишить его важнейшего союзника и оставить одиноким. Противопоставление национально-освободительной борьбы международному рабочему движению подрывает силы мирового антиимпериалистического фронта.

Нынешние троцкисты дают наглядный пример того, как «левая» по видимости фраза служит на деле интересам империалистической реакции. К их антимарксистской деятельности вполне применимы слова В. И. Ленина, высказанные им в 1914 году в адрес приверженцев Троцкого: «ругань бессильных группок, сердитых на свое бессилие»¹. Бессильная злорада, вытекающая из мелкобуржуазной сущности, идейной скудости и политической беспомощности «IV Интернационала», побуждает разношерстные троцкистские группки видеть главный смысл своего существования в проведении подрывной, раскольнической деятельности в международном рабочем, коммунистическом движении. Основным средством такой деятельности современные троцкисты избрали тактику Троцкого: замаскированно проникать в различные партии и массовые организации при внешнем проявлении лояльности и согласии с

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 179.

их целями и задачами, но тщательно утаивая свою принадлежность к троцкизму. В принятой в 1963 году резолюции говорилось, что троцкисты «должны проникать в крупные массовые организации, которые имеют национальный, политический и культурный характер. В той мере, насколько это возможно, они распространяют идеи и программу троцкистов среди членов этих организаций, стараясь склонить их на свои позиции» («IV Интернационал», 1963, № 19, стр. 29).

Троцкисты возвели двурушничество в свое «политическое кредо».

Для современного троцкизма характерна попытка вести подрывную деятельность дифференцированно, в зависимости от политической обстановки в тех или иных странах. В некоторых капиталистических странах троцкисты применяют глубоко законспирированные методы, тщательно маскируют свои группки и издаваемые ими органы, выдают их за «независимых». А в Канаде, Мексике и некоторых странах они даже распространяют анонимные бюллетени.

Особенно настойчиво троцкисты стремятся проникнуть в молодежные организации, с тем чтобы расколоть их единство. Так, в Англии троцкистам удалось расколоть лейбористскую организацию молодых социалистов и организовать троцкистскую молодежную группу под тем же названием. В Японии они откололи от «Всеяпонского союза автономной студенческой организации» часть ее членов и образовали троцкистскую организацию под названием «Революционная коммунистическая лига».

При проведении политики приспособления троцкисты стремятся внедриться прежде всего в такие партии и объединения, организационная рыхлость которых создает благоприятные условия для распространения троцкистами своих взглядов и вербовки приверженцев. В Англии, Австралии троцкисты избрали объектом своих интриг лейбористские партии, в Канаде, США — профессиональные союзы.

Тактика проникновения и приспособления ведется и в странах Африки и Латинской Америки, включающимися в антиимпериалистическую, антифеодальную борьбу. Только там троцкисты, не отказываясь от упомянутых выше приемов, действуют более откровенным и грубым методом, стремясь силой навязать свои рецепты, «как делать революцию». Подрывные действия «IV Интернационала» в Латинской Америке были охарактеризованы в выступлении Ф. Кастро на Гаванской конференции представителей трех континентов в январе

1966 года как преступление против революционного движения.

Особенно злобным нападкам современные троцкисты подвергают коммунистические и рабочие партии социалистических стран, и прежде всего КПСС. Вопреки очевидным фактам, они утверждают, что в этих странах нет и не может быть полной победы социализма, что эта победа произойдет лишь в результате «мировой революции».

Отрицая социалистический характер стран социалистического лагеря, троцкисты, как это делал в свое время и Троцкий, повторяют клевету правых социал-демократов, утверждая, что в этих странах происходит процесс «„деформации“», «„бюрократизации“» рабочих государств, что их опыт социалистического строительства не заслуживает использования другими народами»¹.

Троцкисты выступают как «пятая колонна» не только в непосредственных действиях «IV Интернационала», но и в той роли, которую отводит ему империалистическая пропаганда в борьбе против коммунизма. С тем чтобы притупить политическую бдительность и ввести в заблуждение широкие трудящиеся массы, буржуазная пропаганда стремится представить троцкизм как разновидность «марксизма», а Троцкого объявить ближайшим соратником В. И. Ленина.

Критикуя бредовые «теоретические» и политические установки Троцкого, буржуазная пропаганда пытается свалить ответственность за них на ленинизм, на коммунистов.

Усилившееся внимание к троцкизму со стороны буржуазной пропаганды отражает стремление империалистических кругов помешать укреплению единства международного рабочего движения.

Опасаясь быстрого роста влияния на умы трудящихся идей подлинного, революционного марксизма-ленинизма, империалисты стремятся подменить их вполне безопасными для буржуазии, несмотря на кажущуюся «ультралевизну», идеями Троцкого.

Разоблачая происки современных троцкистов, коммунистические партии вскрывают подоплеку организованной буржуазной прессой рекламной шумихи вокруг троцкизма, разъясняют, почему империалисты вкладывают столько энергии и средств в новые и новые попытки оживить троцкизм. Учиты-

---

¹ См.: М. Басманов. О современном троцкизме и его подрывной деятельности. «Коммунист», 1969, № 7, стр. 102.

вая, что издающаяся на Западе массовым тиражом буржуазная литература нередко попадает в руки политически неподготовленных читателей, коммунистические партии уделяют большое внимание освещению исторического опыта борьбы международного рабочего движения против троцкизма, показу контрреволюционного прошлого и настоящего троцкизма.

С начала 1960-х годов в связи с усилением в коммунистическом движении опасности «левого» оппортунизма «IV Интернационал» усиливает идеологические диверсии путем более широкого, чем прежде, распространения троцкистских материалов и завязывания контактов с «лево»-авантюристическими элементами в компартиях. Троцкисты публикуют одно заявление за другим, в которых выражается полная солидарность с антимарксистской линией маоистов и других «левых» оппортунистов. Более того, руководство «IV Интернационала» утверждает, что взгляды маоистов имеют полное сходство с той точкой зрения, которая была высказана в свое время Троцким.

О стремлении троцкистов объединиться с китайскими раскольниками и создать единый антикоммунистический фронт свидетельствует тот факт, что за пять лет после 1961 года троцкисты трижды собирались на конгрессы, в то время как за предшествующие 23 года существования «IV Интернационала» было создано всего пять конгрессов. Они в спешном порядке разрабатывали различные «программные» заявления по вопросам революции, войны и мира. Активизировались и отдельные троцкистские группки, старающиеся завязать контакты с «лево»-оппортунистическими элементами в компартиях. Перед троцкистскими «секциями» поставлена задача использовать «благоприятные обстоятельства» для «преодоления численной слабости IV Интернационала» («IV Интернационал», 1963, № 19, стр. 2) за счет «лево»-оппортунистических элементов в коммунистических партиях. Конгресс троцкистского «Интернационала» в 1961 году в специальной резолюции заявил, что разногласия в коммунистическом движении «открывают перед троцкизмом такие возможности действий, каких у него никогда не было».

Используя трудности в международном коммунистическом движении, троцкисты стремятся организационно укрепить свои ряды. С этой целью в 1963 году по инициативе американских троцкистов состоялся так называемый «Объединительный конгресс». Однако он не устранил раскол в «IV Интернационале». Сторонники Пабло образовали «меньшинство»,

выступившее против остальных троцкистов. В работе конгресса не приняли участия латиноамериканские троцкисты, которые поддерживают «Латиноамериканское бюро», а также часть английских, французских и японских троцкистов.

«Объединительный конгресс» принял специальную резолюцию «За быстрое объединение троцкистского международного движения». В ней отмечается, что позиция «левых» оппортунистов в компартиях «предопределяет важный этап реконструкции» современного троцкизма («IV Интернационал», 1963, № 19, стр. 8).

Искусственная гальванизация смердящего трупа троцкизма не сможет изменить его фактического положения как взглядов кучки отщепенцев, лишенных какой-либо опоры среди масс рабочего класса. Однако неустанное разоблачение современного троцкизма сохраняет свою актуальность. Не только в связи с его объективной ролью прислужника империалистической реакции, но также и потому, что троцкизм продолжает быть поставщиком различного рода экстремистских идей и оценок, которые при определенных условиях могут быть подхвачены и подхватываются для борьбы с коммунистическим движением с «ультралевых» позиций. Ведя борьбу против буржуазной идеологии и внимательно следя за всеми ее проявлениями, коммунистические партии разоблачают и происки современного троцкизма, который, как бы он ни был слаб, продолжает выступать в роли поставщика идеологического товара для антикоммунизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За время своего существования троцкизм эволюционировал от мелкобуржуазных колебаний, фракционной внутрипартийной борьбы и оппортунистического соглашательства до откровенной контрреволюционной деятельности против диктатуры пролетариата, против первой в мире страны социализма, против ленинской партии и ее политики, против мирового коммунистического движения и превратился в худшую разновидность антисоветизма и антикоммунизма.

XV съезд ВКП(б), подведший итог идейно-политическому и организационному разгрому троцкизма, в резолюции «Об оппозиции» на основе тщательного и всестороннего анализа всех материалов констатировал:

«1. Оппозиция в области идеологической от разногласий тактического характера перешла к разногласиям программно-характера, ревизуя взгляды Ленина и скатившись к позиции меньшевизма... вся эта идейная установка превратила троцкистскую оппозицию в орудие мелкобуржуазной демократии внутри СССР и во вспомогательный отряд международной социал-демократии за его пределами.

2. В области тактической оппозиция, усиливая и обостряя свою работу против партии, перешла за грань не только Устава партии, но и за грань советской легальности... Антисоветская тактика оппозиции, применяемая за границей, связанная с пропагандой клеветнических наветов против СССР, фактически поставила оппозицию в один ряд с открытыми врагами страны диктатуры пролетариата.

3. В области организационных вопросов оппозиция, опираясь на ревизию ленинских взглядов, от фракционности перешла к созданию своей собственной троцкистской партии... За границей троцкистская партия связалась не только с фракционными группками антиленинского толка, имеющимися внутри партий Коминтерна, но и с организациями, группами

и отдельными лицами, никогда к Коммунистическому Интернационалу не принадлежавшими, равно как и с исключенными из Коминтерна врагами и изменниками коммунистического движения... стала предметом широчайшей поддержки со стороны буржуазии всех стран»¹.

Более 40 лет прошло с тех пор, когда был написан этот документ. Жизнь полностью подтвердила объективность и правильность содержащейся в нем оценки троцкизма. Практика контрреволюционной деятельности троцкистов в последующие годы подтвердила также, что представляемое ими оппортунистическое направление выступает злейшим врагом интернационального рабочего и коммунистического движения.

Попытки Троцкого найти себе поддержку в лице представителей международного оппортунизма восходят еще к периоду, предшествовавшему первой русской революции. Выдворенный же за пределы Советского Союза, он подхватил анархистскую идею создания «IV Интернационала» в противовес III, Коммунистическому Интернационалу, который был создан В. И. Лениным.

С момента объявления об учреждении троцкистского «интернационала» нигде и никогда не было опубликовано сведений об общей численности вошедших в него оппортунистических организаций. Завещая свои архивы Гарвардскому университету, Троцкий поставил условием не публиковать секретные материалы, относящиеся к деятельности «IV Интернационала», до 1980 года. Одной из причин такой «конспирации», безусловно, является стремление стыдливо замаскировать малочисленность сторонников троцкизма, полнейшую оторванность от масс этой кучки отщепенцев.

Когда Троцкому удалось сколотить из разрозненных, не пользующихся никакой поддержкой масс оппортунистических групп одиннадцати стран «единый» антикоммунистический, антиленинский центр, он самонадеянно писал: «В течение ближайших десяти лет программа Четвертого Интернационала завоюет на свою сторону миллионы»².

С тех пор прошло не 10, не 20, а более 30 лет. История оппортунистических групп, примкнувших к «международному троцкистскому центру» в борьбе против творческого марксизма-ленинизма, представляет собой полосу непрерывной междоусобной вражды и склоки за преобладающее влияние в

¹ КПСС в резолюциях..., ч. II, стр. 488—489.

² См.: «Вопросы истории КПСС», 1965, № 12, стр. 50.

стане врагов коммунизма, а также из-за целей и тактики борьбы против ленинских коммунистических партий, прежде всего — против КПСС, ее внутренней и внешней политики.

Все эти годы «IV Интернационал» влачил самое жалкое существование, играя в истории лишь роль своеобразного бациллоносителя троцкизма. Только с конца 50-х — начала 60-х годов в ряде стран Европы, Азии и Латинской Америки вновь зашевелились недобитые группировки троцкистов, пытающихся различными «программами», «манифестами», «международными конгрессами» привлечь к себе внимание мировой общественности.

Характерно, что сегодня даже самые правочерные последователи Троцкого не имеют уже возможности полностью и безоговорочно принять на свое вооружение все его «теоретические» концепции. Так, например, перед лицом неопровержимой действительности они уже не решаются защищать его обанкротившийся тезис о невозможности построения социализма в СССР, провале политики коллективизации сельского хозяйства и неизбежности гибели Советской власти. Мало того, чтобы как-то реставрировать безнадежно скомпрометированный и безвозвратно похороненный авторитет своего духовного вождя, современные троцкисты тщатся доказать недоказуемое: они пытаются вопреки очевидным фактам представить Троцкого как... наиболее последовательного революционера-ленинца. Это им нужно, чтобы представить в извращенном свете политику Коммунистической партии Советского Союза после смерти В. И. Ленина, подорвать ее международный авторитет и неуклонно растущее влияние, свернуть пролетариат с единственно правильного пути к победе коммунизма, расколоть единство революционного рабочего движения.

Однако, подновляя троцкизм, приспособлявая его к современной обстановке, а иногда даже и отрекаясь от его выводов на словах, современные оппортунисты продолжают использовать в идеологической и политической борьбе против международного рабочего и коммунистического движения весь арсенал троцкистских средств: ложь и клевету, противоречащие основным принципам марксизма-ленинизма теоретические установки, лицемерную демагогию, беспринципность, политический авантюризм, «ультрареволюционную» фразу.

В наши дни нет и не может быть малейших оснований допустить мысль о способности к возрождению в сколь-либо значительных масштабах полностью обанкротившегося и безнадежно скомпрометировавшего себя троцкизма. Однако нельзя

закрывать глаза и на то, что троцкисты продолжают свои попытки подорвать единство антиимпериалистических сил, пользуясь тем, что во все усиливающуюся борьбу против реакции вовлекаются все более широкие непролетарские слои населения в разных странах. Не имея четкого представления о единственно правильном пути борьбы за мир, демократию и социализм, указанном Марксом и Лениным, выходцы из этих слоев нередко воздерживаются принять стратегию и тактику коммунистов, а иногда активно выступают против коммунистических партий с позиций, которые представляются им «левее левых».

Немаловажным обстоятельством, заставляющим всех подлинных марксистов-ленинцев держать постоянно порох сухим против рецидивов троцкизма, является и то, что откровенные апологеты буржуазии и официальные органы пропаганды в капиталистическом мире охотно взяли на себя роль популяризаторов Троцкого и его писаний, совершенно правильно видя в них квинтэссенцию антисоветизма и антикоммунизма.

И в этом смысле непримиримая борьба марксистов-ленинцев против раскольнической деятельности и идеологических диверсий неотроцкистов сохраняет свою актуальность и в наши дни. В Тезисах Центрального Комитета КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина» говорится:

«Коммунистическое движение развивалось и развивается в борьбе против реформизма, против всех видов оппортунизма, правого и «левого» ревизионизма.

Современный ревизионизм «усваивает» идеи различных антиленинских течений, которые в свое время потерпели крах в открытых схватках с марксизмом-ленинизмом, и с их помощью пытается проникать внутрь коммунистических партий с целью навязать им свою линию, используя проявления идейной незрелости и догматизма»¹.

Исторический опыт идейно-политического разгрома троцкизма большевистской ленинской партией оказывает неоценимую помощь всему международному рабочему и коммунистическому движению в деле разоблачения любых разновидностей оппортунизма в современных условиях. Вскрытые В. И. Лениным и ленинской партией мелкобуржуазные истоки антипролетарской идеологии троцкизма позволяют и сегодня безошибочно распознавать общую классовую сущность как откровенных оппортунистов справа, так и смыкающихся с

¹ «Коммунист», 1970, № 1, стр. 32.

ними неотроцкистов, прикрывающихся «левой» фразеологией. И поэтому современная борьба против остатков троцкизма в международном рабочем движении есть продолжение бескомпромиссной борьбы на два фронта против правых и «левых» оппортунистов.

Можно утверждать, что в современных условиях «левый» оппортунизм, обнаруживающий наиболее тесное идейное родство с троцкизмом, представляет собой наиболее опасную тенденцию внутри международного рабочего и коммунистического движения. Если откровенно правый оппортунизм находит поддержку главным образом у прямых апологетов буржуазии, то внешне «левые» призывы вызывают симпатии у некоторой части даже революционно настроенных трудящихся, крайне недовольных порядками буржуазно-капиталистической системы, но недостаточно политически зрелых, чтобы определить для себя верные пути к их ликвидации. Только этим объясняется известная поддержка троцкистских по существу лозунгов в ряде латиноамериканских стран, в Азии, Африке, в среде преимущественно студенческой молодежи наиболее развитых капиталистических стран Европы и Америки. Об этом говорилось в выступлениях многих делегатов международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 года в Москве.

Несмотря на общую оппортунистическую и оголтело антисоветскую сущность всех троцкистских группировок, им до сих пор не удалось и никогда не удастся добиться даже какого-то подобия организационного единства в своих собственных рядах. Троцкистский «IV Интернационал» представляет собой беспринципный конгломерат враждующих между собой горсток политических авантюристов и карьеристов. Каждая из них претендует на то, чтобы единолично представлять «IV Интернационал». Так существует «парижский секретариат IV Интернационала», возглавляемый французским троцкистом П. Франком, которого представители других троцкистских же группировок клеймят не без оснований беспринципным карьеристом. «Секретариат IV Интернационала» в Латинской Америке, во главе которого стоит троцкист Посадос, провозгласил, что только эта группка представляет «стоцентный троцкизм». В Лондоне имеется свой «международный» центр троцкизма, именующий себя «международным комитетом IV Интернационала» и ругающий остальных троцкистов ренегатами и узурпаторами. Нередко внутри одной страны существуют одновременно несколько

непримиримо враждующих между собой группировок троцкистов.

Точно так же, как и сам Троцкий, его современные последователи на словах демагогически утверждают, что они — сила, «левее всех левых», «революционнее всех революционеров». Они не перестают на каждом шагу клясться в своей последовательной «преданности» марксизму, охотно оперируют выхваченными из контекста, подтасованными и искаженными цитатами из произведений К. Маркса и В. И. Ленина, выдавая себя за единственно ортодоксальных марксистов. Все это рассчитано на улавливание в свои сети тех, кто в силу легковерия, политической неподготовленности или по неосторожности не сознает, что под прикрытием «левых» фраз троцкизм, как и прежде, скрывает свою мелкобуржуазную антиреволюционность.

Наиболее полное и яркое выражение троцкистских «левых» взглядов, несущих раскол в международное рабочее и коммунистическое движение, содержит в себе антимарксистская теория и политика маоизма. Мао Цзэ-дун и его приспешники не решаются откровенно назвать троцкизм своим идейным знаменем, даже время от времени отрекаются от него на словах. Но это не меняет существа дела. Антимарксистская сущность «особого курса» Мао обнаруживает полное тождество с троцкизмом по всем коренным вопросам идеологии и политики современного руководства КПК. Они характеризуются крайним субъективизмом, авантюризмом и волюнтаризмом. Мао Цзэ-дун и его группа подменяют марксистско-ленинскую диалектику псевдодиалектическим жонглированием догматическими формулами, что было свойственно и Троцкому. Точно так же извращая марксистско-ленинское учение о классах и классовой борьбе, как это делал Троцкий, маоисты отличаются от последнего только тем, что заменили троцкистскую недооценку роли крестьянства как вернейшего союзника рабочего класса преувеличением роли крестьянских масс вплоть до полного фактического отказа от идеи диктатуры пролетариата. Однако они тоже выступают с лживыми обвинениями в адрес КПСС, клеветнически утверждая, будто бы наша партия «отказалась от классовой борьбы», «ревизионистски» отстаивает классовый мир. Нынешние руководители КПК пытаются скомпрометировать на этом основании ленинскую политику мирного сосуществования стран двух различных систем, откровенно призывают к авантюристическому «форсированию мировой революции», как это делал Троцкий.

Близость с троцкизмом маоисты обнаруживают также в политике «закручивания гаек», в вопросе о роли профсоюзов, в заигрывании с молодежью, в крайностях «культурной революции»¹.

Разоблачение буржуазной сущности идеологии Мао и его оппортунистической линии на раскол рабочего движения носит сегодня характер продолжения борьбы с остатками и рецидивами троцкизма.

Не случайно в последние годы, когда активизировалась раскольническая деятельность китайских руководителей в мировом коммунистическом движении, в ряде стран «ультра-левые» и троцкистские враждебные марксизму-ленинизму фракционные группировки солидаризировались или даже организационно объединяются с маоистами. Их совместные усилия направлены на подрыв единого фронта борьбы с империализмом, на дискредитацию в глазах народных масс наиболее авторитетных отрядов международного коммунистического движения.

Реакционное содержание троцкистского оппортунизма и его раскольническая деятельность сближают его сторонников также и с правым крылом ревизионизма.

После своего XIX съезда Французская коммунистическая партия, демонстрируя высокую политическую закалку и теоретическую зрелость своих членов, ведет принципиальную бескомпромиссную борьбу за чистоту марксистско-ленинских взглядов против ревизионистов. Свою правооппортунистическую платформу противопоставил генеральной линии КПФ исключенный из партии Р. Гароди, полностью порвавший в последние годы с ленинизмом. Он выступает защитником буржуазной теории, фетишизирующей значение научно-технической революции и отрицающей классовую борьбу. Гароди отвергает историческое значение опыта развития стран, построивших или строящих социализм, не останавливается перед прямой клеветой на СССР и КПСС. Газета французских коммунистов «Юманите» совершенно справедливо доказывает, что главный удар Гароди направлен против принципа демократического централизма, на котором строится марксистско-ленинская партия. Таким образом, этот скатившийся вправо оппортунист смыкается с троцкизмом, отстаивавшим идею «свободной», «безбрежной» демократии, т. е. свободу

¹ См.: Антимарксистская сущность взглядов и политики Мао Цзэдуна. Сб. статей под ред. М. И. Сладковского. М., Политиздат, 1969.

фракций и группировок, препятствующих единству рабочего класса¹.

Идейное родство правых оппортунистов с троцкизмом обнаруживается также, например, в книге чехословацкого историка М. Реймана «Русская революция», вышедшей в канун 50-летия Октября и выражающей взгляды правооппортунистической оппозиции, приведшей ЧССР к трагическим событиям 1968 года. Автор делает попытку исказить историю Октябрьской социалистической революции в России, принизить ее всемирно-историческое значение, показать в ложном свете роль русского рабочего класса и его ленинской партии, всячески выпятив роль Троцкого². С троцкистских позиций правые оппортунисты в Чехословакии отвергали опыт построения социализма в СССР, руководящую роль партии своей страны в осуществлении диктатуры пролетариата и построении социализма, совсем как Троцкий, под демагогическими лозунгами «либерализации» требовали свободы фракций и группировок, тем самым только расчищая путь для контрреволюционных антисоциалистических сил внутренней и иностранной буржуазии, предпринявшей попытку реставрировать капитализм.

К реабилитации Троцкого и троцкизма стремится исключенный из КП Австрии откровенный правый ревизионист Э. Фишер. П. Вайс, также являющийся сторонником праворевизионистских взглядов, выступил со своего рода антисоветским, антикоммунистическим памфлетом-пьесой «Троцкий в изгнании». Эта пьеса, поднимающая на щит Троцкого, широко используется буржуазной пропагандой, не брезгающей никакими средствами в борьбе против революционеров. Исключенная из КП Италии фракционная группа «Манифесто» также пыталась объединить в своей антисоветской платформе откровенный правый ревизионизм и «левый» оппортунизм полутроцкистского толка.

Значительным вкладом в дело укрепления сплоченности коммунистического движения на принципах марксизма-ленинизма явилось Московское Совещание коммунистических и рабочих партий 1969 года. На совещании были определены основные пути усиления этой сплоченности: достижение единства действий компартий в борьбе за общие цели, против общего врага; правильное сочетание национальных и интер-

---

¹ См.: «Правда», 15 января 1970 г.

² См.: Борьба партии большевиков против троцкизма, стр. 283—284.

национальных задач; уважение самостоятельности и равноправия партий, невмешательство в их внутренние дела; творческое отношение к развитию марксистско-ленинской теории, верность ее революционному духу; бескомпромиссная борьба против правого и «левого» ревизионизма.

Руководствуясь решениями Московского Совецания, коммунистические и рабочие партии наносят новые удары по всем разновидностям правого и «левого» ревизионизма. В процессе этой борьбы укрепляется единство международного коммунистического движения. Празднование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина — беспрецедентная в истории по своему размаху манифестация единения антиимпериалистических сил вокруг знамени ленинизма — стало новым подтверждением нерушимости этого единства, убедительным свидетельством беспочвенности клеветнических выдумок ревизионистских и буржуазных идеологов о «кризисе» мирового коммунизма. Сотни миллионов людей, народы десятков стран торжественно отметили эту знаменательную дату. На всех континентах еще больше возрос авторитет коммунистических и рабочих партий.

Знамя идей марксизма-ленинизма, высоко поднятое над землей революционным авангардом мирового пролетариата, зовет трудящихся всех стран к новым победам в борьбе за социализм и демократию. «Ленинские идеи, ленинская политическая закалка, ленинская наука побеждают, — говорил в своем докладе «Дело Ленина живет и побеждает» Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — вот тот неиссякаемый источник, из которого мы черпаем уверенность в своих силах, мужество и оптимизм, волю к победе».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Две непримиримые идеологии	17
1. Марксизм-ленинизм — научное выражение идеологии пролетариата	17
2. Непримируемость к буржуазной и мелкобуржуазной идеологии — закон жизни марксистско-ленинских партий	31
✓ 3. Мелкобуржуазная природа троцкизма	47
Глава II. Борьба В. И. Ленина против троцкизма за большевистскую партийность	58
1. Создание марксистско-ленинской партии в России — сокрушительный удар по оппортунизму	58
2. В. И. Ленин против интриганской, раскольнической деятельности Троцкого	73
Глава III. Разоблачение В. И. Лениным троцкистской концепции революции	111
1. Ленинское учение о перерастании демократической революции в социалистическую	111
2. Разоблачение В. И. Лениным троцкистской теории «перманентной революции»	130
3. Обоснование В. И. Лениным общих закономерностей развития революции в эпоху империализма	158
Глава IV. Крах троцкистских попыток сорвать победу социалистической революции	210
1. Победа Великого Октября — торжество ленинской концепции революции	210
2. Ленинский курс внешней и внутренней политики пролетарского государства и банкротство авантюристических установок Троцкого	262

3. Ленинский план построения социализма в СССР — платформа сплочения партии в борьбе против троцкизма	310
4. Победа ленинской линии в общепартийной дискуссии 1923 года	335

Глава V. Партия — организатор защиты ленинизма от троцкистской ревизи . . . . . 368 ✓

1. Борьба против троцкистской ревизи ленинизма в 1924 году	368
2. Защита ленинского положения о возможности построения социализма в СССР	385
3. Разоблачение партией зиновьевско-каменевской разновидности троцкизма	399

Глава VI. Завершение идейно-политического и организационного разгрома троцкизма . . . . . 416 ✓

1. Решительные меры партии против троцкистско-зиновьевских раскольников	416
2. Теоретическая и политическая несостоятельность меньшевистской платформы оппозиционного блока	432
3. Окончательный крах троцкистско-зиновьевского блока	449
4. Полная и окончательная победа социализма в СССР — яркое подтверждение правоты ленинской партии в идейном споре с троцкизмом	458 ✓

Глава VII. Троцкизм на службе мирового антикоммунизма . 468

Заключение	493
-----------------------------	-----

**Всеволод Михайлович Иванов,
Анатолий Николаевич Шмелев**

**„ЛЕНИНИЗМ
И ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
РАЗГРОМ ТРОЦКИЗМА“**

**Редактор В. И. Кручина-Богданов
Художник Б. Н. Осенчаков
Художник-редактор О. И. Масляков
Технический редактор А. И. Сергеева
Корректор А. А. Милитаури**

**Сдано в набор 23/IV 1970 г. Подписано в печать 8/X 1970 г.
Формат 60×84^{1/4}. Бум. тип. № 1. Усл. печ. л. 29,3
Уч.-изд. л. 30,5. Тираж 25 000 экз. М-14333. Заказ № 616/л**

**Ленинздат, Ленинград, Фонтанка, 59
Типография имени Володарского Ленинздата, Фонтанка, 57**

Цена 1 р. 18 к.